

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

LSOC
3985
151 (44)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

#2 3571

I. Имущество произв
(основные

- 1. Здания и сооруже
- 2. Силовые установки
- 1. Техническ. оборудов
аппар).
- 4. Инструменты.
- 5. Инвентарь (кроме т
- 6. Транспорт.
- 7. Прочее.

I. И. щество производ. н
(основные фонды

- 1. Здания и сооружения.
- 2. Силовые установки и мол.
- 1. Техническ. оборудование
аппар).
- 4. Инструменты.
- 5. Инвентарь (кроме трансп.
- 6. Транспорт.
- 7. Прочее.

3571

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМЪ Сорокъ Четвертый

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго

24316

~~ПОДАШЕНО~~

1935 г.
Поварено

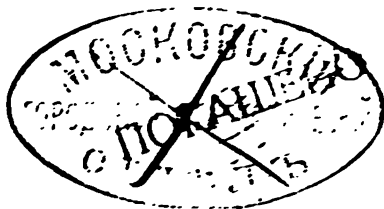
Московского
Публичной
Библиотеки
ПОДАШЕНО

ОДЕССА

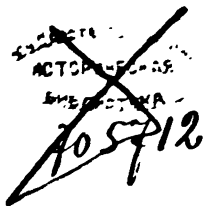
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный переулокъ, домъ № 3-й

1886

L
Л 300 3985-151 (44)
✓

Исчислено по распоряжению Президиума Императорского Новороссийского университета
Ректоръ С. Н. Промысла.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
I. Часть официальная.	
Никаноръ, еписк. херс. и одес. — О положеніи и долгахъ учителя въры	3—13.
Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго новороссійскаго университета въ 1884—85 учебномъ году	15—51.
Нудрявцевъ А., прот., пр. и. н. ун. — Нищенство, какъ предметъ попеченія церкви, общества и государства	53—141.
Delectus Seminum in Horto Botanico Universitatis Cæsareæ Novæ Rossiæ anno 1885 collectorum.	143—158.
II. Часть ученая.	
Чимовъ Н. Е., э.-о. пр. и. н. ун. — Матеріалы къ исторіи системы права (энциклопедіи права)	1—139.
Прендель Р. А., пр.-доц. и. н. ун. — Обь электрическихъ явленіяхъ въ кристаллахъ	141—154.
Марковичъ А. И., маг. и. н. ун. — О русскихъ гѣтонисяхъ	155—210.
Тимченко И. Ю., канд. и. н. ун. — Опрежденіе азимута Покровской церкви на одесской астрономической обсерваторіи (съ 10 таблицами).	211—221.
Клоссовскій А. В., э.-о. пр. и. н. ун. — Образование грозъ на югѣ Россіи (съ 4 картами)	223—258.
Гротъ Н. Я., о. пр. и. н. ун. — О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ	259—354.

Объявленіе Н. И. Зуева: «Карта Балканскаго полуострова».

I. Часть офіціальная.

30-го Августа, въ день храмоваго праздника и годичнаго торжественнаго собранія ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго университета, въ университетской церкви божественную литургію совершалъ преосвященный Никаноръ, епископъ Херсонскій и Одесскій. Его Преосвященство обратился къ собравшимся съ поученіемъ, вслѣдъ за симъ помѣщаемымъ: «О положеніи и долгѣ учителя вѣры». Послѣ литургіи отслуженъ молебенъ св. благовѣрному князю Александру Невскому съ провозглашеніемъ многолѣтня Августѣйшему Покровителю университета ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, вѣчной памяти Основателю университета, въ Бозѣ почившему ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II. Затѣмъ, въ 1 часъ по полудни, въ актовомъ залѣ происходило торжественное собраніе, на которомъ секретаремъ Совѣта прочтенъ былъ отчетъ о состояніи и дѣятельности университета за истекшій 1884—85 академическій годъ, а профессоромъ Богословія Кудрянцевымъ произнесена рѣчь, подъ заглавіемъ: «Нищенство, какъ предметъ попеченія церкви, общества и государства».

О положеніи и долгѣ учителя вѣры.

Епископа Херсонскаго и Одесскаго, просвѣщеннаго Пикапора.

Слышавше же воскресеніе мерт-
выхъ, овѣи убо ругахуся; овѣи же
рѣша: да слышимъ тя наки о семъ
И тако Павелъ изыде отъ среды ихъ
(Дѣян. 17, 32—33).

Слово о положеніи и прямомъ долгѣ учителя слова Божія среди современнаго, особенно же образованнаго общества. Повторимъ одну старую, впрочемъ, вѣчно юную исторію о проповѣди св. апостола Павла въ Аѣинахъ и въ аѣинскомъ ареопагѣ.

Совершая одно, именно третье по счету, изъ своихъ апостольскихъ путешествій, великій апостолъ языковъ долженъ былъ посѣтить и Аѣины. Аѣины, нѣкогда метрополія, по нашему столица самой славной изъ республикъ древней поэтической Эллады, въ эту пору покоренная грознымъ Римомъ, оставалась пока столицею просвѣщенія и какъ бы главнымъ святымъ городомъ для всего тогдашняго языческаго міра. Тамъ была колыбель, тамъ главное пристанище эллинскаго многобожія, воспѣтаго поэтами, прославленнаго философами и ораторами, огражденнаго древними законами, жреческими учрежденіями, привычною привязанностію всего эллинскаго, да и другихъ народовъ, и водвореннаго въ самыхъ великолѣпныхъ, художественныхъ и дорогихъ языческому сердцу храмахъ и другихъ святилищахъ. Тамъ родились, процвѣли и теперь доцвѣтали всѣ философскія школы, надъ которыми въ это время господствовали школы стоическая, эпикурейская и нео-платоническая (сн

послѣдняя имѣла однакоже главное сѣдалище въ Александріи). А во дни оны тамъ въ Аѳинахъ водворялась академія Платона, по аѳинскимъ площадямъ спорили софисты, рассказывали перипатетикъ Аристотеля; тамъ Діогенъ ходилъ съ своимъ фонаремъ, ища челоуѣка, качался въ своей бочкѣ, подсмѣиваясь надъ самимъ Александромъ Македонскимъ. Сюда стекалась вся мудрость языческая или доучиваться, или подѣлиться съ другими, или просто другихъ посмотреть и себя показать. Въ этой порѣ въ Аѳины проникло уже немало и іудеевъ, вѣроятно, болѣе образованныхъ среди образованнѣйшаго эллинскаго общества. Іудеи имѣли здѣсь уже и прозелитовъ, ново-обращенныхъ изъ язычества, которые, увѣдавъ еврейскую вѣру во единого высочайшаго Бога, принимали ее однакоже не вполнѣ, не со всеми обязательствами ея обрядовой стороны, а только въ главной догматической части, обращаясь отъ явно неразумнаго многобожія къ единому истинному Богу, почему и носили прозвище—читателей Бога.

Сюда-то прибылъ апостолъ Павелъ и возмущался духомъ при видѣ этого города, полнаго идоловъ и капищъ. Начиная всюду свою проповѣдь съ родичей своихъ іудеевъ, апостолъ и въ Аѳинахъ началъ съ посѣщенія синагоги и съ разсужденій съ іудеями и іудейскими прозелитами, чтущими единого Бога. А затѣмъ выступилъ и на аѳинскія площади, ежедневно разсуждая съ встрѣчающимися людьми. Въ Аѳинахъ искони вся общественная жизнь кипѣла на площадяхъ: тамъ философы учили, тамъ Сократъ преподавалъ посмѣянію пресловутыхъ софистовъ, тамъ ораторы произносили рѣчи, судіи судили; народъ, слушая своихъ правителей и судей, произносилъ тамъ же свои верховныя рѣшенія по общественнымъ дѣламъ и приговоры смерти или остракизма. Сюда-то выступилъ съ проповѣдію и апостолъ Христовъ. За разными встрѣчными замѣтили этого чужестраннаго и страннаго учителя и философы, стояки и эпикурейцы, и удостонли конечно не поучиться у него, а только поспорить съ нимъ. Видя, что этотъ ново-явленный учитель осмѣливается даже спорить съ философами, одни говорили: что хочетъ сказать этотъ суесловъ? Кто же могъ, по мнѣнію аѳинянь, сказать что либо болѣе умное, чѣмъ философы, эпикурейцы и стояки? Поэтому всякій, кто осмѣливался оспаривать философовъ, долженъ быть не иной кто, какъ суесловъ. А другіе, поверхностно вслушиваясь въ его рѣчи, пренебрежительно замѣчали, что онъ,

кажется, проповѣдуетъ о чужихъ божествахъ; потому что Павелъ благоговѣствовалъ имъ Иисуса и воскресеніе мертвыхъ.

И вотъ, взявъ Павла, повели въ ареопагъ. Ареопагъ—это было высшее собраніе именитѣйшихъ аеинянъ. Въ старые годы, когда аеинская республика была независимою, ареопагъ былъ высшее судилище, въ которомъ засѣдали самые именитые и мудрые изъ аеинянъ, изреченая приговоры о важнѣйшихъ общественныхъ дѣлахъ. Теперь же, когда всякая политическая власть у аеинянъ была отнята, ареопагъ оставался старою почтенною формою, изъ которой дѣйствительная сила отлетѣла,—стариннымъ почтеннымъ собраніемъ обезсиленныхъ величій, которыя занимались всего больше разговорами о новостяхъ дня. Должно быть, болѣе именитые изъ аеинянъ, которымъ проталкиваться сквозь толпу къ Павлу на площадяхъ было неумѣстно, приведши его въ главное мѣсто своего собранія, въ ареопагъ, говорятъ: можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, которое ты проповѣдуешь? Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. Посему желательно знать, что это такое?—Вопросъ свой предлагаютъ они не серьезно, — не въ томъ серьезномъ смыслѣ, что они хотѣли бы вникнуть въ новое ученіе Павлово, взвѣсить его основательность и покориться истинѣ. Причина ихъ вопроса была даже не любознательность, а только самое обыденное любопытство—выслушать новость. Ибо аеиняне все и живущіе у нихъ иностранцы,—замѣчаетъ священникъ Дѣписатель,—ничѣмъ инымъ не занимались, какъ только тѣмъ, чтобы сказать или выслушать что либо новое.

И, ставъ Павелъ среди ареопага, въ лицѣ котораго предсѣдала здѣсь вся препрославленная мудрость древняго языческаго міра, сказалъ..... Все, что вышло изъ устъ и изъ подъ пера великаго апостола, носитъ на себѣ печать не только богосвѣщеннаго, но кромѣ того печать и образованнаго, и глубокомысленнѣйшаго ума. А рѣчь, произнесенная въ аеинскомъ ареопагѣ, была цвѣтомъ на величавомъ древнѣй мысли и слова самого апостола. Эта рѣчь во всѣхъ отношеніяхъ, и какъ произведеніе мудрости богосвѣщенной и естественной, и какъ плодъ ораторскаго искусства, есть нѣчто высочайшее. Христосъ Спаситель говорилъ апостоламъ, что когда поведутъ васъ къ царямъ и владыкамъ и на соборѣща ихъ, вашихъ враговъ, вы не пугаетесь, како или что отвѣщаете или что возлагаете:

даться бо ся вамъ въ той часъ, что возляжете. Не вы бо будете малолющии, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ (Матѣ. 10, 19—20). Безъ сомнѣнiя, когда апостола Павла вели въ ареопагъ, онъ не готовилъ свою рѣчь; она вдохнута была ему Духомъ Божиимъ. Тѣмъ не менѣе, или вѣрнѣе — повтому самому она вылилась изъ души апостола какъ-разъ въ такомъ видѣ, въ какомъ могла быть наиболее умѣстною именно въ собранiи аеинскихъ мудрецовъ. Она представляетъ въ себѣ рѣчь наиболее художественную, какъ по глубочайшему, философско-христіанскому содержанiю, такъ и по образцовой ораторской формѣ. И трудно передать ее со всѣми ораторскими оттѣнками, съ какими вылилась она на языкѣ древнихъ аеинянъ, на эллинскомъ языкѣ. Святой апостолъ начинаетъ ораторскимъ приѣмомъ, располагая своихъ слушателей къ благосклонности, почему и говоритъ имъ сперва мягкія слова, но съ тѣмъ, чтобы сряду же высказать имъ и горькую правду.

Павелъ начинаетъ: «Аеиняне! По всему вижу я, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо, проходя по граду вашему и осматривая ваши святыни, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому Богу»....

Уже три—четыре вѣка назадъ греческіе философы пришли къ выводу, что старинная эллинская религія есть собраніе старинныхъ сказанiй, которыя не имѣютъ никакой достовѣрности, а часто и добраго похвальнаго смысла; что идолы—не боги; что признаваемые эллинами боги не существовали и не существуютъ въ томъ видѣ, въ какомъ изображались народными мiевами, а что надъ всѣми богами существуетъ Богъ высочайшій, котораго никто не только не знаетъ, но и знать не можетъ,—*Богъ невѣдомый*. Сему-то невѣдомому Богу аеиняне и поставили жертвенникъ; хотя при этомъ въ философскомъ смыслѣ разумѣли Его только образованнѣйшіе эллины. Для простыхъ же аеинянъ этотъ богъ былъ одинъ изъ множества боговъ, такихъ же ограниченныхъ и несовершенныхъ, какъ и другіе эллинскіе боги, только неизвѣстный имъ. Такъ чтобы и этого неизвѣстнаго имъ бога не обдѣлить своимъ почитанiемъ, Аеиняне и ему поставили жертвенникъ. Что же касается апостола, то, приспособляясь къ понятiямъ слушателей, Павелъ разумѣетъ сего бога въ обоихъ смыслахъ, какъ въ философскомъ, такъ и въ обще-народномъ, однакоже возводитъ своихъ слушателей къ

совершеннѣйшему понятію о Богѣ, какъ существѣ высочайшемъ и непостижимомъ.

«Сего-то Бога, котораго вы, не вѣдая, чтите, я и проповѣдую вамъ»,—продолжаетъ св. апостолъ,—не чужаго Бога, а вашего, вами самими почитаемаго, котораго вы не вѣдаете, однакоже явно вѣдать желаете. «Сей Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи господомъ неба и земли», о чемъ вы и сами догадываетесь, хотя и не отваживаетесь исповѣдать, — «сей Богъ живетъ не въ рукотворенныхъ храмахъ», которые составляютъ гордость и славу Аѳинъ,—«и не требуетъ сей Богъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ либо нужду», въ родѣ вашихъ жертвоприношеній, и возліяній, и куреній, «самъ даруя всему жизнь, дыханіе и все. Онъ произвелъ весь родъ человѣческій отъ единой крови, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы обитанію ихъ», такъ что каждый народъ долженъ жить на землѣ тамъ и столько, гдѣ и сколько предопредѣлилъ Богъ, — дабы народы, въ назначенныхъ предѣлахъ и періодахъ своего существованія, «искали Бога, не осяжутъ ли Его и не найдутъ ли, хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ. Ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ, какъ и въкоторыя изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: «мы Его и родъ»».

Такимъ образомъ, опершись не только на обще-человѣческій смыслъ, на врожденную идею о Существѣ высочайшемъ, но и на понятіе о Немъ даже эллинскихъ поэтовъ-мудрецовъ, которые, отчасти постигая Бога высочайшаго, а человѣка представляя высшимъ изъ сотворенныхъ существъ, понимали, что мы произошли отъ Бога, даже порождены Богомъ, — на этомъ основаніи св. апостолъ приступаетъ теперь къ отважному слову о нелѣпости эллинскаго идолопоклонства, вообще о суетности языческой религіи.

«Итакъ, будучи родомъ Божиимъ», продолжаетъ апостолъ, «не должны мы думать, что божество подобно золоту, которое ниже насъ и не сродно намъ, или серебру или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго». Что это за божество, которое мы выдѣлываемъ изъ грубыхъ веществъ собственнымъ искусствомъ и вымысломъ? Такія низкія понятія о божествѣ возросли и держались во времена человѣческаго

невѣдѣнія. Нынѣ же, когда всякій понимаетъ тщету прежней неизменной религіи, «нынѣ оставляя, презирая, прощая времена невѣдѣнія, Богъ повелѣваетъ людямъ всѣмъ всюду покаяться. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную чрезъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, подавъ о Немъ, о Его божественномъ посланничествѣ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ».

Конецъ рѣчи св. апостола. Въ этихъ немногихъ, но возвышеннѣйшихъ, боговдохновенныхъ словахъ, св. апостолъ Павелъ изложилъ всю сущность ученія о религіи какъ языческой, такъ и христіанской; а сопоставивъ ихъ рядомъ, показалъ всю нелѣпость идолопоклонства, какъ и истинно божественное происхожденіе христіанства. Божественность христіанства онъ указываетъ съ одной стороны въ недосыгаемой высотѣ и чистотѣ христіанскаго ученія о Существовѣ высочайшемъ, о близости къ Богу человѣческой природы, порожденной самимъ Божествомъ, какъ и о паденіи человѣка, объ упадкѣ его смысла до того, что онъ вообразилъ было божествами собственные издѣлія своихъ рукъ, своего искусства и вымысла изъ низкихъ веществъ,—а съ другой стороны указываетъ въ знаменіяхъ и чудесахъ, которыми подтверждено божественное посольство Іисуса Христа, особенно же въ поразительнѣйшемъ и достовѣрнѣйшемъ изъ чудесъ, именно въ воскресеніи Основателя нашей вѣры изъ мертвыхъ,— и въ воскресеніи, засвидѣтельствованномъ многими очевидцами Воскресшаго, числомъ болѣе 500 братьевъ, изъ коихъ многіе къ этой порѣ уже и почли сномъ смерти, а многіе оставались еще въ живыхъ, о чемъ апостолъ Павелъ въ эту же пору писалъ къ сосѣдямъ аеинянамъ—коринѳянамъ. Однимъ словомъ, съ научно-богословской точки зрѣнія это такая въ краткихъ словахъ многосодержательная рѣчь, что изъ нея можно бы извлечь цѣлую богословскую систему. И все это изречено въ художественнѣйшей формѣ, по всѣмъ приѣмамъ ораторскаго искусства: сначала апостолъ какъ бы благорасполагаетъ аеиняны; хвалитъ въ нихъ достойное похвалы, именно ихъ набожность, кидаящуюся въ глаза, выражающуюся въ благолѣпныхъ чтилищахъ, въ великолѣпныхъ храмахъ. А затѣмъ выражаетъ сожалѣніе, что ихъ религіозность такъ жалко направлена. Далѣе, всему аеинскому ареопагу, сему высшему собранію блюстителей народныхъ обычаевъ, религіозныхъ уставовъ

и законовъ отечественныхъ, прямо предъ глаза выставилъ всю неразумность и низость язычества, и сравнительно съ нимъ всю недостижимо-божественную высоту христіанства; въ заключеніе же строго именемъ Бога высочайшаго требуетъ отъ этихъ отцовъ отечества не только покаянія въ заблужденіяхъ, но и отверженія исконной отечественной вѣры и рѣшительнаго обращенія къ вѣрѣ новой, указывая имъ грознаго Судію вселенной въ лицѣ Іисуса Христа, котораго божественность завидѣтельствовалъ самъ Богъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ,—чудомъ, почти неслышаннымъ отъ начала міра.

Какіе же плоды принесла эта возвышеннѣйшая рѣчь величайшаго изъ учителей христіанства, изъ ораторовъ всего міра? По видимому, самые незначительные.

Раздражался въ душѣ зрѣлищемъ этой столицы языческихъ религіи и образованія, Павелъ нѣсколько дней состязается съ іудеями, ихъ прозелитами и со многими изъ встрѣчавшихся; не видно, чтобы кто изъ нихъ обратился. Состязается съ нѣкоторыми изъ философовъ стоическихъ и эпикурейскихъ,—гдѣ же философамъ сознать свои заблужденія?! Многодневными своими бесѣдами со всѣмъ этимъ народомъ заслуживаетъ прозвище—суеслова: онъ, апостоль Павелъ, суесловъ! Умнѣйшіе изъ афинянъ видятъ въ немъ только любопытное, да и странное зрѣлище, потому что онъ, кажется, дѣлаетъ безнадежное дѣло, проповѣдуетъ какихъ то новыхъ боговъ, — кому проповѣдуетъ? Афинянамъ, которые и въ своихъ-то боговъ переставали вѣрить. Стоитъ ли слушать? Однакоже отчего и не послушать эту новость, не полюбопытствовать, что это за новое ученіе, которое проповѣдуетъ этотъ странный человѣкъ, такъ не похожій на афинянина ни по образованію, ни по внѣшней выдержкѣ? Разскажи же намъ, а мы послушаемъ эту новость, какъ новость, не больше. А когда онъ произнесъ свою высокую, глубокомысленнѣйшую, въ высшей степени смѣлую рѣчь,—рѣчь, которой разумности и величайшей серьезности не могли не понять,—они, очевидно, крайне смущенные, или точнѣе—сконфуженные этою рѣчью,—вотъ навликали! Этотъ отстранный человѣкъ всему ареопагу въ лицо сказалъ, что ваша афинская святыня, которою вы такъ выставляетесь, ваше исповѣданіе, къ которому вы внутренно холодны, однакоже для виду принадлежите, все это болѣе простительное во времена невѣднія,

теперь отжившая, явная всякому и потому преступная нечѣ-
пость, — сконфуженные такою неожиданностію, не непостыдною
для нихъ, одни изъ нихъ стали насмѣхаться, чтобы выйти изъ
положенія въ высшей степени неловкаго и поддержать види-
мость своей философской мудрости, — насмѣхаться по поводу того,
что нашелъ де гдѣ и кому рассказывать о воскресеніи мерт-
выхъ. А другіе поскорѣ выпроваживаютъ его изъ своего свя-
щеннаго ареопага: въ другой разъ зайдешь, въ другой разъ
тебя послушаемъ, а теперь уходи, ты намъ не нуженъ. *И такъ
Павелъ изыде изъ среды ихъ.*

Только и плодовъ было отъ всѣхъ этихъ многодневныхъ
бесѣдъ апостольскихъ, отъ этой высочайшей изъ рѣчей апостоль-
скихъ! Но только ли всего? Нѣтъ. *Нѣкоторые мужи, пристава
къ нему, упровали. Между ними былъ Діонисій Ареопагитъ,* —
другаго увѣровавшаго ареопагита не оказалось, — да *женщина,
именемъ Дамарь, и другіе съ ними.* Вѣроятно, эти два лица были
изъ образованнаго высшаго круга, Діонисій даже членъ аре-
опага (впослѣдствіи епископъ аѳинскій), и женщина Дамарь,
вѣроятно, извѣстная, именитая въ Аѳинахъ, и другіе съ ними
безъименные, безвѣстные, которые такъ и остались безвѣстны-
ми. А все прочее, всѣ эти философы, жрецы, мудрецы аѳин-
скіе, вся эта высшая языческая интеллигенція, учрежденія, рели-
гія, идолы, жертвенники и художественнѣйшіе храмы остались,
повидимому, процвѣтать по прежнему. Увы! Нѣтъ.

Этотъ, повидимому, странный еврей, этотъ малый Павелъ,
странно спорившій съ мудрѣйшими аѳинскими философами,
осмѣлившійся высказать свое раздраженіе противъ аѳинскихъ
идоловъ даже въ ареопагѣ и выпровоженный оттуда, какъ не-
осторожно и приглашенный туда, успѣвшій привлечь на свою
сторону только всего, что одного Діонисія ареопагита, да жен-
щину Дамарь, да еще какихъ то тамъ безвѣстныхъ, — этотъ
Павелъ чрезъ одно поколѣніе обратилъ къ христіанству чуть
не всѣхъ аѳинянь, а чрезъ два—три вѣка низвергъ въ прахъ
всѣхъ этихъ идоловъ, даже самого Зевса громовержца съ его
престола, низвергъ въ прахъ всѣ эти горды и славныя въ
древнемъ языческомъ мірѣ ученныя и религіозныя учрежденія.
И всѣ эти эпикурейцы и стояки, всѣ эти ареопагиты исчезли,
а на мѣстѣ ихъ, на вѣка и тысячелѣтія, стали ученныя и по-
слѣдователи Павла, къ которому аѳиняне отнеслись въ свое

время такъ пренебрежительно. И все, что писалъ сей пренебреженный ими Павелъ, какъ и все что тогда писалось о немъ, все это стало свѣточемъ для міра на тысячелѣтія; какъ одно изъ его рѣчей въ данную минуту и я имѣю честь занимать высокое вниманіе нашего собранія.

Лучше ли, хуже ли положеніе христіанскаго церковнаго учителя въ нынѣшнее время? Чѣмъ оно похоже на положеніе апостола Павла въ Аѳинахъ, чѣмъ отлично? Не приходится ли и современному проповѣднику бесплодно состязаться съ вліяніемъ іудеевъ и чтущихъ Бога, которые однакоже не принимали положительныхъ обязательствъ религіи, т. е. были деистами своего времени? Не приходится ли бесплодно терять слова и предъ эпикурейцами, или стоиками нашего времени — пессимистами, философами, разными учеными, которые съ высоты своего ученаго величія и новѣйшихъ научныхъ открытій глядятъ на якобы отживающую старость христіанскаго благовѣстія, исключая его въ душѣ, какъ ненужное и съ наукою несогласное? Не слушаютъ ли проповѣдника нѣкоторые нѣкоторое время только, какъ новость, новость невиданную и неслыханную, по крайней мѣрѣ, для нихъ, какъ суеслова, который проповѣдуетъ чуждыя для нихъ божества и чтлища, который влагаетъ нѣчто странное во уши ихъ? Не приходится-ль ему иногда терять слова, даже высокія слова и предъ ареопагами учености и образованія, доказывая бытіе Бога высочайшаго, близость къ людямъ Божія Промысла, гибельность и нечѣпость язычества, нечѣпость и старыхъ ново-воздвигаемыхъ идоловъ, божественное посольство Іисуса Христа, истинность и непреложность чудесъ, дѣйствительность ихъ какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, дѣйствительность ихъ въ эти самые дни, здѣсь у насъ (о чемъ я слышалъ изъ устъ непосредственнаго образованнаго свидѣтеля три дня тому назадъ)? Не издѣваются ли и нынѣ, примѣрно въ западной Европѣ, надъ учителями слова Божія, иногда и явно, а почаще тайно? Не томятся-ль рѣчами учителя вѣры, да почти постоянно? Не готовы-ль сказать ему всякій разъ: довольно, довольно, объ этомъ послушаемъ тебя въ другой разъ? Однакоже по всему этому и многому другому, долженъ ли нынѣшній проповѣдникъ слова Божія сокращать, или даже совсѣмъ прекращать свое слово, свое учительство? Никакъ. И нынѣ онъ, если трудится во имя своего Бога, во

ими заповѣди Спасителя *шедше научите вся языки*,—во имя за-
вѣщанія апостола Павла: *настой благовременнѣ и безвременнѣ*;
если нелѣпно несетъ свой нелегкій пастырски-учительный
долгъ, — онъ и нынѣ не всегда встрѣтитъ одни только препи-
рательства, или же издѣвательства, не однихъ только невни-
мательныхъ или враждебныхъ. И нынѣ онъ найдетъ своихъ
Діонисія и Дамаръ и другихъ съ ними, которые примутъ въ
свои сердца слово Божіе и пронесутъ его во всѣ концы земли.

Можно ль и нынѣ ждать такой же побѣды слова Божія
надъ суемудріемъ, какую одержало евангеліе Христово въ пер-
вые вѣва? Чѣмъ въ этомъ отношеніи отличается положеніе
современныхъ учителей слова Божія, не касаясь ихъ сравни-
тельныхъ достоинствъ, отъ положенія апостола Павла и совре-
менныхъ ему благовѣстниковъ? Тогда потокъ евангельской про-
повѣди разливался въ мірѣ, быстро разрастаясь въ ширь и
глубину; нынѣ же онъ совершаетъ свое предуставленное тече-
ніе въ сердцахъ и умахъ извѣстной части человѣчества далеко
медленнѣе, суживаясь и сокращаясь разносторонне. Тогда св.
Павелъ могъ питать твердую вѣру, что тамъ, въ этомъ ареопа-
гѣ, гдѣ стоялъ онъ странникомъ и пришельцемъ, тамъ будетъ
стоять основываемая имъ церковь Христова; могъ питать твер-
дую надежду, что вѣра побѣдитъ весь міръ. Нынѣ же пропо-
вѣдникъ евангелія не безъ сумнительнаго смущенія взглядыва-
ется въ знаменія развитія духа человѣческаго и, сопоставляя
ихъ съ пророчествами Христа и апостоловъ о послѣднихъ дняхъ,
невольнo задумывается, не настаютъ ли признаки, если и не
послѣднихъ временъ, то все же нѣкотораго склоненія міра къ
послѣднимъ временамъ? Тѣмъ не менѣе теперь больше, чѣмъ
когда нибудь на раменахъ учителей слова Божія лежитъ тяжкій
долгъ не слагать оружія, не заграждать свои уста и не нѣмот-
ствовать, въ чаяніи помощи и благословенія съ неба, чтобы и
его смиренный гласъ не остался гласомъ вопіющаго въ пусты-
нѣ. Его постоянно должны ободрять съ одной стороны объто-
ванія пастыреначальника Христа, что *Азъ дамъ вамъ уста и*
премудрость, ейже не возмогутъ противитися или противуста-
ти, — обътованія, изреченныя на всякое время; а съ другой
стороны долженъ ободрять и опытъ, что трудъ ради Бога не
пропадаетъ; что всякое дѣйствіе не можетъ не быть причиной
послѣдующаго воздѣйствія по роду своему; что всякая сила,

не только физическая, но и душевная, не исчезает безслѣдно: разъ она воздѣйствовала, то дѣйствіе ея должно простираться на всю вѣчность и безконечность.

Въ наши дни, въ окружающихъ насъ обстоятельствахъ, мы видимъ благонадежные признаки отраднаго поворота въ умахъ и стремленіяхъ. Всѣ теперь болѣе или менѣе сознали, что наше отечество должно стоять незыблемо на камнѣ вѣры; что изслѣдующій разумъ слѣдуетъ обуздывать въ его порывахъ и покорить разуму Божию и духу народа. Всѣ мы видимъ, что и механическая сила, наприм. сила пара, должна быть стѣсняема въ извѣстныхъ хранилищахъ и попускаема къ дѣйствію не иначе, какъ въ извѣстномъ направленіи и въ правильной постепенности, чтобы производить благотворное движеніе впередъ. Иначе, пущенная сразу на полную свободу, она что либо разорветъ, кого либо обожжетъ, и разлетится вся безцѣльно, а добраго не произведетъ ничего. Такъ и умственная сила. Въ послѣдніе три десятиа лѣтъ она несдержанно неслась во всѣ стороны, не скажу, что не сдѣлала добра, но много принесла и зла. А главное зло, расходовала сама себя, не принося того добра, какое могла принести. Въ прежніе годы ея энергія, болѣе стѣсняемая и вѣрнѣе направляемая, была явно плодотворнѣе.

Помолимся, братіе, о благословеніи Господа разумовъ нашему университету и его дѣятельности, устанавливаемой новыми уставами на началахъ, создавшихъ русское государство, образовавшихъ нашъ народный духъ, представляющихъ вѣрный и надежный залогъ мирнаго хода нашей исторіи, по завѣту нашихъ христіанскихъ предковъ, собирателей русской земли. Помолимся о благоденствіи и долгоденствіи Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора Александра Александровича, который ищетъ твердости государственной и народнаго счастья въ вѣрности духу русской исторіи, въ вѣрности завѣтамъ и Богу отцовъ нашихъ. Аминь.

О Т Ч Е Т Ъ

О состояніи и дѣятельности Императорскаго Новороссійскаго Университета въ 1884—85 учебномъ году.

I. СОСТАВЪ УНИВЕРСИТЕТА.

А. Составъ по факультетамъ и отдѣленіямъ.

Императорскій Новороссійскій Университетъ состоитъ изъ трехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго.

Историко-филологическій факультетъ, начиная съ III курса, раздѣляется на три отдѣленія:

1) Отдѣленіе классической филологіи, въ коемъ главными предметами поставлены: а) классическая филологія (языкъ, древности, исторія литературы греческой и римской), б) теорія и исторія искусствъ, в) древняя исторія (изъ всеобщей исторіи), г) русская исторія, д) исторія древней философіи; вспомогательными: а) сравнительное языковѣдніе и санскритскій языкъ, б) славянскія нарѣчія, в) исторія русской литературы; 2) Отдѣленіе русско-славянской филологіи, въ коемъ главные предметы: а) сравнительное языковѣдніе и санскритскій языкъ, б) славянскія нарѣчія (церковно-славянскій и друг. языки), в) русская словесность, г) исторія славянской литературы, д) древняя русская исторія; вспомогательные: а) классическіе языки: греческій и латинскій, б) славянскія древности, в) всеобщая исторія, г) философія (логика и психологія), д) исторія западно-европейскихъ литературъ; 3) Отдѣленіе историческихъ наукъ, въ которомъ главные предметы: а) всеобщая исторія, б) русская исторія, в) исторія русской литературы, г) исторія

философіи, д) історія церкви,—вспомогательные: а) класическіе языки, б) славянскія нарѣчія, в) славянскія древности, г) історія западно-европейскихъ литературъ. Сверхъ сего, слушателямъ этого отдѣленія рекомендується записываться на курсы: а) історіи русскаго права, б) международнаго права и в) политической экономіи.

Учрежденная Уставомъ 1884 г. кафедра географіи и этнографіи, естественно, не могла входить въ перечисленные предметы отдѣленій.

Физико-математическій факультета раздѣляется на два отдѣленія: 1) Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ, къ которому отнесены: а) чистая математика, б) механика теоретическая и практическая, в) астрономія и геодезія, г) физика и физическая географія, какъ предметы главные, и д) химія неорганическая, какъ предметъ дополнительный; 2) Отдѣленіе естественныхъ наукъ, въ которомъ положены: а) химія, б) минералогія и геологія, в) ботаника, г) зоологія, сравнительная анатомія и физиологія, д) опытная физика и физическая географія въ качествѣ главныхъ предметовъ, е) агрономическая химія и ж) техническая химія, какъ предметы дополнительные и при томъ послѣдній какъ необязательный предметъ.

Въ составъ юридическаго факультета входитъ кафедры: а) римскаго права, б) гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства, в) торговаго права и торговаго судопроизводства, г) уголовного права и уголовного судопроизводства, д) історія русскаго права, е) государственнаго права, ж) международнаго права, з) полицейскаго права, и) финансоваго права, і) церковнаго права, к) политической экономіи и статистики, л) энциклопедіи права и історія философіи права и м) (временно) історія славянскихъ законодательствъ.

Для студентовъ православнаго исповѣданія всѣхъ факультетовъ состоитъ особая кафедра богословія.

В. Личный составъ.

1. Преподаватели.

1. По штату 1884 г. положено въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ: 1 профессоръ богословія, 35 орди-

нарныхъ профессоровъ, 14 экстраординарныхъ и 4 лектора но вѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

2. На лицо штатныхъ преподавателей состоитъ : по историко-филологическому факультету 11 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный и причисленные къ факультету 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ,—по физико-математическому 11 ординарныхъ профессоровъ и 4 экстраординарныхъ,—по юридическому 6 ординарныхъ профессоровъ и 2 экстраординарныхъ.

Кромѣ того при университетѣ состоитъ профессоръ богословія.

3. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей: 1 профессоръ богословія, 28 ординарныхъ профессоровъ, 7 экстраординарныхъ и 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

4. Сверхштатныхъ преподавателей на физико-математическомъ факультетѣ 2 ординарныхъ профессора,—одинъ по кафедрѣ механики, другой чистой математики.

Въ качествѣ приватъ-доцентовъ состояло : 6 на историко-филологическомъ факультетѣ, 6 на физико-математическомъ и 2 на юридическомъ, а всего 14.

5. Въ теченіе истекшаго академическаго года въ личномъ составѣ преподавателей произошли слѣдующія перемѣны :

а) Избраны Совѣтомъ и назначены министерствомъ : ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея Сокольскій ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ государственнаго права, ординарный профессоръ Харьковскаго университета Шерцль и экстраординарный профессоръ Кирпичниковъ перемѣнены ординарными профессорами Новороссійскаго Университета,—первый по кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка, второй по кафедрѣ исторіи западноевропейскихъ литературъ ; въ приватъ-доценты : магистры : Яковлевъ по русской словесности, Линиченко пр русской исторіи, докторъ Ришави и кандидатъ Строевъ по ботаникѣ, докторы : Пономаревъ по химіи, фонъ Штернъ по классической филологіи и магистранды : Аванасьевъ по всеобщей исторіи, Прендель по минералогіи.

б) Изъ прежде служившихъ бывшіе доценты Палаузовъ, Рейнгардъ, Чижовъ и Меликовъ возведены въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ.

в) Выбылъ бывший доцентомъ по кафедрѣ гражданскаго права Гамбаровъ, по случаю перемѣщенія въ Московскій Университетъ.

г) Избранъ въ почетные члены Новороссійскаго Университета ординарный профессоръ Харьковскаго Университета по кафедрѣ химіи Н. Н. Бекетовъ.

6. Остаются незамѣщенными слѣдующія кафедры: по историко-филологическому факультету 1) географіи и этнографіи, учрежденная университетскимъ Уставомъ 1884 года, по юридическому 2) торговаго права и торговаго судопроизводства, учрежденная уставомъ 1884 г., 3) международнаго права съ 1 мая 1865 года, 4) полицейскаго права съ 13 декабря 1883 г., 5) финансоваго права съ 10 августа 1883 г., 6) церковнаго права съ 20 іюня 1875 года и 7) политической экономіи и статистики съ 7 февраля 1883 года.

II. Служащія по учебно-административной и другимъ частямъ:

а) Положено по штату 20 и неопредѣленное число лаборантовъ и хранителей кабинетовъ.

б) На лицо 30, въ томъ числѣ 7 лаборантовъ и 3 хранителя кабинетовъ.

II. УЧЕБНАЯ И УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА.

1. Въ теченіе 1884/5 учебнаго года историко-филологическій факультетъ имѣлъ 16 засѣданій, физико-математическій 22, юридическій 21, Совѣтъ университета 18 засѣданій.

2. Въ видахъ пополненія пробѣловъ въ преподаваніи по вакантнымъ кафедрамъ и усиленія преподаванія важнѣйшихъ факультетскихъ предметовъ были приняты слѣдующія мѣры: на историко-филологическомъ факультетѣ приватъ-доценту Овсяннико-Куликовскому поручено было чтеніе обязательныхъ курсовъ по сравнительному языковѣдѣнію и по санскритскому языку, а ординарному профессору славянской филологіи Кочубинскому чтеніе курса литовскаго языка; — на физико-математическомъ факультетѣ, въ виду того обстоятельства, что третій курсъ математическаго отдѣленія оказался болѣе обремененнымъ, чѣмъ остальные курсы, часть лекцій по физической географіи были перенесена съ 3-го на 2-й курсъ, — преподаваніе ботаники

было распределено между исполнявшими обязанности профессора бывшимъ доцентомъ Рейнгардомъ и приватъ-доцентомъ Ршави; — на юридическомъ факультетѣ чтение лекцій по международному праву поручено было приватъ-доценту Ивановскому, политической экономіи и статистики избраному въ отчетномъ году въ доценты, нынѣ приватъ-доценту Федоровичу, который читалъ и финансовое право, церковнаго права—профессору богословія Бударявцеву.

Вовсе не читались лекціи только по вакантнымъ кафедрамъ: 1) исторіи западноевропейскихъ литературъ, 2) географіи и этнографіи на историко-филологическомъ факультетѣ, 3) торговаго права, 4) полицейскаго права на юридическомъ факультетѣ, а также 5) по исторіи славянскихъ законодательствъ, по нахожденію профессора Богшича въ заграничной командировкѣ.

3. Мѣры для замѣщенія вакантныхъ кафедръ и вообще преподавательскихъ мѣстъ заключались 1) въ объявленіи конкурсовъ, 2) въ прямыхъ сношеніяхъ съ лицами, могущими занять ту или другую кафедру и 3) въ приготовленіи способнѣйшихъ молодыхъ людей при университетѣ и за границей къ профессорскому званію.

4. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ во 2-мъ полугодіи у многихъ преподавателей увеличено количество лекцій и постоянно велись практическія занятія у профессоровъ: Воеводскаго по греческому языку, Юргевича по латинскому, Грота по исторіи философіи, Некрасова по исторіи русской литературы, Кондакова по исторіи искусства, Кочубинскаго по славянскимъ нарѣчіямъ, Успенскаго по всеобщей исторіи, Перетятковича по русской исторіи,—на физико-математическомъ факультетѣ добавлены къ прежнимъ практическія занятія: по элементарной механикѣ (у проф. Лигина) и по физиологіи (у приватъ-доцента Спиро), а профессора: Ковалевскій, Заленскій, Шведовъ, Вериго, Синцовъ, Клименко, Петріевъ, Меликовъ, Коновоничъ увеличили число часовъ практическихъ занятій, — на юридическомъ факультетѣ студенты обязывались представить курсовыя сочиненія и кромѣ того участвовать въ практическихъ занятіяхъ у профессоровъ Малинина, Леонтовича, Азаревича и Палаузова.

5. По разсмотрѣніи представленныхъ студентами сочиненій на заданныя темы присуждены подлежащими факультетами

медали золотыя: студенту IV курса историко-фил. фак. Вячеславу Логиновскому за сочинение на тему «Крестьянинъ Иванъ Посошковъ, его общественные взгляды и стремленія», студенту IV курса физико-мат. фак. по отдѣленію естеств. наукъ Арсенію Лебединцеву за сочинение на тему «Представить настоящее состояніе и экспериментальную критику вопроса о химической функціи сахаристыхъ веществъ и углеводовъ вообще», того же факультета отдѣленія физико-мат. наукъ Георгію Де-Метцу за сочинение на тему: «Описаніе и теорія явленій аномальной дисперсіи въ связи съ поглощеніемъ свѣта, поверхностнымъ дѣйствіемъ и эллиптической поляризацией», студенту IV курса юридическаго фак. Ивану Графу за сочинение подъ заглавіемъ «Заочное производство и рѣшеніе въ гражданскихъ дѣлахъ», — *серебряная*: студенту IV курса физико-мат. фак. и отдѣленіи Михаилу Базилевичу за сочинение на вышеозначенную тему по физикѣ.

На 1885—86 учебный годъ предложены студентамъ на преміи темы:

На историко-филологическомъ факультетѣ:

По греческому языку и словесности «Географическія названія у Гомера».

По всеобщей исторіи: «По кодексамъ Θεодосія и Юстиніана изучить статьи о землевладѣніи и крестьянствѣ, присоединивъ изложеніе вопроса о римскомъ колонатѣ по новымъ изслѣдованіямъ».

На физико-математическомъ факультетѣ:

По астрономіи: «Объ опредѣленіи элементовъ эллиптической орбиты значительнаго эксцентрицитета изъ большаго числа наблюдений».

По ботаникѣ: «Представить монографическое изслѣдованіе одной изъ четырехъ группъ Chytridicae (въ смыслѣ De Vuzy)».

На юридическомъ факультетѣ:

По гражданскому праву: «О правѣ представленія». Историко-сравнительное изслѣдованіе.

6. Въ теченіе прошлаго учебнаго года гг. преподаватели и ихъ ассистенты напечатали слѣд. труды:

I. Профессоръ богословія протоіерей *Кудрявецъ*: «Сравнительный очеркъ разныхъ видовъ благотворительности». Отдѣл. изслѣдованіе 1884 г.

II. **Ординарный профессор Некрасовъ** въ рефератахъ VI археологическаго съѣзда читанный имъ на съѣздѣ рефератъ «Пермскія письма въ XV вѣкѣ».

III. **Заслуж. орд. проф. Юриевичъ:**

1) «Объ археологической дѣятельности на югѣ Россіи»;

2) «Объясненіе генуезской надписи, найденной въ Теодосіи» и

3) «О мѣстностяхъ въ южной Россіи, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія», рефератъ на VI археолог. съѣздѣ,—въ запискахъ Од. Общ. Ист. и древностей.

IV. **Орд. проф. Шерцъ:**

1) «О конкретности въ языкахъ»;

2) «Очерки изъ области фонетики» въ Филолог. Запискахъ и

3) «Начала религіи и слѣды монотеизма въ язычествѣ» въ Правосл. Обзорѣніи.

V. **Орд. проф. Трачевскій:** •

1) Учебникъ исторіи, т. 2. Русская исторія;

2) «Россія и Фрація въ концѣ прошедшаго вѣка» въ Вѣстн. Европы.

VI. **Орд. проф. Кочубинскій:**

1) «Синайскій Требникъ»—въ проток. Совѣта при ХLI т. Унив. Записокъ;

2) «Въ виду тысячелѣтія славянскаго самосознанія» въ «Од. Вѣстн.» 1885, № 12;

3) «Тысячелѣтіе славянскаго самосознанія» въ «Истор. Вѣстн.», 1885, № 3;

4) «Карта разселенія славянъ въ эпоху св. Кирилла и Меѳодія» (къ Меѳодіевскому юбилею). Одесса, 1885 г.;

5) «Добрый свѣтѣль и добрая нива». Рѣчь на 6 Апрѣля 1885 г. въ Зап. Новор. унив. т. XLII;

6) «На рубежѣ тысячелѣтія» въ «Од. Вѣстн.», 1885 г. 6 апрѣля;

7) «Черты края въ произведеніяхъ Пушкина. Рѣчь при открытіи памятника Пушкину въ Кишиневѣ», въ «Новор. Телеграфѣ» 1885, 30 мая, и

8) «Словѣнскій (старо-церковно славянскій) языкъ». Литогр. лекціи 2 отд., 1885.

VII. **Орд. проф. Успенскій:**

- 1) «Сношенія Рима съ Москвою». (Разборъ трудовъ Пирлинга) въ Ж. М. Н. Просвѣщ.;
- 2) «Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи» тамъ же.
- 3) «На память тысячелѣтія славянскихъ просвѣтителей» въ «Нов. Телегр. и Кіевск. Старинѣ»;
- 4) «Наказъ царя Ивана Васильевича Грознаго» въ Зап. Новор. Унив.

VIII Орд. проф. *Гротъ*:

- 1) «Къ вопросу о классификаціи наукъ» въ «Русск. Богат.»;
- 2) «Эгоизмъ и Альтруизмъ предъ судомъ здраваго смысла и науки» въ «Нови»;
- 3) «Джіордано Бруно и пантеизмъ» въ «Зап. Нов. унив.»;
- 4) «Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Джіордано Бруно (публичн. лекція). Одесса, 1885.

IX. Орд. проф. *Сабининъ*: «Sur le principe de la moindre action», въ «Annali di Matematica pura ed applicata».

X. Орд. проф. *Ковалевскій*:

- 1) Zur Entwicklungsgeschichte der Lucernaria;
- 2) «Zur Nachembryonalen Entwicklung der Musciden» въ Zoologischer Anzeiger.

XI. Орд. проф. *Шведовъ*: «О нагрѣваніи Метеоритовъ при ихъ паденіи» въ Журн. Русск. Физико-Хим. Общ.;

XII. Орд. проф. *Залемскій*: Recherches sur le developpement du Mopорога vivipara» въ «Arch. de Biologie».

XIII. Орд. проф. *Лининъ*: «О безтопочныхъ паровыхъ машинахъ Гонигмана» въ Прилож. къ отчету о дѣятельности Од. Отд. Имп. Русск. Технич. Общ.

XIV. Орд. проф. *Ситцовъ*:

1) «Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1883 г. въ Саратовской губерніи и землѣ Войска Донскаго» въ Извѣст. Геолог. Комитета;

2) «Описаніе новыхъ и малозслѣдованныхъ формъ раковинъ изъ третичныхъ образованій Новоросіи». Статья 5.—въ Зап. Новор. Общ. естествоиспытателей.

XV. Орд. проф. *Петриевъ*: «Матеріалы къ вопросу объ измѣреніи силы химическаго средства».

XVI. Орд. проф. *Клименко*: «О галогидныхъ производныхъ пропионовой кислоты» въ Зап. Новор. Общ. естествоиспытателей.

XVII. Орд. проф. *Азаревичъ*:

- 1) «Вещь, какъ предметъ права»;
- 2) «Соучастіе и представительство»;
- 3) «Право собственности» и
- 4) «Опека и попечительство» въ Запискахъ Новор. университета.

XVIII. Экстраорд. проф. *Кононович*: «Ueber die Albedo des Planeten Mars» въ *Astron. Nachrichten*.

XIX. Экстраорд. проф. *Реймардъ*: «Альгологическія изслѣдованія. Матеріалы для морфологіи и систематики водорослей Чернаго моря, Ч. 1, морфологическая», въ *Зап. Новор. Общ. естествоиспытателей*.

XX. Экстраорд. проф. *Меликовъ*: «О производныхъ изомерныхъ кротоновыхъ кислотъ» тамъ же.

XXI. Экстраорд. проф. *Палаузовъ*: «Вопросъ факта и права на судѣ присяжныхъ по русскому законодательству» въ *Журн. Гражд. и Уголов. права*.

XXII. Экстраорд. проф. *Чижовъ*: «Матеріалы къ исторіи системы права» въ *Зап. Новор. университета*.

XXIII. Приватъ-доцентъ *фонъ-Штернъ*: *Geschichte der spartanischen und Thebanischen Hegemonie*. *Dorpat*.

XXIV. Приватъ-доцентъ *Маркевичъ*: «Н. И. Костомаровъ и его значеніе» въ «*Од. Вѣстн.*».

XXV. Приватъ-доцентъ *Яковлевъ*:

1) «Къ исторіи Одесскаго театра» въ «*Вѣд. Од. Город. Управленія*» и

2) «Некрологъ Н. И. Костомарова» въ «*Новор. Телегр.*».

XXVI. Приватъ-доцентъ *Ришави*: «Къ вопросу о такъ называемомъ гальванотропизмѣ» въ *Зап. Новор. общ. естествоиспытателей*.

XXVII. Приватъ-доцентъ *Пономоревъ*:

1) «О строеніи циануровой кислоты» въ *Зап. Новор. университета* и

2) «Ueber die synthetische Bildung d. Parabausäure» въ *Berichte der d. Chemischen Gesellschaft*.

XXVIII. Приватъ-доцентъ *Спиро*: «Предварительное сообщеніе о такъ называемомъ мысленномъ внушеніи (suggestion mentale)» въ *Зап. Нов. Общ. естествоиспытателей*.

XXIX. Приватъ-доцентъ *Ивановскій* вступительную лекцію по международному праву въ *Зап. Нов. университета*,

XXX. Хранитель кабинета *Бучинскій*:

1) «Краткій очеркъ фауны лимановъ Новороссійскаго края» и

2) «Предварительное сообщеніе о развитіи Рагародорскіа сопита» въ Зап. Нов. Общ. естествоиспытателей.

7. Ординарный профессор Гротъ прочелъ двѣ публичныя лекціи о Джіорданѣ Бруно, а приватъ доцентъ Спиро двѣ лекціи «о такъ называемомъ отгадываніи чужихъ мыслей».

8. Историко-филологическій факультетъ, чрезъ особую комиссію изъ профессоровъ Некрасова, Воеводскаго и Перетятковича, разсматривалъ 17 драматическихъ произведеній, представленныхъ на соисканіе преміи И. Г. Вучина. Члены комиссіи, по обсужденіи содержанія представленныхъ пьесъ, останавливались на нѣкоторыхъ изъ нихъ,—преимущественно на драматическомъ эпизодѣ въ 5 дѣйствіяхъ «И самъ тонетъ и другихъ топить», на комедіи въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Ночи безумныя», на драмѣ въ 5 дѣйствіяхъ «Сельская учительница», на драмѣ въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Марія Гиндра», на комедіи въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Семья Пришельцевыхъ», и на драмѣ въ 5 дѣйствіяхъ «Мечтатель». Но по строгому обсужденіи не нашла возможнымъ премировать ни одной изъ пьесъ, представленныхъ въ настоящемъ году. Факультетское собраніе 29 мая утвердило такое постановленіе комиссіи.

9. Издающихся съ 1866 года Записокъ Имп. Новор. университета вышло въ свѣтъ въ теченіе прошлаго академическаго года три тома: XL, XLI и XLII.

10. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ: *доктора химіи* магистры Мелиновъ и Пономаревъ, *уголовнаю права* магистръ Палаузовъ. Изъ окончившихъ курсъ студентовъ удостоено: *степени кандидата*: 4 по историко-филологическому факультету, 16 по физико-математическому и 12 по юридическому; *званія дѣйствительнаю студента*: 9 по историко-филологическому факультету, 48 по физико-математическому и 33 по юридическому, изъ нихъ 55 предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертациіа на степень кандидата.

11. Сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей многіе преподаватели имѣли особыя занятія и исполняли особыя порученія начальства. Такъ ректоръ университета Ярошенко съ 12 іюня по 5-е августа 1884 года управлялъ Одесскимъ

учебнымъ округомъ; деканъ историко-филологическаго факультета Некрасовъ съ 29 марта по 15-е мая, съ 5 августа по 10 сентября 1884 года и съ 20 декабря 1884 по 8 февраля 1885 года исправлялъ должность ректора, а съ 29 марта по 15 мая и съ 5 по 29 августа 1884 года управлялъ Одесскимъ учебнымъ округомъ; профессоръ богословія, протоіерей Бударяевъ, по порученію юридическаго факультета, приготовилъ къ торжественному собранію 30 августа 1885 года актовую рѣчь подъ заглавіемъ «Нищенство, какъ предметъ попеченія церкви, общества и государства».

Командированы были съ ученой цѣлію: орд. проф. Трачевскій въ Россію и за границу съ 15 августа по 15 октября 1884 г.; орд. проф. Синцовъ съ 26 мая по 1 сентября 1885 г. въ Саратовскую, Симбирскую и Пензенскую губерніи для производства геологическихъ изслѣдованій, по порученію Геологическаго Комитета; орд. проф. Кочубинскій въ Москву и др. города на ваканціонное время 1885 года и 5 дней, а находящемуся въ заграничной командировкѣ лаборанту Вернеру продолженъ срокъ командировки еще на 1 годъ съ 5-го апрѣля 1885 года.

III. ХОЗЯЙСТВЕННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

1) Новороссійскій университетъ съ 1 іюня 1884 г. по 1 іюня 1885 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежные средства:

Оставалось къ 1 іюня 1884 г. отъ суммы, ассигнованной по § 5 смѣты мин. нар. просвѣщенія на тотъ годъ на содержаніе университета:

а) по ст. 1 на содержаніе личнаго состава	86.077 р. 36 к.
б) по ст. 2 на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	27.113 р. 43 к.
в) по ст. 3 на стипендіи и пособія студентамъ	8.185 р. 22 к.
Итого	121.376 р. 01 к.

по § 16.

а) по ст. 1 на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію	1.029 р. — к.
б) по § 5. ст. 2 смѣты мин. иностранныхъ дѣлъ, на содержаніе южно-славянскихъ уроженцевъ	125 р. 10 к.
Итого	1.154 р. 10 к.
А всего	122.530 р. 11 к.

Изъ этой суммы израсходовано:

а) на жалованье, столовыя и квартирныя служащимъ	86.077 р. 36 к.
б) на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	25.724 р. 61 к.
в) на стипендіи и пособія студентамъ	8.185 р. 22 к.

г) на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію	1.029 р. — к.
д) на содержаніе южно-славянскихъ уроженцевъ	125 р. 10 к.
Сверхъ того причитается къ выдачѣ разнымъ лицамъ за сдѣланные заказы	1.388 р. 82 к.
<u>Итого</u>	<u>122.530 р. 11 к.</u>

По финансовой смѣтѣ мин. нар. просвѣщенія 1885 года на содержаніе Новороссійскаго университета въ этомъ году назначено:

по § 5.

а) по ст. 1 на содержаніе личнаго состава .	169.201 р. 32 к.
б) по ст. 2 на учебныя пособія, хозяйственные и др. расходы	60.400 р. — к.
в) по ст. 3 на стипендіи и пособія студентамъ	9.500 р. — к.

по § 19.

по ст. 8 на пособіе Обществу Естествоиспытателей	2.500 р. — к.
<u>Итого</u>	<u>241.601 р. 32 к.</u>

Сверхъ того ассигновано дополнительнаго кредита :

по § 16.

а) по ст. 1 на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и на ученыя командировки	1.421 р. — к.
б) по ст. 2 на биологическую станцію въ гор. Севастополь	1.500 р. — к.
<u>Итого</u>	<u>2.921 р. — к.</u>

по § 5 ст. 2 смѣты мин. иностранныхъ дѣлъ, на содержаніе южно-славянскихъ уроженцевъ	1.000 р. — к.
--	---------------

по § 9 ст. 3 смѣты святѣйшаго Синода на прогоны и путевыя издержки	1.535 р. 2 к.
--	---------------

по § особому, послѣднему, мин. нар. просвѣщенія на содержаніе заштатныхъ доцентвъ	3.600 р. — к.
---	---------------

А всего 250.657 р. 34 к.

Изъ этой суммы по 1 июня 1884 г. израсходовано:

а) на содержаніе личнаго состава	64.854 р. 24 к.
б) на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	22.208 р. 84 к.
в) на стипендіи и пособія студентамъ	3.369 р. 82 к.
г) на пособіе обществу естествоиспытателей	2.500 р. — к.
д) на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и на ученыя командировки	1.078 р. — к.
е) на содержаніе биологической станціи въ гор. Севастополь	1.500 р. — к.
ж) на содержаніе южно-славянскихъ уроженцевъ	1.000 р. — к.
з) на прогоны и путевыя издержки	1.535 р. 2 к.
и) на содержаніе заштатныхъ доцентовъ	1.550 р. 25 к.
Итого	104.596 р. 17 к.

Затѣмъ къ 1 июня 1885 года состоитъ въ остаткѣ	146.061 р. 34 к.
Балансъ	250.657 р. 34 к.

Сверхъ суммы, отпускаемой изъ казны, университетъ имѣетъ и свои спеціальныя средства, состоящія: а) изъ сбора со студентовъ платы за слушаніе лекцій; б) изъ сбора со студентовъ за матрикулы; в) изъ пожертвованныхъ капиталовъ на учрежденіе стипендій.

1) Сбора платы со студентовъ за слушаніе лекцій къ 1 июня 1884 г. оставалось	3.358 р. 32 к.
Съ 1 июня 1884 г. по 1 июня 1885 поступило	16.881 р. — к.
Итого	20.239 р. 32 к.

Изъ нихъ перечислено 2% въ сумму Ученаго комитета мин. нар. просвѣщенія	273 р. 60 к.
Израсходовано на разные предметы по постановленію совѣта	9.908 р. 78 к.
Итого	10.182 р. 38 к.

Затѣмъ къ 1 июня 1885 г. осталось	10.056 р. 94 к.
2) Сбора платы за матрикулы къ 1 июня 1884 г. оставалось	31 р. 62½ к.
Съ 1 июня 1884 по 1 июня 1885 г. поступило	701 р. — к.
Итого	732 р. 62½ к.

Изъ этой суммы въ отчетномъ году израсходовано 695 р. 98 к.

За тѣмъ на 1 іюня 1885 г. осталось 36 р. 64½ к.

3) Пожертвованныхъ капиталовъ на содержаніе изъ оныхъ стипендіатовъ и на выдачу пособій къ 1 іюня 1884 года оставалось

Наличными деньгами 4.433 р. 82 к.

Процентными бумагами 173.600 р. — к.

Итого 178.033 р. 82 к.

Съ 1 іюня 1884 г. по 1 іюня 1885 г. поступило: % съ жертвованныхъ капиталовъ, наличными деньгами при перечисленіи изъ партикулярныхъ суммъ процентныхъ бумагъ, выреченныхъ отъ продажи зак. лист. Херс. земскаго банка и излишекъ, оставшіяся отъ покупки процентныхъ бумагъ, вмѣсто вышедшихъ въ тиражъ 6.363 р. 53 к.

Приобрѣтено процентныхъ бумагъ 400 р. — к.

Перечисленные процентныя бумаги изъ партикулярныхъ суммъ 18.500 р. — к.

Итого 25.263 р. 53 к.

А всего. 203.297 р. 35 к.

Изъ этой суммы съ 1 іюня 1884 по 1-е іюня 1885 г. выдано стипендій и пособій студентамъ и ученикамъ гимназій. 6.954 р. 46 к.

Выдано въ пособіе командированнымъ за границу съ ученою цѣлію 3.000 р. — к.

Употреблено на застраховку выигрышныхъ билетовъ отъ тиража и другіе расходы. 14 р. 60 к.

На покупку процентныхъ бумагъ. 383 р. 93 к.

Продано процентныхъ бумагъ Хер. Зем. банка на 500 р. — к.

Итого 10.852 р. 89 к.

Затѣмъ къ 1 іюня 1885 г. осталось :

Наличными деньгами 444 р. 46 к.

Процентными бумагами 192.000 р. — к.

Итого 192.444 р. 46 к.

Балансъ 203.297 р. 35 к.

IV.

Объ учащихся.

1) Сравнительная таблица числа студентовъ и постороннихъ слушателей, состоявшихъ въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1883—84 и 1884—85 учебныхъ годахъ.

	Состояло на лицо		Въ 1884—85 учебн. году поступило				Въ 1884—85 учеб. году вышло		
	Къ 1 юня 1884 г.	Къ 1 юня 1885 г.	Изъ гимназій	Домаго воспитанія по снѣдствству градогма.	Изъ университетовъ	Изъ другихъ учебн. заведеній	В С Е Г О	До окончанія курса	По окончаніи курса
Студентовъ . . .	418	470	130	9	82	4	225	76	97
Постороннихъ слушателей . . .	32	37							

2) Вѣдомость о числѣ учащихся къ 1-му Юня 1885 года.

	ЧИСЛО СТУДЕНТОВЪ.					Число постороннихъ слушателей	В С Е Г О
	Въ историко-филологическомъ факультетѣ	Въ юридическомъ факультетѣ	Въ физико-математическомъ факультетѣ		Всѣхъ студентовъ		
Отдѣленіе математическихъ наукъ			Отдѣленіе естественныхъ наукъ	Число постороннихъ слушателей		В С Е Г О	
Въ Новороссійскомъ университетѣ . . .	48	262	88	72	470	37	507

3) Вѣдомость о числѣ студентовъ Новороссійскаго университета
сословіямъ, категоріямъ учебныхъ заведеній и учебныхъ оу

Факультеты.	Историко-фи- лологическій.					Физико-математическія нау				
	I	II	III	IV	Всего	I	II	III	IV	Всего
Курсы										
<i>Общее число студентовъ:</i>	28	14	8	14	64	47	27	18	24	116
<i>Въ томъ числѣ:</i>										
Православныхъ	23	12	7	13	55	34	21	14	20	99
Ариано-григоріанъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Римско-католиковъ	4	1	1	1	7	4	2	2	3	11
Лютеранъ	—	1	—	—	1	—	—	—	1	1
Евреевъ и каранмовъ	1	—	—	—	1	8	4	2	—	14
Магометанъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сыновей дворянъ и чиновниковъ	14	6	1	5	26	27	13	10	12	62
Духовнаго званія	5	3	4	3	15	4	3	3	4	29
Почетныхъ гражданъ и купцовъ	2	—	—	—	2	4	3	—	3	10
Мѣщанъ разночицевъ	4	2	2	5	13	10	5	4	4	36
Крестьянъ	2	3	—	—	5	—	—	—	—	5
Иностранно подданныхъ	1	—	1	1	3	2	3	1	1	7
Гимназистовъ	21	7	3	6	37	39	20	13	20	99
Семинаристовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Изъ другихъ учебныхъ заведеній	7	7	5	8	27	8	7	5	4	51
<i>Вообще изъ учебныхъ заведеній въ предѣлахъ:</i>										
С.-Петербургскаго округа	—	—	—	—	—	4	4	2	1	11
Московскаго	1	2	1	—	4	3	—	—	—	7
Базанскаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Оренбургскаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Харьковскаго	4	—	—	1	5	—	2	—	1	8
Одесскаго	13	5	3	7	28	24	17	10	13	72
Кіевскаго	6	5	3	6	20	10	3	4	7	44
Виленскаго	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Варшавскаго	—	1	—	—	1	—	—	1	—	2
Дерптскаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кавказскаго	3	—	1	—	4	6	—	1	2	13
Западной Сибири	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Заграничныхъ учебныхъ заведеній	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1

распределеніемъ ихъ по факультетамъ и курсамъ, въроисповѣданіямъ, въ въ 1884—85 учебномъ году (на 1 января 1885 года).

матическій.					Юридическій.					На всѣхъ факультетахъ.				
Отдѣленіе естественныхъ наукъ.														
I	II	III	IV	ВСЕГО	I	II	III	IV	ВСЕГО	I	II	III	IV	ВСЕГО
33	27	12	30	102	116	67	73	35	291	224	135	111	103	573
17	18	10	22	67	40	28	32	17	117	114	79	63	72	328
—	—	1	—	1	5	3	1	—	9	6	3	2	—	11
—	—	—	2	2	16	8	2	2	28	24	11	5	8	48
—	1	—	—	1	2	1	1	2	6	2	3	1	3	9
16	8	1	6	31	53	26	37	14	130	78	38	40	20	176
—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—	—	1
7	7	6	13	33	40	28	21	12	101	88	54	38	42	222
8	6	1	7	22	8	4	5	1	18	25	16	13	15	69
9	2	1	1	10	15	9	14	8	46	27	14	15	12	68
11	6	3	7	27	44	24	29	10	107	69	37	38	26	170
—	1	—	—	1	1	1	1	2	5	3	5	1	2	11
1	5	1	2	9	8	1	3	2	14	12	9	6	6	33
29	11	5	15	60	71	33	30	17	151	160	71	51	58	340
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
4	15	7	14	40	45	34	43	18	140	64	63	60	44	231
1	7	1	1	10	9	9	10	3	31	14	20	13	5	52
—	—	—	4	4	6	1	4	5	16	10	3	5	9	27
1	—	—	—	1	1	3	—	—	4	2	3	—	—	5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	3	2	1	6	11	6	9	3	29	15	11	11	6	43
21	11	3	11	46	63	30	25	16	134	121	63	41	47	272
8	6	5	11	30	13	14	20	5	52	37	28	32	29	126
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
—	—	—	—	—	6	—	—	1	7	6	1	1	1	9
—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	—	—	1	1	2
2	—	1	1	4	7	3	4	1	15	18	3	7	4	32
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
—	—	—	1	1	—	1	—	—	1	—	2	—	1	3

4) Вѣдомость о стипендіяхъ существовавшихъ въ Новороссійскомъ университетѣ и о числѣ лицъ, пользовавшихся ими въ 1884—85 учебномъ году.

Наименованіе стипендіи	Съ 1 іюня 1884 г. по 1 іюня 1885 г. было назначено		Съ 1 іюня 1884 года по 1 іюня 1885 года выдано стипендіи		Изъ какого источника производились стипендіи
	Число стипендіатовъ	Размѣръ одной стипендіи.	Руб.	Б.	
1 Казенныя стипендіи :					
а) Полныя	39	240 —	14400		Изъ суммъ государственнаго казначейства.
б) Половинныя	42	120 —			
2 Кавказскія	10	275 —	2750		
3 Пансіонеры Его Величества	2	250 —	250		
Частныя стипендіи :					
4 Имени : Графа Д. А. Толстаго	1	300 —	300		Изъ проценто- въ съ пожертво- ванныхъ капиталовъ
5 » Кн. С. М. Воронцова	1	300 —	300		
6 » Тайн. Сов. Троицкаго	1	275 —	275		
7 » Доктора Мазія	1	200 —	200		
8 » Л. А. Рафаловича	2	275 —	550		
9 » Его Величества (болг. кол.)	—	—	—		
10 » Его Величества (кор. сбор.)	1	300 —	300		
11 » М. Г. Бриворотова	1	275 —	275		
12 » Быв. проф. Рафаловича	1	300 —	150		
13 » Ив. Т. Ягницкаго	4	300 —	1200		
14 » Пот. поч. гр. Еоруса	2	300 —	600		
15 » Генриха Борчака	2	300 —	600		
16 » М. Д. Мирюковой	4	340 —	1190		
17 » Барона Унгеръ-Штернберга	1	300 —	150		
18 » Ф. Ф. Крупенскаго	1	300 —	300		
19 » Графа П. В. Боцебу (Херс. и Бес. двор.)	1	300 —	350		
20 » Тоже (Рост. думы)	1	250 —	125		
21 » Кн. Абамелика (Тирасп. Зем. Управа)	1	300 —	300		
22 » Губ. секрет. Маринани	—	—	—		
23 Духовнаго вѣдомства	—	—	—		
24 Духовнаго вѣдомства Д. Т. С. Италінскаго	—	—	—		

Наименованіе стипендіи		Съ 1 іюня 1884 г. по 1 іюня 1885 г. было назначено			Съ 1 іюня 1884 года по 1 іюня 1885 года выдано			Изъ какаго источ- ника производи- лись стипендіи
		Число сти- пендіатовъ	Размѣръ одной стипенд.		Руб.	К.	Руб.	
25	Кавказскаго Горскаго Управл.	—	—	—	—	—	—	Изъ суммъ высылае- мыхъ раз- ными мѣ- стами и лицами
26	Русскаго Общ. Шар. и торгов.	1	300	—	—	300	—	
27	Бессарабскаго Земства	4	180	—	—	720	—	
28	Общества Сельскаго хозяйства южной Россіи	—	—	—	—	—	—	
29	Славянскія стипендіи	3	250	—	—	750	—	
30	Кубанскаго казачьяго войска .	—	—	—	—	—	—	
31	Херсонской Губернской Управы	1	300	—	—	300	—	
32	Кишиневской город. Управы.	1	200	—	—	200	—	
ИТОГО		129 ^{*)}	—	—	—	26835	—	
1	Независимо отъ показанныхъ выше стипендіи въ 1884—85 учеб. году выдано студен- тамъ Новороссійскаго универ- ситета въ видѣ одновремен- ныхъ пособій изъ штатныхъ суммъ	—	—	—	—	348	31	
2	Уплачено за лекарства	—	—	—	—	241	55	
3	Пособій изъ частныхъ суммъ.	—	—	—	—	2296	67	
4	» Съ % съ пожертво- ванныхъ капиталовъ	—	—	—	—	280	4	
ИТОГО		—	—	—	—	3166	57	

*) Изъ числа 129 стипендіатовъ пользовались сверхъ того освобожденіемъ отъ платы 116 студентовъ.

5) Въдомость о числѣ студентовъ Новороссійскаго университета, пользовавшихся стипендіями, пособиями и освобожденіемъ отъ платы за ученіе въ 1884—85 учебномъ году,

Факультеты.	Историко-филологическій.	Физико-математическій		Юридическій	В С Е Г О.	Общее число студентовъ	Процентное содержаніе
		Отдѣленіе математическ. наукъ	Отдѣленіе естественныхъ наукъ				
Стипендіатовъ обязательныхъ	2	2	2	4	10		1,7
» необязательныхъ	32	28	17	42	119	573	21,5
Получавшихъ пособия (изъ штатной суммы)	6	2	3	7	18		2,5
Освобожденныхъ отъ платы .	13	8	14	26	61*)		10,8
ВСЕГО	53	40	36	79	208	573	—

*) Сверхъ того пользовались освобожденіемъ отъ платы 116 студентовъ—стипендіатовъ.

6, а) Учебный планъ историко-филологического факультета Новороссійскаго университета на 18⁸¹/₈₀ учебный годъ.

Предметы	Проессоры и другіе преподаватели	Общее число лекцій на каждыя пять лекцій	КУРСЫ						Всего по предметамъ			
			I.		II.		III.			IV.		
			а.	б.	в.	а.	б.	в.		а.	б.	в.
1. Философія: а) логика б) психологія в) исторія философіи.	Орд. Гротъ.	4	2	2	—	2	—	—	2	—	—	4
2. Греческая словесность а) гречес. яз. и авторы б) исторія греч. литературы в) Греческія древности	Орд. Воеводскій	7	12	2	2	—	—	—	2	—	—	7
3. Римская словесность а) Лат. яз. и авторы б) Исторія римск. литературы в) Римскія древности	Засл. пров. Юргевичъ.	6	2	2	4	—	—	—	4	—	—	6
4. Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ.	Прив. доц. Овсянко-Буликовскій.	4	—	—	1.2	—	1.2	1.2	—	1.2	—	6
5. Исторія русск. языка и русск. литературы	Орд. Некрасовъ	5	12	2	—	—	2	—	—	—	2	5
6. Исторія всеобщей литературы	пять преподавателей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7. Славянская филологія: а) Славянск. нарѣчія б) Исторія славянскихъ литературъ в) Славянск. древности	Орд. Кочубинскій	5	2	2	—	—	1	—	—	—	1	5
8. Всеобщая исторія	Орд. Успенскій	5	2	2	—	—	3	—	—	—	3	5
9. Русская исторія	Экстр. Перепятковичъ	5	2	2	—	—	3	—	—	—	3	5
10. Церковная исторія	Прив. доц. Ливиченко	2	2	2	—	—	2	—	—	—	2	7
11. Теорія и исторія искусства	Орд. Войтковскій.	4	—	2	—	—	2	—	—	—	2	4
12. Богословіе	Орд. Кондаковъ	5	3	3	2	—	—	—	—	—	2	5
	Орд. Бударивцевъ.	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	2
ИТОГО	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	56

6. 6) Учебный планъ физико-математическаго Факультета
Новороссійскаго университета на 1884—85 учебный годъ.

Предметы	Профессоры и другіе преподаватели	Общее число лекцій каждаго дня низъ	КУРСЫ								Всего по предметамъ												
			I	II	III	IV	Отдѣльскіи																
			Математ.	Естеств.	Математ.	Естеств.	Математ.	Естеств.	Математ.	Естеств.													
1. Чистая математика . . .	Орд. Ярошенко. Заслуж. Сабининъ	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
2. Механика.	Пр. доц. Слешинскій	3	3	—	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	
а) аналитическая	Заслуж. Карасте- левъ	6	—	—	—	—	—	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
б) практическая	Орд. Лигинъ.	6	1	—	1	—	3.2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	
3. Астрономія и геодезія . .	Экстр. орд. Коно- новичъ.	4	—	—	2	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	
4. Физика опытная	Орд. Шведовъ	4	4	4	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
, математическая	Орд. Умовъ.	6	—	—	—	—	2	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	
5. Химія.																							
а) неорганическая	Орд. Клименко.	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
б) органическая	Орд. Верго.	5	—	—	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	
6. Минералогія	Орд. Головкинскій	4	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	
7. Физическая географія . .	Экстр. Клоссовскій	4	—	—	—	—	4	4	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	
8. Геогнозія и палеонтологія.	Орд. Сянцовъ.	4	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	
9. Ботаника.																							
а) морфологія и системати- ка	Экстр. Рейнгардъ.	8	—	—	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
б) анатомія и физиологія растеній	,	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
10. Зоологія	Орд. Ковалевскій.	7	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	
а) сравнительная анатомія и систематика	Орд. Заленскій . .	6	—	2.2	—	2.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
б) анатомія и физиологія животныхъ	Прив. доц. Спиро	3	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	
11. Техническая химія . . .	Орд. Петріевъ. Прив. доц. Мели- ковъ	3	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	
12. Агрономическая химія . .		2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
13. Вогословіе	Орд. Кудрявцевъ.	2	2	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
Итого	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91	

б. в) Учебный планъ Юридическаго факультета Новороссійскаго университета на 1884—85 учебный годъ.

Предметы.	Профессоры и другіе препода- ватели.	Общее число лекцій въ каждомъ изъ нихъ	КУРСЫ				Всего по предме- тамъ
			I	II	III	IV	
1. Энциклопедія права	Экстр. пр. Чижовъ	3	3	—	—	—	3
2. Исторія иностран. законодательствъ	Нѣтъ преподав.	—	—	—	—	—	—
3. Исторія русскаго права	Орд. Леонтовичъ	6	2	2	2	—	6
4. Исторія славянскихъ законодательствъ	Орд. Богимичъ.	—	—	—	—	—	—
5. Римское право.	Орд. Азаревичъ.	6	2	4	4	—	6
6. Государственное право. а) общее. б) русское.	Нѣтъ преподавателя	—	—	—	—	—	—
7. а) Гражданское право. б) Гражданское судопроизводство и судоустройство.	Орд. Малининъ.	6	—	—	3	3	6
8. а) Уголовное право. б) Уголовное судопроизводство и су- доустройство	Засл. пр. Богданов- скій.	5	—	—	5	—	—
9. Полицейское право	Экстр. ор. Палаузовъ	4	—	—	—	4	9
10. Финансовое право	Нѣтъ преподавателя	—	—	—	—	—	—
11. Международное право	Пр. доц. Ивановскій	3	—	—	3	3	3
12. а) Политическая экономія. б) статистика	Пр. доц. Федоровичъ	3	3	3	3	3	3
13. Каноническое право.	Ор. Кудрявцевъ.	2	—	—	2	—	2
14. Богословіе	Орд. Кудрявцевъ.	2	2	2	—	—	2
ИТОГО	—	—	—	—	—	—	40

У.

Вѣдомость о числѣ и наименованіи учебно-вспомогательныхъ учреждений при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ и о состояніи оныхъ въ 1884 гражданскомъ году.

Число учреждений	Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений
1	<p align="center">Университетская библіотека.</p> <p>Книгъ русскихъ и иностранныхъ } сочиненій } томовъ</p> <p>Періодическихъ изданій } названій } томовъ</p> <p>Рукописей (томовъ или тетрадей) } названій } томовъ</p> <p>Картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей (томовъ) } названій } томовъ</p>
2	<p align="center">Студентская библіотека.</p> <p>Книгъ } названій } томовъ</p> <p>Періодическихъ изданій } названій } томовъ</p> <p>Рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ (листовъ). } названій } томовъ</p> <p align="center">Астрономическая обсерваторія.</p>
3	<p>Инструментовъ: астрономическихъ геодезическихъ</p> <p>» топографическихъ</p> <p>» физическихъ</p> <p>» механическихъ</p> <p>Книгъ и журналовъ</p> <p>Моделей</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей.</p>

ѣ нихъ со- шло къ 1 нваря 1884 года		Вновь приобретено въ 1884 году				Въ теченіи 1884 г. убыло				За снмъ состояло къ 1 января 1885 г.								
Числ. рувъ	Фвем- пляр.	Числ. рувъ	Фвем- пляр.	На сумму		Числ. рувъ	Фвем- пляр.	На сумму		Числ. рувъ	Фвем- пляр.	На сумму						
				рув.	к.			рув.	к.			рув.	к.					
3095	—	2499	—	}	15884	73	—	}	462	49521	—	}	241514					
0144	—	4109	—			—	107			—	—			84146	—			
790	—	16	—			—	—			—	—			806	—			
17352	—	747	—			—	—			—	—			18099	—			
134	—	1	—			—	—			—	—			135	—			
156	—	2	—			—	—			—	—			158	—			
624	—	4	—			—	—			—	—			628	—			
676	—	6	—			—	—			—	—			682	—			
5438	—	97	—			}	601			—	—			}	5535	—	}	11960
9067	—	286	—							65	—					—		
206	—	36	—	}	282	—	—	}	242	—	}	60						
2115	—	230	—			65	—			—			2345	—				
49	—	—	—	—	—	—	—	49	—									
59	—	—	—	—	—	—	—	59	—									
35	35	1	1	—	48	98	—	—	36	36	14575	92						
14	14	—	—	—	—	—	—	—	14	14	498	60						
15	16	—	—	—	—	—	—	—	15	16	392	93						
1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	100	—						
1	21	—	—	—	—	—	—	—	1	61	302	40						
24	21	—	—	—	—	—	—	—	24	21	74	56						
90	80	—	—	—	—	—	—	—	80	80	1046	55						

Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.

4

Кабинетъ практической механики.

Моделей и приборовъ
 Подвижной утвари и другихъ принадлежностей
 Книгъ

5

Физическій кабинетъ съ лабораторіей.

Инструментовъ и приборовъ
 Химическихъ препаратовъ
 Разнаго рода посуды и мебель
 Книгъ, атласовъ и моделей

6

Химическая лабораторія и кабинетъ.

Химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей

7

Минералогическій кабинетъ съ лабораторією.

Минераловъ
 Геологическихъ и географическихъ картъ и картинъ
 Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

8

Кабинетъ физической географіи.

Книгъ, атласовъ, глобусовъ и картъ
 Инструментовъ

Въ нихъ состоило къ 1 января 1884 года		Вновь приобретено въ 1884 году				Въ теченіи 1884 года убыло				За снмъ состояло къ 1 января 1885 года			
Нумеро-ровъ	Финск. плар.	Нумеро-ровъ	Финск. плар.	На сумму		Нумеро-ровъ	Финск. плар.	На сумму		Нумеро-ровъ	Финск. плар.	На сумму	
				Руб.	К.			Руб.	К.			Руб.	К.
273	—	22	—	1038	7	—	—	—	—	295	—	13327	85
26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26	—	795	58
33	—	2	26	25	60	—	—	—	—	35	59	259	98
521	543	7	7	527	49	—	—	—	—	528	550	20095	41
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	69	—	—	—	—	—	—	—	—	14	69	242	26
61	137	—	—	—	—	—	—	—	—	61	137	553	26
1740	2118	12	17	747	95	—	—	—	—	1752	2135	31433	84
1282	—	140	—	154	40	—	—	—	—	1422	2135	9294	78
27	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27	—	238	46
209	—	5	—	163	18	—	—	—	—	214	—	5305	51
117	137	2	2	3	45	—	—	—	—	119	139	1324	12
40	46	15	15	692	73	—	—	—	—	55	61	3613	13

Число учреждений	Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.
9	<p align="center">Метеорологическая обсерваторія.</p> <p>Инструментовъ и снарядовъ</p> <p>Книгъ, атласовъ и моделей</p>
10	<p align="center">Кабинетъ геологическій и палеонтологическій.</p> <p>Книгъ и другихъ изданій</p> <p>Гипсовыхъ моделей</p> <p>Коллекція разныхъ окаменѣлостей и горныхъ породъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей.</p>
11	<p align="center">Ботаническій кабинетъ.</p> <p>Сухихъ растений</p> <p>Инструментовъ и приборовъ</p> <p>Коллекція гипсовыхъ и восковыхъ моделей, препаратовъ и проч.</p> <p>Книгъ</p> <p>Подвижной утвари, посуды и проч.</p>
12	<p align="center">Ботаническій садъ.</p> <p>Оранжерейныхъ растений</p> <p>Кустарниковъ и травъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей.</p>
13	<p align="center">Зоологическій кабинетъ съ лабораторіею.</p> <p>Книгъ и другихъ изданій</p> <p>Чучель и препаратовъ въ спиртѣ</p> <p>Инструментовъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей.</p>

Въ нихъ со- стояло къ 1 января 1884 года			Вновь приобретено въ 1888 году.			Въ теченіи 1884 г. убыло.			За снмъ состояло къ 1 января 1885 г.				
Нуме- ровъ	Эвек- пляр.	Нуме- ровъ	Эвек- пляр.	На сумму		Нуме- ровъ	Эвек- пляр.	На сумму		Нуме- ровъ	Эвек- пляр.	На сумму	
				руб.	к.			руб.	к.			руб.	к.
42	57	—	—	—	—	—	—	—	—	42	57	2552	90
8	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8	8	36	30
на суммѣ		—	—	37	30	—	—	—	—	—	—	2571	11
2533 р.	81 к.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128	71
128	71	—	—	188	60	—	—	—	—	—	—	5031	18
1842	58	—	—	153	16	—	—	—	—	—	—	2883	53
2730	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18596	21675	—	—	—	—	—	—	—	—	18596	21675	1926	—
68	146	11	7	162	40	—	—	—	—	79	153	2433	32
3	3	2	2	245	20	—	—	—	—	5	5	347	46
594	612	37	45	301	59	—	—	—	—	631	657	2667	69
41	162	—	—	—	—	—	—	—	—	41	162	1110	35
356	1296	25	495	52	—	—	—	—	—	381	1791	2588	—
1233	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1233	—	—	—
38	67	5	6	46	40	—	—	—	—	43	73	416	61
302	727	6	6	85	90	—	—	—	—	308	733	21890	99
3724	—	1	1	21	75	—	—	—	—	3725	1		
156	—	11	11	334	20	—	—	—	—	167	11		
97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	97	—		

Число учреждений

Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.

14 Зоотомическій кабинетъ съ лабораторією.

Скелетовъ и препаратовъ въ спиртъ
 Книгъ и другихъ изданій
 Инструментовъ
 Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

15 Физиологическій кабинетъ.

Приборовъ и лабораторной мебели
 Реактивовъ и препаратовъ

16 Технический кабинетъ съ лабораторією.

Разныхъ техническихъ издѣлій и принадлежностей, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды

17 Агрономическій кабинетъ съ лабораторією.

Точныхъ измѣрительныхъ приборовъ
 Платиновой и серебряной посуды
 Разныхъ инструментовъ, фарфоровой и проч. посуды
 Книгъ и другихъ изданій
 Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

18 Музей изящныхъ искусствъ.

Изданія и эстампы, сочиненій съ рисунками и атласами
 Гипсовыхъ слѣпковъ, статуй, бюстовъ, барельефовъ, алтаря, обелисковъ и утвари

Въ нихъ со- стояло къ 1 января 1884 года.		Вновь приобретено въ 1884 году.			Въ теченіи 1884 г. убыло.			За снѣзъ состояло къ 1 января 1885 г.						
Числ. ровъ.	Экзем- пляр.	Числ. ровъ.	Экзем- пляр.	На сумму		Числ. ровъ.	Экзем- пляр.	На сумму		Числ. ровъ.	Экзем- пляр.	На сумму		
				руб.	к.			руб.	к.			руб.	к.	
327	—	—	—	—	—	—	—	—	—	327	—	—	—	
98	129	2	2	8	—	—	—	—	—	100	131	8982 83	—	
141	235	11	11	460	—	—	—	—	152	246	—		—	
211	214	—	—	—	—	—	—	—	211	214	—		—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
176	—	3	—	261	4	—	—	—	—	179	—	4227	4	
—	—	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	265	—	
293	4911	4	150	895	—	—	400	895	—	297	4661	10171	78	
52	152	—	—	—	—	—	—	—	—	52	152	13590 46	—	
15	24	—	—	—	—	—	—	—	—	15	24		—	—
468	1260	—	—	—	—	—	—	—	—	468	1260		—	—
57	75	3	14	117	90	—	—	—	—	60	89		—	—
105	—	1	—	125	—	—	—	—	—	106	—		—	—
322	351	—	16	88	—	—	—	—	—	322	367	8854	50	
100	142	—	2	90	75	—	—	—	—	100	144	2565	18	

Число учреждений	<p align="center">Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.</p>
19	<p align="center">Музей-кабинетъ.</p> <p>Коллекція слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости</p> <p>Фотографій и другихъ снимковъ</p> <p>Хромофотографій, литографій и гравюръ (листовъ)</p> <p>Амфоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами</p> <p>Древне-греческихъ живописныхъ вазъ</p> <p>Оригинальныхъ скульптуръ (терракоты и проч.)</p> <p>Датимотека Липперта</p> <p>Мелкихъ древностей</p> <p>Утвари</p> <p>Оригинальныхъ масляныхъ картинъ</p> <p align="center">Музей-кабинетъ.</p> <p>Монетъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ</p> <p>Медалей русскихъ и иностранныхъ</p> <p>Утвари</p>

Въ нихъ со- стояло къ 1 января 1884 года		Вновь приобретено въ 1884 году				Въ теченіи 1884 года убыло				За симъ состояло къ 1 января 1885 года			
Числ. рогъ	Эвек- пляр.	Числ. рогъ	Эвек- пляр.	На сумму		Числ. рогъ	Эвек- пляр.	На сумму		Числ. рогъ	Эвек- пляр.	На сумму	
				руб.	к.			руб.	к.			руб.	к.
1	25	—	—	—	—	—	—	—	—	1	25	160	—
913	1784	6	—	300	—	—	—	—	—	919	1784	1816	88
134	243	—	—	—	—	—	—	—	—	184	243	508	25
169	166	—	—	—	—	—	—	—	—	169	166	—	—
11	1	—	—	—	—	—	—	—	—	11	1	667	85
77	90	—	—	—	—	—	—	—	—	77	90	55	—
900	2000	—	—	—	—	—	—	—	—	2000	2000	112	50
185	220	—	—	—	—	—	—	—	—	185	220	80	75
37	40	—	—	—	—	—	—	—	—	37	40	1468	—
69	69	—	—	—	—	—	—	—	—	69	69	—	—
1332	2950	—	—	—	—	—	—	—	—	2932	2950	} 2131	45
1129	1129	—	—	—	—	—	—	—	—	1129	1129		
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1		

Нищенство, какъ предметъ попеченія церкви, общества и государства.

Проф. протоіерей Ал. Кудрявцевъ.

Вопросъ о нищенствѣ, которымъ я, съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, буду имѣть честь занять ваше благосклонное вниманіе въ настоящемъ торжественномъ собраніи, не есть вопросъ только государственный или полицейскій, какъ принято, въ большинствѣ случаевъ, думать о немъ. Съ тѣхъ поръ какъ правительства, испробовавши всѣ мѣры къ устраненію нищенства, убѣдились въ невозможности бороться съ нимъ однѣми собственными силами и стали, мало-по-малу, призывать на помощь къ себѣ церковь и общества, онъ сдѣлался вопросомъ церковно-общественнымъ, такимъ, къ разрѣшенію котораго призывается всякій, кому дороги интересы церкви и государства. Особенно важно и необходимо при этомъ церковное участіе. Попеченіе о бѣдныхъ и нищихъ всегда было самою существенною принадлежностію жизни церковной. И многолѣтняя практика ея выработала самые разнообразныя образцы его. Ей хорошо извѣстно и попеченіе въ госпиталяхъ, и попеченіе на дому и попеченіе посредствомъ частной милостыни. Каждый изъ этихъ видовъ попеченія практиковался не какънибудь, а всѣми послѣдователями извѣстнаго вѣроисповѣданія, и практиковался въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ; каждый успѣлъ, слѣдовательно, въ достаточной мѣрѣ обнаружить въ себѣ и свои достоинства и свои недостатки. И тѣ и другіе и вообще скрытыя не могли, а тѣмъ болѣе при той постоянной полемикѣ, какую вели между собою эти вѣроисповѣданія. Кому, напримѣръ, изъ слѣдившихъ за полемикой между римо-католицизмомъ и лю-

теранствомъ, не извѣстно, какъ послѣднее, нападая на догматическія воззрѣнія римско-католицизма, не щадило и его госпитально-корпоративный способъ призрѣнія бѣдныхъ и какъ римско-католицизмъ, отражая нападенія лютеранства, изыскивалъ, въ свою очередь, недостатки въ его способѣ призрѣнія бѣдныхъ на дому¹⁾. Вотъ какой богатый матеріалъ для рѣшенія вопроса о нищенствѣ можетъ дать одна практика церкви, а помимо практики есть иѣчто другое, высшее, чѣмъ руководится и самая практика, — это принципы церковныя. Въ нихъ столько силы и могущества, что стоитъ только какъ должно ими воспользоваться и ни безстыдство промысловаго нищества, ни безсердечіе достаточныхъ классовъ общества не устоятъ подъ ихъ вліяніемъ. Отъ того-то на западѣ, гдѣ вопросъ о нищенствѣ разрабатывается съ большею, чѣмъ у насъ, полнотою, изслѣдованія церковныя и пользуются такимъ же вниманіемъ, какъ и изслѣдованія экономическія. Къ нимъ прислушиваются тамъ и люди, стоящіе во главѣ государственнаго правленія и люди разныхъ званій и состояній. Ими пользуются тамъ при каждой почти реформѣ, какая предпринимается въ дѣлѣ борьбы съ нищенствомъ. Такъ было во всѣхъ прежнихъ реформахъ общественнаго призрѣнія, такъ видимъ и въ тѣхъ новыхъ, на необходимости которыхъ настаиваетъ теперь западная литература. Во всѣхъ изданныхъ въ послѣднее время проектовъ реформъ наряду съ участіемъ общества признается въ той или другой формѣ и участіе церкви²⁾. Вотъ какъ заканчивается одинъ изъ такихъ проектовъ: «Для успѣшнаго дѣйствія, говорится въ немъ, какъ въ соціальной области вообще, такъ въ дѣлѣ попеченія о бѣдныхъ по преимуществу, требуется прежде всего конфеcсіональный миръ и согласное взаимодействіе церкви и государства. А главное, что особенно необходимо для спасенія отъ возростающаго паупе-

¹⁾ Hering: «Die Liebeshätigkeit der deutschen Reformation». Studien und Kritiken. 1884.

²⁾ Ehrle: Beiträge zur Geschichte und Reform der Armenpflege. 1881. D-r Reinohl: Armuth und Armenpflege. Ein Beitrag zur Lösung des Armenfrage. 1868. Huber: Zur Reform des Armenwesens. 1867. Siegel: Zur Reform der Gemeinde Armenpflege. 1880. Rocholl: Über die Reform des Armenwesens. 1880. Jagielski: Die Überhandnahme der Bettelei und ihre Bekämpfung. Ein Beitrag zur Organisation der Armenpflege. 1885.

ризма, есть возвышеніе религіознаго чувства въ народѣ. Возвратите народу его религію»¹⁾). Если, и такъ, даже на западѣ, гдѣ вліянію церковному противодѣйствуютъ : и развитіе невѣрія, и антагонизмъ между церковію и государствомъ, и борьба кон-фессиональная, вліянію этому усвоается значительное участіе, то у насъ, русскихъ, у которыхъ невѣріе не успѣло еще, благодаря Бога, проникнуть въ массы народныя, у которыхъ нѣтъ ни антагонизма между церковію и государствомъ, ни борьбы между вѣроисповѣданіями, тѣмъ болѣе должно быть дано значеніе всему тому, что предлагаетъ церковь для борьбы съ нищенствомъ. На это-то участіе церкви въ рѣшеніи вопроса о нищенствѣ я и намѣренъ обратить ваше благосклонное вниманіе.

I.

Апология христіанскаго ученія о благотвореніи.

Какъ ни благопріятно даже на самомъ западѣ стали относиться къ участію церкви въ дѣлѣ призрѣнія нищихъ, тѣмъ не менѣе, начиная говорить о немъ, нельзя еще не начинать его апологіей. Мысль о вредѣ такого участія, закраившись въ общество съ половины XVII столѣтія, не оставляетъ его и до сихъ поръ и постоянно высказывается какъ въ западно-европейской литературѣ, такъ и въ нашей. Въ западно-европейской литературѣ она съ особенною ѣдкостью высказана въ сочиненіи Emminghaus'a: «Das Armenwesen und die Armengesetzgebung der Europäischen Staaten (Berlin 1870), а въ нашей — въ сочиненіи Прыжова: «Нищіе на Святой Руси» (Москва 1860 г.), въ составленной, подъ его вліяніемъ, статьѣ Борисова: «Нищенство по русскому законодательству» (Слово 1879 г. Апрель) и во многихъ другихъ журнальныхъ статьяхъ, появившихся въ семидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Такъ Прыжовъ, говоря о происхожденіи нищенства, указываетъ, что одною изъ главныхъ причинъ этого происхожденія было ученіе церкви о значеніи милостыни, объ угожденіи ею Богу, о прощеніи ради ея грѣховъ и объ умилостивительномъ дѣйствіи ея въ день страшнаго суда (стр. 59). Слѣдствіемъ таковаго ученія было, по словамъ его, то, что нищіе считались краскою церков-

¹⁾ Ehrle. s. 133.

ною, Христовою братією, церковными людьми, богомольцами за міръ (стр. 58) и чрезъ то неизмовѣрно умножились въ своемъ количествѣ. Въ ихъ ряды становились не только дѣйствительно нуждающіеся, но и нищіе вольные, отрекающіеся отъ своей собственности и въ Бога богатѣющіе, неся крестъ смиренія и терпѣнія. (стр. 53). Вся эта, покровительствуемая церковію, нищая братія покровительствовалась, по его словамъ, въ слѣдствіе означеннаго ученія, и всеми ея членами, начиная отъ князей и кончая поселянами. Всѣ находили въ милостынѣ удобное средство заглаживать, при помощи незначительныхъ подачекъ, свои, часто не незначительныя, прегрѣшенія. «Изъ обширнаго развитія древне русской милостыни, говоритъ онъ, не вышло ничего кромѣ копѣчной милостыни и множества нищихъ, ничего кромѣ легкой возможности старой дѣвкѣ замолить грѣхи своей молодости, купцу прикрыть злѣе нажитое богатство, подъячому успокоить свою нечистую совѣсть и все это за поданную ими копѣчку, какъ будто этимъ они сдѣлали какое нибудь доброе дѣло» (стр. 63). Первое сомнѣніе въ святости нищихъ возникло, по мнѣнію Прыжова, только въ царствованіе Императора Петра 1-го, со времени изданія духовнаго регламента, отвергнувшаго это ученіе (стр. 83—57). Вотъ этотъ-то все болѣе и болѣе распро­страняющійся у насъ взглядъ, взглядъ, въ которомъ все перепутано, все перетолковано, все выставлено въ иномъ свѣтѣ и которымъ можетъ быть нанесенъ, по этому, самый существенный вредъ дѣлу благотворенія и долженъ быть подвергнутъ самому тщательному и всестороннему разсмотрѣнію. Какъ бросающій тѣнь на чистоту ученія святой церкви, какъ заподозрѣвающій святость ея дѣйствій, какъ объединяющій народныя представленія съ подлиннымъ ея ученіемъ, онъ долженъ быть выясненъ не на основаніи такихъ памятниковъ, какъ стихи калѣкъ переходящихъ, къ какимъ прибѣгаетъ Прыжовъ съ своими послѣдователями, а на основаніи памятниковъ, излагающихъ подлинное ученіе святой церкви. Кого-же, и какъ, понимаетъ святая церковь подъ именемъ нищихъ и каждому ли изъ нихъ призываетъ на помощь? Всякая ли милостыня, какихъ бы размѣровъ ни была, признается ею одинаково богоугодною? Всякому ли, кто бы ни приносилъ ее, одинаково усваиваются плоды ея? Вотъ вопросы, которые вызываются указаннымъ взглядомъ и которые необходимо требуетъ рѣшенія для себя. Какъ ни трудно

отвѣчать кратко на такіе обширные вопросы, но мы недѣемся, что и самыя краткіе отвѣты на нихъ въ состояніи будутъ показать всю произвольность приведеннаго взгляда.

а) *Нищіе по ученію святой церкви.* Говоря о нищихъ, святая церковь никогда не относилась къ нимъ безразлично. Она всегда понимала подъ ними только истинно нуждающихся, только тихихъ, которые не по своей винѣ, не по лѣности и праздности, впали въ безпомощное состояніе, а въ силу болѣзни, старости, сиротства и другихъ какихъ либо исключительныхъ обстоятельствъ. Уже самъ Христосъ Спаситель, названши человека, закопавшаго талантъ свой, рабомъ лукавымъ и лѣнивымъ и повелѣвши отдать талантъ его имущему десять талантъ (Мѡ. 25, 26, 27), не показалъ ли тѣмъ, что лѣность и праздность неминуемо влекутъ за собою лишенія и ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ снисхожденія. Такъ и заявилъ о томъ уже съ совершенною опредѣленностію великій Апостолъ Его Павелъ, когда узналъ, что въ Солуни появились люди ничего не дѣлающіе и живущіе на чужой счетъ. Онъ прямо называетъ такихъ людей поступающими безчинно, повелѣваетъ напоминать имъ его замѣчаніе: «если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь», а въ случаѣ непослушанія—имѣть ихъ на замѣчаніи, не сообщаться съ ними и, не считая врагами, вразумлять какъ братьевъ (2 сол. гл. 3). А какъ добросовѣстно должно быть отношеніе каждаго къ общественному содержанію, онъ показываетъ на собственномъ примѣрѣ. «Мы не безчинствовали у васъ, говоритъ онъ, ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ; не потому, чтобы мы не имѣли власти, но чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ». 2 Сол. 3. 7—9. Въ томъ же духѣ учила св. церковь и въ послѣдующее время. «Тѣ, которые бѣдны вслѣдствіе дурнаго поведенія, говорится въ церковномъ памятникѣ III-го вѣка въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ», пьянства или расточительности не только не заслуживаютъ вспомошествованія, но недостойны даже быть членами церкви¹⁾. На этомъ основаніи въ тѣхъ же «Постановленіяхъ» людямъ молодымъ, здоровымъ внушается быть трудолюбивыми и прилежными, чтобы не стать бременемъ для об-

¹⁾ Constit. Apostol. Lib. 1. c. 4. Migne P. P. gr. t. 1. col. 599.

щины, быть бережливими — чтобы имѣть нѣчто изъ остающагося для приношеній на общественную жертву къ алтарю: потому что и Христосъ и Апостолы и словомъ и дѣломъ внушали трудолюбіе, такъ что никто изъ лѣнивыхъ и нерадивыхъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ¹⁾. Не замѣняется взглядъ на нищенство и въ IV в. Напротивъ, теперь-то, когда болѣе, чѣмъ прежде, стало промысловаго нищенства, онъ и началъ высказываться съ еще большею рѣшительностію. И что замѣчательно, онъ высказывается такъ тѣмъ самымъ Отцемъ и Учителемъ церкви, который особенно ознаменовалъ себя подвигами благотворенія, который первый создалъ знаменитые въ Кессаріи госпитали для больныхъ. Мы разумѣемъ св. Василя Великаго, Архіепископа Кессаріи Каппадокійской. Въ одной бесѣдѣ съ ученикомъ своимъ Иравлидомъ, объяснивши значеніе Евангельскаго совѣта о раздачѣ имущества, онъ прибавляетъ, что раздающему нѣтъ нужды самому о томъ заботиться, что онъ сдѣлаетъ гораздо лучше, если предоставитъ это дѣло поставленнымъ церковію попечителямъ о бѣдныхъ. Онъ ссылается при этомъ на то мѣсто книги Дѣяній св. Апостоловъ, гдѣ говорится, что христіане приносили цѣну проданнаго къ ногамъ Апостоловъ и что все раздавалось сообразно съ нуждами каждаго. «Потому что, говорить, для такого занятія нуженъ великій опытъ, нужно много умѣнья, чтобы различить користолюбивыхъ нищихъ отъ истинныхъ бѣдныхъ. Кто помогаетъ истинно нуждающемуся, тотъ даетъ самому Богу и отъ Него награду получить: А кто раздаетъ безъ различія каждому мимоходящему, тотъ даетъ милостыню не изъ сочувствія къ нуждѣ, а бросаетъ ее какъ псу, который надоѣдаетъ своею безстыдною навязчивостію²⁾. А вотъ отзывъ и другаго Отца церкви, тоже извѣстнаго своего благотворительностію, св. Амвросія Епископа Медиоланскаго. «Часто, говорить онъ, приходятъ нищіе совершенно здоровые, бродяги, которые хотятъ только пользоваться деньгами, назначаемыми для бѣдныхъ и для этого прибѣгаютъ къ притворству. Для того, чтобы ради этихъ плутовъ не лишить помощи истинно бѣдныхъ

¹⁾ *ibid.* L. 11. c. 13. Migne P. P. gr. t. 1. c. 615.

²⁾ S. Basil. Mag. Ep. 150 n. 3. Migne P. P. gr. t. 32 Col. 605. Въ русскомъ переводѣ т. VIII. Письмо 145, къ Амеллохію отъ имени Иравлида, стр. 320. См. также: *Homil. l. Pa. 14.* Migne P. P. gr. t. 29. Col. 264.

людей, если не всегда можно отказать докучающимъ, то ненадобно, по крайней мѣрѣ, давать слишкомъ много безстыднымъ¹⁾. «Твое имущество, пишетъ блаженный Иеронимъ, не есть собственно твое. Оно ввѣрено тебѣ только для управленія. Будь, поэтому, внимателенъ, чтобы не расточить бессмысленно собственность Христову бессмысленнымъ разбрасываніемъ не бѣднымъ того, что принадлежитъ истинно бѣднымъ». Онъ называетъ святотатствомъ давать неразумно каждому попрошайкѣ. (*Paris sacrilegii est, rem pauperum dare non pauperibus*²⁾). «Горе, говорятъ Климентъ Александрійскій, тѣмъ, которые имѣютъ и однако же притворствуя и обманывая соглашаются принимать подаянія отъ своихъ братій»³⁾ Если же и встрѣчаются у нѣкоторыхъ отцовъ церкви, особенно у св. Іоанна Златоуста, мѣста, которыми требуется не быть разборчивымъ при раздачѣ милостыни, то они направлены были противъ злоупотребляющихъ этою разборчивостію. Но самъ же святой Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Я не защищаю праздности. Напротивъ, очень желаю, чтобы всѣ занимались дѣломъ; ибо праздность научила всѣмъ порокамъ, а только увѣщаеа васъ не быть не милосердыми и жестокими»⁴⁾.

И не одна только древняя христіанская церковь учила быть разборчивымъ въ отношеніи къ нищенству. Также учила о томъ даже церковь латинская, которую особенно упрекаютъ за различное отношеніе къ нищимъ. На всѣхъ почти соборахъ ея мы видимъ опредѣленія, направленные противъ мнимо нуждающихся. Особенно замѣчательны въ этомъ случаѣ опредѣленія соборовъ: Орлеанскаго (511 г.), Турскаго (567 г.), Кельнскаго (1536 г.), Равенскаго (1569 г.) и Бордоскаго (1583 г.). Соборъ Орлеанскій увѣщаеа епископовъ поддерживать только больныхъ, слабыхъ и вообще неспособныхъ къ работѣ⁵⁾. Соборъ Турскій указываетъ даже, что призрѣніе приходами своихъ собственныхъ бѣдныхъ есть единственная мѣра къ устраненію промысловаго нищенства⁶⁾. Соборъ Равенскій запрещаетъ спо-

¹⁾ De officiis Ministrorum 11. 15. 16.

²⁾ Hieronym, Ep. 66 ad Pammach n. 8. Migne P. P. lat. t. 22 Col. 644.

³⁾ Fragm. Comm. in Math. V. 42.

⁴⁾ Вестд. на Ев. Мѣ.

⁵⁾ Sirmond., Conc. antiq. Gall. t. 1. p. 181.

⁶⁾ Ibid. p. 331.

собнымъ къ работѣ быть въ госпиталѣ бѣдныхъ долѣ одной ночи¹⁾. Соборъ Кельнскій, особенно занимавшійся вопросомъ о нищенствѣ, указавши на больныхъ, слабыхъ и вообще неспособныхъ въ работѣ, прибавляетъ, что только такіе, по каноническимъ опредѣленіямъ, могутъ быть предметомъ церковнаго попеченія и благотворенія духовенства и народа. «Несравненно лучше, говоритъ онъ, если голодающій по своей безпечности лишень будетъ хлѣба, чѣмъ снабженъ таковымъ, и еще болѣе укрѣпленъ чрезъ то въ своей безпечности»²⁾. Соборъ Бордосскій требуетъ, чтобы здоровые и способные къ работѣ нищѣ принуждаемы были начальствомъ къ пропитанію себя ремеслами и другими работами, а не питались незаслуженно милостыней³⁾. Въ полномъ согласіи съ соборными опредѣленіями стоятъ даже и сочиненія многихъ средневѣковыхъ латинскихъ писателей. Въ сочиненіи Петра Кантора (Cantor) (+ 1197) «*Verbum abbreviatum*» находится цѣлая глава, носящая слѣдующее названіе: противъ тѣхъ, которые подаютъ милостыню не бѣднымъ». (*Contra eos, qui dant non indigentibus*⁴⁾ Готѣрихъ Фонтенъ (Fontaine), знаменитый учитель Парижскаго университета (1280), отвѣчая на вопросъ: «достоина ли награды милостыня не нуждающимся» отвѣчаетъ рѣшительно, что такая милостыня, какъ совершающаяся безъ размысленія, заслуживаетъ наказанія⁵⁾. Подобнымъ же образомъ отвѣчалъ весь богословскій факультетъ университета, когда, въ 1525 г., магистратъ города Иперна (Ypern) представилъ на его разсмотрѣніе проектъ городского призравнія бѣдныхъ, составленный по образцу проекта, начертаннаго знаменитымъ гуманистомъ XVI в. Виве (Vives). Онъ совѣтуетъ только, при воспрещеніи нищенства, быть осторожнымъ и недопустить, чтобы дѣйствительно нуждающіеся остались безъ призравнія⁶⁾.

¹⁾ Collet, *Collectio nova Conciliorum et Decretorum* t. 5. col. 832.

²⁾ Synod. Colon. 1536. Pars XII. c. 1. Ratzinger *Geschichte der Kirchlichen Armenpflege* s. 340. Ehrle: *Beiträge zur Geschichte und Reform der Armenpflege*. s. 19.

³⁾ Odespun, *Consilia novissima Galliae*. Paris 1646 p. 1059.

⁴⁾ Cap. 47. Migne, P. P. Lat. t. 205. col. 147—152.

⁵⁾ Godefredi de Font., *Quodlibet*. 7 q. 13. *Bibl. Vatic. Cod. Lat. n. 1031*. См. Ehrle, s. 22.

⁶⁾ *Annal. Parlement* 1854. Docum. p. 1312. См. Ehrle, s. 37.

Что касается указаній на существованіе нищенствующихъ орденовъ, то на это достаточно замѣтить, что отреченіе отъ собственности есть одинъ изъ обѣтовъ монашества и что эти нищенствующие ордена вели не бродячую жизнь, а жили въ монастыряхъ, занимались разными работами и приносили даже пользу окружающему населенію. Такъ объ орденѣ добровольныхъ бѣдныхъ (*Arme freiwillige*), основанномъ въ 1470-мъ году, подъ вліяніемъ Буша (*Busch*), въ нѣмецкихъ городахъ, извѣстно, что онъ состоялъ изъ благочестивыхъ ремесленниковъ, жившихъ по уставу св. блаженнаго Августина и честно занимавшихся своими ремеслами¹⁾.

Объ отношеніи къ нищимъ лютеранскихъ обществъ и говорить нечего. Реформаторы-то я были первые, которые встали противъ нищенства и зывали къ правительствамъ объ ихъ преслѣдованіи. «Лѣзныя обжоры и своевольные бродяги, говорить Лютеръ, которые не работаютъ и, однако, хотятъ жрать, должны быть строго наказываемы; потому что они ложью и обманомъ отнимаютъ хлѣбъ, подаваемый боголюбезными гражданами у живущихъ среди насъ истинныхъ бѣдныхъ»²⁾. Кальвинъ предлагалъ, помимо наказанія, употреблять такихъ способныхъ къ занятію нищихъ, на какія либо полезныя для государства работы, а именно: мужчинъ—на постройку общественныхъ зданій, а женщинъ—для ухода за больными, за малолѣтними и для служенія въ госпиталяхъ³⁾.

Крайне несправедливо и о русской церкви говорить, что она безразлично относилась къ нищимъ. Дѣйствительно, пастыри и учителя ея постоянно зывали о милосердіи къ бѣднымъ, о состраданіи къ рабамъ, о высокомъ значеніи милостыни, но, во первыхъ, иначе и говорить они не могли, а, во вторыхъ, нужно знать каково было общество наше въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. Изъ тѣхъ же словъ и поученій, въ которыхъ слышимъ призывъ къ состраданію, милосердію, помощи, узнаемъ какъ мздоимны и несправедливы были судьи и управители, какъ безжалостны были сильные и богатые въ отношеніи къ бѣднымъ,

¹⁾ Kirchen Lexikon Wetzler und Welte's Erst. Band. «Arme» s. 1323.

²⁾ Richter: Die Evangelisch. Kirchenordnungen sechzehnten Jahrhunderts. B. 1. S. 346.

³⁾ Ibid.

слабымъ и безпомощнымъ, какъ жестоко обращался господа съ своими рабами, какъ обычны были: рѣзникство, грабительство, воровство и поджоги. Въ комъ же, какъ не въ пастыряхъ и учителяхъ церкви, могли находить тогда защиту для себя всѣ жертвы указанныхъ пороковъ общества? Почему же тѣ, которые видятъ въ словахъ и милостивѣ поощренія нищенству, не приводятъ какъ тѣ же и другіе современные имъ проповѣдники обличали при этомъ направленіе общества, какъ, напримѣръ, митрополитъ Кириллъ II (1242—1283) въ словѣ «о судьяхъ и волостеляхъ» свободно и безпристрастно обличалъ ихъ неправосудіе, мадонство и угнетеніе народа, какъ Симеонъ, первый епископъ Тверской (1271—1288) обличалъ, по сказанію сборника «Мърило праведное» князя Полоцкаго Константина за его неразборчивость въ выборѣ тиуновъ, какъ Серапіонъ, епископъ Владимірскій (XIII в.) въ словѣ «О казняхъ Божіихъ и о ратѣхъ» говоритъ: «неправда и зависть умножися въ насъ, злоба преумноже ны, величаніе вознесе умъ нашъ, злоба въ сердца намъ вселяся и ненависть на други, несмытость миловати сиротъ ни роду своего убогихъ. Звѣри бо ядше насыщаются, а мы не перестанемъ беруще имѣнія аще бо мощно вся погубити и всѣхъ имѣнія къ себѣ собрати. И скоты бо насыщаются, мы не можемъ ся насытити имѣнія того добывша, иная собирають, а неправдами рѣзникствомъ, грабленіемъ, тяжбою, клеветою, разбоемъ и неправымъ судомъ, работяще невиноватыя, аще быхомъ по правдѣ пожили, своею силою имѣнія беруши, то нѣсть зло, за то на ны негнѣвается Богъ»¹⁾. Но и при всемъ этомъ, призывая къ подавнію нищимъ, пастыри и учителя церкви всегда понимали подъ ними только истинно нуждающихся. Что же касается нерадивыхъ и лѣнивыхъ, то всѣ таковыя всегда слышали отъ нихъ самое сильное слово обличенія. Въ сборникѣ извѣстномъ подъ именемъ «Измарагдъ», содержащемъ въ себѣ поученія разныхъ проповѣдниковъ XIV и XV вв.²⁾, помню двухъ поученій, направленныхъ противъ лѣнивыхъ, постоянно встрѣчаются

¹⁾ Попеченіе отечественной церкви о внутреннемъ благоустройствѣ русскаго гражданскаго общества въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. Православный Соборъ. 1861 г.

²⁾ Поученіе лѣнивымъ уже не дѣлають и похваля дѣлательемъ. Слово къ лѣнивымъ св. Василія Кесарійскаго.

спильныя обличенія какъ праздности и лѣни, такъ и соединеннаго съ ними пользованія чужою собственностью. «Что ли сего полезнѣе, говорится въ одномъ изъ поученій, еже чужихъ не восхищати, но отъ своей силы довольнымъ быти, безъ лѣности трудящеся¹⁾. Еще сильнѣе обличаются поученіями сборнива тѣ, которые прикрывали свою лѣность благочестивыми цѣлями, которые обрекали себя на добровольное нищенство и уходили въ монастыри. «Реку вы, братіе, говоритъ одинъ пастырь, послушайте любовно, аще кто нищеты ради отходитъ въ монастырь или дѣтей немогій кормити, отбѣгаетъ ихъ, не мога печаловатися ими, то иже не у Божія дѣля любви отходитъ таковой, не трудитися Богу хочеть, но чреву споугодіе творити отбѣгаетъ, таковой вѣры ся отмещеть и поганыхъ горѣе, яко же рече апостоль и бываетъ вина клятвѣ мнозѣ, дѣти бо оставленіи многа голодомъ измирають и зимою изнемогають, босіи и нази и плачутся люте, вленуще глаголюще: почто народилъ насъ отецъ нашъ или мати наша, остави бо ны въ велицѣй страсти быти. Аще бо ны братіе повелѣнно чужи сироты кормити и не приарѣти ихъ, коими паче своихъ не оставятъ, вездѣ бо приметъ ны Богъ право живущаго по закону, а не спасутъ насъ черныя ризы, аще въ лѣности житіе начнеши, ни погубятъ же бѣзья, аще сотворимъ заповѣди Божія²⁾. Не особенно, какъ видно, вѣровалъ въ святость нищихъ и соборъ стоглавый (1551 г.) когда, описавши яркими красками притворныхъ нищихъ, говоритъ о нихъ: «всѣ же не Бога ради скитаются, свою волю дѣють»³⁾. Еще менѣе вѣрилъ въ безусловную святость нищихъ соборъ 1681 года, ибо подъ его очевидно вліяніемъ изданъ былъ знаменитый указъ 1682 года, въ которомъ говорится: «а есть и такіе воры, какъ о томъ повѣтствуется, которые малыхъ ребятъ съ улицъ крадутъ и руки и ноги имъ ломають и на улицы ихъ владуть, чтобы на нихъ люди, смотря, умилялись и болѣе имъ милостыни давали»⁴⁾. На основаніи такого и въ русской церкви постоянно существовавшаго взгляда на нищихъ, знаменитый архипастырь прошлаго вѣка св. Тихонъ Задонскій,

¹⁾ Поученіе 66.

²⁾ Измарагдъ л. 33 и 34.

³⁾ «Стоглавъ» Прав. Собесѣдн.

⁴⁾ Снегиревъ: Московскіе нищіе XV вѣка.

предложивши утѣшеніе нищимъ, дѣлаетъ при этомъ цѣлый рядъ примѣчательныхъ выдѣленій. «Отъ сего утѣшенія, говоритъ онъ, исключаются: 1) тѣ нищіе, которые могутъ трудиться и трудами себе съ домашними питать, но не хотятъ, и тако въ праздности и лѣности живучи, не имѣютъ чѣмъ себе довольствоваться и хотятъ чужими трудами питаться. Сіи сами своей нищеты виновны. Сіи не утѣшенія по суда Божія, яко тунеядцы ожидать должны, когда не покаются: ибо противу заповѣди Божіей дѣлаютъ, которою повелѣвается намъ въ потѣ лица нашего искать хлѣбъ себѣ (Быт. 3, 19). 2) Которые имѣя чѣмъ довольствоваться, притворяютъ себѣ нищету, въ рубища одѣваются, чтобы челоуѣколюбіе къ себѣ привлечь. Сіи обманщики, воры и хищники суть, а не нищіе; понеже и подающихъ обманываютъ и подлинно нищихъ окрадываютъ, ибо которая милостыня истинно нищенствующимъ имѣла быть подана, тую они ухищреннымъ вымысломъ похищаютъ. Погрѣшаютъ они противу заповѣди Божіей: не укради, и тако, яко татіе, суду Божію подлежатъ, когда не исправятся. 3) Которые поданную ради имени Христова милостыню издерживаютъ на пійнство и прочіе пагубныя расходы. Сіи такожде, какъ обманщики, воры и пійницы суда Божія не избѣгутъ, когда не почувствуются. 4) Сюды надлежатъ и тѣ нищіе, которые, не терпя нищеты, устремляются на воровство, хищеніе, разбой и прочія, закономъ Божіимъ запрещенныя, дѣла. 5) Въ семъ числѣ зачисляются и тѣ нищіе, которые, не терпя, рошутъ противу Бога и хулятъ. И прочіе симъ подобныя отъ выше писаннаго утѣшенія исключаются»¹⁾.

Въ полномъ согласіи съ ученіемъ св. церкви о нищенствѣ находилась всегда и практика ея. Она всегда къ тому, главнымъ образомъ, была направляема, чтобы отличить истинную бѣдность отъ притворной, чтобы оказывать помощь только дѣйствительно нуждающимся и чтобы самые нуждающіеся пользовались ею по степени важности нуждъ своихъ. Начало такой практикѣ положили сами апостолы, когда установили должность діаконѣвъ. Такъ какъ установленіе этой должности вызвано было ропотомъ еллиновъ, что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи потребностей (Дѣян. 6, 1), то назначеніе ея состояло, очевидно, въ томъ, чтобы апостолы и преемники ихъ

¹⁾ Объ истинномъ христіанствѣ кн. 1 стр. 332 изд. 3.

епископы могли, при помощи діаконовъ, ближе знакомиться съ нуждами бѣдныхъ и имѣть въ нихъ главныхъ помощниковъ въ дѣлѣ благотворенія. Такъ и понимала церковь ихъ назначеніе. На ихъ обязанности было: посѣщать больныхъ и бѣдныхъ, знакомиться съ ихъ нуждами, вести списки бѣдныхъ, представлять ихъ епископу, раздавать бѣднымъ назначенное епископомъ и возглашать при богослуженіи имена благотворителей. «Епископъ» говоритъ IV соборъ Кароагенскій, управляетъ вдовицами, сиротами и странниками не самъ собою, но чрезъ архипресвитера или архидіакона¹⁾. На этомъ основаніи апостольскія постановленія называютъ діаконовъ: глазомъ, ухомъ, душою и правою рукою епископа²⁾. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было наводить справки относительно лицъ женскаго пола, должность діаконовъ замѣняли діакоиссы или старицы, тоже существовавшія со временъ апостольскихъ (Рим. 16, 1). Мать старухъ, пишетъ Ливаній, когда когонибудь свяжутъ, всюду бѣгаетъ и собираетъ сколько можно, прося милостыни³⁾. Исторія сохранила намъ даже указаніе того, какъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, организовано было епископами дѣло благотворенія при посредствѣ діаконовъ. Такъ о папѣ Адрианѣ (772 — 795) извѣстно, что онъ раздѣлилъ Римъ на кварталы и устроилъ въ каждомъ изъ нихъ по діаконіи, въ каковой, подъ руководствомъ діакона, одни изъ бѣдныхъ получали пищу, другіе — одежду, а третьи, въ случаѣ болѣзни и старости, даже и пріютъ⁴⁾. И до нынѣ въ обществахъ лютеранскихъ благотвореніе совершается не иначе какъ при посредствѣ діаконовъ, для приготовленія которыхъ существуютъ тамъ отдѣльные институты. Независимо отъ наблюденій со стороны діаконовъ, и сами епископы старались, по возможности, быть знакомыми съ нуждами бѣдныхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое знакомство призна-

¹⁾ Прав. 16. Cyprian Ep. 38.

²⁾ Constit. apost. Lib. 11. c. 44. Migne P. P. Sr. t. 1. col. 703.

³⁾ Рѣчь 16. См. Вѣтринскій: «Памятники христіанскихъ древностей». Ч. 1. стр. 189.

⁴⁾ Смотри. Ratzinger: Geschichte d. Kirchl. Armenpflege. S. 225. Еще ранѣе папа Фабианъ, во время гоненія Деція, поставилъ въ каждой изъ 7 частей Рима по діакону и раздѣлилъ между ними церковную кассу. Anastasius. Vitae Pontificum l. c. p. 21.

важало даже прямою ихъ обязанностью. На сколько обширно бывало это знакомство показываетъ слѣдующій случай. Когда любовница императора Коммода захотѣла навести справки у епископа Римскаго Виктора объ одномъ сосланномъ въ Сардинію, то Викторъ назвалъ по имени всѣхъ сосланныхъ¹⁾. И такихъ случаевъ было очень много. Тамъ, гдѣ въ составъ епархіи входили не только жители епископскаго города, но и жители деревень, епископы, для ознакомленія съ нуждами бѣдныхъ въ этихъ послѣднихъ, имѣли у себя помощниковъ, такъ называемыхъ хорепископовъ, которымъ, по опредѣленію собора Кессарійскаго, ради попеченія ихъ о нищихъ, предоставлялось право священнодѣйствія, не только въ деревнѣ, но и въ городѣ²⁾. Съ тою же цѣлю, съ цѣлю возможно болѣе точнаго ознакомленія съ нуждами бѣдныхъ, имѣлись въ древности при каждой церкви списки бѣдныхъ (*matricula*, *κατά*), въ которыхъ обозначались: полъ, возрастъ, званіе, состояніе бѣднаго и способъ оказываемой ему помощи³⁾. Особенно употребительны были такіе списки въ церквахъ западныхъ. Они составлялись тамъ не только при церквахъ кафедральныхъ, но и сельскихъ⁴⁾. Всѣ внесенные въ такіе списки назывались матрикулянтами (*matricularii*), а учрежденія, которыми пользовались матрикулянты — матрикулами (*matriculae*⁵⁾). Установивши правило для наблюденія за нищими осѣдлыми, постоянно въ предѣлахъ епархіи живущими, святая церковь установила правила для наблюденія и за тѣми, которые, по мнимымъ или дѣйствительнымъ нуждамъ, должны были переходить въ другія епархіи. Всѣ таковыя тогда только получали право на вспомошествованіе при другихъ приходѣхъ и епархіяхъ, когда представляли отъ епископа своей епархіи, такъ называемыя, мирныя грамоты (*εἰρημικά ὑπόμνητα*) или свидѣтельство о бѣдности. «Всѣмъ убогимъ и вспоможенія требую-

¹⁾ *Philosophumena* Lib. IX. c. 12.

²⁾ Прав. 14.

³⁾ *Constit. Apost.* Lib. 11, 27. Lib. 111. 19. Migne P. P. Gr. t. 1. Col. 670 и 802. *Cyprian, Epist.* 38. *S. Chrys. hom.* 21 in cor. (*πάντες ἐγγεγραμμένοι*).

⁴⁾ *Regula Chrodegangi* c. 14. *Vita chrodegangi apud Pertz script.* X, 563. *Matriculae suae pagina nomina hujusmodi sua caritate commorantium retinebat.*

⁵⁾ Hefele, *Conc. Gesch.* IV, 22.

щимъ, говорить IV вселенскій соборъ, опредѣлили мы, по удостовѣреніи въ ихъ бѣдности, ходити токмо съ мирными церковными письмами, а не съ представительными грамотами¹⁾. Это правило соблюдается, въ нѣкоторой степени, и до сихъ поръ, но только предлагается, къ сожалѣнію, не къ каждому нищему вообще, а къ сборщикамъ на святыя храмы. Кромѣ указанныхъ, практиковались по мѣстамъ и нѣкоторыя другія мѣры для удостовѣренія въ бѣдности. Такъ, въ первыхъ лютеранскихъ общинахъ на всѣхъ бѣдныхъ, пользовавшихся вспомоществованіемъ прихода изъ милостынной кассы, налагался извѣстный знакъ²⁾.

Не безъ разбора относилась св. церковь и къ самымъ нуждамъ бѣдныхъ. Однѣ признаваемы были ею болѣе важными, а другія—менѣе важными. Она руководилась въ этомъ случаѣ наставленіемъ апостола Павла, который, говоря о призрѣніи вдовицъ, указалъ на слѣдующее между ними разграниченіе. «Если, говорить онъ, какой вѣрный или какія вѣрная имѣютъ вдовъ, то должны ихъ довольствовать и не обременять церкви, чтобы она могла довольствовать истинныхъ вдовицъ». 1 Тим. 5, 16. «Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры, и хуже невѣрнаго» гл. 5, 8. Исходя изъ такого принципа, св. церковь признавала, что не всѣ нужды бѣдныхъ должны быть одинаково обезпечиваемы, что первая и главная обязанность по обезпеченію таковыхъ должна лежать на семействахъ и что только тѣ изъ нуждъ, на которыхъ лежитъ совершенная печать безпомощности должны подлежать ея попеченію. Самою безпомощною нуждою всегда было и будетъ, конечно, сиротство, и вотъ видимъ, что оно, дѣйствительно всегда стояло на первомъ планѣ. «Епископы, говорится въ Постановленіяхъ апостольскихъ, имѣйте заботу о сиротахъ и смотрите, чтобы ни въ чемъ не было имъ недостатка; что касается до сироты, воспитывайте ее до возмужалости, когда вы можете выдать ее въ замужество какому нибудь брату по вѣрѣ³⁾. Всѣ таковыя сироты воспитывались подъ надзоромъ епископа, или у находившихся на попеченіи церкви вдовъ или въ особыхъ

¹⁾ Прав. II. сравн. прав. 7 собора Антиохійскаго.

²⁾ Kriegk: Deutscher Burgerthum im Mittelalter s. 116.

³⁾ Const. Apost. Lib. IV, c. 2. Migne. P. P. Gr. t. 1. Col. 807.

заведеніяхъ, называвшихся орфанотрофіями. Дальнѣйшимъ, послѣ сиротства, предметомъ попеченія церковнаго были: болѣзненная старость, трудная болѣзнь, плѣнь и заключеніе въ темницѣ ¹⁾. Всюду, гдѣ встрѣчается только обозначеніе нужды, подлежащихъ попеченію церковному, означенныя нужды всегда стоятъ, въ связи съ сиротствомъ, на первомъ планѣ ²⁾. Мало того, даже самыя безпомощныя и тѣ обезпечивались съ нѣкоторою разборчивостію. И среди нихъ всегда выдѣлялись всѣ тѣ, которые впадали въ безпомощное состояніе по причинѣ какого либо особеннаго служенія церкви. Такъ, въ средѣ сиротъ отдавалось предпочтеніе сиротамъ мучениковъ и исповѣдниковъ, среди заключенныхъ и сосланныхъ—заключеннымъ и сосланнымъ за вѣру Христову, среди странниковъ—благовѣстникамъ слова евангельскаго и исполнителямъ порученій церкви». «Нужно, говоритъ Лактанцій, относительно попеченія о дѣтяхъ мучениковъ и исповѣдниковъ, чтобы христіане, оставаясь совершенно спокойными на счетъ оставляемаго ими семейства, могли мужественно принять смерть за истину и справедливость»³⁾ «Прошу васъ, пишетъ св. Кипріянь своему клиру относительно заключенныхъ, чтобы ни въ чемъ не нуждались ни тѣ, которые заключены въ темницѣ за исповѣданіе славнаго имени Господня, ни тѣ, которые бѣдны и недостаточны и однакоже пребываютъ въ Господѣ; потому что вся небольшая сумма, какая собрана, распределена у клириковъ на подобные именно случаи, чтобы многіе имѣли помогать разнымъ лицамъ по ихъ нуждамъ и бѣдствіямъ»⁴⁾.

Если, и такъ, и ученіе и практика церкви свидѣтельствуютъ, что подъ именемъ нищихъ всегда понимаемы были церковію только истинно нуждающіеся, что лѣнныя и развратныя совершенно устраняемы были отъ ея попеченія, что для отличія сихъ послѣднихъ отъ истинно нуждающихся принимаемы были самыя строгія и энергичныя мѣры съ ея стороны, то не ученіе и правила св. церкви повинны къ умноженію нищенства и въ неразборчивомъ къ нему отношеніи, а повинны тѣ, кото-

¹⁾ Tertullianus, Apologeticus c. 39. Migne P. P. Lat. t. 1 col. 470.

²⁾ S. Justinus, Apol. 1 n. 67 Migne P. P. Gr. t. 6 col. 430. Cyprianus Ep. 36 Migne Lat. t. 4 col. 326 S. Crys. hom. 66 in Matth.

³⁾ Lactant. justit. divin. VI, 12. p. 146.

⁴⁾ Epist. 37. Opp. p. 107.

рые уклоняются отъ этого ученія и этихъ правилъ и, слѣдуя своему мудрованію, сами собою хотятъ рѣшать одну изъ труднѣйшихъ соціальныхъ задачъ.

б) *Милостыня по ученію св. церкви.* Еще менѣе могло благопріятствовать размноженію нищенства то ученіе, какое предлагаемо было церковію, о размѣрахъ милостыни. Правда, эти размѣры не были ею строго опредѣляемы, но потому-то они и не были ею опредѣляемы, что опредѣленіе ихъ должно было зависѣть, по ея ученію, съ одной стороны отъ степени матеріальнаго благосостоянія жертвователя, а съ другой—отъ степени усердія его. Начало такому ученію положилъ самъ божественный Основатель ея, когда засвидѣтельствовалъ, что лепты вдовицы, какъ составлявшія все имущество ея, несравненно большую имѣли цѣну, чѣмъ приношенія богатыхъ, удѣлявшіяся только отъ избытка ихъ (Лук. 21, 1. 4.), и когда одобрилъ намѣреніе мытаря Закхея, обѣщавшаго, въ знакъ благодарности къ Нему, раздать нищимъ половину имѣнія (Лук. 19, 8. 9). Тоже самое высказалъ и апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринтянамъ. Сказавши, что каждый долженъ удѣлять по расположенію сердца (2 Кор. 9, 7), онъ такъ опредѣляетъ степень этого расположенія: «Если есть усердіе, говоритъ онъ, то оно принимается смотря по тому, кто что имѣетъ, а не по тому что не имѣетъ» (гл. 8, 12). На основаніи этихъ евангельскихъ примѣровъ съ одной стороны и апостольскихъ разъясненій—съ другой, и святоотеческая письменность всегда требовала отъ милостыни, чтобы она опредѣлялась усердіемъ и состояніемъ жертвователя. «Многое и малое Богъ цѣнитъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, не по мѣрѣ подаваемого, а по достатку подавающаго. Можетъ, поэтому, случиться, что, положивши сто большихъ монетъ, ты положишь меньше того, кто положилъ самую мелкую монету: ибо ты положилъ отъ избытка»¹⁾. Самое меньшее, въ чемъ могла состоять она, была, по ученію церкви, десятая часть изъ всего приобретаемаго трудомъ челоуѣка. «Христіанинъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, не долженъ довольствоваться десятинами. Онъ долженъ превосходить въ своей праведности праведность фарисеевъ и все дать, что можетъ. Это будетъ самое меньшее, если онъ дастъ бѣднымъ десятую часть

¹⁾ 19-я Веседа на 2 е посл. къ Коринт.

своего имущества»¹⁾. Въ силу такого взгляда на милостыню, церковь западная прибѣгала даже къ угрозамъ, когда вѣрующіе забывали объ этомъ крайнемъ предѣлѣ милостыни. «Если ты, говоритъ св. Амвросій Медиоланскій, не дашь Богу десятой части, то смотри какъ бы онъ не отнял у тебя девять частей»²⁾ Съ еще большею настойчивостію указывали на значеніе десятиныхъ соборы западной церкви. Они опредѣляли даже отъ какихъ предметовъ она должна быть даваема³⁾. Въ такомъ именно видѣ, т. е. въ видѣ десятины и существовала милостыня на западѣ даже до послѣдняго времени и притомъ такъ, что самыя гражданскія законодательства, какъ законодательство Карла Великаго⁴⁾, дѣлали ее обязательною. Да и теперь, не смотря на воспрещеніе ея нѣкоторыми правительствами, она сохранила по мѣстамъ существованіе свое. Была въ обычаѣ, на первыхъ порахъ, десятинная милостыня и у насъ, но почему-то не успѣла пустить глубокихъ корней для себя. Кромѣ князей, обезпечивавшихъ десятинами соборныя церкви и всѣхъ тѣхъ, которые кормилсь отъ нихъ, никто другой десятины не давалъ. Не одиѣ, впрочемъ, десятины бывали мѣроу милостыни. Помимо ихъ бывали въ обычаѣ, особенно на востокѣ, и другаго рода милостыни, называвшіяся начатками. Размѣры таковыхъ хотя и не были опредѣляемы, тѣмъ не менѣе малыми не были. Они тоже, какъ видно изъ поученія объ нихъ св. Іоанна Златоуста, приравнивались, по большей части, къ десятинамъ. «Хотите ли, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ поученій, я укажу вамъ и источники, откуда заимствовать приношенія, дабы сдѣлать ихъ легкими? Ремесленникъ, напримѣръ, сапожникъ, кожевникъ, мѣдникъ, или какой нибудь иной художникъ, продавъ что нибудь изъ произведеній своего искусства, пусть принесетъ начатокъ цѣны Богу, пусть отлагаетъ нѣкоторую часть въ ковчежцѣ, (который предлагаетъ онъ каждому завести у себя) и этою малою частію подѣлится съ Богомъ; не большаго требую, но столько,

1) Homil 64. Matth. oper. omn. VII, 641.

2) In serm. in feriam. III.

3) Таковы постановленія соборовъ: Лондонскаго 1200 г. и Никтавійскаго въ 1284 году. См. SS. Concil. Labbei t. XI p. 1. col. 18, cap. IX. col. 1:36.

4) Conc. francof. 794. c. 25. capit. episcop. c. 6. См. Ratzinger: s. 150.

сколько приносили сыны іудейскіе, исполненные безчисленныхъ золь, столько же будемъ отлагать и мы, ожидающіе, неба. Впрочемъ, не поставлю этого закономъ, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не меньше десятой части. То же самое дѣлайте не то порльки продажъ, но и при покупкѣ. То же правило пусть соблюдаютъ и владѣтели полей, при собираніи съ нихъ доходовъ, тоже и всѣ, пріобрѣтающіе праведно.... Если мы утвердимся въ таковой привычкѣ, то потому совѣсть будетъ укорять насъ, какъ скоро не станемъ исполнять этого правила¹⁾. Какое важное значеніе придаваемо было на востокѣ приношенію этихъ начатковъ, видно изъ того, что въ Номоканонѣ Фотія ему дается почетное названіе «каноническаго» (τὸ κανονικόν) т. е. такого, которое основано на церковныхъ законахъ или канонахъ²⁾. То же самое видно и изъ золотой буллы Исаака Комнена (ум. въ 1054 г.). Опредѣливши какой сборъ барановъ, ячменя, вина, муки, куръ и денегъ долженъ производиться съ приходовъ, имѣющихъ 30, 20 и 10 дымовъ или домовъ, она прибавляетъ: какъ это опредѣлено въ древнихъ постановленіяхъ³⁾. Даже въ XVII в. у Грековъ былъ еще, какъ свидѣтельствуемъ Христофоръ Ангелъ, обычай приносить къ храму, во всѣ праздники, отъ каждаго дома по два динарія, что, при 36 упоминаемыхъ имъ праздникахъ, давало порядочную сумму⁴⁾. Положимъ, что всѣми такими приношеніями на проскомидію или поминовеніе теперь пользовалось одно духовенство, но весьма важно, въ этомъ случаѣ, то, что въ христіанахъ жило еще сознаніе о правильной милостынѣ. Есть нѣкоторые остатки правильнаго взгляда на милостыню и у насъ. Они проявляются въ повсемѣстномъ почти обычай давать церкви и духовенству, по окончаніи уборки полей, такъ называемую «новъ», т. е. извѣстную часть отъ всего собраннаго съ земли, что—очень близко къ древнимъ начаткамъ. На то же

¹⁾ Вещда 43-я на 1-е посланіе къ Коринѣ. «О милостынѣ». Сборникъ Вещдъ св. отца нашего Іоанна Злат. М. 1876 стр. 74.

²⁾ Tit. 1. с. XXXIV.

³⁾ Constit. imperat. in Novell. Iustin. p. 824 См. у Любимова: Историческое обозрѣніе способовъ содержанія христіанскаго духовенства. Спб. 1852. стр. 31.

⁴⁾ Opera Christoph. Angeli Graeci, Cura Fehlavii, Lipsiae. 1671. p. 846. См. у Голубинскаго: Исторія русскои церкви. Т. 1. перв. пол. стр. 440.

указываетъ названіе предпраздничнаго дня «кануномъ», что означаетъ, по объясненію Голубинскаго — не пѣніе канона: ибо таковой поется и не наканунѣ праздниковъ, а приношеніе дара съ брашнами въ корзины (*κανον, κανυ*), каковое, дѣйствительно, по мѣстамъ въ обычай и до сихъ поръ¹⁾. Если, и такъ, св. церковь не знала меньшей милостыни, какъ только десятины, начатки и вообще довольно значительныя къ алтарю приношенія, то не ея ученіе виновато, что милостыня бѣднымъ снизошла на степень раздачи копѣекъ и булокъ, а виноваты тѣ, которые отступили отъ церковнаго ученія и обычая. Будь, впрочемъ, и эти копѣйки и булки подаваемы такъ, какъ учила о томъ церковь отъ самыхъ временъ апостольскихъ, и онѣ могли бы имѣть нѣкоторое значеніе. Весь вредъ ихъ въ томъ, что онѣ раздаются поручно, частнымъ образомъ, а такую раздачу святая церковь не только не одобряла, но даже положительно воспрещала. Уже самими апостолами было постановлено, чтобы приношенія доставляемы были или къ нимъ или постановленнымъ ими епископамъ и пресвитерамъ. (Дѣян. 11, 30. 1. Кор. 16, 3. 4). Соборъ Гангрскій (ок. 340 г.), правила котораго признаны имѣющими вселенское значеніе, 7 и 8 правилами своими опредѣляетъ о томъ такъ: «Аще кто церковныя плодоприношенія приимати или раздавати внѣ церкви хочетъ, безъ воли епископа, или того, кому они поручены, и не по его волѣ творити хочетъ: да будетъ подѣ клятвою (пр. 7). Аще кто даетъ или приѣмлетъ плодоприношенія мимо епископа, или поставленнаго управлять благотвореніями: и дающій и приѣмлющій да будутъ подѣ клятвою» (пр. 8). Въ одномъ изъ правилъ апостольскихъ указывается даже и основаніе, почему епископу наиболѣе удобно и прилично занятіе такимъ дѣломъ. «Аще драгоценныя человѣческія души ему ввѣрены быть должны: то колми паче о деньгахъ заповѣдать должно, чтобы онъ всѣмъ распоряжалъ по своей власти и требующимъ чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ подавалъ со страхомъ Божиимъ и со всякимъ благоговѣніемъ: такожде и самъ заимствовалъ на необходимыя нужды свои и страннопріемныхъ братій, да не терпятъ недостатка ни въ какомъ отношеніи»²⁾. Если бы, такимъ образомъ, даже копѣйки и хлѣбные

1) Голубинскій: Исторія русской церкви. Т. 1 перв. пол. стр. 441.

2) Пр. 41.

куски раздаваемы были, какъ установила св. церковь, чрезъ посредство епископовъ и лицъ отъ него постановленныхъ, они не только не плодили бы нищихъ, но и были бы дѣйствительною помощію для истинно нуждающихся.

в) *Свойства и качества благодѣтелей по ученію святой церкви.* — Нелзя, навонецъ, сказать, что и обѣщаніе наградъ, возвѣщаемое церковію за дѣло благодѣренія, могло быть поводомъ къ размноженію нищихъ. Изъ всѣхъ побужденій къ благодѣренію обѣщаніе наградъ было именно такимъ побужденіемъ, которое менѣе всего было употребляемо, особенно православными пастырями церкви. По опасенію ли къ перетолкованію, или по другимъ какимъ причинамъ, только всегда они предпочитали ему наиболѣе тѣ, которыя состояли въ указаніи на любовь къ намъ Божію, на союзъ натуральный и благодатный, соединяющій насъ между собою. Что же касается указанія на отпущеніе грѣховъ, на награды, ожидающія жертвователя, то къ нему прибѣгали пастыри церкви только въ случаяхъ крайнихъ, такихъ, когда, какъ было, на примѣръ, въ IV и V вѣкахъ на востоцѣ и въ XIII, XIV и XV вв. у насъ въ Россіи, развивалась особенная нищета и требовалась особенно усиленная помощь. Но и въ этихъ чрезвычайныхъ случаяхъ пастыри и учителя церкви отнюдь не переставали указывать на нравственное достоинство жертвователя. «Есть люди, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, которые, ограбивъ ближняго, считаютъ себя оправданными, раздавъ бѣднымъ десять или сто златицъ. Это жидовскія или скорѣе сатанинскія милостыни»¹⁾. «Милостыня, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, даваемая изъ имуществъ, пріобрѣтеннаго неправедно, есть воровство и человѣко-убійство». «Если намѣреваешься, говоритъ свят. Василій Великій, принести Богу что либо изъ пріобрѣтеннаго неправедно и хищеніемъ, то лучше для тебя и непріобрѣтать такого имущества и не приносить изъ него. Да испытываетъ себя человѣкъ, и богатый пусть смотритъ на собственные свои доходы, изъ которыхъ намѣревается приносить дары Богу: не утѣснялъ ли нищаго, не дѣлалъ ли насилія немощному, не покорыстовался ли чѣмъ отъ подчиненнаго ему, вмѣсто справедливости употребивъ власть. Ибо намъ повелѣно соблюдать справедливость и равенство и въ раз-

1) Бесѣда 85 на Ев. Мс.

сужденіи рабовъ»¹⁾. Подобныя же сужденія и обличенія встрѣчаемъ и у отцевъ и учителей западной церкви, особенно до раздѣленія церкви. «Милостыня, говоритъ блаженный Августинъ, служитъ во спасеніе тому, кто исправилъ свою жизнь. Если вы даете только для того, чтобы пріобрѣсти право грѣшить безнаказанно, то вы не питаете Христа въ лицѣ бѣднаго, а стараетесь подкупить судію своего»²⁾. Не одно и то же, говоритъ св. Григорій Великій, творить милостыню за грѣхи свои, или грѣшить общаиъ подавать милостыни. Тотъ, кто считаетъ себя въ правѣ грѣшить, потому что подаетъ милостыню и, искупая грѣхи свои, дѣлаетъ новые, надѣясь опять искупить ихъ, тотъ отдаетъ свое имущество Богу, а самъ себя продаетъ діаволу»³⁾. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ на достоинство приносящихъ милостыню, святая церковь, не смотря на нужды свои, была очень осторожна въ пріемѣ ея. «Лучше умереть отъ голода, говорится въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ», чѣмъ принять что либо отъ враговъ Божіихъ»⁴⁾. На этомъ основаніи, ни отъ ростовщиковъ, ни отъ прелюбодѣевъ, ни отъ развратныхъ женщинъ милостыня не принималась⁵⁾. Если бы епископъ, по незнанію принялъ милостыню отъ одной изъ указанныхъ или подобныхъ имъ личностей, то долженъ былъ предать ее не въ пользу бѣдныхъ, а огню⁶⁾. Совершенно въ томъ же духѣ и тѣми же почти словами говорили о творящихъ милостыню и пастыри русской церкви. Въ томъ же сборникѣ «Измарагдъ», изъ котораго приводили мы мѣста, касающіеся взгляда на нищенство, есть много мѣстъ, свидѣтельствующихъ, что русскіе проповѣдники XIII, XIV и XV вв. и во взглядѣ на достоинство благотворителей строго держались ученія древней церкви. «Творя милостыню, говоритъ одинъ пастырь,—внимай егда неправдою будешь собралъ. Милостыни бо неправедная подобно сему: яко бы отецъ зрѣлъ сына закалаема. Коль зло ему тако Богу зло зрѣти, аще

¹⁾ Бесѣда о милости и о судѣ. Твор. св. отцевъ въ русск. пер. Т. VIII. стр. 392—393.

²⁾ De script. c. 6. Enchirid ad Laur., 1, 20.

³⁾ Pastor. cura adm. 21.

⁴⁾ Const. apost. 11, 9. Migne P. P. Gr. t. I. Col. 610.

⁵⁾ ibid. IV, c. 5, 6, 7. Migne P. P. Gr. t. I. Col. 811—813.

⁶⁾ ibid. II, c. 10. t. I. Col. 610.

чужимъ кто милостыню даетъ. Луче такому не творити, тѣхъ бо помиловалъ, а не ограбилъ. Отъ праведнаго стяжанія дал той великъ есть передъ Богомъ»¹⁾. Еще живѣе выражаетъ ту же мысль другой проповѣдникъ: «Аще бы ослѣ мертва кто привлекъ въ церковь, то не бы-ли его каменіемъ побили п яко скверника отъ грабленія милостыня гнуснѣ того есть. Аще бо неправедно что прилячеши къ собранному имѣнію, то все огню сѣтъ есть и якоже се въ чистѣ источникъ гной выѣститъ кто, то всего нечистаго сотворитъ, тако и богатство насилія, во злѣ вся проказитъ, иже отъ неправды и отъ хищенія милостыня, то лучши не грабити ни творити, есть бо на пагубу души. А праведнаго имѣнія трудъ творимъ милостыня»²⁾. А вотъ взглядъ, и знаменитаго проповѣдника XVIII ст., святаго Тихона Задонскаго. «Милостыню должно подавать, говоритъ онъ, не отъ хищенія и не правды, но отъ своихъ имѣній Богомъ данныхъ намъ. Ибо у одинаго отнимать и другому давать не милость есть, но безчеловѣчіе и прельщеніе совѣсти или умягченіе, которая, неправдою раздражена, не престаеъ обличать хищника. Такая милостыня есть мерзость передъ Богомъ»³⁾. На этомъ основаніи и у насъ въ эпитеміиныхъ правилахъ встрѣчаются слѣдующія наставленіе священникамъ: «Приношенія недостойныхъ непріимай, и отъ невѣрныхъ въ святый олтарь или будетъ еретикъ или ротникъ, такожде и отъ татя и отъ разбойника, рѣзоимца же и чародѣя, или клеветникъ или поклепникъ или судьи неправедна, или аще господинъ будетъ челядь свою равами муча, и гладомъ моря, наготою же томя. Аще будетъ кто таковыхъ не покается, и у таковыхъ приношенія не приеми»⁴⁾. Да если бы и дѣйствительно по желанію награды творима была нѣкоторыми милостыня, то и въ такомъ случаѣ увеличеніе количества нищихъ могло быть только при неправильномъ взглядѣ на нищихъ. Тамъ же, гдѣ взглядъ на нищихъ будетъ правиленъ, гдѣ раздача милостыни будетъ производиться рационально, то изъ какихъ побужденій ни вытекала бы милостыня, она всегда будетъ увеличиваться только въ объемѣ своемъ.

¹⁾ Измарагдъ г. 223.

²⁾ *ibid.* Листъ 55.

³⁾ Объ истинномъ христіанствѣ. кн. 1, стр. 329.

⁴⁾ Рукоп. Каванской духовной Академіи № 828. Поученіе Евменія епископа Новгородекаго, г. 320 и 321. См. Правосл. Собесѣд. 1861. ч. I. стр. 195.

Вотъ тѣ взгляды на нищихъ, милостыню и свойства благотворителей, какихъ держалась святая церковь въ лицѣ лучшихъ своихъ пастырей и учителей. Слѣдуй имъ члены ея, и подъ нищими понимались бы одни беспомощные бѣдные, подъ милостынею—только десятины, начатки и вообще достаточныя въ большей или меньшей степени приношенія, а подъ жертвователями—только люди благочестивые и отъ трудовъ праведныхъ удѣляющіе. Не подъ ея, слѣдовательно, вліяніемъ плодилось и ходило нищенство. Не она низвела милостыню на степень грошевой раздачи. Что и какъ вліяло на то, о томъ намъ нѣтъ нужды судить. Нашъ долгъ только показать, что упрекъ, дѣлаемый церкви, не основателенъ, что отъ церкви-то именно и можетъ произойти уврачеваніе отъ той социальной болѣзни, какая именуется нищенствомъ.

II.

Церковь и ея благотворительныя учрежденія.

Въ то время какъ государство и общество должны еще создавать и организовать разныя учрежденія для борьбы съ нищенствомъ, святая церковь, отъ самаго начала существованія своего, имѣетъ учрежденія, специально назначенныя для наилучшаго примѣненія благотворительной дѣятельности и уже достаточно заявившія о себѣ въ исторіи. Одни изъ нихъ возникли на почвѣ союза междуцерковнаго, другія—союза церковно-національнаго, третьи—епархіальнаго и четвертые—приходскаго.

1. *Союзъ междуцерковный и его учрежденія.* Союзъ междуцерковный есть тотъ союзъ взаимной любви, который указанъ божественнымъ Основателемъ церкви какъ исключительный признакъ, отличающій послѣдователей Его. «Потому узнаютъ всѣ, говоритъ Онъ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою». Іоан. 13, 35. По силѣ его, они должны быть какъ вѣтви одного дерева (Іоан. 15, 5), какъ части одного тѣла (1 Кор. 12, 21—27), т. е. жить одною общею жизнію, радоваться одними радостями, печалиться одними печальми и помогать другъ другу во всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ своихъ. Соотвѣтственно такому назначенію, каждая отдѣльная часть церкви, на какомъ бы отдаленномъ разстояніи отъ другихъ частей ни находилась, обязана, въ случаѣ какого либо бѣдствія,

постигающаго одну изъ этихъ послѣднихъ, оказывать ей посильную поддержку. Какъ важна и необходима такая взаимная поддержка, о томъ съ особенною подробностію высказалъ апостолъ Павелъ, когда призывалъ коринтянъ къ участию въ пожертвованіяхъ для страдавшей отъ голода церкви Иерусалимской. Указывая на пользу, происходящую отъ пожертвованій для нихъ самихъ или для церквей жертвующихъ, онъ говорилъ: «нынѣ вамъ избытокъ въ восполненіе ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ въ восполненіе вашего недостатка, чтобы была равноиѣрность» (2 Кор. 8, 14), а указывая на пользу, происходящую для самыхъ бѣдствующихъ церквей, онъ говорилъ: «Дѣло служенія сего не только восполняетъ скудость святыхъ, но и производитъ во многихъ обильныя благодаренія Богу. Ибо, видя опытъ служенія сего, они прославляютъ Бога за покорность исповѣдуемому вами Евангелію Христову и за искреннее общеніе съ ними и со всѣми» (2 Кор. 9, 13). Тотъ же апостолъ, желая придать этому важному виду благотворительности наибольшую прочность и оградить его отъ возможныхъ при немъ злоупотребленій, начерталъ даже и нѣкоторыя правила, какими должны руководствоваться церкви какъ при собираніи милостыни, такъ и при отправкѣ ея. Самымъ лучшимъ способомъ собиранія такого рода милостыни признается апостоломъ тотъ, по которому собираніе производится мало по малу, постепенно, а все, что собрано, откладывается и имѣется постоянно наготовѣ. «Касательно сбора для святыхъ, пишетъ онъ коринтянамъ, поступайте такъ, какъ я установилъ для церквей галатійскихъ. Въ первый день недѣли каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я приѣду. Когда же приѣду, то которыхъ вы выберете, тѣхъ отправлю съ письмами для доставленія вашего подаянія въ Иерусалимъ». 1 Кор. 16, 1—3. Что касается способа передачи, то, для устраненія всякихъ сомнѣній и нареканій на предстоятелей церквей, онъ долженъ совершаться, по опредѣленію апостола, чрезъ людей избранныхъ самими церквами. Соблюденіе такого порядка въ передачѣ апостолъ считалъ настолько важнымъ, что когда нужно было отправить пожертвованія изъ Македоніи въ Иерусалимъ, то онъ, не смотря на личное туда путешествіе, просилъ, для устраненія нареканій, избрать спутниковъ ему и имъ ввѣрить пожертвованныя сум-

мы. «Мы стараемся о добромъ, пишетъ апостолъ по этому поводу, не только передъ Господомъ, но и передъ людьми» 2 Кор. 8, 21. Не маловажно было для послѣдующаго времени и то указаніе апостольской практики, по которому все пожертвованное тою или другою церковію вручалось не кому другому, а только представителю бѣдствующей церкви, епископу и пресвитерамъ ея. Такъ поступила церковь Антиохійская, пославъ собранное, какъ говоритъ книга Дѣяній апостольскихъ, къ пресвитерамъ чрезъ Варнаву и Савла» Дѣян. 11, 30. Вотъ сколько задатковъ для устройства взаимной между церквами благотворительности дано было самими апостолами, а многое сдѣлано было и послѣ, дальнѣйшими ихъ пріемниками. Они еще болѣе упростили и облегчили потомъ взаимныя между церквами сношенія чрезъ обмѣнъ грамотъ и чрезъ назначеніе постоянныхъ уполномоченныхъ. Благодаря такому установившемуся ученіемъ и практикой церковей порядку, рѣдкое бѣдствіе, постигавшее ту или другую церковь, не вызывало соболѣзнованія въ другихъ церквахъ и не возбуждало эти послѣднія къ сильной помощи. Наиболѣе частые и наиболѣе поразительные тому примѣры встрѣчаются въ исторіи трехъ первыхъ вѣковъ христіанства. Такъ, когда, въ половинѣ перваго христіанскаго вѣка, возникъ голодъ въ церкви Іерусалимской, то отъ всѣхъ церковей такія обильныя послѣдовали пожертвованія, что нѣкоторыя, какъ церкви Македонскія, слышали отъ апостола слѣдующую похвалу для себя: «Онѣ добротны, пишетъ о нихъ апостолъ Павелъ, по силамъ и сверхъ силъ. Я свидѣтель». 2 Кор. 8, 3. А вотъ и еще примѣръ и притомъ изъ жизни уже третьяго христіанскаго вѣка. Епископы Нумидійскіе, не имѣя чѣмъ выкупить своихъ плѣнныхъ, обращаются за помощію къ святому Кипріану епископу Кареагенскому. Св. Кипріанъ немедленно собираетъ въ своей церкви пожертвованія и при слѣдующемъ трогательномъ письмѣ отправляетъ таковыя. «Будьте благословенны, пишетъ онъ епископамъ Нумидійскимъ, что вы указали намъ плодоносное поле, гдѣ мы должны сѣять сѣмя, которое должно дать намъ обильную жатву. Вотъ сто тысячъ сестерцій (около 4 т. рублей), которыя собралъ я отъ клира и народа своей церкви и если бы новыя опасности намъ угрожали, мы всегда готовы послать вамъ новую помощь. Мы не просимъ у васъ въ замѣнъ ничего

кроме молитвы»¹⁾. Не мало дѣлала въ этомъ отношеніи и богатѣйшая изъ всѣхъ церквей того времени церковь Римская. «Издавна, пишетъ къ предстоятелю ея Діонисій епископъ Коринѳскій, вы привыкли осыпать всѣхъ братій вашихъ вашими благодѣяніями и оказывать помощь въ нуждахъ всѣмъ церквамъ, гдѣ бы онѣ не находились»²⁾. Но что говорить о трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства, этихъ вѣкахъ особеннаго христіанскаго одушевленія, когда и наша отечественная церковь постоянно являла собою поразительные образцы христіанскаго братолюбія къ другимъ церквамъ православнымъ. Гдѣ, какъ не въ ней находили помощь для себя церкви восточныя, особенно со времени подпаденія своего подъ власть невѣрныхъ? Куда, какъ не къ ней обращались постоянно и церкви юго-славянскія во всѣ годины тяжелыхъ испытаній своихъ? Отсюда постоянно исходило для нихъ и покровительство и утѣшеніе и всяго рода благотвореніе. Какъ обильны и разнообразны были ея пожертвованія церквамъ восточнымъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ, о томъ подробно сообщаетъ намъ только что появившееся изслѣдованіе г. Каптерева: «Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку» (Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1884 г.). Изъ него узнаемъ мы, что милостыня давалась не только патріархамъ, но и другимъ лицамъ и учрежденіямъ, что она передавалась, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ прибытія самихъ патріарховъ, или чрезъ нашихъ Константинопольскихъ пословъ или чрезъ особыхъ снабженныхъ патріаршими грамотами уполномоченныхъ. Самою обильною и разнообразною бывала, обыкновенно, милостыня царская. Она щедро выдавалась не только временно, но и регулярно и называлась «заздравной» и «заупокойной». Кроме четырехъ патріарховъ ее получали въ одномъ Константинополѣ: митрополиты Селунскій и Аѳонскій, шесть Константинопольскихъ монастырей и двѣнадцать священно-служителей, храмъ Воскресенія Христова въ Иерусалимѣ, храмъ въ Виѳлеемѣ, десять монастырей Палестинскихъ, Лидскій архіепископъ, Газскій митрополитъ, Синайская гора, монастыри Аѳона: Аѳанасія, Троицкій, Хиландарь, Пантелеймоновъ и Павловъ. Какъ велики были размѣры мило-

¹⁾ Сург. Epist. 60 p. 203.

²⁾ Церков. Истор. Евсев. VI, 23.

стыни, особенно когда собирателями ея были сами представители церкви, о томъ можно судить по слѣдующимъ, приводимымъ въ томъ же изслѣдованіи, даннымъ. На одиѣ только нужды патріархатовъ дано было Іерусалимскому патріарху Паисію 4000 р., Антиохійскому Макарію въ первый его пріѣздъ въ Москву—3000 р., а во второй—6000 р., бывшему Константинопольскому патріарху Аванасію 2000 руб. ¹⁾, а кромѣ этой, на нужды патріархатовъ и епархій, милостыни, существовала еще милостыня личная, т. е. самому собирателю. Вообще, по исчисленію г. Каптерева, каждый пріѣздъ митрополита одной царской казнѣ стоилъ отъ трехъ до пяти тысячъ. Между тѣмъ милостыня православнымъ церквамъ востока не была только милостынею царскою. Она усердно подаваема была и другими знатными лицами и особенно монастырями. Не мало собиралось ея и отъ прочаго православнаго народа, всегда съ благоговѣніемъ обращавшаго къ востоку взоръ свой. И въ настоящее время каждый изъ православныхъ патріархатовъ имѣетъ у насъ не только опредѣленные субсидіи, но и подворья съ уполномоченными при нихъ, чрезъ которыхъ и собираетъ ежегодно пожертвованія, а для содѣйствія патріархату Іерусалимскому, какъ наиболѣе чтимому, существуютъ по всѣмъ церквамъ кружки, обязательно обносимыя во время Богослуженія. Какъ близко къ сердцу и въ настоящее время принимаются русскою церковію скорби и нужды единовѣрныхъ братій ея, о томъ особенно краснорѣчиво говоритъ то всеобщее одушевленіе, какое возбуждено было въ ней печальными событіями Балканскаго полуострова. Кто не помнитъ, съ какимъ самоотверженіемъ становились тогда и старые и молодые въ ряды добровольцевъ, отправлявшихся въ Сербію? Кто не видѣлъ, съ какою охотою самыя дѣти принимали на себя сборъ пожертвованій? А кто исчислитъ самыя пожертвованія, обильно посылавшіяся и чрезъ общества и чрезъ разныя учрежденія? И не только нужды особенныя, чрезвычайныя, но и самыя обыкновенныя принимаются русскою церковію съ такимъ же, какъ и всегда, сочувствіемъ. Самымъ нагляднымъ доказательствомъ тому служитъ недавнее появленіе

¹⁾ Каптеревъ. Чт. въ общест. любит. духовн. просвѣщ. 1884 г. кн. 2, стр. 189.

православнаго Палестинскаго общества. Что иное вызвало на свѣтъ появленіе такого общества, какъ не желаніе облегчить для русскаго православнаго народа сношенія съ православнымъ востокомъ, изучить этотъ послѣдній во всѣхъ его примѣчательныхъ особенностяхъ и облегчить, по мѣрѣ возможности, устройство тамъ православныхъ школъ и храмовъ? И не между одними православными церквами существуетъ такая братская взаимопомощь. То же самое, и даже въ большей степени, существуетъ и между церквами римо-католическаго вѣроисповѣданія. Главнымъ центромъ такой взаимопомощи былъ прежде папа, а въ настоящемъ столѣтіи, при большемъ пробужденіи духа общности, для этой цѣли существуетъ постоянное общество, подъ названіемъ: «Union Catholique». Это общество, распадаясь на множество стоящихъ въ тѣсной связи между собою отдѣленій, составляетъ громадную силу въ дѣлѣ поддержанія и развитія римо-католицизма. При его-то помощи и идетъ такъ быстро повсюду римо-католическая пропаганда. И до нынѣ не ослабѣвъ, и такъ, тотъ союзъ любви, какимъ связаны между собою церкви единовѣрныя. Въ немъ имѣютъ онѣ самую прочную поддержку для себя во всѣхъ особенныхъ чрезвычайныхъ нуждахъ своихъ. Стоитъ, слѣдовательно, дать этому союзу побольше значенія, стоитъ только установить для него болѣе правильные, болѣе согласные съ постановленіями апостольскими способы собиранія милостыни и передачи ея, и въ немъ получится для борьбы съ нищенствомъ единовѣрныхъ намъ народовъ такой институтъ, какаго нѣтъ и не можетъ быть при обычныхъ внѣ-церковныхъ отношеніяхъ. Самое большее, до чего дошли европейскія государства въ своихъ внѣцерковныхъ отношеніяхъ, есть, какъ извѣстно, учрежденіе общества для взаимнаго вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ, но и это общество возникло только подъ знаменемъ святаго креста, а потому и называется «обществомъ краснаго креста».

2) *Союзъ церковно-національный и его благотворительныя учрежденія.* За союзомъ междуцерковнымъ слѣдуетъ обыкновенно другой союзъ, который можетъ быть названъ союзомъ церковно-національнымъ. Хотя св. церковь, какъ имѣющая назначеніе вселенское, и стоитъ выше всякой національности, хотя въ ней и недолжно быть, по слову апостола, различія между іудеемъ и еллиномъ (Гал. 3, 28), тѣмъ не менѣе она никогда

не отрицала и значеніе натуральныхъ союзозъ. Какъ въ союзѣ семейномъ, по благодатномъ освященіи его, она усматриваетъ какъ бы отраженіе себя (Еф. гл. 5) и находитъ въ немъ прекрасное орудіе къ воспитанію чадъ своихъ, такъ и въ союзѣ національномъ, составляющемъ продолженіе союза семейнаго, есть многое, чѣмъ можетъ она воспользоваться къ дальнѣйшему воспитанію чадъ своихъ. Сюда относится: единство языка, единство образа жизни, нравовъ, обычаевъ и т. п. Всѣ такія натуральныя нити, связываясь и переплетаясь съ нитями духовными, еще болѣе содѣйствуютъ къ укрѣпленію союза церковнаго, къ развитію братства, любви и взаимопомощи. Вотъ почему, когда, съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, стали возникать союзы національныя, святая церковь не только не противодействовала тому, но даже освящала ихъ и давала, подъ условіемъ извѣстныхъ отношеній къ союзу общецерковному, отдѣльное самостоятельное церковное устройство. Такъ появились церкви національныя, а въ томъ числѣ и наша русская православная церковь. Эти-то національныя церкви, исполняя возложенную на нихъ миссію, и создаютъ часто такія учрежденія, которыми значительно обезпечивается не только нравственное, но и матеріальное благосостояніе народа ихъ составляющаго. Самое большее ихъ количество бываетъ, обыкновенно, тамъ, гдѣ церковь національная не занимаетъ господствующаго въ ряду церквей положенія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, члены національной церкви, будучи лишаемы во многомъ другими національностями, сближаются между собою наиболѣе тѣсно, составляютъ особые церковно-національные фонды и создаютъ на началахъ церковныхъ свои особенныя воспитательныя и благотворительныя учрежденія. Образцемъ таковаго церковно-національнаго союза, съ его собственными фондами и благотворительными учрежденіями, могутъ служить церковно національные союзы, существующіе у австрійскихъ сербовъ и австрійскихъ румынъ. Каждый изъ этихъ союзозъ, въ видахъ обезпеченія у себя православія и народности, создалъ довольно значительныя фонды и на нихъ содержитъ: духовенство, школы и другія благотворительныя учрежденія. Такъ у австрійскихъ сербовъ имѣются слѣдующіе три фонда: 1) клирикальный или карловичскій фондъ. Онъ учрежденъ въ 1779 году заботами и стараніемъ митрополита Стефана Стратимировича, утвержденъ въ 1791 году императоромъ и

переданъ въ 1864—5 году въ распоряженіе церковно-національнаго собора. Уже въ 1812 году капиталъ его состоялъ въ 200,000 гульденовъ. 2) Неприкосновенный національный фондъ. Онъ основанъ въ 1769 году на частныя пожертванія и назначенъ для вспомошествованія наиболѣе нуждающимся сербскимъ православнымъ архіереямъ. На его же средства содержатся и епархіальныя консисторіи. 3) Иерархическій фондъ. Онъ основанъ въ 1864 г. отъ продажи земель при упраздненныхъ церквяхъ и назначенъ для пополненія получаемаго духовенствомъ содержанія отъ приходо¹⁾. Подобный же церковно-національный характеръ имѣютъ: Ставропигіальный институтъ въ Львовѣ и два общества у венгерскихъ русскихъ: общество святаго Василя для вспомошествованія литераторамъ и издателямъ и общество св. Іоанна Предтечи для вспомошествованія учащейся молодежи. Каждое изъ этихъ учрежденій состоитъ въ вѣдѣніи духовной власти и располагаетъ пожертвованіями, доставляемыми, въ большой или меньшей мѣрѣ, всею національніостію²⁾. Было время, когда и наша юго-западная Русь, подпавши подъ владычество Польши, должна была прибѣгнуть къ покровительству церкви и создать подъ ея охраной свои церковно-національные союзы. Таковыми и были образовавшіяся съ 1586 г. въ каждой изъ областей ея братства, изъ коихъ одни, какъ Львовское—въ Галиціи, Виленское—въ Литвѣ, Могилевское—въ Бѣлоруссіи, Луцкое—на Волыни и Кіевское въ Малороссіи, носили названіе ставропигійныхъ и были главными, а всѣ прочія, или второстепенныя, были отъ нихъ въ зависимости. Какъ утверждавшіяся въ своихъ правахъ самими королями, какъ стоявшія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ патріарховъ, какъ имѣвшія членами своими лицъ всѣхъ званій и состояній, какъ посылавшія представителей отъ себя на самыя сеймы, они были въ полномъ смыслѣ представителями всего русскаго народонаселенія юго-западной Россіи. Пользуясь довольно значительными правами, предоставленными имъ и королями, и патріархами и владѣя не маловажными, доставлявшимися братскою

¹⁾ Березинъ: Церковно-національные фонды у австрійскихъ сербовъ Христ. Чт. 1875 г. стр. 605.

²⁾ Три русскіихъ общества въ восточной Венгріи. Прав. Обзор. 1866 года, кн. 2.

любовію, средствами, они всецѣло посвящали себя на охраненіе православной вѣры отъ латинства и уніа, на защиту угнетеннаго поляками народа, на распространеніе просвѣщенія и на самыя разнообразныя дѣла благотворенія. Для охраненія вѣры они строили, возобновляли и украшали храмы, для распространенія просвѣщенія заводили школы и типографіи, для защиты народа отправляли петиціи къ королю и сейму, а въ видахъ благотворенія созидали при храмахъ и монастыряхъ: больницы, богадѣльни, старческіе и сиротскіе пріюты. Не было несчастія, о которомъ забыли бы братства въ своей челоуѣколюбивой заботливости. Они были, по справедливому выраженію одного писателя о нихъ, окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, покоемъ страждущихъ и обремененныхъ¹⁾. Братская кружка ихъ была отвергата всякому нуждающемуся. «Братское богатство, по собственному выраженію братскихъ грамотъ, составляло богатство не членовъ братства, но нищихъ, убогихъ и всѣхъ несчастныхъ»²⁾. «Если-бы, говорится въ уставѣ Луцкаго братства, какой братъ, по Божію поущенію, а не по своей волѣ и не радѣнію, пріобѣднѣлъ и раззорился или подвергся какому либо несчастіямъ и напастямъ: тогда всѣ братія, какъ деньгами братскими, такъ и сами отъ себя, обязаны ему благодѣтельствовать и во всемъ помогать и въ болѣзни его призирать и о душѣ его заботиться, оказывать любовь къ брату своему при жизни его и по смерти. Тѣхъ, которые въ хорошемъ состояніи и богаты, братія не должны дѣлать богаче, но тольکو обѣднѣвшимъ помогать и деньги братскія ссужать заимообразно, безъ всякой лихвы»³⁾. Не были забыты ими и самыя умершіе. «Если на кого, предписывается въ братскихъ уставахъ, изъ вписныхъ братій бѣдныхъ Господь Богъ благоволитъ напустить смерть и не останется его имущества, чѣмъ бы тѣло похоронить, тогда всѣ братія церковнаго братства должны будутъ дѣлать погребеніе на счетъ братской кружки, по обычаю христіанскому,

¹⁾ Флеровъ : «О православныхъ церковныхъ братствахъ, противоборствовавшихъ уніа въ Юго-Западной Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ». Спб. 1857 г. стр. 81. См. также статью Сибалановича: «Западно-европейскія гильдіи и Западно-русскія братства». Уриет Чт. 1875 г.

²⁾ Уставъ Львовскаго Братства. Флеровъ, стр. 81.

³⁾ Памяти. Кіев. пом. т. I, гр. VII, п. 12 См. у Флерова стр. 77.

какъ располагаетъ ихъ добрая воля и набожность¹⁾. Бываетъ, и очень часто, что и тамъ, гдѣ церковь національная занимаетъ господствующее положеніе, въ ней создаются для какой нибудь особенной цѣли такія учрежденія, къ поддержанію которыхъ призываются всѣ члены національной церкви. Болѣе обычно это бываетъ въ години какихъ либо особенныхъ народныхъ бѣдствій. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, церковь, въ лицѣ своихъ архипастырей и пастырей, энергически возвышаетъ голосъ свой и всѣ чада ея спѣшатъ обыкновенно откликнуться на гласъ пастырей своихъ. И наша отечественная исторія и исторія другихъ народовъ представляютъ весьма не рѣдкіе тому примѣры. Кому не извѣстно, на примѣръ, какое могущественное дѣйствіе произвели нѣкогда на русскій православный народъ грамоты настоятеля обители преподобнаго Сергія архимандрита Діонисія и келари Аврамія Палицына и какъ, подъ вліяніемъ ихъ, доблестный гражданинъ нижняго Новгорода приглашалъ своихъ согражданъ все принести, всѣмъ пожертвовать ради отечества. И не только во времена особенныя, чрезвычайныя, но и въ самое обычное, покойное время стоитъ только архипастырямъ церкви пригласить чадъ своихъ для служенія тому или другому дѣлу благотворенія, и оно быстро находитъ откликъ для себя. Самымъ нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ исторія православнаго миссіонерскаго общества. Стоило только стать во главѣ его одному изъ митрополитовъ, стоило присоединиться къ нему епископамъ съ ихъ епархіальными комитетами, и средства общества стали возрастать съ неизменною быстротою. Не прошло и трехъ дней со времени его преобразованія и перенесенія въ Москву въ 1870 г., и оно имѣло уже 1700 членовъ и 35 тысячъ рублей капитала, а къ концу года оно состояло уже изъ 6,647 членовъ и имѣло капиталъ изъ 101,674 рублей²⁾. Также могло бы быть и при всякомъ другомъ благотворительномъ дѣлѣ. Оно также, при энергіи архипастырей и пастырей церкви, могло бы быть вполне церковно-національнымъ. Не даромъ нѣкто Гилировскій выступилъ,

¹⁾ Уставъ Виленскаго братства. Собран. Виленскихъ грам. Ч. II, № 4. Смotr. у Флерова стр. 78.

²⁾ «Православные русскіе христіане и миссіонерское общество». Чт. въ общ. любит. духовн. просвѣщенія 1884 г., сент.-окт. стр. 381.

въ недавнее время, съ цѣлымъ рядомъ статей объ образованіи всероссійскаго братства для обезпеченія не только духовенства, но и всѣхъ требующихъ помощи¹⁾. И онъ вполне правъ. Церковь русская имѣетъ много элементовъ къ образованію такого союза. Потому-то прозвѣтъ его, не смотря на нѣкоторыя странности, и вызвалъ, какъ говоритъ церковно-общественный Вѣстникъ, всеобщее сочувствіе духовенства²⁾. Не ослабѣлъ, и такъ, и тотъ второй братскій союзъ, какимъ соединена бываетъ каждая, исповѣдующая христіанство, народность. Стоитъ только поставить его, какъ требуютъ правила церкви, подъ руководство законной власти церковной, стоитъ только приспособить его организацію къ имѣющейся церковной организаціи, и мы всегда можемъ имѣть въ немъ прекрасный институтъ какъ вообще для борьбы съ разнаго рода нуждами, такъ въ частности для борьбы съ нищенствомъ.

3) *Союзъ епархіальный и его благотворительныя учрежденія.* Каждая національная церковь, составляя вѣтвь единого древа церкви Христовой, представляетъ, въ свою очередь, тоже нѣкоторое развѣтвленіе, тоже выдѣляетъ изъ себя нѣкоторые союзы, которые называются въ православныхъ церквахъ — епархіями, а въ римо-католическихъ — діоцезами. Выдѣляя такіе союзы, церковь Христова слѣдуетъ тому, установленному самими апостолами, порядку, по которому всѣ значительныя городскія общины, съ прилегающими къ нимъ селеніями, должны были имѣть своего епископа. «Для того я поставилъ тебя въ Критѣ, пишетъ апостолъ Павелъ ученику своему Титу, чтобы ты довершилъ недоконченное и постановилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ (епископовъ), какъ я тебѣ приказывалъ». Тит. 1, 5. Епархія есть, такимъ образомъ, христіанское общество, занимающее извѣстную, строго опредѣленную законами церковными и гражданскими, область, состоящее подъ руководствомъ и управленіемъ одного епископа и подраздѣляющееся для большихъ удобствъ въ исполненіи своихъ религіозно-нравственныхъ обязанностей на нѣсколько отдѣльныхъ общинъ или приходоу». Было время, когда союзы, стоявшіе подъ вѣдѣніемъ епископовъ,

¹⁾ Церковно-общественный Вѣстникъ 1884 г. №№ 104, 105, 109.

²⁾ 1885 г. № 54.

были самыми тѣсными и искренними союзами, когда всякая нужда находила въ нихъ самое быстрое и существенное для себя облегченіе. Правда, такимъ временемъ было то особенное и чрезвычайное время трехъ первыхъ вѣковъ христіанства, когда и Духъ Божій особенно мощно проявлялъ силу свою и сами христіане находились въ состояніи особеннаго христіанскаго одушевленія, тѣмъ не менѣе много значило при этомъ и то, что общины епископскія не были еще епархіями т. е. не занимали такихъ обширныхъ областей, какія стали занимать впоследствии, что не были подраздѣлены еще на общины приходскія, что общеніе между ними и епископомъ было самое живое, что всѣ приношенія сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ, что всѣми ими завѣдывалъ непосредственно епископъ и что не было въ обычаѣ дѣлать сбереженія. Далекое не такъ, къ сожалѣнію, стало, когда общины епископскія, увеличившись съ IV в. въ объемъ своемъ, начали выдѣлять отъ себя другія меньшія общины и когда появились у этихъ послѣднихъ и свои храмы и свои пресвитеры. Хотя верховнымъ правителемъ всѣхъ такихъ общинъ и оставался по прежнему епископъ, но той связи, какая прежде была, уже не существовало. У него не было уже прямого и непосредственнаго общенія со всею его паствою. У него не было уже и тѣхъ матеріальныхъ средствъ для благотворенія, какими располагалъ онъ прежде. Все, что приносилось прежде только къ одному епископскому храму и составляло одну нераздѣльную церковную собственность, стало распредѣляться теперь по множеству храмовъ и составлять отдѣльные имущества. Онъ не могъ уже, слѣдовательно, ни лично слѣдить за поступленіемъ приношеній, ни лично распредѣлять ихъ соразмѣрно съ нуждами церкви. Онъ могъ слѣдить за всѣмъ этимъ только издали, только на основаніи письменной отчетности, а такая отдаленная дѣятельность были уже плохою скрѣпляющею связію. Какъ ни ослаблены были, однако, союзы епархіальные союзами приходскими, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ въ нихъ еще много есть связующаго ихъ духовнаго цемента. Самою главною и самою сильною связію союза епархіальнаго все-таки остался тотъ же епископъ. Въ его распоряженіи еще много находится средствъ, чрезъ которыя можетъ онъ вступать въ довольно тѣсное общеніе съ своею паствою. Ни у одного начальнива нѣтъ и не можетъ быть такихъ вѣрныхъ помощниковъ, такихъ точ-

ныхъ исполнителей всѣхъ предназначеній начальства, какъ имѣютъ епископы въ лицѣ поставляемыхъ ими пресвитеровъ и другихъ членовъ причта церковнаго. О нихъ съ полнымъ правомъ можно сказать и теперь тоже самое, что говорилось нѣкогда о діаконахъ первыхъ вѣковъ христіанства, что они — глазъ, ухо и руки епископовъ. Все, такимъ образомъ, что нужно знать епископу о состояніи паствы его, онъ можетъ знать отъ нихъ въ самомъ точномъ видѣ и все, что захотѣлъ бы учредить въ ней, онъ можетъ учредить чрезъ нихъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Не прекратились до сихъ поръ и личныя непосредственныя отношенія епископовъ къ паствамъ своимъ. Во всѣхъ православныхъ церквахъ остался обычай возможно частаго объѣзда епископомъ своей епархіи, а въ нашей церкви это вмѣнено имъ въ непремѣнную обязанность, выполненію каковой оказываетъ свое содѣйствіе само правительство. Если бы даже ничего не было въ этихъ объѣздахъ особеннаго, чрезвычайнаго, если бы даже они были тѣмъ же самымъ, чѣмъ бывають объѣзды губернаторовъ своихъ губерній, то и тогда они очень были бы полезны въ видахъ объединенія епархіи; но въ нихъ всегда есть много особеннаго, оригинальнаго, чего не имѣетъ ни одинъ объѣздъ свѣтскаго мѣстнаго начальника. Уже за нѣсколько времени они бывають обыкновенно предметомъ разговора и стараго и малаго, а когда наступаетъ самое время пріѣзда, то, какая ни была бы жаркая работа, какая ни была бы несносная погода, ничто не удерживаетъ отъ встрѣчи своего архипастыря. И нужно видѣть съ какимъ благоговѣніемъ всѣ стремятся при этомъ получить благословеніе отъ него, прикоснуться къ одеждѣ его, уловить каждое слово его. Очень часто, поэтому, бываетъ, что тамъ, гдѣ не было до пріѣзда архіерея ни удобнаго храма, ни школы, ни приличнаго причтамъ вознагражденія, создаются потомъ, по одному слову его, и храмъ и школа и всѣ другія необходимыя для прихода благотворительныя учрежденія. Такъ тѣсна еще и до сихъ поръ связь, соединяющая архипастырей съ ихъ паствами. Бывають и такія епархіи, гдѣ союзъ епархіальный поддерживается и охраняется не однимъ архіереемъ, а всею епархіальною паствою. Таковы епархіи во всѣхъ православныхъ церквахъ, находящихся въ предѣлахъ Австро-Венгріи, а именно: въ митрополіи Сербской, Румынской и Буковинской. Въ каждой епархіи ежегодно соби-

рается тамъ, подъ предсѣдательствомъ епископа, соборъ, на которомъ присутствуетъ шестьдесятъ, избранныхъ благочинническими създами, членовъ, изъ коихъ двѣ трети бываетъ изъ мірянъ, а треть отъ духовенства. На этихъ соборахъ предлагаются и обсуждаются разные мѣры, касающіяся охраненія православной вѣры и нравственности въ предѣлахъ епархіи, изысканія средствъ къ устройству и поддержанію храмовъ, духовныхъ и народныхъ школъ, библиотекъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій и наконецъ—наблюденія, чтобы лица, поставленныя на служеніе при церковныхъ учрежденіяхъ, правильно исполняли свои обязанности и чтобы жизнь церковная текла правильно, въ полномъ согласіи съ законами церковными и гражданскими. На нихъ же избирается обыкновенно и епископъ епархіи. Для выполненія распоряженій собора, имъ избираются двѣ комисіи, изъ коихъ одна, подъ руководствомъ епископа, завѣдываетъ дѣлами школьными и называется епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, а другая, тоже подъ руководствомъ епископа, завѣдываетъ епархіальнымъ имуществомъ, зданіями церковными, и называется епархіальной епитропией. Нѣчто подобное указанному порядку стало появляться и у насъ съ 70-хъ годовъ настоящаго столѣтія. У насъ тоже учреждены были епархіальные създы, только безъ участія свѣтскихъ представителей. Бывали случаи, когда, по указанію архіерея, и на нихъ разсматривалось религіозное состояніе епархіи, но болѣе обычнымъ предметомъ ихъ занятій бываетъ изысканіе средствъ къ усиленію образованія семинарій, къ содержанію женскихъ духовныхъ училищъ и къ обезпеченію вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Есть у насъ и спеціальныя комисіи для попеченія о бѣдныхъ епархіи, но также завѣдывающія только бѣдными духовнаго званія. Таковы уже съ 1823 года существующія попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Какъ ни плохо организованы эти попечительства, какъ ни мало знакомо съ ними епархіальное общество, но и при всемъ этомъ ни выставлемыя въ церквахъ кружки, ни выдаваемые ими листы для пожертвованій не бываютъ совершенно пусты. А будь только дана имъ болѣе правильная организація, будь только предоставлено въ нихъ нѣкоторое участіе и свѣтскимъ лицамъ, и не одни бѣдные духовнаго званія, но у другіе бѣдные епархіи могли бы найти чрезъ нихъ значительную помощь для себя.

Они могли бы тогда и скорѣе отыскать источники доходовъ и лучше воспользоваться тѣми, какіе теперь имѣются. Сколько средствъ могла бы дать тогда одна свѣчная операція! Если теперь, когда ведется она одними лицами духовными и притомъ не всегда знакомыми съ дѣломъ, когда никто почти не знаетъ, что подаваемые въ церквахъ свѣчи осушаютъ слезы бѣдныхъ, что не все равно покупать ли свѣчу на сторонѣ, или въ самой церкви, свѣчная операція доставляетъ значительныя средства и на духовныя училища и на бѣдныхъ духовнаго званія, то тогда, при веденіи ея лицами практическими, коммерческими, при знакомствѣ съ нею всего епархіальнаго населенія, при содѣйствіи къ закрытію частной продажи, она могла бы дать, безъ сомнѣнія, еще болѣе блистательные результаты. Не даромъ великій преобразователь Россіи Императоръ Петръ I-й, открывши для церкви этотъ источникъ доходовъ, имѣлъ въ виду облагодѣлительствовать чрезъ него не только бѣдныхъ духовнаго званія, но и бѣдныхъ вообще¹⁾. И въ русской церкви всегда хранилось убѣжденіе, что всѣ вообще бѣдные должны быть предметомъ епархіальнаго попеченія. Уже въ Уставѣ св. Владиміра при исчисленіи предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію епископа, говорится: о больницахъ, о лѣчцѣ, о страннопріемницахъ, гостинницахъ, богадѣльняхъ, о слѣпцѣ, хромцѣ, калѣкѣ, вдовицѣ, питающейся отъ церкви Божіей²⁾. То же самое видимъ и въ послѣдующей исторіи. Не безъ причины царь Іоаннъ Васильевичъ, жалуюсь собору 1551 года на обиліе нищихъ и на необезпеченность ихъ, предлагаетъ именно святителямъ о нихъ промыслити. И предъ его взоромъ предносилась, очевидно, не иная какая система благотворенія, какъ только епархіальная. Еще рѣшительнѣе высказываетъ эту мысль царь Θεодоръ Алексѣевичъ на соборѣ 1681 года. Онъ прямо уже предлагаетъ епископамъ, чтобы они завели по епархіямъ богадѣльни и пристанища нищимъ, и епископы вполне одобрили предложеніе царское. «Сіе предложеніе, говоритъ соборъ, угодное Богу и спасеніе христіанъ соборне утверждаемъ: да будетъ тако»³⁾. Было ли выполнено это поста-

¹⁾ П. С. З. VI, 3746.

²⁾ См. у Голубинскаго: «Исторія русской церкви» т. 1, перв. пол. стр. 534.

³⁾ «Общественное призваніе» Ж. М. В. Д. 1851.

новленіе всіми епархіальными епископами, — неизвѣстно, но что было оно выполнено многими, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Положительно извѣстно, на примѣръ, что патріархами московскими было основано около того времени нѣсколько богадѣленъ и притомъ такъ, что нѣкоторые изъ нихъ содержались даже на ихъ собственный счетъ и назывались, поэтому, патріаршими богадѣльнями. Извѣстно, далѣе, что митрополитъ Новгородскій Іовъ (1694—1716) устроилъ 10 странноприимницъ, 75 больницъ и домъ для подкидышей. Извѣстно, наконецъ, что и по другимъ епархіямъ долго держались, благодаря ревности архиастырей, богадѣльни церковныя¹⁾. Держались бы они, по всей вѣроятности, и до сихъ поръ, еслибы правительство не взяло, въ концѣ прошлаго столѣтія, дѣло призрѣнія въ свои руки и незамѣнило учрежденія епархіальныя учреждениями призывовъ общественнаго призрѣнія. Какъ сильно, однако, и до настоящаго времени сохранилось въ народѣ убѣжденіе, что только епископъ есть главный защитникъ и попечитель вдовъ, сиротъ и всѣхъ бѣдныхъ, видно изъ того, что ни къ одному изъ начальствующихъ не обращаются такъ часто съ разнаго рода просьбами, какъ къ епископу. Не мало стало появляться, наконецъ, и въ собственномъ смыслѣ епархіальныхъ союзовъ и притомъ именно съ благотворительными цѣлями. Такъ могутъ быть названы почти всѣ существующія въ настоящее время братства. За исключеніемъ трехъ, а именно: Богоявленскаго въ селѣ Мстерѣ (Владим. губ.), Николаевскаго въ селѣ Великой Вербкѣ (Под. губ.) и Мирскаго (въ Новогрудскомъ уѣздѣ), всѣ они имѣютъ центры свои въ епархіальныхъ городахъ, всѣ находятся подъ руководствомъ епархіальныхъ архіереевъ и всѣ поставляютъ задачею для себя удовлетвореніе какой либо изъ нуждъ присутней всей епархіи. Отъ того-то и названіе свое они получаютъ, по большей части, или, какъ Могилевское, Успенское и Виленское Свято-Духовское, по имени наиболѣе извѣстнаго въ епархіи монастыря, или, какъ Московское св. Петра, Казанское св. Гурія, Кіевское Свято-Владимірское, Рязанское св. Василия, Владимірское святаго Александра Невскаго, Саратовское св. Креста, Нижегородское святаго Креста, Ставропольское св. Андрея, Одес-

¹⁾ Словарь митрополита Евгенія, 1—30.

ское святаго Андрея и С.-Петербуржское святой Богородицы,— по имени той святыни, какая особенно чтится въ епархіи и краѣ. Болѣе обычною ихъ задачею бываетъ обыкновенно или распространеніе духовнаго просвѣщенія въ епархіи или противодѣйствіе расколу и сектанству, но ни однимъ не забываются никогда и вообще дѣла милосердія и любви христіанской. Такъ, о Саратовскомъ братствѣ св Креста извѣстно, что оно въ устроенной имъ бесплатной столовой давало пропитаніе, въ теченіи года, 43,623 нищихъ и бѣдныхъ¹⁾. Не мало связующихъ элементовъ вносятъ въ епархію и монастыри епархіальные. Собирая вокругъ себя, особенно при существованіи святыни, массы богомольцевъ, они имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, и гостиницы и богадѣльни и даже школы. Не ослабѣвъ, итакъ, и тотъ третій союзъ церковный, который названъ нами союзомъ епархіальнымъ. Онъ поддерживается и личностію епископа и пресвитерами приходскими и нѣсколькими, общими всей епархіи, благотворительными учрежденіями и постояннымъ, наконецъ, сознаніемъ о единствѣ епархіальнаго благотворенія. Стоитъ только, повтому, расширить его учрежденія, разработать его источники доходовъ, соединить съ нимъ другія благотворительныя силы, и мы будемъ имѣть въ немъ такой благотворительный институтъ, каковаго не можетъ создать ни одна губернія.

4) *Союзъ приходскій и его благотворительныя учрежденія.* Союзы приходскіе составляютъ, какъ выше сказано; часть союзовъ епархіальныхъ. Начавши появляться съ IV и V вѣка, они существуютъ до сихъ поръ, существуютъ, хотя и не въ одинаковой формѣ, во всѣхъ христіанскихъ церквахъ и всюду сохраняютъ свое значеніе какъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія вообще, такъ и въ дѣлѣ благотворенія въ частности. Главное, что придаетъ имъ это значеніе, есть то, что члены ихъ связываются между собою не одною отвлеченною любовію, а всѣмъ, что есть для нихъ святаго и дорогаго. Они сходятся въ одномъ храмѣ, слушаютъ одного пастыря, участвуютъ въ

¹⁾ Христ. чт. 1871 г. іюнь. См. Современ. обзор. «Участіе общества въ религіозно-нравственномъ развитіи народа». См. также: Церковныя братства и приходскіе совѣты. Прав. Обзор. 1865 г. іюнь.

одной молитвѣ, приобщаются отъ единой чаши, вмѣютъ одни праздники, дѣлятъ вмѣстѣ и радости и печали. Все это устанавливаетъ между ними такое духовное родство, по силѣ котораго ни нужды храма, ни нужды причтовъ, ни нужды тѣхъ или другихъ членовъ въ отдѣльности не остаются безъ посильнаго удовлетворенія. Изъ всѣхъ этихъ потребностей наибольшимъ сочувствіемъ въ нашихъ русскихъ приходахъ пользуются, обыкновенно, потребности храма Божія. Для устраненія ихъ и самые бѣдняки несутъ часто послѣднія лепты свои. Конечно, бываетъ, и очень часто, что храмы нуждаются даже въ самомъ необходимомъ, но это бываетъ, по большей части, отъ нерадѣнія пастырей церкви. Тамъ же, гдѣ пастырь усерденъ, такое явленіе почти невозможно. Ему стоитъ только сказать одно слово, и какъ бы ни было населеніе бѣдно, оно всегда откликнется сочувственно на голосъ пастыря церкви. Почти такимъ же, какъ и потребности храма, сочувствіемъ пользуются въ нашихъ приходахъ и потребности служащаго у нихъ духовенства. Всюду, гдѣ нѣтъ государственнаго жалованья, а такового нѣтъ ни на всемъ востокѣ, ни даже, за исключеніемъ немногихъ епархій, у насъ, содержаніе духовенства всецѣло лежитъ на обязанности общинъ. Положимъ, что содержаніе это далеко нельзя признать достаточнымъ, положимъ, что для его полученія духовенству приходится быть въ положеніи нищихъ и прибѣгать къ весьма несогласнымъ съ достоинствомъ пастырей церкви приемамъ, но всѣ такіе недостатки содержанія относятся не столько къ количеству, сколько къ способу полученія. Если перевести на наличныя деньги все, что получается духовенствомъ отъ приходовъ: съ земли, за требоисправленіе, зерномъ, печенымъ хлѣбомъ, льномъ, яйцами, сметаной, масломъ, холстомъ, полотнами, платками и другими предметами, то всегда составитъ очень почтенная цифра; но бѣда въ томъ, что все это получаемое натурой, какъ получаемое и не во время и въ несоразимномъ съ житейскими потребностями видѣ, или на половину совершенно пропадаетъ, или идетъ за самую ничтожную цѣну и такимъ образомъ не доставляетъ собою суммы, необходимой на другія потребности. Вотъ почему тамъ, гдѣ, какъ въ епархіи Таврической, натуральныя пожертвованія переведены на денежные, выдаваемые притомъ цѣлымъ приходомъ, содержаніе духовенства оказалось вполнѣ приличнымъ: священникъ сталъ

получать тамъ 600 р., діаконъ 300, а псаломщики по 150 р.¹⁾. Послѣдуй, такимъ образомъ, примѣру Таврической епархіи и другія епархіи, и содержаніе духовенства приходскими общинами было бы вполне удовлетворительно. Есть, впрочемъ, и одна добрая сторона, по которой приходы не легко соглашаются на выдачу опредѣленнаго жалованья. Они опасаются какъ бы сборы съ прихожанъ не приняли видъ обязательнаго оброка и тѣмъ не утратили характеръ добротнаго даванія. Какъ ни много препятствуетъ это соображеніе дѣлу обезпеченія причтовъ, но имъ нужно дорожить и его нужно оберегать. Имѣя въ основѣ своей богомудрое слово апостола: «добротнаго дающаго любить Богъ» (2 кор. 9, 7), оно можетъ послужить въ послѣдствіи, при болѣе правильномъ устройствѣ приходоу, прекраснымъ началомъ для устройства приходской благотворительности. Никогда не было маловажнымъ, наконецъ, и попеченіе о бѣдныхъ со стороны прихода. Правда, что попеченіе это, превратившись изъ попеченія церковно-общественнаго, какимъ было въ первые вѣка христіанства, въ попеченіе частное, оказываемое каждымъ членомъ общины отдѣльно, значительно утратило прежній свой блескъ, значительно измельчало и стало обращаться не столько въ пользу, сколько во вредъ населенію, но ни сознаніе общеобязательности его, ни сознаніе, что оно должно совершаться чрезъ посредство церкви, не утратились окончательно. Самымъ яснымъ тому доказательствомъ служить повсемѣстный у насъ обычай приносить къ алтарю просфоры, что и значить приношеніе. Положимъ, что всѣ эти просфоры берутся теперь назадъ, что отъ нихъ отдѣляются только незначительныя частицы, но весьма важно въ этомъ случаѣ то, что сохранилась сама идея, каковою и можно будетъ со временемъ воспользоваться. Не вѣчно же будетъ нашъ православный русскій народъ въ состояніи религіознаго невѣдѣнія, не вѣчно будетъ увлекаться онъ одною обрядностію въ дѣлѣ религіи. Будетъ, конечно, время, когда и онъ сознаетъ, что милосердіе и любовь есть главное въ дѣлѣ религіи и вотъ тогда-то ему ясно будетъ, чѣмъ должны быть его просфоры. Не мало бываетъ и дѣйствительныхъ приношеній къ алтарю въ пользу бѣдныхъ.

¹⁾ Замятнинъ: «Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра», стр. 205.

Ни одни похороны, ни одна поминальная служба не обходятся безъ того, чтобы родственники поминаемыхъ не приносили къ храму: меда, пироговъ а иногда и другихъ припасовъ. А сколько раздается съѣстныхъ припасовъ и денегъ въ дни особенно назначенные для поминовенія или въ такъ называемыя родительскія субботы. Кто не видѣлъ, напримѣръ, какія громадныя корзины съ хлѣбомъ, мясомъ, яицами и даже фруктами несутся и везутся на югъ Россіи въ такъ называемые «проводы» или въ два первые дня послѣ недѣли пасхальной? Не мало раздается бѣднымъ и вообще въ дни воскресные и праздничные. Уже и этихъ однихъ приношеній почти достаточно можетъ быть для прокормленія бѣдныхъ прихода, но кромѣ ихъ существуютъ еще ежедневныя раздачи, или милостыня. Каждый изъ прихожанъ знаетъ хорошо, кто питается въ его приходѣ подавнiемъ и, какъ бы ни былъ бѣденъ, ежедневно готовитъ для него кусокъ хлѣба. Онъ безпокоится даже, когда тотъ или другой не придетъ за своею милостынею, не повѣститъ о себѣ характернымъ стукомъ въ окно и старается непременно навестить о немъ чрезъ кого либо справки. И не однимъ кускомъ хлѣба дѣлится русскій съ своимъ бѣднымъ. Онъ дѣлится съ нимъ: и капустой, и картофелемъ, и молокомъ и вообще всѣмъ, что Богъ уродитъ ему. «На всяку долю Богъ посылаетъ», говоритъ крестьянинъ въ такихъ случаяхъ. Пекутъ ли въ домѣ блины, варятъ ли пиво, ѡнимаютъ ли медъ, никогда не забудутъ при этомъ послать тому или другому больному старику или старухѣ¹⁾. Есть, по мѣстамъ, въ обычаѣ и тайная милостыня. Она подается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ домѣ или трудно больной; или постигаетъ какое либо бѣдствіе. Въ составъ такой милостыни входитъ: гречневая крупа, пшено, мука, печеный хлѣбъ и въ особенности бѣлый, восковыя свѣчи и деньги. Ее подаетъ въ хатѣ нищаго кто либо изъ родственниковъ и подаетъ такъ, чтобы отнюдь не быть узаннымъ. Не бываетъ недостатка у прихожанъ и въ пріютѣ для безпріютныхъ. Все, что стоитъ, по той или другой причинѣ, безъ употребленія, какъ то: задняя изба, баня, отдается для пользованія бѣдными почти безпрепятственно. «Мѣста не пролежишь, бери его подъ себя, говоритъ,

¹⁾ Максимовъ: «Бродячая Русь» стр. 121.

по наблюденію Максимова, одинъ бѣднякъ другому такому же, только бездомному, а на счетъ пищи самъ промышленъ какъ умѣешь. Разболакайся, да живи съ Богомъ, со Христомъ¹⁾. Не безызвѣстны у насъ и общія, при церквахъ, для бѣдныхъ жилища. Объ нихъ упоминается уже во многихъ памятникахъ XIV, XV и XVII стол. Вотъ что читаемъ въ дозорной книгѣ Галича (1609 и 1610 г.) «За острогомъ, межъ Шатины и Галибины улицъ — храмъ во имя царя Константина, у того храма на тяглой черной землѣ семь избышекъ, а въ нихъ живетъ пономарь, да шесть человекъ нищихъ, питаются отъ церкви, по приходскимъ людямъ. У храма рождества Христова — четыре человека нищихъ, у Богоявленія пять такихъ же избышекъ, а всего въ городѣ 18 человекъ²⁾. Подобныя же указанія постоянно приводятся въ издаваемыхъ матеріалахъ о церквахъ и селахъ XVI—XVIII столѣтій въ Московской епархіи³⁾. Вотъ какъ значительна и разнообразна и до нынѣ бываетъ помощь бѣдному по приходамъ. Если перевести еѣ на деньги, то окажется, что каждый домохозяинъ, подающій только по 8 кусковъ въ недѣлю (а развѣ 8 кусковъ подается?), даетъ въ годъ два съ половиною пуда печенаго хлѣба, или 1 р. (считая по 40 н. за пудъ), а весь приходъ, состоящій изъ 200 домовъ — 520 пудовъ, или 268 р., каковыхъ было бы вполне достаточно для прокормленія бѣдныхъ своего прихода⁴⁾. Стоитъ, слѣдовательно, только урегулировать существующую уже приходскую благотворительность, стоитъ только придать пожертвованіямъ болѣе правильный порядокъ и оградить ихъ отъ произвольнаго нищенства, и никакихъ особенныхъ сборовъ не потребуетъ. Такъ и бываетъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь церковно-приходская является болѣе или менѣе благоустроенною.

Изъ всѣхъ православныхъ церквей наибольшее благоустройство успѣли дать своимъ приходамъ митрополіи Сербская и Румынская, находящіяся въ Австро-Венгерскихъ владѣніяхъ. Каждая приходская община имѣетъ тамъ ежегодно, подъ председательствомъ священника, собранія, на которыхъ, въ прихо-

¹⁾ Максимовъ: Бродячая Русь, стр. 111.

²⁾ Москвитиницъ 1851 г. № 21.

³⁾ Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVII ст.

⁴⁾ Церковно-Общественный Вѣстникъ 1879 г. № 123.

дахъ Румынской митрополіи, участвуютъ всѣ имѣющіе право, по мѣстнымъ законамъ, быть полноправными членами въ гражданскихъ общинахъ, а въ приходахъ Сербскихъ, по причинѣ обширности ихъ, только избранные. Предметами такихъ собраний бываютъ: а) выборы священника, б) выборы членовъ церковнаго совѣта и церковнаго старосты, в) разсмотрѣніе и контроль приходовъ и расходовъ церковно-приходскихъ суммъ, г) составленіе бюджета на содержаніе церковныхъ учреждений и на ихъ расширеніе, д) разсмотрѣніе представленій церковнаго совѣта о нуждахъ прихода и е) выборъ кандидатовъ на благотворительныя сѣзды. При такомъ устройствѣ прихода, гдѣ дѣлами его занимается не только онъ самъ, въ лицѣ всѣхъ своихъ полноправныхъ членовъ, но и чрезъ избранную комиссію или церковный совѣтъ, весьма удобно бываетъ и собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ и изыскивать средства для обезпечиванія ихъ и распредѣлять ихъ, наконецъ, такъ, что ихъ бываетъ достаточно и для пропитанія бѣдныхъ на дому и для устройства пріютовъ и даже на содержаніе школы.

Между церквами и обществами неправославными наибольшую благоустроенность, и именно для цѣлей благотворенія, имѣютъ у себя приходы лютеранскіе. Начало такому благоустройству положено было еще самими реформаторами и особенно Лютеромъ. Такъ какъ въ основѣ реформаціонныхъ идей Лютера было возстановить христіанство въ его первобытнотной чистотѣ и свѣжести, то и въ дѣлѣ организациіи прихода Лютеру предносился тотъ идеалъ, какой представляла изъ себя первая іерусалимская община. Какъ ни трудно это было ему при его неправильномъ взглядѣ на церковь и іерархію, тѣмъ не менѣе устройство, данное имъ и преемниками его приходу, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Исходя изъ того общаго положенія, что помощь бѣдному отнюдь не должна быть частная или личная, а, по примѣру іерусалимской общины, обще-церковная, реформаторы учредили для этой цѣли въ каждомъ приходѣ такъ называемую общую кассу (*allgemeine kasse*), въ которую и слагали всѣ получаемыя съ прихода доходы, какъ то: доходы съ церковныхъ земель, десятинный сборъ, добровольныя пожертвованія и пожертвованія по завѣщаніямъ. Эта общая касса была первоначально общею не только въ отношенія къ доходамъ, но и въ отношеніи къ расходамъ. Изъ нея расходовалось не только

на поддержаніе бѣдныхъ, но и на содержаніе церкви, пастора, учителя и школы. Вскорѣ оказалось, однако, что такой порядокъ неудобенъ. Выдача изъ одной и той же кассы на нужды храма и школы вела къ тому, что, за удовлетвореніемъ ихъ, на долю бѣдныхъ не оставалось почти ничего; а выдача изъ нея же пастору вела къ тому, что онъ долженъ былъ взывать въ своихъ проповѣдяхъ о помощи себѣ самому. Пришлось, такимъ образомъ, образовать для бѣдныхъ отдѣльную кассу (армен-kasse), что и было съ 1528 года введено повсемѣстно. Помимо этихъ двухъ главныхъ кассъ, были устроены еще кассы вспомогательныя, назначавшіяся для приношеній мелкихъ. Однѣ изъ этихъ вспомогательныхъ кассъ назначались для денегъ и носили названіе: «Gold-stok» «Troglein», а другія для приношеній натурою: мясомъ, хлѣбомъ, молокомъ, сыромъ и т. п. и назывались «Almskisten». Какъ тѣ такъ и другія кружки выставлены были при церквахъ. Все, подвергавшееся порчѣ, раздаваемо было немедленно, а остальное отлагалось до слѣдующаго дня. Тамъ, гдѣ приношенія эти почему либо были неудобны, сборъ производился на дому. Онъ совершался въ однихъ мѣстахъ разъ въ годъ, послѣ жатвы, въ другихъ, — какъ въ Люксенбургѣ, четыре раза въ годъ, а въ третьихъ, какъ въ Виттенбергѣ, каждую среду¹⁾. Чтобы доставить возможность и самимъ иностранцамъ принять участіе въ такихъ пожертвованіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Виттенбергѣ и Базелѣ, при каждой гостинницѣ находились корзины, въ которыя и опускалось все, остававшееся послѣ обѣда²⁾. Если, наконецъ, всѣ такіе способы въ доставленію помощи бѣднымъ оказывались недостаточны, то или испрашивалась государственная помощь, или расходовалось основное имущество церкви. Для устраненія этого послѣдняго случая каждому, пастору вмѣнялось въ непремѣнную обязанность возможно чаще внушать своимъ пасомымъ о важности благотворенія и указывать на состояніе кассы бѣдныхъ³⁾ Управление всѣми названными кассами сосредоточива-

¹⁾ Richter: Die Evangelisch. Kirchen-Ordnungen sechszehnten Jahrhunderts t. 1. s. 261.

²⁾ ibid t. 1. s. 262.

³⁾ ibid t. 1. s. 254.

лось въ рукахъ избираемыхъ приходскомъ обществомъ лицъ, каковыми могли быть всѣ правоспособные граждане. Число ихъ варіировалось между четырьмя и тринадцатью. Они назывались: попечителями (Pfleger), левитами (Leviten), раздавателями милостыни (Elemosinarii) и діаконами. Къ нимъ присоединялся всегда и пасторъ, но только съ совѣщательнымъ голосомъ. Всѣ эти составлявшія правленіе лица должны были давать обществу ежегодный отчетъ съ представленіемъ самой пунктуальной всему записи. Въ слѣдствіи такого требованія, дѣлопроизводство правленія было довольно сложно. Кромѣ общей главной книги (Haupt-Buch), здѣсь была ручная книга или протоколы собраній, инвентарь имущества и списки бѣдныхъ, пользовавшихся пособіемъ. Собранія правленія составлялись въ однихъ обществахъ разъ или два въ мѣсяцъ, а въ другихъ—каждую недѣлю, въ Воскресенье, отъ 11 до 3 часовъ. Для предотвращенія растраты кассы, входъ въ нее былъ доступенъ только при наличности всѣхъ членовъ, имѣвшихъ ключъ отъ нея. Высшее наблюденіе надъ кассами, по всѣмъ церковнымъ уставамъ, поручено было діакону бѣдныхъ¹⁾. Въ отношеніи къ подаванію помощи бѣднымъ, всѣ церковные уставы первою и главною задачею для правленія поставляли: самое строгое распознаваніе бѣдныхъ. Для болѣе удобнаго выполненія такой задачи, каждому изъ попечителей ввѣрялся отдѣльный кварталъ или вообще часть прихода. О всѣхъ проживающихъ въ этотъ кварталъ бѣдныхъ онъ долженъ былъ имѣть самыя точныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Какіе бѣдные могли признаваться заслуживающими помощь, о томъ говорится въ уставахъ весьма обстоятельно. Такими признаются только тѣ, которые живутъ благочестиво, хозяйственно, честно зарабатываютъ себѣ хлѣбъ, не предаются роскоши, игрѣ, пьянству, обжорству и впади въ бѣдность только или чрезъ войну, или случайно: по болѣзни, по многосемейности, старости, по внезапному лишенію сторонней помощи²⁾. На обязанности каждаго, пользовавшагося церковно-приходскою помощію, было слѣдующее: внимательно слушать слово Божіе и проповѣдь пастора и знать катихизисъ, или, по крайнѣйшій мѣрѣ, символъ вѣры, заповѣди и молитву Господню. По нѣкоторымъ

¹⁾ Richter 1 s. 116.

²⁾ ibid 11 s. 307.

устанавъ, какъ то: Вюртенбергскому, Базельскому, всё пользовавшіеся подаяніемъ прихода должны было носить на одеждѣ особый знакъ, дабы каждый видѣлъ кому и частнымъ образомъ можно подать и кому—нѣтъ. Что касается способа призрѣнія, то онъ былъ весьма различенъ. Больше обычными были, впрочемъ, два. Первый состоялъ въ томъ, что всё бѣдные, ежедневно, при ударѣ колокола (Mues-glocke), собирались въ одно изъ церковныхъ зданій и получали тамъ: хлѣбъ, кашу, а иногда и мясо. Не таковъ былъ второй способъ. Онъ состоялъ въ каждо-недѣльной выдачѣ бѣдному двухъ грошей, иногда на руки ему самому, а иногда попечителю бедирка, который и выдавалъ бѣдному то, въ чемъ онъ, по преимуществу, нуждался. Кромѣ бѣдныхъ вообще, особеннымъ вниманіемъ прихода пользовались: сироты и безпріютныя дѣти. Для всѣхъ такихъ въ каждомъ приходѣ находилась элементарная школа, въ которой, подъ руководствомъ учителя, или такъ называемой матери (Kindmutter), получали дѣти начальное образованіе въ вѣрѣ и наукахъ. Лучшие изъ нихъ отправляемы были на правахъ стипендіатовъ въ школы, а остальные обучаемы были ремесламъ и всему тому, чѣмъ могутъ зарабатывать хлѣба себѣ. Для предотвращенія нравственной распущенности молодыхъ людей реформаторы установили, чтобы общины содѣйствовали вступленію ихъ въ бракъ и устройству ихъ первоначальной семейной жизни. Не мало сдѣлано было и для бѣдныхъ больныхъ. Для тѣхъ, которые совершенно не имѣли пріюта, устроены были больницы, а для имѣвшихъ таковой давалась даровая медицинская помощь¹⁾. Особеннымъ вниманіемъ пользовались родильницы. Для нихъ имѣлись повивальныя бабки и имъ отпускалось: вино, питательная пища и топливо. Не оставались безъ попеченія и самые умершіе. Для тѣхъ, которые не имѣли у себя ни родныхъ, ни друзей, діаконы должны были изготовить гробъ и всё необходимое для погребенія.²⁾ Вотъ та организація, какая дана была реформаторами приходамъ въ отношеніи къ дѣлу благотворенія. Хотя организація эта и не была удержана лютеранскими приходами во всей цѣлостности, хотя и

¹⁾ Richter 11, 74.

²⁾ Riggenbach: Das Armen-wesen der Reformation, s. 33.

была она, въ теченіи XVII и XVIII вѣковъ, повсюду вытѣснена правительственной организаціей призрѣнія, тѣмъ не менѣе любовь и вниманіе къ ней никогда не оставляли лютеранскіе приходы. Вотъ почему, лишь только признана была неосостоятельность правительственнаго призрѣнія бѣдныхъ, и стремленіе къ устройству приходской благотворительности вновь получило значеніе. Начало такому повороту положилъ пасторъ Чальмерсъ, доказавшій правительству и обществу осмнадцатилѣтнимъ опытомъ на своемъ приходѣ свят. Іоанна Предтечи, въ Шотландскомъ городѣ Глазговѣ, что, при разумной организаціи приходской благотворительности, при тщательномъ изслѣдованіи положенія бѣднаго со стороны діаконовъ прихода, вмѣсто 20,000 фунтовъ стерлинговъ, отпускавшихся правительствомъ на дѣла благотворенія въ этомъ приходѣ, можно издержать на половину менѣе и обезпечить дѣйствительно бѣдныхъ несравненно болѣе ¹⁾. Успѣшная дѣятельность Чальмерса, не смотря на сильную оппозицію, возбудила ревность во многихъ другихъ приходскихъ пастыряхъ и притомъ не только въ Англіи, но и въ другихъ государствахъ. Особенно сочувственно отнеслись къ ней нѣмецкіе лютеранскіе пасторы. На церковномъ собраніи въ Виттенбергѣ, 1848 года, рѣшено было образовать центральный комитетъ для внутренней миссіи нѣмецкой евангелической церкви, а нѣкоторые пасторы, какъ Вихернъ и Флиднеръ, приняли на себя трудъ основать нѣсколько заведеній для подготовленія дѣятелей и дѣятельницъ на этомъ поприщѣ. Наиболѣе замѣчательныя изъ устроенныхъ ими и другими лицами учрежденій суть слѣдующія: братское заведеніе суроваго дома (Die Bruderganstalt des rauhen Hauses), евангелической Іоанновскій институтъ въ Берлинѣ (Johannesstift 1858), братское заведеніе въ Цельховѣ близъ Штетина (zu Zelchow bei Stetin, 1850 г.), учрежденіе пасторскихъ помощниковъ или діаконивъ въ Дюисбургѣ (Die Pastoralgehilfen oder Diakonenanstalt zu Duisburg, 1844 г.) и домъ діакониссъ въ Капаервертѣ (Diakonissen Haus in Kaiserswerth, 1836 г.). Благодаря какъ вышедшимъ изъ этихъ школъ дѣятелямъ, такъ равно и нѣкоторымъ специально назначеннымъ

¹⁾ Gerlach: Die Kirchliche Armenpflege nach dem englischen des Dr. Thomas Chalmers bearbeitet. Berlin 1847.

для распространения свѣдѣній о благотворительности печатнымъ органамъ ¹⁾, приходская благотворительная дѣятельность такую вновь получила силу, что, въ настоящее время, нѣтъ почти прихода, въ которомъ, на ряду съ призрѣніемъ государственно-общественнымъ, не находилась бы благотворительность и церковно-приходская. Не смотря на то, что съ такою двойственною благотворительностію соединены бывають повсюду и двойственные расходы, касса добровольныхъ приношеній никогда почти не уступаетъ кассѣ обязательныхъ, а иногда и превосходитъ ее. Вотъ что читаемъ въ одномъ изъ отчетовъ о результатахъ этой благотворительности. «Съ благодарностію взираемъ мы, пишетъ церковный совѣтъ Швиебуса (Zu Schwiebus), на благословенную дѣятельность прошлаго и съ основательными надеждами на плодотворную-будущаго. Каждомѣсячно, регулярно поддерживали мы отъ 80 до 90 бѣдныхъ на дому. Въ теченіи пяти лѣтъ, болѣе двухъ тысячъ талеровъ прошло чрезъ руки наши къ нашимъ церковнымъ бѣднымъ. Но особенно цѣнны приношенія эти по внутреннему своему достоинству. Они образовались не изъ бездушнoй кассы, не отъ обременительныхъ налоговъ, а единственно изъ свободныхъ даровъ христіанской любви и такимъ образомъ составили, тысячами нитей сплетенный, живой союзъ между личною благотворительностію одного и личною нуждою другаго. Не маловажное достоинство имѣють при этомъ какъ мѣсто, гдѣ они даны, такъ и способъ, по которому они даны. Церковь, жилище пастора, постель больного, убогія хижины,—вотъ сами о себѣ говорящія мѣста попеченія, а ходатайство, личное участіе, слово—то утѣшающее и ободряющее, то—возвышающееся и угрожающее—вотъ орудія, которыя сообщаютъ подаваемымъ дарамъ силу и благословеніе и которыя, въ связи съ ними, божественный плодъ творять. Болѣе видимо и осязательно онъ проявился въ томъ, что нищенство, которое всѣмъ намъ извѣстно, которое, какъ потокъ наводняло наше общество, теперь, со времени открытія работъ церковной благотворительности, исчезло и снова не возвращается. Менѣе очевидно, но не менѣе важно и то, что многіе изъ угнетенныхъ и отчаявающихся возвратились къ Богу и съ радостію принялись за свои занятія. Церковная благотворительность есть, такимъ

¹⁾ Fliegende Blätter, Armen und Kranken Freund и др.

образомъ, тотъ спасительный канатъ въ рукахъ церкви, которымъ она погружающагося поддерживаетъ, а утопающаго спасаетъ, какъ бы ни уклонялся кто отъ этой спасительной дѣятельности. И государственная благотворительность имѣетъ средства, и даже лучшія, чѣмъ церковная, но что значать они? Она всюду должна дать, гдѣ кричащая нужда взываетъ о помощи. Церковная благотворительность не имѣетъ такой обязательности. Она имѣетъ то преимущество, что можетъ дать только достойному, только тому, отъ кого надѣется плодъ имѣть. Та, опасаясь какъ бы несущійся потокъ не затопилъ всю общину, стремится съ ея дарами противопоставить ему вѣшную плотину, а эта, опасаясь какъ бы потокъ не прорвалъ самую плотину, стремится закрыть источники потока. Оба учрежденія суть вѣтви, выросшія на одномъ древѣ христіанской благотворительности; оба дополняютъ себя, оба стремятся къ одной цѣли только съ различными средствами ¹⁾. Эта церковно-приходская благотворительность совершается въ лютеранскихъ приходахъ или чрезъ посредство повсюду существующихъ церковныхъ совѣтовъ (Kirchen-Rath), или же чрезъ посредство церковно-благотворительныхъ союзовъ. Церковные совѣты дѣйствуютъ обыкновенно чрезъ посредство своихъ членовъ, а церковные союзы имѣютъ, по большей части, свою собственную организацію. Какъ на образецъ устройства этихъ послѣднихъ можно указать на церковный союзъ небольшого городка въ Помераніи Лабесъ (Laves). Союзъ состоитъ изъ жертвователей деньгами и жертвователей трудомъ. Къ первымъ принадлежитъ каждый, который обязывается каждаго недѣлю или каждаго мѣсячно вносить известную плату, а ко вторымъ — тѣ, которые обязуются доставлять необходимыя свѣдѣнія и вообще помогать своимъ трудомъ, для чего и ввѣряется каждому изъ нихъ известная часть прихода. Представителемъ союза бываетъ пасторъ, а помощникомъ — діаконъ. Всѣ члены союза собираются разъ въ годъ, а члены трудящіяся два раза въ мѣсяцъ. Какъ тѣ, такъ и другія собранія начинаются и оканчиваются молитвою. Принятіе въ число бѣдныхъ прихода совершается послѣ самаго тщательнаго и всесторонняго

¹⁾ *Fliegende Blätter*, 1866, № 4. Die Kirchliche Armenpflege. Zu Schwibus s. 222.

изслѣдованія со стороны одного изъ попечителей и рѣшается въ собраніи всѣхъ попечителей. Каждый изъ принятыхъ въ число бѣдныхъ ввѣряется одному изъ попечителей, который и обязанъ навѣщать его каждую недѣлю, слѣдить за его дѣятельностію и особенно за тѣмъ, чтобы онъ не нищенствовалъ, помогать ему своимъ совѣтомъ, утѣшать его и все, достигнутое путемъ посѣщенія, отмѣчать въ книгѣ. На мѣсячныхъ собраніяхъ эти книги читаются и, сообразно съ сдѣланными въ нихъ отмѣтками, пособіе союза или увеличивается, или уменьшается. Пособія никогда почти не выдаются деньгами, а всегда натурой. Благодаря такой бдительности, и въ этомъ, какъ и въ другихъ приходахъ, нищество, по свидѣтельству отчетовъ, совершенно прекратилось ¹⁾. Черезъ кого ни совершалась бы приходская благотворительность въ приходахъ лютеранскихъ, черезъ посредство ли церковныхъ совѣтовъ, или черезъ посредство благотворительныхъ союзовъ, первымъ и главнымъ условіемъ для нея признается отнюдь не стоять въ разладѣ съ гражданскою или обязательною благотворительностію. Для достиженія такой цѣли, нѣкоторые изъ епархіальныхъ синодовъ выработали даже правила, какихъ должны бывать держаться приходы въ ихъ отношеніяхъ къ благотворительности коммунальной или гражданской. Вотъ, на примѣръ, правила, выработанныя синодомъ Гердаунской епархіи (Diocese Gerdauen) въ восточной Пруссіи. Задачею церковной благотворительности, говорится въ нихъ, должно быть: а) восполненіе гражданской благотворительности тамъ, гдѣ послѣдняя недостаточна. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, представители приходской благотворительности должны войти въ соглашеніе съ представителями гражданской и обсудить съобща, что можетъ быть сдѣлано одними и что—другими. б) Восполненіе гражданской—тамъ, гдѣ, по законнымъ или незаконнымъ обстоятельствамъ, послѣдняя не бываетъ оказываема. Бѣдные, говорится, не должны страдать отъ того. Правила дозволяютъ даже обращаться иногда за содѣйствіемъ къ начальству, но только въ томъ крайнемъ случаѣ, когда дѣло касается отказа бѣдному въ помѣщеніи, каковое не можетъ быть дано, въ боль-

¹⁾ Fliegende Blätter 1866, № 4. Der Kirchliche Armenpflege-Verein in Labes s. 118.

шинствѣ случаевъ, церковною благотворительностію. в) Вспомоществованіе всѣмъ тѣмъ, которые не имѣютъ права на пользование гражданскою благотворительностію. г) Любвеобильное наблюденіе какъ надъ самыми нуждами бѣдныхъ, такъ и надъ оказываемою имъ помощію, чего уже совершенно не можетъ дать благотворительность гражданская¹⁾.

Съ шестидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія, и въ нашей русской церкви начало пробуждаться стремленіе къ правильному, согласному съ духомъ древней церкви, устройству приходской благотворительности. Хотя толчокъ такому стремленію и данъ былъ правительствомъ, желавшимъ доставить чрезъ него средства къ обезпеченію духовенства, тѣмъ не менѣе и въ самую жизнь русскаго народа привзошло много такого, что необходимо должно было вызывать приходы на болѣе единодушную, чѣмъ прежде, дѣятельность. Главное, что особенно способствовало тому, было уничтоженіе права крѣпостнаго. Во все время, пока господствовало это послѣднее, для благотворительной дѣятельности сельскихъ приходоѡ не было мѣста. Личность помѣщика была единственною, отъ которой исходила и могла исходить всякаго рода инициатива въ этомъ дѣлѣ. Являлись ли нужды въ отношеніи къ храму Божію, отъ помѣщика зависѣло удовлетворить или не удовлетворить таковыя. Являлись ли собственныя нужды у причтоѡ, опять отъ помѣщика зависѣло ихъ удовлетвореніе. Онъ одинъ могъ дать матеріалъ для топлива, оказать помощь въ сельскихъ работахъ, отстроить домъ и т. п. Открывались ли нужды у самыхъ крестьянъ, къ нему шли они и въ случаѣ пожара, и въ случаѣ скотскаго падежа, и въ случаѣ собственной болѣзни или другаго какого бѣдствія. Къ нимъ отсылало и правительство, когда полиція забирала по городамъ нищенствующихъ. Но вотъ освобождаются крестьяне отъ помѣщиковъ, вотъ появляется у нихъ своя земля, свой собственный трудъ, и ни духовенство, ни бѣдные не могли уже болѣе рассчитывать на прежнюю, со стороны помѣщика, поддержку. Прихожане сами должны были заботиться теперь и о благолѣпін приходскихъ храмовъ, и о духовенствѣ, и о впадшихъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, въ нищету.

¹⁾ Fliegende Blätter 1866 № 3. s. 67.

Среди такихъ обстоятельствъ, многіе изъ приходовъ съ радостію откликнулись на призывъ правительства къ открытію попечительствъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго о нихъ положенія, 2-го августа 1864 года. Съ тѣхъ поръ, и до настоящаго времени, число ихъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, такъ что теперь достигаетъ уже, какъ видно изъ послѣдняго отчета оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1882 годъ, до 12,074, что, въ отношеніи къ 31,207 приходамъ, составляетъ болѣе чѣмъ треть всѣхъ приходовъ¹⁾. Жаль только, что слишкомъ широка для нихъ программа. На ихъ обязанность возложено: а) содержаніе и удовлетвореніе нуждъ приходской церкви, б) изысканіе способовъ къ безбѣдному для церковнаго причта существованію и попеченіе объ устройствѣ и содержаніи назначенныхъ для его помѣщенія домовъ, в) изысканіе средствъ къ учрежденію въ приходѣ школы, больницы, богадѣльни, пріюта и вообще къ оказанію бѣднымъ людямъ прихода, въ необходимыхъ случаяхъ, возможныхъ пособій, и на погребеніе нищихъ умершихъ. Такая широкая программа и для окрѣпшихъ обществъ была бы несовѣтмъ подъ силу, а для обществъ только что возраждавшихся и притомъ среди населенія неразвитаго, бѣднаго, не привыкшаго къ общественной дѣятельности, она положительно была не выполнима. Такъ и случилось. Одни изъ приходовъ, испугавшись указанной широты попечительской дѣятельности, совершенно не посмѣли отирывать у себя попечительства, а другіе, хотя и открыли, но, за неимѣніемъ специальныхъ пожертвованій, показываютъ въ отчетахъ, въ видѣ пожертвованій попечительствамъ, секретную часть общихъ церковныхъ суммъ, и только третьи успѣваютъ кое—какъ справляться со всѣми тремя задачами, отдавая, впрочемъ, предпочтеніе какой либо одной изъ нихъ. Въ болѣе благоприятномъ, обыкновенно, положеніи находятся нужды храма Божія. Это потому, что нужды храма Божія, не затрагивая ни чьихъ интересовъ, рѣдко когда имѣютъ антагонистовъ противъ себя. Не то нужно сказать о нуждахъ причта и о нуждахъ бѣдныхъ. Ни тѣ, ни другія никогда не имѣютъ единодушнаго въ членахъ по-

¹⁾ Чтенія въ обществѣ любит. духовн. просв. 1885 г. кн. 1-я. Обзорніе русской церковной жизни, за 1882 г.

печительства къ себѣ отношенія. Священникъ, въ виду необеспеченности своей и своего причта, какъ ни тяжело ему, принужденъ бываетъ, когда дѣло касается нуждъ бѣдныхъ, или молчать, или высказываться противъ, а прочіе члены попечительства, подозрѣвая въ поведеніи священника своекорыстіе, не податливы бываютъ къ удовлетворенію нуждъ имъ заявляемыхъ. Отъ того-то и выходитъ, что суммы попечительскія распределяются въ слѣдующей неравномѣрной пропорціи. Въ 1878 году, изъ 1,677,813 р. всей попечительской суммы, употреблено было на нужды храмовъ Божіихъ—1,385,281 р., на нужды бѣдныхъ—164,079 р., а на нужды причтовъ—128,452 р. Еще поразительнѣе эта неравномѣрность въ распределеніи попечительской суммы за 1874 г. Изъ 1,338,361 р. всей суммы израсходовано на нужды храмовъ Божіихъ—1,158,850 р., на школы и благотворительныя учрежденія—118,198 р., а въ пользу причтовъ: 61,300 р. Несравненно было бы, итакъ, лучше, если бы попечительствамъ указана была болѣе скромная, чѣмъ теперь имѣютъ они, задача, если бы дѣятельность ихъ была ограничена однимъ попеченіемъ о бѣдныхъ. Тогда и священникъ гораздо свободнѣе дѣйствовалъ бы въ ихъ пользу, и приходы скорѣе сознали бы ихъ плодотворность. Они увидѣли бы, что для дѣятельности попечительства не нужны какіе либо особенные обременительные сборы, а достаточно даже однихъ тѣхъ кусковъ, какіе подаются ежедневно нищимъ. Какъ важно не расплываться въ своей дѣятельности, а сосредоточиваться на чемъ либо одномъ, лучше всего показываютъ всѣ тѣ приходы, въ которыхъ, вмѣсто попечительства, существуютъ, такъ называемые, приходскіе попечительные совѣты и приходскія благотворительныя общества. Не смотря на то, что ни тѣ, ни другія не представляютъ собою, какъ попечительства, всего прихода, а состоятъ только изъ нѣсколькихъ лицъ, пожелавшихъ посвятить себя благотворительной дѣятельности въ предѣлахъ прихода, они дѣйствуютъ чрезвычайно успѣшно. Такъ, по крайнѣй мѣрѣ, можно судить о нихъ по ихъ дѣятельности въ Петербургѣ. Тамъ находятся они при 30 приходсахъ и располагаютъ суммою болѣе 135 тысячъ рублей. Помимо выдачи пособій деньгами, одеждой и пищей, они заводятъ: богадѣльни и старческіе пріюты, пріюты для призрѣнія и воспитанія дѣтей, воскресныя школы и дешевыя квартиры, а нѣкоторыя, какъ Преображенское благотвори-

тельное общество, даже доставляютъ бѣднымъ заказы и пощенную работу. Во всѣхъ обществахъ дѣлами благотворенія завѣдываетъ совѣтъ, состоящій, повсемѣстно, изъ приходскихъ священно-служителей, церковнаго старосты и изъ членовъ общества, принявшихъ на себя обязанности попечителей о бѣдныхъ. Предсѣдательство въ совѣтѣ всегда почти предоставляется настоятелю прихода. Способъ веденія дѣлъ отличается въ обществахъ необыкновенною простотою. Во многихъ уставахъ нарочито оговорено, что совѣщанія и дѣйствія совѣтовъ производятся безъ письменныхъ формальностей. Главное, что особенно наблюдается совѣтами, есть проверка положенія просителя. Для этой цѣли каждый приходъ дѣлится на участки, ввѣряемые одному или нѣсколькимъ попечителямъ. Эти-то попечители и суть посредники между бѣдными и администраціей общества. Бѣдные чрезъ нихъ заявляютъ о нуждахъ своихъ, а совѣтъ чрезъ нихъ собираетъ свѣдѣнія о бѣдныхъ. Что касается взгляда на бѣдныхъ, то во всѣхъ обществахъ твердо установилось мнѣніе, что помощь должна простираться только на неимущихъ, т. е. такихъ, которые рѣшительно не въ состояніи добыть себѣ достаточно средствъ для своего существованія, и притомъ не почему иному, а только по престарѣлости, увѣчью, болѣзни, много-семейности и. т. п. Еще строже относятся общества къ приему въ пріюты. Они твердо держатся того правила, чтобы пособія благотворительности церковной не развивали праздности, тунеядства и не подрывали бы обязанностей, возлагаемыхъ семейнымъ союзомъ, не слагали бы слишкомъ легко съ дѣтей обязанности обеспечивать своихъ родителей, а съ родителей обязанности—кормить и воспитывать своихъ дѣтей. Что касается средствъ обществъ, то таковыя добываются посредствомъ: а) кружечныхъ сборовъ въ церквяхъ, б) взносовъ благотворителей, признаваемыхъ членами общества и мелкихъ единовременныхъ пожертвованій, в) домовыхъ и квартирныхъ сборовъ, посредствомъ домовладѣльцевъ, г) пожертвованій на задравные и заупокойные обѣды, д) взносовъ за пенсионеровъ въ богадѣльняхъ и пріютахъ и, наконецъ, е) вещественныхъ пожертвованій. Ни къ концертамъ, ни къ лотереямъ сами общества никогда не прибѣгаютъ и даже прямо находятъ такой способъ собиранія доходовъ не согласнымъ съ ученіемъ христіанской церкви. Все, что сказано о Петербургскихъ приходскихъ благо-

творительныхъ обществахъ, относится и къ Московскимъ, каковыхъ находится въ Москвѣ, къ сожалѣнію, только тринадцать. Всѣ они дѣйствуютъ совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ и Петербургскія, только руководствуются уставами, утверждаемыми не министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ тѣ, а епархіальнымъ начальствомъ ¹⁾. Совершенно справедливо отзывается о всѣхъ такихъ обществахъ «Сборникъ свѣдѣній по общественной благотворительности», когда говоритъ: «нельзя въ этихъ приходскихъ обществахъ не признать именно тѣхъ территориальныхъ обществъ, которыя составляютъ здоровое и вѣрное основаніе всего дѣла призрѣнія бѣдныхъ ²⁾. Не оскудѣлъ, и такъ, и тотъ послѣдній союзъ, который названъ нами союзомъ приходскимъ. И прошлое и настоящее состояніе его громко свидѣтельствуешь, что мы имѣемъ въ немъ самый вѣрный и прочный институтъ, какъ для борьбы съ нищенствомъ промысловымъ, такъ и для призрѣнія дѣйствительно немощныхъ.

Изъ всего сказаннаго о церкви и ея благотворительныхъ учрежденіяхъ нельзя не видѣть, что мы имѣемъ въ ней самый богатый и неиссякаемый источникъ для благотворенія, что всѣ благотворительные институты ея представляютъ изъ себя нѣчто цѣльное и стройное, что всѣ они тѣсно связаны между собой, что всѣ они имѣютъ готовую организацію, что восходя по нимъ, какъ по ступенямъ, можно взойти до проявленія любви полной, совершенной, всеобъемлющей.

III.

Государственныя и общественныя мѣропріятія для борьбы съ нищенствомъ.

Сопоставляя государственныя и общественныя средства для борьбы съ нищенствомъ съ средствами, предлагаемыми для того церковію, нельзя не видѣть, что первыя, при всей кажущейся значимости, значительно уступаютъ послѣднимъ въ силѣ своей. Самое главное средство, каковымъ располагаетъ, въ этомъ случаѣ, государство, есть, какъ извѣстно, воспрещеніе нищества

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній по обществ. благотворительности т. II. стр. 169—197.

²⁾ Т. I. стр. XIV.

и наказаніе за него. Но вотъ уже болѣе полуторы тысячи лѣтъ, какъ государства начали преслѣдовать нищенство, а оно все возрастаетъ и возрастаетъ въ своемъ количествѣ. Какихъ, какихъ наказаній не было придумано противъ него: и клейменіе, и внугъ, и сосылка, и заключеніе въ тюрьмы и даже смертная казнь, но ничто не помогало. Отчего же это? Почему, воспрещеніе и соединенное съ нимъ наказаніе, такъ сильныя въ другихъ случаяхъ, только безсильны въ отношеніи къ нищенству? Какъ ни много вліяютъ на это явленіе разныя, часто недовѣдомыя даже, экономическія и историческія условія жизни, но есть причина и болѣе не хитрая и простая. Всякое испрашиваніе подаянія, будучи взято само въ себя, не имѣетъ въ себѣ ничего особенно преступнаго и порочнаго. Оно можетъ даже быть дѣломъ совершенно законнымъ, необходимымъ, когда человѣкъ вдругъ, по какому либо случаю, лишился бы всякихъ средствъ къ своему пропитанію и былъ угрожаемъ голодною смертію. Не прибѣгнуть въ такомъ крайнемъ случаѣ къ помощи своего ближняго, значитъ поступить не естественно, поступить противъ природеннаго каждому человѣку чувства самосохраненія. Единственный случай, при которомъ испрашиваніе подаянія можетъ быть преступнымъ, есть тотъ, когда нѣтъ въ немъ никакой надобности, когда испрашивающій вводитъ въ обманъ другаго, когда, предаваясь лѣни, праздности и даже пороку, хочетъ жить на счетъ своего ближняго. Но какъ же теперь, спрашивается, узнать истинную причину, побуждающую человѣка къ нищенству? Какъ различить: гдѣ истинна и гдѣ ложь, гдѣ угрожающая смертію нужда и гдѣ одно притворство? Положимъ, можно рассуждать при этомъ такъ: пусть обращается къ правительству, къ полиціи; послѣдняя разберетъ дѣло и если будетъ нужно, то приметъ должныя мѣры. Но такъ можно рассуждать въ томъ только случаѣ, когда положительно извѣстно, что правительство располагаетъ самыми обширными средствами къ призрѣнію, что у него всегда наготовѣ быстрая и дѣйствительная помощь. А какое правительство располагаетъ такими средствами? Правда, у каждаго есть органы, при посредствѣ которыхъ оно совершаетъ дѣло призрѣнія, но эти органы заняты бывають, обыкновенно, другими функціями государственной и общественной службы и, потому, не могутъ оказывать помощи немедленной и рѣшительной. Пусть, напримѣръ, по-

пробуетъ кто либо обратиться къ городовому и заявить, что милостыни просить онъ не смѣетъ, а, между тѣмъ, ни ему, ни дѣтямъ его, ѣсть нечего. Что предприметь городской въ такомъ случаѣ? Онъ, конечно, или пошлетъ, или препроводитъ такового въ участокъ. Изъ участка направятъ его или въ убѣжище для нищихъ, если таковое имѣется, или въ какое либо филантропическое общество, но въ убѣжищѣ нищихъ ему нѣтъ нужды: его ждетъ голодающая семья, а чтобы получить помощь отъ того или другаго общества, нужно подать прошеніе, дожидаться засѣданія, да и при всемъ этомъ не быть увѣреннымъ въ оказаніи ея. Вотъ эта-то неизбѣжная процедура, соединенная съ правительственнымъ и общественнымъ призрѣніемъ, и побуждаетъ даже безсердечнаго оказать помощь просящему милостыню и тѣмъ парализовать государственное воспрещеніе нищенства. Кто знаетъ, думаетъ онъ, быть можетъ у этаго нищаго: большая жена, больныя и голодныя дѣти и пока будетъ онъ странствовать по правительственнымъ и общиннымъ инстанціямъ, всякая помощь окажется уже запоздалою. Нѣтъ, говоритъ онъ себѣ, поступлю лучше такъ, какъ поступаетъ и правосудіе, когда есть сомнѣніе въ виновности: лучше дать десяти преступнымъ, чѣмъ допустить, чтобы кто нибудь умеръ отъ голодной смерти. И не одни обыкновенные граждане разсуждаютъ подобнымъ образомъ. Такъ разсуждаютъ часто и сами блюстители закона. Вотъ видитъ городской нищаго и хорошо знаетъ какъ нужно ему поступить съ нимъ. Но что, думаетъ онъ, за преступленіе его, особенно въ сравненіи съ тѣми, какія ежедневно приходится преслѣдовать: самъ онъ хилый, старый, больной стоитъ въ сторонѣ, порядка не нарушаетъ, не возвышаетъ даже предъ проходящими голоса. Да и что я буду дѣлать съ нимъ? Свести въ участокъ? Но мало ли и безъ нихъ въ участкѣ дѣла. Еще я же, пожалуй, виноватъ останусь за неумѣстное безпокойство. Нѣтъ, пойду и скажу только, чтобы отошелъ подале, или перешелъ въ другой участокъ. И вотъ тотъ, который прежде всего долженъ быть блюстителемъ исполненія закона, самъ помогаетъ его нарушенію. Поднимемся, пожалуй, и на одну изъ ступеней судебной инстанціи. Вотъ захватила полиція нѣсколькихъ нищихъ и привела ихъ, на основаніи извѣстныхъ статей закона, къ мировому судѣ. Но что будетъ дѣлать съ ними мировой судья, когда препровождающая ихъ

полиція рѣдко можетъ дать какія либо другія показанія, кромѣ тѣхъ, что они ниществуя, когда ему неизвѣстно вполнѣ ихъ семейное положеніе и когда нѣтъ работнаго дома, въ который онъ могъ бы заключить способнаго къ труду нищаго? Заключить въ тюрьму? Но кто знаетъ, разсуждаетъ судья, быть можетъ онъ дѣйствительно только крайнею нуждою выведенъ на улицу? Да и что пользы, если просидитъ онъ нѣсколько дней въ заключеніи? Развѣ не примется, въ случаѣ порочности своей, вновь за ремесло свое? И вотъ, дѣло кончается, въ большинствѣ случаевъ, или оправданіемъ, или высылкою на мѣсто постоянного жительства. Еще болѣе оправданій находятъ для себя самые нищіе. Большинство изъ нихъ и представить себѣ не можетъ, какъ это можно преслѣдовать тѣхъ, которые нуждаются въ пропитаніи. Они смотрятъ обыкновенно на такое преслѣдованіе, какъ на одну придирку со стороны полиціи и ни о чемъ другомъ не помышляютъ, кромѣ изобрѣтенія способовъ къ укрывательству отъ нея. И нужно удивляться до чего доходить въ этомъ отношеніи чуткость и ловкость ихъ. Они хорошо знаютъ, гдѣ и какъ пройти, гдѣ встать и какъ поступить при встрѣчѣ съ полиціей, чтобы не быть пойманными на мѣстѣ преступленія. Не удивительно, поэтому, если полиція, при самой бдительности своей, не всегда въ состояніи бываетъ съ ними справиться. Не особенно, впрочемъ, беспокоятся они и въ томъ случаѣ, когда приходится имъ предстать предъ судилице. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, явно обратившихъ нищенство въ промыселъ, у большинства изъ нихъ всегда находятся то тѣ, то другія оправданія. Одинъ заявляетъ, что желалъ бы быть помещеннымъ въ какой нибудь богадѣльнѣ, но всюду, за отсутствіемъ мѣста, ему было отказано. Другой извиняетъ себя тѣмъ, что онъ только что выписался изъ больницы и что, по слабости своей, еще не въ состояніи принятыя за работу, да и не находитъ ея. Третій жалуется, что смерть похитила кормильца семьи и что онъ самъ не въ состояніи ее пропитывать. Въ виду такихъ и подобныхъ симъ доводовъ, всѣ подсудимые знаютъ хорошо, что, какъ бы ни отнеслось къ нимъ правосудіе, хуже не будетъ. Самое худшее, разсуждаютъ они, если опять придется нищенствовать, а быть можетъ, благодаря судебному разбирательству, имъ и удастся какъ нибудь пристроиться. Сколько бы, итакъ, ни воспрещалось закономъ нищенство, но

если не будетъ достаточнаго количества благотворительныхъ учрежденій для призрѣнія дѣйствительныхъ нищихъ, если не будетъ работныхъ домовъ, гдѣ можно было бы заключать и исправлять способныхъ къ труду, если не будетъ, помимо полиціи, такихъ органовъ, которые могли бы доставлять подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о семейномъ положеніи нищихъ, исполненіе закона всегда будетъ находить препятствіе для себя и въ частной милостынѣ и въ сострадательномъ отношеніи какъ публики, такъ и самыхъ блюстителей закона.

Какъ ни много сдѣлано у насъ въ этомъ отношеніи, особенно въ послѣднее время, но все таки сдѣланное есть не болѣе, какъ капля въ морѣ. Главное, чего не достаетъ нашему призрѣнію и нашей благотворительности,—это прочной системы. У насъ нѣтъ такого вѣдомства, которое руководило бы дѣломъ призрѣнія сверху до-низа и такъ направляло бы его, чтобы оно обнимало собою не одни центры населенія, не одѣѣ столицы и главные города, но даже села и деревни. Одни изъ благотворительныхъ учрежденій состоятъ у насъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, другія—въ вѣдѣніи IV отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, третьи—въ вѣдѣніи Императорскаго человеколюбиваго общества, четвертые—въ вѣдѣніи епархіальныхъ начальствъ и разныхъ вѣдомствъ, особенно военнаго и морскаго. При такомъ отсутствіи одного центральнаго управленія, а вмѣстѣ съ нимъ и единства въ направленіи, одни мѣста пользуются большимъ количествомъ благотворительныхъ учрежденій, другія—меньшимъ, а третьи и совершенно ихъ не имѣютъ. Въ наиболѣе благопріятныхъ, въ отношеніи къ благотворенію, условіяхъ находятся, и совершенно конечно по праву, наши столичныя города: Петербургъ и Москва. Здѣсь всѣ вѣдомства съ особенною энергіею проявляютъ свою дѣятельность, такъ что каждое изъ нихъ имѣетъ у себя по нѣсколько благотворительныхъ учрежденій и притомъ не только въ отношеніи къ одному какому либо роду благотворительности, но почти ко всѣмъ. Такъ въ Петербургѣ, по статистическимъ даннымъ, относящимся къ 1874 году, находится: 63 богадѣльни, съ 8535 призрѣваемыхъ и съ 697,000 руб. годоваго расхода ¹⁾, 130 школъ, съ 10668 бѣдныхъ дѣтей, изъ кото-

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній по общественной благотворительности т. 1. стр. 80.

рыхъ 5441 полныхъ пенсионеровъ, и съ ежегоднымъ расходомъ въ 1,778,000 р., ¹⁾ тридцать четыре приходскихъ благотворительныхъ общества, съ 1500 получающихъ каждомѣсячное пособіе и вообще съ 150,000 ежегоднаго расхода ²⁾, два приюта для падшихъ женщинъ ³⁾, три общества доставленія дешевыхъ квартиръ, общество доставленія ночлежныхъ приютовъ, пять разныхъ благотворительныхъ обществъ и, наконецъ, комитетъ по разбору и призрѣнію нищихъ съ его работнымъ домою. То же самое нужно сказать и о Москвѣ. Въ ней находится: 158 богодѣленъ, съ 6900 призрѣваемыхъ и съ 490,200 р. ежегоднаго расхода ⁴⁾, 5223, не включая воспитательный домъ, призрѣваемыхъ и обучаемыхъ дѣтей, съ 1,558, 200 р. ежегоднаго расхода ⁵⁾, братолюбивое общество, съ его 18 домами для дешевыхъ квартиръ и съ его расходами въ 13,983 р., ⁶⁾ 13 приходскихъ благотворительныхъ обществъ, общество для поощренія трудолюбія, благотворительное общество, общество для призрѣнія неизлѣчимыхъ больныхъ, попечительство о бѣдныхъ въ Москвѣ, общество попеченія о немущихъ дѣтяхъ въ Москвѣ, нѣсколько обществъ для вспомошествованія учащимся и, наконецъ, комитетъ по разбору и призрѣнію нищихъ въ Москвѣ, съ его работнымъ домою на 323 призрѣваемыхъ въ немъ ⁷⁾. Въ этихъ же двухъ городахъ сосредоточены и спеціальныя благотворительныя учрежденія, какъ то: институты для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и дома умалишенныхъ. Нельзя назвать особенно печальнымъ въ отношеніи къ благотворенію и состояніе нашихъ губернскихъ городовъ и градоначальствъ. Въ каждомъ почти изъ нихъ имѣется по дѣтскому приюту, состоящему подъ вѣдѣніемъ IV отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; во многихъ изъ нихъ, какъ то: въ Вильнѣ, Воронежѣ, Гродно, Казани, Калугѣ, Киевѣ, Костромѣ, Митавѣ, Минскѣ, Петрозаводскѣ, Оренбургѣ, Пензѣ, Пермѣ, Псковѣ,

¹⁾ *ibid* т. 1, стр. 150—153.

²⁾ *ibid* т. 1, стр. 24.

³⁾ *ibid* т. 1, стр. 81.

⁴⁾ Сборникъ свѣдѣній по обществ. благотворительности. Т. II, стр. 148.

⁵⁾ *ibid* т. 11, стр. 58—61.

⁶⁾ *ibid* т. 11, стр. 163.

⁷⁾ Дѣтская помощь 1885 г. № 13.

Саратовъ, Симбирскъ, Ставрополь, Тамбовъ, Твери, Туль, Уфъ, Ярославль и Одессъ существуютъ общества, по большей части, дамскія, для вспомошествованія тѣмъ или другимъ нуждамъ города. Существуютъ въ нѣкоторыхъ и учрежденія Императорскаго человеколюбиваго общества. Таковы: въ Воронежѣ—попечительный комитетъ, школа для дѣтей воиновъ, убитыхъ въ минувшую войну, двѣ квартиры для бѣдныхъ гимназистовъ, женская богадѣльня, швейная мастерская и домъ для дешевыхъ квартиръ; въ Казани—попечительный комитетъ, школа для малолѣтнихъ дѣтей, два хозяйственно-руководѣльныхъ заведенія, домъ дешевыхъ квартиръ и мастерская при немъ; въ Калугѣ—домъ трудолюбія для дѣвицъ, въ Пензѣ—мастерская школа для дѣвицъ, въ Уфѣ—пріютъ для родильницъ, Полежаевскій пріютъ для бѣдныхъ гимназистовъ, богадѣльня для магометанъ, женская мастерская, домъ дешевыхъ квартиръ, въ Одессѣ—Стурдзинская богадѣльня съ общиною сестеръ. Но главное, что по преимуществу составляетъ привилегію губернскихъ городовъ,—это заведенія и учрежденія бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, учрежденныя Императрицей Екатериной II-й и переданныя потомъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. За исключеніемъ больницъ, учреждавшихся, помимо губернскаго города, и въ уѣздныхъ, всѣ остальные благотворительныя заведенія, какъ то: дѣтскій пріютъ, богадѣльня, а иногда и работный домъ, учреждались, обыкновенно, въ городахъ губернскихъ. Всѣхъ такихъ, переданныхъ приказами, заведеній было: 827, изъ нихъ: 62 учебно-воспитательныхъ, 592 лечебныхъ, 135 богадѣленъ и 38 исправительныхъ домовъ¹⁾. Жаль только, что земство и города, получивши отъ правительства такой богатый подарокъ, мало заботятся объ его преувеличеніи. Такъ, положительно можно сказать, по крайней мѣрѣ, о богадѣльняхъ. Въ отношеніи къ нимъ почти нигдѣ не сдѣлано ничего лучшаго, кромѣ того, что въ нихъ не принимаются болѣе бродяги и нищія. Переходя отъ городовъ губернскихъ къ городамъ уѣзднымъ, мы встрѣчаемся уже съ совершенно печальною картиною въ отношеніи къ благотворенію. Бѣдность и нищета бываютъ здѣсь, среди мѣщанства, даже сильнѣе, чѣмъ въ селахъ и дерев-

¹⁾ Благотворительныя дѣйствія приказовъ. Ж. М. В. Д. 1854 г. ч. 9.

нихъ, а между тѣмъ сюда очень слабо принимаютъ уже тѣ животворные лучи, какими бываютъ учрежденія трехъ названныхъ вѣдомствъ. За исключеніемъ: Вольска, Динабурга, Елабуги, Красноярска, Липецка, Новомосковска, Острожска, Ростова на Дону, Старобѣльска, Торопца, Трубчевска, Углича, Холма—имѣющихъ дѣтскіе приюты IV-го отдѣленія соботвенной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Вязьмы, Глухова и Слуцка, имѣющихъ приюты человѣколюбиваго общества, и Бирноча, Мологи, Рыбинска, Углича, Скопина и Слуцка—имѣющихъ богадѣльни того же общества, ни въ одномъ изъ остальныхъ уѣздныхъ городовъ нѣтъ ничего для противодѣйствія бѣдности и нищенству¹⁾. Объ устройствѣ тѣхъ или другихъ благотворительныхъ обществъ здѣсь и помина нѣтъ, а земство отдѣляется одною школою и больницею, да и то на очень ограниченное число кроватей. Только изрѣдка, благодаря человѣколюбію того или другаго частнаго лица, въ нихъ создаются то тѣ, то другія благотворительныя заведенія, какъ и показываютъ самыя названія ихъ. Таковы: Блохинскій богадѣльный домъ въ Суздаль, Титовскій богадѣльный домъ въ Ростовѣ, Савинская богадѣльня въ Осташковѣ, Бахрушевыхъ богадѣльня въ Зарайскѣ, Тетюхинская богадѣльня въ Торжкѣ, Бобарыкинская богадѣльня въ Холмѣ. Еще печальнѣе состояніе селъ и деревень. За исключеніемъ трехъ селъ: Большова (Московск. губ.), Алмазова (Московск. губ.) и Яковлева (Владимірск. губ.), пользующихся, по торговому положенію своему, и приютами и богадѣльнями Императорскаго человѣколюбиваго общества, всѣ остальные села и деревни рѣшительно предоставлены себѣ самимъ. Даже школьное и врачебное дѣло, которому болѣе всего отдается предпочтеніе земство, здѣсь не имѣетъ правильной постановки. Школы и учебницы существуютъ обыкновенно на очень отдаленныхъ одна отъ другой разстояніяхъ, такъ что ими пользуются только очень не многіе. Что же касается богадѣленъ для старыхъ и увѣчныхъ, то ихъ почти нѣтъ. Изъ 327 губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ смѣтъ, помѣщенныхъ въ «Земскомъ Ежегодникѣ» за 1877 годъ, назначеніе на этотъ предметъ встрѣчается только въ 70, но и тутъ оно падаетъ въ одной

¹⁾ Сборникъ свѣд. по общест. благотвор. т. VI, стр. 90—93.

смытъ до ничтожной цѣры—24 р. По размѣрамъ ассигновокъ, смыты эти распределяются такъ :

Отъ	24 р.	до	100	назначено	по	7	смытамъ
»	100 »	—	300	—	—	14	—
»	300 »	—	500	—	—	14	—
»	500 »	—	1000	—	—	10	—
»	1000 »	—	2000	—	—	9	—
»	2000 »	—	5000	—	—	3	—
»	5000 »	—	10,000	—	—	4 ¹⁾	—

Насколько велико, между тѣмъ, по деревнямъ число бѣдныхъ, неспособныхъ къ пропитанію себя самихъ, о томъ могутъ засвидѣтельствовать, за неизмѣнимъ общей статистики, слѣдующія данныя, собранныя земствами: Московскимъ уѣзднымъ, Вологодскимъ уѣзднымъ и Кременчугскимъ. Изъ 159 лицъ дряхлыхъ и увѣчныхъ Московскаго уѣзда рѣшительно немощными никакихъ средствъ къ существованію отмѣнены—51²⁾; изъ 266 лицъ Вологодскаго уѣзда исключено только отъ 22—52%, какъ способныхъ до нѣкоторой степени себя пропитывать, а всѣ остальные признаны рѣшительно неспособными³⁾; изъ 121 нищихъ Кременчугскаго уѣзда рѣшительно неспособными признана «большая часть»⁴⁾. Тѣ же данныя могутъ свидѣтельствовать, по нашему мнѣнію, о необходимости правильного устройства дѣла призрѣнія и съ другой стороны. Если изъ 159 нищихъ Московскаго уѣзда признаны только 51 совершенно неспособными къ работѣ, то, очевидно, 108 человекъ находятся таковыхъ, которые могутъ работать и потому только нищенствуютъ, что нѣтъ надъ ними надзора, какъ и заявили о томъ исправникъ Московскаго уѣзда⁵⁾. Еще болѣе это сказать нужно о данныхъ Вологодскаго и Кременчугскаго уѣзда. По даннымъ уѣзда Вологодскаго, изъ 400 нищихъ, 1874 года, промысловыхъ нищихъ было отъ 22—52%. Но что ходить далеко, когда и изъ отчетовъ самаго близкаго къ намъ земства, Херсонскаго, мы

¹⁾ Сяловъ: «Земскіе вопросы» М. 1882 г. стр. 59.

²⁾ Ж. Московск. уѣздн. земск. собр. 1878 г. Докладъ по общественному призрѣнію.

³⁾ Отчетъ Волг. уѣздн. земской упр. за 1874 г. стр. 53.

⁴⁾ Отчетъ Кременчугской земск. упр. 1878 г., стр. 123.

⁵⁾ Сяловъ: «Земскіе вопросы», стр. 60.

можемъ вывести самыя поучительныя результаты?! Въ 1884 году, по произведенному надворному описанію Елисаветградскаго уѣзда, уѣзда, какъ извѣстно, не бѣднаго, оказалось, что въ этомъ уѣздѣ, среди одного сельскаго населенія, лица неспособныя къ труду и нуждающіяся въ призрѣніи составляютъ значительный процентъ, приблизительно $1\frac{1}{4}\%$ всего населенія уѣзда, т. е. около четырехъ тысячъ человѣкъ, а на всю губернію, считая сельское населеніе ея въ 450,000, по такому расчету придется 14,375 человѣкъ. Что же дѣлало земство для устраненія такихъ насущныхъ потребностей? А вотъ что. Не считая почему-то обязательнымъ для себя увеличивать количество полученныхъ отъ приказа общественнаго призрѣнія заведеній, а такихъ на всю губернію: двѣ богадѣльни съ 210 призрѣваемыхъ и одинъ сиротскій домъ съ 80 призрѣваемыхъ, оно ограничивалось выдачею на руки пособія отъ 3 р. до 5 р. въ мѣсяцъ, въ первое десятилѣтіе—185 лицамъ, что составило, по десятилѣтней сложности, сумму въ 5365 р., а во второе—320 лицамъ, что составило, по той же десятилѣтней сложности, 10,916 р. ¹⁾ Сколько же, спрашивается, несчастныхъ, при такомъ ограниченномъ количествѣ пособій, оставалось безъ всякой помощи? Да и могли ли принести дѣйствительную помощь самыя пособія, когда они давались по рукамъ и могли, слѣдовательно, расходоваться не на дѣйствительныя потребности? Вотъ сильное изображеніе того состоянія, въ какомъ находится дѣло призрѣнія въ нашемъ отечествѣ. Если въ самыхъ столицахъ, гдѣ дѣйствуютъ, и дѣйствуютъ съ успѣхомъ, комитеты по разбору и призрѣнію нищихъ, количество однихъ забираемыхъ полиціей бываетъ болѣе 1000 ²⁾, то какое же количество ихъ тамъ, гдѣ, какъ въ селахъ, уѣздныхъ и даже губернскихъ городахъ, они могутъ разгуливать сколько душъ угодно; если даже тамъ, гдѣ столько разныхъ богоугодныхъ заведеній, съ ними не знаютъ, какъ жалуются Московскій комитетъ по призрѣнію нищихъ, куда дѣваться ³⁾, то что же сказать о провинціи, гдѣ богадѣльни и пріюты существуютъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ?

¹⁾ Докладъ губернской управы о двадцатилѣтней дѣятельности Херсонскаго земства. Новор. Телегр. 1885 г. № 3068, 28 Мая.

²⁾ Въ Москвѣ, по отчету комитета за 1883-й годъ, взято (было полиціей) 1146 человѣкъ. См. Дѣтск. помощь, 1885 г. № 13.

³⁾ *ibid.*

Но что же, и такъ, дѣлать? Какъ поступить? Быть можетъ, послѣдуя примѣру нѣкоторыхъ западныхъ государствъ, и намъ не излишне было бы нѣсколько строже провести (въ принципѣ оно высказано) обязательное для обществъ призрѣніе бѣдныхъ? Вѣдь оно введено не гдѣ либо, а въ такихъ солидныхъ государствахъ, какъ Англія и Германія! Чего, кажется, лучше? И дѣйствительно, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ далеко не прочь порекомендовать намъ эти образцы запада. Вотъ что читаемъ въ статьяхъ г. Исаева, только что познакомившаго насъ съ различными формами призрѣнія и благотворенія въ Швейцаріи. «Хотя человѣческое сердце, заключаетъ онъ свое сообщеніе, и можетъ дѣлать многое, но пауперизмъ—слишкомъ важное явленіе, слишкомъ тѣсно связанное съ строемъ хозяйственной жизни, чтобы общество могло предоставить его только вѣдѣнію сердца и отказаться отъ воздѣйствія на него нормами закона». Онъ признаетъ, поэтому, обязательное общественное призрѣніе «необходимымъ»¹⁾. Но да проститъ намъ почтенный ученый, если мы предостережемъ отечество отъ его совѣтовъ. И безъ того не мало уже пострадало оно отъ многихъ искусственно навязанныхъ ему формъ гражданской и общественной жизни, а при обязательномъ призрѣніи ему пришлось бы лишиться и того послѣдняго духовнаго достоянія своего, какое составляетъ свобода въ сферѣ нравственныхъ отношеній къ другому. Напрасно, какъ онъ, такъ и другіе защитники обязательнаго призрѣнія, рисуютъ намъ при этомъ умильную картину, какъ частная благотворительность восполняетъ обязательную, какъ она, скажемъ словами г. Исаева, ведомая изъ любви къ дѣлу, способна къ гораздо болѣе тонкому анализу всѣхъ разновидностей нужды, къ болѣе полному отклику на всѣ, даже индивидуальныя, особенности, съ которыми предстоитъ предъ нею каждый нуждающійся²⁾. Такой умильной картины восполненія никогда не было и не будетъ. Обязательное призрѣніе есть смерть для частной благотворительности. Оно и тогда уже губило ее, когда прокламировано было самою церковію ла-

¹⁾ Исаевъ: «Общественное призрѣніе и частная благотворительность въ Швейцаріи». Юридич. Вѣстн. 1885 г. іюнь—іюль, стр. 345 и 349.

²⁾ Юридич. Вѣстн. 1885 г. іюнь—іюль, стр. 345.

тинскою; уже и тогда всё тѣ, которые должны были обязательно вносить назначавшіяся на бѣдныхъ десятины, аннаты и подобныя имъ поборы, чувствовали себя въ правѣ ничего не давать болѣе въ пользу бѣдныхъ, а теперь, когда стало оно провозглашаться самимъ государствомъ, тѣмъ болѣе каждый сталъ находить достаточнымъ для себя одну обязательную для него повинность. Теперь не зачѣмъ ему идти ни къ постели больного, ни въ хижину безпомощнаго старца, ни къ обремененной многочисленною семьею вдовѣ. Онъ знаетъ, что о всѣхъ этихъ бѣдныхъ заботятся общины, что на то существуютъ присяжные попечители и что его посѣщеніе можетъ быть признано или за контроль, или вообще за непрошенное вмѣшательство. Но это бы ничего, если бы дѣло ограничивалось одною холодностію, а то нѣтъ: при этомъ бываетъ и нѣчто худшее. Всѣ, которые сами признаютъ себя людьми не вполне обезпеченными, которые сами съ трудомъ снискиваютъ пропитаніе для себя, которые живутъ или ремесломъ, или обработкой небольшого участка земли, съ завистію и недоброжелательствомъ смотрятъ, обыкновенно, на лицъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ. Даже, при дѣйствительной ни къ чему неспособности этихъ послѣднихъ, имъ кажется всегда, что они пользуются общественною помощію не заслуженно, что они могли бы сами содержать себя, что они служатъ причиною ихъ собственнаго разоренія. Еще сильнѣе раздаются, обыкновенно, всѣ такія жалобы, когда дѣйствительно бываютъ какіе либо поводы къ тому; а какъ избѣжишь такихъ поводовъ? Во всѣхъ такихъ случаяхъ, простое чувство недоброжелательства переходитъ уже въ явную вражду. До какой степени доходитъ она, на то много можно привести примѣровъ изъ жизни общинъ, практикующихъ обязательное призрѣніе. Что можетъ быть, на примѣръ, безчеловѣчнѣе такой мѣры, какъ немилосердное выпроваживаніе англійскими обществами каждаго непринявшаго имъ бѣдняка, который пользовался лишь двадцатидневною ихъ помощію? ¹⁾ Какое развращающее, далѣе, начало вносимо было въ семейную жизнь практиковавшимся, до 1829 года, въ Швейцарскихъ общинахъ обычаемъ — выдавать бѣднымъ дѣвушкамъ приданое съ тѣмъ

¹⁾ Васильчиковъ. «О самоуправленіи» т. 11, стр. 11.

только, чтобы они оставляли общину и ненадвляли ее незаконно-рожденными детьми! ¹⁾ Какъ жестокосердъ былъ, наконецъ, тотъ, практиковавшійся въ тѣхъ же швейцарскихъ общинахъ, способъ призрѣнія несчастныхъ сиротъ, по которому отдача на воспитаніе производилась съ торговъ и дѣло воспитанія предоставлялось тому, кто меньше бралъ за воспитаніе ²⁾. А сколько униженія, сколько попрапія самыхъ священнѣйшихъ правъ чело-вѣка, соединено бываетъ съ общественнымъ призрѣніемъ! По англійскимъ законамъ, всякій, обращающійся къ приходской помощи, долженъ бываетъ пройти извѣстный искусь, или выдержать пытку, долженъ выси-дѣть нѣсколько времени, почти на хлѣбѣ и водѣ, въ работномъ домѣ и заниматься самыми тяжкими работами. Выдержать искусь—значитъ дѣйствительно бѣд-ный, а не выдержать—значитъ притворился, значитъ имѣть чѣмъ прокормить себя. Конечно, для чело-вѣка потеряннаго—это ничего; но каково бываетъ при этомъ положеніе честнаго труженника, честной матери семейства, имѣвшихъ, по какой ни-будь случайной причинѣ, несчастіе лишиться средствъ къ про-питанію? Отъ того-то многіе и предпочитаютъ лучше страдать отъ голода, чѣмъ выдерживать испытаніе работнаго дома. Изъ милліона немущихъ, записанныхъ въ Англій по реестрамъ 1862 года, только 143,000 прибѣгли къ этому даровому, но тяжкому испытанію ³⁾. Не особенно отрадно бываетъ и положеніе тѣхъ, которымъ удастся, тѣмъ или другимъ способомъ, полу-чать содержаніе на дому. Они ничего не въ правѣ бываютъ предпринять безъ согласія общины. Въ кантонѣ Люцернъ призрѣваемые должны бываютъ давать подробный отчетъ общинному совѣту не только въ полученномъ пособіи, но даже въ собственномъ заработкѣ ⁴⁾. О выходѣ за мужъ, или женитьбѣ призрѣвае-мые и помышлять не смѣютъ. Въ видахъ опасенія, и семьи ихъ получить на свое содержаніе, общины всегда въ томъ от-казываютъ. Вотъ какъ суровы и даже жестоки бываютъ отно-шенія людей къ ближнему при обязательномъ призрѣніи. Воз-

¹⁾ Исаевъ. Юридич. Вѣстникъ 1885 г. Май, стр. 64.

²⁾ *ibid*, стр. 68.

³⁾ Васильчиковъ. О самоуправленіи т. 11. стр. 16.

⁴⁾ Исаевъ. Юридич. Вѣстн. 1885 г. Май, стр. 83.

можно ли при нихъ, поэтому, частная благотворительность, когда и для самыхъ законныхъ обязательствъ призрѣнія изыскиваются общинами всевозможные способы къ уклоненію? Но, можетъ быть, при обязательномъ призрѣніи въ ней нѣтъ уже и надобности? Нѣтъ, исторія свидѣтельствуетъ, что при немъ-то именно и необходима она. Почему нигдѣ нѣтъ такъ много разныхъ благотворительныхъ обществъ, какъ въ Англіи и Швейцаріи? Потому, очевидно, что обязательное призрѣніе, по своей черствости и бездушности, не удовлетворяетъ нуждамъ населенія, что чувство любви, внушаемое природой и христіанствомъ, возмущается противъ него, что оно стремится залечить наносимыя обязательнымъ призрѣніемъ раны ближнему. Она тамъ представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, не добровольнаго союзника обязательнаго призрѣнія, а громогласнаго, въ самомъ молчаніи своемъ, обличителя банкротства сего по слѣдствію. Положимъ, что подобный протестъ со стороны чувства всегда будетъ, но онъ возможенъ не вездѣ и полагаться на него трудно. Очень можетъ случиться, что въ мѣстностяхъ бѣдныхъ, подавленныхъ нуждою, онъ или совершенно замолкнетъ, или будетъ раздаваться въ очень слабой степени и что тогда станетъ съ однимъ обязательнымъ призрѣніемъ? Гдѣ найдетъ оно силы и средства къ поддержанію всѣхъ тѣхъ больныхъ, слабыхъ и увѣчныхъ, которые окажутся, по тѣмъ или другимъ причинамъ, внѣ охраны общинъ?

Не мало и практическихъ неудобствъ представляетъ собою обязательное общинное призрѣніе. Самый главный и существенный, возникающій при этомъ, вопросъ есть тотъ: какая община должна оказывать помощь бѣдному? Та ли, которой принадлежитъ бѣдный по мѣсту рожденія, или та, гдѣ имѣетъ онъ мѣсто жительства? Тамъ, гдѣ, какъ въ Пруссіи, существуетъ полная свобода переселенія (*Freizügigkeit*) и право ходатайства о приходскомъ призрѣніи (*Anspruch auf Armenpflege*) представляется даже прислугѣ, фабричнымъ и подмастерьямъ чрезъ три года пребыванія въ приходѣ, а всѣмъ прочимъ поселенцамъ—чрезъ одинъ годъ, нѣкоторые изъ приходовъ, особенно городскіе, до того переполнены бывають разными пришельцами и до того обременены налогами въ пользу ихъ, что, при всей значительности собираемой суммы, она никогда не бываетъ и на половину достаточною. А тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, сво-

бода переселенія значительно ограничена, гдѣ только чрезъ три года по поселеніи въ приходѣ можно приобрѣсть нѣкоторое право на призравніе, да и то не прихода, а союза приходоу, приходы должны бывають, до истеченія трехъ лѣтъ переселенца, или выдавать пособіе заочно, или же перевозить его на свой счетъ къ себѣ и тѣмъ еще болѣе ухудшать его положеніе. Столько же, если не болѣе, затрудненій возбуждаетъ собою и другой, неизбѣжный при обязательномъ призравніи, вопросъ: кому должно принадлежать право признанія бѣднаго, подлежащимъ или неподлежащимъ приходскому призравнію? Тамъ, гдѣ это право представляется самимъ общинамъ, всегда неизбѣжны при этомъ и злоупотребленія и препирательства общинъ между собою, а тамъ, гдѣ введенъ контроль для этого, онъ дорого, но первыхъ, обходится, а, во вторыхъ, дѣлаетъ изъ призравніа общественнаго призравніе государственное. Въ Англіи испытанъ былъ и тотъ и другой способъ опредѣленія и каждый далъ самые печальные результаты. Когда, какъ было въ XVIII ст., рѣшителями вопроса о правѣ на вспомошествованіе были назначенные мировыми судьями попечители прихода, то одни судебные издержки по водворенію бѣдныхъ простирались до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или 14 милліоновъ рублей ¹⁾, а когда, что было съ 1834 года, тамъ введенъ былъ строгій контроль, когда появилось центральное присутственное мѣсто для общаго завѣдыванія дѣлами общественнаго призравніа, съ 12 инспекторовъ и съ 15,000 чиновниковъ, служащихъ на жалованьи при управахъ округовъ, этотъ контроль сталъ стоить 660,370 фунтовъ стерлинговъ или 4,622,590 рубл. ²⁾ Значительно лучше, повидимому, прусская система, по которой право ходатайства на призравніе опредѣляется административнымъ порядкомъ (im Verwaltungswege), мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ ³⁾, но при ней совершенно за то утрачивается характеръ общественный и призравніе становится изъ общественнаго полицейскимъ, зависящимъ отъ усердія и расположенія чиновъ полиціи.

Какъ ни велики означенныя неудобства, но всѣ они ничто въ сравненіи съ тѣмъ пагубнымъ вліяніемъ, какое производятъ

¹⁾ Васильчиковъ. «О самоуправленіи» т. 11, стр. 8.

²⁾ *ibid*, стр. 15. Смотри Emminghaus: Das Armenwesen, s. 512.

³⁾ Emminghaus: Armenwesen, s. 53.

обязательное призрѣніе на самыхъ бѣдныхъ. Поселяя въ нихъ увѣренность, что ни они сами, ни ихъ семейства, не будутъ оставлены общинами, въ случаѣ ихъ обнищанія, оно ослабляетъ энергію къ труду, отучаетъ отъ бережливости, умѣренности, располагаетъ къ лѣни, къ невоздержной жизни, къ необдуманному вступленію въ бракъ и даже къ вмѣшательству въ политическія интриги разныхъ партій. Положимъ, что общинамъ повсюду предоставлены надъ такими лицами большія права, что онѣ могутъ воспрепятствовать таковымъ входъ въ питейные дома, подвергать принудительнымъ работамъ, заключать въ смиренныя дома и т. п., но всѣ эти мѣры могутъ быть сильны только для тѣхъ, которые не совершенно испорчены нравственно, а человѣкъ порочный всегда найдетъ способы избѣжать наложенныхъ на него ограниченій и не смутится даже самымъ заключеніемъ: ибо и оно доставляетъ ему способъ прожить безопасно. А бываетъ часто, что община и не знаетъ даже какъ проводить жизнь свою пенсіонеръ ея. Такъ бываетъ чаще всего въ общинахъ швейцарскихъ, гдѣ право на призрѣніе построено на принципѣ гражданства, т. е. гдѣ бѣдные получаютъ пособіе по мѣсту рожденія. Самимъ общинамъ слѣдуетъ за такими, проживающими за нѣсколько сотъ верстъ, пенсіонерами нѣтъ никакой возможности, а общинамъ, въ которыхъ проживаютъ они, нѣтъ до нихъ никакого дѣла. И живутъ всѣ такіе пенсіонеры припѣваючи на чужой счетъ. Бываютъ, впрочемъ, и случаи соглашенія общинъ, по силѣ которыхъ общины взаимно обязываются или совершенно разсматривать бѣдныхъ чужой общины какъ бѣдныхъ своей, или же производить расчетъ по окончаніи года, но каковы бы ни были эти соглашенія, они никогда не могутъ замѣнить личнаго надзора. Помимо разности во взглядахъ общинъ на степень нужды, на характеръ жизни, при нихъ всегда неизбѣжны или чрезмѣрная строгость къ поселенцу, чтобы выжить его, или чрезмѣрная слабость, чтобы онъ не жаловался на притѣсненія чужой общины ¹⁾.

Въ виду указанныхъ неудобствъ съ одной стороны и пагубнаго вліянія на бѣдныхъ съ другой, обязательное призрѣніе рѣдко гдѣ пользуется сочувствіемъ населенія. Тотъ же са-

¹⁾ Исаевъ. Юридич. Вѣстн. 1885 г. Май, стр. 75.

мый г. Исаевъ, который такъ увлекается обязательнымъ прирѣніемъ, привелъ въ своей прекрасной статьѣ объ общественномъ прирѣніи въ Швейцаріи чрезвычайно много данныхъ, указывающихъ, какъ неблагопріятно встрѣчено было обязательное прирѣніе нѣкоторыми кантонами, какую энергическую борьбу вели они противъ него и какъ правительствомъ нѣкоторыхъ кантоновъ отнеслось къ нему. Особенно любопытна оппозиція кантона Бернъ, какъ-разъ наиболѣе подробно намъ рассказанная, на основаніи, впрочемъ, труда Шенка ¹⁾. Она велась въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ, отъ 1807—1847 г., и велась съ такой неутомимой энергіей, что правительство должно было, наконецъ, отиѣнить его. Ходатайствуя предъ правительствомъ объ отиѣнѣи обязательнаго прирѣнія, общины указывали, что число бѣдныхъ возрастаетъ чрезъ него все болѣе и болѣе, что бѣдные, пользуясь правомъ жалобы въ случаѣ отказа въ пособіи, дѣлались требовательны, что надзоръ за ними и у себя труденъ, а въ другихъ общинахъ совершенно невозможно и что наклонность къ праздности и легкомысленные браки становятся явленіями все болѣе и болѣе частыми ²⁾. Долго не рѣшалось правительство на отиѣну его, но когда нѣсколько назначенныхъ имъ комиссій убѣдило его въ справедливости жалобъ общинъ, оно само, оффиціально, признало, что обязательное прирѣніе способно только ухудшить положеніе дѣлъ и что совершенно безъ ущерба можетъ быть замѣнено частною благотворительностію. «Обязательнаго общественнаго прирѣнія нѣтъ во Франціи, говорило министерство внутреннихъ дѣлъ, а частная благотворительность удовлетворяетъ нуждающихся. Населеніе Бернскаго кантона проникнуто чувствомъ дружелюбія, а отиѣна обязательнаго прирѣнія отнюдь не послужитъ къ ущербу дѣйствительныхъ бѣдняковъ» ³⁾. А вотъ отзывы и нѣкоторыхъ другихъ кантоновъ, и отзывы не кого либо, а цѣлыхъ комиссій. Что такое принудительное содержаніе бѣдныхъ, спрашиваетъ Фрейбургская комиссія, и отвѣчаетъ поддѣрпывая себя выдержками изъ разныхъ авторовъ, что оно оказываетъ развращающее вліяніе на прирѣвляемыхъ, отучаетъ ихъ отъ труда, развиваетъ въ нихъ наклонность къ дерзости и притязательности: «отсюда, говоритъ она, эти, возмущающія

¹⁾ Schenk: Die Entwicklung der Armenverhältnisse der Kanton Bern. 1856.

²⁾ Исаевъ. Юрид. Вѣстн. 1885 г. май, стр. 64 и 65.

³⁾ Ibid. стр. 65.

всѣхъ благомыслящихъ людей, угрозы сдѣлать дѣтей бременемъ для общины, отсюда эта безпечность относительно участи незаконорожденныхъ дѣтей, произведенныхъ на свѣтъ безъ размышленія о ихъ будущности, отсюда эта наследственная нищета во многихъ семьяхъ». «Законообязательное общественное призрѣніе, говоритъ та же комиссія, уничтожаетъ милосердіе и дѣлаетъ изъ получающаго благотвореніе кредитора, который притязательно требуетъ отъ насъ того, что законъ предписываетъ дать ему» ¹⁾). Подобный же отзывъ дала и комиссія кантона Ваадтъ. Правда, въ сочиненіи Нидерера, которымъ пользуется г. Исаевъ, есть указаніе и на благопріятные отзывы со стороны многихъ кантоновъ, но самъ же г. Исаевъ замѣчаетъ, что и изъ этихъ, мирящихся съ основнымъ принципомъ обязательности призрѣнія, кантоновъ слышится иногда голосъ недовольства касательно то тѣхъ и другихъ особенностей въ строѣ призрѣнія ²⁾). Можно ли, спрашивается, послѣ всего сказаннаго объ обязательномъ призрѣніи рекомендовать таковое нашему русскому народу, когда, даже въ такихъ государствахъ, какъ Англія, Германія и Швейцарія, оно оказывается несостоятельнымъ, когда и тамъ ищутъ замѣнить его другими болѣе мягкими формами призрѣнія? Не даромъ Франція и Австрія всѣми силами оберегаютъ себя отъ него. Не даромъ сама Пруссія, признавши принципъ обязательности общиннаго призрѣнія, признала необходимымъ прибавить при этомъ, что обязательность общинъ на призрѣніе бѣдныхъ не есть обязательство противъ послѣднихъ, а только обязательство предъ правительствомъ ³⁾). Потому то, далѣе, и признаетъ оно за бѣдными не право на призрѣніе, не ein Recht auf Armenpflege, а только право ходатайства о призрѣніи: Anspruch auf Armenpflege ⁴⁾).

Но если обязательное призрѣніе имѣетъ такъ много неудобствъ въ себѣ, то нельзя-ли замѣнить его другимъ, тоже довольно распространеннымъ теперь въ Европѣ, способомъ призрѣнія, извѣстнымъ подъ именемъ самопомощи. Сущность этого

¹⁾ Bericht der Kommission. 1868. § 12. 14.

²⁾ Исаевъ. Юридич. Вѣстн. 1885 г. май, стр. 89.

³⁾ Die Verpflichtung der Gemeinden zur Unterstützung der Armen ist nicht eine Verpflichtung gegenüber dem letztern, sondern eine solche gegenüber der Staats-Vorwaltung. См. Emminghaus: Das Armenwesen, § 53.

⁴⁾ Emminghaus: Das Armenwesen.

новаго способа состоятъ въ томъ, что не правительство и общество, а сами недостаточные классы принимаютъ то тѣ, то другія мѣры къ обезпеченію себя на случай болѣзни, старости и увѣчья. Болѣе обычными изъ такихъ мѣръ бывають: взаимное страхованіе жизни и имущества, сберегательныя кассы взаимное вспомошествованіе, взаимный кредитъ, взаимное соглашеніе объ оптовыхъ закупкахъ, народныя и дешевыя столовыя, ночлежныя пріюты. Что всѣ такія мѣры въ высшей степени полезны, — въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: онѣ приучають къ бережливости, воздержности и доставляютъ вспомошествованіе и самое вѣрное и самое беззобидное; но вотъ вопросъ: вездѣ ли онѣ могутъ быть примѣнены и всякій ли можетъ ими пользоваться? А отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть, въ сожалѣнію, утвердительный. Каждая изъ нихъ требуетъ для себя значительной затраты того или другаго капитала, а гдѣ достать таковой бѣднымъ, недостаточнымъ людямъ? Они все-таки должны были бы обратиться за помощію или къ государству, или къ городу, или даже къ какому либо челоувѣколюбивому обществу, а это было бы уже нарушеніемъ принципа самопомощи. Не всякое, между тѣмъ, государство, не всякій городъ, не всякое, тѣмъ болѣе, благотворительное общество въ состояніи оказывать подобныя субсидіи. Для однихъ онѣ могутъ быть почему либо неудобны въ видахъ политическихъ, а для другихъ — по простой недостаточности необходимыхъ средствъ для того. Но предположимъ даже, что и государства и города оказали бы свое содѣйствіе и общества самопомощи образовались бы. Въ состояніи ли они, при всемъ этомъ, замѣнить собою всякую другую помощь, быть единственными факторами въ дѣлѣ благотворенія? И на этотъ вопросъ тоже нельзя отвѣчать утвердительно. Печальная мысль о томъ, что челоувѣкъ можетъ испытать со временемъ состояніе болѣзни, старости словомъ — неспособности къ труду рѣдко занимаетъ, обыкновенно, людей молодыхъ, кипящихъ избыткомъ силъ своихъ. Одни думаютъ, что они и безъ сбереженій сзумѣють составить себѣ состояніе, другіе представляютъ, что имъ и не придется, пожалуй, воспользоваться своими сбереженіями, третьи не боятся достаточно увѣрены въ ихъ сохранности, а четвертые просто предпочитаютъ пользоваться тѣмъ, что дается жизнью въ настоящемъ. И вотъ, на ряду съ лицами, обезпечивающими себя при посредствѣ страхованія, участія въ сберегательныхъ

кассахъ, обществахъ вспомошествованія, всегда будетъ существовать масса такихъ, которые, отчасти по безпечности, а отчасти и по недостаточности, не успѣли сдѣлать своевременно сбереженій себѣ и не могутъ пользоваться плодами ихъ. Кто же, спрашивается, придетъ на помощь имъ, когда они застигнуты будутъ болѣзнію и старостію? Можно, конечно, сдѣлать, какъ и предполагаютъ нѣкоторые составители реформъ призрѣнія ¹⁾, сбереженія для всѣхъ законообязательными, но такую законообязательностію еще болѣе можно ухудшить и безъ того неособенно легкое положеніе рабочихъ классовъ. Но допустимъ даже, что и сдѣланы такія сбереженія. Могутъ ли они, по обычной незначительности своей, быть настолько достаточны, чтобы обезпечить человѣку, на случай болѣзни и болѣзненной старости, и пропитаніе и уходъ и медицинскую помощь? Нѣтъ. Самое большее, что можетъ быть ими достигнуто—это кусокъ насушнаго хлѣба, но въ болѣзни и старости его одного мало. (Особенно малоспособны къ такимъ сбереженіямъ мы, русскіе. По широтѣ природы своей, мы скорѣе способны бываемъ ставить послѣднюю копѣйку ребромъ, чѣмъ съ методическою точностію откладывать и носить ее въ ту или другую кассу. Вотъ почему изъ всѣхъ видовъ самопомощи самое большое примѣненіе, особенно среди рабочаго населенія, имѣетъ у насъ только артель, которою не требуется большихъ сбереженій. Но артель не въ состояніи обезпечить человѣка на случай болѣзни и старости. Какъ представляющая собою союзъ силъ, составленный на основаніи единства времени и мѣста занятія однимъ какимъ-либо опредѣленнымъ дѣломъ, она можетъ поддержать своего сочлена только на случай болѣзни и притомъ не болѣе одного года, а затѣмъ всякія отношенія къ ней прекращаются. Есть, впрочемъ, и еще видъ сельской самопомощи, состоящій въ устройствѣ хлѣбныхъ запасовъ на случай или общаго неурожая, или вчастности чьего либо обѣдненія, но они доступны, къ сожалѣнію, только для тѣхъ домохозяевъ, которые участвуютъ въ общей сыпкѣ хлѣба и нисколько недоступны для вдовъ, сиротъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые лишены пропитанія ²⁾). Что касается до общества взаимнаго страхованія, вза-

¹⁾ Rocholl: Über die Reform des Armenwesens. Breslau 1880. § 27.

²⁾ Васильчиковъ: «О самоуправленіи» т. II, стр. 115.

пнаго кредита и составленія сберегательныхъ кассъ, то они обычны только между классами состоятельными и интеллигентными. Таковы, напримѣръ, кассы, устроенныя служащими при разныхъ вѣдомствахъ. Если гдѣ, слѣдовательно, то у насъ особенно трудно надѣяться, чтобы самопомощь могла когда либо замѣнить другую помощь.

Есть еще одинъ прославленный способъ призрѣнія, но уже не призрѣнія общаго, а только городского. Мы разумѣемъ здѣсь призрѣніе одного небольшого иѣмецкаго городка, Елберфельда (Elberfeld). Это призрѣніе надѣлало, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, много шума въ Европѣ. Объ немъ читались рефераты, писались корреспонденціи, сообщались чрезъ посольства свѣдѣнія въ другія государства ¹⁾. И дѣйствительно, сравнивая статистическія данныя до реформы съ данными послѣ реформы, нельзя не видѣть, что, со времени введенія ея въ 1853 г., число бѣдныхъ падаетъ съ 8% на 4%, а налогъ на призрѣніе съ 3 марокъ на 1 марку ²⁾. Въ чемъ же состоитъ, и такъ, это доставившее такіе блистательные результаты призрѣніе? Собственно новаго и оригинальнаго въ устройствѣ его ничего нѣтъ. Всякій, кто хотя сколько нибудь знакомъ съ устройствомъ благотворенія въ древней церкви, легко примѣтитъ, что между тѣмъ и другимъ есть много общаго. Въ немъ также, какъ и въ томъ, попеченію домашнему отдается предпочтеніе предъ попеченіемъ госпитальнымъ и также, какъ и въ томъ, все вниманіе сосредоточено на строгомъ распознаваніи нуждъ бѣднаго. Все, что ново и оригинально въ немъ, это—приспособленіе, въ первый разъ, организациі церковной благотворительности къ жизни гражданской. Весь городъ дѣлится на 280 квартиръ, расположенныхъ по 20 участкамъ, съ 14 квартирами въ каждомъ. Квартиры завѣдываются отдѣльными для каждой квартиры попечителями, бецирки — представителями бецирка (Bezirksvorsteher), а все вообще призрѣніе думскою комиссіею, состоящею изъ гласныхъ города. Какъ попечители квартиръ, такъ и представители бецирковъ сходятся чрезъ каждыя двѣ недѣли на совѣщаніе: первые—подъ предсѣдательствомъ представителя бецирка, а вторые—подъ предсѣдательствомъ или бургомистра, или

¹⁾ Ehrle: Beiträge zur Geschichte und Reform der Armenpflege. § 104.

²⁾ Emminghaus: «Das Armenwesen» и с. в. § 91.

одного изъ членовъ думы. Само собою понятно, что попечители квартиръ, пмѣя на рукахъ своихъ двухъ—трехъ бѣдныхъ, легко могутъ знать и ихъ жизнь и ихъ потребности, что и составляетъ весь секретъ успѣха Ерберфельдскаго городского призрѣнія. Но то, что легко можетъ быть проведено въ церкви,— не легко можетъ быть достигаемо обыкновеннымъ гражданскимъ обществомъ. Церкви, съ ея пресвитерами и діаконами, легко устроить такъ, что каждый участокъ будетъ имѣть своего представителя; но не такъ легко это городу. Конечно, такому маленькому городку, какъ Ерберфельдъ, съ его 80,000 жителей, легко раздѣлить себя на квартиры, легко дать каждому попечителю по два, по три бѣдныхъ, но попробуйте завести подобную систему въ большомъ городѣ и она окажется совершенно несостоятельной. Такъ Лондону, съ его тремя милліонами жителей, потребовалось бы 11,250 однихъ попечителей. Не мало можетъ быть при этомъ и другихъ неудобствъ. Бѣдное населеніе никогда почти не имѣетъ устойчивости въ помѣщеніи и всегда селится по преимуществу на окраинахъ. Попечителямъ церковнымъ или священникамъ, какъ проживающимъ во всѣхъ частяхъ города, легко бываетъ слѣдить за перемѣщеніемъ и посѣщать квартиры, но это не такъ легко будетъ обыкновенному городскому филантропу, проживающему обычно въ лучшихъ частяхъ города. По всѣмъ такимъ основаніямъ и Ерберфельдское призрѣніе не можетъ быть признано, какъ призрѣніе образцовое для города. Какъ составляющее подражаніе древне-церковному, оно имѣетъ въ себѣ много хорошаго, но ему многого не достаетъ, чтобы возвыситься до древняго образца своего. При всей красотѣ и стройности формы своей, оно совершенно бездушно и безжизненно. Отъ того-то и образовалось недавно, на ряду съ нимъ, другое призрѣніе — призрѣніе дамскаго общества, поставившаго задачей своею восполненіе того самаго призрѣнія, которое признано образцовымъ.

Несравненно примѣнимѣе, чѣмъ Ерберфельдское призрѣніе, можетъ быть устройство по городамъ, особенно большимъ, такихъ обществъ, какъ лондонское общество организаціи частной благотворительности и уничтоженія нищенства (Society for organising charitable Relief and Repressing Mendicity) и частный филантропическій союзъ въ Вѣнѣ. Хотя самостоятельнаго значенія въ дѣлѣ призрѣнія они не имѣютъ, но они служатъ

отличными посредниками между благотворителями съ одной стороны и бѣдными—съ другой. При существованіи ихъ голодный и безпріютный никогда не останется безъ пищи и пріюта, а благотворитель, каково бы ни было его благотвореніе, никогда не можетъ опасаться, что онъ подавъ милостыню промышленному нищему. Организациа этихъ обществъ очень проста. Возьмемъ для примѣра организациу лондонскаго общества. Оно дѣлитъ городъ на участки и въ каждомъ изъ нихъ открываетъ, подъ руководствомъ секретаря, бюро. Такъ какъ бюро бываютъ открываемы только четыре часа въ день: два утромъ и два вечеромъ, то обязанности секретаря легко принимаются и людьми состоящими на другихъ должностяхъ. Въ эти то бюро и могутъ обращаться какъ благотворители, такъ и бѣдные. Вотъ совершилось въ чьей либо жизни что нибудь особенное, знаменательное: принято предложеніе на бракъ, послѣдовало приращеніе семейства, сдѣлано выгодное предпріятіе. Радостно идетъ таковой по улицамъ города. Все окружающее какъ бы улыбается ему. Чувствуя счастливымъ себя, онъ желалъ бы, чтобы и другіе чувствовали себя также. Не будь означенныхъ бюро и у очень немногихъ изъ такихъ счастливицевъ зародилась бы мысль сдѣлать какое нибудь пожертвованіе, а если и зародилась бы, то она скоро погасла бы; ибо пришлось бы думать: куда пожертвовать, къ кому обратиться и какъ посмотреть на его незначительное пожертвованіе. Не такъ бываетъ при существованіи бюро. Ихъ большія и оригинальныя вывѣски легко могутъ напомнить о себѣ, а въ самомъ бюро всегда къ услугамъ самый разнообразный выборъ для благотворенія. Хотите сдѣлать это сейчасъ же, на своихъ глазахъ, вамъ всегда укажутъ на двухъ—трехъ лицъ, тутъ же сидящихъ, но о которыхъ наведены уже самыя точныя справки. Хотите сдѣлать что нибудь другое, и вамъ тотчасъ радушно предложатъ списокъ нуждающихся, между которыми найдете вы и слабыхъ старцевъ, и больныхъ работниковъ, и многосемейныхъ вдовъ, словомъ—чего хотите. Вамъ даже посоветуютъ, что лучше всего можно сдѣлать на жертвуемую вами сумму. Каждое изъ такихъ бюро снабжено бываетъ отъ общества самыми свѣжими свѣдѣніями о томъ: въ какихъ больницахъ, школахъ и пріютахъ въ чемъ нуждаются, сколько гдѣ праздныхъ ваканцій и т. п. Само собою понятно, что всѣ такія свѣдѣнія доставляются обществу со стороны благотворительныхъ учрежде-

ній съ большою охотою: ибо въ этомъ прямая ихъ польза. Кромѣ того, тѣ же бюро могутъ доставить вамъ возможность оказывать помощь еще болѣе легкимъ способомъ. Они снабдятъ васъ такими бланками, при помощи которыхъ всѣ желаемыя свѣдѣнія будутъ доставлены на домъ. Видите, напримѣръ, вы на улицѣ какого нибудь бѣдняка, просящаго о пособіи. Вамъ стоитъ вынуть одинъ изъ бланковъ, написать свою фамилію, отправить съ тѣмъ же бѣднымъ въ бюро и вы получите самыя точныя справки: дѣйствительно ли онъ бѣдный и въ чемъ онъ нуждается. А какое благодѣяніе эти бюро для бѣдныхъ! Имъ нѣтъ нужды ходить изъ заведенія въ заведеніе. Имъ стоитъ придти въ бюро, честно разсказать исторію своего обнищанія, облегчить способъ добыванія справокъ, и помощь имъ будетъ оказана. Нѣтъ, положимъ, бѣдняку мѣста гдѣ ночевать; онъ приходитъ въ бюро и его отправляютъ или въ ночлежный, или въ рабочій домъ. Нечего, дажѣ, человеку ѣсть. Онъ приходитъ въ бюро; тамъ всегда имѣется запасъ хлѣба, но онъ можетъ питаться имъ только въ самомъ бюро. Какъ ни сочувственно, впрочемъ, относимся мы ко всѣмъ такимъ обществамъ, но и объ нихъ должны сказать, что и они представляютъ собою только подражаніе древне-церковной благотворительности, когда то, что совершается теперь при посредствѣ бюро, съ полнымъ успѣхомъ выполнялось устроенными во всѣхъ частяхъ города діаконатами. И теперь, вмѣсто того, чтобы устроить бюро съ секретарями, не лучше ли было бы, если бы существующія по городамъ благотворительныя общества и учрежденія вошли въ соглашеніе съ причтами и устроили чрезъ нихъ въ одномъ изъ церковныхъ зданій мѣста, куда могли бы обращаться и благотворители и бѣдные.

Вотъ рядъ мѣропріятій, при помощи которыхъ государство и общество стремятся, въ настоящее время, оказать помощь дѣйствительному нищенству и устранить промысловое. Ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ, какъ оказывается, цѣли своей. Менѣе всего удовлетворяютъ ей тѣ, какія у насъ принимаются и какія состоятъ въ самостоятельномъ дѣйствіи нѣсколькихъ вѣдомствъ съ благотворительными по всѣмъ видамъ нужды учрежденіями каждаго изъ нихъ. Они не обнимаютъ собою всего населенія, не имѣютъ опредѣленной системы, не управляются одной твердо руководящей рукой. Напрасно хва-

лится своими успѣхами в обязательное общинное призрѣніе. Оно тоже не въ состояніи оказать помощь всѣмъ даже истинно нуждающимся, а сколько, между тѣмъ, соединено бываетъ съ нимъ: для населенія—непріятностей, а для нуждающихся—несправедливости, жестокости и даже вреда для ихъ нравственности. Много лучше — самопомощь, но она не въ состояніи, какъ видѣли, замѣнить другую помощь. Что же, спрашиваемъ опять, дѣлать, какъ поступить? Но пусть задумываются надъ этимъ вопросомъ тѣ, которые удалились изъ дома Божія и питаются желудями, доставляемыми нѣкоторыми мнимо научными теоріями. А намъ, у которыхъ церковь Божія стоитъ, по милости Божіей, твердо непоколебимо, нечего задумываться надъ этимъ вопросомъ. Мы указали уже какими, богатствомъ средствъ и силъ располагаетъ она, какими прочными и всегда готовыми союзами владѣетъ она. Обратитесь къ нимъ, соедините съ ними силы свои, и увидите какъ легко и удобно устроится дѣло призрѣнія неимущихъ, какъ свободно устранятся всякія присутія ему неудобства.

IV.

Желаемое взаимодѣйствіе церкви, общества и государства въ дѣлѣ призрѣнія нищихъ.

Предлагая обратиться для призрѣнія нищихъ къ существующимъ въ церкви благотворительнымъ союзамъ и учрежденіямъ, мы отнюдь не навязываемъ какой либо строго церковной благотворительности. Наша русская церковь никогда не стояла, благодаря Бога, особнякомъ отъ общества и государства. Какъ заключающая въ себѣ преимущественную часть государственнаго населенія, она всегда шла съ ними рука объ руку, помогая имъ во всемъ, что способствуетъ тихому и безмолвному житію. Не особнякомъ стоятъ, по этому, и благотворительные институты ея. Они съ полнымъ удобствомъ могутъ согласоваться со всеми государственными и общественными институтами. На нѣкоторые изъ нихъ даже прямо возлагаетъ надежды свои и государство и общество. Остается, слѣдовательно, указать только, какъ и при какихъ условіяхъ можетъ произойти желаемое взаимодѣйствіе.

Первый и главный пунктъ, на которомъ должно произойти взаимодѣйствіе церкви и общества въ дѣлѣ призрѣнія,

есть приходъ. Переносъ на него первыя функціи призрѣнія, государство, за одинъ разъ, безъ всякихъ усилій, приобретаетъ 31,207 готовыхъ благотворительныхъ обществъ. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что для совершенія приходомъ такой благотворительной миссіи ему должно быть предоставлено и право выбора священно-служителей и право распоряженія всѣми церковными суммами ¹⁾. Такою неумѣстною и не вполне законною требовательностію можно только затормозить дѣло. Церковные каноны, какъ прекрасно доказалъ г. Заозерскій въ отвѣтъ Московскому земству, рѣшительно противъ такихъ притязаній ²⁾ и святѣйшій синодъ, какъ охранитель ихъ, никогда не допуститъ того, какъ и показалъ послѣдній отвѣтъ его тому же Московскому земству. Дѣл и нѣтъ въ томъ особенной надобности. Любовь и расположеніе прихода могутъ быть приобретаемы священнослужителями и помимо избранія, а одно завѣдываніе церковноприходскими суммами ничего не даетъ для дѣла благотворенія. Для него должны быть свои особенныя средства. Никакого, и такъ, переворота въ приходъ, для устройства въ немъ правильнаго призрѣнія, не требуется. Оно можетъ быть совершаемо каждымъ и въ томъ видѣ, каковъ онъ есть. Единственное, что безусловно для каждаго необходимо, есть образованіе приходскаго попечительства. Чтобы не были, однако, приходскія попечительства только номинальными, какъ часто теперь бываетъ, для этого нужно, чтобы правительство сложило съ нихъ ту часть обязанностей, которая, какъ видѣли выше, и безъ того ими почти не выполняется. Таковы обязанности въ отношеніи къ обезпеченію причта. Нѣтъ нужды возлагать на нихъ и обязанности въ отношеніи къ храму. Храмы Божіи и безъ попечительства никогда забыты не будутъ. Достаточно предоставить имъ только заботы по призрѣнію нищихъ и притомъ исключительно своихъ приходскихъ. Ни одинъ изъ стороннихъ нищихъ появляться въ чужомъ приходѣ не долженъ. О томъ строго должны заботиться и сельскіе старосты и прочіе чины полицейскіе. Какъ скоро проник-

¹⁾ К—въ. «Вопросъ о церковно-приходскихъ попечительствахъ» Бесѣда, 1872 г. Декабрь, стр. 371 и 373.

²⁾ «Церковь и ея прихожане». Московскія церковныя Вѣдомости 1881 г. № 9, 10 и др.

поведіе чужихъ нищихъ въ приходы будетъ закрыто, на долю приходовъ останутся только свои нищіе, а для такихъ не потребуется слишкомъ многое. Русскій нищій не есть безземельный пролетарій, подобный западному. Какъ бы ни былъ кто бѣденъ, у каждаго почти есть, хотя гдѣ нибудь на краю, своя избушка, гдѣ и можетъ онъ преспокойно проживать до конца дней своихъ. Могутъ, конечно, найтись въ приходѣ и совершенно бездомные, но ихъ никогда не будетъ въ среднемъ приходѣ болѣе трюихъ—четверыхъ, и для нихъ всегда можно имѣть одну или двѣ избы, какъ и требуется это уставомъ призрѣнія¹⁾. Самое главное, слѣдовательно, есть доставленіе нищимъ пропитанія, но и это дѣло не особенно трудное. Пропитываетъ-же теперь наше сельское населеніе цѣлыя десятки иноприходныхъ нищихъ, раздаетъ-же оно, какъ было нами вычислено, по меньшей мѣрѣ, до трехъ-сотъ руб. съ прихода въ видѣ однихъ ломтей хлѣба, почему-же, спрашивается, не пропитать ему пять—шесть своихъ нищихъ? Тѣ-же милостыни, которыя подаются теперь, могли-бы подаваться и тогда, съ тѣмъ различіемъ, что при подачѣ было-бы, вслѣдствіе взаимнаго соглашенія въ попечительствѣ, больше правильности. Могла бы, наприимѣръ, учтена быть очередь. Можно было-бы, далѣе, засѣвать на ихъ долю двѣ—три полосы и обрабатывать ихъ сообща, заставляя помогать при этомъ и самихъ сколько нибудь способныхъ къ работѣ нищихъ. Можно было-бы, наконецъ, при ссынкѣ хлѣба въ запасные магазаны, прибавлять нѣчто и на ихъ долю, что помогло-бы къ засѣванію назначаемаго для бѣдныхъ поля. Но что особенно могло-бы предотвратить нищету — это мірская помощь начинающимъ бѣднѣть семьямъ. Русская нищета никогда не появляется вдругъ. Она всегда готовится постепенно, мало по малу. Даже сторонній человекъ, придя въ село и деревню, можетъ немедленно примѣтить въ какомъ изъ доковъ она должна появиться въ ближайшемъ будущемъ; тѣмъ болѣе это извѣстно бываетъ самимъ жителямъ села и деревни. Они хорошо знаютъ: гдѣ уменьшились рабочія силы, гдѣ стало запускаться хозяйство, гдѣ начали продавать самый скотъ. Вотъ эту-то, всегда задолго подготовляющуюся, нищету и можно

¹⁾ Сводъ Зак., т. XIII, ст. 1634.

было-бы предотвратить своевременно поданною приходскою помощію. Помогая матеріально, приходъ могъ бы, въ лицѣ попечительства, оказать помощь и нравственную, посредствомъ утѣшенія и ободренія однихъ и увѣщанія и угрозы для другихъ, для всѣхъ тѣхъ, которые сами себя, чрезъ пьянство, доводятъ до обнищанія. Все это, скажутъ намъ, хорошо, но извольте-ка поговорить съ міромъ, извольте-ка уговорить его къ работѣ въ пользу бѣднаго. Безспорно, дѣло не легкое, но не невозможное. Нашъ простой русскій народъ особенно одаренъ здравымъ человѣческимъ смысломъ. Стоитъ только разтолковать ему дѣло ясно и просто, стоитъ объяснить всѣ невыгоды бродячаго нищенства и все значеніе замѣны послѣдняго регулярнымъ приходскимъ попеченіемъ, объяснить по образцу одной недавно изданной брошюрки «Нѣсколько словъ о нищихъ» (Духовно нравственное наставленіе нищимъ и ихъ благотворителямъ въ формѣ разговора. Москва, 1883 г.), и онъ быстро пойметъ всю важность дружной помощи, весь глубокой смыслъ давно знакомой ему пословицы: «съ міру по ниткѣ, бѣдному рубашка». Притомъ-же, худы-ли, хороши-ли попечительства, но они существуютъ въ 12,072 приходахъ и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что мысль о попечительствахъ не чужда народу. О нѣкоторыхъ изъ нихъ являюся даже чрезвычайно отрадные въ этомъ отношеніи свѣдѣнія. Такъ, попечительство села Горошина, Полтавской губ., давало въ 1865 г. пріютъ и пропитаніе погорѣльцамъ, попечительство села Ивановки, Самарской губерніи, во время бывшаго тамъ неурожая, купило 500 пуд. ржи и раздало заимообразно немущимъ¹⁾, попечительства села Прохоровки, Дипляваго и Великокручевское, Полтавск. губ., содержали акушерку и больницу, попечительство Корчкодомское, Ярославской губ., боролось съ нищенствомъ и бродяжничествомъ²⁾. Конечно, больше всего можно сдѣлать въ этомъ случаѣ чрезъ священниковъ, но не нужно смущаться и отчаиваться въ успѣхъ, какъ было съ Московскою уѣздной управой³⁾, если нѣкоторые

¹⁾ Христ. Чт. 1872 г. Августъ. См. Внутрен. обзор.

²⁾ Дѣятельность приходскихъ попечительствъ, стр. 4. Прав. обзор., 1867 г., Августъ.

³⁾ «Земство», 1882 г.. № 9.

священники и не вполне сочувственно будут относиться, или даже высказываться, какъ не разъ и приходилось слышать, противъ ихъ устройства. Не нужно забывать, во первыхъ, что и для священниковъ, особенно мало знакомыхъ съ исторіей, они—дѣло новое, такое, къ которому не были до сихъ поръ приготовляемы, а во вторыхъ, оно пугаетъ ихъ своею сложностію и отвѣтственностію. Вотъ что съ полною откровенностію объясняетъ одинъ изъ священниковъ Московскаго уѣзда на вопросъ земства: о возможности открытія попечительства въ его приходѣ. «Такъ какъ вся тяжесть, пишетъ онъ, по заправленію и веденію дѣлопроизводства должна лечь исключительно на священника, то онъ естественнымъ выходомъ изъ онаго поставляетъ для себя не братья за организацію хотя и благотворительнаго, но учрежденія, способнаго вовлечь во многія непріятности и не особенно производительно отнять время, потребное для попеченія о собственномъ семействѣ и для увеличенія матеріальныхъ средствъ къ безбѣдному существованію въ малолюдномъ его приходѣ¹⁾». Чтобы привлечь, поэтому, сельское духовенство, нужно, во первыхъ, самому ему хорошо объяснить дѣло и выяснитъ личною компетентною для него, выяснитъ чрезъ епископовъ, и, во вторыхъ, упростить, какъ говорили уже, задачу попечительства, а, въ третьихъ, не взваливать, дѣйствительно, всё на плечи одного духовенства. Пусть дружно примутся за него всё земскіе дѣятели, и мы увѣрены, что духовенство съ такою-же готовностію примется за него, какъ принялось теперь за церковно-приходскую школу. Такъ именно и объяснилъ одинъ изъ священниковъ Московскому земству²⁾. Во всякомъ случаѣ, лишь только попечительства о бѣдныхъ сдѣлаются обязательными для каждаго прихода, и не вполне расположенные къ нимъ священники должны будутъ по необходимости взяться за дѣло. Да и для самой приходской школы, какая вводится теперь, попечительство совершенно необходимо. Безъ него не будетъ у школы ни помѣщенія, ни средствъ на содержаніе, ни нравственной поддержки. Тамъ, гдѣ попечительство не въ состояніи пропитывать своихъ нищихъ,

¹⁾ «Земство», 1882 г. № 9.

²⁾ Ibid.

ему можно предоставить право или ходатайствовать о пособіи предъ центральнымъ епархіальнымъ попечительствомъ, или же выдавать билетъ для сбора пожертвованій по другимъ приходамъ, по подобію того, какъ выдаются книжки для сбора на храмы Божіи. Такими сборщиками могли-бы быть болѣе здоровые и честные изъ самыхъ нищихъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы сборъ былъ производимъ съ согласія попечительства того прихода, гдѣ сборъ имѣеть производиться.

Приходское призрѣніе, какъ призрѣніе начальное, не можетъ и не должно стоять одиноко. Для него долженъ быть органъ, который руководилъ бы имъ, ободрялъ его и помогалъ ему въ томъ, въ чемъ бессильно оно. Въ настоящее время такого органа для него нѣтъ. Для земства, по подвѣдомственности приходскихъ попечительствъ епархіальнымъ начальствамъ, оно недоступно, а епархіальныя начальства, по неимѣнію спеціального учрежденія для завѣдыванія имъ, ничего не въ силахъ бываютъ сдѣлать для него. Такимъ то учрежденіемъ и долженъ быть союзъ епархіальный, выражающійся или въ центральномъ епархіальномъ попечительствѣ о бѣдныхъ, или въ епархіальномъ братствѣ. Душою этого союза долженъ быть епископъ, но въ немъ необходимо и дѣятельное участіе и представителей администраціи и представителей земства и всего вообще епархіального общества. Существуютъ же теперь по всѣмъ епархіямъ центральныя комитеты для завѣдыванія церковно-приходскими школами, почему же не быть и центральнымъ попечительствамъ для завѣдыванія церковно-приходскимъ о бѣдныхъ попеченіемъ? Они взаимно восполняли бы себя и помогали одинъ другому. Задачею этого центрального попечительства или братства должно быть: а) руководство церковно приходскими попечительствами, б) учрежденіе по епархіи богадѣленъ, пріютовъ и работныхъ домовъ, в) сношеніе по дѣламъ попеченія о бѣдныхъ какъ со всероссійскимъ о бѣдныхъ попечительствомъ или братствомъ, такъ и съ существующими въ епархіи благотворительными обществами и учрежденіями. Каждое изъ этихъ послѣднихъ, и при существованіи центрального попечительства, можетъ съ полною свободою продолжать свою дѣятельность. Все, чего будетъ желать отъ него центральное попечительство—это свѣдѣній: кому и въ какой жѣрѣ об-

цтво или учрежденіе оказываетъ свое пособіе, и вниманіа къ его ходатайству, когда представится въ томъ надобность. Средствами такого центрального попечительства могутъ быть: а) пособія земствъ и городовъ, б) пособія отъ монастырей и даже содержаніе нѣкоторыми тѣхъ или другихъ благотворительныхъ учрежденій, в) обязательный взносъ, смотря по средствамъ, отъ каждаго приходскаго попечительства, г) единовременный сборъ по церквамъ всей епархіи въ одну изъ назначенныхъ для того недѣль въ году, по образцу производящагося теперь ежегоднаго сбора въ пользу слѣпыхъ д) добровольныя пожертвованія по подписнымъ листамъ. На всѣ собранныя, какъ указанными, такъ и другими способами, средства епархіальное попечительство могло бы устроить въ каждомъ уѣздѣ по одной богадѣльнѣ и одному дѣтскому приюту для призрѣнія исключительно сельскихъ жителей, но только такихъ, которые находятся положительно въ безпомощномъ состояніи, у которыхъ нѣтъ близкихъ родственниковъ и для которыхъ нѣтъ достаточнаго приюта при сельскихъ попечительствахъ. Что касается губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, то для устройства богадѣленъ и приютовъ въ нихъ могъ бы образоваться союзъ приходскихъ попечительствъ при содѣйствіи, конечно, и руководствѣ центрального епархіальнаго попечительства. Намъ нѣтъ, впрочемъ, нужды подробно излагать здѣсь программу дѣятельности названнаго попечительства. Такая программа можетъ опредѣлиться только на основаніи детальной разработки всѣхъ соприкасающихся съ его устройствомъ вопросовъ. Для насъ достаточно указать только, что устройство такого попечительства возможно, что оно совершенно необходимо и что съ нимъ связаны неисчислимыя блага для дѣла призрѣнія и благотворенія въ епархіи.

Какъ широка ни была бы дѣятельность епархіальнаго попечительства или братства, оно никогда не въ состояніи обнять собою всѣ нужды нищеты и бѣдности. Такъ, для него едва ли когда возможно облегченіе участи такихъ несчастныхъ, какъ слѣпые, глухонѣмые, идіоты, малолѣтныя преступники и всѣ вообще пострадавшіе отъ пожара, наводненія, градобитія и т. п. Для призрѣнія всѣхъ такихъ, а равно и для объединенія всей попечительной дѣятельности въ государствѣ, необходимо дружное усиліе всего національнаго союза, необходимо уч-

режденіе одного всероссійскаго попечительства или общества и братства. И основа для него есть уже. Мы разумѣемъ здѣсь Императорское человеколюбивое общество, имѣющее, какъ извѣстно, главнымъ попечителемъ своимъ и председателемъ совѣта своего первенствующаго члена святѣйшаго синода, митрополита С.-Петербургскаго. Стоитъ только придать ему болѣе широкое, чѣмъ теперь имѣетъ оно, значеніе, и оно какъ нельзя болѣе удовлетворять будетъ указанному назначенію. Оно и теперь уже завѣдываетъ многочисленными благотворительными учрежденіями въ государствѣ. Оно и теперь содержитъ: два института слѣпыхъ—мужскій и женскій. Оно и теперь, какъ показываетъ издаваемый имъ «Сборникъ свѣдѣній по общественной благотворительности», слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается въ обширной области благотворенія. И въ числѣ задачъ, намѣченныхъ имъ въ послѣднее время, какъ-разъ стоитъ та, чтобы установить взаимодействие между всѣми благотворительными учрежденіями въ Россіи, а съ нѣкоторыми, какъ приходскія попечительства въ Петербургѣ и братолюбивое общество въ Москвѣ, оно успѣло уже вступить въ непосредственное сношеніе. Эта задача общества, заслуживъ одобреніе въ Божѣ почившаго Государя Императора, вызвала собою комиссію для разработки вопроса въ данномъ направленіи, каковая и работаетъ съ 1877 г. ¹⁾ Остается пожелать, такимъ образомъ, чтобы намѣренія общества осуществились, чтобы всѣ общества вступили съ нимъ въ сношенія и чтобы ему же предоставлено было руководство и всѣми епархіальными попечительствами. Что касается средствъ, то въ нихъ недостатка не будетъ. Даетъ же Маріинскому попечительству для призрѣнія слѣпыхъ одна недѣля всероссійскаго, по церквамъ, сбора, среднимъ числомъ, около 70,000 ²⁾; почему же не собрать вдвое больше человеколюбивому обществу, когда извѣстно будетъ какимъ широкимъ задачамъ и благимъ дѣламъ служить оно?

Желательно, наконецъ, чтобы и вышняя бѣдствующимъ православнымъ христіанамъ помощь имѣла одинъ опредѣленный органъ, чтобы многочисленныя пожертвованія на Востокъ

¹⁾ Церковно-общественный Вѣстникъ, 1878 г. № 54.

²⁾ Отчетъ о дѣятельности Маріинскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ въ 1881—1882 годахъ.

не шли, какъ теперь бываетъ, чрезъ посредство разныхъ проходивцевъ, а сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ и распределялись соразмѣрно съ нуждами бѣдствующихъ христіанъ. И для такой помощи, помимо официальныхъ органовъ, у насъ есть учрежденіе совершенно готовое. Мы разумѣемъ здѣсь православное Палестинское общество. Оно состоитъ подъ предсѣдательствомъ Его Высочества, Великаго Князя Сергія Александровича. Въ немъ принимаютъ участіе: Государь Императоръ съ Государыней Императрицей, всѣ почти члены Царствующаго Дома, всѣ почти іерархи русской церкви, многіе сановники государства и весьма значительное количество членовъ. Его задачи обнимаютъ собою всѣ главныя нужды Палестины, какъ то: устройство и поддержаніе школъ и храмовъ, изученіе священныхъ памятниковъ и покровительство православнымъ поклонникамъ.

Вотъ, милостивые государи и государыни, то участіе, какое можетъ оказать православная русская церковь въ дѣлѣ призрѣнія дѣйствительныхъ нищихъ и противодействія нищенству промысловому. Оно не такое жесткое, безсердечное и холодное, какъ обязательное призрѣніе общинами, но и не такое потворствующее нищенству промысловому, какъ частная милостыня. Оно основывается на началахъ древне-церковныхъ, такихъ, какія указаны намъ Христомъ Спасителемъ и Его апостолами. Оно обеспечиваетъ намъ единство, систему и послѣдовательность въ дѣлѣ призрѣнія. Оно даетъ намъ такіе союзы и учрежденія, которые слагались у насъ исторически и до сихъ поръ имѣютъ глубокіе корни для себя во всѣхъ слояхъ населенія. Отдѣляться отъ нихъ и составлять новыя, по образцу чуждыхъ намъ учрежденій запада, значитъ справедливо заслуживать упрекъ въ акробатствѣ благотворительности, какое изображено, хотя и неособенно талантливо, въ недавней повѣсти Григоровича: «Акробаты благотворительности». (Спб. 1885 г.)

DELECTUS SEMINUM

in Horto Botanico Universitatis CESAREAE Novae Rossiae

anno 1885 collectorum.

Cryptogamae.

Filices.

- Adiantum cuneatum* Lgsdf. et *Pteris aquilina* L. s.
Fisch. p. c. — *cretica* L. var. *albo lineata*. p. t.
Allosurus rotundifolius p. — *longifolia* L.
Aneimia fraxinifolia Radd. p. c. — *serrulata* Willd.
Aspidium falcatum Swz. p. c. — — var. *cristata*.
Darea vivipara Willd. — — var. *gracilis*.
Nephrolepis exaltata Schott. *Todea africana* Willd. p. c.

Phanerogamae.

Monocotyledonae.

Amaryllidæ.	<i>Tinnantia erecta</i> Schlecht. a.
<i>Haemanthus puniceus</i> L. p. f.	— spec. a. d.
Aracæ.	Cyperacæ.
<i>Amorphophallus Rivieri</i> Dur.	<i>Carex muricata</i> L. p.
tubera.	— <i>straminea</i> Sch.
Cannacæ.	— spec.
<i>Cannä indica</i> L. p.	<i>Cyperus alternifolius</i> L.
Commelynæ.	— <i>glomeratus</i> L.
<i>Commelyna coelestis</i> Willd.	<i>Isolepis gracilis</i> c.
	— <i>Holoschoenus</i> Pr. et S.

- Dioscoreæ.**
- Dioscorea Batatas Dene. p.
 — bulbifera L.
 — oppositifolia L.
- Gramineæ.**
- Aegilops ovata L. a.
 — speltoides Tausch. a.
 — ventricosa E.
- Agrostis alba L. p.
 — capillacea Andrz.
 — capillaris L. a.
 — dispar Hort.
- Aira pulchella L. a.
- Alopecurus arundinaceus Poir. p.
 — nigricans Horn. p.
 — pratensis L. p.
- Arrhenaterum avenaceum P. B. p.
 — bulbosum Presl. p.
 — elatius M. K. p.
- Arundo festucoides p.
- Asprella major W.
- Avena argentea.
 — borealis Brot.
 — fatua L. a.
 — flavescens L.
 — geminiflora H. Port.
 — Ludoviciana Dur. a.
 — nuda Schreb.
 — orientalis Schreb. a.
 — podolica Pascal. a.
 — pubescens L. p.
 — sativa L. var. mutica
 trisperma. a.
- Beckmannia erucæformis Host. p.
- Brachypodium caespitosum
 Presl. p.
- Bromus commutatus Schrad. a.
 — erectus Huds. p.
 — giganteus L.
- Bromus inermis L. p.
 — parviflorus Desf. a.
 — pendulinus Schrad. a.
 — racemosus L.
 — rigidus Benth. a.
 — Schraderi Kunth. b.
 — vestitus Schrad. a.
- Cenchrus pungens H. et B. a.
 — spinifera Cav. a.
 — tribuloides L. a.
- Chloris barbata Sw. a.
 — penicillata.
- Coix exaltata Jacq. a.
- Lacryma L. a.
- Cynodon Dactylon Pers.
- Dactylis altaica Bess. p.
 — glomerata L. p.
- Deschampsia grandis Bess. p.
 — media R. et S. p.
- Deyeuxia retrofracta Knth.
- Digitaria sanguinalis Scop. a.
- Echinaria capitata Desf. a.
- Echinochloa Zenkowskiana
 Bernh. a.
- Ehrharta panicea Smith. a.
- Elymus arenarius L. p.
 — canadensis L. p.
 — europæus L. p.
 — villosus Mlbg. p.
- Eragrostis megastachya Lnk. a.
 — pilosa P. B. a.
- Erianthus Ravennae. P. B. p.
- Festuca amethystina Host. p.
 — arundinacea Schreb. p.
 — borealis M. et Koch. p.
 — distachya W. a.
 — elatior L. p.
 — geniculata W. a.
 — glauca Lam. p.

<i>Festuca gigantea</i> Will. p.	<i>Melica ciliata</i> L. p.
— <i>heterophylla</i> Lam. p.	— <i>pyramidalis</i> Lam.
— <i>ovina</i> L. p.	<i>Nardurus unilateralis</i> L. a.
— <i>pectinella</i> Del.	<i>Oplismenus colonus</i> H. B. a.
— <i>pratensis</i> Huds. p.	<i>Panicum capillare</i> L. a.
— <i>rubra</i> L. p.	— <i>dasiurum</i> Nees. p.
— <i>viridis</i>	— <i>echinatum</i> .
<i>Glyceria norvegica</i> Rupr. p.	— <i>eruciformae</i> Sibth.
— <i>remota</i> Fries. p.	<i>Paspalum elegans</i> Flüg. a.
<i>Graphaephorum arundinaceum</i>	<i>Phalaris canariensis</i> L. a.
Liljebl. p.	— <i>paradoxa</i> L. a.
<i>Holcus annuus</i> Salzm. a.	<i>Phleum annuum</i> Sieb. a.
— <i>lanatus</i> L. p.	— <i>parnassicum</i> Boiss. p.
— <i>mollis</i> L. p.	— <i>pratense</i> L. p.
<i>Hordeum bulbosum</i> L.	<i>Penicillaria spicata</i> Willd. a.
— <i>distichum</i> L. var. <i>erectum</i> . a.	<i>Penisetum villosum</i> R. Br. p.
— <i>distichum</i> L. var. <i>nigrum</i> . a.	<i>Poa compressa</i> L. p.
— <i>himalayense</i> Ritter. a.	— <i>nemoralis</i> . p.
— <i>jubatum</i> L. a.	— <i>sudetica</i> Haenk. p.
— <i>macrolepis</i> A. Br. a.	— <i>trivialis</i> L. p.
— <i>trifurcatum</i> Ser. a.	<i>Schizmus marginatus</i> P. B. a.
— <i>vulgare</i> L. var. <i>aestivalis</i> . a.	<i>Schoenodorus elatior</i> . P. B. p.
— <i>vulgare</i> var. <i>aestivalis</i> . a.	<i>Secale montanum</i> Guss. p.
<i>Imperata sacchariflora</i> Smith. p.	<i>Sesleria elongata</i> Host.
<i>Koeleria glauca</i> DC. p.	<i>Setaria glauca</i> P. B. a.
— <i>crinata</i> . Pers. p.	— <i>italica</i> P. B. a.
— <i>setacea</i> DC. p.	— <i>macrochaeta</i> . Spr. a.
<i>Lagurus ovatus</i> L. p.	— <i>persica</i> Ledeb. a.
<i>Easiagrostis gracilis</i> .	— <i>verticillata</i> P. B. a.
— <i>splendens</i> Knth.	— <i>viridis</i> R. Br. a.
<i>Lepturus incurvatus</i> Trin. a.	<i>Sorghum Caffrorum</i> P. B. a.
<i>Leersia virginica</i> W. p.	— <i>cernuum</i> Willd. a.
<i>Lolium perenne</i> L. p.	— <i>compactum</i> Lam. a.
— <i>speciosum</i> M. B. et Sev. a.	— <i>nigrum</i> R. et S. (S. gly-
— <i>temulentum</i> L. a.	<i>cyphyllum</i> Pass.) a.
<i>Lappago racemosa</i> Schreb. a.	— <i>saccharatum</i> Munch. a.
<i>Melica altissima</i> L. p.	— <i>vulgare</i> Pers. a.
	<i>Spelta Seringei</i> Jord. a.
	<i>Stipa altaica</i> Trin. p.

- Stipa capillata* L. p.
 — *formicarum* Delil. p.
 — *gigantea* Lag. p.
 — *papposa* Nees. p.
 — *pennata* L. p.
Trisetum argenteum R. S. p.
Triticum aegyptiacum Hort. a.
 — *caninum* L. p.
 — *compositum* L. a.
 — *cristatum* Schreb. a.
 — *desertorum* Fisch. p.
 — *durum* Desf. a.
 — *elymoides* Desf. a.
 — *giganteum* Retz.
 — *glaucum* Desf. a.
 — *Hisbu* Parl. var. *montanum*. a.
 — *hordiforme* Wall. a.
 — *monococcum* L. p.
Zea gracillima Hort. a.
 — *Mays* L. var. *capsularis*. a.
 — — var. *Cinquantino*.
 — — var. *praecox*.
 Iridaceæ.
Iris biglumis Vahl. p.
 — *bohemica* F. Schmidt. p.
 — *flavescens* Redouté p.
 — *japonica* p.
 — *sambucina* L. p.
 — *Hüldenstaedtiana* M. B. p.
 — *setosa* Pall. var. *atroviolacea*. p.
 — *tridentata*. p.
 — *virginica* L. p.
Moraea Candolleana Spr. p.
 Juncaceæ.
Juncus compressus Jacq. p.
 — *glaucus* Ehrh. p.
 — *spec.* p.
Xerotes rigida R. B. a.
 Liliaceæ.
Allium angulosum L. p.
 — *angulosum* L. v. *Schrad.*
deri. p.
 — *baicalense* Willd. p.
 — *Cepa* L. p.
 — *ceratophyllum* Schrad. p.
 — *coeruleum* Pall. p.
 — *controversum* Schrad. p.
 — *fallax* Schult. p.
 — *flavescens* Bess. p.
 — *globosum* M. B. var. *roseum* p.
 — *hymenorrhizon* Ledeb. p.
 — *illyricum* Jacq. p.
 — *longinatum* Tor. p.
 — *uodorm* L. p.
 — *paniculatum* L. p.
 — *Porrum* L. p.
 — *rotundum* L. var. *Waldsteinianum*, Rgl. p.
 — *Schoenoprasum* L. p.
 — *sibiricum* L. p.
 — *sphaerocephalum* L. p.
 — *Steveni* Willd. p.
 — *subtillissimum* Ledeb. p.
 — *tulipaefolium* Ledeb. p.
 — *urceolatum* Rgl.
 — *vineale* Lep.
Asparagus officinalis L. p.
 — *verticillatus* L. p.
Asphodeline lutea Roxb. p.
Danae racemosa Mch. l.
Eucomis punctata p. o.
Fritillaria Meleagris L. p.
Muscari racemosum Mill. p. s.
 — *ciliatum* Gawl. p.

Ophiopogonæ.**Palmae.**

Ophiopogon Saburan. Hort. p. f. Chamaerops excelsa Thg. l. f.
Ruscus aculeatus L. l.

Dicotyledoneæ.**Acanthaceæ.**

Thunbergia alata Boj. a.

Acerinæ.

Acer colchicum l.

— Negundo L.

— Platanoides L.

— tataricum L.

Amaranthaceæ.

Amaranthus cruentus L. a.

Celosia argentea L.

— pyramidalis Burm.

Euxolus deflexus Raf. var. ascendens.

Gomphrena decumbens Jacq.

— globosa L. var. atropurpurea.

— Haageana Rgl.

Mengea tenuifolia Moq.

Sclerocarpus amarantoides

Schrad.

Teleianthera paronychioides

Schult.

Ampelidæ.

Ampelopsis quinquefolia DC. l.

Anacardiaceæ.

Rhus Coriaria L. l.

Apocynæ.

Amsonia ciliata Welt. p.

Araliaceæ.

Hedera Helix L. l.

Aristolochiaceæ.

Aristolochia Duchartrei E. André f.

Asclepiadæ.

Asclepias amoena L. p.

— Cornuti Desch.

— incarnata L.

— syriaca L.

Cynanchum acutum L.

Gomphocarpus fruticosus R. Br.

Periploca graeca L. l.

Asperifoliaceæ.

Alcena tinctoria Tausch.

Anchusa azurea.

— italica Retz. b.

— officinalis L.

— ochroleuca M. B. p.

— sempervirens L.

Asperugo procumbens L. a.

Borrago officinalis L. a.

Caccinia strigosa Boiss. p.

Cerithe aspera Roth. a.

— maculata M. B. p.

— major L. a.

— minor L. a.

Cynoglossum mollissimum Lehm. p.

— montanum Lmk. p.

— viridiflorum Lehm. p.

— officinale L. b.

Echinosperrum Lappula Sw. a.

Echium plantagineum L. a.

Heliotropium peruvianum M. l.

— europæum L. a.

Myosotis sylvatica Hoffm. b.

Nonnea rosea F. M. a.

Omphalodes linifolia Munch a.

- Omphalodes longiflora* Lehm. p. *Viburnum Lantana* L.
Symphytum echinatum Ledeb. **Caryophyllaceæ.**
Balsaminæ. *Agrostemma Githago* L.
Impatiens Balsamina L. a. *Arenaria graminifolia* Schrad. var.
Berberidæ. *multiflora* p.
Berberis vulgaris L. var. *atropur-* *Arenaria rigida* M. B. p.
purea. l. *Cerastium chlorifolium* F. et M. a.
Leontice altaica Pall. *tubera*. p. — *tomentosum* DC.
Begoniaceæ. *Dianthus arenarius* L. p.
Begonia macrophylla f. p. — *barbatus* L.
— *semperflorens* Link. f. p. — *chinensis* L.
Bignoniaceæ. — *Petraeus* W. et K.
Incarvillea Olgæ Rgl. p. — *plumarius* L.
Büttneriaceæ. — *prolifer* L.
Ridleya corchoriflora DC. a. — *pruinus* Boiss.
Cactæ. — *Seguieri* Vill.
Opuntia Rafineskiana p. *Gypsophila collina* Stev.
Caesalpiniaceæ. — *paniculata* L.
Poinciana Gilliesii Hoch l. — *perfoliata* L.
Cercis siliquastrum L. l. — *repens* M. B.
Gleditschia triacanthos L. l. *Lychnis chalcedonica* L.
Campanulaceæ. *Melandrium pratense* Rochl.
Campanula Cervicaria L. p. — *sylvestre* Rochl.
— *Medium* L. b. *Sagina Linæi* Presl.
— *sibirica* L. p. *Saponaria ocymoides* L.
Specularia falcata L. a. — *officinalis* L.
Symphiandra pendula A. DC. p. *Scleranthus perennis* L.
Cannabineæ. *Silene inflata* Smith.
Cannabis sativa L. *gigantea*. a. — *noctiflora* L. p.
Humulus Lupulus L. p. — *nocturna* L.
Capparidæ. — *Otites* L. p.
Polanisia graveolens Rafn. — — var. *Wolgensis* p.
Caprifoliaceæ. — *saponariaefolia* Schldt.
Diervilla (Weigelia) rosea Lindl. l. — *vespertina* Retz.
Lonicera Caprifolium L. l. — *viridiflora* L.
— *japonica*. *Tunica Saxifraga* Scop.
— *hybrida* Hort. Nikita. *Vaccaria vulgaris* Host. a.
Sambucus nigra L. l. **Celastrineæ.**
Symphoricarpus racemosus L. *Evonymus europæus* J. l.

- Chenopodiaceæ.**
- Ambrina chilensis* Spach. a.
Atriplex hortensis L.
 — *roseum* L.
Beta patellaris Moq.
 — *stricta* Koch.
Chenopodium album L. a.
 — *graveolens* Willd.
 — *urbicum* L.
 — *Vulvaria* L.
Corispermum canescens Ait.
 — *Marschallii* Roch.
Hablitzia thamnoides M. B.
Salsola Kali L.
 — *rosacea* L.
- Cistineæ.**
- Helianthemum ledifolium* Willd.
 — *vulgare* Gaert. p.
- Compositæ.**
- Achillea Millefolium* L. p. s.
 — *tanacetifolia* Roch. p.
Ageratum mexicanum Swet a.
Amellus annuus Willd.
Anthemis arvensis L. s.
 — *Triumfetti* All. p. p.
Artemisia Abrotanum L. l.
 — *Absinthium* L. p.
 — *Dracunculus* L. p.
 — *Ledebouriana* Bess. p.
 — *Ludoviciana* Nutt. var
gnaphalloides Torr. et Gr. p.
Aster adulterius Willd.
 — *aestivus* Ait.
 — *brumalis* Nees.
 — *concinus* Willd.
 — *formosissimus* Hort.
 — *laevis* L.
 — *longifolius*.
 — *Novae-Belgiae* L.
- Aster obliquus* Nees.
 — *patulus* Lam.
 — *pyrenaicus* Desf.
 — *Radula* Ait.
 — *simplex* Willd.
 — *squarrosulus* Nees.
Asterotrix suber a.
Bellis perennis L. p.
Bidens grandiflora Balb. a.
 — *pilosa* L.
 — *tripartita* L.
 — *Warszewiczii* Rgl.
Biotia corymbosa DC. p.
 — *macrophylla* DC. var. *divaricata* Ledeb.
Broteroa trinervata Pers. a.
Calendula officinalis L.
 — *tripterocarpa* Rup. p.
Calliopsis Athkinsoniana Hook. p.
Carthamus tinctorius L. a.
Centaurea calocephala Willd. p.
 — *glastifolia* L.
 — *Jacea* L. var. *commutata*. Koch.
 — *macrocephala* Muss.
 Puschk.
 — *orientalis* L.
 — *Phrygia* L.
 — *Scabiosa* L. p.
Cichorium Intybus L. b. s.
Cirsium canum M. B. p.
Cnicus Benedictus L. a.
Coreopsis tinctoria Nutt.
Cosmos bipinnatus Cav.
Cotula aurea L.
Cynara Cardunculus L.
Dahlia Bertolonii Vis. p.
 — *coccinea* Cav.
 — *scapigera* Lk. et Ott.

- Diplostegium umbellatum* Cass. *Pyrethrum pinnatifidum* Willd.
Echinops banaticus Rochl. *Rudbeckia laciniata* L.
— *sphaerocephalus* L. *Sanvitalia procumbens* Lam. a.
Galatella rigida Cav. *Scorzonera eriosperma* M. B. p.
Helenium autumnale L. var. *bre-* *Senecio nebrodensis* L. a.
— *viradiata* Hort. Petrop. *Seriola aetnensis* L.
— *pumilum* W. *Silybum eburneum* Coss. et Dur.
— *quadridentatum* Labil. — *marianum* Gärtn.
Helianthus annuus L. a. *Silphium perfoliatum* L.
— *lenticularis* Dougl. *Solidago altissima* L. var. *humil-*
— *decapetalus* L. p. — *lis* Desf. p.
— *tuberosus* L. — *canadensis* L.
Hieracium boreale Fries. — *flabelliformis* Wend.
— *sabaudum* L. — *grandiflora* Desf.
— *tridentatum* Fries. — *gigantea* Ait.
Hypochaeris arachnoides Poir. — *hirta* Willd.
Inula disenterica L. — *hispidula* Mühlbrg.
Jurinea alata Cassin. b. — *humulis* Herb. Banks.
Lactuca perennis L. p. — *lanceolata* W.
— *virosa* L. a. — — var. *gramini-*
Lampsana grandiflora M. B. *folia*.
Lappa major Gaertn. p. *Sonchus oleraceus* L.
— *minor* DC. b. — *palustris* L.
— *tomentosa* All. — *uliginosus* M. B.
Leonthodon caucasicum M. B. p. *Tanacetum boreale* Fisch.
— *hastilis* L. *Taraxacum caucasicum* DC.
Leucanthemum vulgare Lam. *Tragopogon major* Jacq.
Matricaria Chamomilla L. a. *Vernonia Lindheimieri*.
— *eximia* a. *Xanthium antiquorum* Wallr. a.
Maruta Cotula DC. — *saccharatum* Wallr.
Mulgedium Plumieri DC. p. — *spinosum* L.
Onopordon Acanthium L. b. — *Strumarium* L.
— *arabicum* L. b. *Xeranthemum inapertum* Willd.
— *virens* DC. — *cylindricum* Sibth.
Podospermum Jaquinianum Koch. p. et Smth.
Pyrethrum Balsamita W. *Youngia Thunbergiana*.
— *Corymbosum* Willd. *Convolvulaceae*.
— *Parthenium* Sm. var. *Calystegia limbata* Hort.
aurea. *Convolvulus pentapetaloides* L. a.

- Convolvulus Skammonia** L. **Malcolmia africana** R. Br. a.
Evolvulus linifolius L. — Chia DC.
Ipomaea purpurea Roth. **Raphanus caudatus** L.
— **sibirica** Jacq. — **fugax** Presl.
Quamoclit coccinea Mnch. **Rapistrum rugosum** All.
— **vulgaris** Chois. **Sinapis alba** L.
Crassulaceæ. — **arvensis** L.
Sedum acre L. p. **Sisymbrium austriacum** Jacq. b.
— **camtschaticum** p. **Thlaspi perfoliatum** L. s.
— **Aizoon** L. **Cucurbitaceæ.**
— **Alberti** Rgl. **Bryonia dioica** Jacq. p.
— **Ewersi** Ledeb. **Citrullus Colocynthis** Schrad. a.
— **hybridum** L. **Cyclanthera pedata** Schrad.
— **Maximoviczii** Rgl. — **explodens** Naud.
— **maximum** Sut. s. **Ecbalium elaterium** Rich. a.
— **spurium** M. B. **Kedrostis africana** Cogn. (Rhyn-
— — **var. splendens** **chocarpa dissecta** Naud).
Rgl. **Lagenaria vulgaris** Ser.
— **spectabile** Büren. **Luffa acutangula** Ser.
Sempervivum pumilum M. B. **Momordica Balsamina** L.
— **tectorum** L. var. — **Charantia** L.
densum. **Sicyosperma gracile** Asa Gr.
— **tectorum** L. var. **glaucum.** **Trichosanthes cucumeroides** Max.
Cruciferæ. (Platygonia Kaempferi Naud).
Allyssum edentulum W. K. p. **Cupuliferæ.**
— **argenteum** Willd. **Quercus pedunculata** Willd. l.
Barbarea arcuata Rchb. **Diosmeæ.**
— **orthoceras** Ledeb. **Peganum Harmala** L. a.
Berteroa incana DC. **Dipsacæ.**
Bunias orientalis L. **Dipsacus laciniata** L. b.
Camelina sativa Crantz. a. **Cephalaria procera** Fisch et Lal-
Capsella bursa pastoris L. s. **lem. p.**
Chorispora tenella DC. — **radiata** Gr. et Schk.
Crambe cordifolia Stev. p. — **transilvanica** L.
Hesperis matronalis L. **Knautia hybrida** Cult. a.
— **tristis** L. b. — **orientalis** L.
Iberis taurica DC. a. — **sylvatica** Cult.
Isatis canescens DC. **Pteroccephalus palestinus** Coult.
— **tinctoria** L. b. **Scabiosa atropurpurea** L.

- Scabiosa australis* Wulf. p. *Lamium album* L. p.
 — *columbaria* L. *Lavandula vera* DC.
 — *Hladnitschiana* Host. p. — *spica* DC. l.
Succisa australis Rehb. *Leonurus Cardiaca* L. p.
 Euphorbiacæ. — *Marubiastrum* L. p.
Euphorbia heterophylla L. a. — *tataricus* L. p.
 — *Myrsinitis* L. p. *Marrubium candidissimum* L. p.
 — *variegata* Hort. a. — *vulgare* L.
Mercurialis annua L. *Melissa officinalis* L. p.
Ricinus borbonensis Hort var. *Mentha piperita* L. p.
 arborea. — *sylvestris* L.
 — *communis* L. — *suavis* Guss.
 — — *var. giganteus.* *Molucella laevis* L.
 — — *var. rutilans.* *Monarda fistulosa* L.
 Geraniacæ. *Nepeta Mussini* Sprgl.
Erodium cicutarium W. a. — *Nuda* L.
 — *gruinum* W. p. — *tuberosa* L.
 — *moschatum* W. p. *Orthosiphon glabratus* Benth.
Geranium macrorrhizum L. p. *Panceria sibirica* Mönch. a.
 — *nodosum* L. p. *Perilla nankinensis* Dene.
 Grossulariacæ. — *ocymoides* L.
Ribes aurea l. *Prunella alba* Pall. p.
 Hydrophylleæ. *Salvia austriaca* L.
Ellisia Nyctelea Willd. a. — *Bäckeri.*
Phacelia congesta Hook. a. — *cleistogama.* de By et Pa-
Whitlavia grandiflora Harv. a. ul. a.
 Hypericinesæ. — *dumetorum* Andrz. p.
Hypericum elatum l. — *farinacea* Benth. a.
 — *perforatum* L. p. s. — *officinalis* L. l.
 Labiatae. — *sylvestris* L. p.
Ballota nigra L. p. — *verbenacea* L. a.
Calamintha officinalis L. — *verticillata* L. p.
Clinopodium vulgare L. var. al- *Sideritis scordioides* L. p.
 biflorum. a. — *taurica* M. B.
Dracocephalum altaianse Laxm. p. *Stachys alpina* L. p.
 — *moldavicum* L. a. — *lanata* Jacq.
Hyssopus officinalis L. p. — *recta* L.
Lallemantia iberica F. et M. a. *Zizyphora hispanica* L.
Lallemantia peltata F. et M. a.

- Linææ.**
Linum flavum L. a.
 — *monadelphum* Mart.
 — *perenne* L. p.
 — *regale?* Hort. a.
- Lobeliaceæ.**
Lobelia Erinus L. a.
- Loasææ.**
Mentzelia Wrightii Guss.
- Lythriaceæ.**
Cuffea lanceolata Ait.
 — *Zimpanni* Roezl.
Epilobium hirsutum L. p.
 — *tetragonum* L.
 — *uralense*.
- Gaura biennis* b.
Lythrum decandrum L. p.
- Malvacææ.**
Abutilon Avicennæ Gært. a.
Althæa cannabina L. p.
 — *rosea* Cav. b.
 — *taurinesis* DC. p.
Anoda cristata Cav. a.
 — *hastata* Cav.
Hibiscus esculentus L.
 — *Humboldtii* Col. a.
 — *syriacus* L. l.
Kitaibelia vitifolia W. p.
Lavatera Cachemiriana Cambess.
Malva sylvestris L.
 — *vulgaris* Fries.
Sphaeralcea miniata St. Hil.
- Mimosææ.**
Albizzia (Acacia) Julibrissin Durasz l.
- Nolanacææ.**
Nolana prostrata L. fil. a.
- Nyctagineæ.**
Abronia umbellata Lam. a.
- Abronia villosa.*
Mirabilis Jalappa W. p.
 — *longiflora* L.
 — *Wrightiana* Dene.
Oxybaphus floribundus Ait. p.
 — *violaceus* Chois.
- Oenotherææ.**
Oenothera biennis L. b.
 — *Sellowii* L. p.
- Oleacææ.**
Fraxinus excelsior L. l.
 — *ornus* L.
Ligustrum vulgare L. l.
Syringa vulgaris L. l.
 — — *var. alba.*
- Oxalidææ.**
Oxalis corniculata S. var. *atropurpurea*. a.
- Papaveracææ.**
Argemone mexicana L. a.
Bocconia cordata W. p.
Chelidonium majus L.
Escholtzia californica Chms. a.
Glaucium corniculatum Cort.
Papaver bracteatum Eindl.
 — *caucasicum* M. B. p.
 — *Danebrog* Mich. a.
 — *pilosum* Siebth. et Sir. p.
 — *pyrenaicum* Willd. a.
 — *Rhoeas* L.
Roemeria hybrida DC. a.
 — *refracta* DC.
- Papilionacææ.**
Arthrolobium scorpioides DC.
Anthyllis vulneraria L. p.
Amorpha fruticosa L. l.
Astragalus contortopicatus L.
 — *glyciphyloides* DC. p.
 — *glyciphyllus* L.

- Astragalus mucronatus*.
Baptisia minor Lehm. p.
Cicer arietinum L. a.
Colutea arborescens L. l.
— *cruenta* Ait.
Coronilla scorpioides Koch. a.
Cytisus capitatus Jacq. l.
— *Laburnum* L.
— — var. *Adami*.
— — var. *quercifolia*.
Desmodium canadense DC. p.
— *marylandicum* L.
Dolichos armatus Wall. a.
— *monachalis* Brot.
Ervum Ervilia L.
— *Lens* L.
— — var. *nigrum*.
Galega officinalis L. p.
— *orientalis* Lam.
Lathyrus pisiformis L. p.
Lupinus hirsutus L. a.
— *macrophyllus* Benth. p.
Medicago caspica Stev. a.
— *lupulina* L.
— *Muræ* Willd.
Melilotus alba Lam. p.
— *coerulea* L. a.
— *macrorhiza* Pers. b.
— *officinalis* L. p.
— *speciosa* Dur. a.
Onobrychis Caput Galli Lam. a.
— *paetrea* Desv. p.
— *sativa* Lam.
— *Tomasinii*.
Ononis hircina Jacq. v. *spinescens* Ledeb.
Phaseolus gonospermus Savi. a.
Pisum abyssinicum A. Br.
— *arvense* L. a.
- Pisum granulatum* Lloyd.
— *quadratum* Mill.
Robinia Pseudo-Acacia L. l.
Securigera Coronilla DC. a.
Scorpiurus vermiculatus L.
Spartium junceum L. l.
Tetragonolobus edulis Link. a.
Trifolium agrarium L. a.
— *elegans* Savi. p.
— *hybridum* L. a.
— *incarnatum* L.
— *trichopterum*
Vicia cordata Wulf. a.
— *Faba* L.
Wistaria (Glycine) frutescens l.
Pedalinæ.
Martynia fallax A. DC. a.
— *fragrans* Lindl.
— *lutea* Lindl.
— *proboscidea* Glox.
Philadelphææ.
Deutzia crenata Lieb. l.
— *corymbosa*.
— *gracilis*.
Philadelphus coronarius L.
— *floribundus* Schrad.
— *speciosus* Schrad.
Phytolaccææ.
Phytolacca acinosa Roxb. p.
— *decandra* L.
— *violacea* C. A. Mey.
Rivinia brasiliensis.
Plantaginææ.
Plantago arenaria W. et R. a.
— *lanceolata* L.
— *Lagopus* L.
— *major* L.
— *maritima* L.
— *Psyllium* L.

<i>Plantago serpentina</i> Lam. a.	Portulacaceae.
Platanæ.	<i>Portulaca grandiflora</i> Hook. a.
<i>Platanus occidentalis</i> L.	— <i>rostellata</i> Brign.
Plumbaginæ.	Primulaceae.
<i>Armeria maritima</i> L. p. splen-	<i>Androsace lactiflora</i> Fisch.
dens Wellt.	— <i>septentrionalis</i> L.
<i>Plumbagella micrantha</i> Boiss. a.	<i>Lysimachia punctata</i> Jacq. p.
<i>Plumbago Larpentae</i> p.	Ranunculaceae.
Polemoniaceae.	<i>Anemone baldensis</i> L. p.
<i>Collomia grandiflora.</i>	<i>Aquilegia chrysantha</i> Gray. p.
<i>Gillia milefoliata</i> Fisch. a.	— <i>lutea</i> DC.
— <i>nivalis</i> Van Houtt. a.	— <i>Kitaibelli</i> Schott.
— <i>tricolor</i> Benth.	— <i>sibirica</i> Lamk.
<i>Phlox Drummondii</i> Hook.	— <i>vulgaris</i> L.
Polygonæ.	<i>Clematis flammula</i> L. l.
<i>Emex Centropadium</i> Meissn.	— <i>integrifolia</i> L. p.
— <i>rotundatum</i> Bartl.	— <i>Vitalba</i> L. l.
<i>Oxyria elatior</i> R. Br. p.	<i>Delphinium altissimum</i> Wall. p.
— <i>reniformis</i> Hook. var.	— <i>cheilanthum</i> Fisch.
<i>glauca.</i>	— <i>Consolida</i> DC. a. s.
<i>Polygonum lapathifolium</i> L. a.	— <i>palmatifidum</i> DC. p.
— <i>Sieboldii</i> Hort.	<i>Nigella Damascaena</i> L. a.
<i>Tragopyrum lauceolatum</i> M. B. p.	— <i>foeniculacea</i> L.
<i>Rheum caspicum</i> L. var. <i>cana-</i>	<i>Pulsatilla pratensis</i> Mill. p.
<i>liculatum</i> p.	<i>Ranunculus acris</i> L.
<i>Rheum palmatum</i> L. var. <i>tan-</i>	— <i>caucasicus</i> M. B.
<i>goticum</i> Rgl.	— <i>neapolitanus</i> Tenore.
<i>Rheum spiaforme</i> Rgl.	— <i>nemorosus</i> DC.
<i>Rumex Acetosa</i> L. p.	— <i>propinquus</i> C. A. M.
— <i>confertus</i> Willd.	— <i>serbicus</i> Vis.
— <i>conglomeratus</i> Muss.	<i>Thalictrum appendiculatum</i> Le-
— <i>Fischeri</i> Rehb.	deb.
— <i>Patientia</i> L.	— <i>baikalense</i> Turcz.
— <i>purpureus</i> Poir.	— <i>elatum</i> Jacq. v. <i>glau-</i>
— <i>sanguineus</i> L.	<i>cum.</i>
Pomaceæ.	— <i>flavum</i> L.
<i>Crataegus crus galli</i> L. l.	— <i>foetidum</i> L.
— <i>Oxyacantha</i> L.	— <i>minus</i> L. var. <i>pro-</i>
<i>Pyrus communis</i> L.	<i>cerum</i> Rgl.

Thalictrum minus var. *viridius* Koch. p.
simplex L. *Fondens* Schultz.
Trollius Ledebourii Rchb. var.
Polysepalus Besedaceae
Cedronella mexicana a.
Reseda lutea L. b.
Rhamneae.
Paliurus aculeatus Lam. l.
Rosaceae.
Agrimonia pilosa Ledeb. p.
Geum intermedium Ehrh.
Margyricarpus setosus R. et P.
Potentilla gelida C. A. Mey. v.
glandulosa Ledeb.
heterophylla Mill.
Kurdica Boiss.
norvegica L.
multifida L.
pennsylvanica L.
recta L. v.
Ledeb.
umb.
Rosa alpina
Beggeri
can.
cil.
So.

Astr
 De
 Doli
 Ervun
 Galega o
 — or
 Lathyrus p
 Lupinus hir
 — mac
 Medicago cas
 — lupu
 — Murt
 Melilotus alba l
 — coerule
 — macrori
 — officinal
 — speciosa
 Onobrychis Caput Ga
 — paetrea D
 — sativa Lan
 — Tomasinii.
 nonis hircina Jacq. v
 cens Ledeb.
 naseolus gonospermus
 sum abyssinicum A. I
 — arvense L. a.

Verbascum Blattaria L.
 — nigrum L.
 — phoeniceum L.
 — pyramidatum L. B. b.
 — Thapsus L. var. Tur-
 — stanicum Rgl. b.
 — tica caucasica M. B.
 — incana L. p.
 — latifolia L. var. media.
 — orchidea Crantz.
 — sibirica L.
 — spuria L.
Selagineae.
 — Mitia dentata Thunb.
 — intergrifolia Choisy.
Solanaceae.
 — sinuum L. v. rubrum a.
 — tosa L. a.
 — quadrivalvis Hook.
 — albus L.
 — niger L.
 — esculentum Mill.
 — v. pruniforme.
 — caemigerum Dun.
 — loides Gärtn.
 var. latifo-
Grah.
 Lindl.
 L. var. gran-
 — purpurea.
 var. macro-
 — a Desv.
 — A. Br.
 — villosa.
 — Sanguisorba alpinus Bsp.
 — dodonaei Bsp.
 — media L. var.
 — gracilis B.
 — officinalis L.
 — tenax L.

Solanum pseudo-capsicum L.
 — villosum Lmk.
Umbelliferae.
 Agasyllis caucasica Spr.
 Apium graveolens L. b.
 Astrantia intermedia R. Br. p.
 Bubon Galbanum L.
 Bupleurum rotundifolium L. a. s.
 Carum burjaticum Turcz. p.
 Conioselinum Fischeri Wimm.
 Conium maculatum L.
 Eryngium rigidum Lam. p.
 — Kotschyanum.
 Foeniculum vulgare Gärtn. b.
 Pastinaca lucida Gouan.
 — opaca Brnh.
 Petroselinum sativum Hoff.
 Tommasinia verticillata Bert. p.
Urticaceae.
 Parietaria officinalis L. p.
 Urtica cannabina L.
 — dioica L.
 — pilulifera L. v. balearica.
 — sp.
Valerianeae.
 Centranthus ruber DC.
 Fedia cornucopiae DC. a.
 — scorpioides Dufr.
 Valeriana officinalis L. p. s.
 Valerianella Szowitsiana F. Mey. a.
Verbenaceae.
 Verbena Aubletia L. a.
 — hastata L.
 — hybrida E. a.
 — tenera Spr. p.
 — venosa Gill. et Hook.
Violaceae.
 Viola palmata L. p.
 — Patrini DC.

<i>Thalictrum minus</i> var. <i>virens</i>	<i>Spiraea callosa</i> L.
Koch. p.	— <i>confusa</i> Rgl.
— <i>simplex</i> L. Fondens	— <i>Fontaneysii</i> alba.
F. Schultz.	— <i>Fortuneti</i> .
<i>Trollius Ledebourii</i> Rehb. var.	— <i>Lindleyana</i> .
<i>polysepalus</i> Rgl.	— <i>opulifolia</i> .
Resedaceae	— <i>semperflorens</i> .
<i>Cedronella mexicana</i> a.	Rubiaceae.
<i>Reseda lutea</i> L. b.	<i>Asperula ciliata</i> Rochl. p.
Rhamneae.	— <i>cynanchica</i> L.
<i>Paliurus aculeatus</i> Lam. l.	<i>Gallium aristatum</i> L.
Rosaceae.	— <i>lithospermifolium</i> Fisch.
<i>Agrimonia pilosa</i> Ledeb. p.	— <i>Mollugo</i> L.
<i>Geum intermedium</i> Ehrh.	— — var. <i>compactum</i> .
<i>Margyricarpus setosus</i> R. et P.	— <i>physocarpum</i> Ledeb.
<i>Potentilla gelida</i> C. A. Mey. v.	— <i>sylvaticum</i> L.
<i>glabrior</i> Ledeb.	<i>Rubia tinctoria</i> L.
— <i>glandulosa</i> Lindl.	Rutaceae.
— <i>heterophylla</i> Mill.	<i>Ruta bracteosa</i> DC.
— <i>Kurdica</i> Boiss.	— <i>divaricata</i> Ten.
— <i>norvegica</i> L.	— <i>graveolens</i> L. p.
— <i>multifida</i> L.	Sapindaceae.
— <i>pensylvanica</i> L.	<i>Cardiospermum halicacabum</i>
— <i>recta</i> L. var. <i>pallida</i> .	L. l.
— — var. <i>obscura</i>	<i>Koelreuteria paniculata</i> Laxm.
Ledeb.	<i>Xanthoceros sorbifolia</i> .
— <i>umbrosa</i> Stev.	Scrophulariaceae.
<i>Rosa alpina</i> L. l.	<i>Anthirrhinum majus</i> L. a.
— <i>Beggeriana</i>	<i>Collinsia bicolor</i> Bth.
— <i>canina</i> L.	<i>Digitalis lanata</i> Ehrh. p.
— <i>ciliatopetala</i> Bess.	<i>Linaria genistaefolia</i> Mill.
— <i>pomifera</i> Herm.	— <i>minor</i> Desf.
— <i>villosa</i> .	— <i>tristis</i> Mill. a.
<i>Sanguisorba alpina</i> Bnge. l. p.	<i>Maurandia anthirrhiniflora</i> H. B.
— <i>dodecandra</i> Morelli.	— <i>Barklayana</i> Ledeb.
— <i>media</i> L. var. <i>angustifolia</i> Rgl.	<i>Mimulus cardinalis</i> Lindl. p.
— <i>officinalis</i> L. <i>typica</i> .	<i>Penstemon hybridum</i> Hort. a.
<i>Spiraea Bethlehemensis</i> rubra. l.	<i>Salpiglossis sinuata</i> R. et Pav.
	<i>Schizanthus grandiflorus</i> .

- Verbascum** Blattaria L. **Solanum** pseudo-capsicum L.
 — nigrum L. — villosum Lmk.
 — phoeniceum L. **Umbelliferae.**
 — pyramidatum L. B. b. **Agasyllis caucasica** Spr.
 — Thapsus L. var. Tur- **Apium graveolens** L. b.
 kestanicum Rgl. b. **Astrantia intermedia** R. Br. p.
Veronica caucasica M. B. **Bubon Galbanum** L.
 — incana L. p. **Bupleurum rotundifolium** L. a. s.
 — latifolia L. var. media. **Carum burjaticum** Turcz. p.
 — orchidea Crantz. **Conioselinum Fischeri** Wimm.
 — sibirica L. **Conium maculatum** L.
 — spuria L. **Eryngium rigidum** Lam. p.
 Selagineae. — **Kotschyannum.**
Hebenstreitia dentata Thunb. **Foeniculum vulgare** Gärtn. b.
 — intergrifolia Choisy. **Pastinaca lucida** Gouan.
 Solanaceae. — opaca Brnh.
Capsicum annum L. v. rubrum a. **Petroselinum sativum** Hoff.
Datura fastuosa L. a. **Tommasinia verticillata** Bert. p.
Dictyocalix quadrivalvis Hook. **Urticaceae.**
Hyoscyamus albus L. **Parietaria officinalis** L. p.
 — niger L. **Urtica cannabina** L.
Lycopersicum esculentum Mill. — dioica L.
 — v. pruniforme. — pilulifera L. v. balearica.
 — racemigerum Dun. — sp.
Nicandra physaloides Gärtn. **Valerianeae.**
 — — var. latifo- **Centranthus ruber** DC.
 lia Dunc. **Fedia cornucopiae** DC. a.
Nicotiana glauca Grah. — scorpioides Dufr.
 — persica Lindl. **Valeriana officinalis** L. p. s.
 — rustica L. **Valerianella Szowitsiana** F. Mey. a.
 — Tabacum L. var. gran- **Verbenaceae.**
 diflora purpurea. **Verbena Aubletia** L. a.
 — Tabacum var. macro- — hastata L.
 phylla Dunal. — hybrida E. a.
 — — tenera Spr. p.
Saracha stapeliaeflora Desv. — venosa Gill. et Hook.
Solanum citrullifolium A. Br. **Violaceae.**
 — Dulcamara L. **Viola palmata** L. p.
 — Melongena L. — Patrini DC.
 — nigrum L.

... ..

... ..

... ..

...

II. Часть ученая.

Матеріали къ исторіи системы права (энциклопедіи права).

Бъ вопросу о системѣ права у Римлянъ (изъ очерковъ римской юриспруденціи)

Экстраорд. проф. Н. Е. Чижова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Энциклопедія права представляетъ собою систему права и правовѣдѣнія. Въ ней, какъ центрѣ правовѣдѣнія, выражается существо всего права. Поэтому, всякая новая научная струя, пробившаяся въ правовѣдѣніе, безспорно должна отражаться и на энциклопедіи (системѣ) права. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, мы видимъ не то. Энциклопедисты-юристы стоятъ какъ бы въ сторонѣ отъ общаго движенія науки права и преобразованія отдѣльныхъ вѣтвей правовѣдѣнія. Современная юридическая литература, по обработкѣ общихъ началъ права, далеко оставила за собой самыя лучшія и по изданію позднѣйшія изъ существующихъ энциклопедій. Чтобъ далеко не ходить за примѣрами, стоитъ только указать на энциклопедіи права Вальтера, Аренса, Гольдшмидта, Намюра, какъ на устарѣвшія энциклопедіи права и сравнить ихъ напр. съ трудами Іеринга, Лоренца фонъ Штейна, Гнейста и друг.

При такомъ положеніи энциклопедіи права среди другихъ юридическихъ наукъ возникаютъ весьма серьезные вопросы: въ чемъ лежитъ причина оцѣпенія энциклопедической разработки права въ Европѣ? Быть можетъ, потерявъ только имя, она развивается подъ другими названіями? Быть можетъ, сознали, что энциклопедія права перестала уже удовлетворять и тому научному назначенію, какое придавали ей 20—30 лѣтъ назадъ? Да и слѣдуетъ ли въ наши дни энциклопедію право считать предметомъ самостоятельнаго спеціального изученія? Не есть ли это чужеродная наука, живущая исключительно на счетъ «философіи» права ¹⁾?... Несомнѣнно, все это вопросы важные и трудные, разрѣшить которые пора уже настала.

Намъ кажется, что весьма необходимо начала, задачи и методъ энциклопедіи права связать съ требованіемъ современнаго правовѣдѣнія. По нашему мнѣнію, близокъ часъ, когда энциклопедія права, поставленная на истинно научныя основы, громко заявитъ о себѣ умамъ разныхъ отѣнковъ юристовъ и заставитъ смотрѣть на себя, какъ на необходимый элементъ сферы научнаго юридическаго знанія. Реформированная энциклопедія права введетъ права въ общую систему человѣческаго знанія и, направивъ правовѣдѣніе по новому пути, укажетъ необходимость совмѣстнаго (а не изолированнаго) развитія его съ другими отраслями человѣческаго вѣдѣнія. Она во истину станетъ центромъ правовѣдѣнія и выраженіемъ существа всего права.

¹⁾ На такую мысль наводитъ, между прочимъ, Аренсъ, который въ своей «Juristische Encyclopädie» утверждаетъ, что энциклопедія права исходитъ отъ основныхъ началъ философіи права и указываетъ значеніе послѣдней во всѣхъ главныхъ частяхъ права. У насъ подобнаго взгляда держится г. Звъревъ (Юридическій Вѣстникъ, 1880. № 1. «Энциклопедія права въ ряду юридическихъ наукъ»).

Хотя голоса за необходимость преобразования науки права (а отсюда и энциклопедіи права) раздаются между учеными уже давно, однако попытки юристовъ, направленные на реформу правовѣдѣнія, до послѣднихъ дней, были односторонними, говоря прямо—онѣ были не вполне основательны. Эти попытки возникали или по поводу изученія только отдѣльной отрасли правовѣдѣнія, или же по поводу разработки одного изъ юридическихъ вопросовъ и, при томъ, не всегда на соответствующей почвѣ. Поэтому, хотя изслѣдованій, посвященныхъ реформированію правовѣдѣнія и имѣется достаточно, тѣмъ не менѣе всѣ они страдают однимъ, между прочимъ, недостаткомъ, а именно: въ нихъ нѣтъ почти совершенно исторіи науки права, какъ основанія для обстоятельнаго рѣшенія вопроса о реформѣ науки права. А между тѣмъ исторія правовѣдѣнія есть одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ для достиженія яснаго сознанія о настоящемъ состояніи правовѣдѣнія,—сознанія, безусловно необходимаго для безупречнаго рѣшенія вопроса о реформѣ науки права. Желаящій реформы правовѣдѣнія долженъ выходить изъ исторіи послѣдняго, а этой исторіи почти совсѣмъ нѣтъ не только у насъ, въ Россіи, но и на Западѣ. Вотъ основанія, почему мы, присоединяясь къ мнѣнію о необходимости преобразования науки права, стремимся преобразить, поэтому, энциклопедію права (а это наша непосредственная задача), считаемъ нужнымъ не рѣшать сразу вопросовъ: какъ поступить съ энциклопедіей права? куда идти?, а только приготовить историческій матеріалъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ, т. е. дать хотя бы краткій очеркъ развитія энциклопедіи права. Вопросы: почему энциклопедія права остановилась въ своемъ развитіи? что съ ней дѣлать? и т. п. могутъ быть рѣшены не иначе, какъ послѣ пересмотра ученій объ энциклопедіи права, послѣ ревизіи

историческихъ данныхъ современнаго намъ состоянія энциклопедіи права. Только такимъ путемъ мы найдемъ, что дала намъ энциклопедическая разработка права для правовѣдѣнія вообще и чего не достааетъ энциклопедіи права.

Войдя въ исторію энциклопедіи права, мы встрѣтимся съ рядомъ научныхъ направленій, школъ, въ которыхъ мы замѣтимъ переходящіе моменты развитія науки права. Въ этомъ историческомъ ходѣ энциклопедіи права мы дѣйствительно усмотримъ законы, по которымъ развивается наука права и увидимъ причины, руководящія развитіемъ правовѣдѣнія. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ исторію энциклопедіи права не входитъ одно только описаніе направленій и ученій юристовъ-энциклопедистовъ, но представленіе генетическаго развитія направленій, ихъ органической связи какъ между собою, такъ и съ средой, въ которой они возникли и существовали.

Къ сожалѣнію (для юристовъ весьма назидательному), до сихъ поръ мы не имѣемъ обстоятельной исторіи энциклопедіи права²⁾. Существующіе «очерки исторіи энциклопедіи права», «историческія черты развитія энциклопедіи права», «обозрѣнія юридической литературы (по энциклопедіи права)», обыкновенно помѣщаемые во вве-

²⁾ Изъ существующихъ энциклопедій права энциклопедія Ортгофа (Die Encyclopädie der Rechtswissenschaft in ihrer gegenwärtigen Bedeutung, 1857) представляетъ болѣе или менѣе обстоятельное обозрѣніе сочиненій по юридической энциклопедіи; точно также и энциклопедія Фридлендера (Juristische Encyclopädie oder System der Rechtswissenschaft, 1847) содержитъ, относительно, полную исторію энциклопедическихъ юридическихъ сочиненій. Въ русской же юридической литературѣ «обозрѣніе юридической литературы» (по юридической энциклопедіи) проф. Рѣдлина есть самое обширное изображеніе исторіи литературы по нашему предмету (Юридическія Записки, 1860). Но всѣ означенные труды устарѣли и не вполне соответствуютъ современному состоянію правовѣдѣнія.

деніяхъ къ энциклопедіи права, представляютъ или перечень сочиненій по предмету энциклопедіи права въ историческомъ порядкѣ, или же отрывочное представленіе исторіи философской разработки права въ ея вліяніи на энциклопедію права и т. п. Перечень только заглавій сочиненій, относящихся къ энциклопедіи права, не имѣетъ никакого научнаго значенія, такъ какъ исторія науки права не есть только замѣщеніе прежде вышедшихъ въ свѣтъ новыми сочиненіями, но цѣлостное представленіе воздѣлыванія науки права на основаніи познанныхъ законовъ историческаго развитія нашей науки. Безспорно, что энциклопедія права въ своей жизни много обязана философіи права, но никогда нельзя утверждать, что послѣдняя опредѣляетъ, а первая только популярно, кратко осуществляетъ и развиваетъ начала, указанные ей философіей права; что она собственнаго содержанія не имѣетъ, а есть только повтореніе философіи права. Взглядъ о заимствованіи энциклопедіей права своего содержанія изъ философіи права не новъ; въ исторіи энциклопедіи права мы встрѣтимся съ нимъ не разъ и тогда же укажемъ его слабыя стороны. Исторія энциклопедіи права есть исторія систематическаго направленія въ юриспруденціи, даваго въ результатъ научную систему права и правовѣдѣнія.

Поэтому, въ исторію энциклопедіи права входитъ не обзоръ содержанія книжекъ подъ заглавіемъ «энциклопедія права», а исторія идеи о системѣ права и правовѣдѣнія. Судьба науки права всего яснѣе можетъ быть представлена на исторіи энциклопедіи права, въ которой должны изобразиться принципы, формы и цѣли историческаго процесса научной систематизаціи всего права³⁾.

³⁾ Говоря объ исторіи науки права, мы должны отличать ее отъ исторіи самаго предмета науки права, т. е. отъ исторіи права. Въ то

частностями юридических специальных наукъ, только въ ней, какъ системѣ юридическихъ понятій, мы можемъ замѣтить необходимое и существенное обнаруженіе духовной работы всего человѣчества на поприщѣ всего правовѣдѣнія.

Выражая собою систематическую обработку права и правовѣдѣнія, энциклопедія права тѣмъ самымъ уже вводитъ въ себя познаніе законовъ юридическихъ явленій и представляетъ, такимъ образомъ, систему законовъ юридическихъ явленій. Въ такомъ случаѣ, изучающіе исторію права и исторію энциклопедіи права должны протянуть другъ другу руки.

Черезъ исторію энциклопедіи права мы подойдемъ къ причинамъ разнообразія результатовъ научной дѣятельности юристовъ, мы, такъ сказать, возведемъ къ философскимъ принципамъ самую науку права. Если возведение къ философскимъ началамъ отдѣльной отрасли человѣческаго вѣдѣнія или всего человѣческаго знанія можно назвать философіей науки, то энциклопедія права, въ нашемъ смыслѣ слова, будетъ философіей правовѣдѣнія, а ея исторія— исторіей философіи правовѣдѣнія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что можно философствовать не только о правѣ, но и о наукѣ права. Поэтому, можетъ существовать не только философія права, но и философія правовѣдѣнія.

Рѣшившись пересмотрѣть ученія энциклопедистовъ юристовъ по своему предмету съ цѣлью подготовить матеріалъ для реформирования энциклопедіи права, мы въ предлагаемой книжкѣ ограничимся разрѣшеніемъ вопроса о задачахъ и методѣ энциклопедіи права только въ самыхъ главныхъ моментахъ ея историческаго развитія. При чемъ будемъ касаться общаго историческаго развитія науки права и исторіи права на столько, на сколько это

будетъ необходимо для разрѣшенія задачъ и опредѣленія метода энциклопедіи права. Отсюда авторъ настоящаго сочиненія не придаетъ своей работѣ значенія полного изложенія всѣхъ затронутыхъ въ ней ученій. Словомъ говоря, авторъ имѣлъ въ виду, поднявъ вопросъ о задачахъ и методѣ энциклопедіи права, обратить вниманіе ученыхъ на важность разработки избраннаго имъ вопроса и, до известной степени, способствовать развитію науки о системѣ права и правовѣдѣнія (энциклопедіи права).

Ограничивая нашу дѣятельность разработкой задачи и метода энциклопедіи права, мы, подобно проф. Сергѣевичу⁴⁾ имѣли въ виду, что путемъ правильнаго опредѣленія задачи нашей науки мы откроемъ цѣль, къ которой она должна стремиться, а чрезъ уясненіе пріемовъ науки мы найдемъ путь, которымъ она должна идти къ цѣли.

Какъ увидимъ изъ исторіи энциклопедіи права, послѣднюю и называютъ различно, и понимаютъ не одинаково, и разрѣшаютъ поставленные въ ней вопросы превратно и даже, отказываютъ ей въ званіи науки въ истинномъ ея смыслѣ.

Видя, что почти каждый мыслитель по своему толкуетъ объ энциклопедіи права, невольно задаешь себѣ вопросы: что же это за наука? какой ея методъ и задачи? какое ея отношеніе къ отдѣльнымъ отраслямъ правовѣдѣнія и какое ея положеніе въ общемъ организмѣ человѣческаго знанія?

Послѣдній вопросъ затронуть нами въ книгѣ «энциклопедія и философія права въ германскихъ и австрійскихъ университетахъ» (Одесса, 1882.), другіе же будутъ разсматриваться въ исторіи энциклопедіи права, которую мы дадимъ прежде, чѣмъ поставимъ на разрѣшеніе вопросъ о задачахъ и методѣ энциклопедіи права.

⁴⁾ Задача и метода государственныхъ наукъ, Москва, 1871.

ВВЕДЕНИЕ.

Наука права своимъ происхожденіемъ обязана Римлянамъ; у нихъ слѣдуетъ искать и начатки системы права. Исторію идею о системѣ права и правовѣдѣнія, т. е. исторію энциклопедіи права, мы съ Римлянъ и начнемъ. Такъ какъ римская система права, дошедшая до насъ, развивалась постепенно, то постараемся наметить тѣ наслоенія, изъ которыхъ современемъ сложилась эта система права. Наслоенія системы права слагались подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ, опредѣленія которыхъ мы коснемся на столько, на сколько это имѣетъ значеніе для нашей ближайшей цѣли.

Изъ исторіи энциклопедіи права мы видимъ, что почти всѣ юристы-энциклопедисты, излагая исторію своей науки, только мимоходомъ останавливаются на римскомъ правовѣдѣніи и считаютъ появленіе энциклопедіи права у Римлянъ не возможнымъ. Эта непригодность римскаго правовѣдѣнія для энциклопедіи права, какъ кажется, вытекла изъ желанія энциклопедистовъ-юристовъ найти у Римлянъ энциклопедію права въ нашемъ, современномъ, смыслѣ этого слова. Никто не будетъ спорить, что такой энциклопедіи права у Римлянъ не было, да и быть не могло, такъ какъ право и наука о немъ явились не сразу во всей своей цѣлости, а путемъ, какъ мы сказали, постепеннаго наслоенія и расширенія своего объема и содержанія. Но кто говоритъ объ исторіи науки (энциклопедіи права), какъ системы права и правовѣдѣнія, тотъ долженъ начинать свой трудъ съ ея зародышей, съ первичныхъ формъ научной систематической дѣятельности юристовъ, а эти зародыши юридической системы несомнѣнно появились, развивались и установились прежде всего у Римлянъ. У нихъ, какъ у перваго культурно-юридическаго народа не успѣла еще развиться система

всего права во всей своей цѣлости и полнотѣ, но за то она (система) твердо сдѣпила область гражданско-юридическихъ отношеній. Римская система гражданского права въ исторіи систематизаціи права имѣетъ громадное значеніе и обойти процессъ ея образованія, по нашему, невозможно. Небрежное отношеніе юристовъ энциклопедистовъ къ римскому систематическому (энциклопедическому) направленію въ правовѣдѣніи едва ли можно оправдать съ научной точки зрѣнія, тѣмъ болѣе съ точки зрѣнія науки, которая выражаетъ собою систему права и правовѣдѣнія. По нашему мнѣнію, тотъ, кто ищетъ системы права, кто хочетъ методически изучить право, обходя римскую юриспруденцію въ ея систематическомъ направленіи, весьма ошибается, ибо наши системы права (гражданскаго) не понятны безъ римской юридической системы. Кромѣ того, только въ мастерской римскихъ юристовъ мы можемъ подмѣтить, какимъ образомъ право выливается въ соответствующую форму, мы научимся различать и объединять элементы, составляющіе право, и, такимъ образомъ, восходить къ систематическому представленію права вообще. Вотъ, между прочимъ, основанія, почему мы рѣшились подольше другихъ энциклопедистовъ-юристовъ остановиться на разсмотрѣніи систематической дѣятельности Римлянъ въ области права.

Наука права возникла у Римлянъ. Ими дано было ей названіе, перешедшее къ намъ и живущее до сихъ поръ между нами подъ римскимъ именемъ или подъ его переводомъ. Въ Римѣ Европа нашла образцы для своихъ легальныхъ системъ. На твореніяхъ римскихъ юристовъ воспитался и выросъ чело-вѣческій родъ со своимъ правомъ⁵⁾. Если въ свое время римское копье подчинило Римлянамъ весь тогдашній свѣтъ, то по-

⁵⁾ Наше юридическое мышленіе, нашъ методъ, наша манера созерцанія, короче, все наше юридическое образованіе, стало римскимъ, если только выраженіе «римское» можетъ быть приимено къ чему-либо всеобще-истинному, причемъ Римляне имѣли ту лишь заслугу, что довели его развитіе до высшаго совершенства. Такъ говоритъ знаменитый современный романистъ прое. Р. фонъ Герингъ въ своемъ сочиненіи «Geist des römischen Rechts» (В. I. § 1).

бѣда, одержанная ими надъ человѣчествомъ путемъ права, была еще грандіознѣе. Взятое мечомъ, тѣмъ-же средствомъ отнято у Римлянъ другими народами. Но завоеванное правомъ остается до сихъ поръ за Римлянами. Покоривъ свѣтъ своимъ правомъ, Римъ до сихъ поръ держитъ человѣчество въ своей власти. При этомъ бросается въ глаза поразительное явленіе, что народы, подчиненные Риму (уже покойному) не только не стремятся освободить себя отъ римскаго юридическаго плѣненія, но желаютъ находиться навсегда въ этомъ плѣну.

Что удерживаетъ современное человѣчество у ногъ римской юриспруденціи и чада ея—права? Есть на то много причинъ, но всѣ онѣ опредѣляются, съ одной стороны, величіемъ римскаго національнаго генія, — а съ другой — богатствомъ твореній римскихъ юристовъ. Юридически чуткій, характеромъ желанный, умомъ практическій, по правамъ строгій, простой и честный, по убѣжденіямъ упорно консервативный, непомѣрно послѣдовательный, формальную законность уважающій, гордый своимъ Я—Римлянинъ, тяжело вздыхая подъ гнетомъ своей безпощадной послѣдовательности, терпѣливо выковывывалъ твердую форму для своего права и выработывалъ для него бронзовый языкъ. Только у народа съ описанными свойствами могло развиться право и процвѣтать юриспруденція. Слѣдовательно, въ особомъ національномъ характерѣ Римлянъ лежитъ одна изъ основныхъ причинъ ихъ величія въ правѣ.

Что же касается другой причины величія римскаго права, а именно—науки права, то ея значеніе для права было громадное. Римское право, по своему содержанію, есть не иное что, какъ осадокъ римской юриспруденціи съ начала ея появленія до ея конца въ соединеніи со всѣми другими дѣятелями, которые дали римскому праву его видъ ⁶⁾).

Въ силу громаднаго значенія юриспруденціи въ процессѣ образованія и развитія права у Римлянъ, мы, при опредѣленіи римской системы права, считаемъ необходимымъ изложить состояніе юриспруденціи въ связи съ характеромъ дѣятельности римскихъ юристовъ. Сообразно намѣченному нами плану, въ содержаніе настоящаго сочиненія войдетъ разсмотрѣніе слѣдующихъ вопросовъ :

⁶⁾ Jhering, Geist, I. § 1.

I. Историческій очеркъ развитія юриспруденціи до блестящаго состоянія римской науки права. Здѣсь мы коснемся: А) Понтифікальной юриспруденціи и основныхъ старѣйшихъ возрѣній Римлянъ на систему права, выразившихся: а) въ порядкѣ т. н. *legis actiones*, б) въ системѣ XII таблицъ, и в) въ различныхъ трудахъ римскихъ юристовъ стараго времени, направленныхъ на систему права (Папірій, Флавікъ, Флавій и Элій) Б) Вліянія преторскаго права на систематическія возрѣнія Римлянъ. Въ этомъ мѣстѣ мы разсмотримъ систему эдикта въ ея основныхъ элементахъ.

II. Блестящее состояніе римской юриспруденціи, въ которомъ система эдикта совершенствуется и преобразуется и выработывается научная система права. Въ это время наука права достигаетъ своего высшаго развитія и опредѣленія и является могущественною силою въ движеніи юридической жизни Римлянъ. Поэтому, здѣсь мы уважемъ: а) на преобразование системы эдикта (Юліанская система) б) на теоретическое опредѣленіе юриспруденціи; охарактеризуемъ: в) практическую и г) теоретическую дѣятельность римскихъ юристовъ и д) раскроемъ научную дѣятельность римскихъ юристовъ, направленную на систематизацію права (преимущественно системы права К. М. Сцеволы, Сабина и Гая).

I.

Древнѣйшая римская юриспруденція.

А) Понтициальная юриспруденція. Старѣйшія возрѣнія Римлянъ на систему права. Порядокъ *legis actiones*. Система XII таблицъ. Дѣятельность первыхъ римскихъ юристовъ. (Папирій, Флаккъ, Флавій и Элій).

Развитіе понятія юриспруденціи у Римлянъ распадается на два періода ¹⁾. Въ первомъ изъ нихъ словомъ *Jurisprudentia* обозначалась ремесленная, чисто практическая дѣятельность римскихъ юристовъ, а во второмъ—научное изученіе права, неразрывно связанное съ практическою дѣятельностью юристовъ. Въ старомъ смыслѣ слова подъ юриспруденціей понимали умѣнье, способность пользоваться при осуществленіи и защитѣ права юридическими нормами въ такомъ же точно смыслѣ, какъ подъ выраженіемъ *rei militaris prudentia* разумѣли искус-

¹⁾ Нѣкоторые юристы, слѣдя Гуго и одобряемые Варяжникомъ, дѣлятъ исторію римской юриспруденціи на три періода, которые имѣютъ одинаковую продолжительность и отличаются, какъ замѣчаетъ Гиббонъ (исторія, V, 27 стр. рус. пер.) одинъ отъ другаго способомъ преподаванія и характеромъ цивилистовъ. Первый періодъ продолжается отъ XII таблицъ до Цицерона, второй — отъ Цицерона до Севера и третій—отъ А. Севера до Юстиніана. По нашему, эта троичность дѣленія римской юриспруденціи соответствуетъ распространенному раздѣленію исторіи народа по возрастамъ (юность—первый періодъ, зрѣлость — второй періодъ и старость — третій періодъ). Наше дѣленіе развитія юриспруденціи на два періода основывается на способѣ отношеніи римскихъ юристовъ къ изучаемому ими предмету (праву) и приспособлено къ развитію систематическихъ возрѣній Римлянъ на право.

ство и способность вести войну⁸⁾. Лица, обладающія искусствомъ примѣнять право и знающія оное болѣе, чѣмъ другіе, назывались *iuris prudentes*, или просто *prudentes*, *prudentes in iure civili*, *legum prudentes*, *iurisconsulti*, *iuris periti* и т. д. Сообразно съ сказаннымъ, римскій юристъ отличался отъ простаго гражданина (*imprudens iuris*) двумя признаками: 1) большимъ знаніемъ права (*ius*) и 2) способностью, добытою путемъ практики, искусно пользоваться правомъ (примѣнять право) и средствами его защиты на судѣ (*actio*)⁹⁾. Знатоки права дополняли недостатокъ знанія права въ народѣ или, говоря точнѣе, неспособность и неумѣнье народа пользоваться и выбирать законныя средства (*actio*) защиты своего права (*ius*'а, ему извѣстнаго) на судѣ. *Actiones* первоначально и означали только рядъ юридическихъ средствъ защиты оспариваемаго права; они то и составляли преимущественно предметъ юридическаго знанія старыхъ римскихъ юристовъ.

Въ староримское время *actio* противопоставалось *ius*'у¹⁰⁾; но эта противоположность не была противоположностью матеріальнаго гражданскаго права и гражданскаго процесса. Тутъ шла рѣчь только о противоположности *ius*'а, извѣстнаго всему народу, и *actio*, въ смыслѣ юридическаго средства защиты своего права предъ судьей¹¹⁾.

⁸⁾ *Habebat enim satis eloquentiae, summam liberalitatem, magnam prudentiam cum iuris civilis, tum rei militaris, quod cum patre a puero in exercitiis fuerat versatus* (C. Nepot. Cim. Cap. 2 Сравни. Con. Cap. 1).

⁹⁾ Ср. Пухта, исторія римскаго права (русскій пер.) стр. 173, 179. Jhering, Geist, II. 2 § 42.

¹⁰⁾ Карлова, въ своемъ сочиненіи «Der römische Civilprozess zur Zeit der Legisactionen» (1872) проводитъ мысль, что въ староримскомъ правѣ (явственномъ) *lex* противопоставляется *ius* и сообразно съ этимъ *legis actio* и *iurisdictio* обнимаютъ въ гражданскомъ процессуальномъ правѣ двѣ различныя области. Эта противоположность *lex* и *ius*, соответствующая различію формулированнаго права отъ неформулированнаго, не была основаніемъ систематическихъ возвращеній Римлянъ на право.

¹¹⁾ В. W. Leist, Versuch einer Geschichte der römischen Rechtssysteme, 1850, § 2. Эта книжка послужила однимъ изъ главныхъ пособій для нашего изложенія очерковъ римской системы права.

Первыми римскими юристами были жрецы — понтифексы (*pontifices*)¹³). Нося въ себѣ всѣ свойства юриста въ старомъ смыслѣ, они: 1) составляли и писали юридическіе документы (*scribere et scribere*), 2) давали юридическіе совѣты (*respondere*), участвовали при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ и веденіи процесса (*agere*) и 4) исполняли должность третейскаго судьи (*recertum arbitri*)¹³). Такимъ образомъ, нужно-ли было сочинить документъ или формулу—у понтифексовъ къ тому была опытность и знаніе духовнаго права, глубоко проникавшаго въ область гражданскихъ отношеній; требовалось ли разрѣшить споръ о смыслѣ документа или формулы—сдѣлать это могли всего лучше понтифексы, какъ авторы спорныхъ документа или формулы; слѣдовало ли избрать третейскаго судью — всего удобнѣе было обратиться къ понтифексу, какъ къ знатоку права; нуждался ли кто въ юридическомъ совѣтѣ, въ правильномъ совершеніи юридической сдѣлки и веденіи процесса — обойти понтифекса, какъ опытнаго въ правѣ, было невозможно. Такимъ образомъ, римскій юристъ-понтифексъ писалъ, совѣтовалъ, судилъ.

Спеціальнымъ органомъ понтификальной юридической дѣятельности и средоточіемъ юридическаго знанія была *Collegium Pontificum*. По Помпонію¹⁴), изъ числа членовъ этой коллегіи ежегодно избирался одинъ понтифексъ, у котораго частное лицо находило разрѣшеніе сомнительныхъ и спорныхъ дѣлъ (который руководилъ отправленіемъ правосудія: *qui praesesset privatis*). Здѣсь, въ этой коллегіи, было мѣсто для легальной интерпретаціи закона и составленія формулъ (договорныхъ и исковыхъ) согласныхъ съ закономъ (*interpretandi scientia et actiones apud collegium pontificum erant*); здѣсь, въ гнѣздѣ юридическаго знанія и практики¹⁵), засѣдали виновники

¹³) Жрецами, какъ и всѣми магистратами, долго были одни патриціи, слѣдовательно знаніе права должно было составлять долго исключительную ихъ принадлежность... Коллегіальность, пожизненность и особенность положенія по вліянію на всѣ государственныя дѣла и чрезъ то и на частное право дѣлали изъ понтифексовъ особенно свѣдущихъ въ правѣ людей. (Азаревъ и чѣ, Патриціи и плебей, 1875. II, прилож. стр. 2).

¹⁴) Cicero, *de oratore*, I, 48.

¹⁵) L. 2 § 6. *de orig. iuris* (l. 2).

¹⁶) Cic. *pro Murena*. 11.

развитія и охраненія римскаго права и творцы древнѣйшаго римскаго процесса ¹⁶⁾; здѣсь законодательная и судебная власть нераздѣлялась другъ отъ друга.

Среди остальныхъ гражданъ понтифексы занимали господствующее положеніе, котораго они достигли, какъ думаетъ Герингъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ своимъ превосходствомъ надъ толпой и искусствомъ пользоваться и выбирать юридическія средства защиты предъ судьей ¹⁷⁾.

Не отрицая вполнѣ взгляда Геринга, мы, съ своей стороны, держимся мнѣнія, по которому понтифексы своимъ громаднымъ значеніемъ и преимущественнымъ владѣніемъ правомъ обязаны тому положенію, какое занимали они въ обществѣ по отношенію къ дѣламъ права ¹⁸⁾ и той связи, въ какой религія находилась у Римлянъ съ правомъ ¹⁹⁾.

Права Римлянъ основывались на *lex*, которому обязаны были буквально слѣдовать *всѣ cives*. Но *lex*, изданный народнымъ собраніемъ, былъ общимъ, и при томъ чрезмѣрно сжатымъ положеніемъ, твердая буква котораго исключала всякій произволъ и крѣпко связывала собою постоянно развивающуюся жизнь. Для нормальнаго существованія и развитія юридической жизни народа нужно было съ одной стороны, охранять святость и неприкосновенность *lex*'а, а съ другой — примирять *lex* съ требованіями жизни. Обѣ задачи требовали органовъ и соответствующей дѣятельности какъ магистрата, такъ и юристовъ. Виднымъ хранителемъ и развивателемъ юридическихъ положеній въ царскій періодъ римской исторіи считался царь (*rex*). Соблюдалъ онъ святость законовъ, слѣдуя имъ буквальному опредѣленію; развивалъ же ихъ чрезъ *interpretatio*. На самомъ-же дѣлѣ примиреніе *lex*'а съ жизнью, какъ увидимъ ниже,

¹⁶⁾ Cic. de orat. I. 43.

¹⁷⁾ Перевѣсь интеллигенціи, почетность положенія — все наложило на нихъ (понтифексовъ) печать врожденнхъ третейскихъ судей и доставило ихъ коллегіи положеніе въ родѣ совѣтующихъ феклдетовъ юрисконсультовъ новѣйшаго времени (Jhering, Geist des römischen Rechts, I, § 18a).

¹⁸⁾ Puntschart, Die Entwicklung des grundgesetzlichen Civilrechts der Römer, 1872.

¹⁹⁾ Karlowa, Römische Rechtsgeschichte, 1885. I. 1. Hüllman, Jus Pontificum der Römer, 1837.

было въ рукахъ юристовъ (понтифексовъ), которые преимущественно предъ всѣми умѣли обращаться съ закономъ и толковать его.

Въ царскій періодъ римской исторіи имѣло мѣсто только легальное толкованіе закона. Развитіе законодательнаго права и судебная власть были ввѣрены царю, какъ высшему магистрату; ему, какъ высшей судебной власти, принадлежала, по этому, и *potestas legum interpretandarum*.

Хотя у Римлянъ законодательная дѣятельность была принадлежностью народнаго собранія, однако, вліяніе народа на законодательство, въ дѣйствительности, выразалось болѣе тѣмъ, что на царскую *rogatio* онъ отвѣчалъ: да или нѣтъ. Определеніе же смысла закона и указаніе способовъ его примѣненія принадлежало всецѣло компетенціи царя; и въ этой своей функціи царь дѣйствовалъ самостоятельно.

Какъ лицо, соединяющее въ себѣ высшее государственное управленіе, царь былъ единственнымъ истолкователемъ законовъ и, по поводу примѣненія законовъ, издавалъ постановленія, имѣющія силу закона. Такимъ образомъ, царь чрезъ *interpretatio legis* являлся органомъ развитія права и, какъ посредникъ между *lex* и жизнью, долженъ былъ быть разсматриваемъ, какъ *viva vox iuris civilis*, а результаты его легальной интерпретаціи имѣли силу закона.

По поводу упоминаемаго въ памятникахъ процесса Горація, (Ливій, I, 26), царь издалъ формулу, которую Ливій называетъ *lex*. Эта формула, составленная царемъ, была *formula legitima*. Процессъ Горація ясно доказываетъ: 1) что въ царское время, въ сферѣ уголовнаго права, дѣйствовали народныя законы, которые, какъ таковыя, стояли выше царя, но легальная интерпретація народныхъ законовъ исключительно принадлежала царю, который въ интересахъ правосудія могъ пользоваться этимъ правомъ свободно²⁰⁾; 2) что въ уголовномъ судопроизводствѣ, а равно и гражданскомъ (ибо въ это время раздѣленіе этихъ процессовъ еще не совершилось) употреблялись твердыя и обязательныя формулы, составленныя

²⁰⁾ Царь упоминается какъ *interpres*, между прочимъ, у Цицерона (*de republ.* V, 2. 3.) и друг. Puntschart, *Civilrecht der Römer*, (назв. соч.) стр. 12, 20 и слѣд.

царемъ, и эти формулы, (*formulae legitimaе agendi*) какъ результатъ легальной царской *interpretatio legis*, имѣли силу *leges*. Такимъ образомъ, въ роли интерпретатора царь соединялъ въ себѣ законодательную и судебную власть.

Образованіе процессуальныхъ постоянныхъ и обязательныхъ, какъ самъ законъ, формулъ имѣетъ своимъ основаніемъ потребность дать праву опредѣленные законныя формы. Право въ древнѣйшее время не могло существовать безъ опредѣленной законной формы. И если царь былъ постоянно живымъ источникомъ права, то ему же принадлежало и созданіе для права опредѣленныхъ формъ, а равно и формъ процесса²¹⁾. Исковое право, какъ таковое, чтобы существовать и имѣть силу, должно было облечься въ законную форму. Эта форма, посредствомъ которой исковое право становилось дѣйствующимъ, была *formula agendi*, вытекающая изъ легальной интерпретаціи царя, имѣющая законную природу и являющаяся, поѣтому, *formula legitima agendi* (*Dion. IV. 25*). Вслѣдствіе не раздѣленія уголовного процесса отъ гражданскаго, данныя формулы имѣли значеніе въ обоихъ процессахъ. Изъ этихъ формулъ возникли *legis actiones*²²⁾, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Слѣдовательно, царь, какъ интерпретаторъ закона и обычнаго права, устанавливалъ законныя формы для юридическихъ сдѣлокъ и твердыя формулы для права и процесса.

Такъ какъ царю принадлежала высшая свѣтская и духовная власть, то онъ обладалъ *potestate interpretationis iuris divini* и *iuris humani*. По своему положенію, онъ долженъ былъ быть лучшимъ знаткомъ права. Но фактически оказывалось не мыслимымъ, чтобы царь, всѣмъ управляющій, былъ свѣдушъ во всѣхъ дѣлахъ права. Это съ одной стороны. Съ другой же стороны, можно было опасаться, что со смертію царя прекратится традиція выработанныхъ уже юридическихъ положеній и необходимыхъ юридическихъ знаній. Чтобы возмѣстить недостаточность юридическихъ знаній царя и обезпечить традицію необходимыхъ юридическихъ знаній отъ поколѣнія къ поколѣнію, нуженъ былъ постоянный органъ, которымъ была

²¹⁾ Puntschart, *Civilrecht der Römer*, 26. Jhering, *Geist*, II. 1 § 23.

²²⁾ Puntschart, *ibid.* стр. 27.

коллегія знатоковъ (жрецовъ) права. Здѣсь царь находилъ разрѣшеніе и совѣтъ во всѣхъ своихъ затруднительныхъ вопросахъ по дѣламъ права. Вотъ этой-то коллегіи жрецовъ и принадлежало, на самомъ дѣлѣ, развитіе и образованіе права²³).

Знатоками права были: авгуры, понтифексы и еціалы. Трудамъ авгуровъ обязано своимъ развитіемъ и образованіемъ преимущественно государственное право; понтифексы работали особенно по гражданскому праву и процессу, а еціаламъ приписывается разработка вопросовъ по военному праву, государ-

²³) На основаніи Помпонія (L. 2 § 6, 35 D. (1. 2). Ливія (IX. 46), и другихъ (Ср. Cic. de or. I. 41, de leg. II, 19 pro Murena, 11, ad Att. VI. 1) образовалось преданіе о содержаніи понтифексами римскаго гражданскаго права втайнѣ. При разсмотрѣніи извѣстій объ этомъ тайномъ содержаніи понтифексами гражданскаго права и оцѣнѣ мнѣній ученыхъ, вѣрнѣе всего или отчасти этимъ извѣстіямъ (срав. Walter, Geschichte des römischen Rechts, § 426. Ср. Карлова, Process, стр. 21) нужно различать знаніе основныхъ, принципиальныхъ положеній римскаго права (Volkrecht) отъ знанія, выработанныхъ въ коллегіи понтифексовъ, правовыхъ положеній и формулъ, какъ результатовъ интерпретаціи понтифексовъ (Juristenrecht). Понтифексы не могли скрыть знаніе принципиальныхъ положеній римскаго гражданскаго права, такъ какъ право было общимъ достояніемъ народа, хотя храненіе, развитіе, разработка права и сосредоточивались въ коллегіи понтифексовъ. Такъ какъ гражданское право сосредоточивалось болѣе всего въ коллегіи понтифексовъ, то, понятно, что члены ея знали право основательнѣе, чѣмъ другіе. Что же касается знанія правовыхъ положеній и формулъ, вытекшихъ изъ интерпретаціи принципиальныхъ законовъ, то и ихъ понтифексы совершенно скрыть не могли отъ гражданъ, такъ какъ каждый веденный процессъ понтифексами становился извѣстнымъ остальнымъ гражданамъ. Но понтифексы, вслѣдствіе особаго ихъ призванія къ развитію гражданскаго права, какъ творцы въ коллегіи сложившихся правовыхъ положеній и формулъ, умѣли лучше ими пользоваться; слѣдовательно примѣненіе права, обусловленное знаніемъ понтифексами положеній и формулъ, оставалось преимущественно предѣломъ за понтифексами. По этому случаю Пухта говорить, что матеріальное право не было тайной: оно основывалось на общемъ убѣжденіи народа; но дѣятельность, фактическое его значеніе зависѣло отъ формъ, которыхъ не зналъ или которыми не умѣлъ владѣть простой гражданинъ, а отчасти и не могъ знать вслѣдствіе вліянія *iuris sacri* (Пухта, исторія римскаго

ственными договорамъ, посольствамъ²⁴⁾). Для насъ имѣетъ особенное значеніе коллегія понтифексовъ, какъ первыхъ знаточковъ частнаго права, которое у римлянъ преимущественно и получило широкое развитіе и систематическую научную обработку.

Какъ представитель высшей духовной власти, царь былъ предсѣдателемъ коллегіи понтифексовъ. Въ его отсутствіе замѣщалъ предсѣдательское мѣсто понтифексъ. Это тотъ самый понтифексъ, который позднѣе, по низверженіи царей, сталъ начальникомъ коллегіи и назвался *Pontifex Maximus*²⁵⁾. Съ республикой выступаетъ строгое раздѣленіе политической магистратуры и жречества, вслѣдствіе чего органы политической и сакральной еуніціи общественной жизни, съ началомъ республики, обособляются. Рѣшеніе сакральныхъ вопросовъ перешло въ исключительное обладаніе жрецовъ, воъ же остальные

права, рус. пер. 69, 179 стр.). Герингъ (*Geist*, II, 2. § 42) говоритъ, что кромѣ народныхъ правовъ и законовъ, существовалъ еще третій источникъ права—право науки или *ius civile* въ тѣсномъ смыслѣ (*L. 2. §§ 5 6. D. (1. 2)*), къ которому имѣлъ вполнѣ свободный доступъ только понтифексъ, и традиція (письменная и устная) прежней юридической практики принадлежала только сочленамъ понтификальной коллегіи, такъ какъ народъ легко могъ забыть о важнѣйшихъ юридическихъ случаяхъ и рѣшеніяхъ. Герингъ признаетъ эту традицію прежней юридической практики необходимымъ содержаніемъ понтификальной юридической дисциплины. Другую часть этой дисциплины образуетъ, по его мнѣнію, собственное ученіе, теорія права, начертанная самими понтифексами. Въ слѣдствіе затруднительности примѣненія права, отсутствія извѣстнаго рода юридическаго такта, приобретаемаго путемъ навыка, практики, безъ понтифека не могли обойтись даже тѣ изъ римлянъ, которые не менѣе его знали право, такъ что простые смертные смотрѣли на понтифека какъ на оракула, погруженнаго съ своимъ знаніемъ въ таинственность. *Leist, Versuch einer Geschichte der römischen Rechtssysteme*, § 2, стр. 8—13.

Герингъ въ преданіи о тайномъ содержаніи знанія гражданскаго права видитъ важный переворотъ въ исторіи римскаго права, а именно, переходъ отъ наивнаго пониманія права къ рефлексіи, т. е. къ юриспруденціи (*Geist*, II, 2. § 42), совершившійся вскорѣ послѣ изданія XII таблицъ. (Ромп.).

²⁴⁾ Карлова, *Rechtsgeschichte*, стр. 58, 59.

²⁵⁾ Puntschart, *ibid.* стран. 31. Hüllmann, *ibid.* стран. 166. Карлова, *Rechtsgeschichte*, стран. 269 и слѣд.

вопросы остались въ рукахъ органовъ свѣтской власти. Связующимъ звѣномъ между двумя, строго отдѣленными другъ отъ друга, сторонами общественной жизни былъ сенатъ, который регулировалъ отношенія жрецовъ къ магистрату и магистрата къ жрецамъ. Но сенату, какъ свѣтскому собранію, не принадлежало высшее законодательство въ религиозныхъ дѣлахъ: оно перешло къ Pontifex Maximus'у.

Съ учрежденіемъ республики, царя замѣстили два консула; къ нимъ перешла уголовная и гражданская судебная власть и potestas legum interpretandarum. Высшая же духовная власть царя перешла на новаго начальника понтификальной коллегіи, который съ того времени, какъ мы уже сказали, сталъ называться Pontifex Maximus.

Этотъ переходъ имѣлъ необходимымъ послѣдствіемъ фактическое перенесеніе и гражданско-юридической potestas legum interpretandarum на Pontifex Maximus'a. Для объясненія означеннаго перенесенія недостаточно сказать, что въ то время ius divinum строго не отдѣлялись отъ ius humanum, а необходимо слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что консулы, смѣнявшіеся ежегодно, нуждались въ постоянномъ совѣтѣ знатоковъ права болѣе, чѣмъ пожизненные цари. Этими знатоками были преимущественно понтифексы, коллегія которыхъ составляла живой, постоянный органъ развитія гражданского права. Такимъ образомъ, и potestas legum interpretandarum царя перешла, въ дѣйствительности, не къ консулу, а къ Pontifex Maximus'у и его коллегіи²⁶⁾, которая вела такъ же и обозначеніе судебныхъ дней.

Въ началѣ республики, точно такъ же какъ и въ царское время, гражданское право фактически было въ рукахъ понтифексовъ. Само собой понятно, что и архивъ для рѣшенныхъ вопросовъ по гражданскому праву и процессу находился у того органа, которому передавалась custodia legum atque morum или potestas legum interpretandarum (т. е. Pontifex Maximus'у и его коллегіи)²⁷⁾. Если при основаніи республики Pontifex Maximus получилъ potestas

²⁶⁾ Помпоній приписываетъ интерпретацію исключительно понтификамъ (L. 2. § 8. D. de origine iuris 1. 2).

²⁷⁾ Ср. L. 2 § 8 D. de orig. iuris (1. 2).

legum interpretandarum, то отсюда слѣдуетъ, что результаты его интерпретаціи имѣли ту же силу, что и при царяхъ (т. е. силу законовъ). Вслѣдствіе тѣсной связи *ius divinum* и *ius humanum*, Pontifex Maximus былъ *interpres iuris divini atque humani* или *interpres rerum divinarum atque humanarum*²⁸⁾.

Коллегія понтифексовъ была центромъ развивающагося права; она всегда была способна черпать правовыя положенія изъ вѣчно текущаго источника жизни, давать имъ форму, соответствующую жизненнымъ потребностямъ. Благодаря пожизненной смѣнѣ членовъ, коллегія сдѣлалась носителницею народнаго правосознанія и должна была стать особою школою римскаго гражданскаго права. При такомъ значеніи коллегіи понтифексовъ, избранный понтифексъ, о которомъ упоминаетъ Помпоній, игралъ въ гражданскомъ судѣ не служебную (совѣтникъ, ходатай), а начальническую роль. Судебный магистратъ во всѣхъ вопросахъ долженъ былъ подчиняться этому делегату понтификальной коллегіи, который являлся для магистрата аутентическимъ интерпретаторомъ гражданскаго права и который былъ, по отношенію къ магистрату, говорящимъ закономъ. Уважать голосъ этого делегированнаго жреца предписывало государственное устройство. Делегатъ-понтифексъ давалъ спорящимъ сторонамъ не мертвую, *albi* um, а свой *viva vox iuris divini atque humani*²⁹⁾.

Господствующее положеніе понтифексовъ въ обществѣ и громадное ихъ значеніе въ развитіи права обуславливалось кромѣ изложенныхъ уже обстоятельствъ, тою связью, въ какой религія находилась съ правомъ, а отсюда и тѣмъ значеніемъ, какое представители культа имѣли въ политическихъ и юридическихъ учрежденіяхъ Римлянъ.

Благодаря практической тенденціи религіи, у Римлянъ уже съ раннихъ поръ проявилось ясно стремленіе удержать публичную и частную жизнь гражданъ въ тѣсной связи съ міромъ боговъ и поставить эту жизнь подъ защиту боговъ. Подъ влияніемъ подобнаго стремленія, понтифексы мало по малу проникаютъ въ публичную жизнь и играютъ въ ней видную, часто

²⁸⁾ Puntschart, *ibid.* стр. 32 и слѣд.

²⁹⁾ Puntschart, стр. 42, 43. Jhering, *Geist*, I, § 18 a.

рѣшающую роль. Не зависимо отъ опредѣленія чисто сакраль-ныхъ вопросовъ,³⁰⁾ понтифексы участвовали въ комидіяхъ, произносили въ собраніяхъ торжественныя формулы³¹⁾; ихъ вліяніе простиралось на гражданскій процессъ и на уголовное право; они принимали участіе при избраніи царя и т. д. Понтифексы оказывали свое вліяніе не только на предметы гражданскаго права, имѣющіе близкое отношеніе къ религіи, напр. *отпущ*, сакральное заключеніе брака, аррогацію, но они воздѣйствовали на все старое *ius legitimum* и, сообразно съ этимъ, на процессъ *legis actiones*³²⁾.

Ко всему сказанному о значеніи понтифексовъ въ развитіи права слѣдуетъ прибавить, что понтифексамъ принадлежало опредѣленіе времени совершенія религиозныхъ дѣйствій, различныхъ категорій священныхъ дней и вообще календарь. Преимущественное обладаніе дѣлами гражданскаго права и тѣсная связь *iuris divini* и *iuris humani* естественнымъ образомъ привели понтифексовъ къ составленію судебного календаря, гдѣ обозначались точно: 1) дни, въ которые судъ могъ состояться (*dies fasti*); 2) дни, въ которые судъ не могъ имѣть мѣста (*dies nefasti*) и 3) дни, въ которые только отчасти можно вести судебныя занятія (*dies intercesi*)³³⁾.

³⁰⁾ Напр. опредѣленія *sacrum*, *sanctum*, *religiosum*; совершенія различныхъ религиозныхъ дѣйствій и друг. Karlowa, *Rechtsgeschichte*, § 43. Hüllmann, *Jus Pontificium*, § 9.

³¹⁾ Karlowa, *ibid.* § 43. Hüllmann, *ibid.* § 9.

³²⁾ Karlowa, *Der römische Civilprocess zur Zeit der Legislationen*. 1872, стр. 22.

³³⁾ *Dies fasti per quos praetoribus omnia verba sine piaculo licet fari. Dies nefasti per quos dies nefas fari praetorem: do, dico, addico, itaque non potest agi; necesse enim aliquo eorum uti verbo, cum lege quid peragitur. Hinc fasti dies quibus verba certa legitima sine piaculo praetoribus licet fari. Ab hoc nefasti quibus diebus ea fari ius non est, et si fasti sunt, piaculum faciunt. Intercisi dies sunt per quos mane et vesperi est nefas, medio tempore inter hostiam caesam et exta porrecta fas, a quo quod fas tum intercedit, aut eo est intercisum nefas, intercisum* (Varro, *lingua latina*, L. 6. §§ 29. 53. 31. Знаніе понтифексами сакральнаго права и календаря дало Зоому (Sohm, *Institutionen des römischen Rechts*, 1884, § 15) основанія сказать, что понтифексы соединяли правовѣдѣніе съ ихъ наукою о религіи и астрономіи. Karlowa, *Process*, § 33.

Слово, буква закона для древнихъ юристовъ была важнѣе, чѣмъ смыслъ и цѣль закона³⁴⁾. Поклоненіе слову наглядно доказываетъ древне-римскій процессъ *per legis actiones*, бывшій дѣломъ pontификальныхъ рукъ. Это судопроизводство представляетъ рядъ формъ и формулъ, буквально слѣдовать которымъ и употреблять которыя было безусловно необходимо, подъ страхомъ потерять свое право и проиграть процессъ. Цѣлью составленія этихъ формъ и формулъ было стремленіе обезпечить силу исковаго права чрезъ устраненіе неопредѣленныхъ и произвольныхъ способовъ защиты своего права на судъ³⁵⁾. *Legis actio* была *forma vel formula agendi* на судъ³⁶⁾. Кто *lege agit*, тотъ преслѣдуетъ ему принадлежащее право прямо на основаніи *lex'a*, санкционирующаго истцу его право. Поэтому и формула, въ которой восходитъ притязаніе къ магистрату, *apud quem legis actio est*, составлялась согласно съ буквою *lex'a*, ибо только подъ этимъ условіемъ преслѣдованіе права могло рассчитывать на защиту закона. Было послѣдовательно, чтобы на законъ опирающіеся исковыя требованія были *irragum legum verbis assomodatae* и чтобы составленныя юристами формулы были *immutabiles*, какъ и самъ законъ³⁷⁾. Поэтому, въ форму-

³⁴⁾ Das Haften am Wort ist eine von den Erscheinungen, durch die sich die niedere Stufe der geistigen Entwicklung wie überall so auch im Recht kennzeichnet, und die Rechtsgeschichte könnte den Satz «im Anfang war das Wort» als Motto über ihr erstes Buch schreiben. Jhering, Geist, II. 2. §§ 44, 45 и слѣд. См. Муромцевъ, гражданское право древняго Рима, гл. VI, VIII.

³⁵⁾ Quas actiones ne populus, prout vellet, institueret, certas sollenesque esse voluerunt, говоритъ Помпоній. (L. 2 § 6, De orig. iuris (1. 2).

³⁶⁾ Такъ какъ, говоритъ Пунчартъ, pontификальная *forma agendi* была *lex publica*, то ей безусловно подчинялись не только стороны, но и судебный магистратъ. Это была единственная форма, въ которой притязанія истца могли имѣть юридическія послѣдствія, и судебный магистратъ объявлялся, сообразно съ государственнымъ устройствомъ, дать возможность истцу преслѣдовать свое право (*ibid.* стр. 26). Karlowa, Civilprocess, стр. 3.

³⁷⁾ Гай даетъ слѣдующее объясненіе *legis actiones*: *Actiones quas in usu veteres habuerunt, legis actiones appellabantur, vel ideo quod legibus proditae erant, quia tunc edicta praetoris quibus complures*

лахъ, куда вставлялись исковыя требованія, рабски воспроизводились слова и выраженія закона и означались способы дѣйствія, согласные съ закономъ. Эти формулы (*actiones*), неизмѣнныя какъ самъ законъ, были чѣмъ то особымъ отъ постановленій закона. Послѣдній содержалъ въ себѣ только матеріальное право, а между тѣмъ *actiones (legis)*, составляя особую часть права (*pars iuris*), противоположную матеріальному праву (*ius*), выражали собою рядъ юридическихъ формъ и формулъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, рядъ формулъ стоитъ параллельно съ юридическими постановленіями; мы видимъ, что понтифексы, творцы *legis actiones*, закрѣпили и прояснили противоположность между *actio* и *ius*, коренящуюся во взглядахъ Римлянъ на право и его происхожденіе. Эта противоположность между *actio* и *ius* основывалась на ихъ различіи какъ по внутреннимъ свойствамъ (*actio*—процессуальная форма, а *ius*,—закономъ санкціонированное право), такъ и по вѣшнимъ признакамъ, по источникамъ ихъ происхожденія (*actio*—созданіе юристовъ, а *ius*—произведеніе законодательной власти). Первоначальныя воззрѣнія Римлянъ на систему права имѣли своимъ основаніемъ только что означенную противоположность *ius* и *actio*, при чемъ *actiones* подпали систематической дѣятельности юристовъ прежде, чѣмъ *ius*.

actiones introductae sunt, nondum in usu habebantur; vel ideo quia ipsarum legum verbis accommodatae erant, et ideo immutabiles proinde atque leges observabantur (Gai, IV. 11. Cp. L. 2 § 6 D de origine iuris 1. 2). Гайъ приводитъ въ примѣръ помянутое выше въ процессѣ *legis actiones*. Unde, продолжаетъ онъ, *eum qui de vitibus succisis ita egisset, ut in actione vites nominaret, responsum eum rem perdidisse est, quia debuisset arbores nominare, eo quod lex XII Tabularum, ex qua de vitibus succisis actio competeret, generaliter de arboribus succisis loqueretur.* Хотя интерпретація относилась распоряженіе закона къ случаямъ, не соответствующимъ буквальному содержанию закона, тѣмъ не менѣе приспособленная къ буквѣ закона буква исковой формулы не могла измѣняться сообразно спеціальному случаю. Если же подъ давленіемъ живыхъ потребностей юриспруденція принуждалась къ измѣненіямъ въ самой *legis actio*, то она стремилась, на сколько возможно, строжайшимъ образомъ сохранить старое. Karlowa, *Civilprocess*. Jhering, *Geist*, II, 2. § 47. Bethmann-Hollweg, *Der römische Civilprocess*. 1864, I.

Поэтому, мы скажемъ напередъ о системѣ (точнѣе: о порядкѣ *legis actiones*⁸⁸⁾, а затѣмъ уже и о системѣ *ius*'а.

Систематическое направленіе въ юриспруденціи открываетъ свое развитіе у Римлянъ съ системы (порядка) процессуальныхъ формъ и формулъ, въ которыхъ отыскивалось или отстаивалось спорное право. Эти формы и формулы заключали въ себѣ исковыя требованія и были законными способами дѣятельности сторонъ предъ судьей (*modi lege agendi*). Хотя въ классификаціи *legis actiones* нельзя усмотрѣть системы въ ея истинномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе въ ихъ расположеніи сказались уже зародыши систематическаго направленія въ право вѣдѣнія. Въ расположеніи *legis actiones* мы видимъ рядъ оредствъ защиты права предъ судьей, сведенныхъ къ определеннымъ категоріямъ, подъ которыя подводятся или съ которыми соотнобразуются разнообразныя способы дѣятельности сторонъ на судѣ. Всякій имѣющій *ex lege ius* имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право иска, которое облекалось какимъ-либо изъ *legis actiones*. Изъ такихъ *legis actiones*, обнимающихъ процессуальныя права, самую общую формою была *legis actio sacramenti*, къ которой могъ прибѣгать всякій, имѣющій *ex lege ius* (*Sacramenti actio generalis erat: de quibus enim rebus ut aliter ageretur, lege cautum non erat, de his sacramento agebatur*, т. е. если для отдѣльныхъ случаевъ не было введено закономъ другихъ специальныхъ *legis actiones*, то къ этой *actio* можно было прибѣгнуть всегда)⁸⁹⁾.

Всѣ *actiones* раздѣляются, говоритъ Гай, на двѣ категоріи. Однѣ изъ *actiones* направляются противъ известнаго лица, заранее определеннаго, и называются *actiones in personam* (здѣсь *actio* является средствомъ охраненія и защиты обязательственнаго права), другія же направляются на вещь и обращаются къ тому лицу, у котораго находится эта вещь въ

⁸⁸⁾ Puntchart, Die Entwicklung des grundgesetzlichen Civilrechts. Karlowa, Der römische Civilprocess zur Zeit der Legisactionen. § 2.

⁸⁹⁾ Ср. Karlowa, Civilprocess, стран. 11.

данное время, (следовательно, лицо здѣсь заранѣе не опредѣляется, а *actio* является средством охраненія вещнаго права) и называются *actiones in rem*. Это общее раздѣленіе *actiones* приписывается творчеству понтициальной юриспруденціи и составляет одно изъ основаній для классификаціи *actiones*⁴⁰⁾. Древне римскій процесс исчерпывался пятью видами *legis actiones*, подъ которыми подводились процессуальныя права: 1) *l. a. sacramento*, 2) *l. a. per iudicis postulationem*, 3) *l. a. per condictionem*, 4) *l. a. per manus iniectionem* и 5) *l. a. per pignoris captio- nem*⁴¹⁾. Предоставляя историкѣ права разсмотрѣніе содержанія этихъ видовъ *legis actiones*, мы переходимъ къ систематическому направленію римской юриспруденціи, проявившемуся въ другой части древнеримскаго права—*ius*'а.

Юз впервые нашло свою систему въ законахъ XII таблиц⁴²⁾ Законы XII таблицъ представляютъ единственный опытъ

⁴⁰⁾ См. Karlowa, *Processus*, § 2. Ср. Bethman-Hollweg, *Civil-process*, I, 88 и слѣд. Пунчартъ на томъ основаніи, что раздѣленіе *actiones* должно выходить изъ *actiones* не въ матеріальномъ, а въ формальномъ смыслѣ (слѣд. изъ *forma agendi*), признаетъ для понтициальнаго процесса не два, а 4 genera *actionum vel formarum*, а выдѣляетъ съ тѣмъ 4 *actiones vel formae generales*. Намъ думается, что раздѣленіе всѣхъ *actiones* на двѣ категоріи болѣе основательно, чѣмъ раздѣленіе ихъ на четыре вида и что при системѣ понтициальныхъ *legis actiones* нельзя выходить изъ понятія *actio* только въ смыслѣ *forma agendi*, такъ какъ *actio (legis)*, какъ пустая форма не имѣла сама по себѣ значенія; она непременно должна была содержать въ себѣ какое либо содержаніе. Такимъ содержаніемъ было исковое требованіе, которое по истинѣ могло относиться только къ двумъ предметамъ: *res* и *rem*. См. конецъ настоящаго сочиненія (разсмотрѣніе 4-го комментарія институцій Гая).

⁴¹⁾ Gai, IV. 1 и 12.

⁴²⁾ Jhering, *Geist*, II, § 27. Karlowa, *Rechtsgeschichte*, I. 1. § 20. Пухта, *исторія римскаго права*. Schoell, *Leges XII Tabularum reliquiae*. 1866. Brun, *Fontes iuris romani antiqui*, ed. IV. стран. 14—40. Въ нашу задачу не входило подробное изложеніе происхожденія и содержанія XII таблицъ. Эту задачу мы отдаемъ историкѣ права. Законы XII таблицъ для насъ имѣютъ значеніе только какъ одинъ изъ моментовъ развитія римскаго юридико-систематическаго направленія.

кодификаціи до Юстиніана, въ которой были собраны основанія частнаго и публичнаго права. Они были «ковчегомъ завета римскаго права», первымъ «*corpus iuris civilis Romani*», «*Fontes omnis publici private iuris*»⁴⁸). Авторы законовъ XII таблицъ объединили постановленія, медленно созданныя обычаемъ или освященныя прежними законами. Законы XII таблицъ, многія части которыхъ существовали еще до Юстиніана, образуютъ исходную точку изученія и развитія римскаго права. Изъ ихъ предѣловъ выходятъ только тогда, когда желаютъ порыться въ туманныхъ началахъ этого писаннаго права. Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что въ XII таблицахъ *ius civile* получаетъ самостоятельность, вытѣсняя *ius publicum* и *ius sacrum* въ ихъ собственныя области.

Законы XII таблицъ, вырѣзанные на доскахъ, были выставлены на площади (*forum*), такъ что содержаніе ихъ должно было быть извѣстно каждому гражданину. Но въ таблицахъ ничего не говорилось, какимъ образомъ законы должны быть примѣняемы истцемъ или отвѣтчикомъ: не указаны были способы защиты права на судѣ. Потребность устранить неопредѣленные и произвольные способы веденія процесса вызвали въ жизни установленіе постоянныхъ твердыхъ формъ и формулъ. Эти, нами уже упоминаемыя, формы и формулы (*legis actioes*) обозначали торжественные и постоянные способы, которыми каждый долженъ былъ преслѣдовать свое право (*quod iustum est*) въ судѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и формы всѣхъ актовъ,

⁴⁸) Liv. III. 34. Цицеронъ называетъ законы XII таблицъ источникомъ и принципомъ римскихъ законовъ (*legum fontes et capita*). De orat. I. 44. Ср. I. 43. De leg. II, 23. Оригинальность и единство XII таблицъ требуютъ весьма осторожно говорить о вліяніи греческихъ законодательствъ на законодательство децемвировъ. Что касается до общихъ чертъ, которыя можно найти въ римскомъ и греческомъ правѣ, то эти черты, какъ и нѣкоторыя аналогія въ двухъ языкахъ, обуславливаются скорѣе общностью происхожденія и родственностью двухъ народовъ, чѣмъ заимствованіемъ. Дигесты указываютъ на два незначительныхъ заимствованія изъ законовъ Солона. (L. 13 D. d. fin. regund. (10, 1); L. 4 D. de colleg. (47. 22). Пухта, исторія права, 74. Ср. Карлова, Rechtsgeschichte I. 1. стран. 113.

которые могли рассчитывать на покровительство закона (*actus legitimus*⁴⁴). Законы XII таблиц состояли из общих положений; а по своей формѣ были слишкомъ законичны и темны. Развитие и уяснение этихъ законовъ децемвиры предоставили *interpretatio*⁴⁵).

Мы уже ранѣ говорили, что результаты, выведенные путемъ интерпретаціи изъ общихъ положеній, сами были законами, (*leges*). Къ такимъ результатамъ, относились, съ одной стороны, *legis actiones*, а съ другой — выводы изъ матеріальныхъ положеній XII таблицъ, которые Помпоній называетъ *ius civile*⁴⁶). Эти выводы интерпретаціи укрѣпляли свой авторитетъ силою обычая и юридической практики, и, по словамъ Помпонія, образовали право неписанное (*quod sine scripto venit*), которое называлось общимъ именемъ *ius civile* (*communis nomine appellatur ius civile*) и составило особую часть права. Если вспомнимъ, что и *actiones* были самостоятельной частью права, то мы получимъ, что право распадалось тогда на три части: а) законы XII таблицъ, б) право гражданское и в) процессуальныя формы и формулы.

Мы уже ранѣ указали, что въ древнѣйшій періодъ римской юриспруденціи существовала противоположность между *ius* и *actio*. Теперь же видимъ, что, въ свою очередь, и самое *ius*, распадается по источникамъ своего происхожденія на законы децемвировъ и ихъ толкованіе. Означенная противоположность между *ius* и *actio* съ одной стороны и параллелизмъ *Leges duodecim Tabularum* (основныя положенія) и *interpretatio* (научное право, созданное юристами, *ius civile* въ тѣсномъ см.) составляютъ основы старѣйшихъ воззрѣній Римлянъ на систему права⁴⁷).

⁴⁴) L. 2 § 6 D. de orig. iuris (1. 2).

⁴⁵) Karlowa, Rechtsgeschichte, § 20, стр. 101.

⁴⁶) Pomponius: ex his (legibus duodecim tabularum), fluere saepit ius civile... (L. 2 § 6. D. de orig. iuris (1. 2).

⁴⁷) Согласно съ Лейстомъ (*Versuch einer Geschichte der römischen Rechtssysteme*), развитие систематическихъ воззрѣній Римлянъ на право мы раздѣляемъ на три періода. Первый и второй періодъ обнимаютъ время до блестящаго состоянія римской юриспруденціи, а третій — блестящее состояніе юриспруденціи.

Съ точки зрѣнія развитія систематическихъ воззрѣній Римлянъ, законы XII таблицъ являются первою системою юридическихъ положеній, сообразною съ тогдашними взглядами на право. Упорная и кропотливая дѣятельность Готофреда (Fragmenta XII tabularum), Дирксона (Uebersicht des bisherigen Versuche zur Kritik und Herstellung des Textes der Zwölf-tafelnfragmente) и Фойхта, направленная на восстановление системы законовъ XII таблицъ, даетъ намъ возможность болѣе или менѣе точно воспроизвести эту систему, при чемъ труды Фойхта будутъ положены нами въ основаніе изложенія системы XII таблицъ.

Законы XII таблицъ обнимаютъ преимущественно гражданское право, а потому они и представляютъ первый *corpus iuris civilis*; остальные сферы права помѣщаются въ XII таблицахъ на столько, на сколько они имѣютъ отношеніе къ гражданскому праву. Каждая таблица содержала известное количество *leges* (цѣлый отдѣлъ), расположенныхъ въ известной системѣ⁴⁸⁾. Сравнивая таблицы VIII и X, видно, что таблицы имѣли различный объемъ. Систему XII таблицъ восстанавливаютъ на основаніи слѣдующихъ источниковъ (подлинныхъ таблицъ не сохранилось):

1. Системы Сабина (первая часть)⁴⁹⁾.
2. Комментарія на XII таблицъ Гая⁵⁰⁾.
3. Преторскаго эдикта⁵¹⁾.

На основаніи этихъ источниковъ система XII таблицъ представляется въ слѣдующемъ видѣ⁵²⁾:

- I—III таб.: процессъ, распадающійся на 5 частей:
а) *in ius vocatio*.

⁴⁸⁾ Пухта смотритъ иначе на этотъ вопросъ. Онъ полагаетъ, что отдѣльными таблицами играли роль не столько главъ, сколько страницъ законодательства. Текстъ закона писался сверху внизъ до конца таблицы и потомъ продолжался непосредственно на слѣдующей таблицѣ; такой способъ изложенія встрѣчается еще въ позднѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ (стр. 79, 80).

⁴⁹⁾ Voigt, Über das Aelias und Sabinus System, § 6. Здѣсь показано отношеніе первой части системы Сабина къ XII таблицамъ. Его-же, Die XII Tafeln, Leipzig, 1883. I. стр. 43 и слѣд.

⁵⁰⁾ Voigt, Aelias und Sabinus-System, § 6.

⁵¹⁾ Voigt, Aelias und Sabinus-System, § 6.

⁵²⁾ Voigt, Die XII Tafeln, 1883 I, стр. 55—63. 693 и слѣд. Op. K. a. g. l. o. w. e., § 20.

- b) iuris dictio.
- c) legis actio sacramenti.
- d) iudicium.
- e) legis actio per manus iniunctionem и executio.

IV таб. 1. Наслѣдственное право:

- a) testamentum.
 - b) hereditas ab intestato.
 - c) hereditarium aes alienum и nomen.
2. Patria potestas.
3. de liberis hominibus.
- a) de usu mulieris.
 - b) de statu liberis.
 - c) de patroni fraude clienti facta.

V таб.: 1. nexum и mancipatio.

- 2. servitus и via vicinalis.
- 3. usucapio, usureceptio.
- 4. Evictio.
- 5. Искъ изъ lex mancipii.
- 6. actio fidutiae.
- 7. actio nuncupatae pecuniae.
- 8. actio vadimonii deserti и depensi.
- 9. actio familiae erciscundae.

VI таб. 1. Divortium.

- 2. Tutelae.
- 3. actio tutelae, actio ration. distrahendis, postulatio suspecti.
- 4. Curationes.

VII таб. Гражданскія преступленія:

- 1. furta.
- 2. noxia nocita.
- 3. iniuriae.
- 4. Дихва.

VIII таб. 1. actio finium regundorum.

- 2. actio prohibitoria.
- 3. actio noxiae nocendae.
- 4. mali carminis incantatio.
- 5. actio de glande legenda.
- 6. sodalitates.

IX таб. 1. perduellio и coetuum nocturnorum agitatio.

- 2. paricidium.

3. *falsi testimonii dictio.*
4. *pecuniae ob rem dicendam acceptio.*
5. *quaestores paricidii.*
6. Компетенція комицій въ угол. дѣлахъ.
7. Запрещеніе *privis legem irrogare.*

Х таб. Правила касательно погребенія мертвыхъ.

Отсюда получается слѣдующая система XII таблицъ :

- A. таб. I—III: общій процессъ.
- B. таб. IV—VIII: гражданское право съ присоединеніемъ родственныхъ уголовно-юридическихъ положеній.
- C. таб. IX: специическое уголовное право и комиціонный процессъ.
- D. таб. X: положенія о погребеніи мертвыхъ.

Что касается XI и XII таб., то въ нихъ, какъ прибавленіи къ означеннымъ десяти таблицамъ, налагаются законы государственные, частные и сакральные.

Довольно бѣлаго взгляда на систему XII таблицъ, чтобы убѣдиться, что она открывается системою формъ, которыя наполнили древнѣйшій процессъ, между тѣмъ какъ положенія матеріальнаго права отнесены къ послѣдующимъ таблицамъ. По поводу системы XII табл. представилъ объясненіе, между прочимъ, Мэнъ⁵⁴⁾.

⁵⁴⁾ По словамъ Мэна, преобладаніе формальнаго права надъ матеріальнымъ составляетъ явленіе свойственное не только римскому праву, но и всѣмъ древнѣйшимъ законодательствамъ. Это преобладаніе можно встрѣтить въ *lex valica*, въ древнемъ ирландскомъ правѣ, у грековъ, германцевъ, индусовъ. Принципъ и смыслъ древней систематизаціи права находятъ свое опредѣленіе въ процессуальномъ взглядѣ древнихъ Римлянъ и другихъ народовъ на право. Для народа первыхъ ступеней цивилизаціи весьма необходимо было устранить разрѣшеніе споровъ путемъ самоуправства. Ихъ прежде всего интересовалъ тотъ способъ, которымъ устранялись наслія и ирвопролитія. Предъ глазами такого народа самое видное мѣсто занималъ судъ и происходящее въ немъ производство. Значеніе суда заслоняло собою всѣ другія понятія и соображенія въ умахъ составителей древнѣйшихъ кодексовъ, принадлежавшихъ къ народамъ арійской расы, столь отдаленнымъ и столь отличнымъ другъ отъ друга... Судъ имѣлъ необычайное вліяніе на человѣческіе умы и имѣлъ для нихъ особенную прелесть, являясь средствомъ рѣшенія споровъ, которые до сихъ поръ рѣшались силою или же оставались совсѣмъ не разрѣшенными (Мэнъ, О системѣ древнѣйшихъ кодексовъ, Юрид. Вѣст. 1882. № 2).

Мы же, со своей стороны, замѣтимъ только, что открытіе системы права формальными актами доказываетъ: 1) поклоненіе болѣе формѣ, чѣмъ идеѣ права, 2) преобладающее значеніе а *ctio* надъ *ius*; 3) большую разработку и болѣе интересъ въ а *ctio*, чѣмъ въ *ius*; 4) оцѣнку древними Римлянами своего права преимущественно съ точки зрѣнія его судебной защиты⁵⁴⁾.

Lex duodecim tabularum обнималъ письменное старое *ius*. Но и до *leges XII tabularum* встрѣчаются т. н. *leges regiae*⁵⁵⁾, относительно которыхъ мнѣнія ученыхъ представляютъ большое разнообразіе. Большинство же писателей смотритъ на *leges regiae* какъ на патриархальныя юридическіе обычаи, которые могли быть подтверждены царями въ силу ихъ *regium iudicium*, но не установлены ими⁵⁶⁾.

Объ историческомъ происхожденіи *leges regiae* ничего не извѣстно. Судя только по связи права съ религіей, которую мы находимъ въ остаткахъ т. н. *leges regiae*, можно утверждать, что ихъ происхожденіе относится къ древнѣйшему времени. Изъ сакрально-юридической природы положеній видно, что здѣсь идетъ рѣчь не о *leges rogatae*, такъ какъ народъ не высказывалъ своего мнѣнія о религіозныхъ вопросахъ, а скорѣе религіозныя положенія предлагались ему авторитетомъ, стоявшимъ выше его⁵⁷⁾.

Потомство получило свѣдѣнія о *leges regiae* изъ сборника ихъ, составленнаго Папиріемъ (III вѣкъ), подъ названіемъ *Ius Papirianum*⁵⁸⁾. Существованіе сборника подъ заглавіемъ *Ius civile Papirianum* признается не сомнѣн-

⁵⁴⁾ Опредѣленіе отношенія между различными частями законовъ XII таблицъ, какъ перваго опыта систематизаціи права, остается за нами.

⁵⁵⁾ Dirksen, *Versuche zur Kritik und Auslegung der Quellen des römischen Rechts*, 1823, 234 стр. и слѣд. Bruns, *fontes iuris romani antiqui* 1—14.

⁵⁶⁾ Азаревищъ, патриціи и плебей, I приложенія стр. 24. Иначе смотритъ на *leges regiae* Пунчартъ. По его мнѣнію, въ царское время было два рода законовъ (*leges*): 1) законы народные, какъ основныя законы и 2) *leges regiae* въ тѣсномъ смыслѣ, царскіе законы, результаты легальной интерпретаціи царей. Свообразный взглядъ на т. н. *leges regiae* даетъ Карлова, *Rechtsgeschichte*, стр. 272.

⁵⁷⁾ Карлова, *Rechtsgeschichte*, стр. 106, 107.

⁵⁸⁾ L. 144. D. de verb. sign. (50. 16) L. 2. § 2 D. de orig. iuris (1. 2).

нымъ; но были ли *leges regiae* произведеніями опредѣленнаго царя (напр. Ромула или Нумы), этого историческая критика вполнѣ еще не доказала. Если, замѣчаетъ Карлова⁵⁹⁾, большая часть содержанія этого сборника была *leges regiae* то изъ тенденціи послѣднихъ можно заключить, что онъ содержалъ не сборникъ всевозможныхъ сакральныхъ положеній, но только такихъ, которыя имѣли для публики непосредственный интересъ. На преобладаніе сакральныхъ законовъ въ сборникѣ Папірія указываетъ характеръ комментарія на этотъ сборникъ, сдѣланнаго юристомъ Г. Флаккомъ (*de iure Papiriano*). Этотъ комментаторъ былъ также авторомъ сочиненія «*De Indigitamentis*», которое подтверждаетъ вышедшую характеристику *Ius Papirianum*.

О сборникѣ *Ius Papirianum* упоминаютъ многіе изъ древнихъ писателей, при чемъ одни изъ нихъ приводятъ отрывки текста *Ius Papirianum*, а другіе только общій смыслъ отдѣльныхъ мѣстъ. Фойхтъ, въ своемъ изслѣдованіи «*Leges Regiae*» (1877) подробно разобралъ вопросъ о дѣйствительности *leges regiae*⁶⁰⁾ и изложилъ ихъ содержаніе. По Фойхту, всю матерію *leges regiae* можно раздѣлить на шесть книгъ, изъ которыхъ первыя четыре содержатъ предписанія относительно религіозныхъ жертвоприношеній, кудьта и этикета между жрецами, пятая—*legis actiones*, а шестая—*leges regiae* въ собственномъ смыслѣ: собраніе юридическихъ законовъ царскаго времени⁶¹⁾.

⁵⁹⁾ *Rechtsgeschichte*, стр. 106, 107.

⁶⁰⁾ Тамъ же интересующійся вопросомъ можетъ найти указанія на писателей, отрицающихъ и отстаивающихъ подлинность *leges regiae*. Къ числу послѣднихъ относится и Фойхтъ.

⁶¹⁾ *Voigt, Leges Regiae*, § 20. Изъ другихъ писателей, занимавшихся восстановленіемъ *leges regiae*, мы укажемъ на Терассона (*Histoire de la jurisprudence*, § V), автора прошлаго столѣтія. Не смотря на то, что еще Гиббонъ въ своей римской исторіи (т. V), навывалъ трудъ Терассона смѣлою попыткою, тѣмъ не менѣе, выводы Терассона, составленные на основаніи различныхъ авторовъ, давшихъ подлинные фрагменты сборника Папірія, и добытые изъ Цицерона, Діонисія, Ливія, Плутарха, Геллія, Феста, Варрона и др., заслуживаютъ упоминанія. Терассонъ приводитъ содержаніе (текстъ) тридцати шести законовъ изъ этой копіи Папірія, которые онъ размѣщаетъ по четыремъ группамъ:

Говоря объ одномъ изъ первыхъ литературныхъ юридическихъ произведеній, о *Ius Papirianum*, нельзя пройти молчаніемъ т. н. *commentarii regii*, *commentarii magistratum*, какъ первыхъ формъ научной обработки права. Для традиціи и развитія юридическаго знанія не достаточно было одной словесной его передачи, а требовалось письменное его изложеніе. Это обстоятельство имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе сборниковъ подъ названіемъ *commentarii regii*, *commentarii magistratum*. Подобные комментаріи были образцами для судей и другихъ магистратовъ и въ нихъ слѣдуетъ усматривать, говоритъ Карлова, начатки науки гражданскаго и государственнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ чудное внутреннее соединеніе практики и теоріи, которое у Римлянъ доведено до высшаго совершенства. Такое соединеніе выражается въ формулярахъ для различныхъ служебныхъ и юридическихъ дѣйствій, касающихся не только одого случая, но обнимающихъ схематически рядъ отношеній⁶²⁾.

Мы видѣли, что *legis actiones* были и созданы понтифексами и находились въ преимущественномъ ихъ распоряженіи. А обладаніе *legis actiones* было равносильно обладанію всѣмъ правомъ. Такое состояніе вещей не могло продолжаться вѣчно: къ обладанію *legis actiones* стремились всѣ уже въ половинѣ V столѣтія.

Нужно было лишить понтифесковъ фактическаго обладанія специальной юриспруденціей (знаніе *legis actiones* и судебный календарь), ибо въ этой юриспруденціи лежалъ центръ тяжести тогдашняго юридическаго мышленія. Эту задачу впервые рѣшилъ выполнить писецъ Кней Флавій, украсившій у Аппія Клавдія сборникъ *legis actiones*⁶³⁾ и около

I. Законы, относящіеся къ религіи, празднествамъ и жертвоприношеніямъ.

II. Законы права публичнаго и полицейскаго.

III. Законы семейственные.

IV. Законы, касающіеся договоровъ, процесса и похоронъ

⁶²⁾ Карлова, § 18, 19.

⁶³⁾ По всей вѣроятности, на основаніи долгой юридической практики, состоявшей въ рѣшеніяхъ и совѣтахъ, дѣлаемыхъ понтифексами по каждому отдѣльному случаю, понтифесы успѣли образовать сборники *legis actiones*, которыми фактически и умѣли владѣть только понтифесы, какъ ихъ творцы.

450 г. (Лпвий, IX, 46) опубликовавшей его⁶⁴). Благодарный народъ, за услугу оказанную ему Флавіемъ, сдѣлалъ послѣдняго сперва трибуномъ, а затѣмъ эдиломъ. Съ поступкомъ Флавія связываютъ нанесеніе послѣдняго удара непоколебимому значенію понтификальной коллегіи⁶⁵). Книга Флавія называлась *Ius civile Flavianum*, точно такъ, какъ сборникъ Папірія, носилъ названіе *Ius civile Papirianum*. Кней Флавій въ своей книгѣ представилъ только то, что похитилъ у Аппія Клавдія⁶⁶).

Сочиненіе Флавія представляетъ намъ впервые противоположность *actiones*, какъ единого самостоятельнаго цѣлаго, *ius*'у⁶⁷). Содержа въ себѣ все, что въ древнее время считалось главнымъ предметомъ изученія (*actiones*), сочиненіе Флавія было необходимымъ руководствомъ практическаго изученія права и средствомъ усиленія юридическаго знанія между не понтификами. Законы XII таблицъ составляли теорію права, а Флавій сообщилъ въ своей публикаціи ихъ практику.

Съ открытіемъ доступа всѣхъ къ *actiones* чрезъ публикацію Флавія, занятіе юрисконсульта взяли на себя лица важнѣйшихъ семей, которые продолжали работу жрецовъ. Для скорѣйшаго проведенія юридическихъ знаній въ народъ нужно было сдѣлать юридическое просвѣщеніе доступнымъ всѣмъ и каждому. На этотъ разъ выступаетъ Тиберій Корунканий. Онъ

⁶⁴) Флавію же приписываютъ и публикацію судебного календаря (*Liv. IX. 46. Cic. de orat. 1. 41. pro Mur. 11. ad Att. VI. I.*

⁶⁵) Сравни. Putschart, стр. 90.

⁶⁶) (*L. 2 § 6 и 7. D. de orig. iuris (1. 2).* Намъ прибав. Помпоній не Снеиус Флавиус *de suo quidquam adiecit libro*. По Цицерону (*de orat. 1. 41*) съ публикаціи *Ius civile Flavianum* начинается первый періодъ научной обработки права, когда именно еще не доставало настоящей системы права, въ смыслъ разчлененія матеріи по главнымъ и второстепеннымъ частямъ. Флавію приписываютъ и публикацію *dies fasti* (Сіцеро, *pro Murena*, XI). Путь та смотритъ на поступокъ Флавія, какъ на протестъ противъ исключительнаго обладанія судебнымъ календаремъ и формулами понтификсами: Флавій хотѣлъ доказать, что не требуется знатнаго рода для того, чтобы оказать значительныя услуги обществу (исторія римскаго права, стр. 183). *Sanio* (*Varroniana*, стр. 187, 188) видитъ въ *Ius civile Flavianum* новую усовершенствованную редакцію жреческихъ *legis actiones*.

⁶⁷) *Leist, Versuch*, § 2. 3.

первый начал преподавать право публично (publice), сдѣлавъ такимъ образомъ, изъ права публичную для себя профессію. До него давали скорѣе совѣты, чѣмъ уроки права ⁶⁴⁾. До него могъ сдѣлаться юристомъ-мастеромъ, главнымъ образомъ, только тотъ, кто имѣлъ доступъ въ коллегію понтифексовъ — этотъ древнеримскій, «юридическій факультетъ». Разложенію коллегіи понтифексовъ въ значительной степени способствовалъ наплывъ въ нее плебеевъ. Съ Корункавія юриспруденція стала свободнымъ искусствомъ и свободною наукою.

Со временемъ, когда право значительно развилось, когда жизнь выработала много новыхъ отношеній и сдѣлокъ, потребовались новые *actiones*, новыя формулы. Спусти сто лѣтъ послѣ публикаціи Флавія (около 550), Секстъ Элій (Пѣтъ) Катонъ составилъ новую книгу *actiones* которую онъ, подобно Флавію, и обнародовалъ.

Книга Элія носитъ названіе *Ius Aelianum* или *Tripertita* ⁶⁵⁾. Какъ показываетъ самое названіе, она распадается на три части: 1) *Leges XII Tabularum*, 2) *interpretatio* и 3) *legis actiones*. Въ первую часть входитъ не

⁶⁴⁾ L. 2 § 35 38. D. De O. J. (1. 2). Cic. de leg. II. 21 de orat. II. 15. Brutus, 14, pro domo 54.

⁶⁵⁾ Одни ученые считаютъ *Ius Aelianum* (упоминаемое Помпоніемъ въ L. 2 § 7. D. De or. iuris (1. 2) и *Tripertita* (упоминаемое тамъ же въ § 38) за два различныхъ сочиненія Элія (напр. у насъ проф. Муромцевъ, гражданское право древняго Рима, 1884, стр. 257), другіе же напротивъ (напр. Voigt, Ueber das Aelius und Sabinus—System, § 2) считаютъ за одно и то же сочиненіе. Мы разделяемъ послѣднее мнѣніе и вотъ почему. Въ § 7 Помпоній говоритъ о сборникѣ формулъ (*legis actiones*), который онъ называетъ *Ius Flavianum*, а въ § 35 ясно указываетъ, что эти формулы (*leges actiones*) помѣщены въ *Tripertita*. (Тоже думаетъ и Пухта, стр. 183). Слѣдовательно, въ обоихъ параграфахъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же сочиненіи, неизмѣняемъ никакого отношенія къ другимъ сочиненіямъ Элія. *Eiusdem esse tres alii libri referuntur, quos tamen quidam negant eiusdem esse, прибавляетъ Помпоній въ § 38.* Фойхтъ полагаетъ, что представителемъ перваго періода юридической литературы слѣдуетъ считать *Tripertita* Элія, второй же періодъ начинается съ *Libri XVIII Iuris Civilis* К. М. Сцевола (Aelius und Sabinus—System, § 1). Cicero, de orat. 1, 41, III, 33. de repub. I 18. Leist, 10 стр. А. Pernice, Marcus Antistius Labeo, I. стр. 52, Sano, Varroniana, стр. 190.

только законодательное право (XII таблиц), но и обычное право. Вторая часть не обнимаетъ собою интерпретацію въ современномъ смыслѣ, т. е. стремленіе открыть мысль и волю законодателя, но прямо *ius civile*, право новое, выработанное путемъ интерпретаціи, *ius civile* въ тѣсномъ смыслѣ слова, право въ законѣ не находящееся (*proprium ius civile, quod sine scripto in sola prudentium interpretatione consistit*), образованное юристами (*compositum a prudentibus*), сохранявшееся и поддерживавшееся юриспруденціей (слѣдовательно, въ старое время pontифексами, обладателями *interpretandi scientia*), право, окрѣпшее и установленное, также, путемъ признанія его въ судахъ⁷⁰). Это новое право, сложившееся путемъ интерпретаціи⁷¹), обязано своимъ происхожденіемъ особому способу отношенія римскихъ юристовъ къ законамъ XII таблицъ.

Римскіе юристы оставляли букву законовъ XII таблицъ не неизмѣнною и не желали ее измѣнить⁷²), а между тѣмъ жизнь въ своемъ развитіи вырабатывала все новыя и новыя отношенія и понятія, которыя слѣдовало подогнать подъ законы, нужно было согласовать новыя отношенія и потребности со стары-

⁷⁰) L. 2 § 5. 6. 8 12. D. De O. J. (1. 2) Cr. Cio de off. I. 16, 51 III. 16, 67. 17. 69 pro Coec. 25, 70. Leist, стр. 10. Jhering, II, 2 § 47. Voigt, Aelius—und Sabinus—System, § 2 Пухта, стр. 186, 187. По воззрѣніямъ Римлянъ стараго времени всѣ приведенные отдѣлы сочиненія *Tripartita* составляли самостоятельныя части права (*partes iuris*), *tria iura*, какъ говоритъ Помпоній, (§ 6) Это основное воззрѣніе безспорно отразилъ и Элій въ своемъ сочиненіи. Такъ что изложеніе книги Элія не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что за каждымъ изъ постановленій XII таблицъ слѣдовала его интерпретація, и потомъ приводились соответствующія судебныя формулы, а въ смыслѣ раздѣленія ея на три части.

⁷¹) Интерпретація, результаты которой признаются имѣющими силу закона, не есть истолкованіе принципиальныхъ опредѣленій, но обычная *interpretatio extensiva*; результаты той или другой интерпретаціи имѣютъ законную природу только тогда, когда они были высказаны компетентнымъ органомъ. (Шучартъ, стр. 62).

⁷²) Это направленіе римскихъ юристовъ нужно объяснить консерватизмомъ Римлянъ, а не тѣмъ, чѣмъ объясняетъ Мэнъ. Мэнъ говоритъ, что никто не пойметъ древняго римскаго юриста, съ его упорной приверженностію къ тексамъ, характеризовавшему его процессію въ теченіи столѣ-

ми формами XII таблицъ. Римскому юристу ничего не оставалось дѣлать, какъ чрезъ двери интерпретаціи вводить пополненіе, расширеніе существующаго права. Онъ такъ и дѣлаетъ. Всѣ нововведенія въ правѣ производитъ чрезъ интерпретацію, благодаря которой на неизмѣнной почвѣ законовъ XII таблицъ, образовалась цѣлая система постановленій, совокупность которыхъ и есть то, что у Элія обозначено именемъ *interpretatio* ⁷³⁾.

Третья часть сочиненія Элія обнимаетъ *legis actiones* въ древнемъ смыслѣ и все то, что было прибавлено ко времени Элія вновь ⁷⁴⁾.

Издавна упрочилось, чтобъ отдѣлать отъ *ius*, отъ матеріальнаго права, его примѣненіе. Это же дѣлаетъ и Элій, по-

многихъ вѣковъ, съ его методою замыкать факты въ неизбѣжныя формы, если не признать, что юрисконсультъ произошелъ отъ понтиевъ или жрецовъ. (Законъ и обычай, гл. II, стр. 20, рус. пер.).

⁷³⁾ По мнѣнію Пухты, обычное право, существовавшее рядомъ съ писаннымъ правомъ (XII т.), называлось *interpretatio duodecim tabularum*. Подъ интерпретаціей не понимается дѣятельность, направленная на установленіе смысла письменнаго правоваго положенія, на открытіе воли его автора, а въ законахъ, слѣдовательно, на изслѣдованіе того, что думалъ законодатель. Задачей римской интерпретаціи было пополнить писанное право остальнымъ правомъ неписаннымъ, присоединить неписанное право къ писанному; какъ толмачи между буквою закона и дѣйствительною жизнью, они не должны были останавливаться на буквальной содержаніи, на первоначальной волѣ законодателя, а напротивъ пригонять законъ къ потребностямъ жизни, являясь, такимъ образомъ посредниками въ его примѣненіи. Границы интерпретаціи образовало не слово и не то, что дѣйствительно имѣло въ виду законодатель при составленіи закона, но духъ послѣдняго... Такой именно смыслъ нужно придавать значенію *prudentes* въ право, какъ *interpretatio legis XII tabularum* и только въ этой степени при возвращеніи на право они держались строго закона (стр. 186).

⁷⁴⁾ При разсмотрѣніи системы Элія обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что Элій (а современникъ и Гай) не упоминаетъ объ обычаяхъ, какъ источникѣ права потому, что ни въ царское, ни въ республиканское время обычай не былъ самостоятельнымъ источникомъ права и обязательная сила обычнаго права зависѣла отъ признанія органа, призваннаго къ *interpretatio legis*. Pantschart, (стр. 20. Ср. 21, 63; Jhering, II. 1. § 25).

ищщая *actio* не в особую, третью, часть своего сочинения ⁷⁵⁾. Однако, не Элий изобрѣлъ раздѣленіе права на три части; эта троичность права, говоритъ Дейстъ, исполнѣ могла установиться во взглядахъ Римлянъ уже ранѣе. Изъ разсказа Помпонія объ ежегодномъ избраніи одного понтифекса, въ теченіи почти ста лѣтъ послѣ изданія XII таблицъ, знавшаго и умѣвшаго составлять формулы, можно заключить, что уже тогда, посредствомъ особаго органа, выдѣлялись *legis actiones* изъ остальныхъ юридическихъ формуляровъ и не сомнѣнно составленіе послѣднихъ мало по малу переходило въ руки юрисконсультовъ не—понтифексовъ. Во всякомъ случаѣ, *legis actiones* сдѣлались общимъ достояніемъ народа впервые благодаря Флавію и имъ были названы третьей самостоятельной частью гражданскаго права (*ius civile*), Элий же только закрѣпилъ существовавшія воззрѣнія на *legis actiones* ⁷⁶⁾.

Въ трудѣ Элія проявилась первая попытка научной систематизаціи права. Это былъ уже не сборникъ юридическихъ положеній, формулъ, мнѣній юрисконсультовъ и экзегетическихъ замѣтокъ, но исполнѣ новая обработка права, въ которой соединяется догматическая обработка права съ экзегезой и теоретически устанавливается система частнаго права ⁷⁷⁾. Эліан-

⁷⁵⁾ Нѣкоторые изъ древнихъ авторовъ, напр. Цицеронъ (*de orat.* I. 43) обозначаютъ третью часть именемъ *pontificum libri*, Валерій Пробъ (*de litt. sing.* § 1) именемъ *pontificum monumenta*. Изъ этого обозначенія, совершенно основательно замѣчаетъ Фойхтъ, можно видѣть, что *legis actiones*, совмѣстно съ *die's fasti* и *nefasti* въ древнѣйшія времена дѣйствительно были изложены въ *libri pontificum* и сохранялись въ нихъ. Ср. Liv, IX 46. 5. Val. Max. II 5. 2. Leist, § 3. стр. 16.

⁷⁶⁾ Leist, § 3 стр. 11 и 12.

⁷⁷⁾ Leist, § 3. Walter, §§ 452, 462. 426. Voigt § 2. стр. 9. По Вальтеру, сочиненіе Элія было зеркаломъ, подобно саксонскому зеркалу, исковъ. По мнѣнію Пухты присоединеніе въ сочиненіи Элія въ исковымъ и дѣловымъ формуламъ матеріальнаго права говоритъ о прогрессѣ юристовъ, свидѣтельствующемъ о переходѣ ремесленнаго взгляда на юриспруденцію къ научному (исторія права, стр. 183, 184). Слѣдовательно, задачи, постановленныя Эліемъ, были гораздо шире, чѣмъ задачи, преслѣдуемыя въ прежнихъ сборникахъ—комментаріяхъ законовъ и юридическихъ формулъ. Варронъ въ *Triperitita* видитъ первые зачатки или элементы юридической спеціальной науки (См. Sahnio, Varroniana, стр. 169).

ская система права, усвоенная со временемъ Сабиномъ, воспроизведена Фойхтомъ ⁷⁸⁾ и представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. Pars: Lex XII tabularum.

1. a. De testamentis.
- b. De hereditate.
- c. De legatis
2. a. De his, qui alieni iuris sunt
- b. De liberis hominibus.
3. a. De mancipatione et fiducia
- b. De emptione et venditione
4. De nexu
5. De actione familiae herciscundae et communi dividundo.
6. De dotibus.
7. De tutelis et curacionibus
8. De delictis
 - a. De furtis
 - b. De pauperie
 - c. De damno iniuria dato
 - d. De iniuriis
 - e. De noxia infecta.

II. Pars: Interpretatio.

1. De stipulatione
2. De expensilatione

III. Pars: Legis actio.

1. De legis actione sacramento.
2. De legis actione per iudicis arbitrative postulationem.
3. De formulis.
4. De legis actione per manus iniunctionem.

Первая часть системы Эля, приближающаяся по расположению матеріи къ порядку XII таблицъ, для насъ, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ столь большаго значенія, какъ вторая, въ

⁷⁸⁾ Voigt, Über das Aelium und Sabinus — System, wie über einige verwandte Rechtssysteme, § 2.

которой ясно сказались слѣды тогдашней юриспруденціи, успѣвшей уже образовать рядомъ съ правомъ XII таблицъ особую самостоятельную и независимую отъ законодательства децемвировъ группу права. Такъ что, говоря вмѣстѣ съ Фойхтомъ, мы видимъ, что уже въ срединѣ VI столѣтія, подлѣ XII таблицъ, обособилась своеобразная и вполнѣ новая масса права, обнявшая особую область жизненнаго оборота, установленную на вполнѣ особыхъ теоретическихъ началахъ. Два новыхъ института, составляющихъ содержаніе второй части *Triperitita* (*stipulatio et expensilatio*) въ VI вѣкѣ среди гражданскаго оборота развились настолько, что въ силу своихъ практическихъ и теоретическихъ особенностей, достигли научнаго значенія, способствовавшаго имъ, при систематическомъ изложеніи права, образовать особую самостоятельную часть. Тѣмъ не менѣе и въ первой части мы находимъ уже расширеніе содержанія. Такъ: къ *mancipatio* присоединена *emptio venditio*; *actio communi dividundo* присоединена къ *actio familiae herciscundae*, равно какъ *actio legis Aquiliae* замѣщаетъ *actio noxiae poctiae* XII таблицъ⁷⁹⁾.

Третья часть *Triperitita* снова содержитъ въ себѣ право XII таблицъ—процессъ, который былъ исключенъ изъ первой части; сюда, безъ всякаго сомнѣнія, современемъ, присоединился и процессъ *lex'a Aebutia*.

Эліанская система пользовалась большимъ уваженіемъ у современниковъ и у потомковъ. Этой тропичной системѣ права слѣдовали ближайшіе за Эліемъ генерация юристовъ⁸⁰⁾. Эліанское раздѣленіе права вліяло на Катона (*Libri iuris civilis*), оно было усвоено П. М. Сцеволой (*Libri X iuris civilis*), К. Брутомъ (*Libri III iuris civilis*), М. Манпліемъ (*Libri VII iuris civilis*), Варрономъ (*Libri XV iuris civilis*); эта система встрѣчается у Лабео на (*Posteriores*), у Сабина (*Libri III iuris civilis*), а такъ же у У. Ферокса и М. Натала (сборникъ *Responsa* сабиньянской школы).

Флавій и Корунканій, а за ними С. Элій были первыми тружениками въ разработкѣ дѣвственной почвы римской юрис-

⁷⁹⁾ Voigt, *ibid.* § 2. Подробное уясненіе системы Элія за нами.

⁸⁰⁾ На сказанное нами мы находимъ указанія у Цицерона (*de orat.* I, 42).

пруденціи. Съ ихъ пменами и временемъ ихъ жизни соединяютъ паденіе господства понтифексовъ въ юриспруденціи. Безспорно, это были дѣти науки права; произведенія ихъ отражаютъ на себѣ юный научно-юридическій возрастъ Римлянъ, вслѣдствіе чего авторы обращаютъ вниманіе только на внѣшнія черты права и ими опредѣляютъ какъ природу права вообще, такъ и его составныя части. Но если въ трудахъ Флавія и Элія (про Корункванія Помпонія говорятъ: *cuius tamen scriptum nullum extat, sed responsa complura et memorabilia eius fuerunt*) сказывается дѣтскій лепетъ юриспруденціи, то винить ихъ въ этомъ нельзя. Съ своей точки зрѣнія и съ точки зрѣнія своего времени они были правы, ибо они мыслили и говорили такъ, какъ имъ самимъ и современникамъ ихъ представлялось право: въ своихъ сочиненіяхъ они отражали свое и своего времени воззрѣніе на право и его составныя части. Имъ, напримѣръ, иначе и не представлялось право, какъ состоящимъ изъ трехъ самостоятельныхъ частей, хотя извѣстнымъ образомъ, и связанныхъ между собою, а именно: 1) изъ законовъ XII таблицъ, 2) выводовъ юристовъ (*interpretatio*) и 3) ряда процессуальныхъ формъ и формулъ (*legis actiones*). Ниже мы замѣтимъ ясно картину разложенія этого міровоззрѣнія Римлянъ на основные элементы системы права и незамѣтно подойдемъ къ той системѣ гражданскаго права, которая нашла себѣ мѣсто и въ современныхъ намъ системахъ права (гражданскаго): къ системѣ Гая.

Сочиненіемъ Элія мы замыкаемъ нашъ обзоръ древнѣйшаго взгляда Римлянъ на систему права ⁸¹⁾ и переходимъ ко второму періоду развитія систематическихъ воззрѣній Римлянъ на право, который обозначается переворотомъ, произведеннымъ въ систематическихъ воззрѣніяхъ Римлянъ преторскимъ эдиктомъ.

⁸¹⁾ Изъ юристовъ и писателей вѣка Элія (VI вѣкъ) можно указать: К. С. Називу, М. П. Катона, Лицинія, Пуб. Муція Сцеволу, М. Ю. Врута, М. Манлиія, К. М. Сцеволу, Г. А. Галла, М. Т. Цицерона, С. С. Руфа, А. Вара и А. Оенлія.

Вліяніе преторскаго права на систему права.

В) *Ius praetorium* и *ius civile*. *Lex Aebutia* и его значеніе въ судьбѣ эдикта. Главныя моменты системы преторскаго эдикта.

Образованіе системы права находится въ непосредственной связи съ развитіемъ и измѣненіемъ самого права ⁸²⁾. Если право постоянно измѣняется, то не можетъ оставаться вѣчною и система права, выражающая собою внутренній строй самаго права. Задача систематика состоитъ въ опредѣленіи законовъ соотношенія и развитія между частями правоваго организма. Рѣшивъ эту задачу, мы исполнѣ усвоимъ истинную природу права ⁸³⁾. Съ такими мыслями мы приступаемъ къ изложенію второго періода развитія системы права у Римлянъ.

Какъ извѣстно, древнеримское право оживилъ и оствѣжилъ преторъ. Ему же обязана своимъ преобразованиемъ и римская система права. Слѣды измѣненія систематическихъ воззрѣній

⁸²⁾ Система имѣетъ въ виду привести въ единство, въ гармонію различныя области права. Эта гармонія достигается тогда, когда она имѣетъ свое основаніе въ общественныхъ элементахъ. При этомъ роль систематика права не только пассивная, т. е. онъ не выражаетъ въ системѣ только результаты, произведенныя внутреннимъ развитіемъ правовой жизни общества. Роль систематика и активная. Черезъ установленную имъ систему права, онъ воздѣйствуетъ на установленіе, преобразование и развитіе общественныхъ элементовъ. Систематикъ права не только разиѣщаетъ отдѣльныя части по ихъ мѣстамъ, но производитъ внутреннее преобразование правовыхъ положеній... Благодаря системѣ, правовыя положенія превращаются въ элементы и качества правовыхъ институтовъ (Jhering, Geist, § 3).

⁸³⁾ Юриспруденція говоритъ Пухта, имѣетъ двойнаго рода задачу. Совершеніе права, созданнаго народнымъ убѣжденіемъ и законодательствомъ, правовѣднѣе и законовѣднѣе, представляютъ лишь одну ея сторону. Другая

Римлянъ на право замѣтны стали съ того времени, когда *ius civile* скинуло съ себя понтификальвыя оковы (VI ст.), связывавшія его въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій; когда область узко національнаго, примитивнаго и грубооригинальнаго права расширилась чрезъ сношенія съ иностранцами. Съ того только времени и стало возможнымъ отвести рядомъ съ *ius civile* мѣсто для *ius praetorium* или *ius honorarium*, которое сообщало *ius civile* новые элементы «общенароднаго» права (*ius gentium*) ⁶⁴).

Jus praetorium, *ius honorarium* было суммою юридическихъ положеній, содержащихся въ эдиктѣ претора. Тотъ, кому принадлежало *ius dicere* (*iurisdictio*), *ius iurissum edicendi*, кто могъ, въ силу своего значенія, какъ судебного магистрата, признать или не признать извѣстныя отношенія заслуживающими судебной защиты, обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, *ius* или *potestas interpretandi iuris civilis*. Обладая *potestas interpretandi iurissum*, преторъ, путемъ своихъ эдиктовъ, постепенно образовывалъ рядъ положеній, юридическая природа которыхъ опредѣлялась авторитетомъ должностной власти претора, издаваемаго эдиктъ.

Къ претору перешла та самая общественная роль, которая въ дѣлѣ развитія гражданскаго права *de iure* принадлежала царю, а *de facto*—*Pontifex Maximus*у съ его коллегіей. И если прежде общимъ органомъ развитія права былъ *Pontifex Maximus* и его коллегія, то теперь такимъ органомъ сталъ преторъ, которому отнынѣ ввѣрилась *custodia iuris civilis* (*is iuris civilis custos est*, гов. Цицеронъ). Съ перенесеніемъ *ius edicendi iurissum* и *potestas legum interpretandarum* на новый органъ установленія и развитія права, само собой явилось основаніе для раздѣленія сакральнаго права отъ цивильнаго и

сторона заключается въ производительномъ отношеніи къ праву, въ развитіи новыхъ правовыхъ положеній изъ права, уже существующаго. Переходъ отъ той дѣятельности усвоенія къ дѣятельности производительной совершается посредствомъ систематическаго созерцанія (*Auffassung*) права, посредствомъ нахожденія принциповъ, лежащихъ въ его основаніи, но лишь въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ этимъ соединяется практическая наклонность, живое возрѣніе на право, безъ чего не мыслима истинная наука права (исторія римскаго права, стр. 350).

⁶⁴) *Gai*, I. § 1. *Cicero*, *de officiis*, III, 17. 5.

замѣны делегированнаго понтифекса, какъ начальника гражданскаго суда, преторомъ. Заступивъ мѣсто Pontifex Maximus'a и его коллегіи, преторъ получилъ власть признавать новыя исковыя (гражданскія) права и, въ сомнительныхъ случаяхъ, самостоятельно рѣшать вопросъ о признаніи извѣстныхъ отношеній заслуживающими юридической защиты⁸⁵⁾ (дать искъ). Значеніе должности претора и авторитетъ его эдикта сообщили *ius praetorium* громадное значеніе въ процессъ видоизмѣненія римскаго гражданскаго права⁸⁶⁾. Благодаря этому новому фактору (*ius praetorium*) въ юридической жизни Римлянъ, отразившему на себѣ новыя условія римской жизни, мало по малу въ области права происходитъ изгнаніе торжественности и формализма, начинаетъ преобладать идея надъ формой права, выбрасывается изъ права религиозная примѣсь, устраняется противрѣчіе между *ius civile* и *aequitas*⁸⁷⁾: ибо преторское право, *ius honorarium* было основано на опытѣ, согласовалось съ временемъ и обстоятельствами, мѣстомъ и лицами, ибо оно не было такъ мелочно, какъ старое *ius civile*, и было болѣе способно къ опредѣленію человѣческихъ отношеній⁸⁸⁾.

⁸⁵⁾ Puntschart, 99, 100, 102, 125, 126, 128. Ср. Leist, § 18. стр. 81.

⁸⁶⁾ Въ нашу задачу не входило подробное изложеніе судьбы преторскаго права въ исторіи римскаго права. Мы касаемся этого права по столько, по скольку оно вліяло на преобразование системы права. При вступленіи въ свою должность каждый новый преторъ издавалъ эдиктъ *ut scirent cives, quod ius de quaque re quisque dicturus esset*, который долженъ былъ жить силу во все время его преторства. Такой эдиктъ назывался *edictum praetorium* въ противоположность *edictum hereditarium*, изданному въ теченіи года по не предвидянному случаю (*prout res incidit*).

⁸⁷⁾ Подъ *aequitas* здѣсь разумѣется то, что покоится на общихъ принципахъ права въ противоположность *ius strictum* seu *ius civile* (напр. въ L. 2 § 5. D. de aqua et aq. pluviae arc. (39, 3)—*haec aequitas suggerit etsi iure deficiamus*).

⁸⁸⁾ Первоначально эдиктъ вовсе не былъ источникомъ права и закономъ. До *lex Cornelia*, эдизирующій магистратъ могъ по своему усмотрѣнію отступить отъ своего эдикта. Послѣ же *lex Cornelia* магистратъ обязанъ былъ держаться своего *edictum praetorium*. Но и здѣсь сила эдикта прекращалась съ истеченіемъ годичнаго срока должности эдизирующаго претора. Преемникъ не былъ связанъ эдиктомъ своего пред-

Но было бы ошибочнымъ сказать, что въ преобразованіи права преторъ дѣйствовалъ произвольно⁸⁹⁾. Многочисленныя примѣры изъ пандектовъ намъ говорятъ, что преторъ въ своей реформаторской дѣятельности всегда уважалъ *ius civile*; смягчая строгость *ius civile*, онъ никогда не измѣнялъ его духу. Такимъ образомъ, мы видимъ, преторское право, *ius praetorium*, *honorarium*⁹⁰⁾ стало рядомъ съ *ius civile*, съ гражданскимъ правомъ въ собственномъ смыслѣ, съ элементомъ опредѣлившимся и твердымъ⁹¹⁾. Стоя рядомъ съ *ius civile*, преторское право⁹²⁾, представляло элементъ подвижной, постоянно обновляющійся, живою образъ народнаго юридическаго сознанія: *viva vox iuris civilis*⁹³⁾. Это право должно было быть дополненіемъ, поддержаніемъ и исправленіемъ гражданского права⁹⁴⁾.

шественника. Онъ могъ его повторить или измѣнить, какъ хотѣлъ. Но въ силу необходимости и пользы, большая часть прежняго эдикта повторялась постоянно, (*edictum tralatitium*) такъ что новый преторъ ограничивался только прибавками (*nova edicta; novae clausulae*). Такимъ образомъ, у же ко времени Цицерона большая часть преторскаго эдикта была традиціоннаго характера (*Cicero de invent. II. 22*). Слѣдовательно, складался мало по малу твердая преторская судебная практика, которая рядомъ съ дѣйствующимъ законодательнымъ и обычнымъ правомъ, сдѣлалась фактически могущественнымъ факторомъ юридической жизни. Пухта, стр. 209, 210. Ср. 419.

⁸⁹⁾ Ибо *Praetor ius facere non potest*; но онъ могъ дать *actio* и отказать въ немъ (*actionem dare* или *actionem denegare*) Ср. *Gai, III, 32*.

⁹⁰⁾ *L. 2 § 10. D. de orig. iuris (1. 2)*. *Pomponius: honorarium dicitur, quod ab honore praetoris venerat*. Пухта, стр. 230.

⁹¹⁾ Эта противоположность, говорить Пухта, не была враждебной, она не уничтожаетъ внутренней гармоніи права. Связь, существующую при этомъ можно сравнить съ бракомъ, который примиряя и соединяя разрозненное, не уничтожаетъ различій (исторія, 418). Примѣръ такой противоположности см. *L. 9. pr. D. de edendo (2, 13)*.

⁹²⁾ Влѣстящее время преторскаго эдикта относится въ VI. VII ст. Со времени Адриана (съ 131 г. по Р. Хр.) преторскому праву дана была сила закона и, такимъ образомъ, преторское право стало императорскимъ правомъ.

⁹³⁾ Марціанъ говоритъ: *et ipsum ius honorarium viva vox est iuris civilis*. (*L. 8. § 1. D. de iust. et iure (1. 1)*).

⁹⁴⁾ Папиніанъ говоритъ: *ius praetorium est, quod praetores introduxerunt adiuvandi, vel supplendi vel corrigendi iuris civilis Cratae, propter utilitatem publicam*. (*L. 7. § 7. D. de iustitia et iure (1. 1)*).

Нужно было пройти не мало времени, прежде чѣмъ должность претора могла образовать, произнести особое преторское право, противоположное праву гражданскому (*ius civile*). По крайней мѣрѣ объ этой противоположности съ большимъ трудомъ можно говорить еще въ половинѣ VI столѣтія, когда было написано сочиненіе Секста Элія.

Въ судьбѣ эдикта и его системы имѣлъ громадное значеніе *Lex Aebutia*⁹⁵⁾, сильно повліявшій на систему *legis actiones* и повлекшій за собой обоснованіе формулярной системы процесса⁹⁶⁾.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, этотъ ли законъ уничтожилъ систему *legis actiones* или же данная система была окончательно отиѣнена чрезъ *leges Iuliae*, мы коснемся закона Эбуція на столько, на сколько это относится къ нашей ближайшей задачѣ, а именно: къ опредѣленію вліянія этого закона на установленіе системы преторскаго эдикта. До *Lex Aebutia* преторъ не могъ измѣнить формулы *legis actiones*; онъ могъ только, въ интересѣ гражданскаго правосудія, дать искъ или отказать въ немъ. Эти неизмѣнныя *legis actiones* вошли въ первую часть системы преторскаго эдикта до *Lex Aebutia*⁹⁷⁾. Издавна было нѣсколько юридическихъ отношеній, которыя нуждались въ защитѣ, а между тѣмъ *legis actiones* не могли служить средствами ихъ защиты. Къ суммѣ такихъ отношеній причислялось пользованіе публичными и священными мѣстами. *Ager publicus*, общественныя и священныя мѣста издавна требовали защиты и издавна охранялись непосредственною *imperium* магистрата. По поводу защиты названныхъ и другихъ имъ подобныхъ отношеній преторъ издавалъ *interdicta*. Эти то *interdicta* и составляли вторую часть преторскаго эдикта до *Lex Aebutia*. Такимъ образомъ, до *Lex Aebutia* преторскій эдиктъ содержалъ

⁹⁵⁾ Leist, Versuch einer Geschichte der römischen Rechts Systeme, §§ 5, 6. Cp. Puntschart, Civilrecht der Römer, 16.

⁹⁶⁾ Пухта, 213, 204. Пухта говоритъ, что чрезъ обличеніе доводовъ сторонъ магистратомъ въ письменную форму, на основаніи *Lex Aebutia*, иски сдѣлались независимыми отъ словъ закона, употреблявшихся при *legis actiones*. Появленіе этого закона относится къ половинѣ VI ст.

⁹⁷⁾ Заглавіе этой части слѣдующее: *de iudiciis et ubi quisque (lege) agere vel conveniri debeat*; здѣсь подъ *iudicia* понимается не цѣлое ученіе о процессѣ, но только введеніе въ процессъ. Leist, стр. 20, 21.

двѣ части: 1) *actiones (legis)* и 2) *interdicta*. По всей вѣроятности, въ то же время образовались зародыши и другихъ, еще вполне неразвившихся, частей преторскаго эдикта ⁹⁸⁾.

Послѣ же *Lex Aebutia* ⁹⁹⁾ въ преторскомъ эдиктѣ произошли значительныя измѣненія, такъ какъ этимъ закономъ претору предоставилась возможность, по своему усмотрѣнiю (*quando ei videbitur*), въ интересъ (*ex usu*) гражданскаго правосудiя, интерпретировать *iura civile* и въ формѣ эдикта (*edicendo*) улучшать его (*corrigerere*) и дополнять (*supplendere*) ¹⁰⁰⁾. На основанiи *Lex Aebutia immutabiles legis actiones* почти совершенно вытѣсняются формулами (*formula*), составленными преторомъ сообразно съ требованiями духа юридическаго правила и отдѣльнаго фактически даннаго матеріала ¹⁰¹⁾. Изъ этого, говоря вмѣстѣ съ Лейстомъ, получился слѣдующій результатъ:

1) *Actio*, по прежнему, осталась юридическимъ средствомъ защиты оспариваемаго права. Окрѣпла возникшая только двойственность въ *actiones*. Однѣ изъ *actiones* были *actiones ex edicto* ¹⁰²⁾, а другiя—*actiones ex lege* ¹⁰³⁾.

Творцомъ первыхъ былъ претор, а вторыя — основывались на *lex*. Кромѣ того, пренныя исключительность

⁹⁸⁾ Эдиктъ содержалъ въ себѣ законныя средства защиты оспариваемаго права, изъ дарованiя которыхъ уже вытекалъ процессъ, слѣдовательно то, что Римляне называли вообще *actiones*, куда входили и *interdicta* Leist, § 5. стр. 20—22.

⁹⁹⁾ *Per legem Aebutiam*, говоритъ Гай, *et duas Iulias sublatae sunt istae legis actiones. effectumque est, ut per concepta verba, id est, per formulas litigaremus.* (Gai IV. 30. Ср. Cicero, in Verr. I 45). Эти слова Гая, по Пунчарту, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что *Lex Aebutia* лишила *legis actiones* фактическаго значенiя и далъ *agere per concepta verba*, т. е. эдиктальному процессу, фактическую силу. Слѣд. онъ не измѣнилъ составъ *legis actiones* и не ввелъ новой *iudicia legitima*. А между тѣмъ *Leges Iuliae* уничтожили *legis actiones*, и основали новую *iudicia legitima* (Пунчартъ, 118. 121. 126).

¹⁰⁰⁾ Puntchart, 131. Leist, § 5. Karlowa, Process, § 50. Пухта, 200 и слѣд.

¹⁰¹⁾ Gai, IV, 30,

¹⁰²⁾ Gai, III. 189, 192. IV. §11. L. 5 § 1. D. de exers. (14. 1) L. § 3. de eo per quem fact. (2. 10) и друг. Ср. Gai, IV. 76, 109.

¹⁰³⁾ Gai, III, 122. 210. 215 и 217. IV. 37. L. I. pr. D. de tign iuncto (47. 3). Ср. Gai, IV. 11. 110. L. 23. § 6. D. de rei vind. (6, 1). o

процесса *per legis actiones* была устранена, и многія *legis actiones* (напр. *per condictionem*) были замѣнены новымъ процессомъ ¹⁰⁴).

2) *Lex Aebutia* не только открылъ претору полную возможность вводить новые иски и тѣмъ признавать права, которыя никогда не могли бы приобрести дѣйствительной силы посредствомъ иска, согласнаго съ *ius civile*, но, какъ руководитель всей юрисдикціи, стоявшій вѣдъ партій и обеспечивавшій юридическія средства защиты не только истцу, но и отвѣтчику, если на сторонѣ послѣдняго было право, онъ даровалъ отвѣтчику новыя средства защиты, прежде неизвѣстныя, что совершилось чрезъ *exceptiones*, которыя въ системѣ эдикта заняли особое, послѣ *interdicta*, мѣсто и образовали самостоятельную часть эдикта. Это новое средство защиты отвѣтчика, какъ средство защиты, противоположное *actiones* стараго времени, могло встрѣчаться, какъ при производствѣ интердиктальномъ, такъ и акціонномъ.

3) Съ *Lex Aebutia* для претора сдѣлалось возможнымъ дать той или другой сторонѣ средства юридической защиты (въ каждомъ процессѣ онъ могъ принять сторону истца или отвѣтчика). Но для полного осуществленія этой цѣли требовалось обезпечить исполненіе приговора со стороны отвѣтчика. Преторъ удовлетворилъ этой цѣли чрезъ *satisfactio*, *cautio* и *stipulationes praetoriae*, которыя одинако имѣли мѣсто какъ при интердиктахъ, такъ и *actiones*. Эти части эдикта помѣстились въ концѣ всей системы эдикта.

4) Такимъ образомъ все содержаніе преторскаго эдикта сводится къ четыремъ самостоятельнымъ моментамъ:

- 1) *Actiones*
- 2) *Interdicta*
- 3) *Exceptiones*

и 4) *Cautiones*,

составившихъ четыре самостоятельныхъ части системы эдикта ¹⁰⁵).

¹⁰⁴) Съ этимъ, говоритъ Пухта, вполне согласно и то, что для нѣкоторыхъ случаевъ находили вполне удобнымъ старшій процессъ или аналогію его (ибо *in sacramento agere lege Calpurniae* было, вѣроятно, не болѣе, какъ аналогія (исторія, стр. 203).

¹⁰⁵) См. *Leist, Versuch*, § 5, 6. Рассмотрѣніе тѣхъ измѣненій, какія

5) Изъ указанныхъ четырехъ частей эдикта слѣдуетъ выдѣлять еще одну его часть. Означенныя части эдикта говорятъ только о средствахъ защиты; слѣдовательно, содержать не самый процессъ, который наступалъ уже послѣ. Преторъ не могъ не издавать процессуальныхъ эдиктовъ, которые не должны быть смѣшиваемы съ прежде упоминаемыми эдиктами и которые, какъ нѣчто самостоятельное, заняли совершенно особенное мѣсто въ самомъ началѣ эдикта, слѣдовательно, впереди титула «de iudiciis» и, чрезъ постепенное расширение, образовали, по истинѣ, главную часть эдикта. Такимъ образомъ, въ цѣломъ мы теперь имѣемъ пять частей системы эдикта. Въ составъ пятой части вошли, между прочимъ, ученія объ юрисдикціи, *in ius vocatio*, *editio*, *acta de non petendo*, и т. д. Наконецъ, здѣсь же находится экстраординарное юридическое средство *in integrum restitutio*.

Съ возникновеніемъ послѣ *Lex Aebutia* сказанныхъ частей преторскаго эдикта прежняя противоположность между *actio* и *ius* не уничтожилась; только *actio* стала обладаніемъ новаго органа. Отношеніе этого органа къ *ius* выражалось въ положеніи: *praetor ius facere non potest* т. е. преторъ не могъ устанавливать *ius* наравнѣ съ народнымъ собраніемъ; фактически же творческая сила претора производила юридическія положенія. Давая юридическую защиту данному отношенію, преторъ тѣмъ самымъ обращалъ его въ юридическое отношеніе и создавалъ права.

Означенныя части эдикта въ своемъ образованіи и развитіи представляютъ не иное что, какъ только расширеніе сферы *actiones*, (причемъ рѣчь шла не о самомъ процессѣ, а только о средствахъ законной защиты права (*ius*), изъ которыхъ уже только потомъ вытекалъ процессъ) и подъ *actiones* теперь нужно разумѣть болѣе, чѣмъ прежде: названіе хотя осталось тоже самое, но содержаніе измѣнилось. И то, что у Элія составляло третью часть системы права, подъ названіемъ *de*

преторъ произвелъ въ каждомъ изъ видовъ потенциальнаго процесса, мы отдаемъ историкъ римскаго права. Объ этихъ измѣненіяхъ см. Keller, *Civilprocess*. В е t h m a n n—H o l l w e g, *Civilprocess*.

actionibus, теперь совпало съ *ius praetorium*. Но какъ *actiones* противопоставались *ius (civile)* въ тѣсномъ смыслѣ слова и въ тоже время причислялись къ нему же въ обширномъ смыслѣ слова; то естественно случилось то же самое, и съ *ius praetorium*, т. е. оно стало противоположнымъ *ius'у (civile)* ¹⁰⁶⁾ Къ концу республики означенныя части системы адикта можно считать сложившимися ¹⁰⁷⁾.

Вникнувъ въ ходъ дѣла по существу, мы замѣтимъ отличіе втораго періода отъ перваго въ слѣдующемъ:

1) Хотя главная дѣятельность претора сосредоточивалась по прежнему на *actiones*, тѣмъ не менѣе въ содержаніи и источникѣ происхожденія *actiones* произошли важныя измѣненія.

2) Жрецъ замѣщается чиновникомъ ¹⁰⁸⁾, стремящимся расширить средства юридической защиты лица и тѣмъ самымъ видоизмѣнить не только *actiones*, но и самое *ius civile*.

3) На мѣсто старыхъ *actiones*, потерявшихъ теперь почти всю силу, выступаетъ *ius praetorium*, *honogarium*, состоящее изъ пяти частей.

4) Судопроизводство *per legis actiones* вытѣсняется судопроизводствомъ *per formulas* ¹⁰⁹⁾, болѣе простымъ, до-

¹⁰⁶⁾ *Ius honogarium* и *ius civile* противопоставляются другъ другу какъ двѣ громадыя половинны римскаго права (напр. *L. 3 § 1 D. de res. const. (13, 5)*. *L. 23 D. qui testam. (28, 1)*). Основаніемъ такого различія послужила особенная природа преторскихъ правовыхъ положеній. Пухта, стр. 212.

¹⁰⁷⁾ Leist, стр. 20—28.

¹⁰⁸⁾ Понтификальная коллегія была весьма живуча. Съ учрежденіемъ претуры, *collegia Pontificum* еще не мало времени была мѣстомъ спеціальной юриспруденціи, но понтифексы были только совѣтниками претора, и не имѣли рѣшающаго значенія въ дѣлахъ гражданскаго права. Ср. Puntzschart, стр. 143.

¹⁰⁹⁾ Старое римское право было право формальное, ибо съ его формою уничтожилось и его бытіе. Такимъ должно быть разсматриваемо и искковое право, которое могло имѣть силу только въ формѣ *legis actiones*. Слѣдовательно, измѣненіе *legis actio* имѣло своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе *forma legitima agendi* и силы искковаго права, облеченнаго въ старыя формы. Ср. Puntzschart, 160.

ступнымъ, чуждымъ торжественности и поклоненія формъ и буквѣ.

5) Съ освобожденіемъ отъ стараго судопроизводства и съ расширеніемъ узко національныхъ возрѣній на право, характеръ дѣятельности юристовъ измѣняется. Безусловное поклоненіе слову, если не прекращается вполне, то значительно ослабѣваетъ; опредѣляющими моментами, какъ юридическихъ актовъ, такъ и юридическихъ положеній являются ихъ смыслъ и духъ.

II.

Блестящее состояніе римской юриспруденціи.

Усовершенствованная система эдикта. (Юліанская система). Юриспруденція, какъ наука. Практическая дѣятельность римскихъ юристовъ. Теоретическая дѣятельность римскихъ юристовъ: а) преподаваніе права и б) систематическая научно-литературная обработка права: 1) система *iuris civilis* (Кв. Муцій, С. С. Руль, Сабинъ). 2) система *iuris civilis* совмѣстно съ системою *actionum* (Гай).

Мы подошли къ самому важному періоду развитія римской юриспруденціи. Въ этотъ періодъ римское право подверглось радикальному преобразованію и достигло того совершенства, благодаря которому оно увлекло за собой все культурное челоѣчество. Можно сказать, что мы служимъ праву окончательно сложившемуся только въ этотъ блестящій періодъ римской юриспруденціи. Римское право, царствующее надъ Европой, не есть право, созданное только въ стѣнахъ Рима, усвоенное ограниченной средой, каково право XII таблицъ, но право классической эпохи юристовъ, переданное намъ, главнымъ образомъ, въ пандентахъ Юстиніана. Въ этотъ періодъ узко національное право распустилось въ право, основанное на общечеловѣческихъ нуждахъ и потребностяхъ. Литература римскаго права въ это время дошла до той степени развитія, выше которой она уже не поднималась. Наука права сдѣлалась той властительницей, которая въ своей сферѣ требуетъ или неограниченнаго правленія или погибаетъ. Уже въ концу республики уровень юридическаго образованія былъ весьма высокъ, но онъ еще болѣе поднялся въ первые вѣка имперіи. Во время имперіи римскіе юрисколы стали основателями права, *iuris conditores*. Да это и понятно, если мы взгля-

дился въ характеръ дѣятельности римскихъ юристовъ, въ ихъ отношеніе къ юриспруденціи и въ условія ихъ общественнаго положенія.

Римскій юристъ, отличался безпощадною строгостью логики и точностью выраженій, такъ что Лейбницъ не безъ основанія сравниваетъ точность языка римскихъ юристовъ съ точностью математиковъ. Но при этой строгой логикѣ римскій юристъ никогда не доходилъ до абсурда, потому что онъ никогда не терялъ изъ виду ни практическое осуществленіе права, ни общечеловѣческія потребности; потому что *ius strictum* никогда не заставляло его забывать справедливость, всегда господствующую надъ буквой закона. Римскій юристъ говорилъ: «наша наука вполне практическая наука; она какъ искусство, такъ и наука». Онъ, какъ и каждый Римлянинъ, глубоко уважалъ свое право и дорожилъ своимъ званіемъ юрисконсульта. Такъ напр. Ульпіанъ возводилъ юридическую профессію даже на жреческій рангъ и считалъ юристовъ культиваторами правосудія (*iustitia*), называя юриспруденцію истинной философіей¹¹⁰⁾. Про римскихъ юристовъ нельзя было сказать: «дурная провизія въ странѣ это—юрисконсульты».

Любовь юристовъ къ закону и вѣрность ихъ своему жизненному призванію внушали въ нихъ всеобщее уваженіе и довѣріе: къ юристу шли за совѣтомъ и частное лицо и магистратъ. Доказательствъ особаго уваженія юрисконсультовъ у Римлянъ и особой популярности науки права можно найти много. Напр. Помпоній говоритъ, что *Gaius Scipio Nasica*, *qui optimus a senatu appellatus est, cui etiam publice(a) domus in sacra via data est, quo facilius consuli, potest*. Цицеронъ называетъ домъ юрисконсульта оракуломъ города (*domus iurisconsulti totius oraculum civitatis est*); онъ признаетъ не мыслимымъ краснорѣчіе безъ глубокаго званія права и жестоко бичуетъ тѣхъ, которые осмѣливаются появляться на *forum*, не имѣя элементарныхъ понятій объ этой нау-

¹¹⁰⁾ *Cuius merito quis nos sacerdotes appellet; iustitiam namque colimus, et boni et aequi notitiam profiteamur, sequum ab iniquo separantes, icitam ab illicito discernentes, bonos non solum metu poenarum, verum etiam praemiorum quoque exhortatione efficere cupientes, veram, nisi fallor, philosophiam, non simulatam affectantes.* L. 1 § 1. D. De iust. et iure (1. 1).

тъ; онъ ставитъ науку права непосредственно послѣ красно-рѣчія ¹¹¹⁾).

Въ концу республики для лицъ извѣстнаго ранга знать право было почти гражданскимъ долгомъ ¹¹²⁾ Тоже мы видимъ и во время имперіи. Въ теченіе двухъ или трехъ первыхъ столѣтій нашей эры юристы занимали видное положеніе среди римскихъ аристократовъ и были близки къ самому трону. Долгое время приверженцы юриспруденціи являются избранными, сохраняющими традиціи предковъ, не смотря на то, что въ нѣдрахъ своихъ римское общество было уже разложившимся. Если сравнить литературу II и III ст. съ литературой юридической той же эпохи, то, за малыми исключениями, перевѣсъ останется на сторонѣ римскихъ юрисконсультовъ ¹¹³⁾.

Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали о причинахъ, способствовавшихъ развитію права между Римлянами, при чемъ указали на національный характеръ самаго народа, какъ на основную причину этого развитія. Теперь укажемъ на вторую причину величія римскаго права—на науку права, благодаря которой потомки усмотрѣли въ римскомъ правѣ «писанный разумъ».

¹¹¹⁾ L. 2 § 37. D. de O. J. (1. 2). Cicero, de orat. I. 45. III 33. I. 38. 40. 41. Не научный характеръ юриспруденціи до VII в. Пухта видитъ въ томъ, что совѣты, которые подавали *prudentes* и о которыхъ просили ихъ не ограничивались одною правовою стороною отношеній: *ad quos olim et ita (in foro) ambulantes et in solio sedentes domi, sic adibat, non solum ut de iure civili ad eos, verum etiam de filia collocanda, de fundo emendo, de agro colendo, de omni denique aut officio aut negotio referretur* (исторія, 176).

¹¹²⁾ Во время республики занятіе юриспруденціей сдѣлалось занятіемъ аристократическимъ. Сыновья самыхъ высшихъ семействъ республики посвящали себя изученію права и практической юридической дѣятельности безвозмездно. Для нихъ было долгомъ чести служить праву въ теченіи всей своей жизни. Припомнимъ здѣсь случай обращенія С. С. Руеа къ изученію права. Его упрекнули въ томъ, что безчестно для патриція не знать права. Онъ принялъ къ сердцу этотъ упрекъ и предался серьезному изученію права. Въ результатѣ вышло то, что С. С. Руеъ, превосходный ораторъ, сдѣлался великимъ юрисконсультomъ. (L. 2 § 43. D. de O. J. (1. 2).

¹¹³⁾ Стоитъ вспомнить одного только Павла и предъ нами возстанетъ все величіе римскаго юридическаго гениа. Его творенія возбуждаютъ удивленіе во всѣхъ, которые когда-либо могли съ ними познакомиться.

Мы видѣли, что наука права пользовалась у Римлянъ большою популярностью и глубокимъ уваженіемъ. Ее высоко цѣнили какъ тѣ, кто получалъ плоды юридическаго знанія, такъ и тѣ, кто заботился о воздѣлываніи этихъ плодовъ. т. е. какъ частный гражданинъ, такъ и самъ юрисконсультъ. Независимо отъ глубокой преданности юрисконсультовъ своему призванію, разцвѣту науки права благопріятствовало общественное значеніе юриспруденціи.

Какъ извѣстно, послѣ паденія свободной республики, Римлянинъ увидѣлъ, что краснорѣчіе потеряло свое обаяніе и силу, какъ средство къ достиженію высшихъ государственныхъ должностей и что единственное средство достигнуть высокаго общественнаго положенія заключается въ знаніи права. Хочешь ли быть судьей или администраторомъ—будь юристомъ; желаешь ли проникнуть въ совѣтъ императора и его именемъ направлять юридическую жизнь общества—изучай и усвой право ¹¹⁴⁾; стремишься ли къ почестямъ народа—становись юрисконсультомъ. Словомъ, все способствовало тому, чтобы въ средины II ст. и въ III вѣкѣ юриспруденція достигла той высоты, какой она, по словамъ Савиньи, не достигала никогда и ни у кого ¹¹⁵⁾.

При доступности для всѣхъ магистратуры граждане стремились къ ней съ молодости. Особенно было заманчивымъ консульство, но чтобъ достигнуть консульства, надо было пройти претуру. Было важно также занять должность и правителя провинціи. А какъ правителямъ провинцій, такъ еще болѣе преторамъ весьма необходимо было знаніе права при составленіи эдиктовъ и формулированіи исковъ. Кромѣ того, такъ какъ у Римлянъ не было должности судьи, какъ постоянной профессіи, то нельзя было найти одного гражданина, который бы нѣскольکو разъ въ жизни не призывался быть судьей въ процессѣ. Наконецъ, Римляне не знали представительной системы, такъ что всѣ граждане, даже и тѣ, которыхъ невѣжество и мате-

¹¹⁴⁾ Cicero, de orat. 1. 37. 44, 45, 55. III 33. L. 2. § 43. D. De O. I. (1. 2). Brutus, 42; Walter, Römische Rechtsgeschichte § 432. Pernice, Marcus Antistius Labeo, I Bd. 1.

¹¹⁵⁾ Savigny, Geschichte des röm. Rechts, I § 2 Walter, §§ 432 и 433.

ріальна жизнь исключали изъ суда и политическихъ почестей, фигурировали въ вѣдѣніяхъ и играли трудную и высокую роль законодателей, а все это не могло обойтись безъ извѣстнаго знанія права. Наука права была нужна Римлянину. Отсюда огромный нравственный авторитетъ тѣхъ, которые владѣли ею спеціально. Такимъ образомъ, національный характеръ и не умолима логика Римлянъ въ связи съ природою общественныхъ учрежденій, требующихъ знанія права, и наконецъ влияние греческой философіи и литературы на Римлянъ ¹¹⁶⁾ создали въ блестящій періодъ римской юриспруденціи изъ науки права властительницу, требующую себѣ неограниченнаго господства.

Подъ влияніемъ различныхъ благоприятныхъ условій, въ періодъ классической юриспруденціи произошли, между прочимъ, слѣдующія измѣненія въ наукѣ права:

1. Система эдикта была усовершенствована и преобразована.
2. Юриспруденція получила теоретическое опредѣленіе и возвысилась со степени ремесла на степень науки.
3. Практическая дѣятельность юристовъ видоизмѣнила свой характеръ.
4. Теоретическая дѣятельность юристовъ получила соотвѣтствующую организацію.
5. *Ius civile* отдѣльно отъ *actiones* и совмѣстно съ ними подвергается научно-литературной систематической разработкѣ ¹¹⁷⁾.

¹¹⁶⁾ По поводу влияния греческой философіи на римское право пишется громадная литература, указаніе которой стоитъ вѣдѣ нашей задачи.

¹¹⁷⁾ Литературная дѣятельность юристовъ выразилась въ рядѣ трудовъ, направленныхъ на систематизацію всего права. Мы, хотя бы въ самыхъ краткихъ словахъ, коснемся слѣдующихъ попытокъ научной систематизаціи права у Римлянъ:

- 1) Системы К. М. Сцеволы и С. С. Руфа
- 2) Системы Сабина.
- 3) Системы Гаия.

Изъ сказаннаго легко замѣтить, что мы обратили вниманіе только на тѣ сочиненія, которыя въ общемъ юридическомъ развитіи Римлянъ оставили замѣтные слѣды. Въ этихъ сочиненіяхъ выражается, съ одной стороны, связь съ изложеннымъ нами прежде о систематизаціи права у Римлянъ, а съ другой—постепенное историческое улучшение и распространеніе систематическихъ взглядовъ Римлянъ. При этомъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Лейбъ, система эдикта и система сочиненій о немъ должна быть различаема отъ системы книгъ о *ius civile*. (Versuch, стр. 30).

1). Усовершенствованіе и преобразованіе системы эдикта.

Благодаря свободной дѣятельности претора, въ эдиктъ, мало по малу, проникали положенія матеріальнаго права, такъ что во время классическихъ юристовъ преторское право стало вторымъ важнѣйшимъ элементомъ всего дѣйствующаго въ Римѣ права ¹¹⁸⁾. Въ правѣ образовался дуализмъ: *ius praetorium* и *ius civile* въ старомъ смыслѣ слова, возникшій на основаніи различія источниковъ ихъ происхожденія. Наука не осталась чуждою этого дуализма въ правѣ, имѣющаго въ своемъ основаніи кромѣ указаннаго различія источниковъ ихъ происхожденія, еще различіе въ направленіяхъ и принципахъ, дѣйствующихъ въ каждомъ изъ правъ ¹¹⁹⁾. Юридическая литература раздѣлилась на два класса: на сочиненія объ эдиктѣ и на сочиненія о гражданскомъ правѣ, причемъ изученіе права начиналось съ стараго права, служившаго основаніемъ для преторскаго права. Явилось два курса лекцій:

¹¹⁸⁾ Эдиктъ точно такъ же какъ и *lex*, былъ источникомъ объективнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ субъективныхъ правомочій и обязанностей. Ср. *Gai*, III. 50. 52.

¹¹⁹⁾ По мнѣнію Пухты различіе между *ius civile* и *ius honorarium* не могло быть устранено ни наукою права, ни властью императоровъ, ибо различіе ихъ было не только внѣшнее, но и внутреннее. Это не враждебная противоположность, которая не уничтожаетъ внутренней гармоніи права... Эти два элемента взаимно проникаются и вмѣстѣ съ тѣмъ каждому изъ нихъ указывается свое мѣсто, не исключающее бытія другаго. Дѣятельность юристовъ развила оба права, каждое до надлежащаго совер-

съ одной стороны лежці по гражданскому праву, а съ другой — по эдикту ¹²⁰).

Эдиктъ, какъ источникъ частнаго права, скоро сталъ предметомъ серьезнаго изученія юристовъ, скоро занялъ важное мѣсто въ литературѣ и просвѣщеніи, скоро такъ же потребовалось его и систематизировать. Первымъ по обработкѣ эдикта былъ А. Оѳилій, про котораго Помповій говоритъ: *Is fuit Caesari familiarissimus, et libros de iure civili plurimos, et qui omnem partem operis* (обнималъ все гражданское право) *fundarent, reliquit, nam de legibus Vicesimae primus conscribit, de iurisdictione. Idem edictum praetoris primus diligenter composuit, nam ante eum Servius duos libros ad Brutum per quam brevissimos ad edictum subscriptos reliquit* ¹²¹). Изъ послѣднихъ словъ видно, что его учитель, С. Сульпицій написалъ до него только самое краткое обозрѣніе преторскаго эдикта ¹²²), первое же выдающееся сочиненіе о преторскомъ эдиктѣ далъ Оѳилій ¹²³). Онъ можетъ быть, по словамъ Саніо, признанъ самостоятельнымъ продолжателемъ сочиненій К. М. Сцеволы, на сколько онъ противопоставлялъ системѣ К. М. Сцеволы (*Libri iuris civilis*), свою полную улучшенную систему подъ титуломъ *Ius Partitum*. Оѳилій былъ предшественникомъ и наставникомъ Капитона, точно такъ, какъ С. Сульпицій былъ предвѣстникомъ Лабеопа ¹²⁴).

Сочиненіе Оѳилія было частною работою ученаго юриста, не имѣющего законодательной санкции. Послѣ изданія труда

шенства; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждое являлось какъ-бы пополюющимъ другое. Преторское право, столь долговѣчное, было продуктомъ не отдѣльныхъ лицъ, а всего послѣдовательнаго ряда преторовъ, какъ одной громадной единицы (исторія римскаго права. стр. 418—420).

¹²⁰) Leist, § 10.

¹²¹) L. 2. § 44. De origine iuris (1. 2). Здѣсь слово *composuit* не означаетъ, что онъ составлялъ самъ эдиктъ, ибо, въ этомъ случаѣ, онъ долженъ былъ бы быть самъ преторомъ, нѣтъ онъ никогда не былъ. Ср. Walter § 434. №№ 25. 26.

¹²²) Ср. L. 5. § 1. D. de instit. actione (14, 3). Gai, III. 140.

¹²³) Карлова придаетъ Оѳилію еще большее значеніе. Ср. Process 380—382.

¹²⁴) Sanio, Zur Geschichte der römischen Rechtswissenschaft, 1858 стр. 65, 69—71.

Оэилия, со временемъ, къ эдикту было много прибавлено, не мало въ немъ произведено измѣненій, такъ что возникла потребность подвергнуть эдиктъ пересмотру и, при томъ, подъ авторитетомъ законодательной власти. Этой потребности удовлетворилъ знаменитый юристъ времени Адриана Сальвій Юліанъ ¹²⁵⁾.

Какъ выдающемуся ученому, императоръ Адрианъ поручилъ Юліану, подъ своимъ авторитетомъ ¹²⁶⁾, выбрать изъ массы эдиктовъ все имѣющее въ то время силу, сократить, по возможности, матеріалъ, устранить противорѣчія, отбросить устарѣвшее, сдѣлать, сообразно съ потребностями времени, измѣненія и дополненія ¹²⁷⁾, методически распредѣлить и упорядочить весь матеріалъ ¹²⁸⁾. Преторское право, обработанное Юліаномъ, императоръ Адрианъ санкціонировалъ въ 131 г. по Рожд-Хр.; съ этихъ поръ эдиктъ остался неизмѣннымъ и въ этой, данной ему Юліаномъ, формѣ сдѣлался предметомъ юридическаго образованія и изученія ¹²⁹⁾.

Трудъ Юліана получилъ названіе *Edictum Perpetuum* ¹³⁰⁾, который, по вѣрному замѣчанію Мэна, есть ко-

¹²⁵⁾ На его авторитетъ указываетъ его претура, консульство, участіе въ совѣтѣ Адриана и порученіе ему императоромъ столь важной работы, какъ пересмотръ и обновленіе эдикта. Въ глазахъ Юстиніана Юліанъ имѣлъ громадное значеніе, какъ самый ученый изъ юристовъ (Ср. L. 10. C. de cond. inbeb. L. 15. C. de usufr. и т. д.).

¹²⁶⁾ Const. Dedit de confirm. Dig. § 18.

¹²⁷⁾ Въ L. 3. De coning. (37, 8) можно замѣтить такую повш с л а у л а т, введенную Юліаномъ

¹²⁸⁾ Юстиніанъ называетъ Юліана *ordinatorem edicti praetorii perpetui*.

¹²⁹⁾ Самъ Юліанъ комментировалъ свой эдиктъ (*digestorum Libri XC*). Послѣ него писали объ эдиктѣ многіе, изъ которыхъ заслуживаетъ особаго упоминанія Ульпіанъ (онъ, между прочимъ, написалъ *libri LXXXIII ad edictum*). См. Rudorff, *De iurisdictione edictum. Edicti perpetui quae reliqua sunt* (1869). Ср. *Abhandlungen über die Julianische Edictsredaction* (*Zeitschrift für Rechtsgeschichte*, III). Lenel. *Das Edictum perpetuum*, 1883. Joussegardot A. *L'édit perpétuel*, 1883.

¹³⁰⁾ Отъ самаго эдикта мы имѣемъ только одни фрагменты, переданные намъ въ пандектахъ Юстиніана, на основаніи которыхъ ученые старались воспроизвести систему Юліановскаго эдикта. Выраженіе «*edictum perpetuum*» здѣсь имѣетъ другой смыслъ, нежели какой ему придавали объ-

дексъ римской юриспруденціи, въ отличіе отъ общаго римскаго права, образовавшагося изъ XII таблицъ и изъ массы основанныхъ на нихъ юридическихъ положеній ¹²¹⁾. Цѣль изданія *Edictum Perpetuum* состояла не только въ томъ, что бы собрать въ одно цѣлое все, до того времени выработанное, опредѣлить съ большимъ авторитетомъ то состояніе, до котораго достигло въ его времени преторское право, но главнымъ образомъ въ томъ, что бы исключить творческую дѣятельность претора изъ области права, такъ какъ императоръ не желалъ раздѣлять законодательную дѣятельность съ магистратурой. Хотя *ius edicendi* не было формальнымъ образомъ уничтожено вполне, хотя магистратъ при новыхъ порядкахъ и могъ, по прежнему, пополнять эдиктъ и развивать его, тѣмъ не менѣе преторское право со времени *Edictum Perpetuum* слѣдуетъ признать замкнутымъ и оконченнымъ. Будущее въ развитіи права представлялось императорскимъ конституціямъ. Такъ было убито свободное творчество права, находящее себѣ мѣсто въ преторскихъ эдиктахъ.

Для возстановленія содержанія и системы эдикта ученые обращаются къ сочиненіямъ объ эдиктѣ (Ульпіанъ, Павелъ, Гай, Юліанъ), переданнымъ намъ въ пандектахъ Юстиніана, и къ порядку самыхъ пандектовъ, редакторы которыхъ, несомнѣнно до известной степени, слѣдовали плану означенныхъ сочиненій объ эдиктѣ ¹²²⁾. На основаніи этихъ источниковъ познанія эдикта, можно сказать, что Юліановскій эдиктъ содержалъ въ себѣ

новено. *Edicta perpetua* обыкновенно назывались эдикты, правильно возобновлявшіеся съ каждымъ новымъ преторомъ (сперва обычно, а въ послѣдствіи, по *lex Aebutia*, это было подтверждено закономъ); эти эдикты существовали непрерывно, какъ сама должность, въ силу которой они издавались. Эпитетъ *perpetua* и выражаетъ именно, что они издавались постоянно, непрерывно, что они издавались каждымъ преторомъ, что поводомъ къ нимъ было самое воспріятіе должности, а не особенныя обстоятельства, которыя могли встрѣтиться при другомъ. Эдикты, какъ цѣлое, назывались *perpetua*, а не содержаніе ихъ, или положенія въ нихъ установленныя. (Пухта, исторія римскаго права стр. 208. Ср. 426, 427).

¹²¹⁾ Мэнъ, о системѣ древнѣйшихъ законодательствъ. (Ю. В. 1882. № 2).

¹²²⁾ 2—46 кн. Юстиніановскихъ пандектовъ представляетъ область системы эдикта.

сущность преторскихъ эдиктовъ претора (городскаго и переприновъ), эдикты эдилловъ и провинціальныя эдикты.

Такъ какъ Юліанъ былъ самъ преторомъ, то онъ имѣлъ право, въ опубликованный имъ, при вступленіи въ должность претора, эдиктъ принять распоряженія предыдущихъ преторовъ, соответствующія нуждамъ и потребностямъ его времени. Сводъ различныхъ преторскихъ распоряженій, сложившихся исторически, образованный Юліаномъ и получилъ названіе *Edictum Perpetuum*. Само собой понятно, что въ *Edictum Perpetuum* нельзя было установить строгую систему между различными его частями, потому что, за немногими дополненіями, эдиктъ остался у Юліана тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до него. Да Юліанъ былъ и не въ состояніи провести строгую систему среди разнообразнаго содержанія эдикта, слагавшагося въ теченіи ста лѣтъ преторской дѣятельности, вносившей въ *edictum tralatitium* новыя эдикты иногда по внутреннимъ, а иногда и по внѣшнимъ соображеніямъ. Если бы Юліанъ и захотѣлъ дать строгую систему матеріи своего *Edictum Perpetuum*, то ему пришлось бы отъ многихъ эдиктовъ отказаться, лишивъ ихъ историческаго значенія, и разрушить связь между нѣкоторыми эдиктами. Не преслѣдуя безпощадно идею о строгой системѣ, Юліанъ далъ, до извѣстной степени, болѣе или менѣе удачную компиляцію эдикта, расположивъ всю матерію *Edictum Perpetuum* по титуламъ, внутри которыхъ нельзя не усмотрѣть извѣстной системы.

Надъ возстановленіемъ системы (порядка) *Edictum Perpetuum* трудилось много ученыхъ. Проходя мимо старыхъ трудовъ Раншэна, Гейнекція, и друг. слѣдуетъ упомянуть о дѣятельности по этому вопросу Рудорфа, Жуссерандо и Отто Ленея.

По Рудорфу и Жуссерандо, *Edictum Perpetuum* содержалъ въ себѣ: во 1-хъ) *praeparatoria iudiciorum*, *iudicia*, *executio* и во 2-хъ) экстраординарныя средства защиты, предназначенныя къ тому, чтобы дополнять и исправлять право (*interdicta*, *exceptiones* и *stipulationes praetoriae*). Что касается Ленея, придерживаясь котораго мы представляемъ систему *Edictum Perpetuum*, то онъ въ основаніи системы *Edictum Perpetuum* видитъ чисто процессуальныя начала. По его мнѣнію, система *Edictum*

Perpetuum покоится на различіи обыкновенныхъ (iurisdictio) и экстраординарныхъ (imperium) средствъ защиты права и распадается на двѣ группы, изъ которыхъ первая обнимаетъ, обыкновенную защиту права (iurisdictio, или, какъ говорится, pars de iudiciis), а вторая—экстраординарные средства судебной защиты (imperium). Системѣ предшествуетъ, по Леленю, введеніе, которое обнимаетъ praeparatoria iudiciorum, а въ концѣ системы помѣщено заключеніе процесса.

Введеніе обнимаетъ 14 титуловъ, содержаніе и порядокъ которыхъ слѣдующій :

I. De iis, qui in municipio colonia foro iure dicundo praesunt.

II. De ipsius praetoris iurisdictione.

III. De edendo.

IV. De pactis et conventionibus.

V. De in ius vocando.

VI. De postulando.

VII. De vadimoniis.

VIII. De cognitoribus et procuratoribus et defensoribus.

IX. De calumniatoribus.

X. De in integrum restitutionibus.

XI. De receptis.

XII. De satisfaciendo.

XIII. Quibus causis praeciudicium fieri non oportet.

Первые восемь титуловъ касаются только формальныхъ условій производства in iure, не имѣя никакого отношенія къ матеріальному праву сторонъ. Но обезпечивая отправленіе правосудія, преторъ не могъ не воспользоваться и матеріальнаго права сторонъ. Съ этой цѣлью, онъ, съ одной стороны, стремится предотвратить злоупотребленіе правосудіемъ, а съ другой устранить тѣ препятствія, которыя полагаютъ правосудію ius strictum. Отсюда возникли титулы IX и X. Титулы XI и XII составляютъ переходъ къ главному содержанію эдикта.

Въ первую группу системы Edictum Perpetuum входятъ 11 титуловъ съ слѣдующимъ содержаніемъ и порядкомъ:

XIV. De iudiciis omnibus

- XV. De his quae cuique in bonis sunt.
 XVI. De religiosis et sumptibus funerum.
 XVII. De rebus creditis.
 XVIII. Quod cum magistro navis, institore eove, qui in aliena potestate erit, negotium gestum erit.
 XXI. De bonae fidei contractibus.
 XX. De re uxoria.
 XXI. De liberis et ventre.
 XXII. De tutelis.
 XXIII. De furtis.
 XXIV. De iure patronatus.

Послѣ главнаго титула (XIV), въ этой группѣ идетъ очень важный специальный титулъ (XV), содержащій въ себѣ вещные и личные иски, служащiе для обезпеченiя вещныхъ благъ, находящихся in bonis nostris (куда входятъ личные сервитуты, какъ pars dominiі и реальные сервитуты, какъ praedia qualiter se habentia). При этомъ всѣ иски расположены по важности защищаемыхъ предметовъ. Такъ какъ различаются, съ одной стороны, вещныя блага extra bona, а съ другой—части имущества, которыя не составляютъ вещныхъ благъ, а суть требованiя, то возникли титулы XVI и XVII.... Основанiемъ порядка всѣхъ титуловъ первой группы системы Edictum Perpetuum является, съ одной стороны, сдѣлка, а съ другой, семейство въ обширномъ смыслѣ слова.

Во вторую группу системы Edictum Perpetuum вошли титулы XXV до XXXV:

- XXV. De bonorum possessionibus.
 XXVI. De testamentis.
 XXVII. De legatis.
 XVIII. De operis novi nuntiatione.
 XIX. De damno infecto.
 XXX. De aqua et aquae pluviae arcendae.
 XXXI. De liberali causa.
 XXXII. De publicanis.
 XXXIII. De praedioribus.
 XXXIV. De vi turba incendio ruina naufragio rate nave expugnata.
 XXXV. De iniuriis.

Порядокъ титуловъ въ этой второй группѣ эдикта обуславливается значеніемъ опредѣляемыхъ въ нихъ предметовъ.

Въ заключеніе эдикта говорится *de executione* (личная и реальная) и *de re iudicata*. Сюда относятся слѣдующіе титулы:

XXXVI. *Qui, nisi sequantur, ducantur.*

XXXVII. *Qui neque sequantur neque ducantur.*

XXXVIII. *Quibus ex causis in possessionem eatur.*

XXXIX. *De bonis possidendis proscibendis vendundis.*

XL. *Quemadmodum a bonorum emptore vel contra eum agatur.*

XLI. *De curatore bonis dando.*

XLII. *De re iudicata.*

Экстраординарные средства защиты права, введенныя преторомъ, и помѣщенные Рудорфомъ и Жуссерандо во второй части эдикта, (*interdicta, exceptiones* и *stipulationes praetoriae*), по Ленею составляли «прибавленіе къ эдикту» и расположены подъ титулами XLIII (*de interdictis*), XLIV (*de exceptionibus*), XLV (*de stipulationibus praetoriis*). Въ видѣ прибавки къ преторскому эдикту, въ *Edictum Perpetuum* помѣщены эдикты эділовъ (три рубрики: *de mancipiis vendundis, de iumentis vendundis, de feris*).

Не смотря на различіе началъ, принятыхъ Рудорфомъ, Жуссерандо и Ленею при представленіи Юліанской системы эдикта, всѣ три автора воспроизводятъ, въ общемъ, систему *Edictum Perpetuum* сходно. Мы изложили систему *Edictum Perpetuum* по Ленею, точка зрѣнія и богатство содержанія сочиненія котораго по достоинству оцѣнены королевской академіей наукъ въ Баваріи.

Извѣстно, что *formula* первоначально была главною формою преторскихъ опредѣленій о томъ, что заслуживаетъ судебной защиты и что нѣтъ. Современемъ, эта форма усовершенствовалась чрезъ эдиктъ, такъ что, съ развитіемъ преторскаго права, *edictum* занялъ главное мѣсто, а формулы поставились рядомъ съ эдиктомъ, въ видѣ примѣра и поясненія

Въ эпоху Адріана эдиктъ господствовалъ надъ формулой. Поэтому, нельзя считать *Edictum Perpetuum* сборникомъ, главнымъ образомъ, формулъ, при которыхъ эдиктъ занималъ

побочное мѣсто. Отношеніе формулъ къ эдиктамъ было различно: иногда излагаются сперва эдикты, а формулы потомъ (XXII)¹³³⁾, иногда эдикту соответствуетъ извѣстная формула (XIX)¹³⁴⁾, а иной разъ формула стоитъ безъ всякаго эдикта (XV)¹³⁵⁾.

Содержа все относящееся къ *officium praetoris*, эдиктъ обнималъ на столько гражданское право, процессъ, исковое право, на сколько преторъ находилъ цѣлесообразнымъ касаться каждой изъ этихъ вѣтвей права¹³⁶⁾. По этому, и въ *Edictum Perpetuum* вошло все то, что преторъ находилъ цѣлесообразнымъ выразить въ своемъ эдиктѣ; слѣдовательно, какъ начала гражданского права, такъ и процесса.

Юліанъ соединилъ въ системѣ *Edictum Perpetuum actio civilis* съ эдиктомъ (и вытекающимъ изъ него *actio praetoria*), при томъ такъ, что иногда эдиктъ стоитъ впе-

¹³³⁾ Напр. въ титулѣ *de tutelis* (XXII) сперва излагаются эдикты: *de administratione tutorum, de falso tutore, de suspectis tutoribus vel curatoribus*, а затѣмъ формулы: *tutelae vel contra, rationibus distrahendis, de eo qui pro tutore negotia gessit, de magistratibus conveniendis*. См. Lenel 32, 251 и слѣд. Ср. Jousserandot, стр. I стр. 457—483.

¹³⁴⁾ Напр. въ титулѣ *de bonae fidei contractibus* (XIX) эдиктъ *de deposito* стоитъ вмѣстѣ съ формулой: *Praetor ait: Quod neque tumultus neque incendii neque ruinae neque naufragii causa depositum sit, in simplum earum autem rerum, quae supra comprehensae sunt, in ipsum, in duplum, in heredem eius, quod dolo malo eius factum esse dicetur qui mortuus sit in simplum, quod ipsius, in duplum iudicium dabo.*

Formulae

In ius concepta. Iudex esto. Quod Aulus Agerius apud Numerium Negidium mensam argenteam deposuit, qua de re agitur, quidquid ob eam rem N. Negidium Aulo Agerio dare facere oportet ex fide bona eius, iudex, N. Negidium A. Agerio condemnato, nisi restituet, si non paret, absolvito.

In factum concepta: Iudex esto. Si paret A. Agerium apud N. Negidium mensam argenteam deposuisse, eamque dolo malo N. Negidii A. Agerio redditam non esse, quanti ea res erit, tantam pecuniam, iudex, N. Negidium A. Agerio condemnato, si non paret, absolvito.

Lenel-стр. 230 и слѣд. Jousserandot, I, 317 и слѣд.

¹³⁵⁾ Lenel стр. 172 Jousserandot, I, стр. 211.

¹³⁶⁾ Lenel, стр. 11, 12. Ср. Wlassak, *Edict und Klageform*, 1883 стр. 107, 108.

реди гражданскихъ исковъ, (XV)¹³⁷⁾, а иногда—гражданскіе искы предшествуютъ преторскимъ искамъ (XVII, XXII XXII)¹³⁸⁾.

Юліанъ ввелъ въ систему эдикта предметы гражданского права (*testamentum, legatum, бракъ, tutela*, т. е. *quatuor libri singulares*), т. е. семейственное и наследственное право. Эти новые предметы, заимствованы были для системы эдикта изъ разившейся къ тому времени и независимой отъ системы эдикта системы гражданского права, и внесены были въ *Edictum Praetorium*, по крайней мѣрѣ, *testamentum* и *legatum*, какъ предметы экстраординарной защиты претора. Можно даже сказать, что Юліанъ хотѣлъ примирить систему эдикта съ системою гражданского права, а потому и включилъ *quatuor libri singulares* въ систему эдикта¹³⁹⁾.

¹³⁷⁾ Lenel, стр. 129. Joussegrandot, I, стр. 161 и слѣд.

¹³⁸⁾ Lenel, стр. 184 и слѣд. 251 и слѣд. Joussegrandot, I стр. 254 и слѣд. 457 и слѣд.

¹³⁹⁾ Lenel, стр. 22. Leist, стр. 59 и слѣд. Вліяніе Юліана на эдиктъ ограничивается тѣмъ, что онъ ввелъ систему гражданского права (*dos, tutela, testamentum, legatum*, т. е. семейное и наследственное право) въ эдиктъ. Раздѣленіе эдикта на основныя составныя части (*actiones interdicta, exceptiones, stipulationes praetoriae*) гораздо древнѣе Юліана, древнѣйшее на *actiones* и *interdicta* значительно древнѣе закона Эбуціа. (Пухта, исторія римскаго права стр. 426 примѣч. Рудорфа и. Разсмотрѣніе отношенія между частями каждаго титула и между самими титулами за ними.

2). Теоретическое опредѣленіе юриспруденціи у Римлянъ.

Въ періодъ блестящаго состоянія римской юриспруденціи римскіе юристы поднимаются до научнаго опредѣленія юриспруденціи ¹¹⁰⁾. Въ эту вторую фазу развитія понятія юриспруденціи у Римлянъ римскому юристу пришлось отказаться отъ рутиннаго занятія правомъ и возвыситься отъ чисто ремесленнаго взгляда на юриспруденцію къ ея научному пониманію: поднять, какъ говорится, юриспруденцію на философскую высоту. Преторскій эдиктъ открывалъ, между прочимъ, двери въ юриспруденцію философіи, а обращеніе юристовъ къ римскимъ древностямъ вводило въ юриспруденцію исторію. Быть историкомъ права наталкивала римскаго юриста сила обстоятельствъ. Въ римскомъ правѣ жива была еще масса старыхъ элементовъ, которые опытному юристу нужно было знать и понять, если онъ хотѣлъ поддержать свое общественное значеніе и быть компетентнымъ въ правѣ. Вотъ почему, римскій юристъ долженъ былъ быть, по возможности, историкомъ права. Историческая подкладка была замѣтна у Цицерона—образца римскаго государственнаго мужа послѣдняго времени республики. Позднѣе у Гая мы видимъ такъ же стремленіе къ изученію историческихъ данныхъ римскаго права (Ср. Inst. I, § 55 и § 193 III, § 11 и слѣд. L. 13. fin regund. (10. 1) L. 4 de colleg. (47. 22). Если историческое изученіе права не было вполнѣ научнымъ, то это происходило вовсе не отъ недостатка въ рим-

¹¹⁰⁾ Въ нашемъ изложеніи мы не могли обойти вопроса о понятіи римской юриспруденціи уже по той одной причинѣ, что нельзя говорить о системѣ права и правовѣдѣнія, не давъ яснаго отчета о самой юриспруденціи и о связанной съ нею практической и теоретической дѣятельности юристовъ.

скихъ юристахъ историческаго интереса, или недостатка про-
ницательности ума тогдашнихъ юристовъ, но отъ слабости на-
учныхъ средствъ тогдашней юриспруденціи и непосредствен-
наго созерцанія исторіи права въ отношеніяхъ даннаго вре-
мени ¹⁴¹⁾.

Уже у Цицерона мы находимъ освобожденіе юриспруден-
ціи отъ прежнихъ практическихъ оковъ и поднятіе ея на фи-
лософскую высоту ¹⁴²⁾ Юриспруденціи была понята имъ, какъ

¹⁴¹⁾ F. Pollock, *Methods of Jurisprudence*, (The Law Magazine 1882). Пухта, вопреки Дирксену, тоже признаетъ присутствіе въ римскихъ юристахъ историческаго интереса. Но у римскихъ юристовъ, говоритъ Пухта, при научной разработкѣ права были дѣиы средства, чѣмъ у насъ. Познаніе нашего права требуетъ значительнаго ученаго аппарата, намъ нужно связанное историческое изслѣдованіе, чтобы овладѣть нашимъ правомъ со всѣхъ его сторонъ. Сознанію Римлянъ право ихъ открывалось болѣе непосредственнымъ образомъ. Слѣды древнѣйшихъ отношеній, въ слѣдствіе мѣрности и простоты развитія ихъ права, въ дѣйствующемъ правѣ находились постоянно предъ глазами. Исторію его, на сколько ея обусловливалось правильное познаніе практическаго права и его развитія, можно было до нѣкоторой степени непосредственно совершать въ отношеніяхъ даннаго времени. По этому то историческія изслѣдованія римскихъ юристовъ скорѣе касаются частностей, нежели направлены на совокупное развитіе права (стр. 354). Проф. Муромцевъ отказываетъ римскимъ юристамъ въ истинномъ историческомъ интересѣ. По его мнѣнію, римскіе юристы приводили прошедшее право развѣ ради курьеза или ради вычудаго выясненія учрежденій имъ современныхъ. При этомъ проф. Муромцевъ приводитъ одинъ частный взглядъ Ульпіана на Аквиліевъ законъ и на этомъ взглядѣ основываетъ свое мнѣніе объ отношеніи римскаго юриста къ исторіи права. Взглядъ Ульпіана слѣдующій: Аквиліевъ законъ отменилъ всѣ предшествовавшіе законы о неправомерномъ поврежденіи чужаго имущества и потому не зачѣмъ излагать эти законы (*quos leges nunc referre non est necesse*) L. 1 prt. D. ad leg. Aquil. (9, 2). См. стр. 487. Мнѣніе слишкомъ строгое.

Въ періодъ блестящаго состоянія римской юриспруденціи появляются и этиологическія попытки въ отношеніи юриспруденціи. (Ср. Сісего, de orat. I. 187), По Геллію (*Noctes atticae*, XIII, 10) Лабео нъ занимался этиологическими изысканіями для научной постройки юриспруденціи. См. Pernice, I, стр. 22.

¹⁴²⁾ По мнѣнію Цицерона изученіе права должно исходить изъ глубины философіи *Non ergo a praetoris edicto*, говоритъ Цицеронъ, *ut plerique nunc, neque a XII Tabulis, ut superiores, sed penitus ex intima*

отрасль философіи. Съ этимъ возвышеніемъ юриспруденціи среди другихъ отраслей человѣческаго знанія, соответствующимъ образомъ поднимался и взглядъ самихъ юристовъ на свое жизненное призваніе, которые говорили устами Ульпіана: «юристъ — жрецъ права; культъ его — культъ юстиціи; его профессія — разрѣшать, на философскихъ началахъ, что справедливо и что несправедливо; его стремленіе — благо людей... Юристъ преслѣдуетъ истинную философію. Жить честно, не вредить никому, отдавать каждому то, что ему слѣдуетъ — вотъ основныя положенія права¹⁴³⁾. Ко времени Ульпіана и другихъ классическихкихъ юристовъ Римляне дѣйствительно дошли до идеи науки тѣхъ юридическихъ принциповъ, которые существуютъ независимо отъ учреждений известной страны. Изъ греческаго языка нельзя было заимствовать ни одного технического термина для обозначенія новыхъ идей о наукѣ права. Удержалось, по этому, старое выраженіе «Jurisprudentia», которымъ стали опредѣлять уже не только то, что было чисто туземнаго происхожденія: знаніе своего права, но и содержаніе идеи науки объ общечеловѣческихъ юридическихъ принципахъ. Къ такому заключенію насъ приводитъ общеизвестное, но до сихъ поръ не вполне разъясненное, опредѣленіе юриспруденціи, данное Ульпіаномъ, и помѣщенное не только въ дигестахъ, но и во главѣ институцій. Опредѣленіе это слѣдующее :

«Jurisprudentia est divinarum atque humanarum rerum notitia, iusti atque iniusti scientia»¹⁴⁴⁾.

Данное опредѣленіе ученые юристы и переводятъ неодинаково и толкуютъ различно. Мы не будемъ во всѣхъ деталяхъ разсматривать объясненіе Ульпіановскаго опредѣленія юриспруденціи, а каснемся только въ краткихъ словахъ способа происхожденія и значенія этого опредѣленія для науки права римскаго. Большинство ученыхъ считаетъ это

philosophia hauriendam iuris disciplinam putas. (De legibus, I, 5); гражданское право, астрономія, геометрія и діалектика суть искусства, необходимыя для отысканія истины (quae omnes artes in veri investigatione versantur. De officiis, Lib I cap. 6).

¹⁴³⁾ Ср. L. I § 1. D. de iust et iure (1. 1)

¹⁴⁴⁾ L. 10. § 2 D. de iustitia et iure (1. 1).

опредѣленіе греческаго происхожденія, заимствованнымъ изъ стоической философіи, виднымъ представителемъ которой между Римлянами былъ Цицеронъ. Утверждаютъ, что это опредѣленіе есть переводъ стоическаго понятія *σοφία*, которое у Цицерона обозначалось словомъ *varientia* ¹⁴⁵⁾. Ниже мы увидимъ, что если опредѣленіе юриспруденціи и было составлено на данныхъ греческой философіи, то, суди по характеру дѣятельности римскихъ юристовъ, оно получило между Римлянами совершенно иное содержаніе и значеніе, чѣмъ у грековъ ¹⁴⁶⁾.

¹⁴⁵⁾ Cicero, de officiis. I, 43.

¹⁴⁶⁾ Противъ чуждараго вліянія греческой (стоической) философіи на римскую юриспруденцію говоритъ Пухта, стр. 355. 366.

Къ числу общихъ юридическихъ понятій, сложившихся подъ вліяніемъ греческой философіи на римскую юриспруденцію, относятся понятіе Цельзія о правѣ: *ius est ars boni et aequi*. Это понятіе, какъ и понятіе юриспруденціи, толкуютъ различно. Но какъ бы ни толковали это опредѣленіе (что не входитъ въ нашу спеціальную задачу), мы все таки не можемъ не замѣтить, что хотя свои опредѣленія (*jurisprudentia, ius, iustitia...*) римскіе классическіе юристы и составляли подъ вліяніемъ греческихъ философовъ, во всякомъ случаѣ, эти опредѣленія носятъ на себѣ отпечатокъ оригинальнаго воззрѣнія Римлянъ на тотъ или другой предметъ, а въ данномъ случаѣ, на право. Смотри на это опредѣленіе мы во все не видимъ такъ ясно, чтобъ оно заключало въ себѣ мораль, религію и всевозможныя вещи, не имѣющія ничего общаго съ правомъ. Здѣсь слово *ars* не означаетъ во все знанія, а искусство и при томъ искусство специально направленное на примѣненіе юридическихъ познаній (практическое направленіе юриспруденціи сказывавшееся прежде въ преобладаніи *actio* надъ *ius*). Для Римлянъ до послѣднихъ ихъ дней юриспруденція была теоріей юридическаго искусства. Если такъ, то выраженіе *ius est ars boni et aequi*—означаетъ искусство примѣнять принципъ добраго и справедливаго. Такое опредѣленіе, прибавляетъ Поллокъ, являѣтъ согласно съ цѣлями намысленными (если и не всегда выполненными) законодателемъ и судьей. Ортоланъ усматриваетъ въ опредѣленіи права, данномъ Цельзіемъ, измѣненіе основъ въ римскомъ правѣ, происшедшее ко времени классическихъ юристовъ, когда право стало уже покоиться не на авторитетѣ, а на разумѣ, когда идея права стала высокофилософскою. Въ опредѣленіи Цельзія онъ не видитъ достаточнаго понятія о различіи между наукой, познаніемъ основныхъ истинъ, и искусствомъ, суммой правилъ, выведенныхъ изъ науки или практики. Тѣмъ не менѣе, по его мнѣнію, римскіе юристы произвели революцію въ способѣ пониманія права: принципъ разума былъ поставленъ ими на мѣсто принципа авторитета... Эта сила ра-

По поводу опредѣленія юриспруденціи, даннаго Ульпіаномъ, можно утверждать:

1) Что въ этомъ довольно темномъ опредѣленіи съ одной стороны высказывается различіе права религіознаго и права свѣтскаго (*ius profanum*). Текстъ означаетъ, что рядомъ съ положеніями, регулирующими отношенія людей между собою, право содержитъ положенія, опредѣляющія отношенія человѣка къ божеству, иными словами организацію культа. Съ другой же стороны, изъ этого опредѣленія видно, что юриспруденція есть наука о томъ, что согласно съ правомъ и что не согласно съ нимъ (*iustum et iniustum*).

2) Что Ульпіанъ хотѣлъ сказать, чтобъ быть истиннымъ юрисконсультomъ, чтобъ владѣть наукой права, нужно участвовать какъ въ природѣ Бога, такъ равно природѣ и назначеніи человѣка. Наука права предполагаетъ знаніе природы божеской и природы человѣческой. Что бы достигнуть знанія обязанности человѣка въ томъ или другомъ случаѣ, необходимо начать съ того, что бы участвовать въ великихъ задачахъ, составляющихъ предметъ философіи. Ульпіанъ, въ этомъ отношеніи, воспроизводитъ мысль, только въ иной формѣ, Цицерона: *Penitus ex intima philosophia hauriendam iuris disciplinam* (*de leg. I. 5*).

3) Что все опредѣленіе, не отдѣляя первой части его отъ второй, слѣдуетъ перевести такъ: юриспруденція есть знаніе вещей божескихъ и человѣческихъ съ цѣлью открыть, опредѣлить въ нихъ справедливое и несправедливое. Въ дѣйствительности, объекты, къ которымъ примѣняется юриспруденція, суть вещи божескія и человѣческія. Цѣль, съ которою она къ нимъ примѣняется: опредѣлить въ нихъ справедливое и несправедливое. Но прежде слѣдуетъ начинать съ познанія этихъ вещей. Данное объясненіе покажется еще болѣе точнымъ, если опредѣлить значеніе *notitia* въ смыслѣ простаго знанія, а *scientia* въ смыслѣ науки. *Res divinae* не означаютъ здѣсь только объекты, изъятые изъ коммерческаго оборота людей, которые Римляне называли *res divini iuris*, какъ напр

зума, добра и справедливости, образующая догму права, воспроизведены въ массѣ фрагментовъ римскихъ юрисконсультomъ и перешла даже въ императорскія конституціи. (*Explication historique des Instituts de l'Empereur Justinien. I*).

зданія, посвященныя богамъ. гробницы и т. п.; равно какъ и выраженіе *res humanae* не примѣняется только къ вещамъ *humani iuris*, назначеннымъ для пользованія людей, какъ напр. квартиры, земля, животныя и т. п. Слово *res* должно быть взято здѣсь въ смыслѣ болѣе обширномъ, потому что юриспруденція занимается похъ именемъ *res divinae* не только объектами матеріальными, каковы: храмы, гробницы, но еще религіозными церемоніями, назначеніемъ pontифексовъ, опредѣленіемъ ихъ власти, словомъ—религіозными учрежденіями среди римскаго общества. Подъ *res humanae* разумѣются не только квартира; земля, но такъ же люди, ихъ личность, права и обязанности, какъ въ частной жизни, такъ и публичной ¹¹⁷⁾.

По нашему мнѣнію, самое несовершенное толкованіе опредѣленія юриспруденціи, даннаго Ульпіаномъ, есть то, которое приписываетъ юриспруденціи рѣшеніе всѣхъ великихъ задачъ метафизики, которое признаетъ юриспруденцію тождественной съ философіей, въ смыслѣ науки универсальной, не дѣлающей различія между юридической и нравственной областями чело-вѣческой жизни. Ниже мы увидимъ, чѣмъ можно ограничить область юриспруденціи, оставаясь вѣрными опредѣленію Ульпіана. Болѣе приближается къ истинѣ мнѣніе, по которому въ область юриспруденціи входитъ разсмотрѣніе, какъ церковныхъ постановленій, такъ и свѣтскихъ опредѣленій. Нельзя такъ же считать вѣрнымъ объясненіе, по которому Ульпіанъ высказываетъ раздѣленіе вещей на вещи божескаго права и вещи права чело-вѣческаго, т. е. отождествляетъ выраженія: *res divinae et res humanae* съ выраженіями *res divini iuris* и *res humani iuris* ¹¹⁸⁾, потому что выраженіе *res* у Ульпіана шире, чѣмъ *res* въ *divini iuris*. Понятіе *res* въ первомъ случаѣ относится къ понятію *res* во второмъ, какъ родовое понятіе къ видовому, какъ *ius publicum* къ *ius vasrum* (по опредѣленію *iuris publici* въ пандектахъ).

Мы думаемъ, что Ульпіановскому опредѣленію юриспруденціи, дополненному Цельзіемъ, можно дать надлежащее тол-

¹¹⁷⁾ Ср. между прочимъ, Sano, Varroniana, 258. Accarias, pré-cis de droit romain, I, Demangeat, cours de droit romain, I. Ortolan, Explication historique des instituts.

¹¹⁸⁾ Сл. по этому случаю L. 1 pr. D. de interdictis (43, 1).

кованіе только тогда, когда мы ослабимъ мнѣніе о преобладающемъ господствѣ въ этомъ опредѣленіи идей греческой философіи. Стоя удали отъ того, какъ понимали это опредѣленіе Греки—теоретики (послѣдователемъ которыхъ состоялъ Ульпіанъ) и полагаясь на юридическія понятія римскихъ юристовъ, выраженные ими при опредѣленіи и рѣшеніи отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ (римскихъ юристовъ инымъ путемъ и понимать не слѣдуетъ: иначе истолкуемъ ихъ превратно) темному и сбивчивому, повидимому, Ульпіановскому опредѣленію юриспруденціи можно придать довольно отчетливое выраженіе. Весь вопросъ въ томъ: какъ понимать слова: *scientia* и *notitia*? Если слову *scientia* придавать значеніе объединенія суммы свѣдѣній, то мы впадемъ въ ту крайность, по которой юриспруденція есть наука, обнимающая все человѣческое знаніе, что несогласно съ характеромъ юриспруденціи въ ея истинномъ смыслѣ. По этому, мы ближе будемъ къ истинѣ, если станемъ держаться мнѣнія ¹⁴⁹⁾ по которому *scientia* слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ духовной дѣятельности человѣка, направленной на объединеніе разнообразныхъ признаковъ различныхъ предметовъ, но въ смыслѣ умственной работы, стремящейся къ различенію свойствъ въ познаваемыхъ предметахъ, а отсюда—и самыхъ предметовъ. Въ значеніи различія между предметами слѣдуетъ понимать и слово *notitia*. Такимъ образомъ, если слово *notitia* означаетъ различіе между предметами, а слово *scientia*—различительное знаніе, то опредѣленіе юриспруденціи, данное Ульпіаномъ, получить слѣдующее выраженіе:

Юриспруденція есть наука, показывающая различіе между тѣмъ, что относится къ божеской власти и тѣмъ, что относится къ власти человека.

Выражаясь иначе: юриспруденція различаетъ область религіи и морали отъ области права. Изъ этого мы видимъ, что юриспруденція показываетъ то, что не входитъ въ ея сферу и чѣмъ она можетъ быть. *Res divinae* отходитъ въ разсмотрѣніе теологовъ и моралистовъ, а *res*

¹⁴⁹⁾ Это мнѣніе мы находимъ, между прочимъ, у Pollock'a въ его «Methods of Jurisprudence, 1862.

и *homo* — юристовъ въ томъ смыслѣ, что право не касается мотивовъ (*res divinae*) дѣйствія. Область юриспруденціи обнимаетъ *res humanae* въ смыслѣ учреждений человѣческаго общества (сюда, значитъ, въ известной степени, войдутъ и религіозныя учрежденія). Въ такомъ случаѣ, другая часть Ульпіановскаго опредѣленія (со словъ Цельзія): *iusti atque iniusti scientia* — будетъ означать знаніе (различительное) того, что справедливо и того, что несправедливо (знаніе разницы между справедливымъ и несправедливымъ). Здѣсь справедливое и несправедливое должно означать нѣчто относящееся къ *res humanae*, нѣчто дозволенное и не дозволенное правилами, предписанными или считающимися за таковыя, опредѣленнымъ человѣческии авторитетомъ.

Такимъ образомъ, изъ толкованія Ульпіановскаго опредѣленія юриспруденціи, раздѣляемаго нами, кажется ясно видно, что мнѣніе, — по которому теорія права у Римлянъ, въ совершенной противоположности съ практикою, не получила никакой самостоятельности, — по которому опредѣленіе Ульпіана, приведенное выше и т. н. *praeserta iuris*, говорятъ-де наглядно, что составъ правовѣдѣнія представлялся Римлянамъ въ прежнее хаотическомъ смѣшеніи религіи, нравственности и права¹⁵⁰⁾ — должно быть признано если не несостоятельнымъ, то, по крайней мѣрѣ, принято, съ громадными ограниченіями.

Мы указали, что изъ Ульпіановскаго опредѣленія юриспруденціи можно вывести заключеніе объ известномъ разграниченіи римскими юристами области права отъ области морали и религіи. Теперь укажемъ, что и т. н. *praeserta iuris* не говорятъ такъ же въ пользу хаотическаго смѣшенія Римлянами религіи и морали съ правомъ.

Уже въ свое время знаменитый Савиньи замѣтилъ¹⁵¹⁾, что основныя положенія права у Римлянъ не были на самомъ дѣлѣ юридическими правилами, а скорѣе нравственными предписаніями, на которыхъ основываются юридическія

¹⁵⁰⁾ Напр. П. Г. Рѣдкинъ проводилъ это мнѣніе въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ профессоръ С.-Петербургскаго университета по предмету юридической энциклопедіи. Ср. Его же «обозрѣніе литературы по юридической энциклопедіи». Юрид. Зап. изд. Рѣдкинымъ и Яневичемъ, т. IV.

¹⁵¹⁾ Savigny, System, I стр. 406—409, 410.

правила. *Honeste vivere*, по словамъ Савиньяи, есть поддержаніе нравственнаго достоинства въ собственной личности, на сколько это достоинство проявляется во внѣ (*äusserlich sichtbar wird*). *Neminem laedere* есть уваженіе чужой личности, какъ таковой, слѣдовательно практическое признаніе т. н. прирожденныхъ правъ. *Suum cuique tribuere* есть признаніе всѣхъ правъ, приобрѣтенныхъ другими лицами.

По видимому, второе и третье правило дѣйствительно правовыя положенія, только первое нѣтъ. На самомъ же дѣлѣ всѣ эти правила вовсе не юридическія правила, а только основанія этихъ правилъ. Третье правило есть нравственное предписаніе справедливости, которое имѣетъ здѣсь съ системою приобрѣтенныхъ правъ одинаковое содержаніе и одинаковый объемъ. Точно также и второе правило служить несомнѣнно источникомъ происхожденія многихъ важнѣйшихъ юридическихъ правилъ. Даже и первое правило является основаніемъ происхожденія юридическихъ положеній и можетъ быть, по этому, названо *iuris praescriptum*, въ смыслѣ Ульпіана. Напр. изъ него произошли юридическія учрежденія, направленные противъ нарушенія *boni mores*, противъ *turpe* (сюда относятся недѣйствительность договоровъ, содѣйствующихъ прямо или косвенно безнравственному, равно какъ *condictio ob turpem causam*). Сюда же принадлежитъ важнѣйшая и обширная масса юридическихъ положеній, которыя основываются на требованіи правды (*Wahrheit*) и честности, слѣдовательно, самое разнообразное вліяніе *dolus*'а на всѣ части частнаго права. Объ этихъ юридическихъ положеніяхъ можно сказать, что они принадлежатъ первому и второму *praescriptum* вмѣстѣ. Слѣд. три *Praescripta iuris* во все не юридическія правила, но они основываютъ классификацію юридическихъ положеній по ихъ происхожденію (но пусть никто не думаетъ, что на этомъ порядкѣ основывается система права).

Если будемъ опредѣлять порядокъ трехъ *praescripta* по ихъ внутренней сущности, то самое высшее мѣсто должно занять первое правило, какъ самое внутреннее и вмѣстѣ съ тѣмъ носящее въ себѣ зародышъ (*Keim*) другихъ; второе — уже имѣетъ внѣшній характеръ, а третье — еще болѣе. По этому, эти оба могутъ быть разсматриваемы совершенно независимо отъ нравственнаго настроенія юридически

дѣйствующаго лица. Обратнo, если обращать вниманіе на важность и плодотворность трехъ праесерта для права, то отношеніе ихъ будетъ прямо противоположное. Третье правило есть самый обильный источникъ юридическихъ положеній, второе и первое послѣдовательно менѣе плодотворны и это очень естественно, потому что право, по своей сущности, принадлежитъ къ области внѣшней совмѣстной жизни людей.

Ортоланъ идетъ далѣе Савинія. Онъ находитъ, что правила, начертанныя Ульпіаномъ, имѣютъ юридическій характеръ. Если вы разсматриваете, говоритъ Ортоланъ, право въ тѣсномъ смыслѣ слова, *ius* (*quod iussum est*) есть то, что предписано, и если вы будете разсматривать не правила морали, а по истинѣ императивныя правила (*iuris praescripta*), то найдете еще три слѣдующія правила: 1) законы, служащіе гарантіею добрыхъ нравовъ и публичной чести,—это тѣ законы которые запрещаютъ брату жениться на сестрѣ, одному лицу имѣть двѣ жены, вдовѣ вступать въ бракъ во второй разъ до истеченія траурнаго года Эти и другія правила не правила моральныхъ, но юридическія положенія. За неисполненіе ихъ полагается наказаніе. Эти правила содержатся въ *honeste vivere*. Законы, которые запрещаютъ вредить другому (лицу или его имуществу) напр. если бы я ранилъ умышленно моего сосѣда, содержатся въ словахъ *alterum non laedere*. Наконецъ, законы, предписывающіе отдавать каждому то, что ему принадлежитъ, напр. если сосѣдъ продалъ мнѣ свой домъ, то я долженъ заплатить ему за это, содержатся въ *uius cuique tribuere*¹⁵²⁾.

Мы, со своей стороны, стоимъ на томъ мнѣніи, которое проводится Савинія, а именно: что въ такъ называемыхъ правилахъ права, данныхъ Ульпіаномъ, не заключаются юридическія положенія, а нравственныя основанія юридическихъ нормъ. Въ этихъ правилахъ указывается на тѣсную связь двухъ родственныхъ областей: морали и права; на тѣсную зависимость юридической дѣятельности лица отъ его нравственнаго состоянія. Мы скажемъ еще болѣе. Въ словахъ Ульпіана обнаруживается мысль, что область морали отъ области права совершенно отдѣлать невозможно: первая заходитъ во вторую и

¹⁵²⁾ Ortolan, Explication des Institutes.

вторая, гдѣ это необходимо проникаетъ въ первую; что въ тѣхъ случаяхъ, когда нравственная дѣятельность лица непосредственно вліяетъ на общественный порядокъ вещей или же когда право бессильно оцѣнить съ своей внѣшней стороны поступки людей, праву пособляетъ нравственность и первое заходитъ въ сферу второй.

Не усматривая хаотическаго смѣшенія морали съ правомъ ни въ опредѣленіи юриспруденціи, ни въ общихъ положеніяхъ права, мы видимъ, что Римляне стремились выдѣлить область права изъ области морали и религіи. Указаніе же Ульпіана на *gracertum iuris* даетъ намъ основаніе сказать, что юристы классическаго времени возвысились до понятія права, въ смыслѣ объективной формы осуществленія нравственнаго закона человѣческой жизни въ совмѣстной жизни людей. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Ортоланъ, въ своемъ толкованіи правилъ права, перешелъ границу возможнаго ихъ истолкованія. Онъ слилъ принципы, на которыхъ покоятся юридическія правила (поддержаніе нравственнаго достоинства собственной личности, уваженіе чужой личности, признаніе правъ другихъ людей) съ самыми юридическими нормами, съ результатами, вытекшими изъ принциповъ права, такъ напр. запрещеніе жениться на сестрѣ не есть самое *gracertum honeste vivere*, а только явленіе юридической жизни, основанное на этомъ *gracertum*.

Заканчивая характеристику теоретическаго опредѣленія римскими классическими юристами юриспруденціи, мы остаемся при нашемъ убѣжденіи, по которому при оцѣнкѣ теоретическихъ опредѣленій римскихъ юристовъ ни на одинъ моментъ не слѣдуетъ упускать изъ вниманія ихъ сужденія, высказываемыя ими при рѣшеніи частныхъ конкретныхъ случаевъ жизни. Мы узнаемъ духъ римскихъ юристовъ чрезъ ихъ только практику (а здѣсь они старались, по возможности, отдѣлять область религіи и морали отъ области права) (казуистика). Если римскіе юристы въ періодъ увлеченія Римлянъ греческою философіею и облекли свои идеи въ греческую форму (напр. вставили опредѣленіе *iuris prudentia* въ опредѣленіе *σοφία*), то это еще ничуть не принуждаетъ насъ утверждать, что римскіе юристы соединяли, напримѣръ, со словомъ юриспруденціи именно тоже самое понятіе, какое имѣли стоици

о мудрости. Будетъ совершенно согласно съ духомъ римскаго права и юридическимъ міровоззрѣніемъ Римлянъ, если въ греческихъ формахъ мы признаемъ специфически римскій взглядъ на право и юриспруденцію, если просто скажемъ, что Римлянинъ, усвоивъ идеи греческой философіи, не сдѣлался грекомъ, а остался по прежнему Римляниномъ съ своими особыми юридическими міровоззрѣніями.

3) Практическая дѣятельность классическихъ римскихъ юристовъ.

Характеръ, какъ практической, такъ и теоретической дѣятельности римскихъ юристовъ, въ блестящій періодъ римской юриспруденціи подвергается радикальному преобразованію. Мы сперва рассмотримъ практическую дѣятельность римскихъ юристовъ, а затѣмъ разберемъ и теоретическую ихъ работу.

Едва вы коснетесь практической дѣятельности римскихъ юристовъ, какъ предъ вами сейчасъ же выступятъ на первый планъ *responso prudentium*—этотъ могучій факторъ развитія и совершенствованія римскаго права. *Responso prudentium* проникали въ самую глубину римской общественной жизни и оставили на себѣ слѣды всѣхъ социальныхъ явленій, съ которыми они имѣли отношеніе. Въ *responso prudentium* особенно наглядно выразился юридическій гений римскаго народа. Намъ кажется, не будетъ парадоксальнымъ, если мы скажемъ, что слово *respondere* было преобладающею формою выраженія сущности римскаго права,—формою, въ которой авторитетъ юристовъ являлся творцемъ римскаго права. Изъ *respondere* вытекло *docere*, изъ *respondere* и *docere*—*stationes (ius respondentium aut docentium), professores iuris....*, за тѣмъ—*scholae* или *sectae....* Словомъ все, что служитъ представителемъ римской цивилизаціи въ области права. Мы видимъ, такія образцы, что *responso prudentium* составляютъ пунктъ, съ котораго начинается и при посредствѣ котораго развивается юриспруденція

у Римлянъ. По мѣрѣ того, какъ жизнь удалялась отъ науки права исчезала постепенно и сила *responsa prudentium* ¹⁵⁴⁾.

Мы сейчасъ сказали, что съ *responsa prudentium* ¹⁵⁵⁾ начинается римская юриспруденція. Характеръ ихъ видоизмѣнился, смотря по степени развитія юридическихъ понятій у Римлянъ и общественнаго значенія юрисконсультовъ. Возвратимся къ старымъ римскимъ *iuris — consulti, consulti, iuris — periti, periti, iuris — prudentes* и т. д., и мы увидимъ, что во время юридической монополіи жрецовъ только послѣдніе владѣли специальнымъ знаніемъ права, отличающимъ ихъ отъ простой толпы и дающимъ имъ большой вѣсъ въ обществѣ. Свои юридическія познанія они влагали въ форму *responsa*. Въ періодъ господства понтификальной юриспруденціи *responsa* (мнѣнія, совѣты) юрисконсультовъ ¹⁵⁶⁾, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, получили рѣшающее значеніе въ судахъ въ силу высокаго положенія въ тогдашнемъ обществѣ коллегіи понтификовъ. Со временемъ, обладаніе юридическимъ знаніемъ мало по малу сдѣлалось доступнымъ всѣмъ и каждому. *Responsa* тогда могъ давать всякій, кто чувствовалъ себя къ тому способнымъ. По этому, выдѣляется рядъ лицъ, которые дѣлаютъ юридическое занятіе своимъ специальнымъ жизненнымъ призваніемъ. Такъ какъ занятіе правомъ у Римлянъ

¹⁵⁴⁾ Savigny, System, § 26.

¹⁵⁵⁾ Давать совѣты не было единственною дѣятельностью и даже не было главнѣйшею въ то время, когда правовѣдніе удерживало свой древнѣйшій характеръ; только въ позднѣйшія времена, когда уже былъ подготовленъ переходъ къ наукѣ права, дѣятельность эта заняла первое мѣсто въ знаніи юриста (Пухта, исторія Римскаго права, стр. 178).

¹⁵⁶⁾ Юридическій совѣтъ касался вначалѣ почти исключительно того, какимъ образомъ сообразно съ цѣлью можно было право привести въ дѣйствіе, какъ должно было заключить правовую сдѣлку, какія при этомъ необходимо предпринимать средства для обезпеченія и огражденія себя отъ вреда. Таковое значеніе имѣетъ выраженіе *са в е ге*. Наконецъ, правовѣды вѣроятно принимали участіе и въ выполненіи ихъ совѣта, прилагая дѣятельность свою при заключеніи сдѣлки или въ веденіи процесса (*агеге*). Вмѣстѣ съ тѣмъ они заботились также о письменномъ изложеніи правовыхъ дѣлъ посредствомъ своихъ дисцовъ, что выражается словомъ *асcribeге*, какъ обозначеніе отрасли юридическихъ знаній. (Пухта, исторія, стр. 178. Ср. Cicero, de oratore, I, 48).

было занятіемъ національнымъ, такъ какъ они высоко чтли право, то часть этого высокаго уваженія къ занятію правомъ и къ самому праву они переносили на тѣхъ, которые были преданы этому занятію и на результаты ихъ дѣятельности. Вотъ почему, геронъ вышелшія отъ юрисконсульта, извѣстнаго въ обществѣ своими юридическими познаніями, получали фактически, въ силу довѣрія и уваженія къ мнѣніямъ юрисконсульта, громадное значеніе въ глазахъ судьи, магистрата и частныхъ лицъ. Едва ли случалось когда либо, говорить Пухта, чтобъ магистратъ или судья поступили вопреки геронъ значительнаго юриста безъ весьма основательныхъ причинъ, именно, не имѣя за себя авторитета другихъ юристовъ. Авторитетъ геронъ, теперь, во время всеобщей доступности юридической профессіи, имѣлъ чисто внутреннее, нравственное основаніе ¹⁵⁷⁾.

Мѣстомъ практической дѣятельности юристовъ былъ домъ самого юрисконсульта или же *forum*. Сидя на своемъ *atrium*, окруженный клиентами и тѣми, кто приходилъ къ нему за совѣтами, юрисконсультъ давалъ свой геронъ, какъ какой-либо оракулъ ¹⁵⁸⁾. Кто изъ юрисконсультовъ пріобрѣталъ больше славы, около того собиралась и самая большая толпа ¹⁵⁹⁾.

¹⁵⁷⁾ О значеніи юрисконсульта въ глазахъ судьи Цицеронъ говоритъ, *Ipse Crassus non ita causam apud centumvirose egit, ut contra iuriconsultos diceret: sed ut hoc doceret, illud, quod Scaevola defendebat, non esse iuris et in eam rem non solum rationes afferet, sed etiam Q. Mucio, socero suo multique peritissimis hominibus auctoribus uteretur. Qui autem interpretes iuris vituperat, si imperitos iuris esse dicit; de hominibus, non de iure civili detrahit: sin peritis non putat esse optemperandum: non homines laedit, sed leges ac iura labefactat (oratio pro Caecina, XXIV, XXV).*

¹⁵⁸⁾ *Est enim sine dubio domus iuriconsulti totius oraculum civitatis, гов. Цицеронъ. Въ примѣръ при этомъ приводится М. Сцевола, у котораго, не смотря на слабость его здоровья и преклонный возрастъ, портки были всегда наполнены толпою Римлянъ. Самые знаменитые изъ гражданъ приходили массами къ нему за совѣтомъ (de orat. I. 45). Тотъ же Цицеронъ, въ своей oratio pro Murenâ (IX) подробно описываетъ жизнь юрисконсульта.*

¹⁵⁹⁾ Общество старалось предоставлять такому юристу даже помѣщеніе на свой счетъ, какъ это мы видимъ изъ L. 2 § 37. D. De origine iuris (1. 2) относительно Гая Сципіона Назини.

Домашнія консультаціи у Римлянъ были самыми обычными. Въ своемъ дому юрисконсультъ устанавлялъ родъ трибуны, съ которой онъ давалъ рѣшеніе трудныхъ, ему предложенныхъ вопросовъ. Съ ранняго утра громадное число кліентовъ осаждало двери его квартиры. Консультаціи давались или словесныя или письменныя, смотря по важности содержанія или по свойству мѣста, гдѣ были даваемы консультаціи.

Кромѣ домашнихъ консультацій, консультаціи происходили также и на публичной площади (*forum*). Юрисконсульты прогуливались по площади, чтобы удобнѣе было давать совѣты тѣмъ, кто могъ въ нихъ нуждаться для веденія своихъ дѣлъ ¹⁶⁰). Въ этомъ случаѣ давались только устные совѣты. Для консультацій, даваемыхъ на площади, обычай ввелъ нѣкоторыя формальности. Тотъ, кто шелъ къ юрисконсульту или встрѣчалъ его на площади, на *forum*'ѣ, подходилъ къ нему, говоря: *licet consule*, т. е. можно ли съ вами посоветоваться. Если юрисконсультъ принималъ предложеніе, то отвѣчалъ: *consule*, т. е. я согласенъ, чтобы со мной посоветовались. Тогда кліентъ объяснялъ ему свое дѣло и оканчивалъ свой рассказъ словами: *quae an existimes* или *idius est*, *ne*, т. е. я прошу васъ сказать мнѣ, хорошо ли это дѣло. Наконецъ, если юрисконсультъ склонялся на сторону съ нимъ совѣтовавшагося, то послѣднему отвѣчалъ: *secundum ea quae proponuntur existimo, placet, puto*, т. е. дѣло вами мнѣ предлагаемое, мнѣ кажется справедливымъ. Иногда даже юрисконсультъ мотивировалъ свое мнѣніе и подтверждалъ его нѣкоторыми авторитетами или закономъ, подъ который подходилъ данный случай.

Какъ бы ни были превосходны рѣшенія одного юрисконсульта по обыкновеннымъ дѣламъ, иногда возникали важные вопросы, рѣшеніе которыхъ однимъ человекомъ не могло быть удовлетворительно. Вотъ почему, эти важные вопросы обсуждались публично, въ присутствіи многочисленныхъ гражданъ. Это обсужденіе важнаго вопроса публично, въ которомъ каждый отстаивалъ свое мнѣніе, называлось *disputatio fore*, о которомъ Помпоній упоминаетъ въ L. 2 § 5 D. de O. I. (1. 2) ¹⁶¹).

¹⁶⁰) Cicero, de oratore, III, 33.

¹⁶¹) Ср. Ortolan, I, стр. 197 и слѣд. Реапрона разныхъ юристовъ, говорить Пухта, верѣдно были противоположны (о чемъ упоминаетъ Ци-

Такимъ путемъ обсужденные предметы доставляли рѣшеніе, которое устанавливалось по большинству голосовъ. Правда, что рѣшенія, происшедшія изъ этихъ диспутовъ, не имѣли силы закона, но они получали громадный авторитетъ, когда укрѣплялись обычаемъ.

Юрисконсульта окружали ученики, которые слѣдовали за нимъ по площади, записывали отвѣты, имъ даваемые, и такимъ образомъ, приготовляли себя къ будущей юридической карьерѣ ¹⁶²⁾. Они составляли сборники различныхъ рѣшеній, къ которымъ, для полноты своего образованія, они присоединяли изученіе (наизусть) законовъ XII таблицъ. Никто, безъ сомнѣнія, не будетъ утверждать, что ученики получали тогда связанное научное представленіе о правѣ. Собранные отвѣты юристовъ (*responso prudentium*) составляли практическое руководство въ судѣ и администраціи. Авторитетъ ихъ возрасталъ постепенно, съ ними сообразовали вновь возникавшіе случаи, они становились, въ силу обычая, обязательными и причислялись къ *ius non scriptum*.

церонъ: *pro Murena*, 13. *de orat.* 1. 38—41. 56—57. *Brut.* 52. *Top.* 8—10 и т. д.). Въ обсужденіяхъ (*disputatio forei*) одного и того же вопроса нѣ сколькими юристами могли встрѣтиться противныя мнѣнія (*controversi*мы). Нужно было выработать одно обобщающее мнѣніе, что по Пухтѣ, ведетъ къ научной обработкѣ права. Въ контроверзахъ Пухтѣ видитъ первый зародышъ науки, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, совершается распознаваніе права по внутреннимъ его основаніямъ, что становится доступнымъ только при научной обработкѣ права (*исторія...* стр. 177 и примѣч. к. 1.). Можно думать, что титулъ *de regulis iuris* есть не иное что, какъ собраніе положительныхъ правилъ, происшедшихъ, между прочимъ, изъ такихъ публичныхъ диспутовъ.

¹⁶²⁾ Знанія, составлявшія собственно правовѣданіе, пріобрѣтались непосредственно практическимъ путемъ, посредствомъ пассивнаго, а современемъ и активнаго участія въ дѣлахъ какого либо знаменитаго правовѣда. Поэтому то учащіеся назывались *auditores*. О школьномъ преподаваніи не было и рѣчи... Издревле въ Римѣ съ практическимъ званіемъ юриста соединялась подготовка молодыхъ людей къ тому званію, считалось за честь представлять стремящихся къ такому званію, и такое возрѣваніе, вѣроятно, не мало способствовало сохраненію достоинства въ практическихъ занятіяхъ, что хвалитъ въ нихъ Цицеронъ (*Cic. de orat.* I. 45; *Sp. Orat.* 41) и предохраняло отъ превращенія ихъ въ механическое ремесло (Пухтѣ, *исторія...* стр. 183, 356).

Мы уже упоминали, что во время республики, каждый кто чувствовал себя способным дѣйствовать на юридической аренѣ, могъ давать отвѣты: могъ *publice respondere*. Въ данномъ случаѣ словомъ *publice* обозначалась публичная общественная дѣятельность каждаго изъ юристовъ въ противоположность понтификальной дѣятельности. При томъ, отвѣчать *publice* значило говорить предъ публикой, а не давать отвѣты или содержаться, въ качествѣ профессора, на счетъ публики или государства ¹⁶³).

Публичная дѣятельность юристовъ (*publice respondere*) неразрывно связана съ *stationes ius publice respondentium* ¹⁶⁴). Говоря точнѣе: первая вызвала къ жизни вторыя, какъ центры практической дѣятельности юристовъ. Здѣсь рѣшались конкретныя жизненные вопросы; публика была не постоянная, но то и дѣло мѣняющаяся; разсужденія велись между предлагающимъ вопросомъ и юрисконсултомъ, на него отвѣчающимъ, при чемъ въ разсужденіяхъ (преніяхъ) могла принимать участіе и публика. Здѣсь не искали цѣльнаго теоретическаго

¹⁶³) Pomponius (L. 2 § 35. D. De O. I. (1. 2) говоритъ: *ex omnibus, qui scientiam (iuris civilis) nacti sunt, ante Tiberium Coruncanium publice professum neminem traditur*. Здѣсь, по словамъ Бремера, Пухты, говорится о всеобщей доступности Корунканія для каждаго гражданина *Publice* означаетъ говорить предъ публикой, между прочимъ, замѣчаетъ Бремеръ, у слѣдующихъ авторовъ: Sueton, Domit 2; rhet. 1. Seneca, praef. exc. cont. 4. 5; Pomponius, (L. 2 § 47. D. De O. I. (1. 2): *Sabino concessum ut populo responderet*. Въ означенномъ выше смыслѣ слова *publice*, говорятъ наши источники о *publice respondere, iuris scientiam publice profiteri, iura publice interpretare, ius publice docere, ius или de iure publice respondere*. См. Bremer, Die Rechtslehrer und Rechtsschulen im Römischen Kaiserzeit, 1868, стр. 10. Пухта, стр. 175.

¹⁶⁴) А. Геллій въ *Noctes Atticae*, XIII, 13 сообщаетъ намъ о существованіи двухъ *stationes* въ Римѣ: *Cum ex angulis secretisque librorum ac magistrorum in medium iam hominum et in lucem fori prodissent, quaesitum esse memini in plerisque Romae stationibus ius publice docentium aut respondentium, an quaestor populi romani ad praectorem in ius vocari solet*. Значить, было два пункта: въ одномъ публично учили, а въ другомъ публично подавали совѣты. Мы имѣемъ теперь въ виду преимущественно *statio* второго рода, о первой же скажемъ ниже.

юридическаго образованія, но только совѣтовъ и поученій касательно того, какимъ образомъ поступать въ томъ или другомъ процессуальномъ актѣ или какъ понимать и подвести подъ данный законъ соответствующій казусъ.

Но *statio respondentium* не была такъ сказать только мѣстомъ, гдѣ римскіе граждане обучались юридическому мастерству. Она служила также и научнымъ интересамъ. Богѣе подготовленные юноши—юристы здѣсь находили средства, чрезъ слушаніе дебатовъ, укрѣпить свои теоретическія познанія, или же, чрезъ непосредственное участіе въ дебатахъ, испробовать свои юридическія научныя силы. Мы ниже увидимъ, что рядомъ съ *stationes ius publice respondentium* существовали *stationes ius publice docentium*, въ которыхъ обучали праву *praesepiores, magistri*. Такъ какъ *praesepiores, magistri* изъ *stationes respondentium* фигурировали въ одни часы, какъ *docentes*, а въ другіе—какъ *respondentes*, то въ *stationes respondentium* происходили своего рода практическія занятія учениковъ или семинаріи подъ руководствомъ опытнаго профессора *iuris civilis*. Въ нихъ происходило оправданіе теоретическихъ истинъ, преподаваемыхъ доцентомъ своимъ ученикамъ въ *stationes docentium*¹⁶⁵). Но какъ бы то ни было, является безспорнымъ, что въ классическую эпоху римской юриспру-

¹⁶⁵) Юліанъ называетъ Я Приска своимъ учителемъ, который безспорно былъ и *respondens* (L. 5. D. de manup. vind. (40, 2). Ульпіанъ, публичный диспутантъ, называетъ Модестина своимъ ученикомъ (L. 52, § 20. D. de furt. (47, 2). Почти всѣ извѣстные юристы выступали какъ *ius publice respondentes*. Въ этомъ отношеніи можно указать на Лабео-на (Gellius, XIII, 10), юнаго Нерву (L. 2. § 47. D. De O. l. (1, 2) и друг. Цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ научно и для практическаго употребленія обрабатывался матеріалъ, обсуждавшійся въ *stationes ius respondentium* подъ заглавіемъ: *publicarum disputationum* или просто *disputationum*, или *quaestionum publice tractatorum libri*, принадлежитъ лицамъ, занимавшимся теоретическимъ просвѣщеніемъ юношества (въ *stationes docentium*). Изъ этого факта можно вывести предположеніе о соединеніи дѣятельности доцентовъ съ дѣятельностью респондентовъ. Cicero, Brut. 89. См. Бремеръ, *Rechtslehrer und Rechtsschulen*, стр. 15 и слѣд.

денціи органами преимущественно практической дѣятельности римскихъ юристовъ слѣдуетъ считать *stationes iuris* или *de iure respondentium*.

Publice respondere, достигшее своего апогея во времена республики, въ значительной степени видоизмѣняется при императорахъ чрезъ *ius (publice) respondendi*. Къ этому видоизмѣненію привела сила обстоятельствъ. Какъ извѣстно, благодаря многимъ благоприятнымъ условіямъ, юристы времени республики, сдѣлались всесильными. Свое всесиліе они перенесли и въ имперію. Такъ: должность претора, консула... занимаютъ преимущественно юристы. А кому неизвѣстно, какое значеніе въ римской жизни имѣла дѣятельность магистрата, въ частности претора!... Къ юристамъ переходятъ должности правителей республики, эдиловъ; юристы—ассессоры въ совѣтъ магистрата (*consilium, auditorium*), а впоследствии — и императора ¹⁶⁶); къ нимъ стремится гражданинъ за совѣтомъ по поводу почти всѣхъ вопросовъ общественной и частной своей жизни: они консультаты; они возбуждаютъ ревность къ наукѣ и развиваютъ упорно юридическое просвѣщеніе между Римлянами: они профессора права и т. д. Словомъ, дѣло обстояло такъ, что всесиліе юристовъ въ началѣ имперіи считалось бесспорнымъ. Военная и ораторская профессія никогда не могли уже дать того, что доставляла юриспруденція: военные и ораторы были отодвинуты юристами на задній планъ. Отсюда понятна зависть со стороны первыхъ по отношенію къ юристамъ; отсюда понятно, что напримѣръ Цицеронъ, признавая юриспруденцію второю наукою государственнаго челоуѣка, не могъ выносить преобладающаго общественнаго и государственнаго вліянія юрисконсультовъ ¹⁶⁷). Популярность юрисконсультовъ,

¹⁶⁶) Этотъ совѣтъ, образованный первоначально по обычаю, при императорахъ сталъ постояннымъ учрежденіемъ. Преемствъ, преторы и самъ императоръ (*L. 40. D. de reb. cred. (12. 1)*) имѣлъ свой совѣтъ специально называемый *auditorium*. Такіе совѣты, предназначенные первоначально приготовить эдикты, формулы вѣговъ, императорскія конституціи, составлялись конечно изъ лицъ знающихъ право, такъ что подъ именемъ и отвѣтственности магистрата или императора скрывалась въ сущности мысль юрисконсультовъ,—мысль, которая проникала въ судебныя рѣшенія и законодательные акты. (*L. 5. D. Si a pag. quis... (37, 12)*).

¹⁶⁷) *C. Cicero, pro Murena, XII.*

какъ извѣстно, не правилась Цезарю, который хотѣлъ соединить всѣ законы въ одинъ точно-опредѣленный кодексъ, съ цѣлью уничтожить значеніе юрисконсультовъ¹⁶⁸⁾. Позднѣе Юлія Гуга подѣ дѣйствіемъ того же самаго мотива покаялся уничтожить юрисконсультовъ. Августъ также не былъ расположенъ къ юристамъ. Онъ не желалъ, чтобы юристы какимъ либо образомъ затормозили развитіе новаго порядка вещей. Вопросъ объ отношеніи императора къ юристамъ на почвѣ толкованія и развитія права въ умѣ Августа возникъ самъ собою. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ власти, подчинивъ себѣ магистратъ, Августу оставалось разрушить авторитетъ юрисконсультовъ, авторитетъ популярнаго и публичнаго толкованія права. Рѣшеніе этого вопроса требовало со стороны Августа большой осмотрительности и большаго благоразумія. Въслѣдствіе особеннаго значенія юрисконсультовъ въ обществѣ сломить авторитетъ ихъ было не слишкомъ легко и не весьма удобно. Нужно было, не оскорбляя національнаго чувства подданныхъ, признать авторитетъ юрисконсультовъ, но такъ, чтобы они въ то же время были въ зависимости отъ императорской власти, т. е. нужно было, не нападая прямо на людей, пользующихся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ, примирить ихъ положеніе съ новымъ порядкомъ вещей. Словомъ, приходилось, удержавъ значеніе юрисконсультовъ, какъ необходимость, лишить ихъ законодательной функціи¹⁶⁹⁾. Августъ вышелъ изъ затрудненія, даровавъ нѣкоторымъ изъ юристовъ *ius*

¹⁶⁸⁾ E. Glasson, *Etude sur Gaius et le ius respondendi*, 1867, § 37 Пухта, стр. 431 ср. на стр. 388 примѣч. Рудорфа.

¹⁶⁹⁾ Glasson, *Etude sur Gaius et le ius respondendi*, Paris, 1867 § 37, Пухта говоритъ: Августъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы увлечься мыслию о томъ, что ему удастся устранить или значительно ограничить значеніе юристовъ, но и онъ, подобно предшественникамъ считалъ необходимою связать ихъ какимъ бы то ни было образомъ съ новымъ устройствомъ и сдѣлать ихъ отъ него зависимыми. Для достиженія этого требовалось, чтобы дѣятельность юристовъ перестала быть, въ извѣстной степени, частнымъ дѣломъ. Лучше всего было бы превратить ихъ званіе въ должность, но такая форма была бы въ высшей степени противна сущности дѣла, а потому и ненадежна. Онъ избралъ средній путь, онъ началъ раздавать *ius respondendi*, господа должны были впредь подаваться подѣ его авторитетомъ. Такимъ образомъ, говорилъ Августъ, дѣятельность юристовъ, не будетъ ослаблена, напротивъ получитъ въ силѣ приращеніе (стр. 431, 432).

respondendi ex principis auctoritate ¹⁷⁰⁾ и создавъ, такимъ образомъ, классъ привилегированныхъ юристовъ, говорящихъ именемъ императора. Съ Августа образовались двѣ категоріи responsa: однѣ изъ нихъ исходили отъ привилегированныхъ, патентованныхъ юрисконсультовъ, а другія—исходили отъ всѣхъ остальныхъ юристовъ, т. е. отъ не получившихъ ius respondendi.

Въ юридической литературѣ существовалъ споръ и продолжается до сихъ поръ разногласіе относительно природы и обязательной силы responsorum, исходящихъ отъ привилегированныхъ юристовъ. Споръ и разногласіе происходятъ на одной почвѣ: I) на L. 2 § 47. D. de origine iuris (1. 2), II) на § 8 Институцій Юстиніана титула de iure naturali, gentium et civili (1. 2). III) на § 7, I-го комментарія институцій Гая.

Помпоній въ L. 2 § 47. D. De orig. iuris (1. 2) говорить:..... et ut obiter sciamus, ante tempora Augusti publice respondendi ius non a principibus dabatur, sed qui fiduciam studiorum suorum habebant consulentibus respondebant. Neque responsa utique signata dabant, sed plerumque iudicibus ipsi scribebant, aut testabantur, qui illos consulebant. Primus Divus Augustus, ut maior iuris auctoritas haberetur, constituit, ut ex auctoritate eius responderent.

Въ институціяхъ Юстиніана § 8, de iure naturali, gentium et civili (1. 2) читаемъ: Responsa prudentium sunt sententiae et opiniones eorum, quibus permissum erat iura condere. Nam antiquitus institutum erat, ut essent, qui iura publice interpretarentur, quibus a Caesaro ius respondendi datum est, qui iuriscon-

¹⁷⁰⁾ Пухта, исторія римскаго, права, стр. 429 и слѣд. 1851. Sanio, Das Fragment des Pomponius de origine iuris, I: Varroiana in der Schritten der römischen Juristen. 1867. Bremer, Rechtslehrer und Rechtsschulen стр. 10 и слѣд. Savigny, System des heutigen römischen Rechts. Glanville, Etude sur Gaius, 1867.

Изъ текста, кажется, ясно видно, что ius respondendi не слѣдуетъ смѣшивать съ publice respondere. Первыми обладали только юристы авторизованные императоромъ, а послѣднимъ владелъ каждый, какъ это было до Августа. Publice respondere могли всѣ qui fiduciam studiorum suorum habebant, consulentibus respondebant (L. 2 § 47. D. de O. I. (1. 2).

sulti appellabantur: quorum omnium sententiae et opiniones eam auctoritatem tenebant, ut iudici recedere a responso eorum non liceret, ut est constitutum.

Гай въ своихъ Institutiones (I § 7) говоритъ: Responso prudentium sunt sententiae et opiniones eorum quibus permissum est iura condere; quorum omnium si in unum sententiae concurrant, id quod ita sentiunt legis vicem obtinet, si vero dissentiunt, iudici licet, quam velit, sententiam sequi: idque rescripto Divi Hadriani significatur.

Одни изъ юристовъ утверждаютъ, что Августъ за отвѣтами привилегированныхъ юрисконсультовъ не только призналъ обязательную силу для судьи ¹⁷¹⁾, но и увѣряютъ также, что Августъ даже запретилъ заниматься юридической процессией всѣмъ тѣмъ, которые не получали *ius respondendi*.

Напротивъ, другіе мыслители думаютъ ¹⁷²⁾ что Августъ, создавъ *ius respondendi*, не уничтожилъ *publice res-*

¹⁷¹⁾ Сюда относятся, между прочимъ: Bremer, 11 стр. Savigny System, 1, § 26. Пухта, стр. 435—437. Мы приведемъ мнѣніе Савиньи и Пухта, какъ знаменитыхъ романистовъ.

По мнѣнію Савиньи, Августъ уполномочилъ некоторыхъ изъ юристовъ давать совѣты, которые судья должны были исполнять, какъ законъ, пока не существовало противоположнаго мнѣнія, принадлежащаго такъ же патентованному юристу. Пухта говоритъ въ сущности то же самое и прибавляетъ, что съ тѣхъ поръ (съ Августа) то же значеніе должны были имѣть и доктрины, изложенныя юрисконсультомъ въ его сочиненіи. Авторитетъ взглядовъ, изложенныхъ въ сочиненіяхъ самъ собою вытекалъ изъ авторитета *responso* и никому не могло придти на умъ не признавать авторитетъ первыхъ, признавая его за послѣдними. Подобно тому, какъ въ доавгустовское время одно только общественное мнѣніе сообщало авторитетъ отвѣтамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сочиненіямъ, такъ со времени Августа это обстоятельство стало зависеть отъ дарованія *principum iuris respondendi* (стр. 435—437).

Пухта говоритъ, что юристы отвѣчающіе *ex auctoritate principis*, некоторымъ образомъ участвовали въ силѣ, признаваемой за распоряженіями *principis*.... Могло случиться, что такушія стороны представляли судья совершенно различныя *responso* равныя силы которыхъ взаимно уничтожались, и судья предоставлялся свободный выборъ, рѣшить дѣло согласно съ тѣмъ или другимъ возрвнѣемъ что было и до Августа. Стр. 434.

¹⁷²⁾ Напр. Glanville, § 37. Cp. Ortolan, Explication, I.

ponderare (въ смыслѣ республиканскомъ). Тѣ и другіе юристы могли *respondere* но съ тѣмъ различіемъ, что въ глазахъ судьи мнѣніе привилегированныхъ юристовъ имѣло большій авторитетъ, чѣмъ мнѣніе не удостоенныхъ *iuris respondendi* ¹⁷³⁾.

Обыкновенно всѣ юристы начинали съ того, что принимали участіе во второмъ классѣ и уже изъ него и при томъ только нѣкоторые могли попасть въ первый классъ, т. е. получить *ius respondendi*. Изъ вышеприведенныхъ нами текстовъ изъ Помпонія, Гаія и Юстиніана, какъ вѣрно замѣчаетъ Глазсонъ, никакъ нельзя вывести заключенія, что Августъ сдѣлалъ отвѣты официальныхъ юрисконсультовъ обязательными для судьи и что отнялъ возможность предаваться юридической профессіи у всѣхъ, не облеченныхъ *ius respondendi*. Уже то одно, что Гаій приписываетъ установленіе обязательности отвѣтовъ Адріану, доказываетъ, что до Адріана т. е. при Августѣ, онѣ не были обязательны. Если бы принять противоположное мнѣніе, то въ нововведеніи Адріана, не могло бы быть никакого смысла. Къ тому же столь строгая мѣра была бы противна искусной политикѣ Августа; она чрезвычайно оскорбила бы тѣхъ, что не получили *ius respondendi* ¹⁷⁴⁾. Мы держимся мнѣнія, по которому *responsa prudentium* стали обязательными только съ Адріана и при томъ условіи, которое выражено въ рескриптѣ Адріана, упоминаемомъ Гаемъ, т. е. когда мнѣнія и совѣты юрисконсультовъ согласны между собою. Отвѣты юрисконсультовъ, получившихъ отъ Августа *ius respondendi*, въ глазахъ судьи, несомнѣнно имѣли больше значенія, чѣмъ отвѣты не привилегированныхъ юристовъ, такъ какъ они исходили отъ юристовъ, признаваемыхъ самимъ императоромъ болѣе компетентными въ дѣлахъ права, чѣмъ другіе юристы, можетъ быть, сомнительнаго свойства.

Въ судьбѣ *ius respondendi* имѣлъ большое значеніе рескриптъ Адріана, о которомъ упоминаетъ Помпоній ¹⁷⁵⁾, данный

¹⁷³⁾ Вотъ почему съ этой эпохи начали называть юрисконсультовъ съ *ius respondendi iuris auctores, huius scholae auctores*, удержавъ имя *veteres* для юрисконсультовъ предшествующаго времени Глазсонъ, § 36. Ср. Пухта, 434, 435.

¹⁷⁴⁾ Глазсонъ, § 37.

¹⁷⁵⁾ L. 2. § 47. D. De origine iuris (1. 2).

старымъ преторамъ требовавшимъ у Адриана *ut sibi liceret respondere*, на что императоръ имъ отвѣчалъ: *hoc non peti, sed praestari solere, et ideo si quis fiduciam sui haberet, delectari, si populo ad respondendum se praepararet*. Темнота этого благоразумнаго отвѣта Адриана дала поводъ къ самымъ разнообразнымъ его толкованіямъ.

Одни писатели признаютъ въ рескриптѣ Адриана прямое уничтоженіе *ius respondendi* и восстановленіе стараго порядка вещей ¹⁷⁶). Это мнѣніе не согласуется съ текстомъ рескрипта, приводимаго Помпоніемъ. Изъ текста видно, что Адрианъ подтвердилъ нововведеніе Августа. Сказавъ объ учрежденіи *ius respondendi* Августомъ, Помпоній прибавляетъ: *et ideo optimus princeps Hadrianus...* Эта прибавка, по своей формѣ была бы странною, если бы она была сдѣлана въ томъ смыслѣ, чтобъ сказать объ уничтоженіи Адрианомъ дѣлъ своихъ предшественниковъ ¹⁷⁷).

Другіе писатели думаютъ, и, по нашему, совершенно основательно, что Адрианъ своимъ рескриптомъ подтвердилъ нововведеніе Августа, подтвердилъ *ius respondendi*, слѣдовательно, отвѣтъ императора преторамъ согласенъ съ нововве-

¹⁷⁶) Между юристами, нераскрывшими точной мысли императора Адриана, между прочимъ, находится: *Bodin, des réponses de prudents considérées comme source du droit écrit* (см. *Revue historique de droit français et étranger*, IV, стр. 197 и слѣд.).

¹⁷⁷) *Glavon, §§ 37, 38*. Пухта говоритъ, что немисливо, чтобъ послѣ Августа, императоры снова возвратились къ древнереспубликанскому взгляду на этотъ предметъ, понятіе было бы, если бы напротивъ *ius respondendi* принимало все болѣе и болѣе должностной характеръ. Мнѣніе объ уничтоженіи Адрианомъ раздачи *ius respondendi* было основано исключительно на рассказѣ Помпонія (*L. 2 § 47. D. de O. J. (1. 2)*), который былъ не понятъ самымъ непростительнымъ образомъ. Помпоній, упомянувъ, что Августъ подчинялъ *ius respondendi* авторитету *principis* и что съ тѣхъ поръ домогательства *ius respondendi* стали похожи съ домогательствами какой либо милости, прибавляетъ, что Адрианъ на такое исцѣлство значительныхъ людей отвѣчалъ рескриптомъ, въ которомъ заявляетъ, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о милости, которую бы онъ имъ даровалъ, а напротивъ объ одолженіи оказываемомъ имъ согражданамъ. Ясно, что это не иное что, какъ почетное призваніе званія юристовъ, о которомъ Помпоній старается возвѣстить потомству; но никто изъ

деніємъ Августа, а не уничтожилъ его ¹⁷⁸). Императоръ Адрианъ, какъ видно изъ другого его рескрипта (слова Гая) имѣлъ въ виду только преобразовать *ius respondendi*, постановивъ, что отвѣты юристовъ обязательны для судьи, если они единогласно приняты; въ противномъ случаѣ, судья свободно могъ постановить рѣшеніе. Вѣроятно, къ такой мѣрѣ Адрианъ приступилъ въ виду того, что практика привыкла уважать мнѣнія официальныхъ юрисконсультовъ на равнѣ съ законами, а отсюда, вслѣдствіе различія мнѣній между ними, произошли затрудненія. Благодаря рескрипту Адриана, *responsa prudentium* вошли въ число источниковъ права, а юристы, облеченные *ius respondendi*, сдѣлались *iuris auctores*, или, какъ говорятъ Гай, они стали имѣть *permissio iura condendi* ¹⁷⁹).

Нѣкоторые изъ юристовъ полагаютъ, что въ институціяхъ Гая, а отсюда и Юстиніана, подъ *responsa prudentium* разумѣются только мнѣнія умершихъ знаменитыхъ юри-

юстовъ не могъ принять этотъ комплиментъ за освобожденіе права *respondere* отъ вліянія *principis* (Ср. Puchta, *Kleine civilistische Schriften*, 1851, 297....; исторія римскаго права, стр. 432, 433).

¹⁷⁸) Пухта, 432, 433. Glasseon, §§ 38—40.

¹⁷⁹) Существуетъ недоразумѣніе относительно того, какимъ образомъ Юстиніанъ помѣщаетъ *responsa prudentium* въ числѣ источниковъ *iuris scripti*, а между тѣмъ Помпоній считаетъ ихъ источниками *iuris non scripti*: какимъ образомъ совершилось превращеніе однихъ въ другіе. Означенное недоразумѣніе разрѣшилъ, по нашему, удовлетворительно Гляссонъ. Помпоній помѣщаетъ *responsa prudentium* между источниками неписаннаго права потому, что въ эпоху Помпонія, предшествующую рескрипту Адриана, они не были еще обязательны. Напротивъ ясно, что съ этого рескрипта они стали источникомъ писаннаго права. Вотъ почему текстъ Юстиніана вводитъ *responsa prudentium* въ число источниковъ права писаннаго. При внимательномъ отношеніи къ Гаю, можно замѣтить, что въ § 7 своихъ институцій онъ говоритъ только объ источникахъ писаннаго права, въ противномъ случаѣ онъ не преминулъ бы упомянуть объ обычаяхъ какъ источникѣ неписаннаго права. Излагая источники права хронологически, онъ упоминаетъ о *responsa prudentium* въ концѣ текста именно потому, что они образуютъ послѣдній источникъ писаннаго права. Съ такимъ характеромъ, *responsa prudentium* существовали только со времени Адриана. (Glasseon, § 40.

сконсультовъ ¹⁸⁰⁾ получившія отъ императора силу закона и превратившіяся, съ того момента въ источникъ писаннаго права. Такъ какъ мнѣнія и совѣты, изложенныя въ сочиненіяхъ получившихъ императорскую санкцію могутъ быть разногласны, то императоръ Адрианъ и уничтожаетъ затрудненіе могущее встрѣтиться при этомъ разногласіи способомъ указаннымъ Гаемъ, т. е. если всѣ юрисконсульты, сочиненія которыхъ получили силу закона, согласны въ извѣстномъ вопросѣ, то судья не можетъ уклониться отъ доктрины ими единогласно принятой; въ противномъ случаѣ, судья свободенъ слѣдовать тому мнѣнію, которое ему кажется предпочтительнымъ. При этомъ прибавляютъ, что уже съ Августа было въ обычаѣ дѣлать обязательными нѣкоторыя сочиненія юрисконсультовъ, чрезъ особыя императорскія конституціи (напр. сочиненія Прокула) ¹⁸¹⁾.

Глассонъ, намъ кажется, совершенно вѣрно замѣтилъ по этому поводу, говоря, что въ текстахъ Гая и Юстиніана нѣтъ ни одного слова намекающаго на смыслъ вышеприведеннаго мнѣнія о *responso prudentium*. Кроме того, если бы освященіе сочиненій было въ обычаѣ съ Августа, то Адрианъ ви-

¹⁸⁰⁾ Пухта говоритъ, что Гай подъ *responso prudentium* разумѣлъ *sententiae* и *opiniones*, помѣщенныя въ сочиненіяхъ юристовъ. Эта форма *auctoritatis prudentium* была ближе всего для Гая. Не только употребленіе сочиненій было для судьи важнѣе, и гораздо обширнѣе употребленія отдѣльныхъ *responso*, не только далѣе сочиненія подходили лучше послѣднихъ къ разряду *leges*, *senatus consulta*, *edicta magistratum*, но въ нихъ только и заключалась исполнѣ *auctoritas prudentium*, авторитетъ цѣлаго ряда *iuris auctorum*, а не только жившихъ и дѣйствовавшихъ въ данное время... *Responso prudentium* были древнеобычнымъ выраженіемъ, служащимъ для обозначенія источника права, который Папиніанъ обозначаетъ болѣе общимъ словомъ *auctoritas prudentium*. Оно ведетъ свое начало отъ того времени, когда *responso* были единственною формою этого авторитета, рядомъ съ которою, въ послѣдствіи, заняло мѣсто введеніе сочиненій, сдѣлавшееся наконецъ и даже до Гая болѣе важнымъ (ср. 439—441).

¹⁸¹⁾ Боденъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на конституцію Θεодосія II и Валентіана III (426 г.), изъ которой будто бы видно, что сочиненія нѣкоторыхъ умершихъ юрисконсультовъ дѣйствительно получали силу закона. Вотъ текстъ этой конституціи. *Papiniani, Pauli, Gaii, Ulpiani atque Modestini scripta universa firmamus ita, ut Gaium quae Paulum, Ulpianum et cunctos comitatur auctoritas, lectio-*

чего не могъ бы внести новаго своимъ рескриптомъ, о которомъ упоминаетъ Гай. Помпоній, слишкомъ точный и мелочный, не преминулъ бы упомянуть объ этомъ обычай, а между тѣмъ онъ ничего не говоритъ о немъ. Конституціи относительно сочиненій юрисконсультовъ относятся къ 321 и 327 г., а это было поздиѣ Адриана на два (117 до 138), а Августа на три столѣтія. Авторитетъ сочиненій юрисконсультовъ вводился постепенно. Сочиненія юрисконсультовъ, особенно офенціаль-ныхъ юрисконсультовъ, всегда пользовались большимъ авторитетомъ и сильно вліяли на развитіе права. Да иначе и быть не могло: авторитетъ сочиненій (какъ уже замѣтилъ Пухта), былъ слѣдствіемъ авторитета *гезропозитив*. Сочиненія юрисконсультовъ часто цитировали предъ магистратомъ и судьями даже послѣ ихъ смерти. Но чтобъ они имѣли силу закона съ Августа или даже съ Адриана, на это текстъ намъ не дастъ

neque ex omni eius opere recitentur. Eorum quoque scientiam, quorum tractatus atque sententias praedicti omnes suis operibus miscerunt, ratam esse censemus, ut Scaevolae, Sabini, Iuliani atque Marcelli omniumque, quos illi celebraverunt, si tamen eorum libri, propter antiquitatis incertam, codicum collatione firmentur. Ubi autem diversae sententiae proferuntur, potior numerus vincat auctorum, vel, si numerus aequalis sit, eius partis praecedat auctoritas, in qua excellentis ingenii vir Papinianus emineat, qui, ut singulos vincit, ita cedit duobus. Notas etiam Pauli atque Ulpiani in Papiniani corpus factas sicut dudum statutum est praecipimus infirmari. Ubi autem pares eorum sententiae recitantur quorum par censetur auctoritas, quod sequi debeat, eligat moderatio indicantis. Pauli quoque sententias semper valere praecipimus (L. 3 de resp. prud. Cod. Theod. (1. 4).

Сылается такъ же на конституціи императора Константина отъ 321 г. и 327 г. Вотъ текстъ и этихъ двухъ конституцій:

I. *Constantinus A. ad Maxim. Praef. Praet.*

Perpetuas prudentium contentiones eruere cupientes, Ulpiani ac Pauli in Papinianum notas, qui dum ingenii laudem sectantur, non tam corrigere eum, quam depravare maluerunt, aboleri praecipimus.

II. *Constantinus A. ad Max. Praef. Praet.*

Universa, aquae scriptura Pauli continentur, recepta auctoritate firmanda sunt et omni veneratione celebranda. Ideoque sententiarum libros plenissima luce et perfectissima elocutione et iustissima iuris ratione succinctos, in iudiciis prolatos valere, minime dubitatur. Эти конституціи Θεοδοσίη помянулъ такъ же и въ своемъ кодексѣ. Наконецъ, обязательную силу сочиненій юрисконсультовъ выводитъ изъ конституцій: Deo auctore § 4 и Tanta § 20.

никакихъ данныхъ. Обь обязательномъ авторитетѣ сочиненій можно говорить только съ Константина ¹⁸¹⁾. Введенію этой обязательности способствовало тогдашнее состояніе юриспруденціи.

Римская юриспруденція прошла въ своемъ развитіи всѣ возраста: дѣтство, зрѣлость и старость. Въ періодъ своего дѣтства она была ремесломъ; въ зрѣлый возрастъ—въ равной степени какъ искусствомъ, такъ и наукой; въ концѣ же своего развитія она обратилась снова въ ремесло. Умственное состояніе юристовъ послѣ III ст. по Р. Хр., и въ особенности съ Константина, упало до того низко, что между тогдашними юристами нельзя было найти юриста не только равнаго, но и подобнаго классическимъ юристамъ. Ослабленіе научнаго интереса въ юристахъ не могли уничтожить внѣшнія средства, а именно дарованіе юристамъ высшихъ государственныхъ должностей. Хотя право и продолжали изучать, но далѣе и выше твореній классическихъ юристовъ не шли и не поднимались. Обращеніе къ прошедшему и жизнь только прошедшимъ было удѣломъ тогдашнихъ юристовъ. Благоговѣя предъ величіемъ классическихъ юристовъ, тогдашніе юристы усиливали авторитетъ ихъ сочиненій. Мало по малу вводится въ обычай цитировать древнихъ юрисконсультовъ предъ магистратомъ и судьями. Но магистратъ и судья по своему невѣжеству не могли понять классическихъ юристовъ, такъ что нужно было вмѣшательство правительства, чтобы опредѣлить порядокъ поль-

Первой своей конституціей императоръ Константинъ, уничтожаетъ всякій авторитетъ критическихъ замѣтокъ Павла и Ульпіана на Папиніана, ибо эти замѣтки болѣе искажали, чѣмъ улучшали сочиненія Папиніана. Второй же императоръ, напротивъ, подтверждаетъ собственными сочиненіями Павла и особенно его сентенціи. Боденъ думаетъ, что до времени изданія первой конституціи (321 г.) Замѣтки Павла и Ульпіана на Папиніана были обязательны и что эта обязательная сила дана была имъ императорскою конституціей, такъ какъ потребовалась особая конституція императора, чтобы ихъ уничтожить. Что же касается знаменитаго закона цитированія, (426 г.), то Боденъ видитъ въ немъ возстановленіе законодательства Адриана, существованіе котораго открыли намъ институты Гая. Сочиненія юрисконсультовъ, получившія обязательную силу закона, сдѣлались столь многочисленны, что не возможно было ко всѣмъ имъ обращаться: законъ цитированія хотѣлъ исправить это неудобство.

¹⁸¹⁾ Gl a s s o n, Etude sur Gaius, § 39.

зованія сочиненіями классическихъ юристовъ. По этому поводу, правительство рѣшилось издать особое распоряженіе, опредѣляющее, какіе изъ старыхъ юристовъ имѣютъ особый авторитетъ предъ судомъ и какіе не должны быть принимаемы во вниманіе. Въ этомъ случаѣ, совершенно вѣрно мнѣніе, что императоры, подтверждая естественную тенденцію своей эпохи, дали силу закона известнымъ сочиненіямъ, имѣя при этомъ двойную цѣль: 1) пополнить неудовлетворительность знаній современныхъ юристовъ и 2) ограничить число авторовъ, на которыхъ обыкновенно ссылались ¹⁸³⁾.

Можно сказать вмѣстѣ съ Савиньи ¹⁸³⁾, что *ius respondendi* исчезало постепенно, смотря по степени удаленія жизни отъ науки права, смотря потому, какъ истинно достойные юрисконсульты становились все болѣе и болѣе рѣже, смотря потому, какъ эта привиллегія, (*ius respondendi*), сосредоточенная въ нѣсколькихъ рукахъ, производила на юрисконсультовъ развращающее вліяніе. Дѣло дошло до того, что императоры перестали раздавать *ius respondendi*, предпочитая возстановить сочиненія древнихъ юрисконсультовъ, давъ имъ законодательный авторитетъ. Это сдѣлали христіанскіе императоры, на основаніи конституцій которыхъ нѣкоторые сочиненія классическихъ юристовъ и получили обязательную силу. Но законодательный авторитетъ сочиненій нѣкоторыхъ юрисконсультовъ не былъ известенъ ни во время Помпонія, ни во время Гая, а при Юстиніанѣ онъ былъ формально уничтоженъ, чрезъ составленіе пандектовъ или дигестовъ. Вотъ чѣмъ объясняется молчаніе объ этомъ авторитетѣ какъ въ институціяхъ Гая, такъ и институціяхъ Юстиніана: въ эпоху Гая онъ еще не существовалъ, а во время Юстиніана онъ не могъ уже болѣе существовать ¹⁸⁴⁾.

Если подъ *respondentium auctoritas* у Гая не слѣдуетъ понимать сочиненія умершихъ юрисконсультовъ, то ясно, говоритъ Гляссонъ, возражая Бодэну, что подъ ними разумѣются мнѣнія и совѣты юрисконсультовъ живыхъ, (имѣю-

¹⁸³⁾ Glasson, § 39. Ср. Пухта, 481 и слѣд.

¹⁸⁴⁾ Savigny, System des röm Rechts, § 28.

¹⁸⁵⁾ Glasson, § 39.

щих *ius respondendi*) съ которыми совѣтоваться было нетруднѣе, чѣмъ обращаться къ сочиненіямъ всѣхъ умершихъ юрисконсультовъ (имѣвшихъ *permissio iura condendi*) ибо количество сочиненій умершихъ юрисконсультовъ значительно превосходило число существующихъ юрисконсультовъ ¹⁸⁵).

По нашему мнѣнію Гляссонъ, а такъ же и Боденъ впадаютъ, на этотъ разъ, въ крайность. Вѣроятнѣе всего юристы, получившіе *ius respondendi*, составляли *consilium* или *auditorium* императора, которыя при имперіи сдѣлались постоянными учрежденіями и въ которыхъ напр. при Адрианѣ принимали участіе многіе знаменитые юрисконсульты ¹⁸⁶). Извѣстно всѣмъ, что съ Адриана *consilium* императора раздѣлялся: на *consistorium* (частный совѣтъ императора для рѣшенія вопросовъ правительственныхъ) и *auditorium* (частный совѣтъ императора для рѣшенія дѣлъ юридическихъ и спорныхъ). Это раздвоеніе императорскаго совѣта и привлеченіе въ него извѣстнѣйшихъ юристовъ, по всей вѣроятности, имѣло непосредственное отношеніе къ упоминаемому впервые *ius respondendi* съ обязательнымъ характеромъ. При сосредоточеніи юристовъ съ *ius respondendi* въ императорскомъ *consilium* достигались многія выгоды: можно было точнѣе опредѣлять голоса, поставить высоко въ глазахъ народа юристовъ, мнѣнія которыхъ, (при ихъ единогласіи) считались обязательными для судьи и сюда удобнѣе было обратиться не только императору, но и каждому частному учрежденію, чѣмъ къ разбѣяннымъ по всему городу частнымъ юрисконсультамъ. Юристы, получившіе *ius respondendi*, должны были стоять въ партіи, имѣя въ виду только природу разсматриваемаго предмета. Въ этомъ случаѣ достиженіе единогласія было значительно облегчено. Иначе было бы дѣло, если бы юрисконсульты съ *ius respondendi* не составляли правильно и точно организованнаго учрежденія, а каждый жилъ и дѣйствовалъ порознь, преслѣдуя только интересы своей стороны: въ этомъ случаѣ едвали можно было и говорить объ единогласіи ¹⁸⁷).

¹⁸⁵) Ibid § 39. Ср. Пухта, стр. 438.

¹⁸⁶) Пухта, 414, 415; 438—439.

¹⁸⁷) Императоры, сосредоточившіе въ себѣ законодательную, правительственную и судебную власть весьма нуждались въ особомъ совѣтѣ, что

Съ именемъ Адриана связано начало регламентаціи законодательнымъ порядкомъ свободной дѣятельности юристовъ, вырвавшейся въ геронва. Съ него прекращается свободное развитіе преторскаго эдикта, и, такъ сказать, очеловѣченіе римскаго права, т. е. освобожденіе права отъ примѣси религиозныхъ суевѣрій и безпощаднаго формализма. Съ Адриана *ius publice respondendi* превращается, съ одной стороны, изъ источника неписаннаго права, при соблюденіи извѣстныхъ условій, въ источникъ писаннаго права, съ другой же, теряя свое дѣйствительное значеніе въ процессѣ правообразованія, уступаетъ мѣсто императорскимъ конституціямъ. Во всякомъ случаѣ, время Адриана еще стоитъ въ границахъ блестящаго состоянія римской юриспруденціи. Пограничный же камень, съ котораго явно обнаруживается паденіе юридическаго творчества Римлянъ, можетъ быть положенъ только послѣ Александра Севера. Съ этого времени, подѣ влияніемъ разложенія стараго римскаго духа и паденія научной дѣятельности юристовъ, все шло въ тому, чтобъ значеніе геронва *prudentium* уничтожить совершенно. И мы видимъ, на са-

бы раскрыть, уяснить различными законодательными, правительственными и судебными дѣла. Въ этотъ совѣтъ, для обсужденія важныхъ и трудныхъ вопросовъ, призывались самые важные изъ юрисконсультовъ. Такъ мы видимъ, что, для обсужденія вопроса о *codicill'axъ*, Августъ созываетъ юрисконсультовъ и спрашиваетъ ихъ совѣта (р. I. de *codicillis* (2, 25)). Божественные братья (Маркъ Аврелій и Люцій Веръ) въ самомъ текстѣ рескрипта о сукцессіи говорятъ, что они приняли рѣшеніе, разобравъ и обсудивъ его съ помощью Меціана и нѣкоторыхъ другихъ юрисконсультовъ, которыхъ они называютъ своими друзьями... (L. 17. р. D. de *iure patron.* (37. 14)) Во время имперіи эти совѣты приняли постоянный характеръ. Въ совѣтѣ Адриана принимали многіе знаменитые юристы, напр. *Celsus*, *Neratius Iulianus*, *Maecianus*, *Marcellus*, *Iavolenus* были въ совѣтѣ Антонина Влагочестиваго. Александръне санкціонировалъ ни одного постановленія, безъ совѣта 20 юрисконсультовъ. Въ одномъ отрывкѣ Ульпіана. (L. 18 § 1. D. de *minor* (4. 4)) говорится объ *auditorium* государя вообще и объ *auditorium* Севера и Антонина, по поводу реституцій, дарованныхъ императоромъ, въ особенности. Въ одномъ отрывкѣ Павла (L. 40. D. de *reb. cred.* (12. 1)) мы видимъ *auditorium* подѣ предсѣдательствомъ Папиніана, преемста преторіанскаго, и этотъ *auditorium* обозначенъ, какъ *auditorium Papiniani*.

момъ дѣлѣ, что въ періодъ отъ Константина до Юстиніана у юристовъ отнимаютъ *ius iura condendi*. Уже Константинъ объявилъ, что одному ему только принадлежитъ интерпретація права, т. е. только онъ можетъ устанавливать права¹⁸⁸). Феодосій младшій закономъ о цитированіи ограничиваетъ *ius respondendi*, а Юстиніанъ окончательно погребаетъ *responsa prudentium* въ своихъ дигестахъ.

Такова, въ краткихъ словахъ, судьба *responsa prudentium*, въ которыхъ выразилась сущность практической дѣятельности юристовъ. Но *responsa* не были единственною формою, въ которую выливалась юридическая дѣятельность Римлянъ. По этому слѣдуетъ коснуться и другой формы дѣятельности римскихъ юристовъ.

¹⁸⁸) L. 1. C. de leg. (1. 14).

4) Теоретическая дѣятельность римскихъ юристовъ блестящаго состоянія римской юриспруденціи.

Мы разсматриваемъ теоретическую дѣятельность римскихъ юристовъ блестящаго времени въ двухъ формахъ ея проявленія: 1) въ формѣ преподаванія и 2) въ формѣ научно-литературной дѣятельности, направленной на систематизацію права.

а) *Преподаваніе права.*

Большинство ученыхъ, съ Пухтою во главѣ, говорятъ, что у Римлянъ не было противоположности между юридической теоріей и юридической практикой и что будтобы только этому именно отсутствію зла Римляне обязаны главнымъ образомъ блестящимъ развитіемъ своего права. Предоставивъ механическое занятіе правомъ юнымъ, начинающимъ юристамъ, находящимся подъ его руководствомъ, юристъ классическаго времени представлялъ въ себѣ взаимное сочетаніе теоріи и практики. Выходя изъ этого положенія, Пухта утверждаетъ, что всегда слѣдуетъ имѣть въ виду практическое преподаваніе права, когда кто-либо называетъ кого *praesertores*. Тѣ, кто присутствовалъ при подачѣ мнѣній знаменитаго юриста и которымъ этотъ юристъ хотѣлъ дать возможность взглянуть на сущность дѣла, объяснить основы своихъ дѣлъ, разрѣшить ихъ сомнѣнія и тѣмъ, такимъ образомъ, подготовить ихъ къ своему званію, назывались *auditores* (о нихъ мы говорили). Такому практическому преподаванію права, отъ котораго не отказывался ни одинъ изъ знаменитыхъ юристовъ, предшествовало подготовительное образованіе, подготовительное обученіе (*institutio*), которое можно встрѣтить еще при Цицеронѣ.

Подготовительное обученіе не было регулярно дѣломъ знаменитѣйшихъ юристовъ, отягченныхъ занятіями, вслѣдствіе довѣрія къ нимъ ихъ согражданъ, но тѣмъ не менѣе и между ними все еще находились люди, побуждаемые къ такому обученію или собственной склонностью, или просьбою постороннихъ лицъ, какъ напр. Люцилій, обучавшій Сервія, Требація и Лабейона. Кромѣ того, болѣе успѣшные ученики подавали помощь начинающимъ; наконецъ, многіе могли собственными своими силами пріобрѣсти способность принимать съ пользою участіе въ такомъ практическомъ преподаваніи.

Школъ для преподаванія права, какъ для риторики, не существовало и это было, продолжаетъ Пухта, главною причиною, почему преподаваніе юриспруденціи у Римлянъ являлось почетнымъ, между тѣмъ какъ находили не приличнымъ, когда значительное лицо стало бы преподавать ораторское искусство, чрезъ это оно вызвало бы не совсѣмъ лестное сравненіе съ риториками, занятіе которыхъ мало уважалось въ народѣ. Въ теченіе настоящаго періода (блестящаго состоянія юриспруденціи) произошло то, что, подобно такимъ риторикамъ, появились и учителя—юристы, объявившіе себя готовыми за извѣстный гонораръ обучать всякаго желающаго, открыли, слѣдовательно, школы, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, стекалось много жаждущихъ просвѣщенія. Какъ это случилось впервые, неизвѣстно.

Подготовительное преподаваніе направлялось на основныя принципы юриспруденціи, безъ него упомянутое практическое преподаваніе (но не въ школахъ) не имѣло бы успѣха. Подготовительное преподаваніе обозначали словомъ *instituti*, практическое—*audire*. Если же къ послѣднему присоединилось ближайшее участіе преподавателя въ образованіи и ученіи, то для этого употреблялось выраженіе *instruere*. Со всеми означенными видами преподаванія соединялось конечно чтеніе сочиненій, при чемъ выборъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ наставнику. Практическая школа, обучавшіяся въ которой назывались *auditores*, существовала въ продолженіе всего этого періода, оставаясь безъ существенныхъ измѣненій главнымъ видомъ преподаванія, только сдѣлалось болѣе обыкновеннымъ, что *auditores* какого-либо знаменитаго юриста оставались гораздо долѣе, нежели прежде, подъ его руководствомъ, не столько ради

обученія, сколько для того, чтобы при его авторитетѣ и постоянной помощи упражняться въ веденіи юридическихъ дѣлъ. Для обозначенія такихъ употреблялось обыкновенно выраженія *studiosi*.

Ius respondendi давалось лишь принципсомъ самѣмъ знаменитымъ людямъ. Многие, посвящавшіе себя юриспруденціи, быть можетъ, никогда не получали этой привилегіи. Кромѣ того, получившіе это отлічіе, до этого отлічія предавались болѣе или менѣе продолжительное время юридическимъ занятіямъ. Такіе практики чувствовали потребность даже по прошествіи времени обученія поддерживать сношеніе съ юристомъ, котораго они были *auditores*, такъ что они отправляли свое знаніе подъ его эгидою и спрашивали у него (устно или письменно) совѣта... Такимъ образомъ, произошло, что эти практики, подъ названіемъ *iuris studiosi*, отличались отъ юристовъ, достигшихъ самостоятельнаго положенія.

Весьма вѣроятно, что Геллій, вспоминая изъ своихъ юныхъ лѣтъ (слѣдовательно уже при Піѣ, если не при Адрианѣ) объ одномъ юридическомъ вопросѣ, который въ то время абсуждался *in plerisque Romae stationibus ius publice docentium aut respondentium*, подъ этими *stationes ius docentium*, отличающимися отъ *stationes respondentium*, разумѣлъ дѣйствительныя школы. О такихъ то лицахъ, которыя превратили преподаваніе права въ самостоятельное занятіе (потому что въ этомъ собственно и заключается различіе этого новѣйшаго обычая отъ стараго) и упоминаетъ юристъ, извлеченіе изъ котораго сдѣлано въ § 150 ватиканскихъ фрагментовъ равно какъ и Модестинъ. Ульпіанъ называетъ этихъ учителей *iuris civilis professores* въ другомъ смыслѣ, нежели какъ говорилъ Помпоній: *iuris civilis scientiam plurimi et maximi viri professi sunt* и: *ante Tiberium Coruncanium publice professum neminem*

Пухта не находитъ ни малѣйшаго слѣда къ предположенію чтобъ эти учителя съ правомъ профессіи находились въ большомъ почетѣ, чтобъ такими *professores* были знаменитѣйшіе юристы. Въ древнѣйшія времена на такихъ школьныхъ учителей смотрѣли точно такъ же, какъ и на латинскихъ риторовъ, школы которыхъ были запрещены цензорскимъ эдиктомъ еще въ седьмомъ столѣтіи, когда были уже допущены греческія школы. Въ

настоящее время дозволены были школы правовыя, которымъ вообще не придавали большаго значенія, а сами по себѣ правовыя школы были далеки отъ того, чтобы пріобрѣсти одинаковое значеніе съ установившимся видомъ преподаванія.

Значительные юристы заботились о первоначальномъ преподаваніи посредствомъ сочиненій, писавшихся ими для употребленія начинающими; таковъ былъ поводъ къ появленію *institutiones* и подобныхъ книгъ, на которыя, слѣдовательно, никакъ нельзя смотрѣть, какъ на школьныя книги или на очерки преподавательскихъ чтеній (хотя въ послѣдствіи и отчасти можетъ быть уже *professores* этого періода и придавали имъ такое значеніе).

Ульпіанъ говоритъ, что за *iuris civilis professores* не слѣдуетъ признавать судебного требованія гонорара, вниманіе котораго хотя и не можетъ быть прямо откупаемо (тѣмъ болѣе, что гонораръ является, необходимымъ послѣдствіемъ превращенія преподаванія въ профессію), но искъ по которому былъ бы неприличенъ и несоединимъ съ достоинствомъ именно той науки, которую преподають эти люди. Здѣсь Ульпіанъ заботится о святости своей науки: *est quidem res sanctissima civilis sapientia* — и не изъ одного слова нельзя вывести, что онъ ее отождествляетъ съ ремесломъ упоминаемыхъ содержателей школъ или что онъ ставитъ высоко послѣднихъ.

По словамъ Пухты, мнѣніе о томъ, что *professores* имѣли будто бы большое значеніе въ развитіи науки права и что такія лица, какъ Юліанъ, Папиніанъ, Ульпіанъ, Павелъ занимались этимъ ремесломъ (ибо въ то время оно было имъ), кажется столь же страннымъ, какъ если бы кто смѣшалъ Цицерона и другихъ ораторовъ его времени съ риторамъ, о которыхъ Светоній упоминаетъ въ своей книгѣ: *de claribus rhetoribus*¹⁸⁹⁾.

Такимъ образомъ, взглядъ Пухты на теоретическую дѣятельность римскихъ юристовъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) У Римлянъ между юридической теоріей и практикой не было противоположности.

¹⁸⁹⁾ Пухта, исторія римскаго права, стр. 315, 316, 357—362.

2) Преподаваніа права было преимущественно практическимъ: молодые люди присутствуютъ при подачѣ мѣвній знаменитаго юриста, слушаютъ его и называются *auditores*. Эти *auditores* знаменитаго юриста, поддерживая знакомство съ своимъ бывшимъ руководителемъ и служа своему жизненному призванію подъ его эгидою, назывались *iuris civilis studiosi*. Школъ для научнаго преподаванія права не было.

3) Означенному практическому преподаванію права предшествовало подготовительное обученіе (*institutio*), направленное на основные вопросы юриспруденціи. Подготовительное преподаваніе называлось *institutio*, а практическое—*audire*; если же къ послѣднему присоединялось непосредственное участіе преподавателя въ обученіи, то называлось *instruere*.

4) Въ этотъ періодъ появляются содержатели юридическихъ школъ, подобно латинскимъ риторамъ, готовые за извѣстное вознагражденіе обучать праву: появились юридическія школы, подобно школамъ раторовъ. Содержатели этихъ школъ, неимѣющіе ничего общаго ни съ наукою права, ни съ знаменитыми юристами, назывались *iuris civilis professores*. Какъ сами *professores*, такъ и школы не пользовались большимъ почетомъ.

5) Знаменитые юристы не были *professor*'ами *iuris civilis*, хотя они и писали книги для первоначальнаго юридическаго образованія подъ заглавіемъ *institutiones*, которыя вовсе не были школьными книгами или очерками преподавательскихъ чтеній.

Взглядъ Пухты на теоретическую дѣятельность римскихъ юристовъ нашелъ себѣ серьезнаго критика въ лицѣ Бремера¹⁹⁰⁾.

Бремеръ утверждаетъ, что у Римлянъ теоретическое преподаваніе права было болѣе или менѣе ограничено отъ практическаго обученія праву. Хотя нельзя строго противопоставлять и раздѣлять *stationes ius publice respondentium* отъ *stationes ius publice docentium*, во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ Гелліевыхъ *stationes ius docentium* давалось связанное теоретическое образованіе, напротивъ въ *stationes ius respondentium* обрабатывались и рѣша-

¹⁹⁰⁾ F. P. Bremer, Die Rechtslehrer und Rechtsschulen im römischen Kaiserreich, Berlin 1868.

лись конкретные юридическіе вопросы. Тамъ была постоянная, здѣсь пзмѣняющаяся публика; тамъ говорилъ одинъ учитель и была отборная публика, здѣсь же происходили разсужденія между спрашивающимъ и отвѣчающимъ,—разсужденія, въ которыхъ удобно могли принимать участіе и другія лица изъ публики; тамъ, значить, собиралась учащаяся молодежь, напротивъ здѣсь вращался ищущій совѣта гражданинъ и желающій изощренія, обученія и бесѣды юристъ.

Только *ius publice docentes* были учителями права въ собственномъ смыслѣ слова (*praesepiores, magistri*); единственно ихъ мы должны понимать подъ *iuris civilis professores* (т. е. Геліевы *docentes* тождественны съ Ульпіановыми *iuris civilis professores*). Съ другой стороны, нѣтъ никакой необходимости думать, что *ius publice respondents* были другія лица, нежели *ius publice docentes*; скорѣе можно сказать, что *docentes* были въ тоже время и *respondentes* (исключенія, конечно, встрѣчались, но очень рѣдко). Сообразно съ этимъ, одна и таже личность въ извѣстные дни и опредѣленные часы являлась доцентомъ, а въ другіе дни и часы—респондентомъ.

На основаніи разсказа Геллія можно утверждать, что въ Римѣ еще при Піѣ, если не при Адріанѣ, существовало что то въ родѣ юридической школы. По другимъ же свидѣтельствамъ можно предполагать, что здѣсь еще ранѣе было организованное юридическое просвѣщеніе. Уже при Неронѣ одинъ житель Мессины посылаетъ своего сына въ Римъ для изученія юриспруденціи. Во время Помпонія съ этою цѣлью жили многіе молодые люди изъ Греціи и т. д.

Выраженіемъ *stationes ius publice docentium* обозначались *scholae* или *auditoria*, которыя являлись какъ *publicae scholae* или *publica auditoria* не потому, чтобы эти *scholae* или *auditoria* содержались на счетъ государства, но потому что въ нихъ преподаваніе права было *publice*, доступно для каждаго. (Эти школы были не только въ Римѣ, но и провинціи). Можно думать, что долгое время была только двѣ *stationes ius publice docentium*, а именно: *schola Cassiana* или *Sabiniana* и *schola Proculiana*. Сабиньянская школа и школа прокульянская не только означенія научныхъ партій, но дѣйствительныя

школы. Если Гай *nostra schola* противопоставляет *diversa schola* и *nostra schola auctores* или *nostris praescriptores* ставитъ противъ *diversae scholae auctores*, то *nostra schola* (вопреки Пухтѣ), обозначаетъ только *statio*, гдѣ онъ обучался въ отличіе отъ другой школы, рядомъ стоящей (*diversa schola*). Понятіе о двухъ научныхъ партіяхъ совпало съ понятіемъ двухъ различныхъ юридическихъ школъ. Выраженія Помпонія *successio auctorum* или *successio prudentium* означаютъ преемственность между юристами, бывшими представителями той или другой школы; здѣсь не научная сукцессія, но временная послѣдовательность одного юриста за другимъ, ученика за учителемъ. Нѣтъ никакого основанія не считать учителями права юристовъ, упоминаемыхъ Помпоніемъ, а именно: Капитона, М. Сабина, Гая Кассія Лонгина, Ц. Сабина, П. Яволена, А. Валенса, Тусциана и Сальвія Юліана съ одной стороны, и Лабеопа, Нерву, Прокула, Пегаса, Цельсія (отца и сына), Приска Нерація—съ другой.

Тамъ, гдѣ одинъ юристъ называетъ себя ученикомъ, а другого своимъ учителемъ, *praescriptorum*, рѣчь идетъ не о практическомъ преподаваніи права, но о специально-научномъ юридическомъ. На специально школьный характеръ указываетъ форма обращенія ученика къ учителю: *domine* и обозначеніе учителя: *postor*.

Преподаватели права пользовались большимъ значеніемъ и высоко смотрѣли на свое жизненное призваніе. По Бремеру, Пухта невѣрно толкуетъ слова Ульпіана, помѣщенные въ L. 1. § 5. D. de extraord. cogn. (50, 30) По мнѣнію Бремера, въ глазахъ Ульпіана *civilis sapientia* есть *res sanctissima*; она вовсе не чужда для *iuris civilis professorum*, напротивъ только у нихъ и можетъ быть приобретена; эта *civilis sapientia* имѣетъ свое пристанище въ *auditorium*; она не можетъ быть куплена на деньги, а предлагается при входѣ *in sacragium* (вмѣсто испорченнаго въ текстѣ: *sacramentum*), даромъ, она можетъ быть заимствовала только у профессоромъ, для которыхъ безчестно требовать гонораръ судебнымъ порядкомъ. Ульпіанъ говоритъ здѣсь о профессорахъ не въ смыслѣ содержателей школъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ наукою права, ни съ знаменитыми юристами, а въ

смыслъ юристовъ, посвятившихъ себя теоретическому преподаванію права. Таковыми профессорами были и знаменитые юристы Гай, Павелъ и Ульпіанъ, которые писали *institutiones* не въ смыслъ ремесленниковъ—содержателей школъ, а въ интересахъ научныхъ, какъ учителя права. *Instituere* означаетъ планообразное цѣльное преподаваніе права въ противоположность обученію, которое получалось чрезъ слушаніе подаваемыхъ юрисконсультомъ мнѣній и совѣтовъ. Теоретическое преподаваніе не составляло въ дѣятельности знаменитыхъ юристовъ исключеніе, скорѣе такого обученія, можно было ожидать прежде всего и именно отъ знаменитыхъ юристовъ. Учителя права, по общему правилу, были практиками подобно тому, какъ врачи и судебные ораторы выступали учителями медицины и ораторскаго искусства. И только въ рѣдкихъ случаяхъ кто-либо посвящалъ себя исключительно преподаванію права. Вообще дѣятельность учителя была временною; она прекращалась съ поднятіемъ лица на высшія должности.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что на теоретическую дѣятельность римскихъ юристовъ Бремеръ проводитъ почти со всѣмъ другой взглядъ, чѣмъ Пухта. Этотъ взглядъ можно формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Не смотря на соединеніе теоретической и практической дѣятельности въ одномъ лицѣ, у Римлянъ блестящаго состоянія юриспруденціи теоретическое преподаваніе права отдѣлялось отъ практическаго.

2) Теоретическое преподаваніе имѣло своимъ мѣстомъ *statio ius publice docentium*, а практическое—*statio respondentium*, которыя представляли двѣ различныя юридическія школы, съ различнымъ характеромъ преподаванія, хотя безусловно отличить характеръ преподаванія права въ одной отъ характера преподаванія въ другой не было никакой возможности, въ слѣдствіе соединенія, по большей части, званія юриста—практика съ званіемъ учителя права.

3) *Instituere* обозначаетъ планообразное цѣлостное теоретическое преподаваніе права въ противоположность практическому обученію. Для такого связнаго преподаванія знаменитые юристы писали руководства по большей части подъ названіемъ *institutiones*.

4) *Ius publice docentes* были тѣже самыя лица, что и *iuris civilis professores*. Они, какъ знаменитые юристы, пользовались большимъ значеніемъ въ обществѣ.

Имѣя въ виду вышеприведенныя мнѣнія Пухты и Бремера на теоретическую дѣятельность римскихъ юристовъ и, оставляя крайности выводовъ означенныхъ выше романистовъ, мы держимся мнѣнія, по которому въ эпоху блестящаго періода римской юриспруденціи досеге выдѣляется (хотя и не вполне) изъ *respondere* и получаетъ соответствующую организацію въ *stationes ius publice docentium*, о которыхъ упоминаетъ Геллій въ своихъ «*Noctes atticae*»¹⁹¹); что отношенія между *studiosi* и *professores* суть отношенія школьнаго характера. Во всякомъ случаѣ, трудно (если не невозможно) опредѣлить моментъ, съ котораго теоретическое преподаваніе права выдѣлилось изъ ремесленнаго занятія правомъ, а юриспруденція сдѣлалась особою научною спеціальностью.

Stationes ius docentium было *scholae publicae* или *auditoria publica* не въ томъ смыслѣ, что онѣ содержались на государственный счетъ, а въ томъ, что эти школы или аудиторіи были доступны для всѣхъ, въ нихъ обучали *publice*. Обучать праву могъ всякій, кто желалъ и чувствовалъ къ тому способность, при чемъ требовалось только соблюденіе извѣстныхъ формальностей, не сопряженное съ расходами. *Stationes* обыкновенно помѣщались вблизи библиотекъ, которыхъ въ императорское время было достаточно. Центромъ юридическаго образованія былъ Римъ, куда тянулась и провинція.

Преподаваніе не состояло въ строго систематическихъ курсахъ преподаванія, хотя, какъ говорятъ даже Пухта, потребность въ связномъ преподаваніи для практической дѣятельности юриста (*respondere*), въ періодъ блестящаго состоянія римской юриспруденціи, сказывалась весьма сильно. *Schola* и *forum* находились у Римлянъ въ тѣсной связи. Дѣятельность профессора права почти всегда соединялась съ дѣятельностью респондента.

Извѣстно, что почти всѣ знаменитые юристы преподавали право и въ тоже время респондировали. Мы раздѣляемъ мнѣ-

¹⁹¹) Auli Gellii Noctes Atticae, XIII, 13.

ніе, по которому знаменитые юристы не имѣли правильно организованныхъ школъ, въ смыслѣ содержателей юридическихъ заведеній, готовыхъ учить за извѣстный гонораръ всякаго. По нашему, даже и *statio, schola publica* не была организованнымъ юридическимъ учебнымъ заведеніемъ (что мы находимъ только при христіанскихъ императорахъ), хотя безспорно *dosere* уже не совпадало съ *respondere* т. е. преподаваніе права не совпадало съ практическимъ его обученіемъ.

Практическая тенденція въ юридическомъ образованіи, несомнѣнно, была довольно сильна. Знаменитый юристъ, въ какомъ либо мѣстѣ, въ *statio* (но не въ формально учрежденныхъ школахъ) давалъ мнѣнія и отвѣты на запросы частныхъ гражданъ и молодыхъ людей, которые, по поводу даваемыхъ отвѣтовъ, тутъ же вступали въ разсужденія и тѣмъ "изошрялись въ юридической практикѣ и, на почвѣ рѣшеній отдѣльныхъ юридическихъ вопросовъ, подготовляли себя къ будущей карьерѣ. По поводу спорныхъ пунктовъ учитель, навѣрно, давалъ и объясненія (по большей части словесно и экзегетически) или же ссылался на свои сочиненія, гдѣ спорный пунктъ имъ разрѣшенъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ знаменитые юристы давали особенно выдающимсяъ юношамъ частныя уроки, что технически обозначалось *institutio*. Но нѣтъ примѣра, чтобъ кто-либо изъ знаменитыхъ юристовъ посвящалъ себя исключительно теоретическому преподаванію права. Мы думаемъ, что книгамъ подъ заглавіемъ *institutiones* стали придавать значеніе введеній въ изученіе права только на основаніи значенія, приобретеннаго ими въ позднѣйшія времена, а именно, когда сложились правильныя учебныя заведенія съ опредѣленной организаціей предметовъ преподаванія, между которыми *institutiones* какъ введеніе въ изученіе права, читались на первомъ году. По нашему мнѣнію, согласному съ Бремеромъ, *institutiones* имѣютъ значеніе не столько какъ вводныя руководства, сколько какъ школьныя руководства вообще, выражающія систематическое представленіе основныхъ понятій права (но не изложеніе всѣхъ институтовъ гражданскаго права) для лицъ, которымъ по словамъ Пернице, знаменитые юристы читали, частнымъ образомъ, лекціи о правѣ и основныхъ началахъ юриспруденціи.

Не отрицая существованіе юридическихъ школъ, содержащихъ частными лицами, желающими за извѣстный говораръ обучать праву, мы не придаемъ этимъ школамъ значеніе *stationes ius docentium* въ строгомъ смыслѣ этого слова. Вѣроятно, содержатели юридическихъ школъ въ приемахъ преподаванія слѣдовали знаменитымъ юристамъ и обучали своихъ воспитанниковъ по институтіямъ, написаннымъ знаменитыми юристами для своихъ учениковъ.

Послѣ изложеннаго выше, мы остаемся при мнѣніи, по которому разобщенія теоріи отъ практики у Римлянъ не было; существовала только извѣстная раздѣльность теоретическаго преподаванія права отъ практическаго его изученія. Правильно организованныхъ государствомъ школъ не было, а знаменитые юристы давали нѣкоторымъ юношамъ связанное представленіе объ основныхъ началахъ права частнымъ образомъ. Выраженіемъ этой теоретической дѣятельности юристовъ являлись *institutiones*, какъ первыя попытки систематическаго представленія права, какъ школьныя пособія къ изученію права при слушаніи лекцій знаменитыхъ юристовъ. Имена юристовъ писавшихъ *institutiones* говорятъ въ пользу того мнѣнія, что между ихъ научною дѣятельностью и дѣятельностью ихъ, какъ преподавателей права, не существовало рѣзкаго противорѣчія, на которое указываетъ Пухта. Эти *institutiones* для насъ имѣютъ громадный интересъ, какъ первоначальная и почти единственная форма научной систематической дѣятельности римскихъ юристовъ, сложившаяся подъ вліяніемъ потребностей въ систематическомъ преподаваніи права.

б) *Систематическая научно-литературная обработка права.*

Литературная дѣятельность римскихъ юристовъ была вызвана къ жизни, съ одной стороны, потребностями преподаванія права, а съ другой—практическими нуждами. Подъ вліяніемъ потребностей преподаванія возникъ рядъ юридическихъ сочиненій, предназначенныхъ для школьнаго употребленія. Сочиненія, предназначенныя для практики, возникали непосредственно изъ практической дѣятельности римскихъ юристовъ. Авторами этихъ сочиненій были, по большей части, *iuris civilis professores*, такъ какъ они одни являлись способные всѣхъ

къ авторской дѣятельности и, какъ высшіе чиновники, лучше другихъ знали жизнь и ея запросы.

Всѣ сочиненія римскихъ юристовъ можно свести къ слѣдующимъ категоріямъ:

1) сочиненія экзегетическія (комментаріи къ отдѣльнымъ сочиненіямъ, къ тексту закона, къ эдикту, къ отдѣльнымъ юрисконсультамъ и т. п.). Такъ напр. комментаріи къ XII т., къ закону *Cincia* (Павелъ), *Falcidia* (Павелъ, Рутилій *Maximus*), *Julia de adulteriis* (Ульпіанъ, Павелъ) въ труду *Оеілія* (Лабеоу, Сабинъ и др.), къ труду Юліана (Гай, Помпоній, Ульпіанъ, Павелъ, Калистратъ, Сатурнинъ и др.); къ юрисконсультамъ, напр. экстракты изъ Лабеоу и Кассія, сдѣланные Яволеномъ и т. п.

2) Сочиненія теоретическія и систематическія. Сюда относятся: а) элементарныя сочиненія, предназначенныя для преподаванія, напр. *Definitiones* (Папиніанъ), *Differentiae* (Модестинъ), *Regulae* (Нерацій, Помпоній, Гай), *Sententiae* (Павелъ), *Opiniones* (Ульпіанъ), *Institutiones* (Гай, Калистратъ, Марціанъ, Флорентинъ, Ульпіанъ, Павелъ) и т. п. б) Трактаты по отдѣльнымъ вопросамъ права (монографіи), напр. *De tutelis* (Гай), *ad formulam hypothecariam* (Гай, Марціанъ) и т. п. Многія изъ этихъ монографій надписаны: *Libri singulares*. в) обширныя сочиненія, подъ названіемъ *digesta*, представляющія систематическіе сборники отвѣтовъ разныхъ юристовъ (большія сочиненія Цельсія, Юліана, Марцелла и Сцевола).

3) Сочиненія практическія. Сюда относятся сборники казусовъ, мнѣній, диспутацій, рѣшеній конкретныхъ фактовъ, напр. *Responsa* (Марцеллъ, Лабеоу, Сабинъ, Ульпіанъ, Павелъ, Сцевола, Папиніанъ, Модестинъ) *Epistolae* (Прокулъ, Лабеоу, Яволенъ, Цельсій, Нерацій, Африканъ, Помпоній), *Quaestiones* (Цельсій, Папиніанъ и друг.), *disputationes* (Трифонинъ, Ульпіанъ).

4) Смѣшанныя сочиненія, въ родѣ: *Enchiridia* (Помпоній), *res quotidianae* (Гай) и т. п.

Въ нашу задачу не входило разсмотрѣніе характера и судьбы каждой изъ приведенныхъ категорій сочиненій римскихъ юристовъ; для насъ важны сочиненія авторовъ, въ которыхъ отразилось развитіе идеи о системѣ права у Римлянъ.

Въ разсматриваемый періодъ римской юриспруденціи научной систематизаціи подлежали: 1) эдиктъ, 2) гражданское право (взятое отдѣльно, отъ эдикта 3) гражданское право и эдиктъ совместно другъ съ другомъ. Отсюда произошли три категоріи систематическихъ юридическихъ сочиненій: 1) сочиненія, обнимающія систему эдикта (о нихъ было сказано выше); 2) сочиненія, содержащія систему гражданского права и 3) сочиненія касающіяся системы гражданского права и эдикта совместно другъ съ другомъ. Мы каснемся теперь сочиненій второй и третьей категоріи.

I) *Ius civile*.

(Система К. М. Сцеволы и М. Сабина).

Эпоха научно-систематическаго направленія среди римскихъ юристовъ и научное изложеніе гражданскаго права (*ius civile*) открываются съ К. М. Сцеволы (+ 679), про котораго Помпоній говоритъ, что онъ *ius civile primus constituit, generatim in libros decem et octo redigendo*. Какъ извѣстно, образованіе и развитіе права у Римлянъ совершалось путемъ казуистики. Тѣмъ не менѣе, уже довольно рано сказалась у нихъ потребность въ выведеніи изъ массы казуистическихкихъ рѣшеній общихъ формъ и формулъ, а равно и общихъ понятій гражданскаго права, обнимающихъ собою цѣлыя категоріи казусовъ. Удовлетвореніе этой потребности совершалось путемъ признанія въ отдѣльныхъ казусахъ общаго всѣмъ имъ начала, правила и посредствомъ формулированія этихъ началъ. Возвышеніе отъ частныхъ, отъ конкретныхъ случаевъ къ общимъ правиламъ дало возможность юристамъ стать выше чистой казуистики. Такія общія начала, лежащія въ основаніи цѣлой категоріи казусовъ, были *regulae iuris*. Съ возрастаніемъ казуистики появились сборники формулъ и отвѣтовъ. Но чтобы господствовать надъ массой частныхъ, нужно было, свести ихъ къ общимъ понятіямъ, систематически расположить и теоретически обработать. Говоря иначе, слѣдовало ввести въ юриспруденцію научно-систематическое направленіе, первымъ представителемъ котораго и считается Квинтъ Муцій Сцевола. Съ него римскіе юристы отказались отъ составленія исключительно формулъ и перешли къ научной обработкѣ права. Въ пользу послѣдняго мнѣнія го-

ворять два его сочинения: 1) *Libri decem et octo iuris civilis* и 2) *ђрѡв* или *definitiones. Libri iuris civilis* представляют собою первое обширное изложение права въ 18 книгахъ, а *definitiones* пользовались долгое время большимъ значеніемъ, какъ сборникъ различныхъ *regulae iuris* ¹⁹²⁾. Систематическое направленіе этихъ сочиненій Сцевола оказало вліяніе на систематическіе труды Сабина и Лабейона. Въ своихъ *Libri iuris civilis* Сцевола не ограничивался только гражданскимъ правомъ, но касался и *ius publicum*.

Ко времени К. Муція Сцевола пришлось отказаться отъ эліанскаго способа обработки и изложенія права и перейти къ другимъ приемамъ систематизаціи права. Въ этомъ новомъ направленіи работамъ Сервій Сульпицій Руфъ (*Libri II ad Brutum de edicto praetoris*) ¹⁹³⁾, который съ пользою употребилъ знаніе греческой философіи при литературной обработкѣ права, исправленія, уясненія, развитія правовыхъ положеній и при систематизаціи права. Въ своихъ изслѣдованіяхъ С. С. Руфъ близко сопрякасается къ системѣ К. М. Сцевола.

Распредѣливъ частное право по главнымъ и второстепеннымъ группамъ, въ которыхъ юридическіе институты находятся между собою въ близкомъ родствѣ, Сцевола представилъ намъ систему юридическихъ положеній, отказавшись, при этомъ, отъ изложенія соответствующихъ и не выразиимо пространныхъ отвѣтовъ юристовъ (что составляло недостатокъ приемовъ эліанской литературы) ¹⁹⁴⁾. Сочиненіе Сцевола было комментировано Леліемъ Феликсомъ, Гаемъ, Помпоніемъ и Модестиномъ; это обстоятельство безспорно указываетъ на высокое значеніе его сочиненія между римскими юристами. Система Сцевола, по Фойхту ¹⁹⁵⁾ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

¹⁹²⁾ *Sano, Varroiana*, стр. 212.

¹⁹³⁾ По словамъ Сано съ С. С. Руфа впервые начинается научная теорія права. (*Varroiana*, 205. *Geschichte*, 57, 60, 61, 65, 69—71). *Voigt*. Das Aelius—und Sabinus—System, § 3. Такъ какъ система С. С. Руфа не представляетъ ничего выдающагося, то ея изложеніе мы опускаемъ.

¹⁹⁴⁾ О различіи между системами Сцевола и Эліан см. *Voigt*, *ibid* § 3.

¹⁹⁵⁾ *Voigt*, *ibid*. § 3 см. *Taf. I*. Разсмотрѣніе отношенія между отдѣльными группами, на которыя Сцевола раздѣляетъ все частное право, мы оставляемъ за собою.

- I. Наслѣдственное право.
- II. Контракты.
- III. Личное и семейное право.
- IV. *Iura in re* (съ *emptio* и *locatio*).
- V. *Actiones adiecticiae qualitatatis* (и *bon. fid. negotia*).
- VI. *Postliminium*.
- VII. Право вытекающее изъ деликтовъ.
- VIII. Процессъ.

Въ исторіи научной систематизаціи права значительно важнѣе, системы Спеловы была система М. Сабина. Сабиньянская система неразрывно связана съ общимъ развитіемъ римскихъ юридическихъ систематическихъ воззрѣній, осуществившихся, между прочимъ, въ XII таблицахъ и въ *Tripertita* Элія.

При образованіи Системы Сабина имѣлись въ виду слѣдующія сочиненія: 1) *Posteriores* Лабена (и обработаныхъ Яволеномъ) 2) *Libri tres iuris civilis* Сабина (и соответственно съ этимъ *Libri Sabiniani* Помпонія, Ульпіана, Павла; 3) *Responsa* Урсея Ферокса и Минуція Натана¹⁹⁶⁾. Система Сабина представляется въ слѣдующемъ видѣ¹⁹⁷⁾.

Part I.

1. De testamentis со включеніемъ *hereditas ab intestato*.
2. De legatis
3. De his, qui alieno iuri subiecti sunt.
4. De liberis hominibus.
5. De mancipatione et fiducia.

¹⁹⁶⁾ Въ какой степени означенныя сочиненія участвовали въ созданіи системы Сабина, объ этомъ см. Voigt, A. Das Aelius—und Sabinus—System, § 5. Voigt, XII Tafeln § 7. Ср. Pernice, M. A. Labeo, I, 75. Подлинныхъ сочиненій Сабина не сохранилось. О его системѣ заключаютъ на основаніи комментариевъ *ad Sabinum*, сдѣланныхъ Помпоніемъ, Павломъ и Ульпіаномъ. Сходство порядка каждаго изъ этихъ комментариевъ другъ съ другомъ даетъ полное основаніе предполагать, что причиною сходства былъ общій имъ источникъ—сочиненія Сабина. Leist, Versuch, стр. 44.

¹⁹⁷⁾ Voigt, Das Aelius—und Sabinus—System, § 5.

6. De emptione et venditione et locatione et conductione.
7. De nexu et mutui datione.
8. De bonae fidei negotiis (de commodato; de deposito, de societatibus: familiae herciscund., communi divid., pro socio; de mandatis et de negotiis gestis; de cognitoribus et procuratoribus et defensoribus).
9. Quibus et a quibus recte solvitur.
10. De dotibus.
11. De tutelis et curationibus.
12. De furtis
13. De vi bonorum raptorum.
14. De pauperie.
15. De damno iniuria dato.
16. De iniuriis.
17. De damno infecto.
18. De concurrentibus actionibus ex delictis.
19. De solutionibus et liberationibus.
20. Per quas personas nobis obligatio acquiritur.
21. De aedilicio edicto et redhibitione et quanti minoris.

Pars II.

22. De obligationibus et actionibus.
23. De verborum obligatione
24. De litterarum obligatione.

Pars III de actionibus.

25. De iudiciis.
26. De interdictis.
27. De iurisdictione.

Pars IV.

28. De dominiis.
29. De servitutibus.
30. De actionibus, quibus dominia tuentur (de a. finium regundorum; de arboribus caedund; de aquae pluviae arcendae a).
31. De pignoribus.
32. De postliminio.

Изъ вышеизложеннаго ясно видно, что система Сабина обнимала слѣдующія группы правъ:

- I. Наслѣдственное право (*testam. et legat.*).
- II. Семейственное право (бракъ и опека).
- III. Облигаціонное право.
- IV. Вещное право ²⁹⁹⁾.

Въ этой системѣ мы находимъ слѣдовательно порядковъ прямо противоположный порядкамъ въ нынѣш. пандектарныхъ компендіяхъ.

За исключеніемъ четвертой части, система Сабина, по своему содержанію, родственна системѣ XII таблицъ и основанной на ней системѣ *Tripergita*. По своимъ основаніямъ система Сабина рѣзко отличается отъ системы эдикта. Въ основаніи системы и изложенія ученій Сабина лежатъ юридическіе акты и юридическія отношенія, а между тѣмъ въ основаніи системы эдикта—средства защиты права.

²⁹⁹⁾ Leist, Versuch, стр. 44 и слѣд. и таблицу при этомъ. Voigt, *ibid.* § 5.

Почти въ такомъ же видѣ, какъ Фойхтъ, представляеть систему Сабина, на основаніи комментариевъ къ Сабину, сдѣланныхъ Помпоніемъ, Павломъ и Ульпіаномъ, и Дейстъ:

I. De testamentis.

.

Legata

.

II. Traditio (у Ульпіана *Leges traditionum*) у Фойхта приблизительно № № 5, 6, 7, 8.

III. Бракъ и *dos.* № 10 у Фойхта.

.

Tutela. № 10.

IV. *Furtum* съ № 12—19 у Фойхта.

.

V. *Conditiones.* съ № 20—21 у Фойхта

.

stipulationes (*stipulatio* и *acceptilatio* у Павла); съ № 22—27 у Фойхта.

VI. *Rei vindicatio* (у Помпонія); *de iurisdictione* (у Павла и Ульпіана) съ № 25—27 у Фойхта.

.

Здѣсь, въ этомъ 6-мъ отд., поименовано все содержащееся въ *Part IV* Сабиньянской системы.

По этому, въ системѣ Сабина искъ или совѣтъ игнорируются или же о нихъ упоминается, какъ о нѣчто побочномъ и второстепенномъ, въ системѣ же эдикта искамъ дано первенствующее мѣсто, а матеріальное право присоединяется только посредственно ²⁰⁰⁾.

Расположеніе частей въ системѣ Сабина опредѣляется стремленіемъ автора обнять въ своей системѣ причины возникновенія правовыхъ положеній (*de rebus et eorum acquisitione*), между которыми наследственное право, какъ первоначальное, занимало первое мѣсто ²⁰¹⁾; вотъ почему, наследственное право и поставлено во главѣ системы права.

Если же брать во вниманіе 4-ю часть системы Сабина, какъ прибавленіе къ цѣлой системѣ, то все содержаніе системы Сабина можно раздѣлить на три части, которыя согласуются съ тремя частями элианской *Tripartita*: XII *Tabularum*, *Interpretatio* и *Legis actiones*. Судя по тому, что система Сабина во многихъ своихъ пунктахъ чужда внутренняго оправданія (семейно-личныя юридическія ученія; облигаціонное право, вещное право), такъ какъ раздѣляется въ сущности сродное и соединяется въ дѣйствительности другъ другу чуждое, т. е. въ ней существуетъ безпорядокъ, который можетъ быть объясненъ только внѣшними историческими причинами, то легко можно убѣдиться, что система Сабина есть элианская система *Tripartita*, которая была для Сабина образцомъ и изъ которой Сабинъ заимствовалъ основанія распредѣленія всего своего матеріала, внеся въ свою систему, въ видѣ прибавленія, преобразование старыхъ и образованіе новыхъ юридическихъ институтовъ (въ особенности императорскаго времени).

Благодаря этимъ прибавленіямъ и сложилась *Part IV*, содержаніе которой уже не мирилось съ содержаніемъ *Part I*. Такъ, что касается собственности и сервитутовъ (*part IV*), то эти два института принадлежатъ XII таблицамъ; но перевороты, съ ними совершившіеся, были на столько значительны что означенные два юридическихъ института уже къ началу императорскаго времени совершенно измѣнились, такъ что дѣйстви-

²⁰⁰⁾ Leist, Versuch. 55, 56.

²⁰¹⁾ Пухта, исторія римскаго права, 331.

тельно, на мѣсто формъ XII таблицъ выступили другіе и при томъ новые институты ²⁰²⁾.

Въ системѣ Сабина встрѣчается общая характеристическая черта всѣхъ системъ гражданского права: 1) *testamentum* и *legatum* сопоставляются съ бракомъ и *tutela* и 2) невыдѣленіе наследованія по закону изъ наследованія по завѣщанію: первое излагалось совмѣстно съ послѣднимъ) ²⁰³⁾.

²⁰²⁾ Voigt, *ibid.* § 5.

²⁰³⁾ Leist, 58. Подробная оцѣнка системы Сабина за нами.

II) *Ius civile et actio.*

(Система Гая).

Въ институціяхъ Гая систематическія возрѣнія Римлянъ на право достигли той ступени развитія, выше которой они уже не поднимались. Какъ полное и совершеннѣйшее выраженіе систематическаго направленія римской юриспруденціи, гайская система права проникла въ новую Европу и стала подножіемъ почти всѣхъ гражданскихъ кодексовъ цивилизованныхъ народовъ ²⁰⁴). По этому, въ системѣ предложенной Гаемъ, современный намъ юристъ ищетъ (и находитъ) облегченіе для по-

²⁰⁴) Какъ бы ни была не совершенна система Гая, сравнительно съ системами гражданского права цивилизованнаго міра, ее никакъ нельзя признавать недостойною быть основаніемъ системъ современнаго гражданского права (какъ думаетъ, напр. Вальтеръ въ своей *Iuristische Encyclopädie*, § 128). Значеніе системы Гая для современныхъ гражданскихъ уложеній весьма точно опредѣлилъ извѣстный нашъ ученый проф. Пахманъ, который, еще недавно, въ одномъ изъ засѣданій С.-Петербургскаго Юридическаго общества, докладывая о предметѣ и системѣ гражданского уложенія, говорилъ: Римская система гражданского права была основана на различіи двухъ основныхъ понятій, двухъ объектовъ права: *res* и *actio* (3-й элементъ—*actio* поставленъ санкціею для первыхъ двухъ). По мнѣнію Пахмана, римскій чертѣжъ можетъ быть усвоенъ предполагаему у насъ новому гражданскому уложенію. Говоря о саксонскомъ кодексѣ, система котораго основана прежде всего на различіи институтовъ, какъ формъ правъ приобретаемыхъ; профессоръ замѣчаетъ, что строил систему гражданского

ниманія и установленія системъ современнаго права. Наука права идетъ къ тому, чтобы на основаніи римскаго права создать науку права гражданскаго вообще. Мысль о совмѣстномъ изученіи системъ права цивилизованнаго міра съ системами римскаго (гражданскаго) права должна быть господствующею между всѣми юристами, безпристрастно относящимися къ данному дѣлу.

Значеніе системы Гая въ исторіи правовѣдѣнія и въ современной наукѣ права мы поймемъ вполне, если выполнимъ два условія: 1) если мы представимъ то положеніе вещей; въ замѣву котораго явился *Institutiones* Гая и 2) если мы покажемъ отношеніе системы Гая къ системамъ цивилизованныхъ народовъ. Первое изъ этихъ условій мы выполнимъ теперь же, а второе—въ своемъ мѣстѣ.

Мы уже видѣли, въ чемъ выражалась систематическая дѣятельность Римлянъ до Гая. Идея о системѣ права находила свое осуществленіе въ pontификальныхъ *legis actiones*, въ законахъ двѣнадцати таблицъ, въ преторскомъ эдиктѣ, въ литературной дѣятельности римскихъ юристовъ, между которыми достаточно указать на дѣятельность Элія, Офілія, Юліана, К. М. Спевола, С. С. Руфа, Сабина и друг. Но система Гая стоитъ выше всѣхъ предшествующихъ ей системъ права. Въ то время какъ ближайшіе къ Гаю юристы направляли свои умы преимущественно на систему одного гражданскаго права, система Гая представляетъ объединеніе системы гражданскаго права съ системою эдикта на болѣе или ме-

права на однихъ «приобрѣтаемыхъ правахъ», мы обращаемъ ее въ систему права въ смыслѣ субъективномъ, между тѣмъ какъ наука, если не желаетъ быть односторонней, не должна, игнорировать и объективной стороны права. Въ этомъ смыслѣ точка зрѣнія римской системы права шире и научнѣе: она идетъ не отъ субъективнаго, а именно отъ объективнаго права; такова несомнѣнно должна быть и точка законодателя, а слѣдовательно и кодекса. Римская система должна быть принята за основу порядка изложенія нашего новаго гражданскаго уложенія, такъ какъ она исходитъ изъ опредѣленнаго основанія, отличается простотою и наглядностью, и удовлетворительна не только въ практическомъ, но и въ научномъ отношеніи.

нѣе самостоятельныхъ началахъ. Такъ какъ система эдикта есть преимущественно система *actiones*, а системы *iuris civilis* (напр. Сабина) суть системы преимущественно материальнаго права, то система Гая представляетъ соединеніе системы формальнаго права съ системою материальнаго права.

Между тѣмъ какъ въ системѣ напр. Сабина мы видимъ послѣдовательный рядъ институтовъ и положеній по большей части стоящихъ между собою во внѣшней связи и часто даже совершенно не соединимыхъ, въ системѣ Гая мы находимъ, до известной степени, единство главныхъ юридическихъ понятій, въ смыслѣ системы права,—единство, основанное на внутреннемъ сродствѣ основныхъ его началъ. Строго говоря, ни въ XII таблицахъ, ни въ системѣ эдикта, ни въ системѣ Сабина нѣтъ системы права, а только группированіе юридическихъ положеній съ точки зрѣнія внѣшнихъ практическихъ соображеній ²⁰⁵). О систематической формѣ права можно, до известной степени, говорить только съ Гая, глубокія историческія основанія системы котораго не нашли себѣ до нашихъ дней истиннаго вниманія со стороны юристовъ, такъ что до сихъ поръ основная мысль гайскаго дѣленія права, не вполне точно установлена.

Гай дѣлитъ свои институціи на четыре книги (коментарія). Первые три книги представляютъ краткое изложеніе основныхъ понятій гражданскаго права, а четвертая, какъ прибавленіе къ нимъ, содержитъ краткое обзорнѣе системы эдикта. Но это раздѣленіе на книги, не соответствуетъ основнымъ началамъ, по которымъ у него распредѣлено право. У Гая мы читаемъ: *Omnem autem ius quo utimur vel ad personas pertinet, vel ad res, vel ad actiones* ²⁰⁶). Сообразно съ тремя этими объектами права было бы логичнѣе раздѣлить всѣ институціи на три книги, чего Гай не дѣлаетъ, въ виду чисто книжной симметріи. Въ своихъ институціяхъ Гай (а за нимъ Юстиніанъ) рассматриваетъ только частное право, т. е. сумму возможныхъ и дѣйствительныхъ отношеній между людьми, какъ частными лицами, оставляя въ сторонѣ изложе-

²⁰⁵) Walter, Geschichte des römischen Rechts, § 455.

²⁰⁶) Gai, I § 8. Cp. Glasson, Etude sur Gaius, § 18 и слѣд.

ніе публичнаго права, т. е. сумму отношеній субъекта къ государственному верховенству. По этому, система Гая для историка систематизаціи права имѣетъ значеніе какъ одна изъ первичныхъ формъ, въ которой представляется въ систематическомъ видѣ только одна вѣтвь права, а именно—права гражданскаго.

Въ свое время Гуго думалъ, что дѣленіе на *persona*, *res*, *actiones* было общераспространенною логической абстракціей между Римлянами, и что Гай примѣнилъ это дѣленіе только къ юридической системѣ. Со своей стороны, Савиньи²⁰⁷⁾ старался доказать что означенное мнѣніе Гуго есть только одна догадка и при томъ не доказанная. По мнѣнію Савиньи, тройное раздѣленіе права можно сравнить съ другими тройными дѣленіями Римлянъ: *vi*, *claus*, *praescriptio*; *testas*, *manus*, *mancipium*, тремя видами *capitis deminutio*: *minima*, *media*, *maxima*, тремя классами народонаселенія: *cives*, *latini*, *peregrini*. Всѣ такія противоположенія безспорно глубоко коренились въ самыхъ юридическихъ воззрѣніяхъ Римлянъ и несомнѣнно воздѣйствовали и на теоретическую обработку права. Но подобныя старыя и распространенныя противоположенія нельзя примѣнить къ дѣленію на *persona*, *res*, *actio*. Факты намъ говорятъ, что это дѣленіе по тремъ объектамъ далеко не было общераспространеннымъ и общеукоренившимся, какъ это думаетъ Гуго и друг. Даже самъ Гай въ другомъ своемъ сочиненіи «*Res quotidianae*» принялъ другое дѣленіе (планъ). Флорентинъ въ своихъ *Institutiones* слѣдуетъ тоже иному порядку (Гѣшенъ). Отсюда Савиньи дѣлаетъ выводъ: мнѣніе, что означенное дѣленіе права было общераспространеннымъ, неосновательно. Скорѣе, этотъ порядокъ основывался на индивидуальномъ, случайномъ взглядѣ самаго Гая.

Одни изъ юристовъ²⁰⁸⁾ въ институціяхъ Гая усматриваютъ оригинальное произведеніе автора, а не подражаніе прежнимъ системамъ, между тѣмъ какъ другіе²⁰⁹⁾ говорятъ, что Гай предпринявъ въ своихъ *institutiones* комбинацію граждан-

²⁰⁷⁾ Savigny, System des heutigen römischen Rechts, I. § 59.

²⁰⁸⁾ Пухта, исторія римскаго права, стр. 339, 340.

²⁰⁹⁾ Leist, Versuch einer Geschichte der römischen Rechtssysteme § 16.

вовсе не произвелъ что-либо удивительнаго. Его заслуга состоитъ лишь въ томъ, что онъ сумелъ выдѣлить на долю представителю совмѣстно, объединенное до него на двѣ части право (по источникамъ происхожденія) на *ius civile* и *ius honorarium*.

Въ своемъ мнѣнiи, система Гая не является во всѣхъ частяхъ совершенно оригинальнымъ, самороднымъ произведенiемъ. Уже задолго до Гая его точка зрѣнiя на систематизацию права встрѣчается у старыхъ юристовъ (пантистикъ) въ *Triperitita* Элия и другихъ. У Элия *actiones* старыми *legis actionibus*, которые, какъ третья часть, присоединялись къ изложенiю *ius'a* (*civile*), раздѣленнаго по источникамъ происхожденiя на XII таблицъ и *interpretatio* и противоположнаго, какъ одно цѣлое, *actiones*. Въ своихъ институцияхъ Гай отразилъ эту противоположность между *ius* и *actio*, возвратясь, такимъ образомъ, къ старымъ понятиямъ на систему права. У него, собственно, въ системѣ два отдѣла: Одинъ изъ нихъ обнимаетъ *persona* и *res*, а другой—*actiones*. Въ систематизованiи *ius civile* Гай обнаруживаетъ высшую степень тогдашняго правовѣдѣнiя на сколько онъ раздѣляетъ право не внѣшнее (по источникамъ происхожденiя), но по его внутреннимъ основанiямъ на *ius quod ad personas* и *ad res pertinet*. Съ другой стороны, въ *actiones* у него идетъ рѣчь только о старыхъ *legis actiones*, но о всемъ томъ, что соответствовало главнымъ элементамъ тогдашней системы эдикта²¹⁰).

Мысль объ отношенiи элементовъ гражданскаго права—*persona* и *res*,—мысль о различiи двухъ объектовъ права, имѣетъ безспорно связь съ давнишнимъ (пантистическимъ) противоположенiемъ *in rem* и *in personam actio*, которая развилась въ системѣ эдикта. Эта мысль несомнѣнно была усвоена Гаемъ при систематизацiи имъ гражданскаго права.

²¹⁰) Leist, *ibid.* § 16 стр. 76, 77. Действъ полагаетъ, что различiе между временемъ Гая и Элия состоитъ въ томъ, что Элий подъ *ius civile* разумѣлъ матеріальное право во всемъ его объемѣ, *actio* въ эту сферу уже не входило, въ то время какъ у Гая *actio* имѣетъ значенiе второй части матеріальнаго права, рядомъ съ которымъ стоитъ *ius civile*.

Такъ что, основы Гайской системы права слѣдуетъ искать въ нѣдрахъ понтификальной юриспруденціи ²¹¹⁾.

Различіе между отдѣломъ, съ одной стороны, *de actionibus*, а съ другой—отдѣломъ *de personis* и *de rebus* сдѣлать и замѣтить легче, чѣмъ между частями *de personis* и *de rebus*. Во всякомъ случаѣ, разграничить и опредѣлить объемъ каждой изъ этихъ послѣднихъ частей, намъ кажется, необходимо ²¹²⁾.

Въ отдѣлѣ *de rebus* у Гая не разсматривается только *res* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Подъ понятіе *res* у него подводятся не только реальныя, осязательныя предметы, но и такъ называемыя идеальныя вещи—*res incorporales*, состоящія въ правахъ (*quae in iure consistunt*).

Къ такимъ нетѣлеснымъ вещамъ относятся: *hereditas*, *ususfructus*, *obligatio*. Всѣ эти вещи—объекты права суть созданія права: онѣ потому вещи, что право считаетъ ихъ за таковыя. Въ этомъ случаѣ, юриспруденція признаетъ вещь то, что способно стать въ извѣстное отношеніе къ человѣческой волѣ. Такими вещами могутъ быть или матеріальныя объекты или извѣстныя группы правъ на матеріальныя вещи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что, такъ называемыя, безтѣлесныя вещи, не объекты (вещи), съ которыми соединены извѣстныя права, но просто права. И если *res incorporales in iure consistunt*, то нѣтъ никакого основанія напр. отдѣлъ первой части (*de personis*) не вносить въ отдѣлъ о вещахъ (*de rebus*) подъ рубрику *res quae in iure consistunt*. Напр. отеческую власть почему бы не внести въ отдѣлъ о вещахъ, ибо она тоже *in iure consistit*. Остается два выхода: 1) или нужно съюзить отдѣлъ о ве-

²¹¹⁾ Въ формулахъ *legis actio sacramenta in rem* и *in personam* выработаны были юридическія понятія, которыя до сихъ поръ составляютъ основаніе системъ гражданскаго права, и найдено было точное обозначеніе и строгое различіе понятій вещнаго (абсолютнаго) права и права требованія (относительнаго).

²¹²⁾ Ульпіанъ и Марціанъ имѣли подобныя Гаю воззрѣнія на систему права. Долго спустя послѣ Гая мы встрѣчаемъ гайскія систематическія идеи въ Епитимае Гермогеніана и даже въ Юстиніановскихъ пандектахъ. *Leist, Versuch*, § 16.

цахъ: тогда *obligationes* составятъ особую группу или же 2) оставить его при объемъ Гая: тогда въ него должны войти нѣкоторые изъ предметовъ первой части. Границы отдѣла *de rebus* уяснятся еще болѣе, если мы рассмотримъ отдѣлъ *de personis* ²¹³).

Прежде всего разрѣшимъ вопросъ: что должно считать объектомъ права? Этотъ вопросъ очень важенъ, ибо отъ разрѣшенія его зависитъ самый характеръ системы права. Строго говоря Гай, Юстинианъ и за ними большинство современныхъ юристовъ располагаютъ гражданское право на основаніи естественной классификаціи объектовъ права, признавая таковыми лица и вещи. Подобное раздѣленіе объектовъ права признается сообразнымъ съ естественнымъ порядкомъ вещей, вытекшимъ изъ свойствъ человѣческой природы, которая ведетъ человѣка, съ одной стороны, къ разнообразнымъ связямъ и отношеніямъ съ другими людьми, а съ другой—путемъ разнообразныхъ потребностей и интересовъ, соединяетъ человѣка съ предметнымъ міромъ.

Не трудно убѣдиться, что раздѣленіе объектовъ права на двѣ категоріи (Гаевы *actiones* — какъ третій элементъ его системы, имѣетъ значеніе въ смыслѣ только санкціи двухъ первыхъ объектовъ права (*persona* и *res*); вотъ почему, мы выдѣляемъ *actio* изъ объектовъ права въ строгомъ смыслѣ слова) имѣетъ глубокой практической смыслъ. Дѣйствительно, мы можемъ и начинаемъ изучать прежде всего лица, какъ таковыя, безъ всякаго отношенія ихъ къ вещамъ. Въ этомъ случаѣ, мы изучаемъ тѣ разнообразныя роли, которыя играетъ лицо въ гражданско-юридической жизни, какъ напр. роли рабовъ или свободныхъ; ихъ положенія, состоянія, т. е. ихъ положеніе,—какъ членовъ той или другой націи, того или другаго семейства; ихъ правоспособность и дѣеспособность т. е. возможность и способность имѣть и осуществлять права и т. п.

Далѣе, мы рассматриваемъ лицо, когда оно вступаетъ въ міръ предметный, вещный. На этотъ разъ мы видимъ, что

²¹³) Classification of Rights in the Institutes of Gaius and Justinian, (The Law Magazine and Law Review, 1871). Эта статья имѣла большое значеніе въ нашемъ изложеніи гайской системы права.

вещи, рассматриваемыя въ ихъ отношеніи къ человѣку, становятся почти всѣ благами, а лица пріобрѣтаютъ права на эти блага, — права непосредственныя, какъ напримѣръ, право собственности, или болѣе отдаленныя, какъ напр. права по обязательствамъ. Сообразно двумъ объектамъ права, сложились двѣ теоріи, два ученія: 1) ученіе о лицахъ, имѣющее предметомъ права, не оцѣнимыя на деньги и 2) ученіе о вещахъ, имѣющее предметомъ имущество. Въ общемъ, мы находимъ тоже самое у Гая, классификація права котораго представляетъ вовсе не произвольную связь понятій. Выдержалъ ли Гай эту связь вполнѣ и развилъ ли ее настоящимъ образомъ — это уже другой вопросъ, отвѣтъ на который мы дадимъ въ своемъ мѣстѣ.

Обращаясь къ внутреннему значенію институцій Гая, мы должны рѣшить прежде всего вопросъ: Какая основная и руководящая идея, на которой основаны отдѣльныя юридическія понятія, входящія въ отдѣлъ *de personis*? ²¹⁴⁾

По видимому, лица распределены Гаемъ какъ-будто по степени ихъ правоспособности ²¹⁵⁾ Но внимательно вглядываясь въ сущность дѣла, мы не можемъ категорически утверждать, что основной характеръ, сущность гайскаго распределенія лицъ по классамъ есть правоспособность, ибо послѣдняя является у Гая однимъ изъ свойствъ данного класса лицъ. Въ свое время Савиньи ²¹⁶⁾ замѣтилъ, что содержаніе первой части гайскихъ институцій не обнимаетъ только виды правоспособности, такъ какъ въ третьемъ *divisio* содержится ученіе о родствѣ, которое ничего общаго съ правоспособностью не имѣетъ. Съ другой стороны у Гая не хватаетъ одного изъ главныхъ отличій лицъ на основаніи правоспособности, отличія *cives, latini* и *peregrini*. Савиньи относитъ содержаніе первой части институцій къ семейственному праву и думаетъ, что Гай въ этой части разумѣлъ именно

²¹⁴⁾ Classification of Rights.

²¹⁵⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ въ свое время Гуго (*Civil. Magaz.* IV, 20. 21) утверждавшій, что первая часть институцій Гая (*de personis*) есть не иное что, какъ ученіе о правоспособности или о трехъ свойствахъ лицъ, соответствующихъ тройкой *capitis deminutio*.

²¹⁶⁾ Savigny, *System des heutigen römischen Rechts*, I, § 59.

с е м е й с т в е н н о е п р а в о , х о т я и н е н а з в а л ь е г о с в о и м ь и м е н е м ь . Г а е м ь н е у п о м и н а ю т с я *cives, latini peregrini* п о т о м у , ч т о о н и п р и н а д л е ж а т ь в ь п у б л и ч н о м у п р а в у , х о т я и х ь з н а ч е н и е д л я г р а ж д а н с к а г о п р а в а (ч р е з ь п р а в о с п о с о б н о с т ь) о ч е в и д н о . С а в и н ь и г о в о р и т ь д а л ь ш е , е с л и в ы к и н у т ь н з ь и з л о ж е н i я р и м с к а г о с е м е й с т в е н н а г о п р а в а р о д с т в о , к о т о р о е Г а й п р е д с т а в и л ь , к а к ь в ь т ь в ь с е м ь и , т о с о д е р ж а н i e с е м е й с т в е н a г о п р а в а м о ж е т ь с о в п а с т ь с ь с о д е р ж а н i e м ь п е р в о й в н и г и и н с т и т у ц i й Г а я в п о л н ь .

Н е о с н о в а т е л ь н о с т ь т о ь к о ч т о о з н а ч е н н a г о м ы ь н i я С а в и н ь и о с о в п а д e н i я п е р в о й ч а с т и и н с т и т у ц i й Г а я с ь с e м e й с т в e н н ы м ь п р а в о м ь я с н а с а м а с о б о й . Х о т я м н o г и я с o c t o я н i я л и ц ь , п е р e ч и с л e n н ы я в ь п e р в o м ь к o м м e n т а р i я Г а я , и в x o д я т ь в ь o б л а с т ь с e m e й с т в e n n a г o п р a в a , к a к ь н a п р и м ь p ь в л a с т ь o т ц a н a д ь д ь т ь м и , м у ж a n a д ь ж e н o й ; р a б ы п o д р e v i t ь i ш a м ь н a ч a л a m ь p и м с k a г o п р a в a в x o д и л и в ь с e м ь ю ; e c л и р a б ы б ы л и в к л ю ч e n ы в ь с e м ь ю , т o э м a н ц и п и р o в a n н ы e т ь м ь б o л ь ш e м o г л и т р e б o в a т ь в ь н e й м ь с т a ; o п e k a , з a м ь e n ь i я o т e ч e c k y ю в л a с т ь , с ь н e б o ь ш o й н a т ь ж k o й м o ж e м ь c o п p и k a c a т ь c ь с e m e й с т в o м ь ; т ь м ь н e м e н ь ш e o п e k a n a д ь б e з y м н ы м и п c y м a ш e d ь ш и м и e д в a л и м o ж e т ь б ы т ь п p и ч и c л e n a к ь с e m e й c t в y , e щ e м e н ь ш e m a n c i p i u m ; д e т ь , п p o d a n n o e o т c e м ь и н o c t p a n ц y , и т ь м ь o т o p в a n n o e o т ь c в o e й с e м ь и (a o т e ц ь и м ь л ь n a т o п p a в o) e d v a л и m o ж e т ь б ы т ь п o c t a в л e n o п o д ь o д н y k a т e г o p i ю c ь п o л o ж e n i e м ь д ь т e й п o d ь p o t e s t a s . Д a ж e с a м ь С a в и н ь и y т в e р ж д a e т ь , ч т o e c л и Г а й и и м ь л ь ц ь м ь o - и з л o ж и т ь в ь п e р в o й ч a c т и с e m e й с т в e n n o e п p a в o , т o э т a ц ь м ь н и г д ь н e o б н a p y ж и л a c ь я c n o . Т a к ь б p a к y , c a м o м y в a ж н o м y с e m e й н o м y ф a к т y , y н e г o н e o т в e д e n o o c o б a г o м ь c т a , н o o н ь в в e д e n ь , к a к ь o c н o в a n i e p a t r i a p o t e s t a s (x o т я n a c a m o м ь д ь л ь , б p a к ь н e e c т ь c p e d c t в o д л я k a k o й л и б o в л a c t и) . Б p a к y и c в ь з a n n o м y c ь н и м ь d o s n e д a n o c a m o c t o я т e л ь n a г o з n a ч e n i я v ь и н c t i t y ц i я x ь Г a я e д и н c t в e n n o п o т o м y , ч т o o н и c a m и п o c e б ь n e m o d и ф и з и p y ю т ь п p a в o — и д ь e c п o c o б н o c т ь л и ц a . Т o ч н o т a к ь ж e , p o d c t в o п o k p o в и и л и c в o й c t в y д o л ж н o б ы л o i м ь т ь c a m o c t o я т e л ь n o e м ь c t o , a м e ж д y т ь m ь n a n e г o т o ь k o n a м e k a e т ь c я и т . д .

М ы т o г o м ы ь н i я , ч т o п e р в a я ч a c т ь n e o б н и м a e т ь в c ь k a т e г o p i я л и ц ь , п o л ь з y ю щ и x c я i u s q u o d a d p e r s o n a s p e r t i n e t , и ч т o p a c п p e d ь л e n i e л и ц ь п o k л a c c a m ь c ь з ь л a n o

Гаемъ не на основаніи правоспособности. Если бы для Гаи руководящимъ принципомъ раздѣленія лицъ была ихъ правоспособность, то онъ долженъ былъ бы изъ своихъ институцій исключить лицъ не правоспособныхъ, напр. рабовъ и упомянуть о лицахъ съ ограниченою правоспособностью, напр. о peregrinaxъ, прислугѣ, солдатахъ, глухонѣмыхъ, не женатыхъ, бездѣтныхъ. А между тѣмъ Гаи дѣлаетъ совершенно на оборотъ. Рабамъ онъ отводитъ мѣсто въ отдѣлѣ de personis, а объ означенныхъ лицахъ съ ограниченою правоспособностью онъ не упоминаетъ.

Гаи не даетъ намъ раздѣленія лицъ на cives и peregrini, какъ это онъ дѣлаетъ, раздѣляя лица на libertini и ingenui. Хотя въ первой книгѣ и упоминаются дѣйствительно peregrini, но не какъ самостоятельный классъ лицъ. О нихъ говорится въ связи съ potestas, просто какъ о классѣ лицъ, не способныхъ ее приобретать. Peregrinitas была не иное что, какъ не имѣніе правоспособности, но не какъ законное основаніе извѣстныхъ правъ и обязанностей, какъ напр. libertas, civitas, familia; она не создавала никакого отношенія власти или подчиненія, между тѣмъ какъ всѣ классы лицъ, входящіе въ отдѣлѣ de personis, опредѣлены очень характеристично положительными обязанностями, напр. обязанности раба, жены, сына. Такой принципъ классификаціи лицъ имѣетъ глубокой жизненный интересъ, потому что въ основѣ всѣхъ человѣческихъ отношеній лежитъ зависимость однихъ отъ другихъ: слабыхъ отъ сильныхъ, немущихъ отъ богатыхъ. Право есть совокупность условій вѣшняго господства однихъ надъ другими, а слѣдовательно и зависимости однихъ отъ другихъ. Изучающій право и распредѣляющій права не можетъ упускать изъ вниманія того осязательнаго факта, что общество людей есть система зависимости однихъ отъ другихъ, на основаніи которой всѣ люди въ обществѣ распадаются на двѣ не равныя группы: на малочисленную и многочисленную, на властвующихъ и подчиняющихся. Это одинаково вѣрно какъ для частныхъ, такъ и для публичныхъ отношеній. Право должно всегда служить выраженіемъ реальныхъ общественныхъ явленій. По этому, правовая система есть выраженіе системы общественныхъ отношеній. Въ такомъ смыслѣ систему права именно и пре-

ставить Гай въ своей систематикѣ лицъ, основанной на зависимости однихъ отъ другихъ.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ классификаціи лицъ Гай перечисляетъ категоріи лицъ, указывая, какимъ путемъ можно сдѣлаться или перестать быть членомъ той или другой категоріи и при этомъ кратко описываетъ тѣ состоянія, которыя извѣстны праву; другими словами, описываетъ извѣстныя праву общественныя положенія лицъ (*status*), въ которыхъ выражаются различными степенями господства (право) однихъ и зависимости (обязанность) другихъ.

Гай въ этомъ случаѣ рельезно обозначилъ различными *status*'ы лицъ, которыя обусловливали и изъ которыхъ вытекали различные степени правоспособности лица (*caput*).

По Гаю, всѣ люди находятся въ двухъ общественныхъ состояніяхъ и раздѣляются на два главныхъ класса: 1) на свободныхъ и 2) на рабовъ ²¹⁷⁾. Въ свою очередь свободные могутъ быть: 1) свободнорожденными (*ingenui*) и 2) вольноотпущенниками (*libertini*) ²¹⁸⁾. Изъ вольноотпущенниковъ образовалось три категоріи лицъ: 1) полные граждане (*cives Romani*), 2) *Latini Iuniani* и 3) *dedititii* ²¹⁹⁾ свободные граждане были: 1) *sui iuris* и 2) *alieni iuris* ²²⁰⁾. Къ первымъ относились находящіеся подъ опекой и попечительствомъ ²²¹⁾ и вполне свободные, а вторымъ различались по роду власти, которой они были подчинены, а именно: 1) лица *in potestate* (*liberi et servi*) ²²²⁾, 2) *in manu* ²²³⁾ (ихог) и 3) *in mancipio* ²²⁴⁾. Однимъ словомъ, лица классифицированы Гаемъ такъ, что каждое лицо можетъ занимать мѣсто только въ одномъ изъ классовъ, напр. помѣщенный въ классъ рабовъ не могутъ встрѣчаться въ другихъ классахъ.

²¹⁷⁾ Gai, I, § 9.

²¹⁸⁾ Gai, I, § 10.

²¹⁹⁾ Gai, I, § 12.

²²⁰⁾ Gai, I, § 48.

²²¹⁾ Gai, I, § 142 и слѣд.

²²²⁾ Gai, I, § 52, 55.

²²³⁾ Gai, I, § 111 и слѣд.

²²⁴⁾ Gai, I § 116 и слѣд.

Въ двухъ видахъ свободныхъ (*uni et alieni iuris*) Гай об-
 нялъ всѣхъ гражданъ ²²⁵). Еслибы пришлось, говорить одинъ
 англійскій писатель ²²⁶), собрать весь римскій народъ и раздѣлить
 его по группамъ, то каждое лицо, имѣло бы свою группу, и помѣ-
 стилось бы только въ своей группѣ, такъ какъ для него не было
 бы мѣста ни въ одной изъ другихъ категорій лицъ. Это раз-
 дѣленіе лицъ на столько совершенно, что его никакъ нельзя
 признать дѣломъ случая. Дѣйствительно, классы лицъ распа-
 даются на два отдѣла: 1) на тѣхъ, которыя не подчинены ни-
 какой власти и имѣютъ право властвовать надъ другими и 2)
 на тѣхъ, которыя находятся въ различныхъ степеняхъ и ря-
 дахъ подчиненія. Въ прежнее время было очень мало лицъ впло-
 нѣ свободныхъ и чуждыхъ всякаго надъ ними контроля, такъ
 что можно сказать, что римское общество состояло изъ двухъ
 главныхъ классовъ: 1) малочисленнаго — управляющихъ и 2)
 многочисленнаго — подчиненныхъ. Общество было построено и
 удовлетворяло всѣмъ своимъ жизненнымъ нуждамъ и потреб-
 ностямъ на основаніи личнаго подчиненія. Такое устрой-
 ство общества выражаетъ то состояніе римскаго права, когда
 положеніе лица точно и ясно опредѣлялось тѣмъ обществен-
 нымъ его состояніемъ, которое было извѣстно праву (имъ опре-
 дѣлялось) и въ которомъ лицо считается облеченнымъ извѣст-
 наго рода правами и обязанностями. Это состояніе называютъ
status. И юрисконсулъ, изучающій отдѣлъ *de personis*, дол-
 женъ имѣть въ виду означенное общественное состояніе лица;
 что безспорно имѣлъ въ виду и Гай. Вотъ чѣмъ объясняется,
 между прочимъ, то обстоятельство, что *regregini*, въ пе-
 риодъ непосредственно слѣдующій за XII таблицами, не были
 извѣстны праву или же просто право ихъ игнорировало, а по-
 тому они не были включены Гаемъ, стоявшимъ на строго рим-
 ской почвѣ, въ классификацію лицъ, и не образовали у него са-
 мостоятельной категоріи лицъ, подобно *libertini* и *ingenui*.

Гаю прекрасно удалось перечислить роды власти (а
 тѣмъ самымъ и зависимости), которые имѣли частныя лица

²²⁵) Это различіе лицъ, основывающееся на государственномъ правѣ,
 необходимо должно было влечь за собою различіе по гражданскому праву
 (Ср. Азаревичъ, патриціи и плебеи, I, 22).

²²⁶) Classification of Rights.

съ частными же лицами — роды власти, известные праву; (охраняемые и определяемые правомъ). Въ перечисленіи правъ и обязанностей Гай объясняетъ *status* и съ нимъ связанная права *ad personam*. Но это *ius ad personam* было основано не на договорѣ, какъ нынѣ, а на *status'ѣ*. Такимъ образомъ, отдѣлъ *de personis* представляетъ исторически слагавшійся матеріалъ, въ которомъ выражена система зависимости (обязанностей) одного индивида отъ опредѣленнаго лица. Въ такомъ случаѣ, нельзя ли отдѣлъ *de personis* свести на *ius ad personam*?

Нынѣ различаютъ *ius in rem* и *ius ad personam*. Первое налагаетъ обязанность не на известнаго, опредѣленнаго индивида, но на всѣхъ людей вообще, и при томъ обязанность чисто отрицательнаго характера. Второе же, *ius ad personam*, предполагаетъ обязанность, относящуюся къ известному, точно обозначенному лицу и при томъ обязанность, которая здѣсь можетъ имѣть мѣсто, является какъ положительной, такъ и отрицательной. Иначе говоря, современные юристы распределяютъ права на двѣ категоріи. Въ одномъ изъ нихъ обязанный индивидъ неопредѣленъ, и сама обязанность носить исключительно отрицательный характеръ, а въ другомъ—обязанное лицо точно обозначено и сама обязанность можетъ быть и положительной и отрицательной. Если это дѣленіе права на вещное и личное принять за основное дѣленіе, тогда права, перечисленные въ отдѣлѣ *de personis*, на сколько они налагаютъ обязанности на известнаго, опредѣленнаго индивида, пожалуй могутъ быть подведены подъ *ius ad personam*.

Но ясно, что отдѣлъ *de personis* нельзя отождествить съ отдѣломъ, въ которомъ говорится о *ius ad personam*, т. е. о личномъ правѣ, не смотря на то, что въ томъ и другомъ идетъ рѣчь объ обязанностяхъ, касающихся опредѣленнаго индивида. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ отдѣлѣ *de personis* входятъ права, не подлежащая оцѣнкѣ—это такъ называемыя права власти. Въ отдѣлѣ же, въ которомъ говорится о *ius ad personam*, имѣются явнѣю исключительно права имущественнаго свойства (оцѣнимыя на деньги). Здѣсь обязанность принимается свободно по доброй волѣ; права и обязанности опредѣляются самими сторонами, а меж-

ду тѣмъ тамъ, въ отдѣлѣ *de personis*, права и обязанности опредѣляются объективнымъ правомъ, (а не сторонами) и при томъ по мимо намѣренія сторонъ и даже противъ послѣдняго, согласно съ требованіями объективнаго права. Отсюда возникаетъ разница въ положеніяхъ раба и слуги, лица обязавшагося по договору. Тотъ и другой могутъ имѣть равныя обязанности, но слуга принимаетъ ихъ свободно и когда угодно, безъ давленія и вмѣшательства объективнаго права, тогда какъ рабъ не опредѣляетъ свое положеніе свободно: положеніе раба опредѣлено не имъ самимъ, но объективнымъ правомъ. Наглядное различіе между положеніемъ лица въ первомъ отдѣлѣ (*de personis*) а на основаніи *ius ad personam*, на основаніи договора, весьма хорошо можно наблюдать въ бракѣ. Бракъ считается добровольнымъ соглашеніемъ, такъ какъ это есть состояніе, созданное на основаніи согласія сторонъ. Но если бракъ есть добровольное соглашеніе, то такое, въ которомъ всѣ условія и продолжительность опредѣлены объективнымъ правомъ и стороны измѣнить ихъ не могутъ. Единственно, что предоставлено здѣсь волѣ сторонъ: это вступить или не вступить въ брачное состояніе. Только съ этой послѣдней стороны бракъ носитъ договорный характеръ. Въ римскомъ правѣ бракъ хотя и устанавливался съ согласія мужа (и, конечно, жены), тѣмъ не менѣе условія его существованія были опредѣлены объективнымъ правомъ. Такъ: мужъ надъ женой имѣлъ *patria potestas*, которая существовала еще во время Гая. Словомъ—главная черта брака та, что онъ установленъ для насъ, а не нами.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи положенія лица въ первомъ случаѣ имѣетъ рѣшающее значеніе воля законодателя, а во второмъ—согласіе договаривающихся сторонъ; хотя эта разница и не безусловная, напр. въ бракѣ воля сторонъ не игнорируется правомъ вопль, а равно и въ договорахъ государство вмѣшивается съ цѣлью облегчить осуществленіе намѣренія сторонъ.

Нельзя-ли признать отдѣлъ *de personis* однимъ изъ раздѣловъ *ius ad personam*? Отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ, ибо еще Савиньи осудилъ это мнѣніе въ свое время, находя, что между обязанностями, возникающими изъ договора и обязанностями лицъ, поименованными въ первомъ от-

дѣль институтій Гая (какъ уже и мы выше указали) слишкомъ большое различіе, чтобъ ихъ можно счесть однородными. Едва ли и Гай имѣлъ ввиду это отдаленное и вѣншее сходство обязанностей; иначе ему не было бы нужды изложеніе двойкаго вида этихъ сходныхъ обязанностей разбивать по двумъ отдѣламъ, среди которыхъ вставленъ самостоятельный отдѣлъ *de heredis*. Мы думаемъ, что Гай имѣлъ основаніе образовать самостоятельный отдѣлъ *de personis* въ смыслѣ отдѣла о правахъ власти (не отънимима на деньги права), хотя и не развилъ этотъ отдѣлъ систематически и вполне. Чего же не достаетъ въ отдѣлѣ *de personis*? Гай ничего не говоритъ о субъектѣ юридическихъ отношеній и касается юридическихъ отношеній лицъ настолько, на сколько это зависитъ отъ представленнаго Гаемъ дѣленія лицъ. Гай не занимается теоріей различныхъ *status* и ничего не говоритъ объ юридическихъ актахъ, касающихся лицъ, а если и говоритъ, то на столько, на сколько это нужно было ему для объясненія раздѣленія лицъ. Въ отдѣлѣ лицъ указаны отношенія власти и защиты, напротивъ семейныхъ отношеній, какъ таковыхъ, нѣтъ. Вѣроятно предполагалось, что эти отношенія, какъ отличающіяся преимущественно моральными характеромъ, не принадлежать къ сферамъ права. Но такое предположеніе одностороннее. Но тѣмъ же самымъ основаніемъ право патроната, какъ таковое, не нашло себѣ мѣста въ первой части институтій Гая: что также односторонне ²¹⁷⁾.

Еще недостаткамъ Гая относится чрезмерное увлеченіе логическими формами *divisiones*, результатомъ котораго оказалось, что Гай очень важнымъ институтамъ отвелъ слишкомъ подчиненное положеніе, напр., какъ мы уже говорили, у него бракъ упоминается только какъ основаніе отеческой власти, а равно, наследственное право, какъ основаніе приобрѣтенія собственности. Часто въ угоду *divisiones* онъ производитъ вѣншую связь однихъ юридическихъ явленій съ дру-

²¹⁷⁾ Walter, *Juristische Encyclopädie*, §§ 118, 128. Весь недостатокъ Гайской системы обнаружится при изложеніи исторической судьбы этой системы въ новой Европѣ. Поэтому мы пока освобождаемъ себя отъ представленія всѣхъ слабыхъ сторонъ системы Гая сказавшихся во всѣхъ комментаріяхъ его институтій.

гими, напр., сказавъ, что всѣ лица находятся подъ опекой или нѣтъ, онъ продолжаетъ, что здѣсь мы скажемъ о родствѣ. Точно такъ же изложеніе договора купли продажи онъ начинаетъ словами: всѣ люди заключаютъ договоръ купли—продажи или нѣтъ (или: всѣ юридическія сдѣлки суть договоръ купли—продажи—или нѣтъ); за тѣмъ прибавляетъ: мы скажемъ теперь о договорахъ. Этимъ же объясняется, что рабы напр. упоминаются два раза. Первое упоминаніе есть какъ бы кажущееся и служить только переходомъ къ различнымъ классамъ освобожденныхъ (т. е. къ отношеніямъ патроната), или, другими словами — *divisio liberi et servi* стоитъ только, какъ предлогъ для подраздѣленія людей на *ingenui* и *libertini*. Но это формальное несовершенство сочиненія Гаю не уничтожаетъ достоинства, богатства сочиненія и его ясности изложенія. Даже если бы мы и задумали излагать римское право въ другой системѣ, то отъ этого достоинство гайскихъ институтцій нисколько не уменьшилось бы. До сихъ поръ, частное право изучается по формуламъ Гаю, т. е. мы считаемъ основаніемъ изученія права лицо, вещи и къ нимъ присоединяетъ иски; хотя въ эти формулы и вносимъ мы болѣе соответствующее содержаніе и лучшей распорядокъ матеріи, чѣмъ Гай.

Второй моментъ, съ которымъ по Гаю связываются права и который служитъ основаніемъ для классификаціи права, есть *res*, образующая ядро самостоятельнаго отдѣла *de rebus*. Отдѣлъ *de rebus* обнимаетъ второй и третій комментаріи институтцій Гаю (*res cognatae* и *res incognatae*). Въ этомъ отдѣлѣ Гай говоритъ о раздѣленіи вещей, о способахъ приобрѣтенія и отчужденія вещей.

3-й моментъ обобщенія права у Гаю—*actio*. Здѣсь идетъ рѣчь не о дѣйствіи или фактѣ, который мы нынѣ признаемъ общимъ необходимымъ элементомъ каждаго юридическаго отношенія, рядомъ съ субъектомъ и объектомъ. Онъ принимаетъ *actio* неизмѣнно въ томъ самомъ смыслѣ, въ которомъ оно употреблялось и прежде, т. е. какъ нѣчто самостоятельное отъ *ius civile* ²²⁸).

Actio понимаютъ въ двойномъ значеніи: въ матеріальномъ и формальномъ. *Actio* въ первомъ смыслѣ есть право

²²⁸) Leist, Versuch, § 16.

искать защиты въ судѣ, а во второмъ — означаетъ судебное дѣйствіе, которымъ лицо, обиженное въ своемъ правѣ, заявляетъ судѣ это право и проситъ защиты его. Въ какомъ смыслѣ употребляетъ Гай слово *actio*? Гай принимаетъ *actio* въ матеріальномъ смыслѣ, въ смыслѣ исковыхъ правъ, а не только въ смыслѣ форма *agendi* предъ судьей. Отсюда у него *actiones* раздѣляются на два вида: на *actiones in personam* и *actiones in rem*. Гай въ своемъ дѣленіи *actiones in personam* и *in rem* выразилъ ту его основную мысль, что какъ все право вообще имѣетъ въ основаніи своего дѣленія два объекта (*persona* и *res*), такъ точно и исковое право, какъ санкція *iuris in personam* и *in rem*, должно соответствовать матеріальному праву и можетъ относиться только къ двумъ предметамъ — *persona* и *res*.

Въ первыхъ трехъ комментаріяхъ Гай не даетъ самостоятельнаго мѣста преторскимъ постановленіямъ: они при гражданскомъ правѣ являются только прибавленіями. За то въ четвертомъ своемъ комментаріи (*de actionibus*) онъ совершенно иначе относится къ этимъ постановленіямъ. *Actiones* (§ 1—114), *exsertiones* (—137) и *interdicta* (—170) — вотъ основныя самостоятельныя части, образующія четвертый комментарий Гая. Къ этимъ частямъ присоединяется четвертая общая часть (*propeae temere litigantium* и *in ius vocatio*). Что Гай *interdicta* считалъ послѣднею главною частью, видно изъ начальныхъ его словъ объ *interdicta*:... *superest ut de interdictis dispiciamus*. Если Гай и представилъ, какъ видно, краткое обзорніе системы эдикта, то тѣмъ не менѣе, онъ не слѣдовалъ вполне эдикту. Его идеей было кратко изложить въ институціонномъ сочиненіи начинающимъ главные части системы эдикта, т. е. то, что издавна называлось *actiones* въ обширномъ смыслѣ. Этимъ вполне объясняется исключеніе Гаемъ изъ институцій нѣкоторыхъ специальныхъ ученій эдикта, не такъ необходимыхъ для первоначальнаго обученія. Съ другой же стороны, онъ присоединяетъ къ *actiones* ученія, о которыхъ начинающимъ слѣдуетъ знать (напр. *satisfactio*²²⁹)

²²⁹) Leist, Versuch einer Geschichte der römischen Rechts-systeme § 16.

Институціями Гая замыкается дѣятельность римскихъ юристовъ, направленная на систематизацію права. Юристы позднѣйшаго времени только благоговѣли предъ классическими юристами и въ своихъ систематическихъ трудахъ только отражали систему Гая и систему эдикта. Таковъ, по крайней мѣрѣ, характеръ работы юристовъ времени Юстиніана, разсмотрѣніемъ которой мы откроемъ одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ нашихъ матеріаловъ къ исторіи системы права. Въ настоящемъ же выпускѣ мы старались представить въ самыхъ краткихъ словахъ матеріалъ для уясненія системы права у Римлянъ, при чемъ мы намѣренно не входили въ подробное указаніе соотношенія и преемственности между частями системы права, такъ какъ этимъ указаніемъ мы займемся въ другомъ мѣстѣ, а именно: при представленіи генетическаго развитія отдѣльныхъ институтовъ права въ ихъ органической связи и преемственности (при познаніи законовъ соотношенія и развитія различныхъ частей права).

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
2	9 сверху	право	права
4	5 снизу	литературы	литературѣ
13	6 —	народа	народа
15	4 сверху	scribere	scribere
19	11 снизу	не могли	не могли
21	18 сверху	отдѣлялись	отдѣлялось
22	4 —	divinum	divinum
27	10 сверху	injectionem	injectionem
28	6 снизу	analogia	analogia
—	18 —	вызвали	вызвало
29	18 —	юриспруденція	юриспруденція
—	10 снизу	продолжался	продолжался
—	3, 4, снизу	Aelias	Aelius
31	6 снизу	actio	actiones
—	7 снизу	actio prohibitoria	actiones prohibitoriae
34	2 —	текстѣ	текстѣ
35	4 сверху	magistra tnm	magistratum
—	14 —	у Римлянѣ	у Римлянѣ
—	16 —	одого	одного
36	13 снизу	quidquam	quidquam
37	14 сверху	Катонѣ	прованный Catus
38	1 снизу	текстамѣ	текстамѣ
41	9 снизу	arbitrative	arbitrive
43	9 сверху	sed	sed
47	1 снизу	§ 7	§ 1
50	15 снизу	одинако	одинаково
55	3 снизу	icitum	licitum
63	18 сверху	Perpetuum	Perpetuum
65	1 сверху	cuiusque	cuiusque
70	12 снизу	Ульпіона	Ульпіана
75	17 сверху	станеть	ставемъ

II

Страница	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
77	3 сверху	Zweulich	Zweulich
86	14 —	конкретныя	конкретные
88	— —	знающихъ	знающихъ
—	— =	именемъ	именемъ
90	20 —	utique	utique
—	26 —	quibus	quibus
—	28 —	Caesare	Caesare
—	8 —	das	des
91	18 снизу	въ сущности ,	въ сущности,
92	19 снизу	что	кто
—	13 —	несомнѣнно	несомнѣнно
94	6 —	случаѣ	случаѣ
95	3 —	текстъ	текстъ
106	1 сверху	преподаванія	преподаваніе
108	5 снизу	заставляла	заставлена
110	16 сверху	сдѣлать	сдѣлалась
113	19 снизу	formulas	formulam
116	2 —	Сцеволы	Сцевола
—	4 —	Сцевола	Сцеволы
117	18 сверху	Sabiniani	Sabiniani
—	19 —	Минудія	Миниція
—	6 снизу	Основанія	основанія
—	9 —	Сабана	Сабина
—	11 —	Le mancipatione	De mancipatione
—	12 —	Le liberis	De liberis
—	15 —	testamentis	testamentis
120	4 сверху	присоединять	присоединяется
—	12 —	же	не
122	4 снизу	предполагаему	предполагаемому
—	10 —	ученія	ученый
125	8 сверху	абстракціей	абстракціей
126	2 снизу	actio	actio
127	6 снизу	понятія	понятія
131—132	1 —	представилъ	представилъ
137	5 —	оно	она
—	11 сверху	присоединяетъ	присоединяемъ
138	1 снизу	gömischen	gömischen

Объ электрическихъ явленіяхъ въ кристаллахъ.

Пробная лекція прив.-доц. Р. Пренделя.

Мн. г-ри!

По существующимъ нынѣ воззрѣніямъ на строеніе твердыхъ тѣлъ, мы можемъ себѣ представить ихъ сложеными изъ необычайно малыхъ частичекъ, относительное положеніе которыхъ обусловливаетъ физическія и морфологическія свойства тѣлъ. Частички эти предполагаются не соприкосающимися другъ съ дружкой, а отдѣленными нѣкоторыми промежутками, заполненными весьма разрѣженной средой — эфиромъ. Расположеніе частичекъ и ихъ взаимную ориентировку мы можемъ предположить или правильными, или же неправильными. Есть основаніе думать, что правильная ориентировка и группировка частицъ присуща такъ называемымъ кристаллическимъ тѣламъ, неправильная же — тѣламъ некристаллическимъ. Предположеніе о подобной зависимости морфологическихъ свойствъ твердыхъ тѣлъ отъ ихъ внутренняго строенія основано главнымъ образомъ на ихъ отношеніяхъ къ физическимъ дѣтелямъ. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ въ тѣлахъ кристаллическихъ, вслѣдствіе правильной ориентировки элементовъ ихъ составляющихъ, явленія физическія находятся въ строго опредѣленныхъ и притомъ сравнительно простыхъ отношеніяхъ, въ тѣлахъ некристаллическихъ отношенія эти являются сравнительно болѣе сложными и запутанными. Изученіе связи между кристаллической формой тѣла и его физическими свойствами составляетъ предметъ кристаллофизики одну изъ главъ которой, трактующую объ электрическихъ явленіяхъ въ кристаллахъ, я и избралъ предметомъ для сегодняшней лекціи.

Еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія (1762 г.) профессоромъ физики петербургскаго университета Францомъ Эпинусомъ было сдѣлано открытіе, что кристаллы турмалина развиваютъ отъ тренія и нагрѣванія электричество, причемъ на одномъ концѣ кристалла получается положительное электричество, а на другомъ — отрицательное. Явленіе это было затѣмъ провѣрено шведскимъ ученымъ Бергманномъ, которому кромѣ того удалось еще подмѣтить, что при охлажденіи нагрѣтыхъ кристалловъ турмалина знаки электричествъ на концахъ ихъ мѣняются въ противоположные.

Сравнительно болѣе обстоятельными изслѣдованіями электрическихъ явленій въ кристаллахъ мы обязаны творцу кристаллографіи аббату *Науу* (1822 года), который изслѣдовалъ въ этомъ направленіи большинство ему извѣстныхъ минераловъ, раздѣливъ ихъ на проводники и изоляторы и на развивающіе отъ тренія положительное и отрицательное электричества. Изслѣдуя электричество, развивающееся въ кристаллахъ отъ нагрѣванія, такъ называемое пироэлектричество, онъ увеличилъ число извѣстныхъ минераловъ, обладающихъ этою способностью, до восьми ¹⁾.

Ученики и послѣдователи *Науу* — Делафоссъ и Бекерель (1828 г.), продолжая изслѣдовать пироэлектрическія свойства кристалловъ, обратили особое вниманіе на пироэлектричество въ кристаллахъ геяморфныхъ. Главнѣйшія изъ полученныхъ ими результатовъ можно приблизительно резюмировать слѣдующимъ образомъ: 1) минералы *начинаютъ* пріобрѣтать пироэлектрическія свойства только при извѣстной, опредѣленной для каждаго изъ нихъ, температурѣ; 2) при повышеніи температуры электрическое напряженіе растетъ только до извѣстной степени; 3) при остановкѣ повышенія температуры всякій слѣдъ электричества исчезаетъ, и наконецъ 4) при охлажденіи нагрѣтыхъ кристалловъ знаки электричествъ на концахъ мѣняются въ обратные, сравнительно съ тѣми, которые были пріобрѣтены концами кристалла при его нагрѣваніи.

Позднѣе Розе и Риссъ (1843 г.) старались опредѣлить положеніе электрическихъ полюсовъ и зависимость этаго положе-

¹⁾ Минералы эти слѣдующіе: топазъ, борацитъ, аксинитъ, турмалинъ, мезотипъ, пренитъ, галмей и сөөнъ.

нія ихъ отъ кристаллической формы. Для этой цѣли они нагрѣвали кристаллъ до известной температуры въ тиглѣ, наполненномъ мелкою дробью и затѣмъ, вынувъ его изъ тигля и, удаливъ съ поверхности электричество пламенемъ горѣлки, прикасались къ различнымъ частямъ кристалла электроскопомъ. Такимъ образомъ они опредѣляли положеніе мѣстъ наибольшаго скопленія пироэлектричества — мѣстъ такъ называемыхъ *электрическихъ полюсовъ*. Линія, соединяющая два полюса съ электричествами различныхъ знаковъ названа ими *электрической осью*.

Исслѣдованія ихъ показали, что нѣкоторые кристаллы имѣютъ *одну* такую ось, совпадающую обыкновенно съ главною кристаллографическою осью (напримѣръ, кристаллы турмалина, галмея, и т. п.); другіе кристаллы оказались *многосоосными* (напр. борацитъ, родидитъ и др.); и наконецъ обнаружилось существованіе кристалловъ съ внутри расположенными полюсами (напр. у ромбическаго пренита, топаза и др.).

Провѣривъ затѣмъ наблюденія Бекереля относительно перемѣны знаковъ электричества на полюсахъ при охлажденіи кристалловъ, Розе и Риссъ назвали полюсъ, на которомъ измѣненіе знаковъ электричества идетъ соотвѣтственно замѣненію знаковъ температуры *аналогическимъ*, противоположный же полюсъ — *антилогическимъ*, причемъ Розе пытался эмпирически опредѣлить какииъ изъ кристаллографическихъ элементовъ въ гемиморфныхъ кристаллахъ, соотвѣтствуетъ аналогическій полюсъ, какииъ антилогическій ¹⁾).

Ганкель, начавшій почти одновременно съ Розе заниматься пироэлектричествомъ минераловъ, нашелъ, что въ нѣкоторыхъ минералахъ, какъ напр. въ борацитѣ, при постоянномъ повышеніи или пониженіи температуры въ большихъ предѣлахъ, аналогическій полюсъ переходитъ нѣсколько разъ въ антилогическій и наоборотъ. Такъ напр., для борацита найдено:

¹⁾ Розе принималъ напр., что въ гемиморфномъ турмалинѣ конецъ, на которомъ плоскости главнаго ромбоэдра насажены на плоскости трехсторонней призмы, соотвѣтствуетъ аналогическому полюсу, противоположный же — гдѣ плоскости главнаго ромбоэдра приходятся противъ реберъ призмы — антилогическому полюсу. Правило это однако не можетъ быть строго проведено на всѣхъ кристаллахъ турмалина.

Ходъ измѣненія знаковъ электричества :		
	На одномъ концѣ электрической оси	На другомъ концѣ электрической оси.
Повышеніе t°	—	+
	+	—
	—	+
Пониженіе t°	0	0
	+	—
	—	+
	+	—
	0	0

Въ виду этаго названіе аналогической и антилогической, предложенныя Розе и Риссомъ, могутъ быть применимы только для *опредѣленныхъ періодовъ* повышенія или пониженія температуры.

Дальнѣйшія изслѣдованія Ганкеля дали матеріалъ для сужденія о связи между полярнымъ пироэлектричествомъ и наружною симметрией кристалловъ. Изъ его изслѣдованій между прочимъ вытекаетъ, что полярное пироэлектричество проявляется не только въ *природныхъ hemimorph'ныхъ* кристаллахъ, (т. е. такихъ, въ которыхъ возможно существованіе кристаллографическихъ осей, упирающихся въ элементы съ разнороднымъ характеромъ симметріи), но и въ *природныхъ holomorph'ныхъ* полногранныхъ формахъ, которымъ искусственно приданъ *hemimorph'ный* видъ. Такъ напримѣръ *holomorph'ный* полногранный кристаллъ топаза, будучи съ одного конца отколотъ параллельно конечной плоскости, превращается при нагреваніи въ полярно-электрической.

Ганкелю же принадлежитъ честь открытія связи между нѣкоторыми оптическими и пироэлектрическими свойствами кристалловъ.

Изъ опытовъ и наблюденій надъ кристаллами кварца онъ выводитъ заключеніе, что въ этомъ минералѣ пояса, обнаруживающіе отрицательное пироэлектричество, тянутся по поверхности нагрѣтаго кристалла наискось отъ плоскостей $+R$ одного конца кристалла къ плоскостямъ $+R$ другого конца его; пояса же положительнаго пироэлектричества занимаютъ промежутки. Онъ обратилъ также вниманіе на то обстоятельство, что въ кристаллахъ кварца, вращающихъ плоскость поляризаціи вправо,

электрическіе пояса направлены вправо, въ лѣвыхъ же кварцахъ они идутъ влѣво.

Къ сожалѣнію Ганкель пользовался при своихъ изслѣдованіяхъ методомъ довольно несовершеннымъ, почему и выводы его возбудили нѣкоторые сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что онъ нагрѣвалъ кристаллы въ ваннѣ изъ мѣдныхъ опилокъ, оставляя обнаженною только изслѣдуемую часть его. Какъ показали пробнорочные опыты *Fridel'a* и *Curie*, при такомъ способѣ нагрѣванія и охлажденія различныя части кристалла являются не одинаково нагрѣтыми и такимъ образомъ въ окончательный результатъ замѣшиваются посторонніе элементы, получающіеся отъ разнородной температуры частей кристалла.

Г. Коленко и *Маск*, проверяя изслѣдованія Ганкеля, пользовались методомъ, предложеннымъ *Kundt'омъ*. Способъ этотъ даетъ возможность опредѣлить въ каждый данный моментъ положеніе $+$ и $-$ электричества на *всей* поверхности вплоть прогрѣтаго до данной температуры кристалла. Для этой цѣли кристаллъ нагрѣвается предварительно долгое время въ воздушной банѣ и затѣмъ обдается при посредствѣ особеннаго мѣха порошокомъ изъ смѣси равныхъ объемовъ сурика и сѣры. Пылинки сѣры, наэлектризовывающіяся при этомъ отрицательно, осаждаются на мѣстахъ скопленія положительнаго электричества, пылинки же сурика располагаются на мѣстахъ, проявляющихъ отрицательное электричество.

Изслѣдованія г. Коленко, хотя и подтвердили положеніе Ганкеля о существованіи различія въ распредѣленіи пирозлектричества на поверхности правыхъ и лѣвыхъ кристалловъ кварца, но отличіе въ расположеніи электрическаго пояса оказалось не такимъ, какимъ оно являлось въ опытахъ Ганкеля. Г. Коленко показалъ именно, что электрическіе пояса дѣйствительно перемежаются въ кристаллахъ кварца, но идутъ при этомъ не косо, а параллельно ребрамъ призмы, при чемъ въ *правыхъ* кристаллахъ пояса отрицательнаго электричества располагаются вдоль *реберъ правой стороны* главнаго ромбоэдра, а въ *лѣвыхъ* кристаллахъ—вдоль *лѣвыхъ реберъ*.

Г. Коленко указалъ также какимъ образомъ способъ *Kundt'a* можетъ быть примѣненъ для отличія простыхъ кристалловъ кварца отъ двойниковъ проростанія въ томъ случаѣ, когда двойники эти образованы по такъ называемому обыкновенному за-

кону, т. е., когда въ образованіе ихъ входятъ или два правыхъ или два лѣвыхъ кварца и когда оптическое изслѣдованіе не въ состояніи выдать ихъ двойниковой природы. Въ самомъ дѣлѣ, если въ завѣдомо простомъ кварцевомъ кристаллѣ получается правильное чередованіе электроположительныхъ и электроотрицательныхъ поясовъ, расположенныхъ совершенно параллельно— «*in allerstrengester Parallelität*», по выраженію Коленко, — то всякое отступленіе отъ этой правильности и параллельности должно обуславливаться скрытыми особенностями строенія кристалла, при чемъ изъ большаго количества наблюденій Коленко выводитъ, что по отсутствію правильности въ чередованіи поясовъ можно безусловно (*widerspruchlos*) заключить о двойниковой натурѣ кристалла. Изслѣдованія Коленко приводятъ къ весьма интереснымъ кристаллографическимъ выводамъ, которые однако, какъ не входящіе въ программу моей лекціи, я принужденъ обойти молчаніемъ.

Что касается изслѣдованій *Mack'a*, то онъ, провѣряя способомъ *Kundt'a* наблюденія *Hanckel'я* надъ борацитомъ, нашелъ, что въ кристаллахъ этого минерала линіи наибольшаго напряженія электричества идутъ въ большинствѣ случаевъ параллельно ребрамъ ромбическаго додекаэдра, ограничивая на поверхности кристалла двѣнадцать ромбовидныхъ участковъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ участкамъ, на которыхъ разбивается борацитовый кристаллъ по отношенію къ оптическимъ явленіямъ въ немъ наблюдаемымъ.

Какъ извѣстно, кристаллы борацита, принадлежа къ правильной системѣ, обладаютъ въ то же время двойнымъ лучепреломленіемъ. Это аномальное явленіе объясняется различными кристаллологами различно, причѣмъ объясненія ихъ сводятся главнымъ образомъ къ двумъ причинамъ. Одни (*Mallard, Baumhauer* и нѣкоторые другіе) принимаютъ, что борацитовые кристаллы псевдо-тессеральны и считаютъ ихъ за миметическіе сростки ромбическихъ элементовъ. Другіе (*Klein, Marbach, Klocke* и др.) считаютъ ихъ кристаллами, принадлежащими къ правильной системѣ, но обладающими различными молекулярными напряжениями, вслѣдствіи нѣкоторыхъ особенностей роста.

На основаніи своихъ наблюденій и опираясь на интересные изслѣдованія братьевъ *Curie* (о работахъ которыхъ рѣчь

будеть впереди), *Mask* полагаетъ возможнымъ применить къ мѣтѣю *Klein'a*, считая линіи наибольшаго электрическаго напряженія на кристаллахъ борацита мѣстами наибольшаго внутреннего напряженія и конденсаціи вещества, которыя (на что намекаютъ изслѣдованія *Curie*), могутъ быть дѣйствительно источникомъ проявленія электричества въ кристаллахъ.

Приведенныя до сихъ поръ изслѣдованія касались исключительно пироэлектричества въ дурныхъ проводникахъ, каковыми на примѣръ считаются силикаты, борнокислыя соединенія и т. п.

Friedel задумалъ произвести изслѣдованіе въ этомъ же направленіи надъ хорошими проводниками электричества.

За неимѣніемъ гемиморфныхъ минераловъ въ отдѣлѣ хорошихъ проводниковъ, ему пришлось остановиться на такихъ, кристаллы которыхъ относятся къ полугранному отдѣленію. Онъ экспериментировалъ именно надъ сѣновдами блеклой руды и мѣднаго волчедана, выпиливая изъ нихъ пластинки перпендикулярно къ призматическимъ осямъ ¹⁾ (аналогъ тригональнымъ осямъ правильной системы) и соединяя отшлифованныя плоскости при посредствѣ платиновыхъ проволокъ съ гальванометромъ. Хотя при нагреваніи и развивалось разнородное электричество на отшлифованныхъ сторонахъ, но опыты *Friedel'*я не были такъ обставлены, чтобы отклонить всякое подозрѣніе въ возможности существованія здѣсь вмѣсто пироэлектричества явленій термоэлектрическихъ и потому опыты его едва ли могутъ имѣть рѣшающее значеніе.

Намѣтивъ такимъ образомъ въ главныхъ чертахъ ходъ изслѣдованій пироэлектрическихъ явленій въ кристаллахъ со временъ *Hauy* до нашего времени, я перейду тсперь къ попыткамъ — полагаю преждевременнымъ — дать теоретическое объясненіе связи этихъ явленій съ кристаллическимъ видомъ вещества; объясненіе же сущности самаго пироэлектри-

¹⁾ Призматическія оси въ сѣновдѣ упираются своими концами въ разнородные элементы ограниченія, а именно, одинъ конецъ въ уголъ, а другой въ плоскость, въ чемъ и представляютъ нѣкоторое сходство съ осями гемиморфныхъ кристалловъ.

чества, какъ явленіи принадлежить области чистой физики и мы его касаться не будемъ.

Наиу смотрѣлъ на пироэлектричество, какъ на причину гемиморфнаго и геміадрическаго образованія кристалловъ, потому что въ его время оно было только извѣстно въ кристаллахъ гемиморфныхъ и полугранныхъ: онъ ставилъ, слѣдовательно наружную форму кристаллическаго вещества въ зависимость отъ пироэлектрическихъ свойствъ его, а не на оборотъ.

Гоіэнъ (Gauguin), работавшій много надъ пироэлектричествомъ турмалиновъ, одинъ изъ первыхъ предположилъ, что пироэлектричество зависитъ отъ внутренняго строенія кристалла, причѣмъ такой кристаллъ онъ представлялъ себѣ сложенымъ изъ молекулъ, состоящихъ каждая изъ двухъ различныхъ половинъ, способныхъ при нагрѣваніи развивать термоэлектричество. Возвръніе свое *Gauguin* иллюстрировалъ слѣдующаго рода опытомъ: изъ маленькихъ мѣдныхъ и висмутовыхъ конусовъ, спаянныхъ по очереди то вершинами, то основаниями, была составлена цѣпь, долженствовавшая олицетворять призматическій кристаллъ. При нагрѣваніи этой цѣпи развивался токъ, константированный гальванометромъ. Токъ этотъ мѣнялъ направленіе при измѣненіи знаковъ температуры. Количество развивающагося при нагрѣваніи электричества было прямо пропорціонально температурѣ и не зависѣло отъ длины цѣпи. Въ этомъ опытѣ *Gauguin* видѣлъ реализацію главнѣйшихъ законовъ полярнаго пироэлектричества.

Братья *I. и P. Curie* основательно замѣтили однако, что гипотеза *Gauguin*'а не даетъ объясненія, почему пироэлектричество развивается только на концахъ кристалла и совершенно не наблюдается на боковыхъ граняхъ его.

Thomson предполагаетъ, что пироэлектрическій кристаллъ сложенъ изъ молекулъ, обладающихъ электрическою полярностью, при чемъ электричества, сконденсированныя на противоположныхъ поверхностяхъ молекулы при обыкновенныхъ условіяхъ находятся въ равновѣсіи, которое однако можетъ быть нарушено измѣненіемъ температуры.

Новыя изслѣдованія электрическихъ явленій въ кристаллахъ побудили *I. и P. Curie* нѣсколько видоизмѣнить теорію Томсона. *Curie* представляютъ себѣ именно пироэлектрическій

кристаллъ сложеннымъ изъ слоевъ молекулъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ видъ пары цинкъ—мѣдь, спаянныхъ вмѣстѣ. Между этими парами (слоями молекулъ, слѣдовательно), находятся весьма незначительные промежутки. Отъ разстоянiя между парами, отъ величины этихъ промежутковъ, зависитъ количество электричества сконденсированнаго на внѣшнихъ поверхностяхъ паръ, внутреннiя же электричества взаимно уничтожаются.

Подобнаго рода видоизмѣненiе гипотезы Томсона было названо несомнѣнною связью, существующею между пироэлектричествомъ кристалловъ и электричествомъ, развивающимся въ нихъ отъ сжатiя—такъ называемымъ пьезоэлектричествомъ.

Еще *Наву* замѣтилъ и опубликовалъ въ первомъ изданiи своего «*Traité de Mineralogie* (1801 г.)» фактъ, что кристаллы исландскаго шпата, сильно сжатые между пальцами, развиваютъ отрицательное электричество, сохраняя его болѣе или менѣе продолжительное время.

Фактъ этотъ впоследствии часто провѣрялся, но дальнѣйшихъ изслѣдованiй въ этомъ направленiи до послѣдняго времени произведено не было. Только года четыре тому назадъ братья *I. и P. Curie* сдѣлали открытiе, что турмалиновые кристаллы, будучи подвергнуты сжатiю по направленiю главной оси, развиваютъ на концахъ этой оси электричество противоположныхъ знаковъ, причемъ знаки эти мѣняются въ обратные, когда перестаютъ давить на кристаллъ, когда онъ такъ сказать расправляется—«*quand il se decomprime*», по выраженiю *Curie*. По изслѣдованiямъ гг. *Curie*, количество развивающагося при сдавливанiи электричества прямо пропорціонально вѣсу, давящаго на кристаллъ, тѣла, такъ что если Q есть количество электричества, выдѣляющагося при сжатiи кристалла, а P вѣсъ давящаго на кристаллъ тѣла, то

$$Q = kP.$$

гдѣ k есть функцiя положительная или отрицательная въ зависимости отъ конца главной оси, надъ которымъ производятъ наблюденiя и не зависящiя отъ длины кристалла. Кроме того, братья *Curie* эмпирически вывели, что для кристалловъ турмалина величина k есть постоянная и притомъ такова, что при

увеличеніи давленія на 1 klgr., Q увеличится на 0,053 электростатическихъ единицъ по системѣ C.G.S.

Перенеся свои изслѣдованія на призматическіе кристаллы кварца, Curie нашли, что давленіе производимое по направленію главной оси не развиваетъ электричества, сжатіе же по горизонтальнымъ осямъ, обладающимъ характеромъ полугранности, обуславливаетъ развитіе электричества различныхъ знаковъ, смотря по тому было-ли оно произведено на концы осей или въ направленіи перпендикулярномъ къ нимъ. Изслѣдованіе братьевъ Curie позволяютъ намъ пока сдѣлать слѣдующіе интересные выводы:

1) Полярное пьезоэлектричество наблюдалось до сихъ поръ только въ кристаллахъ съ наклонно-плоскостною гемидрией и въ кристаллахъ гемиморфныхъ.

2) Оно зависитъ отъ степени сжатія кристалла и напряженіе его прямо пропорціонально вѣсу тѣла, сжимающаго кристаллъ посредствомъ давленія.

3) При разжатіи кристалла знаки пьезоэлектричества мѣняются въ противоположные тѣмъ, какіе получались при сжатіи его.

4) Обыкновенно конецъ кристалла, на которомъ гемидрическая плоскости образуютъ съ осью полярнаго пьезоэлектричества наиболѣе острый уголъ, есть тотъ конецъ, на которомъ развивается $+\Sigma$ отъ сжатія.

Такъ какъ двухстороннее сжатіе есть, такъ сказать, сила, дѣйствующая симметрично съ двухъ сторонъ относительно какой нибудь плоскости внутри кристалла, то по обѣимъ сторонамъ этой плоскости, въ случаѣ одинаковости и однородности строенія вещества кристалла, долженъ получится одинаковый, такъ сказать симметричный эффектъ. *Полярное же пьезоэлектричество есть, повидимому, явленіе несимметричное и потому то оно проявляется въ кристаллахъ только по тѣмъ направленіямъ, по которымъ кристаллъ болѣе или меньше несимметрично построенъ.* А что въ кристаллахъ возможно различное строеніе въ ту или другую сторону по одному и тому же направленію, на это указываютъ недавнія изслѣдованія Thomson'a и Lodg'a, которые показали, что въ гемиморфныхъ кристаллахъ турмалина распространеніе теплоты идетъ по главной оси не одинаково въ обѣ

сторонъ и, что вообще изотерма для гемиморфныхъ турмалиновъ есть оvoidъ, а не эллипсоидъ.

Едва-ли можно сомнѣваться, что скорость распространенія теплоты *cæteris paribus* находится въ зависимости отъ строенія вещества.

Мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ способѣ возбужденія электричества въ кристаллахъ, подмѣченномъ Ганкелемъ на кристаллахъ плавиковога шпата. Минералъ этотъ, представляющій, какъ извѣстно, богатый материалъ для кристаллофизическихъ изслѣдованій вообще, развиваетъ такъ называемое фотоэлектричество, то есть электричество, получающееся отъ дѣйствія свѣтовыхъ лучей. Плоскости зубовъ плавика приобрѣтаютъ при освѣщеніи ихъ центровъ отрицательное электричество, углы же и ребра заряжаются въ это время положительнымъ электричествомъ. Напряженіе фотоэлектричества растетъ въ зависимости отъ продолжительности и силы свѣта, но только до извѣстнаго предѣла, за которымъ оно не только не продолжаетъ увеличиваться, но даже постепенно ослабѣваетъ. Самыми активными лучами свѣта, возбуждающими фотоэлектричество слѣдуетъ считать химическіе лучи. При ослабленіи свѣта и помѣщеніи кристалла въ темноту знаки фотоэлектричества немѣняются въ обратные.

Какъ ни интересны эти фотоэлектрическія изслѣдованія Ганкеля, ихъ пока недостаточно для того, чтобы можно было сдѣлать какія бы то нибыло обобщенія.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать объ изслѣдованіяхъ электропроводности въ кристаллахъ, произведенныхъ почти одновременно Сенармономъ и Видеманномъ.

Сенармонъ (1850 г.) покрывалъ для этой цѣли плоскости кристалла оловянной бумагой, въ которой приблизительно противъ середины плоскости было вырѣзано круглое отверстіе. Металлической цѣпочкой оловянная бумага эта сообщалась съ землею. Въ центрѣ вырѣзаннаго кружка, въ обнаженную въ этомъ мѣстѣ плоскость, упирался металлическій штифтъ, соединенный съ электрическою машиной. Исходящее при дѣйствіи машины электричество направлялось въ видѣ искры къ краю вырѣзки въ оловянной бумагѣ и то направленіе, по которому она слѣдовало, проходя по плоскости кристалла,

считалось Сенармономъ за направленіе наилучшей проводимости. Опыты свои Сенармонъ производилъ подъ колоколомъ пневматической машины.

Видеманнъ (1849 годъ) употреблялъ иной методъ, дающій возможность опредѣлять одновременно и направленіе наибольшей и направленіе наименьшей проводимости въ кристаллахъ. Онъ покрывалъ, именно, плоскость тонкимъ слоемъ плауноваго порошка, который при пропусканіи электричества черезъ штифтъ, упертый въ плоскость, разбрасывался въ стороны и образовывалъ вокругъ штифта валикъ, ограничивавшій, смотря по проводимости грани, то кругъ, то эллипсисъ.

Полученные Сенармономъ и Видеманномъ результаты даютъ право заключить, что направленіе наилучшей проводимости въ кристаллахъ совпадаетъ въ большинствѣ случаевъ съ направлениемъ оси наибольшей упругости въ нихъ.

Въ виду того однако, что существовало сомнѣніе, не вліяла ли въ опытахъ Сенармона и Видеманна наружная форма кристалла, Кноблаухъ произвелъ провѣрку ихъ изслѣдованій способомъ основаннымъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Если на стеклянный кружокъ наклеить по направленію діаметра его узенькую полоску свинцовой бумаги и подвѣсить кружокъ за центръ между двумя недалеко отстоящими полюсами гальваническаго столба, то послѣ нѣсколькихъ колебаній стеклянный кружокъ установится такъ, что свинцовая полоска, то есть направленіе наибольшей проводимости кружка, совпадетъ съ линіей соединяющей оба полюса. Изъ этого опыта *vice versa* можно заключить: если подвѣшенная между полюсами круглая пластинка минерала принимаетъ подъ вліяніемъ ихъ извѣстное положеніе, то линія, проведенная черезъ пластинку отъ одного полюса къ другому, будетъ направлениемъ наибольшей проводимости въ кристаллѣ. Изслѣдованія Кноблауха подтвердили выводы Видеманна и привели его кромѣ того къ заключенію, что электропроводимость находится въ большинствѣ случаевъ въ мало понятной зависимости отъ направленія спайности въ кристаллахъ. Направленіе наибольшей проводимости идетъ, по наблюденіямъ Кноблауха, перпендикулярно къ плоскостямъ наиболѣе совершенной кристаллической спайности.

Такъ какъ методъ изслѣдованія Кноблауха не исключаетъ возможности проявленія индукціонныхъ токовъ, которые должны

оказывать не малое влияние на окончательную ориентировку пластинки, то и къ выводамъ его слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою осмотрительностью.

Я не стану, мм. г-ри, утомлять долѣе вашего вниманія разсмотрѣнiемъ изслѣдованій термоэлектрическихъ, актиноэлектрическихъ и т. п. явленій въ кристаллахъ, въ виду того, что въ этомъ направленiи произведено пока весьма ничтожное количество работъ, не дающихъ возможности болѣе или менѣе обстоятельно судить объ этихъ явленiяхъ и перейду прямо къ постановкѣ одного изъ основныхъ кристаллофизическихъ вопросовъ: существуетъ ли определенная зависимость между электрическими свойствами и кристаллическимъ видомъ вещества? Миѣ кажется, что на основанiи приведенныхъ фактовъ и наблюденiй, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ положительно: — такая зависимость существуетъ по столько, по сколько наружная форма кристалла является выразительницей внутренняго строенiя его. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованiя Розе и Рисса показали зависимость полярнаго пироэлектричества отъ гемиморфизма. Работы Гангеля Коленко и Миск'а указываютъ какимъ образомъ электрическiя явленiя могутъ разоблачать самыя скрытыя особенности внутренняго строенiя кристалла. Труды братьевъ Сигіе разъясняютъ связь, существующую съ точки зрѣнiя электрическихъ явленiй между гемиморфизмомъ и гемидрией. Изслѣдованiя Сенармона и Видеманна намекаютъ на общность законовъ распространенiя тепла и электричества въ кристаллахъ... Наконецъ, изученiе электрическихъ свойствъ въ кристаллахъ позволяетъ намъ тѣснѣе сомкнуть цѣпь физическихъ явленiй въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ: теплота производитъ расширенiе и сжатiе кристалловъ, это послѣднее вызываетъ электрическiя явленiя; эти въ свою очередь — свѣтотыя; свѣтъ — фотоэлектричество; электричество — теплоту; теплота — расширенiе и т. д.

Такимъ образомъ кругъ явленiй является замкнутымъ и въ немъ лежитъ понятiе о кристаллѣ, какъ о неорганической единицѣ, обладающей определенными физическими свойствами, находящимися въ строго определенныхъ отношенiяхъ между собою...

Заканчивая лекцію, я позволю себѣ обратить ваше вниманiе еще на то громадное значенiе, которое можетъ приобрести при дальнѣйшей разработкѣ вопросъ о пироэлектрическихъ и

пъезоэлектрическихъ свойствахъ кристалловъ, въ виду того факта, что большая часть земной коры состоитъ изъ породъ кристаллическихъ, въ большинствѣ случаевъ залегающихъ на большой глубинѣ, гдѣ онѣ подвержены громадному давленію и нагрѣванію. Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что это необычайное давленіе въ связи съ нагрѣваніемъ способно развить въ этихъ породахъ электрическіе токи и быть можетъ подъ вліяніемъ этихъ-то токовъ и происходятъ нѣкоторые химическіе процессы, влючъ къ удовлетворительному объясненію которыхъ намъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

О РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Маистра А. И. Маркевича.

Кіевская лѣтопись.

Исслѣдователи, признавшіе составителемъ Древней лѣтописи преподобнаго Нестора, высказали мнѣніе, что послѣ 6618 (1110) года лѣтописи перестаютъ быть общерусскими и начинаются лѣтописи мѣстныя. Обыкновенно лѣтописецъ, переписавши лѣтопись Нестора, продолжалъ ее далѣе до извѣстнаго времени, сообщая, главнымъ образомъ, мѣстныя извѣстія; также поступалъ и слѣдующій. Поэтому исслѣдователей постоянно занималъ вопросъ о продолжателяхъ Нестора. Признавая сохранившуюся Древнюю русскую лѣтопись за сводъ начала XII вѣка, нельзя отрицать существованія мѣстныхъ лѣтописей и раньше 6618 года; почему ставить дѣло такъ, что дальнѣйшее развитіе лѣтописанія было только продолженіемъ труда составителя этого свода, уже невозможно. Конечно, можно еще сказать, что лѣтописцы продолжали вышесказаннымъ образомъ именно печерскую лѣтопись преп. Нестора; но объ этой послѣдней извѣстно слишкомъ мало, да и это малое оспаривается; поэтому такое мнѣніе почти не имѣло-бы за собой основаній. Впрочемъ, мы говоримъ лишь о времени очень близкомъ къ началу лѣтописанія, о XII вѣкѣ; въ лѣтописяхъ или, вѣрнѣе, въ лѣтописныхъ сводахъ болѣе поздняго времени, Древне русскій сводъ дѣйствительно въ началѣ переписывался — съ сокращеніями, дополненіями и измѣненіями, источниками для которыхъ могли служить и мѣстныя лѣтописи.

Существуетъ однако лѣтопись, дѣйствительно продолжающая Древне русскій лѣтописный сводъ. Лѣтопись эта представ-

ляетъ собою подобный же сводъ, составленный въ южной Руси, вѣроятно въ Киевѣ, почему ее чаще всего и называютъ Киевскою лѣтописью. Сводъ этотъ, подобно всѣмъ южнорусскимъ, заключаетъ въ себѣ и извѣстія, записанныя въ сѣверной Руси, подобно тому какъ и сѣверныя русскія лѣтописи и своды заключаютъ въ себѣ южно-русскія извѣстія; такъ что названіе этой лѣтописи «Киевской», какъ и всѣ подобныя названія лѣтописей, представляетъ нѣкоторую неточность (Замѣчаніе Соловьева). Срезневскій (Чтенія) тоже находитъ, что въ настоящее время уже трудно обособить первоначальныя части лѣтописей новгородскихъ и киевскихъ, не только волынскихъ или кавихъ нибудь иныхъ. Но въ наукѣ названіе «Киевской» утвердилось за этою лѣтописью на основаніи того, что въ ней встрѣчаются по преимуществу южно-русскія извѣстія, южная-же Русь называлась часто Землею Киевскою, такъ что нѣтъ нужды отступать отъ этого названія. Бестужевъ-Рюминъ, впрочемъ, такъ и называетъ Киевскую лѣтопись Южно-русскимъ сводомъ, а редакторы изданія лѣтописи по Ипатскому списку 1871 г.,—даже лѣтописью Юго-Западной Руси (стр. 191, примѣчаніе), или Волынскою, хотя до 1200 г. волынскія извѣстія не имѣютъ въ ней преобладающаго значенія (сравни *ibid.* стр. 479, примѣчаніе).

Киевская лѣтопись дотого тѣсно примыкаетъ къ Древне-русской, что о мѣстѣ раздѣла ихъ идутъ споры (см. О лѣтописяхъ вып. I, стр. 114 и слѣд.), притомъ и по характеру своему она во многомъ сходна съ Древне-русскою лѣтописью, такъ что, какъ мы видѣли, Иловайскій даже считаетъ Древне-русскую лѣтопись частью того киевскаго свода, о которомъ идетъ теперь рѣчь.

Сводъ этотъ представляетъ такую-же важность для исторіи, какъ и Древне-русскій, такъ какъ число иныхъ источниковъ для времени, имъ охватываемаго (XII вѣкъ), продолжаетъ оставаться незначительнымъ. Какъ памятникъ литературный, Киевская лѣтопись тоже во многомъ сходна съ Древне-русскою.

Но не будучи столь популярною, какъ эта послѣдняя, Киевская лѣтопись вызвала и гораздо меньше изслѣдованій. Капитальныхъ трудовъ, спеціально ей посвященныхъ, нѣтъ совсѣмъ. Важнѣе другихъ обширная глава въ сочиненіи о лѣтописяхъ Бестужева-Рюмина, посвященная составу Киевской лѣтописи. Затѣмъ для знакомства съ этою лѣтописью важны Из-

слѣдованія Погодина (т. IV), Лекціи Костомарова, сочиненія Бѣляева, Аристовъ (Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ. Православный Собесѣдникъ 1860 г.), Лашнюкова и Хрущова (О древне-русскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ). Кое что о ней есть въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи того времени, которое эта лѣтопись обнимаетъ.

Кіевская лѣтопись сохранилась въ небольшомъ числѣ списковъ. Бестужевъ-Рюминъ указываетъ на Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Ермолаевскій ¹⁾ и списокъ Публичной Библіотеки (изъ Погодинскихъ); всѣ они очень сходны, притомъ во всѣхъ четырехъ спискахъ почти одинаковые пропуски; очевидно для всѣхъ этихъ списковъ былъ одинъ подлинникъ, а если и два, то очень схожіе (Погодинъ IV, 57; Бестужевъ-Рюминъ 110). У Татищева былъ еще одинъ списокъ—Голицыновскій, нынѣ утраченный.

Древнѣйшій списокъ—Ипатьевскій, не позже XV вѣка (см. о немъ вып. I-ый стр. 104) и заключаетъ, кромѣ Кіевской, еще Древне-русскую и Галицко-волинскую лѣтописи. Древнимъ былъ и Голицынскій списокъ, въ которомъ Галицко-волинской лѣтописи не было. Остальные списки поздніе. Въ Ипатьевскомъ списокѣ есть утраченные листы, но они сохранились въ сходныхъ съ нимъ спискахъ.

Издана Кіевская лѣтопись по Ипатьевскому и сходнымъ спискамъ во II томѣ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, и позже, вмѣстѣ съ Древне-русской лѣтописью, Археографической комиссіей подъ редакціей С. Н. Палаузова. Въ предисловіяхъ къ этимъ изданіямъ говорится о спискахъ Кіевской лѣтописи.

Есть еще Галицкія изданія Кіевской лѣтописи, но я съ ними не знакомъ, да, кажется, представляя простыя перепечатки, они значенія не имѣютъ.

Кѣмъ составлена Кіевская лѣтопись?

Такъ какъ время, обнимаемое ею, почти столѣтіе (1111—1200 г.), то невозможно было считать эту лѣтопись трудомъ одного лѣтописца, продолжателя Нестора; поэтому и прежніе ученые допускали, что лѣтопись писана нѣсколькими лицами. Такъ Шледеръ допускалъ трехъ лицъ—продолжателей: первымъ

¹⁾ Ермолаевскій, впрочемъ, переписанъ съ Хлѣбниковскаго недавно.

былъ Сильвестръ, описывавшій событія приблизительно до 1123 г. (когда онъ и умеръ), вторымъ, по списку Татищева, — въ 1147 г. бывший съ Кн. Игоремъ во Владимірѣ (см. объ этомъ указаніи ниже). Онъ писалъ до 1157 г.; третій писалъ до конца ея. Червошияковъ, основываясь на томъ, что расказчикъ упоминаетъ о себѣ подъ 1114—1123, а потомъ подъ 1151 г. и далѣе, предполагалъ, что лѣтописцевъ было два. Погодинъ думалъ, что три, такъ какъ независимо отъ того, что на пространствѣ 90 лѣтъ трудно допустить труды всего двухъ лѣтописцевъ, изъ самой лѣтописи видно, что 1140 годъ описанъ не тѣмъ лицомъ, которое писало о событіяхъ 1113—1132 г. Отъ 1140 же года писало, судя по времени (40 лѣтъ), вѣроятно, два лѣтописца. Впрочемъ, точнаго опредѣленія времени, когда писалъ каждый изъ этихъ лѣтописцевъ, у Погодина нѣтъ. Всѣ они, по мнѣнію Погодина, были кіевляне; хотя Карамзинъ одного изъ расказчиковъ (1151 г.) и счелъ черниговцемъ, но безъ достаточнаго основанія.

Первые редакторы Полнаго собранія русскихъ лѣтописей полагали, что нѣкоторые южно-русскія извѣстія, занесенныя въ значительномъ количествѣ въ лѣтопись по Лаврентьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ, представляютъ лишь суздальское сокращеніе изъ Ипатьевского списка; основывались они на томъ, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ списки эти весьма схожи. Мнѣніе это было опровергнуто Бѣляевымъ въ статьѣ: Русскія лѣтописи по Лаврентьевскому списку (Временникъ № 2). Путемъ внимательнаго анализа, Бѣляевъ доказываетъ, что составители обѣихъ лѣтописей лишь пользовались почти одинаковыми источниками; впрочемъ, источниками этими пользовались они совершенно самостоятельно, дѣлаи поправки и т. п. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ составители имѣли и разные источники, такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ даже относительно приднѣпровскихъ происшествій есть извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Ипатьевскомъ, напр. подъ 6633 г. нѣтъ исчисленія церквей, погорѣвшихъ въ Кіевѣ; нѣтъ похода Ярополка на половцевъ въ 6638 г.; война Ярополка съ Ольговичами подъ 6646 г. разсказана съ большими подробностями. Нѣкоторыя событія представлены съ иной точки зрѣнія: напримѣръ приходъ Ростислава Юрьевича къ Изяславу, врагу отца его, Юрія Долгорукаго Ипатьевскій списокъ (подъ 6656 г.) объясняетъ ссорю Ростислава съ отцемъ, а Лаврентьевскій — нежеланіемъ Ростис-

слава соединиться съ Ольговичами, врагами Мономаховичей, но въ данное время союзниками Юрія; очевидно, первое извѣстіе писано сторонникомъ Изяслава, второе сторонникомъ Ростислава. Наконецъ, хронологія въ обоихъ спискахъ не одинакова, напр. побѣда Кн. Глѣба надъ половцами въ Ипатьевскомъ спискѣ отнесена къ 6680 г., въ Лаврентьевскомъ—къ 6677 г. (см. ниже). Это сличеніе списковъ сдѣлано еще полнѣе Бестужевымъ-Рюминымъ, подтвердившимъ окончательно мнѣніе Бѣляева.

Лашнюковъ, допуская, что Лаврентьевскій списокъ не есть сокращеніе Ипатьевского, все таки не соглашается съ выводомъ Бѣляева и, дѣлая небольшое сличеніе извѣстій по обоимъ спискамъ, приходитъ къ мысли, что Ипатьевскій списокъ Кіевской лѣтописи есть именно лѣтопись, а Лаврентьевскій представляетъ сводъ, въ составъ котораго вошли сокращенныя и нѣсколько измѣненныя извѣстія изъ кіевскихъ лѣтописей, съ дополненіями изъ иныхъ источниковъ. Сводъ этотъ сдѣланъ суздальцемъ, мало интересующимся южно-русскими событіями и плохо ихъ знающимъ. За то авторъ на первомъ планѣ выставляетъ личность Кн. Юрія, о неблагоприятныхъ дѣлахъ котораго умалчивается; а въ особенности выставляется благоразуміе Андрея Боголюбскаго. Составленіе этого свода можетъ принадлежать монаху Лаврентію, который въ силу этого и просилъ прощенія у читателей, если что описалъ, переписалъ или недописалъ.

Въ сущности мнѣніе Лашнюкова, насколько оно касается Кіевской лѣтописи, нисколько не опровергаетъ мнѣній Бѣляева и Бестужева-Рюмина. Вопросъ идетъ о томъ, что многія извѣстія, находящіяся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, имѣютъ независимое отъ Ипатьевского списка происхожденіе. А являются ли одинаковыя свѣдѣнія въ обоихъ спискахъ изъ одинаковыхъ источниковъ, или они результатъ заимствованія, это вопросъ важный собственно для сужденія о времени составленія лѣтописи по Лаврентьевскому списку, или по крайней мѣрѣ той части ея, о которой идетъ рѣчь. Притомъ сопоставленіе списковъ сдѣлано Лашнюковымъ слишкомъ бѣгло, чтобы сравняться съ чуть не построчнымъ анализомъ Бестужева-Рюмина.

Бестужевъ-Рюменъ принимаетъ существованіе въ началѣ XIII вѣка лѣтописныхъ первообразовъ для южно-русскаго и суз-

дальскаго сводовъ, которые онъ считаетъ одновременными (стр. 85); но что это за первообразы—у него объясненія нѣтъ.

Голубинскій (Исторія церкви) говоритъ о двухъ продолженіяхъ Древней лѣтописи: одно южное (собственно рядъ продолженій) находится въ разбираемой нами лѣтописи по Ипатьевскому списку; другой рядъ продолженій находится въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку и былъ веденъ сперва на югъ—въ Кіевъ, или Переяславъ, а потомъ уже въ сѣверо-восточной Руси. Но Голубинскій и ограничивается этими замѣчаніями.

Во всякомъ случаѣ южно-русскихъ лѣтописей XII вѣка было, конечно, нѣсколько; но сказать что либо определенное о нихъ, помимо того, что можетъ быть сказано о лѣтописи по Ипатьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ, невозможно. Извѣстія изъ кіевскихъ лѣтописей XII вѣка находятся и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, напр. Никоновскомъ, Воскресенскомъ и др.; но они еще труднѣе поддаются анализу.

Костомаровъ, основываясь на характерѣ изложенія, приписываетъ веденіе Кіевской лѣтописи тоже нѣсколькимъ лѣтописцамъ, но допускаетъ сверхъ того и вставки, такъ что въ сущности признаетъ ее за сводъ. Личности нѣкоторыхъ рассказчиковъ онъ пытается даже опредѣлить и довольно удачно, но признавая лѣтопись за сводъ, удобнѣе будетъ привести соображенія Костомарова тогда, когда рѣчь пойдетъ о составѣ и источникахъ этого свода.

Голубинскій (Исторія церкви I, первая половина, стр. 652 примѣчаніе 2-ое) указываетъ на многихъ продолжателей древней лѣтописи, упоминающихъ о себѣ подъ различными годами и общающихся свѣдѣнія, которыя нельзя отнести къ одному и тому же лицу, напр. высказываются совершенно различныя симпатіи.

Что Кіевская лѣтопись есть сводъ, окончательно доказано Бестужевымъ-Рюминымъ, и тѣмъ же методомъ, какъ имъ доказано это для Древне-русской лѣтописи (О составѣ лѣтописей стр. 73—75). Онъ указываетъ вставки, очевидно разорвавшія лѣтописное изложеніе, напр. подъ 6643 и 6644, или подъ 6649 и 6650 годомъ¹⁾; совершенно различныя точки зрѣнія по по-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ указываетъ еще двойственность извѣстія въ лѣтописи подъ 6644 г. въ описаніи битвы на рѣкѣ Сулоѣ, гдѣ два раза показанъ убитымъ внуку Мономаха Царевичъ Василько Леоновичъ, причомъ во

воду изображаемаго событія; мѣста, которыя представляютъ совершенно особыя сказанія; мѣста сильно сокращенныя или съ пропусками; иногда по поводу изображаемаго событія сказано: о немъ же въ заднихъ лѣтахъ писано, или: ихъ же ми преди написахомъ, а прежде объ этомъ событіи вовсе не было говорено и т. п.

Впрочемъ, мнѣніе о томъ, что Кіевская лѣтопись есть сводъ, принято не всеми учеными, такъ Лашникоуъ считаетъ ее первоначальнымъ источникомъ, цѣльнымъ непрерывнымъ повѣствованіемъ нѣсколькихъ кіевскихъ лѣтописцевъ; но соображенія его слишкомъ кратки и въ нихъ есть лишь частныя замѣчанія на два-три мнѣнія Бестужева-Рюмина.

Но признаніе разбираемой нами Кіевской лѣтописи за сводъ не исключаетъ предположенія, что въ основаніе его все-же положена кіевская лѣтопись (можетъ быть и не одна); существованіе кіевскихъ лѣтописей въ доказательствахъ не нуждается, такъ какъ намъ болѣе или менѣе достаточно извѣстно развитіе лѣтописнаго дѣла у насъ на Руси въ XII вѣкѣ. Бестужевъ-Рюминъ допускаетъ существованіе въ Кіевѣ нѣсколькихъ лѣтописцевъ (стр. 119 и 120), напр. одинъ изъ нихъ могъ вести подробную лѣтопись о дѣлахъ кіевского Князя Изяслави Мстиславича, будучи даже его соратникомъ (стр. 103).

Относительно вопроса, кѣмъ Кіевская лѣтопись (т. е. сводъ) составлена, есть лишь мнѣніе Иловайскаго, что она составлена игуменомъ Михайловскаго Выдубецкаго монастыря Мойсеемъ, которымъ написано оканчивающее сводъ сказаніе о постройкѣ Кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ монастырской стѣны. Съ Иловайскимъ согласенъ и Хрущовъ. Можетъ быть это и такъ, но доказательствъ нѣтъ; укажемъ развѣ на замѣчаніе Аристова, что лѣтопись часто приписываетъ успѣхъ дѣла помощи Св. Михаила.

Костомаровъ предполагалъ, что Кіевская лѣтопись составлена игуменомъ Андреевскаго монастыря Симеономъ. Мнѣніе его основано на томъ, что лѣтописецъ говоритъ о себѣ подъ 6679 и 6680 гг. при перенесеніи тѣла Кн. Владиміра Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ. Оказывается, что при перенесеніи тѣла

второй разъ овъ названъ Василько Мариничемъ (по матеря). Но Васильевскимъ (Русско-византійскіе отрывки въ Ж. М. Н. Пр. 1875 г. № 12 стр. 307 и др.) доказано, что это были два различныя лица, и противорѣчія здѣсь нѣтъ.

было два игумна: Поликарпъ печерскій и Симеонъ андреевскій, потомъ-же о Поликарпѣ говорится въ третьемъ лицѣ. Лашнюковъ и другіе писатели возражали, что при игумнахъ могли быть и пныя лица, изъ которыхъ кто нибудь и писалъ лѣтопись. Разумѣется, принимая лѣтопись за сводъ, нѣтъ необходимости въ такомъ опроверженіи; Симеонъ могъ описать лишь одно перенесеніе тѣла Владиміра.

Нѣсколько странная попытка охарактеризовать личность автора сдѣлана Аристовымъ. Онъ характеризуетъ лѣтописца всей той части лѣтописи по Ипатьевскому списку, которая напечатана во II т. Полнаго собранія русскихъ лѣтописей и которая заключаетъ въ себѣ лѣтопись не только Кіевскую, но и Галицко-волинскую и обнимаетъ 300 лѣтъ; какъ будто-бы одинъ лѣтописецъ могъ писать столько лѣтъ. Если даже предположить, что Аристовъ считалъ Ипатьевскій списокъ цѣликомъ составленнымъ уже послѣ того времени, до котораго въ немъ доведена лѣтопись, то какъ же онъ не замѣтилъ, что при сходствѣ многихъ мѣстъ лѣтописи по Ипатьевскому списку съ мѣстами находящимся въ иныхъ спискахъ, — позднѣйшій лѣтописецъ, на основаніи всего сообщеннаго имъ матеріала, характеризованъ быть не можетъ. Поэтому воспользоваться для характеристики составителя свода соображеніями Аристова невозможно; они пригодны лишь для характеристики самой лѣтописи.

За начало Кіевской лѣтописи принимаютъ 8619 г. Какъ мы уже говорили (вып. I стр. 122), то мѣсто, которымъ она примыкаетъ къ Древней лѣтописи, представляетъ какую-то путаницу: рассказъ о сѣздѣ князей въ Долобскѣ противъ половцевъ, находящійся въ Кіевской лѣтописи подъ 8619 г., въ Лаврентьевскомъ спискѣ помѣщенъ подъ 8611 г.; но объ этомъ мы скажемъ ниже.

Оканчиваютъ Кіевскую лѣтопись всѣ изслѣдователи 6708 г. (1199—1200 г.); такъ какъ въ Ипатьевскомъ и сходнымъ съ нимъ спискахъ вслѣдъ за этимъ годомъ начинаются галицко-волинскія извѣстія. Лашнюковъ и Забѣлинъ говорятъ вообще о невозможности опредѣленнаго разграниченія лѣтописей. Погодинъ какъ будто-бы сомнѣвался, не оканчивается-ли лѣтопись въ 1187 г., или даже въ 1171 г.; но потомъ самъ-же своимъ сомнѣніемъ пренебрегъ (ср. въ IV т. стр. 44 и 47).

Въ какомъ видѣ дошла до насъ Кіевская лѣтопись? Этотъ

вопросъ не былъ обсмѣдованъ. Можно думать, что хотя лѣтопись при перепискѣ и пострадала (см. Погодинъ IV, 56), но меньше, чѣмъ Древняя лѣтопись, составленная раньше Киевской. Разумѣется и въ Киевской были вставки, сдѣланныя позже конца XII вѣка, и ошибки при перепискѣ и т. п. (см. Бестужевъ-Рюминъ *passim*).

Содержаніе Киевской лѣтописи въ общихъ чертахъ слѣдующее :

Послѣ разсказа о походѣ 6614 г. на половцевъ слѣдуетъ извѣстіе о смерти В. Кн. Святополка и народномъ бунтѣ въ это время; потомъ о княженіи Мономаха (съ разсказами о стекляныхъ глазкахъ, падающихъ съ неба, и о перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба), дѣтей его: Мстислава и Ярополка, также и Всеволода Ольговича; о борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами; о княженіи Изяслава Мстиславича и войнахъ его съ Ольговичами, Юріемъ Долгорукиемъ и Владиміромъ Галицкимъ (очень обширно); о продолженіи войнъ по смерти Изяслава, о новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ; о княженіяхъ Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича и о борьбѣ Мстислава и Ростиславичей съ Андреемъ Боголюбскимъ; о суздальскомъ епископѣ Фодорцѣ; о княженіи Андрея Боголюбскаго и событіяхъ того времени въ Киевѣ и Галичѣ; о смерти Андрея Боголюбскаго и борьбѣ вслѣдъ за этимъ за ростовскій престолъ; о княженіяхъ Всеволода Юрьевича въ Суздаль и Святослава Всеволодовича въ Киевѣ; о борьбѣ южно-русскихъ князей съ половцами ¹⁾, въ томъ числѣ и о знаменитомъ походѣ Игоря князя Сѣверскаго; и, наконецъ, о княженіи Рюрика Ростиславича въ Киевѣ и Романа Мстиславича на Волыни и въ Галичѣ.

Костомаровъ замѣчаетъ, что до 6654 г. (1146 г.) лѣтопись представляется неравномѣрно въ описаніи событій: одни, преимущественно киевскія (напр. 1136—1138 г.), разсказываются пространнѣе, другія, особенно въ началѣ, короче; но вообще разсказъ идетъ отрывочнѣе, чѣмъ въ Древней лѣтописи. Послѣ 1146 г. лѣтопись принимаетъ характеръ подробнаго разсказа и дѣлается полнѣе и оживленнѣе. Съ 1156 г. лѣтопись перестаетъ

¹⁾ Впрочемъ половецкая война проходитъ черезъ всю лѣтопись, только въ концѣ ей посвящено больше мѣста.

быть почти исключительно кievскою и сообщаетъ много свѣдѣній о событіяхъ въ иныхъ мѣстностяхъ.

Обращаясь къ вопросу о составѣ Киевской лѣтописи и ея источникахъ, мы изложимъ здѣсь соображенія Бестужева-Рюмина, который сдѣлалъ подробный ея анализъ. Методъ его тотъ же самый, какъ и въ отношеніи къ Древней лѣтописи.

Источникомъ лѣтописи были главнымъ образомъ мелкія летучія замѣтки и историческія сказанія и повѣсти. Къ этому основному матеріалу присоединились поученія, благочестивыя размышленія лѣтописца, цитаты, словомъ все то, что есть вообще въ лѣтописяхъ, и въ частности въ Древней русской, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ. Напримѣръ, въ Киевской лѣтописи нѣтъ народныхъ преданій, такъ какъ лѣтопись поздняя; впрочемъ есть мѣста, въ которыхъ видно поэтическое творчество, только провиншее въ лѣтопись уже изъ дружиннаго эпоса.

Сказанія и замѣтки могли быть записаны въ различныхъ мѣстахъ; Бестужевъ-Рюминъ постоянно и предполагаетъ, что извѣстіе о черниговскихъ дѣлахъ записано въ Черниговѣ и т. д. Это весьма возможно, но не всегда доказательно.

Сначала выдѣлимъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ характеръ сказаній и которыя поэтому легче всего принять за вставки. Руководствуемся мы въ этомъ выдѣленіи частью Бестужевымъ-Рюминымъ, частью Хрущовымъ.

Прежде всего отмѣтимъ рассказъ 6619 г. о съѣздѣ князей въ Долобскѣ для похода на половцевъ, который Костомаровъ считаетъ особымъ сказаніемъ (онъ оканчивается словомъ аминь). О немъ нельзя сказать, въ какой лѣтописи онъ относится, такъ какъ онъ находится въ Древней лѣтописи подъ 6611 годомъ, и по нѣкоторымъ чертамъ сходенъ съ ея поэтическими сказаніями. Историки, напр. Соловьевъ, относятъ обыкновенно этотъ съѣздъ къ 1103 г., но Костомаровъ не рѣшается сказать, когда точно онъ происходилъ. Хрущовъ, у котораго сличены рассказы обѣихъ лѣтописей, принимаетъ два похода на половцевъ, хотя сходство во многихъ подробностяхъ дѣлаетъ это предположеніе мало правдоподобнымъ. Одно мѣсто изъ рассказа Хрущовъ сближаетъ съ фразою изъ Слова о полку Игоревѣ о томъ, какъ распространилась слава побѣды по иноземцамъ.

Къ рассказу Киевской лѣтописи присоединено мѣсто о дѣ-

лахъ ангеловъ, заимствованное изъ Златоуста, Епископа Кипрскаго (писатель IV вѣка) и Ипполита (См. П. с. р. л. II, приложеніе, гдѣ приведены источники). Хрущовъ полагаетъ, что все сказаніе было написано въ Выдубецкомъ монастырѣ, но не составителемъ Древней лѣтописи.

Подъ 6622 г. сказаніе о стеклянныхъ глазкахъ, падающихъ съ неба въ Ладогѣ. Это сказаніе сближаютъ съ рассказомъ Гюрты Роговича въ Древней лѣтописи, съ которымъ оно дѣйствительно сходно въ изложеніи (см. вып. I, стр. 161). Можетъ быть это часть большаго разсказа о чудесахъ. Бестужевъ-Рюминъ приписываетъ разсказу новгородское происхожденіе; онъ есть и въ первой Новгородской лѣтописи, но подъ 6624 годомъ и менѣе точенъ.

При сказаніи этомъ сдѣлана знаменитая ссылка на хронографъ, т. е. Малалу (см. Поповъ о хронографахъ стр. 18), о богахъ, съ славянскимъ обозначеніемъ именъ боговъ (Сварогъ, Дажьбогъ и т. д.). Мѣсто хотъ и важное для русской мѣологии, но очень трудное для объясненія. Это указаніе на языческія божества дало основаніе думать, что эта часть лѣтописи написана лицомъ свѣтовимъ (Аристовъ).

Предъ этимъ мѣстомъ есть замѣтка о постройкѣ въ г. Ладогѣ каменной стѣны посадникомъ Павломъ. Трудно думать, чтобы сказаніе пристало сюда только потому, что упоминается Ладога; вѣрнѣе, что и эта замѣтка относится къ сказанію.

Подъ 6623 г. разсказывается о перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба и разсказигъ былъ участникомъ этого событія. Костомаровъ полагаетъ на основаніи варіанта, извѣстнаго Татищеву, что разсказъ этотъ принадлежитъ Сильвестру, который составилъ Древній сводъ. Хрущовъ считаетъ это сказаніе проложнымъ; оно попадаетъ не только въ лѣтописяхъ (см. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ изд. Срезневскимъ).

Съ 6654 по 6662 г. находится обширное (треть всей лѣтописи) сказаніе (можетъ быть и не одно) объ Изяславѣ Мстиславичѣ, сдѣланное, вѣроятно, лицомъ, его знавшимъ, такъ какъ лицо это слышало, какъ Изяславъ: рече слово, его же и переже слышахомъ — нейдетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту.

Обиліе указаній на военныя дѣла, напр. постоянно говорится о переходахъ войскъ, о числѣ ихъ, вооруженіи и т. п.,

причемъ раскащикъ сторону Изяслава называетъ нашею, скудость церковныхъ извѣстій и отсутствіе цитатъ изъ Св. Писанія или нравственныхъ сентенцій при очень драматической формѣ изложенія, — все это, по мнѣнію Костомарова, съ которыми согласны Бестужевъ-Рюминъ и Аристовъ, указываетъ на свѣтскаго лѣтописца, соратника князя ¹⁾. Мы думаемъ однако, что все это не исключаетъ возможности составленія разсказа и духовнымъ лицомъ, близкимъ къ князю и весьма заинтересованнымъ исходомъ изображаемыхъ имъ событій. Лашнюковъ тоже считалъ автора разсказа, особенно той части гдѣ рѣчь идетъ объ убійствѣ Игоря, за монаха, и именно на основаніи общаго характера разсказа.

Что разсказъ объ Изяславѣ Мстиславичѣ имѣетъ сложный характеръ и дошелъ до насъ съ разными вставками, это было замѣчено еще Карамзинымъ, потомъ указано Соловьевымъ и особенно Погодинымъ; но подробнѣйшій и огромный по величинѣ (построчный) анализъ этого сказанія сдѣланъ Бестужевымъ-Рюминымъ (см. также сочиненіе Хруцова), который сличилъ его съ извѣстіями иныхъ лѣтописей и указалъ всѣ въ нихъ варианты, такъ какъ въ лѣтописяхъ Суздальской, Новгородской и другихъ разсказъ этотъ имѣетъ значительныя отличія, напр. есть иныя объясненія, иныя симпатіи и т. п. Бестужевъ-Рюминъ указалъ и различные источники (сказанія, мѣстные лѣтописныя замѣтки, памяти о князьяхъ), въ этомъ сказаніи перемѣшанныя. Нѣкоторыя мѣста представляютъ какъ бы отрывки изъ житія Изяслава Мстиславича, можетъ быть изъ лѣтописи, которую велъ его соратникъ до 70 г. XII столѣтія (Хруцовъ, не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, думаетъ, что объ Изяславѣ было нѣсколько памятей, здѣсь и сведенныхъ). Другія мѣста обличаютъ въ авторѣ не сторонника Изяслава, а напротивъ сторонника враговъ его: Игоря и Святослава Ольговичей, и, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, принадлежатъ къ черниговскому свазанію. Это послѣднее внесено съ пропусками, на что есть

¹⁾ Дланиченко присоединяетъ къ этимъ аргументамъ указаніе на благосклонность разсказа къ иноземцамъ, которой не видно въ иныхъ частяхъ лѣтописи, напр. въ разсказѣ о княженіи Всеволода Ольговича (Взаимн. отнош. Руси и Польши).

указанія. Есть мѣста, указывающія на сторонника Юрія Долгорукаго и записанныя, вѣроятно, въ Суздаль.

Кромѣ того Бестужевъ-Рюминъ указываетъ мѣста, имѣющія вставочный характеръ и записанныя въ Галичѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ (см. ниже). Любопытно, что въ Воскресенскомъ лѣтописномъ сборникѣ авторъ скопировалъ извѣстія изъ различныхъ источниковъ, не обративъ вниманія на противорѣчія въ нихъ, не указавши на заимствованія и не объясняя причинъ своего выбора.

Разсказъ объ убійствѣ Игоря Ольговича Бестужевъ-Рюминъ склоненъ считать едва-ли не особымъ сочиненіемъ, но сокращеннымъ. Хрущовъ полагаетъ, что это сказаніе написано сторонникомъ Изяслава, и наоборотъ первая редакція его находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ Ипатьевскомъ-же спискѣ позднѣйшая, уже распространенная. Онъ видитъ въ разсказѣ уже позднѣйшее желаніе оправдать Изяслава, что судя по тону разсказа довольно вѣроятно. Нѣкоторыя подробности, по мнѣнію Хрущова, указываютъ на существованіе особой повѣсти объ убіеніи Игоря, написанной, можетъ быть, инокомъ монастыря Св. Симеона, построеннаго Ольговичами.

Разсказъ о смерти Игоря Ольговича встрѣчается въ рукописяхъ и отдѣльно, такъ на него есть указаніе въ описаніи рукописей Царскаго Строева (№ 636); но онъ повидимому сходенъ съ болѣе изукрашеннымъ разсказомъ Степенной книги, почему Бестужевъ-Рюминъ и не можетъ рѣшить, не перешелъ ли этотъ разсказъ въ сборники уже изъ Степенной книги, или вообще изъ лѣтописей.

У Татищева встрѣчается указаніе, что лѣтописецъ зналъ Игоря Ольговича, когда князь этотъ жилъ во Владимірѣ Волынскомъ. Но есть сомнѣніе (Карамзина), что Игорь жилъ во Владимірѣ. Бестужевъ-Рюминъ подвергаетъ сомнѣнію извѣстіе Татищева еще и потому, что лѣтописецъ характеризуетъ Игоря, какъ человѣка благочестиваго лишь притворно. Въ XII вѣкѣ притворное благочестіе кажется Бестужеву-Рюмину невыгоднымъ явленіемъ; но самъ онъ приводитъ примѣръ Владимірка, который въ лѣтописи рисуется именно лицемѣромъ. Да и неужели же въ Россіи въ XII в. не было лицемѣровъ? ¹⁾.

¹⁾ См. мнѣніе Бестужева Рюмина, что люди тѣхъ временъ были похожи на насъ (стр. 93).

Хрущовъ къ числу вставокъ въ разсказъ о борьбѣ Изяслава съ врагами еще причисляетъ лѣтописное извѣстіе объ измѣнѣ Давидовичей Святославу, писанное лицомъ духовнымъ, и по нѣкоторымъ признакамъ (подробности грабежа въ селахъ, принадлежавшихъ Ольговичамъ), жителемъ Новгорода Сѣверскаго, можетъ быть даже лѣтописцемъ новгородсѣверскимъ. Не вѣрнѣ ли было бы считать отдѣльнымъ черниговскимъ сказаніемъ разсказъ лѣтописи о томъ, какъ старался Святославъ Ольговичъ выручить изъ плѣна брата своего Игоря, а потомъ хотя бы и тѣло его. Разсказъ этотъ проникнутъ очень замѣтной симпатіей къ Святославу и рѣзко подчеркиваетъ его братолюбіе. Разсказъ о битвѣ на рѣкѣ Рутѣ Хрущовъ тоже считаетъ особымъ и цѣльнымъ сказаніемъ. Эпизодомъ-же (суздальскаго происхожденія) считаетъ онъ разсказъ о подвигахъ Андрея Боголюбскаго подъ Луцкомъ. Кажется, Хрущовъ принимаетъ еще за отдѣльные эпизоды разсказы о галицкихъ дѣлахъ¹⁾; по крайней мѣрѣ такимъ является исторія посольства Петра Борисовича въ Галичъ, разсказъ о которомъ Хрущовъ считаетъ отрывкомъ изъ мемуара самаго посла.

Въ сказаніе о борьбѣ Изяслава съ врагами въ Никонской лѣтописи вставленъ разсказъ о переяславскомъ богатырѣ Демьянѣ и слугѣ его Торопѣ, занесенный, надо думать, изъ творенія какого нибудь книжника XVI в., а не изъ сказки или пѣсни; впрочемъ имя Торопа попадаетъ въ народныхъ произведеній.

Часть особаго сказанія представляетъ подъ 6664 г. описаніе кончины Нифонта, вѣроятно, заимствованное изъ житія. По мнѣнію Костомарова и Голубинскаго авторъ разсказа былъ лицомъ духовнымъ, такъ онъ говоритъ о себѣ, что Нифонтъ ввелъ его въ алтарь. Липо это расположено къ Нифонту, тогда какъ прежде въ лѣтописи говорится съ участіемъ о врагѣ Нифонта митрополитѣ Климѣ, напр. подъ 6655 г. Сказаніе это встрѣчается въ житіи Нифонта, только уже новымъ (Памятникомъ старинной русской литературы), куда оно могло попасть изъ лѣтописи; но Бестужевъ-Рюминъ считаетъ это сказаніе цѣльнымъ, такъ что предполагать лѣтописный источникъ трудно.

¹⁾ Мы несомнѣнно точно понимаемъ употребленіе Хрущовымъ термина повѣствованіе; повѣсть ли это, или всякое записанное извѣстіе?

Разсказъ подъ 6680 г. о суздальскомъ Епископѣ Ѳеодорцѣ настолькоъ кратокъ, что нельзя рѣшить, было-ли это особое сказаніе ¹⁾. Хрущовъ, считая разсказъ о Ѳеодорцѣ особымъ сказаніемъ, сближаетъ его еще съ двумя сказаніями: объ осадѣ Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго и о чудѣ Десятинной Богородицы въ Кіевѣ (см. ниже) и думаетъ, что всѣ эти три сказанія составляли часть сборника сказаній о чудесахъ Пресвятой Богородицы. Сказанія эти писаны лицами, преданными князю Андрею Боголюбскому. Два изъ этихъ сказаній происхожденія владимірскаго, а третье хотя и кіевское, но относится къ тому времени, когда въ Кіевѣ княжилъ братъ Андрея Боголюбскаго Глѣба, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ третій братъ ихъ Михаило.

Соловьевъ полагалъ, что источникомъ сказанія о Ѳеодорцѣ было посланіе митрополита, но слѣдовъ этого посланія слишкомъ мало.

Сказаніе 6683 г. объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. Самостоятельность сказанія несомнѣнна уже изъ его дѣльности и обстоятельности. Написано оно, суля по мельчайшимъ сообщаемымъ подробностямъ (по Хрущову, даже не позже вокняженіи Всеволода во Владиміръ въ 1177 г.), очевидцемъ событія, по догадкѣ Бестужева-Рюмина—Кузьмищемъ кияниномъ, разговоръ котораго съ однимъ изъ убійцъ подробно приведенъ въ сказаніи. Этимъ предположеніемъ можетъ быть объяснено, почему несмотря на то, что здѣсь сообщены событія Суздальской земли, самый полный текстъ сказанія находится въ Кіевской лѣтописи. Можетъ быть Кузьмище былъ лицо духовное, по крайней мѣрѣ суффиксъ *ще* позднѣе употреблялся для обозначенія духовныхъ лицъ (Бестужевъ-Рюминъ Русск. Исторія, Введ. стр. 27). Похвала Андрею впрочемъ написана не Кузьмищемъ (въ ней есть противорѣчіе съ его сказаніемъ), а вѣроятно какимъ либо владимірецемъ (Хрущовъ). Въ другихъ лѣтописяхъ есть это сказаніе въ сокращенномъ видѣ, хотя и съ вариантами. Въ Тверской лѣтописи оно даже выдѣлено въ особую повѣсть; но ис-

¹⁾ См. Труды Кіевской Дух. Академіи 1884 г. № 12 Малышевскій: Кіевскіе церковные соборы, стр. 517.

точникъ былъ одинъ и въ наибольшей полнотѣ и цѣлости сказаніе сохранилось въ Кіевской лѣтописи (смотри о разныхъ редакціяхъ его у Корсакова: Меря и Ростовское княжество, стр. 114, прим. 18). Нельзя не обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ убійствѣ Андрея Боголюбскаго нѣкоторыя черты напоминаютъ смерть Альбоина, короля лангобардовъ, другія—смерть В. Князя Михаила Ярославича Тверскаго, наконецъ третья—одно событіе изъ болѣе поздняго времени русской исторіи; но сходство здѣсь, конечно, случайное.

Сказаніе 6683—6685 гг. (или рядъ сказаній—см. Хрущовъ) о распрѣ братьевъ Кн. Андрея Боголюбскаго съ племянниками. Сказаніе это, по предположенію Бестужева-Рюмина, оканчивается побѣдою Всеволода Большое Гнѣздо надъ племянниками и имѣетъ одинъ общій характеръ: показывается торжество города Владиміра надъ старыми городами Ростовомъ и Суздальемъ. Сказаніе явно владимірское, такъ какъ оно все наполнено похвалами городу Владиміру. Въ Суздальской лѣтописи оно сохранилось полнѣе; хотя Кіевская, кромѣ него, имѣла и особый источникъ, извѣстія изъ котораго кое гдѣ и прибавляла. Сличеніе этихъ сказаній есть тоже кое гдѣ у Корсакова (op. cit. стр. 117, прим. 2). Авторъ сказанія, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, былъ владимірскій горожанинъ. Можетъ быть желаніе прославить икону Владимірской Божьей Матери указываетъ на клирикъ города Владиміра.

Описаніе чуда образа Владимірской Божьей Матери изъ этого сказанія вошло въ гораздо позже составленный рассказъ о всѣхъ чудесахъ образа, находящійся въ Степенной книгѣ.

Сказаніе 6693 г. о походѣ Игоря на половцевъ. Въ лѣтописи оно вполне сохранило свою цѣльность и стройность рассказа. Подробности, изъ которыхъ инныя представляютъ намеки, ясныя въ свое время, а теперь мало понятныя, и числовыя показанія указываютъ на автора—участника въ походѣ. Между прочимъ въ рассказѣ о плѣнѣ авторъ не сообщаетъ чиселъ, а только дни недѣли: въ плѣну онъ потерялъ счетъ чиселъ. Сказаніе это составлено по возвращеніи изъ плѣна, по воспоминаніямъ, почему иногда обозначеніе времени въ немъ примѣрное (столько-то дней стояли, столько-то блись). Сказаніе это представляетъ неудачу похода, какъ наказаніе Божіе за грѣхи. Самъ

Игорь считаетъ свой плѣнь возмездіемъ за свои жестокіе поступки ¹⁾).

Сказаній о походѣ Игоря было нѣсколько; однимъ изъ нихъ пользовался составитель Суздальской лѣтописи, откуда оно перешло и во все позднѣйшія. Дослове восходство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказа о походѣ указываетъ, что оба сказанія пользовались какииъ-то общимъ источникомъ. Наконецъ особое поэтическое сказаніе объ этомъ-же походѣ представляетъ знаменитое Слово о полку Игоревѣ, въ которомъ, несмотря на сильное различіе относительно идеи, способа изложенія и слога, все же есть мѣста, сходныя съ извѣстными лѣтописными (см. хотя у Хруцова).

Сказаніе 6707 г. о построеніи Юрикомъ Ростиславичемъ каменной стѣны въ Михайловокомъ Выдубецкомъ монастырѣ и похвала Кн. Юрику Ростиславичу, сказанная игумноиъ этого монастыря Моисеемъ и, по предположенію Голубинскаго, сказанная именно въ присутствіи Кн. Юрива, писавы, очевидно въ Выдубецкомъ монастырѣ и, по мнѣнію Иловайскаго, игумноиъ Моисеемъ. Берединовъ считалъ ихъ частью лѣтописи Выдубецкаго монастыря; но Бестужевъ-Рюминъ сомнѣвается въ этомъ, такъ какъ на лѣтопись эту вообще нѣтъ никакихъ указаній, равно какъ и слѣдовъ ея въ видѣ какихъ либо записей о монастырѣ.

Можетъ быть въ составъ Кіевской лѣтописи вошли и еще какія нибудь сказанія, но теперь уже трудно, по ихъ вратности, выдѣлить ихъ изъ ея состава. Такими напр. предполагаетъ Бестужевъ-Рюминъ разсказы о первомъ походѣ 6652 г. Всеволода Ольговича на Владимірова, о походѣ князей въ 6678 г. на половцевъ по приглашенію Кн. Мстислава, рѣчь котораго начинается словами: «а лѣпо ны было, братье»..., о борьбѣ Кн.

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ вслѣдъ за Ардыбашевымъ, спрашиваетъ, гдѣ былъ гор. Глѣбовъ у Переяслава, о которомъ говорилъ Игорь, такъ какъ въ лѣтописяхъ онъ не встрѣчается. Можетъ быть это было укрѣпленіе, выстроенное Кн. Глѣбомъ, отцемъ Кн. Владиміра Глѣбовича, въ Переяславѣ, гдѣ онъ долго жилъ и былъ княземъ (съ 1154—1171 г.). Голубовскій (Печенѣги, торги и половцы. Кіевск. универ. изв. 1883 г. № 9, стр. 411) указываетъ с. Глѣбовку на р. Альтѣ въ 4-хъ верстахъ отъ Переяслава. Конечно, прежній Переяславъ былъ дальше нынѣшняго и это мѣсто могло входить въ составъ его укрѣпленій.

Михалка Юрьевича съ половцами, о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, о смерти въ 6705 г. Давида Ростиславича—съ обширною ему похвалою. Авторомъ послѣдняго сказанія Хрущовъ предполагалъ тоже Выдубецкаго игумня Моисея.

Хрущовъ въ числѣ сказаній приводитъ еще слѣдующія четыре мѣста, считаемыя имъ за особыя сказанія характера церковнаго (такъ какъ веденіе всей лѣтописи до 6648 г. онъ приписываетъ рукамъ монашескимъ): 1) рассказъ 6632 г. о походѣ и гибели Ярослава Сватополюковича у стѣнъ г. Владимира, имѣющій видъ поученія, обращеннаго къ другимъ и какъ будто передѣланнаго изъ проповѣди; 2) рассказъ объ отраженіи въ 6634 г. Мстиславомъ Владиміровичемъ половцевъ; 3) рассказъ 6636 г. о нарушеніи подѣ влияніемъ духовенства Кн. Мстиславомъ влѣтвы, данной черниговскимъ князьямъ, болѣе сочувствующій князю, чѣмъ духовенству; 4) рассказъ 6636 же года о походѣ князей на полоцкую землю, уже совершенно свѣтскаго характера. Всѣ эти рассказы очень кратки.

Затѣмъ Хрущовъ указываетъ, какъ на сказанія, еще на три извѣстія о чудесахъ Пресв. Богородицы. Объ одномъ (о Епископѣ Ѳеодорцѣ) мы говорили; два другихъ онъ безъ всякихъ колебаній признаетъ сказаніями: 1) рассказъ подѣ 6680 г. о чудѣ Десятинной Богородицы. Этотъ послѣдній рассказъ Хрущовъ считаетъ дружиннымъ поэтическимъ произведеніемъ съ извѣстными эпическими чертами, но уже обработаннымъ духовнымъ лицомъ и въ такомъ видѣ внесеннымъ въ лѣтописи ¹⁾; и 2) рассказъ подѣ 6681 г. объ осадѣ Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго, переданный съ иной точки зрѣнія, чѣмъ рассказъ новгородскій, сохранившійся въ проложномъ сказаніи о новгородскомъ знаменіи и въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Сказаніями же Хрущовъ считаетъ и два рассказа (6691 г. и 6692 г.) о походѣ на половцевъ В. Кн. Святослава Всеволодовича и др. князей; но очень схожіе рассказы о борьбѣ этихъ князей съ половцами есть и раньше. Намъ кажется, что характеръ отдѣльнаго сочиненія носитъ бесѣда Кн. Ростислава съ игумномъ Поликарпомъ,

¹⁾ Съ этимъ рассказомъ схожъ и болѣе краткій рассказъ о побѣдѣ Михалка надъ половцами подѣ 6681 г.

которая внесена въ лѣтопись при извѣстїи о смерти Ростислава подъ 6677 годомъ.

Въ Погодинскомъ спискѣ подъ 6659 годомъ помѣщенъ обширный разсказъ о крещенїи Св. Владимира, очевидно, появившійся въ силу того, что были спутаны листы ¹⁾.

Число заимствованій изъ иностранныхъ, даже изъ византійскихъ источниковъ невелико: подъ 6621 г. по случаю затмѣнїя солнца указано событїе, бывшее въ Иерусалимѣ во время Царя Антиоха; оно указано уже и въ Древней лѣтописи.

Наконецъ извѣстїя о взятїи въ 6695 г. сарацинами Иерусалима (неправильное, тогда былъ взятъ Аскалонъ, а Иерусалимъ позднее) и особенно подъ 6698 г. о 3-мъ крестовомъ походѣ, вѣроятно заимствованы изъ западныхъ источниковъ, именно, похвалу крестоносцамъ Беренниковъ считалъ отрывкомъ изъ какой нибудь латинской легенды.

Лѣтописныя замѣтки Кїевской лѣтописи имѣютъ обыкновенный лѣтописный характеръ; относительно же ихъ происхожденїя Бестужевъ-Рюминъ тоже сдѣлалъ очень обстоятельный погодный анализъ. Главный ихъ источникъ, конечно, кїевскїй; напр. однѣ, по мнѣнїю Бестужева-Рюмина, были записаны въ кїевскихъ монастыряхъ и въ томъ числѣ въ Печерскомъ, такъ какъ онѣ говорятъ и о монастырскихъ дѣлахъ ²⁾, другїя касаются рода князей Мономаховичей. Но есть замѣтки происхожденїя черниговскаго и новгородсѣверскаго, переяславскаго, волынско-галицкаго, полоцкаго, новгородскаго, псковскаго и суздальскаго, даже рязанскаго. Такимъ образомъ, Кїевская лѣтопись въ значительной степени имѣетъ общерусскїй характеръ (см. Бестужевъ-Рюминъ стр. 115 и друг.).

Основанїя для опредѣленїя такого источника у Бестужева-Рюмина не всегда надежны, хотя и весьма просты: черниговское извѣстїе записано въ Черниговѣ, полоцкое въ Полоцкѣ и т. д. Хотя въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, если не въ Псковѣ, могло быть съ наибольшою вѣроятностью записано извѣстїе о томъ, что Всеволодъ Мстиславичъ скончался въ Псковѣ 11 февраля

¹⁾ Указанїе примѣчанїя на стр. 338 въ изданїи 1871 г. опровергается въ указателѣ опечатокъ.

²⁾ Линниченко указываетъ, что такой характеръ особенно носятъ лѣтописныя замѣтки о княженїи Всеволода Ольговича (I. с.).

въ четвергъ на масляной недѣлѣ? Вѣроятность опредѣленія источника такимъ путемъ иногда довольно значительна. Затѣмъ для Бестужева-Рюмина служатъ указаніемъ на источникъ симпатіи автора записи къ тому или другому лицу, что тоже иногда очень вѣроятно.

Изъ лѣтописи же видно, что многія записи сдѣланы не только современниками, но даже очевидцами и участниками событій, такъ извѣстіе о перенесеніи тѣла Князя Владиміра Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ было, по всей вѣроятности, записано игуменомъ Андреевскаго монастыря (см. выше стр. 162), въ которомъ тѣло было и похоронено. Всѣ подходящія мѣста подобраны Погодиномъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

Въ концѣ лѣтописи, по наблюденію Бестужева-Рюмина, особенно много замѣтокъ посвящено роду смоленскихъ Мономаховичей, что, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ въ концѣ XII в. родъ этотъ княжилъ въ Кіевѣ.

Вопросъ о томъ: внесены ли въ южно-русскій сводъ, записанныя съ различныхъ мѣстностяхъ, замѣтки непосредственно, или уже изъ мѣстныхъ сводовъ, Бестужевъ-Рюминъ считаетъ неразрѣшимымъ по отсутствію источниковъ.

Кіевскія замѣтки относительно XII вѣка находятся и въ Суздальской и въ иныхъ лѣтописяхъ. Сличеніе ихъ есть у Бестужева-Рюмина, причемъ очевидно, что нѣкоторыя изъ нихъ не одного источника съ занесенными въ Ипатьевскій списокъ. Въ Воскресенскомъ сборникѣ находится много извѣстій, пропущенныхъ въ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ.

Вопросъ о достовѣрности лѣтописей вообще, какъ мы уже неразъ говорилъ, въ настоящее время не существуетъ, уступивъ мѣсто вопросу о достовѣрности того или другаго лѣтописнаго показанія; но это уже дѣло спеціальной исторической критики, которая должна принять въ соображеніе и положеніе лица, которое могло сообщить данное извѣстіе, и его симпатіи и антипатіи и т. д. Всѣ эти соображенія приложимы и къ Кіевской лѣтописи, почему на вопросъ о ея достовѣрности мы не останавливаемся.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Кіевскою лѣтописью, касаются преимущественно южной Руси, но мы видѣли, что она въ значительной степени имѣетъ и общерусскій характеръ, сообщая много свѣдѣній о всевозможныхъ русскихъ мѣстностяхъ. Очень

важнымъ источникомъ можетъ служить Кіевская лѣтопись для исторіи половцевъ и другихъ инородцевъ южной Руси, а также для исторіи поляковъ и венгровъ въ XII столѣтіи.

Какъ и Древняя лѣтопись, Кіевская лѣтопись служитъ превосходнымъ источникомъ для знакомства съ народнымъ бытомъ: въ ней, говоритъ Лашнюковъ, обращено болѣе вниманія на положеніе народа, отношеніе его къ власти и къ Землѣ, чѣмъ на междукняжескія отношенія. Народъ, являющійся въ ней на сцену, не масса безъ опредѣленной роли и положенія—дѣйствовавшая въ извѣстныхъ только случаяхъ, какъ это было въ смутахъ позднѣйшаго времени въ московскомъ государствѣ, а народъ, заявлявшій опредѣленные требованія въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Кіевская лѣтопись столь же художественно, какъ и Древняя, рисуетъ намъ политическую жизнь южнорусскаго народа и по той же самой причинѣ: въ XII вѣкѣ еще не утратилось политическое значеніе народа и вѣчевое устройство городовъ было полно жизни. Даже новгородскія лѣтописи не рисуютъ намъ такъ ярко картины городскаго политическаго движенія, какъ сказаніе о смерти Игоря Ольговича, которое, по общему мнѣнію, принадлежитъ по своей художественности къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ древней русской письменности.

Такъ какъ вопросъ о хронологіи Кіевской лѣтописи не подвергался спеціальному изученію, то нужно полагать, что она въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ другихъ лѣтописей. Нѣсколько показаній ея, впрочемъ, провѣрены Погодинымъ, и даты Ипатьевскаго списка, доступныя провѣркѣ, оказались до 1125 г. довольно вѣрными, причомъ Погодинъ предполагаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описки. Лаврентьевскій же списокъ до этого времени несовсѣмъ вѣренъ. Съ 1125 г. роли мѣняются: Лаврентьевскій вѣренъ, а Ипатьевскій идетъ впередъ на годъ; такъ, до 1134 года. Съ 1134—1138 года оба списка сходны, а съ 1139 г. Ипатьевскій списокъ опять идетъ годомъ впередъ до 1146 г.; потомъ до 1157 г. показанія Кіевской лѣтописи довольно вѣрны, а съ 1157—1175 г. опять невѣрны, уходя впередъ на годъ (впрочемъ суздальскія событія обозначены вѣрно), съ 1167 г. на два, а съ 1173 д. даже на три года. Хронологія съ 1171 г. по Ипатьевскому списку (съ 1169 г. по Лаврентьевскому) очень запутана, а съ 1185 г. вѣрна. Но самъ

Погодинъ не считалъ своихъ соображеній окончательными, и анализъ долженъ быть сдѣланъ болѣе подробный, напримѣръ такой, какой сдѣланъ Погодинымъ же въ изслѣдованіи о жизни Андрея Боголюбскаго (Изслѣдованія т. VI).

Никѣмъ не сдѣлана и характеристика Кіевской лѣтописи, какъ памятника литературнаго. Всѣ изслѣдователи обыкновенно лишь говорятъ, что Кіевская лѣтопись представляетъ въ этомъ отношеніи полное сходство съ Древнею лѣтописью; поэтому къ ней приложимы соображенія о Древней лѣтописи Сухомлинова (смотри изложеніе ихъ у насъ въ 1-мъ выпускѣ).

Небольшая характеристика Кіевской лѣтописи по Ипатьевскому списку есть въ статьѣ Аристова, о которой мы уже упоминали. Замѣтимъ при этомъ, что составитель свода, группируя матеріалъ, не слишкомъ заботился придать ему извѣстное единство. Аристовъ приводитъ примѣръ, какъ лѣтопись сперва считаетъ дѣломъ дьявольскимъ мысль Давидовичей изгнать Игоря Ольговича, потомъ торжество враговъ Игоря достигается пособіемъ Божиимъ, силою честнаго креста, заступленіемъ Св. Михаила и молитвами Богородицы, а потомъ изгнаніе Игоря является дѣломъ дьявола. Если же, за исключеніемъ подобныхъ противорѣчій, Кіевская лѣтопись представляетъ (по Аристову) многія общія черты, то, очевидно, что мы опять встречаемся съ извѣстною южнорусскою литературною школою XII вѣка.

Вотъ какія лѣтописныя черты можемъ мы, слѣдуя Аристову, извлечь изъ Кіевской лѣтописи, если выдѣлить изъ нея все то, что характеризуетъ уже Галицко-волынскую лѣтопись.

Лѣтопись почти исключительно состоитъ изъ описаній внутреннихъ несогласій князей, кровопролитныхъ усобицъ за волости, походовъ на вѣшнихъ враговъ и ихъ набѣговъ. Мы прибавимъ къ этому, что при всѣхъ этихъ случаяхъ сообщаются и политическія движенія самаго народа. Особенно останавливается лѣтопись, по мнѣнію Аристова, на военныхъ событіяхъ, сообщая самыя мелкія подробности о нихъ. Она съ любовью обращаетъ вниманіе на устройство и расположеніе войска, на военные походы и бранное искусство, отмѣчаетъ всѣ движенія и станы войска и распоряженія военачальниковъ, сообщаетъ мельчайшія, однако краснорѣчивыя подробности въ описаніи битвъ. Отмѣчаются военныя хитрости и случайности, военная ловкость и оборотливость; охотно говорится о тѣлесной силѣ,

храбрости и удалствѣ въ войнѣ и на охотѣ, приводятся военныя рѣчи, которыми предводители возбуждали мужество войскъ, и перебранки непріязненныхъ сторонъ, затрогивающія самолюбіе. Лѣтопись иногда какъ-бы обращается съ увѣщаніемъ къ дружинѣ, иногда передаетъ острия пословицы и сама прибѣгаетъ къ насмѣшкамъ. Вообще, честь и слава, позоръ и стыдъ передъ людьми производятъ сильное впечатлѣніе. Не мало мѣста отведено военнымъ играмъ и забавамъ, подаркамъ лошадыми и оружіемъ, красивому и блестящему вооруженію и убранству, угощенію, музыкѣ и пѣнію. Впрочемъ, почти всѣ приведенныя Аристовымъ примѣры заимствованы изъ той части лѣтописи, гдѣ рѣчь идетъ о войнахъ Изяслава Мстиславича (или изъ лѣтописи Галицко-волынской) которая, какъ мы уже сказали, занимаетъ треть всей лѣтописи.

Наоборотъ, фактовъ церковно-историческихъ сообщается неособенно много и лѣтопись касается только тѣхъ, которые выдаются изъ ряду обыкновенныхъ. Аристовъ указываетъ даже на нѣкоторый по отношенію къ католичеству религиозный индифферентизмъ. Впрочемъ, въ Киевской лѣтописи это не такъ замѣтно, какъ въ Галицко-волынской. Изъ приведенныхъ Аристовымъ примѣровъ подходитъ лишь уже указанная нами похвала крестоносцамъ.

Правоучительныхъ замѣчаній и сентенцій весьма мало и выражены онѣ весьма кратко; Костомаровъ находитъ ихъ лишь въ послѣднихъ годахъ лѣтописи. Изрѣченій слова Божія также весьма немного и тѣ, какія есть, большею частью настолько общеизвѣстны, что вошли уже въ народную рѣчь. Есть ссыла на Священную Исторію, напр. на Книги Царствъ, но и ихъ немного.

Причина всякаго событія по прежнему воля Божія, на все дурное наводитъ злокозненный дьяволъ, Игорь Сѣверскій попадаетъ въ плѣнъ за грѣхи и т. п. Но часто въ лѣтописи ищутся причины поступковъ болѣе близкія къ жизни: Ростиславъ Юрьевичъ приходитъ къ Изяславу, руководствуясь извѣстными соображеніями (см. выше, стр. 158), и такихъ объясненій много.

Затѣмъ въ лѣтописи замѣтна манера характеризовать извѣстныя лица и такія характеристики иногда очень живы, осо-

бенно въ разсказѣ о борьбѣ Изяслава съ Ольговичами. Татищевъ считалъ эти характеристики дѣломъ того разсказчика, который зналъ Игоря Ольговича волынскаго (см. выше, стр. 167). Очень мѣткія характеристики народныхъ массъ.

Языкъ Кіевской лѣтописи почти такой же, какъ и въ Древней лѣтописи (вып. I, стр. 179—181); пожалуй, онъ еще ближе къ нынѣшнему малороссійскому; мы по крайней мѣрѣ, нашли въ этой лѣтописи еще болѣе малороссійскихъ словъ и выраженій; но опять таки, повторяемъ, мы не можемъ ручаться, что многія изъ нихъ не встрѣчаются въ иныхъ русскихъ нарѣчіяхъ (См. П. Лавровскій: О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей стр. 16 и др.; впрочемъ и онъ отмѣчаетъ одну хотъ и рѣдко встрѣчающуюся особенность — смѣшеніе «и» и «ы»). Напротивъ, церковно-славянскихъ словъ и выраженій въ языкѣ Кіевской лѣтописи значительно меньше. Надо полагать, что образовавшійся въ XII вѣкѣ литературный русскій слогъ уже подвергся тому обычному историческому процессу, которому подвергаются всѣ литературные языки при существованіи болѣе или менѣ развитыхъ мѣстныхъ нарѣчій. Онъ сталъ отдѣляться отъ словъ и выраженій, проникшихъ путемъ школы и нѣкогда считавшихся и художественными и обязательными, и пополняться словами и выраженіями изъ мѣстныхъ нарѣчій. Еще рельефнѣе замѣчается этотъ процессъ въ южной Руси съ XIII вѣка, какъ объ этомъ можно судить по Галицко-волынскій лѣтописи.

П. Лавровскій (I. с., и другія сочиненія, — см. Житецкій: Очеркъ звуков. ист. малор. нарѣч. стр. 10), на основаніи филологическихъ соображеній, предполагаетъ, что послѣдній переписчикъ Ипатьевской лѣтописи былъ сѣверно-русскаго происхожденія. Волосовъ (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русск. языка съ XI—XVI столѣт. стр. 177) думаетъ, что лѣтопись на сѣверѣ была передѣлана. Это мнѣніе принимаетъ и Житецкій (Op. с. стр. 42, 49, 379 и мн. др.). Погодинъ даже прямо утверждалъ, что всѣ южно-русскія лѣтописи писаны по великорусски (Иаслѣд. VII, 425 и др.); но это мнѣніе находится въ связи съ извѣстнымъ споромъ о существованіи до XIII вѣка въ южной Руси особаго южно-русскаго племени. Разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь было бы неумѣстно, тѣмъ болѣе, что

теперь онъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ (см. соч. Житецкаго ¹⁾).

Болѣе чѣмъ гдѣ либо обстоятельное обозрѣніе языка Кіевской лѣтописи, впрочемъ лишь относительно звуковъ и формъ, сдѣлано въ указанномъ выше сочиненіи Колосова. Въ важнѣйшемъ трудѣ, посвященномъ малороссійскому языку, въ нѣсколько разъ уже цитированномъ нами сочиненіи Житецкаго, о языкѣ южно-русскихъ лѣтописей почти не говорится, такъ какъ Житецкій, мы видѣли, считаетъ сохранившіеся древнія южно-русскія лѣтописи пострадавшими отъ сѣверно-русской ихъ передѣлки.

Лашнюковъ указываетъ, что въ Кіевской лѣтописи (стр. 110—170) формы церковно-русскаго языка соблюдены въ точности, тогда какъ напр. въ Суздальской онъ уже подверглись измѣненію въ духѣ народнаго языка, такъ вмѣсто «и» въ окончаніяхъ является «й», вмѣсто «градъ»—«городъ», вмѣсто «Андрей»—«Андрѣй». Но примѣры эти несовсѣмъ доказательны и вопросъ требовалъ бы болѣе серьезнаго анализа.

Нѣкогда Мацѣвскій приписывалъ лѣтописи по Ипатьевскому списку (какъ и Слово о полку Игоревѣ) польское происхожденіе, и именно на основаніи языка ея; но слабыя его доказательства опровергнуты П. Лавровскимъ (Op. cit.).

Слогъ и способъ изложенія Кіевской лѣтописи весьма художественны; во многихъ мѣстахъ эта лѣтопись не только не уступаетъ, но и превосходитъ Древнюю лѣтопись. Нѣкоторые мѣста, какъ напримѣръ рассказъ о притворной болѣзни Владиміра, о походѣ Игоря Сѣверскаго на Половцевъ и особенно о смерти Игоря Ольговича, отличаются замѣчательною картинностью. Выраженія ея необыкновенно мѣткі, есть много пословиць, поговорокъ, но мало библейскихъ выраженій и цитатъ изъ Священнаго Писанія. Драматическая разговорность слога существуетъ тоже неменьшая, чѣмъ въ Древней лѣтописи (см. напр. разговоръ Игоря Святославовича съ дружиною по поводу солнечнаго затмѣнія). Есть много рѣчей. Историки литературы, начиная съ Шевырева, любятъ сблизать лѣтопись по Ипатьевскому списку съ художественной стороны съ Словомъ о полку Игоревѣ.

¹⁾ Въ послѣднее время споръ этотъ снова поднятъ прое. Соболевскимъ, но результаты его еще недостаточно выяснились

Костомаровъ указываетъ, что въ Киевской лѣтописи можно различать по способу изложенія и слогу нѣсколькихъ рассказчиковъ; но, повидимому, онъ предполагаетъ здѣсь такое различіе, какое всегда окажется между рассказчиками, хотя бы принадлежащими къ одной литературной школѣ. Напр. въ концѣ лѣтописи (съ 1175 г.) употребляется два раза слово полкъ въ смыслѣ войска; есть выраженіе: русальная недѣля; всего этого раньше не было. Нѣкоторыя, встрѣчающіяся въ Ипатьевскомъ (и сходныхъ съ нимъ) спискахъ, выраженія Колосовъ, какъ мы видѣли, объясняетъ тѣмъ, что списокъ этотъ былъ переписанъ въ послѣдній разъ, а можетъ быть и передѣланъ, въ сѣверной Руси.

Спеціальный указатель къ Киевской лѣтописи приложенъ къ изданію всей лѣтописи по Ипатьевскому списку 1871 г., слѣдовательно онъ обвиняетъ и Древнюю и Галицко-волинскую лѣтопись, но лишь по этому списку. Указатель есть именъ, лицъ и предметовъ. Можно пользоваться еще указателемъ Бычкова и сочиненіями Погодина. Есть нѣсколько статей, посвященныхъ биографіи того или другаго лица или опредѣленію мѣста ¹⁾, упоминаемаго въ этой лѣтописи; но это замѣчаніе приложимо ко всѣмъ лѣтописямъ безъ исключенія.

Лашинковъ замѣчаетъ, что Киевская (и Галицко-волинская) лѣтопись представляетъ очень важный интересъ для топографіи юго-западнаго края, такъ какъ многіе города и даже мѣстечки и села, и понынѣ существующіе въ юго-западномъ краѣ, упоминаются въ Киевской лѣтописи.

Киевская лѣтопись по Ипатьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ оканчивается въ 6708 году, но, конечно, она была продолжаема и далѣе, только списки ея утратились. Паденіе Киева, начавшееся собственно уже съ половины XII столѣтія и потомъ еще болѣе значительное въ XIII в., особенно послѣ разоренія его Батыемъ, если и не было столь рѣшительно, какъ

¹⁾ Таки намъ появились недавно статьи М. Андреевскаго о Перепетовскомъ полѣ и о городѣ Юрьевѣ (Киевская Старина 1882—83 года), въ которыхъ рѣчь идетъ о мѣстностяхъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе относительно событій, изображенныхъ въ Киевской лѣтописи.

это предполагали прежде, говоря о полномъ запустѣннн Кіева (См. о Кіевѣ XIV—XVI в. статьи Антоновича въ Кіевской Старинѣ за 1882 г.), но все таки было значительно. Важнѣе всего, что съ одной стороны центръ политической жизни южной Руси былъ перенесенъ въ Галичъ, а съ другой, Кіевъ, вмѣстѣ со всею южной Русью, какъ то оторвался отъ Руси сѣверной и сѣверо-восточной. Поэтому литература Кіевской Земли и города Кіева (а слѣдовательно и лѣтописаніе) имѣла лишь узкое мѣстное значеніе; памятники ея почти не переписывались въ остальной Руси и сохранялись лишь у себя. Присоединеніе къ Польшѣ имѣло слѣдствіемъ, между прочимъ, и рядъ литературныхъ измѣненій и въ томъ числѣ измѣненіе въ характерѣ историческаго повѣствованія; почему лѣтописныя произведенія такъ называемаго Казацкаго періода южной Руси сохраняютъ лишь небольшое сходство съ лѣтописями удѣльно вѣчеваго періода. Эти лѣтописи, какъ памятники древней литературы, могли сохраниться въ южной Руси, особенно въ ея монастыряхъ, но имъ не придавали большаго значенія въ то время, когда всѣхъ интересовали по преимуществу произведенія богословской литературы, которыхъ и сохранилось очень много. Большинство мѣстныхъ специально историческихъ сочиненій могло погибнуть во время тѣхъ невзгодъ, которымъ подвергалась Малороссія. Впрочемъ, мы увидимъ, что традиціи лѣтописанія не совсѣмъ прекратились въ южной Руси; но позднѣйшимъ лѣтописямъ (Казацкаго періода) мы посвятимъ особую главу.

Однако слѣды кіевскихъ лѣтописей встрѣчаются, какъ въ лѣтописяхъ XIII вѣка, написанныхъ въ Суздаль или Новгородѣ, такъ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, особенно въ такъ называемомъ Воскресенскомъ. Костомаровъ считаетъ извѣстія 1204 г. — о разореніи Кіева, и 1224 г. — о битвѣ при Калкѣ, находящіяся въ Лаврентьевскомъ спискѣ Суздальской лѣтописи, занесенными туда, повидимому, изъ Кіевской лѣтописи. Бестужевъ-Рюминъ допускаетъ то же относительно кіевскихъ извѣстій о событіяхъ, происходившихъ во время между окончаніемъ Кіевской лѣтописи и началомъ Галицко-волинской лѣтописи, записанныхъ въ пныхъ лѣтописяхъ, напр. въ Суздальской и позднѣйшихъ. Кіевскою лѣтописью пользовался и Длугошъ, выборку изъ извѣстій котораго до XIV вѣка, касающихся Русской исторіи, Бестужевъ-Рюминъ прило-

жилъ въ своемъ сочиненіи о лѣтописяхъ. Какъ увидимъ далѣе, Кіевскими лѣтописями пользовались и иные польскіе хронисты и историки.

Говоря о кіевскихъ лѣтописяхъ, мы постоянно имѣли въ виду лѣтописи, писанныя въ г. Кіевѣ; но лѣтописи были, конечно, ведены и въ другихъ мѣстахъ Кіевской (въ тѣсномъ смыслѣ) Руси, гдѣ были и монастыри и все же довольно значительные города, напр. Звенигородъ или Бѣлгородъ; только лѣтописи эти уже утратились, послуживъ, можетъ быть, матеріаломъ для лѣтописей сохранившихся. Бестужевъ-Рюминъ при своемъ анализѣ постоянно предполагаетъ, что звенигородское извѣстіе было записано въ Звенигородѣ и т. д. Хотя не все такія его соображенія убѣдительны, но вопросъ о существованіи такихъ мѣстныхъ лѣтописей намъ кажется даже не нуждающимся въ доказательствахъ.

Еще болѣе вѣроятно существованіе лѣтописей въ Переяславѣ (русскомъ), городѣ важномъ въ самую раннюю эпоху существованія русскаго государства. Опять такія ихъ нѣтъ и слѣдовъ, хотя и есть извѣстія, которыя съ большою вѣроятностью могли быть записаны въ Переяславѣ.

Но что болѣе всего странно, это отсутствіе лѣтописей черниговскихъ, тогда какъ Черниговъ долго былъ вторымъ городомъ южной Руси. Впрочемъ извѣстій черниговскихъ въ лѣтописяхъ очень много и мы видѣли (выше стр. 166—168), что ученые принимаютъ существованіе черниговскихъ лѣтописей. Съ извѣстною вѣроятностью можно допустить существованіе лѣтописей новгородъ-сѣверскихъ, курскихъ и даже тмутараканскихъ, гдѣ видимо образовался свой литературный центръ, и слѣды этой мѣстной литературы даже сохранились. О записяхъ, которыя могли быть сдѣланы во всѣхъ этихъ мѣстахъ, можно прочесть у Бестужева-Рюмина.

Галицко-волинская лѣтопись.

Волинь—Земля древлянская очень рано слилась съ Кіевскою Землею и вошла въ составъ древней Руси. Червоная же Русь или Галичъ была присоединена нѣсколько позднѣе; хотя и это позднее время надо понимать относительно: во второй половинѣ XI в. червонорусскіе города (Перемышль, Теревовль и др.) совершенно слились съ остальною Русью. Обѣ эти области не только обособились въ XII вѣкѣ, но, видимо, стали значительнѣе, чѣмъ самая поддѣпровская Русь; а еще черезъ сто лѣтъ они то именно и стали южно-русскимъ государствомъ, въ которомъ старій Кіевъ имѣлъ второстепенное значеніе.

Близость Волини къ Кіеву и долгая общая ихъ исторія были, вѣроятно, причиною, что на Волини не могла рано развиться мѣстная литература, зачатки которой мы находимъ напр. въ Новгородѣ или Ростовѣ. Но, разумѣется, и въ обителяхъ волинскихъ городовъ (напр. во Владимірѣ) монахи трудились надъ обычными литературными занятіями, и въ томъ числѣ надъ лѣтописаніемъ, группируя доставшіяся имъ раннія погодныя замѣтки и цѣлыя сказанія. Таже работа, но нѣсколько позднѣе должна была происходить и въ Червоной Руси, напр. въ Перемышлѣ. Древнихъ лѣтописей волинскихъ и галицкихъ, конечно, было не мало (см. Бестужевъ-Рюминъ: О лѣтописяхъ, стр. 4, примѣч. 7), такъ какъ области были богатыя и монастырей было много, но всѣ лѣтописи впоследствии утратились и лѣтописцы намъ неизвѣстны. Татищевъ, между прочимъ, говоритъ о волинскомъ лѣтописцѣ игумнѣ Нифонтѣ (Ист. Россіи I, 57), но на какомъ основаніи—неизвѣстно.

Первыя извѣстія о Волини находятся въ Древней лѣтописи; можетъ быть они были записаны сперва на Волини. Срезневскій (Чтенія) напр. предполагаетъ это относительно из-

вѣстія подъ 6422 г. о дани, взятой съ древлянъ Игоремъ, причо́мъ она сравнивается съ данью, взятой съ нихъ Олегомъ. Намъ кажется, что какъ этотъ примѣръ, такъ и два другіе (о дѣлахъ Свенельда), могли быть записаны и не въ Древлянской землѣ, а въ Кіевѣ.

Но въ XI вѣкѣ извѣстій о Волыни и Червонной Руси въ Древней лѣтописи есть уже больше и нѣкоторыя несомнѣнно тамъ и записаны. Такъ извѣстный разсказъ о Василькѣ (см. О лѣтописяхъ вып. I, стр. 160) составляетъ галицко-волынское сказаніе, написанное какии-то Василиемъ волынцемъ (владимірцемъ), и, по мнѣнію Соловьева, есть отрывокъ изъ первой части Галицко-волынской лѣтописи; по крайней мѣрѣ по слогу и способу изложенія онъ имѣетъ большое сходство съ сохранившеюся Галицко-волынскою лѣтописью.

Еще болѣе извѣстій о Волыни и Галичѣ находится въ Кіевской лѣтописи, гдѣ многія записи по складу рѣчи напоминаютъ Галицко-волынскую лѣтопись. Княженіе Романа Мстиславича на Волыни и Владимірка и Ярослава Осмомысла въ Галичѣ описаны въ Кіевской лѣтописи дотого подробно, что само собою является мысль, что не только волынскія и галицкія замѣтки и сказанія, но именно лѣтописи этихъ мѣстъ послужили источникомъ для составленія Кіевской лѣтописи. Мы видѣли, что издатели лѣтописи по Ипатъевскому списку готовы даже были признать Кіевскую лѣтопись за Волынскую (см. выше стр. 156).

Костомаровъ указываетъ, что при составленіи Кіевской лѣтописи нѣкоторыя галицко-волынскія извѣстія были пропущены; такъ подъ 6653 г. упоминается о хитромъ взятіи Володаря ляхами и замѣчено, что въ заднихъ лѣтахъ о томъ писано; а прежде объ этомъ не было сказано вовсе. Далѣе, Костомаровъ предполагаетъ заимствованными изъ галицкихъ и волынскихъ лѣтописей извѣстія, сохранившіяся у польскихъ историковъ, напримѣръ касающіяся исторіи Кн. Романа Мстиславича, его послѣдняго похода въ Польшу и смерти. Что Длугошъ зналъ галицко-волынскія извѣстія изъ недошедшей до насъ лѣтописи, это принимаетъ и Дашкевичъ. Бестужевъ-Рюминъ тоже допускаетъ, что многія извѣстія Длугоша могли быть записаны въ Галичѣ.

Но относительно XIII в. сохранилась лѣтопись, т. е. лѣтописный сводъ, описывающій исключительно галицко-волын-

свѣя событія и составленный гдѣ либо на Волини, или въ Галичѣ.

Лѣтопись эта представляетъ очень важный источникъ для исторіи Россіи въ XIII в., только болѣе спеціальный, чѣмъ Древняя и Бѣлевская, такъ какъ въ ней преобладаютъ галицкія и волинскія дѣла. Но для исторіи Галича и Волини въ XIII в. это первый по важности источникъ и почти единственный, такъ какъ всѣ остальные русскіе источники если и дополняютъ его, то сравнительно весьма мало. Важнѣе источники иностранные, польскіе и венгерскіе, такъ какъ исторія Волини, а особенно Галича въ XIII в. тѣсно связана съ исторіею Польши и Венгріи; но и эти источники по своей важности для исторіи юго-западной Руси все же значительно уступаютъ нашей лѣтописи.

Наконецъ, и какъ памятникъ литературный, Галицко-волинская лѣтопись имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ многія мѣста въ ней по художественности не уступаютъ лучшимъ памятникамъ древней русской литературы.

Несмотря на такую важность Галицко-волинской лѣтописи, сочиненій, посвященныхъ ей, весьма мало. Сочиненіе Шараневича (Szaraniewicz: Die Hupatios Chronik als Quellen Beitrag zur Oestreichische Geschichte. Lemberg 1872) содержитъ почти исключительно однѣ выдержки изъ Галицко-волинской лѣтописи, съ весьма поверхностной ихъ оцѣнкой. Предисловіемъ Петрушевича къ галицкому изданію этой лѣтописи мы воспользоваться не могли, да оно считается и неважнымъ. Въ сочиненіи Бестужева-Рюмина Галицко-волинской лѣтописи посвящено всего 6 страницъ; Хрущовъ оканчиваетъ обзоръ сказаній XII вѣкомъ; такъ что остаются лишь Изгѣдованія Погодина, Леанці Костомарова и статьи Аристовъ и Лаптюкова, да еще нѣсколько замѣчаній въ немногочисленныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи юго-западной Руси и ея отношеніямъ къ Польшѣ и Венгріи, особенно въ сочиненіи Дашкевича о Князѣ Даниилѣ Галицкомъ.

Лѣтопись называютъ Галицко-волинскою (обозначеніе Костомарова), или Волинско-галицкою (сперва Бестужевъ-Рюминъ); Карамзинъ, первый обратившій на нее вниманіе, называлъ ее прямо Волинскою; иные — Галицкою. Мы предпочитаемъ первое названіе, такъ какъ, представляя много извѣстій, запи-

писанныхъ на Волыни, лѣтопись все таки болѣе говорить о дѣлахъ Галича.

Галицко-волынская лѣтопись сохранилась въ тѣхъ же спискахъ, какъ и Киевская, т. е. въ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ, и представляетъ ея продолженіе. Была еще копія Волынской лѣтописи въ библиотекѣ перемышльскихъ крилопанъ, но, кажется, уже утратилась (см. Труды Киевск. Археологическаго Съѣзда, приложенія, статья Калужняцкаго, стр. 271).

Галицко-волынская лѣтопись и издается вмѣстѣ съ Киевскою; поэтому, какъ о спискахъ ея, такъ и объ изданіяхъ см. выше (стр. 157). Есть и отдѣльное изданіе А. Петрушевича (вып. I, Львовъ 1871 г.).

Кѣмъ ведена была Галицко-волынская лѣтопись? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ точности невозможно; но что многія мѣста ея записаны очевидцами, это нѣтъ сомнѣній: рассказчики постоянно сами на себя указываютъ. См. указанія у Погодина Костомарова, или Бестужева-Рюмина.

Погодинъ допускалъ всего двухъ лѣтописцевъ: первый изъ нихъ жилъ около 1226 г. Зубрицкій считалъ его духовникомъ Князя Мстислава Удалого, Тимофеемъ, о которомъ въ этой лѣтописи подъ 6713 г. сказано, что онъ былъ премудрый книжникъ и родомъ изъ Кіева (см. Исторію галицкаго княжества). Другой лѣтописецъ, по мнѣнію Погодина, упоминается подъ 1289 годомъ. Но для цѣлаго вѣка, обнимаемаго лѣтописью, двухъ лѣтописцевъ слишкомъ мало. Костомаровъ указываетъ на измѣненіе въ характерѣ лѣтописи съ 1261 г. и, кажется, допускаетъ участіе тоже двухъ лѣтописцевъ, притомъ лицъ свѣтскихъ, принимавшихъ участіе въ изображаемыхъ ими событіяхъ. Впрочемъ Костомаровъ допускаетъ и вставки. Наконецъ, Бестужевъ-Рюминъ, допуская официальность лѣтописи, считаетъ, хоть не столь рѣшительно и съ меньшимъ числомъ доказательствъ, и эту лѣтопись сводомъ, только съ претензіей на на цѣльность и нѣкоторый, такъ сказать, прагматизмъ.

Доказательства Бестужева-Рюмина все тѣ же: подъ 6714 г. авторъ обѣщается рассказать о Галичиной могилѣ и началъ Галича—и не исполняетъ этого обѣщанія; обѣщается въ началѣ лѣтописи рассказать о княженіи Романа, а рассказъ на-

чинается временемъ послѣ смерти Князя Романа ¹⁾; есть непонятные намеки, или явно позднѣйшія вставки и мѣста совсѣмъ безсвязныя; сведены разныя мнѣнія; въ различныхъ мѣстахъ лѣтописи видны различныя симпатіи и т. д.

Дашнюковъ, хоть и менѣе рѣшительно, чѣмъ о предыдущихъ лѣтописяхъ, все же признаетъ Галицко-волынскую лѣтопись составленною однимъ авторомъ, и именно лицомъ духовнымъ, лѣтописцемъ по профессіи, знакомымъ съ греческими хронографами и себя называющимъ хронографомъ, интересующимся церковными событіями и личностями епископовъ и пристрастнымъ къ княжескому дому. Аристовъ дѣлаетъ относительно Галицко-волинской лѣтописи ту же ошибку, что и относительно Кіевской (см. выше стр. 162). Специалистомъ же и лицомъ какъ бы сознающимъ свою обязанность, подобно хронографу, все записывать, глубоко преданнымъ своему дѣлу и исполняющимъ его съ важностью, считаетъ автора (по крайней мѣрѣ одной части лѣтописи) и Дашкевичъ, видя въ немъ лицо свѣтское и отчасти оффиціальное. Впрочемъ онъ допускаетъ, что инныя мѣста лѣтописи записаны духовными лицами, но почему то изъ блага духовенства. Линниченко тоже считаетъ составителя лѣтописи лицомъ свѣтскимъ, такъ какъ духовное лицо иначе выражалось бы о польскихъ полахъ, діаконахъ и игуменахъ (Взаимн. отн. стр. 6).

По мнѣнію Костомарова, Галицко-волынская лѣтопись была сначала писана въ видѣ повѣсти, безъ годовъ и послѣ уже разбита на годы ²⁾ и довольно неискусно. Случается, что подъ какимъ либо годомъ, когда распредѣлитель не могъ помѣстить изъ сплошнаго разсказа ничего, потому что по своей хронологіи не находилъ ничего къ этому удобнаго, онъ вставлялъ выраженіе: бысть тишина, или—не бысть ничевоже, и при этомъ вставка видна очень ясно, такъ какъ между разрозненными ею

¹⁾ Костомаровъ приводитъ еще извѣстіе годъ 6672 г. объ убійствѣ Войшелгомъ Остаѣя Константяновича, причемъ сказано: о немъ же прежде псахомъ; а прежде будто бы ничего не было. Но объ Остаѣи было написано годъ 6670 г., и видно, что именно это мѣсто лѣтописецъ имѣетъ въ виду.

²⁾ По мнѣнію Срезневскаго лѣтопись, включая въ себя въ концѣ разсказъ современника, имъ же самимъ написана и вся по другимъ лѣтописямъ; такъ она выдержана вся по изложенію и такъ отлична отъ всѣхъ другихъ лѣтописей; годы добавлены въ ней послѣ.

фразами не прерывается грамматическая связь, напр. (6721)... Данилови же приѣхавши въ Володимірь. 6722... Бысть тишина. 6723 Божіиѣ повелѣніемъ прислаша князи литовскіи и т. д.

Въ лѣтописи, говоритъ Костомаровъ, сравнительно очень мало краткихъ извѣстій, какія обыкновенно попадаютъ въ большомъ числѣ въ иныхъ лѣтописяхъ. Наконецъ, какъ увидимъ ниже, распредѣлитель иногда переставлялъ мѣста повѣсти, измѣнялъ разсказъ и т. д.

Всѣ эти соображенія Костомарова нельзя не признать основательными, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ списковъ (Погодинскомъ) годы совсѣмъ не выставлены, а для нихъ лишь оставлены мѣста. Но все вопросъ этотъ нуждался бы въ подробномъ анализѣ, каковой Бестужевымъ-Рюминымъ, къ сожалѣнію, для этой лѣтописи не сдѣланъ.

Впрочемъ Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что Галицко-волинская лѣтопись представляетъ въ нашемъ лѣтописаніи совершенно особенное явленіе: составитель ея имѣлъ въ виду нѣчто болѣе стройное, чѣмъ простая погодная лѣтопись. Такъ подъ подъ 6762 г. онъ самъ говоритъ: *Вта же лѣта, времени минувшу, хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогдаже писати в передняя, овогда же возстupati в задняя: чѣтый мудрыи разумѣть; число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ по Антивохыйскимъ соромъ (сѣборомъ, въ иныхъ спискахъ) алумъпнядамъ, грѣцкими же численицами, рымскы же висикостомъ, яко же въ Евсѣвій Памфилъ и иныхъ хронографъ списаша отъ Адама до Хрѣстоса; вся же лѣта спшшемъ росчетъше во задняя*¹⁾.

Правомъ систематизаціи составитель лѣтописи иногда и пользуется, группируя разсказъ съ нарушеніемъ при этомъ хронологіи. Такъ, сообщая подъ 6721 г. о женитбѣ Даниіла на дочери Мстислава Удалого, онъ тутъ же говоритъ о дѣтяхъ Даниіла отъ этого брака. Подъ 6731 г. онъ приводитъ цѣлый рядъ владимірскихъ епископовъ, и о каждомъ сообщаетъ какія нибудь извѣстія. Подъ 6765 г. пишетъ: *по великимъ бо князѣ Романѣ никто же не бѣ воевалъ на нѣ въ рускихъ князихъ, развѣ сына его Даниіла, Богомъ же дана ему дань, послушество*

¹⁾ Поповъ сближаетъ съ этимъ мѣстомъ довольно сходное мѣсто изъ одного хронографа (см. Обзоръ хронографовъ I, 69): хронографу нужа есть писати вся, елико же есть и т. д.

створи Лядскою Землею, сирѣчь во память дѣтемъ своимъ, яко же премудрый хронографъ списа, яко же добродѣяннѣ во вѣкы святятся. Яко же сказахомъ о ратехъ многихъ, сиже написахомъ о Романѣ: древлѣ бо (бѣ) писати си, нынѣ же здѣ вписано бысть въ послѣдняя. Еще много подобныхъ примѣровъ указано у Бестужева-Рюмина и Костомарова.

Костомаровъ полагаетъ, что лѣтопись Галицко-волинская прежде была ведена въ Галичѣ, приблизительно до 6709 года, послѣ чего рассказъ переходитъ къ Волини. Бестужевъ-Рюминъ не соглашается съ этимъ, на основаніи одного мѣста подъ 6711 г., которое писано едва ли не на Волини: княгиня же Романова взяше дѣтатъ свои и бѣжа въ Володимеръ. И еще же хотящу Володимеру искоренити племя Романово, поспѣвающимъ же безбожнымъ галичанамъ и т. д. Но и помимо этого мѣста самое начало лѣтописи сообщаетъ много извѣстій о Володимерѣ Волинскомъ и извѣстія галицкія начинаютъ рѣшительно преобладать съ того времени, когда въ галицкихъ дѣлахъ начинаетъ принимать участіе Кн. Данилъ Романовичъ.

Развивая и дополняя мнѣніе Костомарова, Дашкевичъ находитъ, что часть лѣтописи, обнимающая Данилово время, распадается на два отличныя другъ отъ друга и потому принадлежащія разнымъ лицамъ повѣствованія. Одно (первая, большая часть) прямо можетъ быть названо частною лѣтописью, занимающеюся Кн. Даниломъ. Лѣтописи обыкновенно слѣдуютъ за князьями съ того времени, когда они выступаютъ въ качествѣ дѣятелей; здѣсь же повѣствованіе съ самаго начала сосредоточивается около судьбы малолѣтнихъ Романовичей, на нее главнымъ образомъ рассказчикъ обращаетъ вниманіе и прямо заявляетъ, что предметъ лѣтописи—ихъ исторія. Во всемъ рассказѣ видна искренняя и глубокая (и отнюдь не оффиціальная) любовь и уваженіе къ Данилу. Лѣтописецъ ликуетъ при его побѣдахъ, старается не пропустить ничего замѣчательнаго, постоянно желаетъ показать, что это былъ особенный человекъ, не любитъ его враговъ, обличаетъ ихъ недостатки, главныхъ изъ нихъ, галицкихъ бояръ, называетъ безбожными, нечестивыми, невѣрными, а противъ одного изъ нихъ Жирослава разражается проклятіемъ въ цѣлой тирадѣ (подъ 6734 г.). Каждый успѣхъ Данила авторъ приписываетъ помощи Божіей и постоянно внушаетъ читателю, что Данилъ находится подъ Божіей охра-

ною. Дашкевичъ отмѣчаетъ еще и такую любопытную мелочь, что авторъ постоянно называетъ Данила княземъ до его коронованія, и королемъ послѣ него.

Другое повѣствованіе начинается послѣ находящагося во всѣхъ спискахъ перерыва вслѣдъ за рассказомъ о нашествіи Бурандая (подъ 6769 г.) и написано во Владимірскомъ княжествѣ и вообще лицомъ интересующимся и преданнымъ князьямъ Владиміра-Волинскаго. Оттого въ немъ такъ мало сказано о Даниловой дѣятельности послѣ нашествія Бурандая и объ его смерти и такъ кратки похвалы ему, чего бы не было, если бы продолжалъ писать тотъ авторъ, которому принадлежитъ все предыдущее; напротивъ въ первомъ планѣ Даниловъ братъ Василько. Авторъ 2-ой части лѣтописи называетъ «короля» Данила иногда княземъ. Рассказъ 2-ой части не носитъ характера непрерывнаго повѣствованія, а приближается, особенно подъ конецъ, къ чистой лѣтописи; наконецъ Дашкевичъ находитъ разницу и въ языкѣ.

Впрочемъ Дашкевичъ считаетъ трудно допустимымъ, чтобы первая часть лѣтописи была составлена однимъ лицомъ, такъ какъ она обнимаетъ 54 года; она могла выйти изъ подъ пера нѣсколькихъ лицъ, или быть сложенною однимъ лицомъ по нѣсколькимъ извѣстіямъ. Но во всякомъ случаѣ эта первая часть была проредактирована однимъ лицомъ, жившимъ въ позднѣйшее время, на что указываетъ упоминаніе при случаѣ вещей, имѣвшихъ мѣсто неособенно скоро послѣ того времени, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Напр. подъ 6713 годомъ онъ говоритъ о венгерской королевѣ Елисаветѣ, уже нынѣ святу нарекаютъ, прежде же имя ей Кинеза; много бо послужи Богови по мужи своемъ... А Св. Елисавета канонизирована въ 1238 г. Дашкевичъ приводитъ и еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Лѣтописецъ этотъ несомнѣнно былъ близокъ къ Данилу. Дашкевичъ даже доказываетъ, что находящіяся въ этой части лѣтописи вставки (см. ниже) сдѣланы ея редакторомъ; словомъ, мы имѣемъ сочиненіе очень цѣльное. Вторая же часть лѣтописи — волынская, не отличается такою цѣльностью. Въ ней есть вставки, не принадлежащія къ ея составу, и мѣста заимствованныя изъ противоположныхъ по характеру источниковъ. Въ цѣломъ же лѣтопись все таки представляетъ сводъ; но вопросъ о мѣстѣ его окончательнаго составленія имѣетъ второстепенное

значеніе, разъ мы знакомы съ мѣстомъ, гдѣ записаны его источники.

Начинается Галицко-волинская лѣтопись 6709 годомъ, причемъ въ началѣ ея тоже есть путаница; оканчивается она 6813 годомъ. Костомаровъ признаетъ за окончаніе ея 6808 г. (1200), считая остальное, на основаніи слога и хронологіи, позднѣйшими вставками. Даже извѣстія 6798 и 6799 онъ считаетъ чуть ли не припискою. Погодинъ тоже оканчиваетъ лѣтопись 1289-мъ годомъ; редакторы же изданія 1871 года оканчиваютъ 6800 г. (1292), считая остальное приписками съ 6808, т. е. послѣ 8 лѣтъ перерыва, и по 6813 годъ.

Вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ дошла до насъ Галицко-волинская лѣтопись, т. е. отрывокъ ея о XIII вѣкѣ, не подвергался обсужденію; но, принимая во вниманіе, что Погодинъ не отмѣчаетъ въ ней мѣстъ испорченныхъ, можно думать, что она сохранилась еще лучше, чѣмъ Кіевская. Это весьма возможно и потому, что лѣтопись оканчивается послѣдними годами XIII вѣка, а списокъ ея мы имѣемъ не позже XV вѣка. Но опять таки нельзя не допустить, что послѣ составленія этой лѣтописи, въ началѣ XIV в., были не только сдѣланы приписки, но кое что и вставлено и переправлено; кромѣ того при перепискѣ могли оказаться и ошибки; напр. вставкою могли быть нѣкоторыя мѣста Ипатьевского списка, не находящіяся въ иныхъ спискахъ, напр. извѣстіе объ убіеніи 500 болгаръ подъ 6716 г. (Костомаровъ).

О содержаніи Галицко-волинской лѣтописи Аристовъ говоритъ, что оно обрисовывается слѣдующими словами самой лѣтописи: велику мятежу воставшу въ Землѣ Русской оставившими жеся двѣма сынома егѣ (т. е. Романа—Даніилу и Васильку)—едни 4 лѣтъ, а другій дву лѣтъ... Начнемъ же сказать бесчисленныя рати и великия труды, и частыя войны и многыя мятежи и частыя возстанія.. Посемъ скажемъ многы мятежъ, великыя лъсти (обманы), бещисленныя рати и т. д. (Особыя частныя заглавія въ лѣтописи).

Дѣйствительно лѣтопись занимается преимущественно военными дѣлами.

Начинается она въ Ипатьевскомъ списокѣ частнымъ заглавіемъ (кавія, впрочемъ, постоянно встрѣчаются въ лѣтописяхъ): Въ лѣто 6709 начало княженія великого князя Романа Само-

держца бывша всеи Руской Земли князя Галичкого. Рассказъ же начинается именно временемъ послѣ смерти Романа, о которомъ лишь приведено нѣсколько обрывковъ поэтического содержания. Притомъ есть путаница : многіе извѣстные факты изъ исторіи начала XIII в., находящіеся въ другихъ лѣтописяхъ, пропущены, а рассказаны такіе, которыя случились раньше. Затѣмъ идетъ рассказъ о борьбѣ за Галичъ русскихъ князей, поляковъ и венгровъ въ малолѣтство Данила Романовича и во княженіе въ Галичъ Мстислава Удалого. Среди рассказа находится сказаніе о битвѣ на Калкѣ. Далѣе слѣдуютъ : борьба за Галичъ послѣ смерти Мстислава и вокняженіе Данила въ Галичъ и Васильва во Владимірѣ Волинскомъ ; княженіе Данила (важнѣйшая часть лѣтописи) и, среди рассказа, нашествіе Батыя ; событія послѣ смерти Данила въ княженіе его сына Льва (особенно дѣла литовскія) ; смерть Василька и княженіе по Владимірѣ Волинскомъ сына его Владимира Васильковича ; обширный рассказъ о болѣзни и смерти Владимира Васильковича и его завѣщаніи, и наконецъ начало княженія во Владимірѣ Мстислава Даниловича ¹⁾.

Весь лѣтописный рассказъ, какъ мы сказали, посвященъ преимущественно войнамъ, рѣдко касаясь событій церковнаго или гражданскаго характера.

Обращаясь къ составу Галицко-волинской лѣтописи, видно, что изъ всей лѣтописи можно выдѣлить весьма немного особыхъ, вошедшихъ въ нее, сказаній ; по крайней мѣрѣ Бестужевъ-Рюминъ выдѣляетъ лишь слѣдующія мѣста : Подъ 6732 г. сказаніе о битвѣ на Калкѣ. Оно находится во всѣхъ лѣтописяхъ, иногда въ той же редакціи, какъ въ спискахъ Галицко-волинской лѣтописи, иногда нѣсколько сокращено ; причѣмъ бываютъ и добавленія, впрочемъ не важныя (см. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 154, прим. 248). Писано оно очевидцемъ, сообщающимъ всѣ подробности, толки, разговоры и, вѣроятно, волинцемъ или галичаниномъ, такъ какъ видно особенное сочувствіе къ князю Данилу.

Сказаніе о нашествіи Батыя. Миѣ кажется, что въ эту

¹⁾ Въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ въ окончаніи большая путаница, см. примѣчаніе къ изданію 1872 года.

лѣтопись оно попало подъ двумя годами 6745 и 6748, смѣшавшись съ лѣтописнымъ изложеніемъ; въ другихъ же лѣтописяхъ сказаніе это сохранилось совершенно въ иныхъ редакціяхъ. Всѣ указанія приведены Бестужевымъ-Рюминымъ (стр. 155, прим. 252) и имъ же сдѣлано краткое сличеніе. Сказаніе это могло, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, составиться изъ различныхъ мѣстныхъ сказаній, и одна часть его, собственно сказаніе объ опустошеніи Рязани, вполне обследована Срезневскимъ (Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ памятникахъ, вып. IV).

Сказаніе подъ 6796 г. о болѣзни и смерти князя Владиміра Васильковича. Это—обширная повѣсть, даже слогомъ рѣзко отличающаяся отъ остальной лѣтописи, написанная человѣкомъ, близкимъ къ Князю Владиміру. Оканчивается она похвалою этому князю въ видѣ проповѣди и потомъ двумя особыми разсказами, находящимися въ Погодинскомъ и Ермолаевскомъ спискахъ: краткимъ—объ обрѣтеніи тѣла Владиміра, и болѣе пространномъ, въ которомъ перечисляются дары его различнымъ храмамъ. Бестужевъ-Рюминъ думаетъ, что сказаніе это, собственно первая часть его, написано для наследника князя Владиміра—Мстислава Даниловича; но указанныя имъ мѣста отличаютъ только сторонника этого князя и были бы черезчуръ грубою лестью, если бы написаны были именно для него.

Въ лѣтописи подъ 6795 г. уже было говорено о болѣзни Кн. Владиміра и приведено даже его рукописаніе (т. е. завѣщаніе). Этихъ рукописаній было три: два Князю Мстиславу на свое княженіе и третье княгинѣ; это третье здѣсь и записано. Всѣ эти грамоты были писаны писцомъ Федорцемъ. Мы думаемъ, что здѣсь собственно сокращенное изложеніе грамоты, такъ какъ, несмотря на оффиціальное начало, въ лѣтописи очень мало оффиціальнаго датъ, существующихъ въ дошедшихъ до насъ актахъ XIII вѣка.

Составитель лѣтописи имѣлъ подъ рукою еще оффиціальныя акты: такъ онъ говоритъ подъ 6762 годомъ о договорѣ венгерскаго короля Бѣлы IV съ Романомъ Даниловичемъ, — «его же за множество весъ не списахомъ».

Наконецъ грамота же или, вѣрнѣе, сокращеніе ея помѣщено подъ 6797 г., и это мѣсто важно потому, что на него, какъ мы имѣли случай говорить, ссылаются въ доказательство ое-

официальности летописей, и притомъ это указаніе наиболѣе раннее ¹⁾: жители города Берестья вѣсто Кн. Мстислава призвали племянника его Кн. Юрія Львовича, котораго Мстиславъ и изгналъ. Пріѣхавши въ Берестье, Мстиславъ спросилъ у бояръ: «естъ ли ловчии здѣ? Они же рекоша: нетуть, господине, изъ вѣка. Мстиславъ же рече: язъ тагъ уставляваю на нѣ ловчее за ихъ коромолу, абы ми не зрѣти на ихъ кровь, и повелѣ писцю своему писати грамоту».

Хотя далѣе, судя по началу, и записана грамота: Се азъ Князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьянъ и т. д.; но все же она въ летописи очень коротка, при ней нѣтъ никакихъ официальныхъ датъ и притомъ въ разныхъ спискахъ она находится на разныхъ мѣстахъ, почему вѣрнѣе видѣть здѣсь ея краткое изложеніе. Оканчивается это мѣсто словами: «А вопсалъ естъ въ летописецъ коромолу ихъ». О пониманіи нами этого мѣста мы говорили въ вып. I, стр. 71 ²⁾.

Наконецъ, отрывками какого то поэтического сказанія считаетъ Бестужевъ-Рюминъ (Р. Ист. I Введ. стр. 28) и тѣ мѣста въ началѣ летописи, въ которыхъ говорится о Кн. Романѣ Мстиславичѣ. Дашкевичъ доказываетъ, что эти отрывки внесены самымъ редакторомъ той части летописи, которая посвящена княженію Данила.

Вотъ и всѣ тѣ мѣста, которыя могутъ быть выдѣлены.

При обзорѣ иныхъ летописей оказывается, что записи подъ годами вообще неособенно велики, такъ что, если въ видѣ исключенія, является большой рассказъ, то нѣкоторые ученые, напр. Бестужевъ Рюминъ или Хрущовъ, склонны принимать его за особое сказаніе. Къ Галицко-волинской летописи эта мѣрка вполне неприменима, такъ какъ въ ней погодныя записи постоянно очень обширны и выдѣлены изъ рассказа быть не могутъ. Поэтому, какъ мы видѣли, Костомаровъ и Бестужевъ-Рюминъ считаютъ Галицко-волинскую летопись сочпаеніемъ особеннаго характера.

¹⁾ Бляевъ почему то видитъ доказательство официальности летописи еще въ описаніи мятежа и ратей въ Галичѣ 6738—6743 г.

²⁾ Здѣсь мы не замѣтили довольно грубой опіски, вѣсто Мстислава Даниловича названъ Василько Мстиславичъ.

Можно бы полагать, что тѣ мѣста лѣтописи, которыя имѣютъ особыя частныя названія представляютъ и особыя, внесенныя въ лѣтописи сказанія; но издатели лѣтописи 1872 г. отмѣчаютъ, что названія эти приписаны инымъ почеркамъ и именно, западно-русскимъ XVIII в. (вѣроятно одного изъ прежнихъ владѣльцевъ рукописи).

Пользовался ли составитель лѣтописи какими нибудь иностранными источниками? Конечно, Священное Писаніе онъ зналъ и цитируетъ извѣстныя мѣста изъ него такимъ же образомъ, какъ и всѣ лѣтописцы. Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, онъ ссылается на хронографъ, и именно на хронографъ Малалы (въ переводѣ), изъ котораго взята и фраза подъ 6737 годомъ: Скрытъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ (Σκίρτος ποταμός σκίρῆσαι κηὰ σκίρῆματα πολίταις). Малала рассказываетъ, что наводненіемъ рѣки Скірта была потоплена Эдесса и потомъ на этомъ мѣстѣ найденъ былъ камень съ этою надписью, вошедшею въ поговорку. Лѣтописецъ примѣнила ее къ Днѣстру: тако и Днѣстръ злу игру сыгра уграмъ; причомъ тоже получилась игра словъ. Фраза эта понравилась лѣтописцу, такъ какъ онъ повторилъ ее еще и подъ 6728: Сюю же наричють Белжане злу ношь: сия бо ношь злу игру имъ сыгра ¹⁾).

Затѣмъ знаетъ лѣтописецъ Евсевія Кессарійскаго, а можетъ быть, и другихъ хронографовъ. Дашкевичъ находитъ даже, что лѣтописцу былъ извѣстенъ Гомеръ, которому онъ будто бы удачно подражалъ. Такимъ подражаніемъ считаетъ Дашкевичъ мѣсто подъ 6764 г.: одинъ же воинъ управи десьницю свою, иземъ рогатицю ис пояса своего далече вергъ, срази князя ят-вяжскаго съ коня своего и летяще ему до землѣ изыде душа его съ кровью во адъ. Образъ дѣйствительно сходный съ нѣкоторыми мѣстами Иліады, но вѣроятно сходство случайное. Положимъ, въ лѣтописи подъ 6741 даже называется Омиръ и приводится будто бы изъ него цитата: О лествъ зла есть! Якоже Омиръ пишетъ, до обличенія сладка есть, обличена же зла есть; кто въ ней ходитъ, конецъ золъ пріиметь; о злѣ зла зло есть! Но Пыпинъ указываетъ, что такого мѣста ни въ Иліадѣ, ни

¹⁾ Терновскій допускаетъ, что это извѣстіе о разливѣ р. Скірта могло быть заимствовано и изъ Амартола (Изучен. Виз. Ист. I, 13 примѣч.).

въ Одиссеѣ не встрѣчается (Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей стр. 50).

Западно-европейскія, особенно польскія извѣстія въ лѣтописи занесены, кажется, не столько изъ писанныхъ источниковъ, сколько на основаніи сообщеній очевидцевъ, каковыми иногда могли быть, конечно, и самые лѣтописцы. На очевидца напр. указываетъ извѣстіе подъ 6793 г.: начаша повѣдати, оже въ нѣмцѣхъ вышедъ море и потопило землю гнѣвомъ Божиимъ: болѣе шестидесять тысячъ душъ потонуло, а церквѣи каменныхъ одинадесять и сто, опроче деревяныхъ.

Линниченко говоритъ, что въ Галицко-волинской лѣтописи есть только одно мѣсто, обличающее знакомство съ западными хрониками, именно рассказъ объ ослѣпленіи Петра Власта и бѣгствѣ его въ Русь, да и то считаетъ позднѣйшей вставкой, какого либо читателя, а объ ослѣпленіи Власта даже легендою (Взаимн. отн. Руси и Польши стр. 6 прим. п въ дополн. vi). Впрочемъ Линниченко указываетъ на знакомство лѣтописца съ латинскимъ и польскимъ, а можетъ быть и съ венгерскимъ языкомъ, что открывается въ языкѣ лѣтописи. Извѣстіе о смерти Филиппа Гогенштауфена подъ 6715 г. Дашкевичъ тоже считаетъ вставкою, но проникшею изъ какой либо западной хроники (Дан. Галицк. стр. 5). Лѣтопись знаетъ и предшествующую отечественную исторію, заимствуя ее, конечно, изъ прежнихъ лѣтописей.

Братнихъ погодныхъ замѣтокъ очень мало; но тѣ, которыя есть, имѣютъ обыкновенный характеръ. Нѣсколько больше ихъ въ концѣ лѣтописи; но онѣ все же обширнѣе, чѣмъ записи въ иныхъ лѣтописяхъ. Преобладаютъ въ нихъ извѣстія галицко-волинскія, такъ что лѣтопись имѣетъ вполнѣ мѣстный характеръ; можетъ быть поэтому Бестужевъ-Рюминъ и не счелъ нужнымъ дѣлать имъ подробный анализъ.

Лѣтописныя извѣстія записаны тоже не только современниками, но и очевидцами и участниками событій; но точнѣе опредѣлить кого нибудь изъ нихъ невозможно. Можно развѣ, судя по симпатіямъ, высказываемымъ въ различныхъ мѣстахъ лѣтописи, полагать, что тотъ или другой рассказъ записанъ лицомъ, близкимъ къ извѣстному янзю. Такъ Дашкевичъ считаетъ редактора первой части лѣтописи лицомъ близкимъ къ Даниилу; Костомаровъ указываетъ, что рассказчикъ повѣсти о

последнихъ дняхъ Владиміра Васильковича относится менѣе благосклонно къ Кн. Льву Мстиславичу, чѣмъ тотъ, который сдѣлалъ приписки послѣ 1289 г. и т. п.

Относительно Галицко-волинской лѣтописи ученые (Погодинъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.), основываясь на обилии военныхъ подробностей въ ней, еще настойчивѣе утверждаютъ, что составители ея были лица свѣтскія. Мы уже столько разъ касались этого вопроса, что нѣтъ цѣли говорить о немъ еще: скажемъ только, что прямого указанія на свѣтскій характеръ разсказчиковъ нѣтъ; а по тону разсказа судить трудно ¹⁾. Лашнюковъ именно на основаніи тона разсказа считаетъ составителя лѣтописи лицомъ духовнымъ. Особенно сильно выдаетъ свой характеръ духовнаго лица составитель повѣсти о смерти Владиміра Васильковича. Говорили мы и о томъ, какъ понимать оффиціальность этой лѣтописи, которую допускаетъ даже Лашнюковъ.

Достовѣрность историческихъ извѣстій, сообщаемыхъ Галицко-волинскою лѣтописью, не подвергается сомнѣнію. Правда, очень многія извѣстія, о которыхъ эта лѣтопись сообщаетъ, ничѣмъ и не могутъ быть провѣрены; но другія подтверждаются изъ польскихъ и венгерскихъ источниковъ. Впрочемъ, гораздо чаще извѣстія, сообщаемыя этими источниками, подвергаются провѣркѣ по лѣтописнымъ извѣстіямъ. Это совершенно понятно, такъ какъ разсказъ очевидца въ XIII вѣкѣ можетъ отличаться нѣкоторою тенденціозностью, напр. онъ можетъ быть нѣсколько пристрастнѣе къ русскимъ, чѣмъ къ литовцамъ, полякамъ или венграмъ, и событія могутъ быть изложены въ болѣе благопріятномъ для русскихъ свѣтѣ, чѣмъ они происходили на самомъ дѣлѣ; но сознательное искаженіе истины допустить уже трудно. Отмѣтимъ, впрочемъ, особую благосклонность лѣтописи къ княжескому дому Романовичей, и преимущественно къ Данилу, и очень враждебное отношеніе къ галицкому боярству, а въ особенности, подмѣченное Лашнюковымъ, нерасположеніе къ движеніямъ народныхъ массъ, въ которыхъ выражалось противодѣйствіе власти. Эти свойства лѣтописи могли,

¹⁾ Погодинъ, напримѣръ, по поводу извѣстія 6721 г., что Мстиславъ Удалой подарилъ Данилу коня своего борзого сиваго, говорить, что монахъ не замѣтилъ бы масти лошади.

пожалуй, нѣсколько повліять на ея безпристрастіе. Въ литературѣ нашей этотъ вопросъ затронуть, впрочемъ, не былъ, кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній Дашкевича. По его мнѣнію, хотя лѣтописецъ и желаетъ выставить съ самой лучшей стороны Данила, но для этого прибѣгаетъ къ одной истинѣ; иногда только онъ, можно сказать неумышленно, впадаетъ въ нѣкоторую утрировку фактовъ. Но и о Данилѣ въ лѣтописи встрѣчается не только одно хорошее, напр. подъ 6738 г. сказано: «нѣкое слово похвально рекшу (Данилу), его же Богъ не любитъ». Данилъ не можетъ взять въ 6743 г. Звенигорода: «бѣ бо Святая Богородица въ немъ чудная икона». Враги Данила награждаются иногда несовсѣмъ лестными эпитетами; но это не мѣшаетъ лѣтописи соблюдать правдивость въ разсказѣ о ихъ дѣяніяхъ.

Какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, свѣдѣнія, сообщаемыя Галицко-волынской лѣтописью, касаются преимущественно галицко-волынской исторіи XIII в., представляя для нея самый важный историческій источникъ. Впрочемъ, есть извѣстія и о кievской Руси, даже о сѣверныхъ русскихъ княжествахъ.

Помимо исторіи былевой, лѣтопись эта представляетъ, какъ и всѣ лѣтописи, очень важный источникъ и для исторіи быта югозападной Руси, преимущественно Галича. Какъ извѣстно, въ Галицкой Землѣ подъ вліяніемъ сосѣдства съ Венгріей (а также и съ Польшей) и, можетъ быть, въ силу еще несовсѣмъ понятныхъ намъ экономическихъ условій страны, въ которой, благодаря характеру мѣстности и торговымъ отношеніямъ, могли образоваться крупно-земельныя владѣнія, сложилась довольно сильная аристократія. Галицкіе бояре явились не только въ роли совѣтниковъ княжескихъ, но были зачастую распорядителями въ Галицкой Землѣ и, лишь благодаря ихъ взаимнымъ ссорамъ и подкапыванію другъ противъ друга, могла иногда торжествовать княжеская власть. Политическое же значеніе народа, замѣтное въ Червонной Руси еще въ половинѣ XII вѣка (напр. при Кн. Владиміркѣ), въ XIII вѣкѣ совершенно исчезаетъ; о народныхъ вѣчахъ ничего не упоминается. Это преобладающее значеніе боярства изображено въ лѣтописи чрезвычайно рельефно; поэтому отсюда черпали постоянно массу извѣстій тѣ историки, которые пытались изобразить бытъ русскаго боярства въ смыслѣ аристократіи. Съ другой стороны прежніе историки Червонной Руси (Зубрицкій, Соловьевъ, Смирновъ), изображая бытъ Гали-

ціи, преимущественно въ аристократическихъ ея чертахъ, о народѣ сообщали свѣдѣнія довольно отрывочныя.

Новѣйшіе историки Галича, напр. Дашкевичъ (см. его сочиненія о Болховской Землѣ и о Кн. Данилѣ Галицкомъ) и особенно Шараневичъ (впрочемъ преимущественно для болѣе поздняго времени, см. Очеркъ внутреннихъ отношеній Галича во второй половинѣ XV вѣка) сумѣли извлечь изъ лѣтописи много свѣдѣній, живо рисующихъ и бытъ народа въ Галиціи, напр. промышленность, торговлю, заселеніе городовъ и т. п. Къ сожалѣнію исторія Галицкаго княжества еще не написана, какъ слѣдуетъ, русскими учеными, и этотъ пропускъ не можетъ быть пока восполненъ трудами ученыхъ галицкихъ или иностранныхъ, такъ какъ даже тѣ изъ нихъ, которые, какъ Шараневичъ, зная всѣ иностранные источники, необходимые для изученія галицкой исторіи, и будучи вромѣ того хорошо знакомы со всею, касающеюся Галича литературою, въ томъ числѣ съ Ипатьевскою лѣтописью и извѣстными актами, все же мало знакомы съ остальными источниками русской исторіи, разумѣется безусловно необходимыми для пониманія исторической жизни Червонной Руси ¹⁾.

Исторія Волыни разработана еще слабѣе; въ русской исторіографіи нѣтъ ни одного спеціальнаго сочиненія ей посвященнаго, почему еще далеко не изучены даже тѣ извѣстія лѣтописи, которыя сообщаютъ свѣдѣнія о волынскихъ дѣлахъ; сочиненіе же Шараневича: Исторія Галицко-Владимірскаго Княжества болѣе говоритъ о Галичѣ.

Галицко-волынская лѣтопись даетъ много указаній и на бытъ князей и понятно почему: въ разсказахъ видно пристрастіе къ княжескому дому Романовичей, обусловленное близкими къ нему отношеніями.

Наконецъ Галицко-волынская лѣтопись, вромѣ интереса для русской исторіи, очень важна и для исторіи Литвы, представляя опять таки едва ли не единственный по важности источникъ для времени до XIV вѣка. Какъ былевая, такъ и бытовая исторія Литвы изображена въ ней очень обстоятельно (см. Антоновичъ: Исторія В. Кн. Литовскаго); о ятвягахъ мы только и знаемъ что нибудь благодаря этой лѣ-

¹⁾ Нѣкоторыя сочиненія о Галицкой Руси, напр. Делевеля *Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie*, извѣстны намъ, впрочемъ, лишь по названію.

тописи. Затѣмъ сообщается множество извѣстій для исторіи и быта Польши, Венгріи, черноморскихъ степей во время пребыванія въ нихъ татаръ, и даже странъ болѣе отдаленныхъ, напр Ливонскаго Ордена, Германіи (въ половинѣ XIII вѣка) и, между прочимъ, Австріи и Чехіи. Извѣстія эти, впрочемъ, почти что не проверены учеными, и Лашиюковъ считаетъ ихъ темными и перепутанными, такъ какъ лѣтописецъ заимствовалъ многія извѣстія изъ устныхъ разсказовъ современниковъ, и потому невѣрно записалъ названія мѣстностей, перепланилъ собственныя имена, перепуталъ событія. Намъ кажется, что этотъ приговоръ слишкомъ строгъ: переименованіе собственныхъ именъ и названій мѣстностей—широко распространенный въ историографіи грѣхъ, а отъ человѣка XIII столѣтія трудно и ожидать правильнаго ихъ употребленія. Что же касается до извращенія самыхъ событийъ, то это еще нуждается въ доказательствахъ.

Хронологія Галицко-волинской лѣтописи очень неправильна, и вотъ по какой причинѣ. Кіевская лѣтопись оканчивается 6708 г. Тотъ, кто переписалъ ее (или нашелъ ее въ такомъ видѣ переписанною — это не дѣлаетъ разницы), имѣлъ подъ руками лѣтопись Галицко-волинскую, начинающуюся смертию Романа, и прямо пристегнулъ ее къ Кіевской, а, такъ какъ первая часть Галицко-волинской лѣтописи въ основѣ своей можетъ быть составлена была безъ годовъ, то составитель, желая подражать Кіевской лѣтописи (мнѣніе еще Карамзина), и разставилъ числа. Разставляя годы, онъ началъ непосредственно 6709 ¹⁾ годомъ, тогда какъ Романъ Галицій умеръ въ 6713 году, почему хронологія лѣтописи подалась на четыре года назадъ. Разумѣется, эта грубая ошибка была бы легко поправима, если бы она прошла черезъ всю лѣтопись; но распредѣлитель чиселъ видимо сознавалъ, что у него въ иныхъ мѣстахъ хронологическія даты выставлены неправильно, такъ какъ въ источникахъ его лѣтописи были и записи съ годами. Онъ пытался свою хронологию исправить, для чего иногда событія одного и того же года раздѣлены и занесены подъ двумя годами и сдѣланы вообще различныя пертурбаціи (см. выше стр. 187 ²⁾).

¹⁾ Событія, происходившія во время между окончаніемъ Кіевской лѣтописи и началомъ Галицко-волинской, нѣсколько, впрочемъ, извѣстны изъ другихъ лѣтописей, напр. изъ нѣкоторыхъ списковъ Суздальской и изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ.

²⁾ Погодинскій списокъ такъ и остался съ невыставленными годами.

Легко понять, какую путаницу произвела эта манера въ хронологіи лѣтописи. Дашневичъ объявляетъ ее прямо незаслуживающею никакого довѣрія и сожалѣть, что историки еще продолжаютъ ею пользоваться. Онъ приводитъ примѣры, какъ походъ Мстислава Удалого въ Галичу оказался и подъ 6724 г. и подъ 6727 годомъ, а подъ 6726 г. написано: бысть тишина. Или, одна и таже битва Романовичей съ венграми показана въ двухъ годахъ: въ 6739 и 6740 г. и мн. др.

Но всѣ эти соображенія о хронологіи Галицко-волынской лѣтописи имѣютъ общій характеръ, въ частности же она предметомъ особаго изслѣдованія не послужила. Лишь въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи Юго-западной Руси XIII в., попадаются спеціальныя изслѣдованія объ одной или нѣсколькихъ хронологическихъ датахъ этой лѣтописи ¹⁾. О томъ, что составитель лѣтописи иногда сводилъ подъ однимъ годомъ событія многихъ лѣтъ, имѣвшія между собою историческую связь, и дѣлалъ это сознательно—было уже говорено.

Какъ памятникъ литературный, Галицко-волынская лѣтопись признается всеми весьма замѣчательною; однако съ этой стороны она до сихъ поръ никѣмъ не была разсмотрѣна, если не считать нѣсколькихъ случайно брошенныхъ о ней замѣчаній.

Ученые указываютъ на ея художественный характеръ; но художественность эта не похожа на художественность Древней и Кіевской лѣтописи, художественныхъ именно своею простотою и непосредственностью. Художественность лѣтописи Галицко-волынской уже искусственная, она достигается умысленнымъ подборомъ извѣстныхъ образовъ и систематическимъ расположеніемъ словъ, чѣмъ лѣтопись эта сходна съ Словомъ о полку Игоревѣ. Оба эти памятника созданы не въ народной средѣ, даже не въ средѣ, хотя и подвергшейся вліянію византійскаго образованія, но все еще сохраняющей народныя традиціи, резко отъ него отличающіяся, а уже совершенно въ особой умственной атмосферѣ. Въ XIII вѣкѣ главные источники умственной жизни русскаго общества, народныя вѣрованія, византійское вліяніе, даже до нѣкоторой степени западно-европейское вліяніе, (особенно въ Юго-западной Руси) настолько уже слились между собою, что болѣе образованные люди этого

¹⁾ См. напр. хронологическую замѣтку Вл. Бузескула о занятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ (Ж. М. Н. II. 1881 г. № 3), или любое сочиненіе по исторіи Галицкаго Княжества.

времени отличались совершенно цѣльнымъ умственнымъ развитіемъ, усвоившимъ себѣ и византійскія теоріи, но не чуждымъ и народнаго творчества. Люди несомнѣнно религіозные, они не ставили себѣ аскетическихъ идеаловъ; они интересовались и политикою, и тѣмъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, и удовольствіями жизни. Религія сознательно не заслоняла въ нихъ патриотизма, къ народнымъ вѣрованіямъ относились они благосклонно, не считая ихъ зазорными или грѣшными; вообще умственное развитіе ихъ отличалось достаточно свѣтскимъ характеромъ. Такой типъ образованныхъ людей могъ сложиться при княжескихъ дворахъ, и не только у людей свѣтскихъ, но и у духовныхъ, которые втягивались въ интересы тѣхъ кружковъ, къ которымъ они принадлежали; хотя, по существу дѣла, умственное развитіе лицъ духовныхъ было болѣе подвержено византійскому вліянію. Даже въ монастыряхъ, при общезвѣстной близости ихъ къ князьямъ, были лица раздѣлявшія господствовавшія идеи XIII вѣка, и они то, какъ люди все же самые образованные, могли вести лѣтописи.

Какія же характеристическія черты замѣчаются въ Галицко-волинской лѣтописи?

Аристовъ, какъ мы сказали выше (стр. 176), сдѣлалъ общую характеристику всей той части лѣтописи по Ипатьевскому списку, которая напечатана во II томѣ Полнаго собранія лѣтописей. Приведа эту характеристику раньше, въ этомъ же выпускѣ, мы не имѣемъ основанія повторять ее теперь во второй разъ; скажемъ только, что всѣ указанныя Аристовымъ черты несравненно сильнѣе замѣчаются въ Галицко-волинской лѣтописи, чѣмъ въ Кіевской: она еще обстоятельнѣе говоритъ о военныхъ событіяхъ, сообщая о нихъ все до мельчайшихъ подробностей. Напротивъ, фактовъ церковно-историческихъ сообщено очень мало (даже тѣ немногіе, которые есть, Аристовъ склоненъ считать вставками, но это уже черезчуръ смѣлое предположеніе). По отношенію къ религіи лѣтопись отличается значительнымъ индифферентизмомъ, она благосклонна и къ католицизму. Такъ лѣтописецъ придаетъ значеніе папскому проклятію, очень восхваляетъ католическихъ святыхъ, напр. Св. Елисавету, или польскихъ королей, напр. Конрада (подъ 6759 г.), или Болеслава, князя краковскаго. Впрочемъ, это не мѣшаетъ лѣтописцу приписывать успѣхъ какого либо дѣла Св. Николаю

или Св. Михаилу; образъ Пресв. Богородицы останавливаетъ успѣхъ Давиила и т. п. Наконецъ, правоучительныхъ сентенцій, изреченій слова Божія и ссылокъ на Священное Писаніе, кажется, еще меньше, чѣмъ въ Кіевской лѣтописи.

По художественности даваемыхъ ею образовъ Галицко-волинская лѣтопись, т. е. собственно часть ея, посвященная княженію Давиила, занимаетъ первое мѣсто между всѣми лѣтописями. На каждомъ шагу, при описаніи чуть ли не каждаго событія, рассказчикъ старается дать картину и часто успѣваетъ въ этомъ. Битва ли, военная игра, боярскія смуты — все это встаетъ въ лѣтописи передъ нами, какъ живое. Характеристики лицъ сдѣланы мастерски; иногда какимъ либо однимъ мѣткимъ выраженіемъ лѣтописецъ прекрасно обрисовываетъ извѣстную личность. Важнѣйшій образъ — конечно, Давииль, о которомъ лѣтописецъ говоритъ съ сильной любовью, когда онъ еще такъ молодъ былъ, что и матери своей не зналъ. Онъ слѣдитъ за всѣми его трудными дѣйствіями въ теченіи всей его жизни, съ тѣхъ поръ какъ онъ выучился ѣздить на конѣ, какъ за первые подвиги мужества получилъ похвалу и подарокъ, какъ онъ на Балкѣ получилъ глубокія раны и не чувствовалъ ихъ по своей молодости и силѣ, не спалъ сряду по три дня и по три ночи, какъ помогалъ ему Богъ на всѣхъ трудныхъ путяхъ жизни, вѣнчалъ его труды славой и честью. Очень характеристично то мѣсто, гдѣ лѣтописецъ говоритъ о путешествіи Давиила въ орду къ Батыю (подъ 6758 г.): О злѣ зла честь татарская! Давилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си инѣми странами: нынѣ сѣдять на колѣну и холопомъ называється, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходить. О злая честь татарская! Замѣчательно, говоритъ Аристовъ, что о Михаилѣ Святормъ, князѣ черниговскомъ, который боролся съ Давииломъ за Галичъ, лѣтописецъ отзывается несомнѣнно благоприятно (развѣм, особенно подъ 6746 г.) и весьма коротко говоритъ о его мученической кончинѣ въ ордѣ.

Очень художественны также рассказы о нашествіи татаръ и опустошеніи ими Галицкой Земли, о битвѣ подъ Ярославлемъ, о болѣзни Владиміра Васильковича и много другихъ мѣстъ.

Какъ памятникъ, составленный современниками изображае-

ныхъ событій, Галицко-волинская лѣтопись не можетъ хранить народныхъ преданій, но кое какія легенды случайно въ нее попасть могли. Такою легендою отзывается рассказъ объ основаніи города Холма Кн. Давидомъ Романовичемъ. Дашкевичъ приводитъ въ параллель къ этому рассказу еще нѣсколько преданій (Кіевск. унив. изв. 1882 г. № 2 стр. 53 прим. 4). Есть черты сходства съ этимъ преданіемъ въ народной легендѣ о постройкѣ города Каменца (Кіевская Старина 1884 г. № 5 стр. 17).

Слогъ Галицко-волинской лѣтописи тоже очень художественъ и во многихъ мѣстахъ напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ. Таково напр. мѣсто о Кн. Романѣ въ началѣ лѣтописи: По смерти же великаго Князя Романа, приснопамятнаго Самодержца всея Руси, одолѣвши всимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божиимъ, устремилъ бо ся баша на поганья яко и левъ, сердить же бысть яко и рысь, и губяше яко кроводиль, и прехожахе землю ихъ яко и орелъ, храбръ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья измалтяны, рекомыя половци, изгнавшу Отрока во Обезы за желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбую ожившю; тогда Володимерь Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю, и загнавшю оваянныя агарины. Или: . . . рѣдившюся Концаку, иже снесе Сулу, вѣшь ходя, котель нося на плечеву... Или: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко облаку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же влєкѣющимъ и плавающимъ крылома овоима и воспрометающимся на воздухъ (въ этомъ мѣстѣ чувствуется даже ритмъ). Или... щить ихъ яко заря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцу восходящу и мн. др.

Выраженія лѣтописи часто очень мѣткі и образны: сражались челомъ будто громъ грянулъ; шли камни съ забралъ, какъ дождь сильный; еще бо ему (Льву) не сошла оскомнина Телебужины рати и мн. др. Костомаровъ находилъ, что почти безпрестанное употребленіе въ лѣтописи дательнаго самостоятельнаго падежа уже показываетъ страсть къ образности и поэтическую натуру писателя. Но онъ находить, что хотя складъ лѣтописи блещетъ поэзіей (не поэзіей простоты первобытнаго рассказа, а цвѣтистой удалой раскидистой поэзіей, напоминающей Слово о полку Игоревѣ), но тѣмъ не менѣе Галицкая лѣтопись не отличается ясностью изложенія. Ея качество, можно

сказать, таково, что многія мѣста, взятія отдѣльными періодами, представляютъ изящный образъ, но въ соединеніи ихъ мало стройности; поэтому въ изложеніи, не смотря на поэтическій колоритъ разсказа, есть какая то тяжеловѣсность. Разсказъ о Владимірѣ Васильковичѣ напротивъ отличается чрезвычайною простотою и ясностью.

Любопытно, что въ Галицко-волинской лѣтописи встрѣчаются указанія на древнія пѣсни и древнихъ пѣвцовъ; а извѣстно, что этихъ указаній вообще чрезвычайно мало. Вотъ указанія лѣтописи: подъ 6749 г. упоминается словутыный пѣвецъ Митуса древле за гордость не восхотѣвшій служить Кн. Данилу, а потомъ раздранный, аки связень, къ нему приведенный ¹⁾.

Подъ 6759 г. освобожденные Даниломъ и Василькомъ изъ плѣна у Ятвяговъ «пѣснь славну пояху има».

Извѣстно еще указаніе на половецкаго пѣвца подъ 6709 году: По смертѣ же Володимеръ (Мономаха) оставшию у Сырчана (хана половецкаго) единому же гудъцю же Ореви, посла и въ Обези (къ загнанному туда Мономахомъ хану Отроку) река: «Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему мов словеса, пой же ему пѣсни половѣцкия; оже ти не восхочеть дай ему поуhati зелья, именемъ ешпанъ (или емшанъ). Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелья; оному же обухавшию и восплававшию рче: да луче есть во своей землѣ востью лечи, нали на чюже славну быти, и приде во свою землю.

Языкъ Галицко-волинской лѣтописи, какъ намъ кажется, будучи обычнымъ лѣтописнымъ языкомъ южной Руси, еще ближе къ нынѣшнему малороссійскому, что сказывается и въ сходствѣ словъ и особенно въ его фонетикѣ; впрочемъ этотъ вопросъ нуждается въ серьезномъ изслѣдованіи.

И въ Галицко-волинской лѣтописи, какъ сохранившейся въ Ипатьевскомъ спискѣ, примѣнно соображеніе П. Лавровскаго и Колосова, что она переписана гдѣ либо въ сѣверной Руси. О языкѣ этой лѣтописи, кромѣ указанныхъ уже по поводу прежнихъ лѣтописей общезавѣстныхъ сочиненій Макси-

¹⁾ Впрочемъ Максимовичъ, кажется, правильно думаетъ, что Митуса былъ церковный пѣвчій (см. замѣтку о Митусѣ соч. М.—ча I, 129).

мовича, Лавровскаго, Колосова и Житецкаго, недавно напечатаны еще замѣчанія Соболевскаго (Очерки изъ исторіи русскаго языка стр. 64—66); но неособенно существенныя и тоже касающіяся всего Ипатьевскаго списка.

Дашкевичъ отмѣчаетъ, что, судя по языку, рассказъ о Владимірѣ Васильевичѣ написанъ на Волини, напр. р. Санъ называется Санъ. Линиченко же указываетъ на множество польскихъ и латинскихъ словъ въ этой лѣтописи. Наконецъ, приписки въ концѣ лѣтописи, по мнѣнію Костомарова, отличаются языкомъ позднѣйшимъ, напр. Крижаки прусскіе Кгданскъ взяли и збурили; Люблинъ ляхи отшукали отъ Руси и т. д. Это дѣйствительно языкъ юго-западныхъ русскихъ памятниковъ болѣе поздняго времени.

Указатели къ Галицко-волинской лѣтописи тѣже, что и къ Кіевской (см. выше стр. 180). Къ сожалѣнію, даже при бѣгломъ обзорѣ нами замѣчены были ошибки въ указателяхъ къ изданію 1871 г. Ипатьевскаго списка лѣтописи, напр. г. Глѣбовъ смѣшанъ съ Глѣблемъ и др. ¹⁾

Замѣчаніе Лашинкова относительно значенія Галицко-волинской лѣтописи для топографіи Юго-западной Руси приведено нами выше (стр. 180).

Галицко-волинская лѣтопись, какъ мы уже сказали, дошла до насъ всего одна; однако о волинско-галицкихъ дѣлахъ существовала и другая лѣтопись, которою пользовался Татищевъ, знавшій изъ разбираемой лѣтописи лишь начало (характеристику Романа). Но лѣтопись извѣстная Татищеву, по мнѣнію Дашкевича, едва ли была писана въ Галичѣ или на Волини, такъ какъ въ ней въ подробностяхъ, отсутствующихъ въ Галицко-волинской лѣтописи, встрѣчаются нерѣдко неточности въ въ извѣстіяхъ, понятныя только при отдаленности лѣтописца отъ пунктовъ, въ которыхъ совершались описываемыя событія.

Нѣкоторыя Галицко-волинскія извѣстія находятся въ одной изъ позднѣйшихъ южно-русскихъ лѣтописей, такъ называемой Густинской; но эти извѣстія взяты изъ той же лѣтописи, какъ и находящіяся въ Ипатьевскомъ спискѣ, только позднѣйшей редакціи. Мы скажемъ о нихъ въ то время, когда будемъ говорить о Густинской лѣтописи.

¹⁾ Молчановскій (Очерки Подольской земли стр. 148) указываетъ, подъ 1255 г. изъ слова маліи сдѣлано собственное имя Малій, что совершенно извратило смыслъ мѣста.

Дополненія къ I выпуску.

Къ стр. 9: Для греческой логографіи смотри на русскомъ языкѣ новое сочиненіе Шеффера: Очерки греческой исторіографіи—Кіевскія университетскія извѣстія за 1884 годъ.

Къ стр. 15: Для исторіи Сократа и Созинена вышли новыя сочиненія Іеона и Гарнака: см. Прибавл. къ творен. Св. Отц. 1885 г. II, А. Д.

Къ стр. 18: Г. Голубовскій въ рецензіи на 1-й выпускъ моего труда о лѣтописяхъ (Кіевская Старина 1883 г. № 8) указалъ, что древніе польскіе лѣтописцы не знали русскіхъ лѣтописей. Я дѣйствительно употребилъ неточное выраженіе: такихъ польскіхъ писателей, какъ Длугошъ, а тѣмъ болѣе Стрыйковскій, неудобно называть *древними* лѣтописцами. Впрочемъ, я имѣлъ въ виду еще и Кадлуба, жившаго въ началѣ XIII вѣка; но онъ, можетъ быть, русской лѣтописи не зналъ, а писалъ о галицкихъ событіяхъ, какъ очевидецъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о знакомствѣ польскіхъ лѣтописцевъ съ русскими лѣтописями нуждался бы въ особомъ изслѣдованіи.

Къ стр. 20: О польскіхъ лѣтописяхъ есть сочиненіе Смолики Польскія лѣтописи до начала XIV вѣка.

Къ стр. 22: Есть еще и грузинскія лѣтописи, о которыхъ см. въ статьѣ Патканова: О ванскіхъ надписяхъ (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 12), но онѣ очень поздняго времени.

Къ стр. 40: И. Тихомировымъ написаны еще 2 статьи: О псковской лѣтописи (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 10) и О Лаврентьевской лѣтописи (ibid. 1884 г. № 10). Последнее заглавіе, впрочемъ, неточно; рѣчь идетъ о такъ наз. Суздальской лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Затѣмъ недавно явилось небольшое изслѣдованіе — О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода І. Сенигова (Ж. М. Пр. 1884 г. № 6).

Къ стр. 71 и далѣе, въ вопросу объ оофициальности лѣтописей: Можно привести еще аналогичныя примѣры пользованія лѣтописями; но и они точно также не даютъ никакого доказательства оофициальности лѣтописей:

Въ первой Псковской лѣтописи подъ 7018 г. записана ссылка псковичей на лѣтописцевъ при переговорахъ съ дьякомъ, присланнымъ В. Княземъ Василиемъ Ивановичемъ.

Западно-русскіе епископы, избирая митрополитомъ Григорія Цамблака, ссылались на примѣръ избранія кievскаго митрополита соборомъ при В. Князѣ Ізяславѣ кievскомъ: «то нашли ясно написано стоитъ въ лѣтописцѣхъ русскихъ, въ кievскомъ и володимирьскимъ и въ иныхъ» (Акты Зап. Россіи т. I, стр. 36).

Выдубецкіе монахи, споря въ 1656 г. съ новопечерскими о правѣ владѣнія на перевозъ черезъ р. Днѣпръ противъ устья р. Лыбеда, приводили въ доказательство переправу Кн. Василья Ростиславича въ 1097 г., «беручи» этотъ «доводъ Несторомъ крѣйнигаромъ, або лѣтописцомъ печорскимъ кievскимъ за фундаментъ sprawy своея» (Кievск. Стар. 1882 г., № 11, стр. 369).

Недавно за официальность псковскихъ лѣтописей высказался Тихомировъ, въ указанной выше статьѣ О псковской лѣтописи (стр. 235, примѣчаніе): «Можетъ быть официальнымъ характеромъ псковскихъ лѣтописей объясняется то, что въ нихъ вошло посланіе Симеона митрополита о попѣхъ, о которомъ замѣчено: «а сія грамота легла предъ посадники псковскими и священники у лавицы августа въ 11 день». Это посланіе, конечно, имѣло чисто официальный характеръ. Посланіе игумена Памфила вошло въ лѣтопись, какъ адресованное псковскому наместнику».

Для насъ все это болѣе убѣдительно, чѣмъ замѣчаніе Костомарова, о которомъ мы говорили на стр. 76; мало ли какіе официальные акты могли найти себѣ мѣсто въ лѣтописахъ.

Къ стр. 92: Въ pendant къ окончанію того послѣсловія, которымъ завершается Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, приведенъ приписку въ одномъ прологѣ: «Вы же господы, когда кто коли чтете, да еще гдѣ будемъ описалися или преступили собою, исправнице чтите, а насъ многогрѣшныхъ не клените Бога дѣля. Аминь». (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 5, Критика, стр. 73). Въ такоужъ же родѣ послѣсловіе и къ одному изъ прологовъ, приведенное Срезневскимъ въ Славяно-русской палеографіи стр. 190.

Къ стр. 103. Впрочемъ Лаврентьевскій и Троицкій списки лѣтописи не сходятся въ хронологіи; такъ въ Троицкомъ спискѣ 6393 г. соединенъ съ слѣдующимъ 6394, почему съ этого года

Лаврентьевскій списокъ относительно Троицкаго идетъ на годъ впередъ до 6453 г., когда хронологія обоихъ списковъ опять становится согласною.

Къ стр. 106: Переводъ Бѣлевскаго, кажется, сдѣланъ въ сущности Вагилевичемъ (см. Киевск. Стар. 1883 г. № 7, статья Я. Г. (т. е. Головацкаго) о Вагилевичѣ стр. 466.

Изъ новыхъ переводовъ Древней лѣтописи укажемъ на только что (въ 1884 г.) вышедшій французскій переводъ съ комментаріями Луи Леже; но при пользованіи имъ необходимо имѣть въ виду и поправки къ нему, сдѣланныя въ рецензіи Бестужева-Рюмина (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. № 10).

Къ стр. 111—112: Для сопоставленія житій Св. Бориса и Глѣба см. Киевск. Стар. 1885 г. № 6 М. Андріевскаго Давыдова Боженка.

Къ стр. 131: О Меодіѣ Патарскомъ есть специальная статья Модестова въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ за 1857 г. Смотри также извѣстное изслѣдованіе А. Веселовскаго: Объ исторіи развитія христіанской легенды.

Къ стр. 137: О спискахъ Георгія Амортала есть особый этюдъ Де Боара (см. о немъ Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 12, Критика, стр. 489).

Къ стр. 138: Относительно извѣстія лѣтописи о волхвѣ Кунопѣ подъ 6578 г. см. Терновскій: Изученіе вѣлантійской исторіи вып. 1-ый, стр. 50, примѣч. 2; впрочемъ авторъ не высказывается окончательно.

Къ стр. 144—145: Срезневскій однако указываетъ, что въ лѣтописномъ житіи Свв. Кирилла и Меодія есть свѣдѣнія, въ паннонскихъ житіяхъ не находящіяся, и приводитъ выдержки (Ж. М. Н. Пр. 1882 г. № 8, Славяно-русская палеографія, ст. 2-я, стр. 301 и слѣд.).

Къ стр. 145: Для сказанія о хожденіи Апостола Андрея см. еще Труды кievскаго археологическаго съѣзда стр. LXIV изложеніе реферата В. И. Григоровича.

Къ стр. 146: Какъ курьезно понимали впоследствии, именно въ XVI в., лѣтописное извѣстіе о расселеніи славянъ—см. Замысловскаго Герберштейнъ стр. 56.

Къ стр. 149: Относительно народныхъ преданій объ обрахъ см. Симашкевича историко-географическій и этнографическій очеркъ Подолія, вып. 2-ой, стр. 29.

Къ стр. 151—152: Въ собр. сочиненій Якущина есть много преданій о Юриѣ, Ольгѣ и т. д.; но они имѣютъ уже нижнее происхожденіе.

Къ стр. 152: Способъ, каковымъ былъ умерщвленъ древлянами Игорь, практиковался, по видимому, у весьма различныхъ народовъ. Такъ былъ казненъ римскій солдатъ Императоромъ Аврельяномъ (Гиббонъ I, 380); такъ же былъ убитъ въ царствованіе И. Валента тиранъ Прокопій (ibid. III, 77, примѣч. 3). Въ Отечественн. Запискахъ 1865 г. въ статьѣ Кузьма—мордовскій богъ, указывается, что подобнымъ же способомъ въ началѣ XIX в. убитъ мордовою исправникъ; впрочемъ этотъ фактъ опровергается (см. Истор. Вѣстникъ 1884 г. № 9, стр. 479). Такимъ же способомъ былъ убитъ недавно въ Сибири своими товарищами бродягами извѣстный преступникъ Горскій (Русская Мысль 1883 г. № 11, Сибирскіе колонизаторы, стр. 301).

Къ стр. 153: Въ pendant по словамъ Добрыни (подъ 6493 г.) по поводу камскихъ болгаръ: суть вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти; поидемъ искати лапотниковъ,—можно привести рассказъ о Робертѣ Тюискарѣ. Когда онъ шолъ на завоеваніе южной Италіи, то говорилъ братьямъ, что страна эта обильна веѣми дарами природы, что люди въ ней невоинственны и ходятъ на деревянныхъ ногахъ т. е. въ деревянныхъ башмагахъ. Нами этотъ рассказъ взятъ изъ одной статьи А. Веселовскаго.

Къ стр. 155—156: Дашкевичъ сближаетъ рассказъ о крещеніи Св. Владиміра съ извѣстіемъ о крещеніи Ягейла, и находитъ черты сходства—Кіевск. ун. изв. 1885 г. № 5, стр. 205.

Къ стр. 161: Относительно рассказа лѣтописи о Югрѣ см. еще статью Латкина—Пятисотлѣтіе зырянскаго края (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 12, стр. 300 и д.) и Герберштейнъ Замысловскаго (стр. 84).

Стр. 161: Такое же мнѣніе относительно рассказа объ убійствѣ Итлара недавно высказано Голубовскимъ (Кіев. унив. изв. 1883 г. № 9, Печенѣги, торги и половцы стр. 413).

Къ стр. 180: Много мелкихъ замѣчаній о языкѣ Древней лѣтописи разсыпано въ статьяхъ по филологіи Максимовича, нынѣ собранныхъ во II томѣ его сочиненій.

Определение азимута Покровской церкви на Одесской Астрономической обсерватории.

Кандидата Ив. Ю. Тимченко.

Определение азимута Покровской церкви было сделано посредством универсального инструмента Рейсольда. Инструментъ этотъ располагался на каменномъ столбикѣ, находящемся въ меридианѣ центра меридіональнаго круга на 26,25 метровъ къ сѣверу отъ сего послѣдняго, что составляетъ въ секундахъ широты $+0''{,}87$.

Географическая широта обсерваторіи, какъ показано въ «Berliner Astronomisches Jahrbuch» für 1885 а. 371 = $+46^{\circ} 28' 36''{,}2$ слѣдовательно, для центра инструмента она равна

$$+46^{\circ} 28' 37''{,}07.$$

Долгота (восточная) отъ Берлина по «Berl. Astr. Jahrbuch» равна

$$1^{\text{h}} 9^{\text{m}} 27^{\text{s}}, 5.$$

Столбикъ врытъ въ землю и окруженъ разобщеннымъ съ нимъ деревяннымъ помостомъ для наблюдателя, такъ что инструментъ можетъ чувствительно передвинуться только при непосредственномъ толчкѣ или весьма сильномъ сотрясеніи помоста.

Инструментъ снабженъ ломаной трубой и двумя кругами, горизонтальнымъ и вертикальнымъ. Такъ какъ вертикальный кругъ служилъ только для отысканія наблюдаемыхъ предметовъ, то мы въ дальнѣйшемъ подъ словомъ «кругъ» будемъ разумѣть только кругъ горизонтальный. Кроме того для нивелировки горизонтальной оси употреблялся еще уровень. За величину

одного дѣленія въ секундахъ было принято число означенное на самомъ уровнѣ и равное 5".

Горизонтальный кругъ накрѣпко соединенъ съ верхней вращающеюся частью инструмента и раздѣленъ черезъ каждыя 4 минуты. Для отсчитыванія минутъ и секундъ служатъ два диаметрально противоположныхъ микроскопа приврѣпленныхъ къ нижней неподвижной части инструмента. На этой же части находится указатель для отсчитыванія градусовъ. Мы будемъ называть тотъ изъ микроскоповъ, который ближе къ указателю 1-мъ, а другой микроскопъ—2-мъ. Каждому дѣленію круга соотвѣтствуютъ почти два оборота микрометрическаго винта, и такъ какъ барабаны этихъ винтовъ раздѣлены на 60 частей, то одно дѣленіе микрометра равно приблизительно 2".

Кромѣ того положеніе указателя микроскопа противъ барабана можно опредѣлить на глазъ съ точностью до 10-хъ и даже 20-хъ частей дѣленія.

Для изслѣдованія возможныхъ ошибокъ дѣленій круга былъ произведенъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1885 года рядъ наблюденій, состоявшихъ изъ одновременныхъ отсчетовъ по двумъ диаметрально противоположнымъ микроскопамъ при наведеніи ихъ на различные штрихи дѣленій. Эти наблюденія производились въ комнатахъ въ одно и тоже время дня и приблизительно при одной и той-же температурѣ; инструментъ при этомъ передвигался лишь настолько, насколько это было необходимо для равномернаго освѣщенія штриховъ подѣ обоими микроскопами. Указатель наводился на дѣленія 0° , 5° , 10° ... и т. д. черезъ каждыя пять градусовъ до 355° , что составляетъ всего 72 наведенія, сдѣланныхъ въ 6 пріемовъ: 29 марта, 1, 2, 3, 8 и 10 апрѣля. Каждый отсчетъ брался какъ среднее арифметическое изъ 4-хъ наведеній и приводился въ градусную величину слѣдующимъ образомъ: пусть a есть отсчетъ микроскопа при наведеніи на штрихъ, стоящій передъ нульпунктомъ, а b отсчетъ при наведеніи на штрихъ за нульпунктомъ микроскопа, тогда называя градусную величину отсчета черезъ τ , получимъ:

$$(1) \dots \dots \tau = (a+b) \left\{ 1 + \frac{\sum (b-a)}{120.n} \right\},$$

гдѣ знакъ \sum распространяется на всѣ n наблюденій; n въ данномъ случаѣ было равно 72; для величины

$$\mu = \frac{\Sigma(b-a)}{120.n}$$

были найдены слѣдующія числа :

для 1-го микроскопа $\mu = -0,0026$.

» 2-го » $\mu = -0,0015$.

Эти наблюденія даютъ возможность опредѣлить разстоянiе микроскоповъ (нульпунктовъ), эксцентрицитетъ круга и среднюю величину ошибокъ его дѣлений.

Называя черезъ z —отсчетъ круга въ градусахъ, e — величину эксцентрицитета въ секундахъ, E — постоянную величину, а черезъ a — разстоянiе между микроскопами безъ 180° мы будемъ имѣть

$$a + 2e \sin(z + E) = n,$$

гдѣ n есть разность между показанiями 2-го и 1-го микроскоповъ. Мы составимъ такимъ образомъ 72 условныхъ уравненiя для опредѣленiя 3-хъ неизвѣстныхъ a , e и E . Нормальныя уравненiя этой системы какъ извѣстно суть слѣдующiя :

$$72 a = \Sigma n_m,$$

$$72 e \sin E = \Sigma n_m \cos 5^0 m,$$

$$72 e \cos E = \Sigma n_m \sin 5^0 m,$$

гдѣ m принимаетъ значенiя 0, 1, 2, 3, 72.

Вычисляя затѣмъ величину $a + 2e \sin(z + E)$ для всѣхъ дѣлений $0,5^\circ$ и т. д. до 355° и вычитая полученные результаты изъ соответственныхъ наблюденныхъ n , мы получимъ рядъ чиселъ, каждое изъ которыхъ равно суммѣ ошибокъ дѣлений подъ обоими микроскопами и ошибкамъ отсчетовъ по микроскопамъ. Называя эти числа черезъ v , мы находимъ по правиламъ исчисленiя погрѣшностей, для средней величины этихъ ошибокъ.

$$E = \sqrt{\frac{[vv]}{71}},$$

для средней же ошибки дѣленія подѣ однимъ микроскопомъ:

$$E_1 = \frac{1}{\sqrt{2}} \cdot E.$$

Въ таблицѣ I находятся полученные такимъ путемъ результаты. Въ столбцѣ z означены дѣленія, на которыя наводились микроскопы; въ столбцахъ n наблюдаемыя разности между отсчетами 2-го и 1-го микроскоповъ; въ слѣдующихъ двухъ столбцахъ — произведенія $n \cos z$ и $n \sin z$.

Подѣ n_1 находятся вычисленные значенія величины

$$\alpha + 2e \sin(E + z),$$

и наконецъ подѣ v упомянутыя ошибки, а подѣ vv ихъ квадраты. Средняя величина ихъ какъ видно изъ той же таблицы равна

$$\pm 2'',44,$$

а средняя величина ошибки одного дѣленія

$$\pm 1'',73.$$

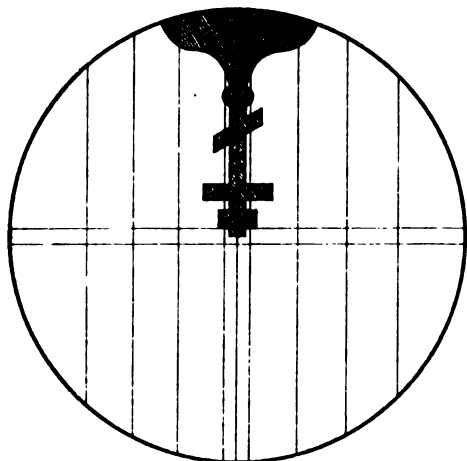
Чтобы по возможности исключить вліяніе этихъ ошибокъ, опредѣленіе азимута было сдѣлано на двадцати равноотстоящихъ другъ отъ друга дѣленіяхъ круга. Съ этой цѣлью послѣ каждаго ряда наблюденій достаточныхъ для одного полного опредѣленія, инструментъ поворачивался на 18° , такъ что полный кругъ наблюденій долженъ былъ заключать въ себѣ 10 рядовъ.

Въ первомъ ряду инструментъ поставили такъ, чтобы онъ былъ въ возможно болѣе устойчивомъ положеніи и чтобы наклонность горизонтальной оси была какъ можно меньше. Указатель пришелся тогда противъ дѣленія $295^\circ 40'$. Каждый рядъ состоялъ изъ наведеній на Покровскую церковь и на полярную звѣзду. При наблюденіяхъ звѣзды, кромѣ отсчетовъ горизонтальнаго круга опредѣлялся еще моментъ наведенія и наклонность горизонтальной оси. Наблюденія производились при обоихъ положеніяхъ (правомъ и лѣвомъ) вертикальнаго круга — для исключенія вліянія коллимаціонной ошибки.

Въ фокусъ трубы натянута 9 вертикальныхъ нитей и двѣ горизонтальныя. Изъ этихъ 9-ти вертикальныхъ 3 находятся по

средины очень близко одна отъ другой, а съ двухъ сторонъ натянуто по 3 нити на болѣе широкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга.

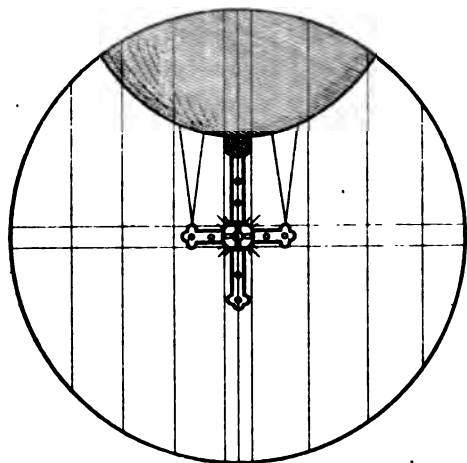
Рис. 1.

Труба наводилась на крестъ колокольни Покровской церкви: крестъ этотъ не вполне вертикаленъ, поэтому онъ всегда приводился въ такое положеніе относительно нитей, какое указано на рис. 1: верхній край креста дѣлится промежуткомъ между горизонтальными нитями пополамъ и самъ разсѣивается на двѣ равныя части средней вертикальной нитью.

Такимъ образомъ опредѣлялся собственно азимутъ середины верхняго края креста.

Рис. 2.

Кромѣ того, для контроля, при благоприятныхъ условіяхъ дѣлались наведенія на центръ креста на куполь Католической церкви, отстоящей отъ перваго креста почти на 8° къ сѣверу (рис. 2). Наблюденія каждаго ряда производились въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Вертикальный кругъ право.

1) Наведеніе на Покровскую церковь, отсчеты указателя и микроскоповъ.

2) Наведеніе на Католическую церковь.

Тоже.

3) Наведеніе на полярную звѣзду.

Когда звѣзда отыскана, уровень ставится вилообразными ножами на цапфы; звѣзда микрометрическими винтами приводится весьма близко къ средней вертикальной нити, такъ чтобы она прошла черезъ нее приблизительно по срединѣ между 2-мя горизонтальными нитями.

Опредѣленіе момента прохожденія по хронометру.

Отсчетъ уровня. Переглядка его и новый отсчетъ. Затѣмъ уровень снимается съ цапфовъ и производятся отсчеты указателя и микроскоповъ.

4) Вторичное наведеніе на полярную звѣзду.

Тоже.

5) Наведеніе на Католическую церковь.

Отсчеты микроскоповъ.

6) Наведеніе на Покровскую церковь.

Тоже.

II. Вертикальный кругъ лѣво.

Тоже.

Всѣ наведенія, какъ нитей микроскоповъ на штрихи дѣленій, такъ и нитей трубы на наблюдаемые предметы производились *исключительно завинчиваніемъ* микрометрическихъ винтовъ, для избѣжанія погрѣшностей въ отсчетахъ, могущихъ произойти отъ неполнаго дѣйствія пружинъ въ микрометрахъ, какъ это бываетъ при *развинчиваніи*.

Такихъ наблюденій было сдѣлано 11 рядовъ: 12, 13, 14, 16, 18, 21, 25, 26 августа и 7, 8 и 10 сентября 1885 года. 10 изъ нихъ было при различныхъ положеніяхъ горизонтальнаго круга сообразно съ вышесказаннымъ; сверхъ того, такъ какъ въ 7-мъ ряду вслѣдствіе тумана ни Покровская, ни Католическая церковь не были видны при 2-мъ наблюденіи кругъ лѣво и нельзя было быть увѣреннымъ въ томъ, что инструментъ не передвинулся, то этотъ рядъ былъ повторенъ 25 августа. Въ первомъ ряду для наблюденій времени служилъ звѣздный хронометръ «Dent 2284», во всѣхъ прочихъ средній—«Knoblich 1800».

Они всегда сравнивались до и послѣ наблюденій съ нормальными часами обсерваторіи посредствомъ тринадцатибой-

щика «Wipen 82». Таблицы II и III содержатъ въ себѣ эти сравненія. Таблица II' даетъ поправки нормальныхъ часовъ найденныя изъ наблюдений переноснымъ пассажнымъ инструментомъ, расположеннымъ недалеко отъ столбика, на которомъ производились наблюдения, на одной съ нимъ широтѣ.

Верхняя строка въ каждомъ сравненіи заключаетъ въ себѣ одновременныя показанія нормальныхъ часовъ и тринадцатибойщика, нижняя—хронометра и тринадцатибойщика.

12 августа, 25, 26 августа, 7, 8 и 10 сентября каждое сравненіе дѣлалось для средняго ариметическаго изъ двухъ показаній. Эти показанія заключены въ 1-хъ четырехъ вертикальныхъ столбцахъ; въ 5-мъ и 6-мъ помѣщены ихъ среднія ариметическія. Затѣмъ слѣдуетъ разность одновременныхъ показаній нормальныхъ часовъ и тринадцатибойщика, надъ нею поправка нормальныхъ часовъ, далѣе поправка тринадцатибойщика и исправленное среднее показаніе, соответствующее среднему—хронометра. Для хронометра «Dent 2284» имѣющаго малый суточный ходъ (около 1') достаточно было пользоваться для всего вечера одною и тою же среднею поправкою. Для хронометра «Knoblich 1800» нужно было вычислять отдѣльно объ поправки,—въ началѣ и концѣ вечера и ходъ его въ одну минуту (см. δК на табл. II и III).

Отсчеты круга производились одновременно по обоямъ микроскопамъ и приводились въ градусную величину по формулѣ

$$\tau = \frac{a+b+a'+b'}{2} \cdot (1+\mu);$$

a и b имѣютъ здѣсь тѣже значенія, что и въ формулѣ (1), a' и b' суть ихъ величины для 2-го микроскопа;

$$\mu = \frac{\Sigma(b-a) + \Sigma(b'-a')}{2.120.n},$$

гдѣ n число наблюдений, на которыя распространяется суммирование. При такомъ приведеніи отсчетовъ какъ извѣстно исключается вліяніе эксцентриситета.

Въ таблицахъ V и VI помѣщены показанія индекса и микроскоповъ для всѣхъ рядовъ. Въ первыхъ столбцахъ обозна-

чены наблюдаемые предметы: знак + означает Погровскую, ++—Католическую церковь, а * —полярную звезду. Во втором столбцѣ находятся градусы, минуты и число цѣлыхъ оборотовъ микрометра.

Затѣмъ b и b' , a и a' , $b-a$ и $b'-a'$ (b , a ... выше, а b' , a' ... ниже) и наконецъ величина $\frac{a+b+a'+b'}{2}$. Въ тѣхъ же таблицахъ записаны значенія μ вычисленные для каждаго ряда отдѣльно.

Дѣленія на кругѣ нанесены въ направленіи обратномъ движенію часовой стрѣлки; Погровская церковь расположена къ западу отъ обсерваторіи, такъ что отсчеты при наведеніи на звезду были больше чѣмъ при наведеніи на церковь.

Поэтому удобно было считать азимуты отъ сѣвера черезъ западъ отъ 0° до 90° и черезъ востокъ отъ 0° до -90° . При такомъ счетѣ и описанномъ устройствѣ инструмента азимутъ предмета, какъ извѣстно изъ теоріи Универсальнаго инструмента найдется по формулѣ:

$$A = K_* - K_n + a + i \operatorname{Cotg} z + c \operatorname{Cosec} z,$$

гдѣ

- K_* —отсчетъ круга при наведеніи на звезду,
 K_n — » » » » предметъ,
 a —азимутъ звезды.
 i —наклонность лѣваго конца уровня.
 z —зенитное разстояніе звезды.
 c —коллимационная ошибка.

Знакъ + надо брать при положеніи кругъ право, а — при кругѣ лѣво.

Азимутъ полярной звезды легко вычислить, когда извѣстенъ моментъ наблюденія и координаты свѣтила для этого момента. Въ таблицѣ IV (см. Вспомогательныя таблицы) даны видимыя склоненіе (δ) и прямое восхожденіе (α) для различныхъ рядовъ наблюденій. Числа эти высчитаны по даннымъ, помѣщеннымъ въ «Berliner Astronomisches Jahrbuch» für 1885 s. s. 202 und 204; при этомъ для долей секунды въ α даны 2 числа; первое относится къ наблюденіямъ при К. II., второе при К. А. Въ этой же таблицѣ даны звездныя времена въ средній полдень (Berliner Astr. Jahrb. f. 1885 s. s. 45 und 51)

для вычисленія часовыхъ угловъ по среднимъ временамъ наблюдений.

Всего удобнѣе вычислять азимуть по аналогіямъ Непира:

$$\operatorname{tang}^{1/2}(a+q) = \operatorname{Cotg}^{1/2} t \frac{\operatorname{Cos}^{1/2}(\varphi-\delta)}{\operatorname{Sin}^{1/2}(\varphi+\delta)},$$

$$\operatorname{tang}^{1/2}(a-q) = \operatorname{Cotg}^{1/2} t \frac{\operatorname{Sin}^{1/2}(\varphi-\delta)}{\operatorname{Cos}^{1/2}(\varphi+\delta)},$$

гдѣ a —есть азимуть звѣзды.

q —параллактическій уголъ.

t —часовой уголъ въ градусахъ.

φ —географическая широта мѣста наблюденія.

δ —склоненіе.

Величины $B = \frac{\operatorname{Cos}^{1/2}(\varphi-\delta)}{\operatorname{Sin}^{1/2}(\varphi+\delta)}$ и

$$C = \frac{\operatorname{Sin}^{1/2}(\varphi-\delta)}{\operatorname{Cos}^{1/2}(\varphi+\delta)}$$

можно принять за постоянныя втеченія одного ряда наблюдений. Составивъ для B и C таблицу съ аргументомъ δ , можно интерполировать ихъ значенія для каждаго даннаго вечера. Табличка IV', заключаетъ въ себѣ $\log B$ и $\log C$ для значеній δ отъ $88^\circ 41' 30''$ до $88^\circ 41' 50''$, черезъ каждыя $5''$, разности и пропорціональныя части для $1'', 2'', \dots 9''$.

Приведемъ для примѣра вычисленіе одного изъ азимутовъ въ 3-мъ ряду:

К. А.

Показ. хрон.	7 ^h 52 ^m 43 ^s , 00
Попр. хрон.	— 24 52, 84
Сред. время	7 27 50, 16
прив. къ зв. вр.	1 13, 56
зв. вр. въ ср. полд.	9 31 56, 94
зв. время	17 1 0, 86
α	1 17 44, 41
t въ часахъ	15 ^h 43 ^m 16 ^s , 25
t въ град.	235° 49' 3'', 75
$1/2 t$ въ град.	117° 54' 31'', 87

$\lg \operatorname{Ctg} \frac{1}{2} t$	$n \bar{1}, 724 \ 00 \ 58$
$\log B$	$0, 003 \ 95 \ 39$
$\log C$	$n \bar{1}, 975 \ 18 \ 16$
$\lg \operatorname{tg} \frac{1}{2} (a+q)$	$n \bar{1}, 727 \ 95 \ 97$
$\lg \operatorname{tg} \frac{1}{2} (a-q)$	$\bar{1}, 699 \ 18 \ 74$
$a+q$	$- 28^{\circ} \ 7' \ 30'', 57$
$a-q$	$+ 26 \ 34 \ 35, 49$
a	$= - 1^{\circ} \ 32' \ 55'', 08$

Полученные такимъ образомъ азимуты, вычисленные для видимыхъ координатъ свѣтила нужно еще снабдить поправкой на суточную абerraцію; принимая величину солнечнаго параллакса равною

$$8'',85,$$

мы будемъ имѣть для этой поправки, при условленномъ счетѣ азимутовъ

$$da = -0'',32 \frac{\operatorname{Cos} \varphi \cdot \operatorname{Cos} a}{\operatorname{Sin} z},$$

или, такъ какъ для полярной звѣзды уголъ a —очень малъ:

$$da = -0'',32 \cdot \operatorname{Cos} \varphi \cdot \operatorname{Cos} \varepsilon z.$$

Въ таблицѣ IV''—даны значенія этой поправки, а также коэффициентовъ при i и s для различныхъ часовыхъ угловъ.

Итакъ, мы рассмотрѣли способы, которыми были получены всѣ величины, необходимыя для вычисленія искомаго азимута. Главнѣйшія изъ этихъ данныхъ занесены въ таблицы VII, VIII и IX. Значенія помѣщенныхъ въ нихъ чиселъ не требуютъ особаго разъясненія. Каждый рядъ наблюденій даетъ одинъ азимутъ, свободный отъ вліянія коллимаціонной ошибки. Эти азимуты, снабженные сверхъ того поправками на наклонность горизонтальной оси и суточную абerraцію помѣщены въ предпоследнихъ столбцахъ. Кромѣ того каждое отдѣльное наблюденіе Католической церкви даетъ угловое разстояніе ея отъ Покровской. Эти углы находятся въ послѣднихъ столбцахъ упомянутыхъ таблицъ. Взявъ среднее арифметическое 11-ти най-

денныхъ азимутовъ (таблица X), мы получимъ: $83^{\circ} 39' 23'',50$ и для квадрата средней ошибки отдѣльнаго опредѣленія: $10'',3006$. Величины 4-хъ изъ азимутовъ (во 2-мъ, 3, 4 и 7 ряду) замѣтно уклоняются отъ прочихъ и потому подлежатъ сомнѣнiю. Прилагая къ данному случаю критерiй Рейссе'а мы найдемъ, что только одинъ изъ нихъ, а именно: $83^{\circ} 39' 31'',00$ —можетъ быть отброшенъ. Вычисливъ затѣмъ среднее арифметическое новой системы значенiй, мы не найдемъ уже сомнительныхъ результатовъ. Средняя погрѣшность отдѣльнаго опредѣленія въ этой новой системѣ ($\pm 2'',14$)—не превышаетъ средней ошибки дѣлений подъ 2-мя микроскопами ($\pm 2'',44$). Между угловыми разстоянiями Католической и Покровской церкви нѣтъ ни одного сомнительнаго.

Такимъ образомъ мы получаемъ для азимута Покровской церкви :

$$83^{\circ} 39',22''75,$$

съ вѣроятной погрѣшностью $\pm 0'',45$, а для угла между Покровской и Католической церквами :

$$8^{\circ} 4' 41'',85.$$

съ вѣроятной погрѣшностью $\pm 0'',19$.

1885 г.
Сентябрь.

δ	η
0°	45''
5	46,
10	51,
15	54,
20	57,
25	58,
30	60,
35	63,
40	66,
45	67,
50	69,
55	72,
60	76,
65	80,
70	83,
75	83,
80	87,
85	89,

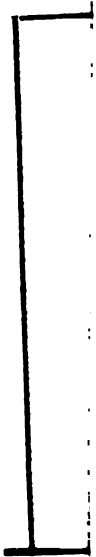

2:

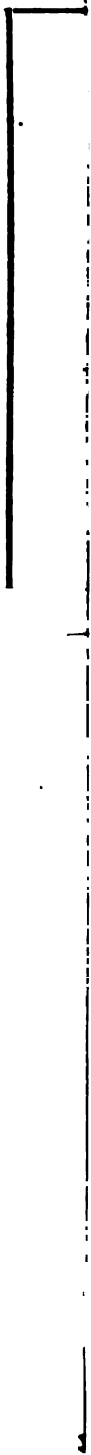
N|4 51
K|5 20

N|7 28
K|7 54

2

Прех.
+
++
*
К.П.
*
++
+

Полож. ннстр.	Предм.
К.П.	† †† * * †† † † †† * * †† †
К.Л.	

Полож.
инстр.

К. П.

К. Л.

Образованіе грозъ на югѣ Россіи.

Экстраорд. проф. Коссовскаго.

Для изученія условій образованія грозъ на югѣ Россіи мы имѣемъ весьма богатый наблюдательный матеріалъ, собранный въ 1884 и 1885 годахъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. Густая сеть дождевыхъ и грозовыхъ станцій устроена въ этомъ уѣздѣ трудами и неутомимой энергіей завѣдывающаго мѣстной метеорологической станціей Л'авріла Яковлевича Близнаина. Вообще нужно замѣтить, что метеорологическое дѣло достигло въ Елисаветградскомъ уѣздѣ огромнаго развитія; при реальномъ училищѣ существуетъ, во первыхъ, образцовая метеорологическая станція, на которой, кромѣ обыкновенныхъ срочныхъ наблюденій, опредѣляютъ также испареніе съ поверхности воды и температуру почвы на различныхъ глубинахъ; метеорологическая станція, получаетъ, время отъ времени, изъ петербургской главной физической обсерваторіи предостереженія о предстоящихъ рѣзкихъ переменахъ погоды; бюллетени эти публикуются во всеобщее свѣдѣніе и рассылаются въ различные пункты уѣзда. Завѣдывающій станціей, г. Близнаинъ, устроилъ, наконецъ, весьма густую сеть грозовыхъ и дождевыхъ станцій, которыя еункціонируютъ съ января 1884 года. Эти громадныя успѣхи достигнуты совокупными усиліями просвѣщеннаго мѣстнаго земства и неутомимаго руководителя метеорологическаго дѣла въ уѣздѣ Г. Я. Близнаина. Г. Близнаинъ имѣлъ любезность предоставить въ мое распоряженіе собранные имъ матеріалы относительно осадковъ и грозъ; въ настоящей статьѣ изложены главнѣйшіе результаты, добытые мною относительно грозъ.

Въ началѣ 1884 года Г. Я. Близинъ разослалъ добровольнымъ наблюдателямъ печатные грозовые бюллетени; въ бюллетенѣ намѣчены слѣдующіе вопросы:

Число	Мѣсяць 188 г.		
Мѣстонахождение наблюдателя подробно }			
Дождь начался съ	час. пополу		
Прекратился въ	» »		
Дождь былъ	силы		
1-й громъ или молнія замѣчены въ	час. пополу		
Гроза прекратилась въ	» »		
» пришла съ	стороны		
» удалилась къ	сторонѣ		
Въ 10 минутъ насчитано	ударовъ		
Градъ падалъ съ	час. до	час. пополу	
Слой выпавшаго града былъ			
Вѣтеръ былъ			
До начала	съ	стороны	силы
Во время	»	»	»
По оконч.	»	»	»
Примѣчаніе:			
Принесенный вредъ:			
Подпись наблюдателя.			

Въ теченіе 1884 и 1885 годовъ получены описанія грозъ изъ слѣдующихъ пунктовъ:

Названіе станцій.	Фамиліи гг. наблюдателей.
1. Александровка на Бугѣ	Козловъ и Марченко.
2. Александровка на Ксесал.	Ленгауэръ.
3. Александровка въ 60 в. отъ Елисаветгр.	Ермоленко.
4. Александровка въ 80 в. отъ Елисаветгр.	Чайковскій.
5. Алексѣевна	Журовъ и Лутковскій.
6. Анновка	Курляковскій.
7. Арбузинка	Лымановскій.
8. Бандурка	Нач. станцій.
9. Базилевичевка	Косюра.
10. Бережинка	Леневичъ.

11. Благодатное	Учительница А. П. Лари-Братчукова.
12. Бобринецъ	Матвѣевъ, Ляндсбергъ и П. Бирзуловъ.
13. Большая Виска	Косюра.
14. Братское	Стецкій и свящ. Аношинниковъ.
15. Бѣлоусовка	Учит. Ефремовъ.
16. Васильевка	Войтякъ.
17. Виева	Городковъ.
18. Водяная	Станишевскій.
19. Воеводское	Васильевъ.
20. Вознесенскъ	Діаконъ Коцюбинскій и учительница Сорокина.
21. Германовка	Учителя: Изотовъ и Линниковъ.
22. Глиняное	Нач. станціи.
23. Глодоссы	Дувинъ.
24. Громуха	Охрямовскій.
25. Дютчина	Вейзеръ.
26. Елисаветградъ	Метеор. станція.
27. Звѣревка	В. А. Сугакъ.
28. Ивановка (Винт. вол.)	Учит. Остроуховъ.
29. Ивановка (Семен. вол.)	Учит. Гавненко и Любочка.
30. Калыболотъ	Учит. Кузнецовъ, Врдіи и Мамолатъ.
31. Камышеватая	Фонберштейнъ и Бракеръ.
32. Кантагузинка	Лисневскій.
33. Каракезелевка	Петричевскій.
34. Катериновка	Кантагузинъ.
35. Комарово (хуторъ)	Буликъ.
36. Карловка	Учит. Дувинъ-Энгель.
37. Константиновка	Лисневскій.
38. Красновершина	Низольскій.
39. Красное озеро	Шпаковскій.
40. Лебедичъ	Васильевъ и Чеховская.
41. Лысая Гора	Кучеренко и Калашниковъ.
42. Любомырка	Виноградовъ.
43. Мапаровка	Скуревичъ.
44. Марковка	Задонскій.
45. Марьямполь	Теодоровичъ.

46. Михайловка на Бугѣ . . . Карповъ.
 47. Молчановка Ленкевичъ.
 48. Нечаевка Свящ. Синкевичъ.
 49. Николаевка Свящ. Ластовецкій.
 50. Новорархангельскъ Колодченко и Войцѣховскій.
 51. Новомиргородъ Чуенко и Фихъ.
 52. Новая Прага Дабо.
 53. Новоукраинка Соколовъ и Левицкій.
 54. Новгородка Каймаканъ.
 55. Ольшанка Стояновъ.
 56. Орощанка Кропивянский.
 57. Павловка Куряковскій.
 58. Панчево Учит. Демянскій и Караченцовъ.
 59. Песчаный Бродъ Мураневичъ и Войцеховскій.
 60. Петровка Веллеръ и Теодоровичъ.
 61. Плетеный Ташлыкъ Нагорный и Теодоровичъ.
 62. Рацынское хѣстичество Леманъ.
 63. Ровное Кульчицкій, Водопьяновъ и Дюдинъ.
 64. Семеновка Учит. Зеньчевскій.
 65. Семеновка Пономаренко и Яковскій.
 66. Сербуловка Учит. Зиманъ, Куденко и Русовъ.
 67. Спалевое Учит. Горняновъ и Ходзицкій.
 68. Солонское хѣсти ?
 69. Сягиревка Лукьяновичъ.
 70. Старая Осота Пюнтковскій.
 71. Стойково Полтавка.
 72. Сядневка Свящ. Брижицкій.
 73. Терновка П. Фашевокій.
 74. Устиновка Россиковъ.
 75. Федосѣевка Зеленскій.
 76. Царская Милость Лукьяновичъ.
 77. Цыбулевка Охримовскій.
 78. Шаровка ?
 79. Щербань Рузовъ.
 80. Щастливка Калашниковъ.
 81. Эрделевка Субботовъ и Караченцовъ.
 82. Юрѣевка Дабо.

Всего 82 грозовых пункта, приславших болѣе или мене подробныя описанія 715 грозъ. Наибольшее число бюллетеней и точныхъ описаній получено изъ слѣдующихъ пунктовъ: Бандурка, Бобринецъ, Братское, Вознесенскъ, Калниболотъ, Каракезелевка, Константиновка, Лысяя Гора, Михайловка, Нечаяевка, Новоархангельскъ, Новомиргородъ, Ольшанка, Плетеный Ташлыкъ, Ровное, Семеновка, Скалевое и Эрделевка.

Полученные бюллетени дали возможность, во первыхъ, ближе изслѣдовать дневную періодичность въ ходѣ грозъ. Известно, что явленіе грозовыхъ разрядовъ тѣсно связано съ часами дня; грозы болѣе часты около 3—4 час. пополудни и весьма рѣдки въ ночные часы. Въ слѣдующей таблицѣ показано, сколько разъ грозы начинались въ различные часы дня въ Елисаветградскомъ уездѣ въ 1884 и 1885 годахъ:

Часы	пополночи			послѣ полудня							
	9	10	11 12	1	2	3	4	5	6	7	8
Мартъ	—	—	1 1	4	1	2	—	—	1	1	—
Апрѣль	—	—	1	1	2	—	1	5	4	5	5
Май	4	3	6 11	23	16	16	26	18	9	5	5
Іюнь	6	12	23 30	40	33	33	30	25	10	9	8
Іюль	2	1	10 11	6	17	16	16	21	15	12	9
Августъ	—	—	—	1	6	4	—	2	—	—	2
Сентябрь	—	—	—	—	—	1	3	7	6	—	—
Общее	12	16	40 54	75	75	72	76	78	45	32	29

Часы	послѣ полудня				пополночи							
	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7	8
Мартъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Апрѣль	6	—	1	—	2	1	—	1	—	—	1	—
Май	8	1	2	1	—	1	—	—	—	1	3	3
Іюнь	6	4	6	3	—	1	1	—	—	—	3	4
Іюль	7	1	4	—	2	1	—	1	1	3	1	1
Августъ	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сентябрь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Общее	28	9	13	4	4	4	1	2	1	4	8	9

Соединяя въ трехчасовые промежутки, находимъ:

Часы	0—12	12—3	3—6	6—9	9—12	12—3	3—6	6—9
Число грозъ	68	204	226	106	50	12	4	21
или въ %	9,9	29,6	32,7	15,3	7,2	1,7	0,6	3,0

Приведенная таблица показываетъ, что наибольшее число грозъ начинается между 3 и 6 часами вечера; съ другой стороны, грозы чрезвычайно рѣдки между 3 и 6 часами утра. Результаты эти вполне согласны съ числами, найденными нами раньше изъ разработки наблюдений общей грозовой сѣти Россіи¹⁾.

Для грозъ, сопровождавшихся градомъ, мы нашли подобный же дневной періодъ.

	пополудни				пополуночи			
Часы:	0—12	12—3	3—6	6—9	0—12	12—3	3—6	6—9
Число грозъ	14	40	38	11	5	1	—	—
или въ %	12,9	36,7	34,8	10,1	4,6	0,9	—	—

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, какъ видно, градъ вовсе не наблюдался въ ночные часы (отъ 3 до 9 часовъ пополуночи).

Общее число грозовыхъ дней неравномѣрно также распредѣлилось по отдѣльнымъ мѣсяцамъ. Наибольшей интенсивности грозовая дѣятельность достигаетъ въ іюнѣ или іюль и постепенно затихаетъ въ сентябрь; зимніе грозы принадлежатъ въ нашихъ широтахъ къ рѣдкимъ и исключительнымъ явленіямъ. Грозовые дни въ Елисаветградскомъ уѣздѣ распредѣлились по мѣсяцамъ слѣдующимъ образомъ:

	1884 г.	1885 г.	Общее	въ %
Мартъ	—	9	9	1,2
Апрѣль	34	26	60	8,3
Май	119	78	197	27,4
Іюнь	168	84	252	35,0
Іюль	70	99	169	23,5
Августъ	10	8	18	2,5
Сентябрь	—	15	15	2,1
Всего	401	319	720	—

¹⁾ См. Клоссовскій. Въ ученію объ электрической энергіи въ атмосферѣ. Одесса 1884, стр. 36 и 37.

Подобные періоды въ повторяемости грозъ находятся въ тѣсной зависимости съ ходомъ другихъ метеорологическихъ элементовъ; главнымъ образомъ, они обуславливаются измѣненіями температуры и влажности; известно, что температура и абсолютная влажность достигаютъ наибольшей величины между 3 и 6 часами дня, а наименьшей—между 3 и 6 часами утра; въ эти же часы иѣдетъ мѣсто максимумъ грозъ; съ другой стороны, къ наиболее жаркимъ мѣсяцамъ принадлежатъ іюнь и іюль; въ эти же мѣсяцы встрѣчаемъ также сильный подъемъ грозовой дѣятельности.

Прежнія изслѣдованія мои показали, что грозы въ Россіи приходятъ отъ различныхъ точекъ горизонта неодинаково часто; значительный перевѣсъ принадлежитъ грозамъ, являющимся отъ юго-запада и юга. Для Елисаветградскаго уѣзда найдены слѣдующіе результаты. Грозы, пришедшія отъ различныхъ точекъ горизонта, расположились слѣдующимъ образомъ:

	Отъ С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
Мартъ	—	—	—	—	—	3	2	2.
Апрѣль	2	—	1	—	—	5	5	3.
Май	7	4	15	15	28	34	16	13.
Іюнь	24	25	43	44	49	28	27	12.
Іюль	10	12	19	19	29	15	24	9.
Августъ	1	1	—	—	3	2	3	3.
Сентябрь	1	—	—	—	1	4	—	4.
В с е г о	45	42	78	78	110	91	77	46.
Въ %	8	7	14	14	19	16	14	8.

Огромный процентъ грозъ приходитъ, какъ видно, отъ южныхъ точекъ горизонта; на 100 грозъ

отъ ЮВ, Ю и ЮЗ 49
 » СВ, С и СЗ. . . . 23

и по 14 грозъ отъ востока и запада. Въ этомъ отношеніи распредѣленіе грозъ Елисаветградскаго уѣзда 1884 и 1885 годовъ нѣсколько отличается отъ общаго средняго распредѣленія грозъ на югъ Россіи, найденнаго изъ болѣе продолжительныхъ наблюденій. Въ общемъ среднемъ, грозы рѣзче сосредоточиваются

около точекъ горизонта, лежащихъ между югомъ и юго-западомъ, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія¹⁾:

	Отъ С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
Число грозъ въ ‰	7	5	6	10	18	23	21	10

Карточки грозовой сѣти даютъ возможность опредѣлить также направленіе вѣтра во время грозы. Въ слѣдующей таблицѣ показано число грозъ, сопровождавшихся различными вѣтрами:

	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	Тихо
Мартъ . . .	—	—	—	3	—	3	3	1	1
Апрѣль . . .	4	3	2	2	1	6	6	8	4
Май . . .	4	10	18	11	33	27	15	16	23
Іюнь . . .	26	34	53	39	47	24	20	15	27
Іюль . . .	19	17	24	15	29	9	18	13	14
Августъ . . .	4	—	1	—	5	1	7	4	1
Сентябрь . . .	3	—	—	—	1	4	3	3	—
Всего . . .	60	64	98	70	116	74	72	60	70
Въ ‰ . . .	9	9	14	10	17	11	11	9	10
или отъ ЮЗ, Ю и ЮВ . . .	въ 37 случаяхъ на 100								} отношеніе
» » СВ, С и СЗ . . .	» 28 » » » » » » » »								

Въ внутреннихъ губерніяхъ Россіи результаты нѣсколько иные; грозовымъ характеромъ отличаются болѣе рѣзко вѣтры, приходящіе отъ юга и юго-запада; и дѣйствительно:

Направленіе вѣтра	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	Тихо
Число грозъ въ ‰	5	6	7	9	13	24	18	12	6
или отъ ЮЗ, Ю и ЮВ . . .	46%								
» » СВ, С и СЗ . . .	23%								

Наиболѣе интереснымъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ, представляется вопросъ, касающийся непосредственной зависимости, которая существуетъ между образованіемъ грозъ и общимъ состояніемъ атмосферы. Главнымъ элементомъ, опредѣляющимъ общее состояніе атмосферы, является, безъ сомнѣнія, давленіе воздуха, измѣряемое высотой барометрическаго столба. Необходимо, поэтому, изслѣдовать, при какихъ стояніяхъ барометра являются грозы, а отсюда вы-

¹⁾ Классовскій. Къ ученію объ вл.—см. стр. 95.

вести признаки вѣроятнаго наступленія грозоваго періода. Барометрическія наблюденія производятся ежедневно на станціи въ Елисаветградѣ; я опредѣлилъ изъ отчетовъ, производившихся ежедневно въ 7 час. утра, число грозъ, наблюденныхъ при давленіяхъ ниже 750 мм., 751—755 мм., 756—760 мм., 761—765 мм., болѣе 765 мм.¹⁾:

	Ниже 751 мм.	751—755	756—760	761—765	выше 765
Апрѣль	—	3	21	3	—
Май	—	35	115	81	1
Іюнь	—	59	183	49	1
Іюль	8	29	56	58	3
Августъ	6	5	9	1	—
Всего	14	131	384	142	5
Или въ %	2	19	57	21	1

Грозы, слѣдовательно, являются, главнымъ образомъ, при давленіяхъ ниже нормальныхъ и заключающихся между 755 и 760 мм. Грозы одинаково рѣдки какъ при очень низкихъ; такъ и при очень высокихъ стояніяхъ барометра; грозовая дѣятельность вовсе прекращается, когда давленіе выше 766 мм. Наиболѣе благоприятны, повидимому, для образованія грозъ давленія, близкія къ 759 мм. Не трудно также вычислить среднія давленія въ грозовые дни:

	1884 г.	1885 г.	Среднее
Апрѣль	—	759,0 мм.	—
Май	758,7 мм.	759,6	759,1 мм.
Іюнь	756,8	759,4	758,1
Іюль	759,9	757,2	758,6
Августъ	752,4	757,3	754,9
Общее	756,0	758,5	757,8

¹⁾ Елисаветградская станція находится на высотѣ 163 метровъ надъ уровнемъ океана. Для полученія результатовъ, которые бы могли быть приимены къ другой мѣстности узда, я привелъ наблюденные въ Елисаветградѣ давленія воздуха къ уровню океана; слѣдовательно, помѣщенные въ текстѣ высоты барометра выражаютъ тѣ давленія, которыя бы существовали въ Елисаветградской станціи, если бы барометръ этотъ находился не на высотѣ 163 м., а на уровнѣ океана.

При этихъ-же давленіяхъ имѣли мѣсто также грозы, сопровождавшіяся градомъ:

	750 мм. и ниже	751—755 мм.	756—760 мм.	761—765 мм.
число грозъ	—	31	53	18
или въ ‰	—	30	52	18

Среднее давленіе во время грозы, сопровождающейся градомъ, равно 757,3 мм.

Нетрудно показать, что грозные разряды наблюдались какъ въ періодъ поднятія, такъ и въ періодъ паденія барометра; и дѣйствительно, изъ общаго числа грозъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ

326	или 50‰	были при барометрѣ повышающемся,
293	> 45‰	> > > понижающемся,
30	> 5‰	при давленіи неизмѣняющемся.

Замѣтимъ, что отношеніе (1, 11: 1) между числомъ грозъ, имѣвшихъ мѣсто при барометрѣ повышающемся и числомъ грозъ при давленіи падающемъ, равно отношенію между вѣтрами восточной и западной половины горизонта, сопровождавшими грозы (стр. 8).

Число пунктовъ, пораженныхъ грозою, значительно измѣняется при переходѣ отъ одного дня къ другому; существуютъ какъ бы грозные періоды, раздѣленные одни отъ другихъ періодами электрическаго или грозового затишья. Затишье это наступаетъ всякій разъ, когда устанавливается продолжительная ясная и безоблачная погода при высокомъ стояніи барометра. Подобная перемежаемость въ распредѣленіи грозъ указываетъ на то, что существуютъ въ общихъ движеніяхъ атмосферы условія, опредѣляющія большую или меньшую интенсивность грозовой дѣятельности.

Извѣстно, что движенія въ атмосферѣ происходятъ не въ видѣ прямолинейныхъ теченій [полярныхъ и экваторіальныхъ], а въ формѣ вихрей, занимающихъ огромныя пространства (иногда сотни миль) и вращающихся противоположно движенію часовой стрѣлки. Въ средней части подобнаго вихря (иначе циклона, минимума или слабого давленія) барометръ стоитъ довольно низко; отъ центральной-же части къ периферіямъ давленіе воздуха постепенно возрастаетъ; такъ напр., если въ центральной части барометръ показываетъ 740 мм., то на некоторомъ разстояніи, кругомъ центральной области, существуетъ рядъ пунктовъ, въ

которыхъ давленіе выше и равно 745 мм.; если воѣ пункты, въ которыхъ давленіе достигаетъ 745 мм., соединимъ на картѣ кривой, то полученная кривая, наз. *изобарой* или кривой одинаковыхъ давленій; идя дальше отъ центра, мы встрѣтимъ рядъ пунктовъ, въ которыхъ барометръ будетъ еще выше, напр., 750 мм.; соединяя всѣ эти пункты новой кривой, получимъ новую изобару и т. д. Положеніе всякаго минимума, слѣд., очерчивается на картѣ рядомъ изобаръ. Такъ какъ движеніе воздуха внутри циклона вращательное и противоположное движенію часовой стрѣлки, то въ южной половинѣ минимума дуютъ всегда вѣтры отъ сѣверо-запада, запада и юго-запада, а въ сѣверной — отъ юго-востока, востока и сѣверо-востока. Подобные громадные вихри не остаются на одномъ и томъ-же мѣстѣ; они перемищаются съ значительной иногда быстротой вообще отъ запада къ востоку. Атмосферные осадки (дождь, снѣгъ) и бури приносятся всегда вихрями, приходящими съ запада. О приближеніи циклона мы можемъ судить по постепенному паденію барометра и увеличенію облачности; если вихрь движется сѣвернѣе мѣста наблюденія, то приближеніе циклона влечетъ за собою поворотъ вѣтра къ юго-западу; когда средняя часть циклона *пройдетъ* черезъ мѣсто наблюденія, то барометръ начинаетъ повышаться, и вѣтеръ поворачиваетъ къ сѣверо-западу. Если-же центръ вихря движется южнѣе мѣста наблюденія, то мы имѣемъ прежде юго-восточные и восточные вѣтры, паденіе барометра, а затѣмъ поворотъ вѣтра къ сѣверо-востоку и повышеніе давленія. Подобные вихри движутся обыкновенно цѣлыми серіями. Но между двумя серіями циклоновъ устанавливается надъ значительною частью страны иногда полное затишье въ атмосферѣ и вихревая дѣятельность прекращается. Въ той части страны, надъ которой атмосфера близка къ покою, высота барометра значительно повышается, устанавливается ясная, безоблачная и сухая погода, которая сопровождается продолжительными жарами въ лѣтніе мѣсяцы и продолжительными холодами въ зимнюю половину года; говорятъ въ этомъ случаѣ, что въ данной мѣстности господствуетъ барометрическій максимумъ или высокое давленіе. Изъ разработки наблюденій русской грозовой сѣти было показано мною¹⁾, что грозы

¹⁾ Клоссовскій. Ученіе объ вл. вѣт., стр. 86.

наши приносятся исключительно циклонами; всякій разъ, когда устанавливается въ Россіи высокое давленіе, грозовая дѣятельность прекращается; грозовая дѣятельность ослабѣваетъ или вовсе превращается еще и въ томъ случаѣ, когда высокое давленіе распространяется въ видѣ длинной полосы, идущей отъ сѣвера къ югу надъ западомъ Европы. Но не всякій циклонъ приноситъ грозы; при прохожденіи вихря тогда только являются грозовые разряды, когда въ данной мѣстности существуютъ благоприятныя условія температуры и влажности (высокая температура и слабая влажность). Движеніемъ и образованіемъ циклоновъ объясняются попеременноя усиленія и затиханія электрической дѣятельности въ данной мѣстности. Справедливость только что сказаннаго подтверждается слѣдующими параллельными обзорѣніями вихревой и грозовой дѣятельности за май — июль 1884 и 1885 гг. Въ первомъ столбцѣ помѣщены дни мѣсяца, во второмъ — высота барометра (по приведеніи къ уровню океана), опредѣленная въ 7 часовъ утра соответствующаго дня на метеорологической станціи въ Елисаветградѣ, въ третьемъ — отступленіе температуры отъ нормальной ¹⁾ въ 7 часовъ утра, въ четвертомъ — число пунтовъ, пораженныхъ грозой, въ пятомъ — общее состояніе давленія въ Европѣ.

Май мн.	1884 г.			
1	765,9	—6,0	0	Въ центрѣ Европы высокое давленіе.
2	767,2	—6,3	0	Въ средней и южной Европѣ высокое давленіе.
3	759,2	—2,2	0	Вблизи Кіева незначительный минимумъ (755,4 мм.).
4	758,4	—2,4	8	На сѣверѣ Европы слабое давленіе.
5	762,3	—3,0	0	Въ Австріи и надъ Балканскимъ полуостровомъ распространяется высокое давленіе.
6	764,0	0,1	0	Высокое давленіе усиливается.
7	767,4	0,3	0	Тоже.
8	767,7	3,3	0	Тоже.
9	765,9	3,0	1	Во всей Европѣ давленіе высокое.
10	765,8	—1,1	0	Давленіе высокое (до 776 мм.).

¹⁾ Положительныя отступленія съ знакомъ (+), отрицательныя съ знакомъ (—).

11	768,4	-4,8	0	Тоже.
12	769,0	-6,8	0	Въ Финляндіи появился циклонъ.
13	761,7	-2,5	0	Циклонъ перешелъ къ Бьлосерску (746,1 мм.).
14	757,4	-3,3	0	Вблизи Кіева образовался незначительный минимумъ (755,5 мм.).
15	761,5	-8,1	3	Минимумъ этотъ перемѣстился къ Тамбову; на западѣ Европы давленіе усиливается.
16	766,4	-6,9	0	На югѣ Россіи и на западныхъ берегахъ Европы давленіе сравнительно высокое.
17	762,5	-5,3	0	Въ Карпатскихъ горахъ появился незначительный минимумъ (759 мм.).
18	760,4	-4,0	1	Этотъ минимумъ подвинулся къ Варшавѣ.
19	762,5	-4,9	0	Минимумъ въ средней Россіи.
20	764,7	-3,0	0	Между Чернымъ и Балтійскимъ морями высокое давленіе.
21	763,2	0,5	0	Въ западной Европѣ болѣе слабое давленіе и возрастаетъ къ востоку.
22	758,7	1,4	9	На юго-востогѣ Россіи высокое давленіе; во Франціи — минимумъ (749,4 мм.).
23	758,1	-1,2	1	Минимумъ перемѣстился въ Австрію (746,7 мм.).
24	754,2	0,4	23	Минимумъ передвинулся къ Варшавѣ (748,2 мм.).
25	756,5	-1,3	0	Минимумъ перешелъ къ Прибалтійскимъ губери. (747,0 мм.).
26	759,5	-1,3	8	Одинъ минимумъ вблизи Москвы (749,9 мм.), а другой — около Стокгольма (749,0 мм.).
27	758,0	-0,7	6	Минимумъ надъ Ботническимъ заливомъ (749,6 мм.).
28	758,0	-1,4	2	Вчерашній минимумъ удалился къ Архангельску; новый минимумъ въ Австро-Венгріи (753,8 мм.).
29	759,2	-0,8	14	Одинъ минимумъ на югѣ Балтійскаго моря (755,4 мм.), другой — въ Австро-Венгріи (755,5 мм.).

30	757,1	-0,2	13	Незначительный минимумъ въ Венгрии (752,3 мм.).
31	758,4	-0,8	11	Минимумъ находится между Одессой и Севастополемъ. На западѣ Европы давленіе усиливается.
Июня мм.				
1	762,5	0,4	3	Минимумъ на сѣверѣ Финляндіи; въ западной Европѣ давленіе высокое.
2	762,0	0,4	0	Циклонъ на сѣверо-востокѣ Россіи; въ западной Европѣ высокое давленіе.
3	760,3	-0,6	5	Циклонъ на сѣверѣ Европы; другой незначительный минимумъ надъ Чернымъ моремъ (758,8 мм.).
4	754,6	1,3	17	Одинъ минимумъ надъ Бѣлымъ моремъ, а другой у входа въ Финскій заливъ (750,4 мм.).
5	752,1	-1,7	16	Циклонъ вблизи Кіева (750,7 мм.).
6	751,9	-3,1	19	Циклонъ между Кіевомъ и Елисаветградомъ (750,4 мм.).
7	752,5	-4,2	5	Новый минимумъ появился у Львова (743,6 мм.).
8	752,5	-3,4	1	Циклонъ остается на прежнемъ мѣстѣ (748,3 мм.).
9	754,5	-3,3	0	Минимумъ (750,9 мм.). перемѣстился къ Варшавѣ.
10	757,2	-1,1	6	Минимумъ перешелъ къ Либавѣ (752,8 мм.).
11	756,8	-1,0	4	Минимумъ перемѣстился къ Дерпту (749,8 мм.).
12	757,3	-2,8	13	Минимумъ въ южной Скандинавіи (751,5 мм.).
13	757,2	-1,2	19	Минимумъ удалился къ сѣверо-западу. Надъ Чернымъ моремъ незначительный циклонъ (753,1 мм.).
14	757,0	-2,5	23	Незначительный минимумъ надъ Чернымъ моремъ (754,3 мм.); другой минимумъ на сѣверѣ Скандинавіи.
15	758,0	-0,6	1	На сѣверѣ Норвегіи минимумъ (750 мм.); въ Россіи давленіе довольно равномерное,

			уменьшающееся къ Черному морю; на западѣ Европы давленіе высокое.
16	758,5 —3,5	0	На западѣ Европы давленіе высокое; давленіе болѣе слабое на юго-востокѣ Россіи.
17	758,7 —2,3	17	Надъ Венгріей незначительный минимумъ (756,7 мм.).
18	759,1 3,3	27	Минимумъ перемѣстился къ Черному морю (755 мм.); на сѣверѣ Россіи высокое давленіе.
19	760,9 1,2	22	Незначительный минимумъ въ Венгріи (756 мм.); на западѣ Европы распространяется высокое давленіе.
20	762,5 (?) 0,5	1	Во всей Европѣ, кромѣ юго-восточныхъ окраинъ, высокое давленіе (до 771 мм.).
21	764,7 —0,7	0	Высокое давленіе въ западныхъ губерніяхъ Россіи.
22	764,5 1,1	0	Высокое давленіе въ юго-западныхъ губерніяхъ.
23	763,2 —0,1	0	Во всей Европѣ, кромѣ центральныхъ и восточныхъ губерній Россіи, высокое давленіе.
24	761,1 1,3	4	На востокѣ Россіи слабое давленіе.
25	755,5 —0,7	6	Обширная область слабого давленія находится на востокѣ Россіи.
26	754,4 —0,9	0	Давленіе возрастаетъ къ западу.
27	759,1 —3,4	0	Тоже.
28	759,4 —4,5	0	На юго-западѣ Европы и на востокѣ Россіи слабыя давленія.
29	757,8 —4,4	1	Во всей Европѣ давленіе понизилось.
30	759,2 —4,6	0	Въ средней Европѣ давленіе высокое; на востокѣ Россіи—слабое.
Юля мм.			
1	763,5 —3,1	1	Надъ Австріей и Италіей находится максимумъ.
2	763,4 —1,7	0	Въ западной Европѣ и на югѣ Россіи высокое давленіе; въ Финляндіи минимумъ (752,4 мм.).

3	759,8	0,4	15	Область слабого давленія находится на сѣверо-востокѣ Россіи.
4	761,2	-0,1	2	Минимумъ находится въ Финляндіи; надъ Австріей давленіе сравнительно высокое (763,6 мм.).
5	764,0	-0,3	0	На югѣ Россіи находится барометрическій максимумъ; у береговъ Норвегіи циклонъ.
6	762,9	3,9	6	То же.
7	760,9	5,2	12	Минимумъ перемѣстился къ Архангельску; на югѣ давленіе ослабло.
8	758,0	4,7	5	Одинъ минимумъ вблизи Пинска (755,8 мм), другой—на Черномъ морѣ (756,7 мм.).
9	754,6	2,3	2	Минимумъ надъ Онежскимъ озеромъ (749,1 мм.), а другой вблизи Новороссійска (750,2 мм.).
10	750,6	1,8	9	Одинъ минимумъ надъ Чернымъ моремъ (749,6 мм.), другой — надъ Ботническимъ заливомъ.
11	751,5	-1,1	1	Минимумъ расположенъ между Елисаветградомъ, Харьковомъ и Севастополемъ; надъ Австріей и Швейцаріей высокое давленіе.
12	755,1	-8,3	2	Минимумъ у береговъ Норвегіи; на западѣ Европы высокое давленіе (до 764 мм.).
13	755,8	-4,9	1	На сѣверѣ Европы и на юго-востокѣ Россіи слабое давленіе.
14	758,8	-3,0	0	?
15	759,7	-0,5	2	На сѣверѣ Европы давленіе слабое, на юго-западѣ — высокое.
16	760,2	-1,8	2	Давленіе распределено въ Европѣ довольно равномерно.
17	764,8	-3,7	8	На сѣверѣ Европы и надъ Балканскимъ полуостровомъ находятся области сравнительно слабого давленія.
18	762,4	1,4	5	Въ средней Россіи высокое давленіе; надъ Чернымъ моремъ незначительный минимумъ (755,7 мм.).
19	755,8	4,4	0	?
20	758,0	-0,7	0	?

21	761,8	-3,1	0	На западѣ Европы давленіе высокое; надъ Балтійскими провинціями—циклонъ.
22	763,4	-2,1	1	На сѣверѣ Европы слабое давленіе; на западѣ и юго-западѣ—максимумъ.
23	766,9	-1,7	0	Тоже.
24	765,9	-0,2	2	Тоже.
25	763,8	1,0	1	Минимумъ отодвинулся въ сѣверо-востоку Россіи; -- во всей Европѣ давленіе высокое.
26	765,2	--0,2	0	Во всей Европѣ высокое давленіе (до 773 мм.).
27	766,3	1,8	0	Давленіе усиливается.
28	769,2	-4,1	0	Во всей Европѣ высокое давленіе.
29	771,5	-4,8	0	Тоже.
30	768,8	-3,2	0	Тоже.
31	762,1	-2,1	0	Давленіе ослабѣваетъ.

Мая м. 1885 годъ

1	754,6	-1,1	2	Одинъ минимумъ на сѣверо-западѣ Европы (750,5 мм.), другой—вблизи Севастополя (752,8 мм.).
2	760,5	--6,5	0	Одинъ минимумъ во Франціи, другой въ Италіи, третій—на Волгѣ.
3	761,0	-2,2	0	Минимумъ въ Венгріи (739,0 мм.).
4	754,1	-2,2	9	Минимумъ вблизи Варшавы (744,4 мм.).
5	757,4	-4,3	0	Минимумъ надъ Рижскимъ заливомъ.
6	767,0	-5,5	0	Минимумъ въ Финляндіи.
7	766,4	-1,3	0	Минимумъ въ Финляндіи; на югѣ максимумъ.
8	759,1	0,7	21	Минимумъ въ Венгріи (753,2 мм.).
9	759,4	-2,9	0	Минимумъ вблизи Пинска (751,2 мм.).
10	762,7	-2,2	1	Минимумъ надъ Шотландіей (742,9 мм.).
11	758,8	3,4	20	Минимумъ на Черномъ морѣ (756,7 мм.).
12	762,5	-0,2	1	Между Сулиной и Одессой незначительный минимумъ (758,2 мм.); кругомъ давленіе высокое.
13	762,8	-2,7	4	На югѣ давленіе усиливается.
14	761,7	-1,5	5	Въ центральной Европѣ давленіе сравнительно высокое; минимумъ около Онежскаго озера.

15	761,1	-0,3	0	Въ южной половинѣ Европы давленіе сравнительно высокое, а на сѣверо-западѣ слабое.
16	763,2	-0,6	3	Надъ средней Европой максимумъ; на сѣверѣ Россіи давленіе слабое (753,6 мм.).
17	765,9	-2,0	0	Во всей западной Европѣ давленіе высокое.
18	767,7	-1,5	0	Надъ западомъ Европы высокое давленіе.
19	765,8	-1,3	0	Надъ юго-западомъ Россіи высокое давленіе.
20	760,7	0,9	0	Вблизи Онежскаго озера минимумъ (749,4 мм.).
21	755,4	-1,0	1	На западѣ Европы высокое давленіе; на востокѣ и сѣверо-востокѣ слабое.
22	759,8	-3,5	0	Надъ Германіей и Австріей—максимумъ; на востокѣ Россіи давленіе слабое.
23	764,7	-4,2	0	Надъ средней Европой—максимумъ.
24	768,4	-4,2	0	На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ давленіе слабое. На юго-западѣ Россіи максимумъ.
25	764,8	0,7	0	Надъ средней Европой высокое давленіе; на сѣверѣ Норвегіи—минимумъ.
26	765,0	2,2	6	Максимумъ отодвинулся къ югу; на сѣверѣ циклонъ (746,1 мм.).
27	764,0	3,0	4	Минимумъ отодвинулся къ востоку; надъ Ламаншемъ—новый циклонъ.
28	760,9	4,5	2	Минимумъ у береговъ Даніи (753,3 мм.).
29	759,2	3,7	1	Минимумъ перемѣстился къ Ботническому заливу.
30	758,5	3,3	0	Минимумъ перемѣстился въ Финляндію; надъ Нѣмецкимъ моремъ—максимумъ.
31	762,7	-2,6	1	Минимумъ передвинулся къ востоку; на западѣ Европы давленіе высокое (до 771,6 мм.).
Іюня мм.				
1	765,9	-6,6	0	Минимумъ удалился къ Архангельску; надъ зап. Европой высокое давленіе.
2	758,0	-2,7	0	На востокѣ Европы давленіе слабое; на западѣ—максимумъ.

3	765,6	—6,4	1	На юго-западѣ — максимумъ.
4	764,3	—1,7	3	Надъ Ботническимъ заливомъ — минимумъ.
5	760,3	—0,9	2	Минимумъ перемѣстился къ Петербургу (743,0 мм.).
6	760,2	2,4	10	Минимумъ удалился къ Вяткѣ (745,6 мм.).
7	757,8	1,1	2	Минимумъ удалился къ Уралу; новый минимумъ находится между Варшавой, Пинскомъ и Старымъ Быховымъ.
8	755,6	—0,7	4	Минимумъ перешелъ къ Москвѣ (751,1 мм.).
9	756,7	—3,8	0	На сѣверѣ Европы обнаружилась обширная область слабого давленія (741,1 мм.).
0	756,2	1,9	0	На сѣверо-западѣ Европы слабое давленіе (746,6 мм.); небольшой минимумъ въ Венгріи (752,6 мм.).
11	758,9	3,7	13	Минимумъ подвинулся къ Черному морю (754 мм.). Въ средней и сѣверной Россіи высокое давленіе.
12	761,1	3,5	11	Минимумъ вблизи Севастополя (755,6 мм.).
13	759,2	5,0	4	Минимумъ надъ Венгріей и восточной частью Чернаго моря (756,9 мм.); на сѣверѣ Европы — максимумъ.
14	758,1	6,4	11	Минимумъ вблизи Одессы (755 мм.); на сѣверѣ Европы максимумъ.
15	757,8	4,7	5	Минимумъ перешелъ къ Севастополю (754,7 мм.).
16	756,3	6,5	0	Минимумъ надъ Чернымъ моремъ (751,6 мм.).
17	756,9	4,7	0	Тоже.
18	759,0	0,3	0	Надъ средней Россіей максимумъ; надъ Пруссіей и Даніей — минимумъ (753,5 мм.).
19	763,3	2,1	0	Минимумъ ушелъ къ сѣверу; въ средней Россіи максимумъ.
20	764,5	0,1	0	Минимумъ надъ Бѣлымъ моремъ; надъ южными губерніями максимумъ.
21	765,6	2,9	0	На западѣ Европы высокое давленіе.
22	763,5	6,0	2	На западѣ Европы высокое давленіе; вблизи Севастополя слабый циклонъ (759,0 мм.).

23	763,4	4,7	0	На западъ Европы высокое давленіе.
24	761,5	1,5	0	Тоже.
25	759,0	2,5	2	Надъ средней Европой обнаружился незначительный минимумъ (756,9 мм.).
26	758,0	1,9	8	Минимумъ надъ Галиціей (756,0 мм.).
27	?	?	0	Минимумъ надъ Венгріей (756,8 мм.); на западъ Европы максимумъ.
28	760,7	6,4	0	Минимумъ надъ Чернымъ моремъ (755,3 мм.); на западъ Европы давленіе сравнительно высокое.
29	760,9	9,5	0	Давленіе въ западной Европѣ усиливается; незначительный минимумъ надъ Чернымъ моремъ (755,6 мм.).
30	761,5	8,5	3	Давленіе вездѣ высокое, кромѣ Чернаго моря (759 мм.).
Июля мм.				
1	762,6	3,5	0	Давленіе возрастаетъ отъ юга къ сѣверу.
2	763,1	2,3	0	Давленіе высокое.
3	761,6	5,9	4	Давленіе распределено довольно равномерно.
4	759,6	4,2	3	Слабый циклонъ на Черномъ морѣ (756,5 мм.).
5	?	?	0	?
6	758,7	2,2	5	Одинъ циклонъ у береговъ Норвегіи (747,8 мм.); другой на Черномъ морѣ (755,2 мм.).
7	760,5	5,6	5	Одинъ минимумъ у сѣверо-западныхъ береговъ Европы (747,4 мм.), другой на Черномъ морѣ (756,0 мм.).
8	762,9	3,3	2	Надъ восточной и средней Россіей высокое давленіе; надъ Чернымъ моремъ незначительный минимумъ (758,9 мм.).
9	764,6	-0,8	3	Минимумъ надъ Ботническимъ заливомъ (751,7 мм.); незначительный циклонъ у Севастополя (759,0 мм.).
10	758,6	0,2	3	Незначительный минимумъ между Севастополемъ и Николаевомъ; на западъ Европы давленіе высокое.
11	757,7	-4,4	0	Минимумъ въ средней Россіи; на западъ Европы давленіе высокое.

12	762,3	—6,4	3	Минимумъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.
13	762,6	—4,9	10	Минимумъ перешелъ къ Варшавѣ (754,0 мм.); на западѣ Европы давленіе ослабѣваетъ.
14	760,1	—4,7	6	Минимумъ вблизи Варшавы (757,3 мм.).
15	?	?	14	Минимумъ около Севастополя (755,0 мм.).
16	752,1	—0,4	15	Минимумъ около Севастополя (749,4 мм.).
17	742,7	1,1	8	Тоже (739,0 мм.).
18	739,9	—1,4	0	Минимумъ передвинулся къ Елисаветграду (739,9 мм.).
19	744,7	—2,6	0	Минимумъ вблизи Елисаветграда (744,7 мм.).
20	754,3	—4,3	0	Минимумъ перешелъ къ Старому Быхову (750,7 мм.).
21	760,1	—3,1	1	Въ западныхъ губерніяхъ незначительный минимумъ (752,0 мм.).
22	758,9	—0,6	5	Слабое давленіе надъ Балтійскимъ моремъ и средней полосой Россіи.
23	758,3	—3,3	0	Минимумъ вблизи Москвы (751,2 мм.).
24	756,8	—2,7	0	Минимумъ вблизи Москвы (752,1 мм.).
25	757,8	—0,6	0	Минимумъ удалился къ Казани; на западѣ давленіе возрастаетъ.
26	759,4	—0,8	0	Минимумъ вблизи Казани (749,0 мм.).
27	760,6	—2,0	0	Новый минимумъ явился на Нѣмецкомъ морѣ.
28	756,3	—0,2	1	Минимумъ передвинулся къ Либавѣ (748,1 мм.).
29	757,4	—3,4	2	Минимумъ передвинулся къ Харькову (756,0 мм.).
30	758,7	—3,7	0	Минимумъ удалился на юго-востокъ Россіи.
31	762,7	—4,0	0	Минимумъ удалился въ востокъ.

Разработка сырого матеріала, собраннаго русскими грозowymi станціями, вообще привела меня къ тому заключенію, что грозы сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ юго-восточномъ квадрантѣ циклоновъ; это сосредоточеніе грозъ рѣзче замѣтно въ болѣе холодные мѣсяцы (т. е. весною и осенью); къ іюлю же грозовые разряды дѣлаются болѣе возможными и

вѣроятными одинаково во всѣхъ квадрантахъ вихря. О положеніи грозовыхъ областей относительно центра циклона можно судить, во первыхъ, по направленію вѣтра во время грозы и по тѣмъ точкамъ горизонта, отъ которыхъ приходятъ грозы; вторыхъ, можно непосредственно на картѣ опредѣлить положеніе въ области циклона станцій, на которыхъ наблюдалась гроза. Мы видѣли, что въ южной половинѣ циклоновъ господствуютъ теченія отъ сѣверо-запада, запада и юго-запада, въ сѣверной — отъ юго-востока, востока и сѣверо-востока. Выше на стр. 7 найдено, что число грозъ, пришедшихъ отъ Ю, ЮЗ и З, составляетъ 49%, т. е. почти половина всѣхъ грозъ сосредоточивается въ южной половинѣ циклоновъ. Эти выводы согласны только отчасти съ прежде найденными результатами для Россіи, какъ это видно изъ слѣдующей таблички; грозы въ Россіи вообще приходятъ

отъ	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
въ %	7,2	6,6	5,4	9,0	14,1	22,7	18,7	16,3

Повидимому, грозы Елисаветградскаго уѣзда менѣе рѣзко сосредоточены въ юго-восточномъ квадрантѣ; другими словами, грозовое кольцо на югѣ Россіи равномернѣе распределено по всей окружности. Раньше было показано, что въ болѣе холодные мѣсяцы (осенью и весною) грозы рѣзче сосредоточиваются въ юго-восточномъ квадрантѣ; къ срединѣ же лѣта онѣ разсѣиваются по всей окружности и почти одинаково возможны и вѣроятны во всѣхъ частяхъ циклона (какъ въ южной, такъ и въ сѣверной). Подобная же зависимость существуетъ, повидимому, между сосредоточеніемъ грозъ въ извѣстныхъ частяхъ циклона и широтой мѣста; грозы южныхъ губерній Россіи болѣе разсѣяны по всей окружности, грозы высшихъ широтъ болѣе сосредоточены въ южной и юго-восточной частяхъ циклона; справедливость этого предположенія можно видѣть изъ чиселъ, найденныхъ г. Вейнбергомъ для грозъ Казанскаго телеграфнаго округа. Грозы Казанскаго округа (1881—1883 годы) распредѣлились слѣдующимъ образомъ¹⁾:

отъ	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	Всего
число грозъ	328	270	272	325	544	812	850	635	4036

¹⁾ Elektrotechnische Zeitschrift. 1884, p. 255.

Три главными системами циклоновъ приносятся наши грозы: 1) циклонами, путь которыхъ лежитъ надъ сѣверо-западомъ Европы, 2) вихрями, являющимися въ Россію изъ средней Европы и 3) минимумами, проходящими надъ Чернымъ моремъ. Я опредѣлялъ число грозъ, принесенныхъ каждой системой вихрей. Оказалось что

192	грозы (31,7%)	принесены	циклонами	сѣверо-западной	системы,
168	» (27,8%)	»	»	южной	системы,
164	» (27,1%)	»	»	выходящими	изъ средней Европы,
6	» (1,0%)	наблюдались	при	равномѣрномъ	давленіи,
75	» (12,4%)	»	»	между	двумя циклонами.

Всѣ три системы циклоновъ дали почти одно и тоже число грозъ; но нужно принять во вниманіе, что число циклоновъ, принадлежавшихъ каждой изъ этихъ трехъ системъ и наблюдавшихся въ теченіе грозового періода 1884 и 1885 годовъ, было неодинаково, а именно, число утреннихъ положеній минимумовъ, принадлежавшихъ

сѣверной	системъ	было	56
южной	»	»	23
средней	»	»	19

а отсюда видно, что на каждый минимумъ

сѣверной	системы	приходилось	4	грозы
южной	»	»	9	»
средней	»	»	7	»

Слѣдовательно, минимумы, приходящіе изъ средней Европы, а также циклоны южной системы несутъ большій запасъ электрической энергіи, чѣмъ минимумы сѣверо-запада Европы. Еще очевиднѣе связь града съ циклонами средней системы; и дѣйствительно, число паденій града было

при	прохожденіи	циклоновъ	сѣверной	системы	23		
»	»	»	средней	»	45		
»	»	»	южной	»	13		
или	на	одинъ	циклонъ	сѣверной	системы	. . . 1,6	случая
»	»	»	средней	»	. . . 4,0	»	
»	»	»	южной	»	. . . 2,0	»	

Грозовой поясъ сосредоточивается на окраинахъ циклона, между изобарами 755—760 мм., т. е. въ тѣхъ его частяхъ, которыя лежатъ на переходѣ къ областямъ высокаго давленія;

справедливость этого вывода видна изъ таблицы, помѣщенной на стр. 9; изъ таблицы этой видно, что наибольшее число грозъ (62%) наблюдалось при давленіи равномъ 755—760 мм. (по приведеніи къ уровню океана); къ тѣмъ же результатамъ и пришелъ изъ разбора наблюденій общей грозовой сѣти въ Россіи.

Что же представляетъ собою каждая отдѣльная гроза? Мною было высказано предположеніе, что въ области большаго циклона возможно образованіе небольшихъ второстепенныхъ вихрей, вращающихся около оси и уносимыхъ общими теченіями циклона; эти второстепенные вихри могутъ, въ свою очередь, подраздѣляться на отдѣльныя вихревыя части (сегментироваться). и обратно, два вихря, при извѣстныхъ условіяхъ, иногда сливаются въ одно цѣлое. Каждая гроза есть небольшой второстепенный вихрикъ, образующійся въ области главнаго циклона. Наибольшее стремленіе къ образованію такихъ второстепенныхъ вихрей замѣтно на окраинахъ большихъ циклоновъ и, по преимуществу, въ юго-восточномъ и юго-западномъ ихъ квадрантахъ; этимъ обстоятельствомъ объясняется сосредоточеніе грозъ въ южной половинѣ циклоновъ и въ зонѣ, служащей переходомъ къ высокимъ давленіямъ. Каждый грозовой вихрикъ имѣетъ незначительный діаметръ, вслѣдствіе чего гроза и градъ поражаютъ узкую полосу земли. Иногда нѣсколько вихрей, вышедшихъ изъ общей точки, двигаются по путямъ параллельнымъ или пересекающимся; въ результатъ этого является видимое дѣленіе грозы на отдѣльныя грозовыя нити. Наконецъ, быстрыя измѣненія въ направленіи и силѣ вѣтра во время грозы суть простыя слѣдствія прохожденія прежде передней, а затѣмъ задней части меньшаго вихря. Во многихъ отношеніяхъ эти грозовыя вихри напоминаютъ собою въ мнѣнствѣ торнадосы. Грозовыя наблюденія Елисаветградскаго уѣзда дали мнѣ возможность непосредственно констатировать существованіе и прослѣдить движеніе небольшихъ вихрей. Вотъ нѣсколько примѣровъ, которые мы иллюстрируемъ картами.

27 апрѣля 1885 года. Грозовой вихрь вступилъ въ Елисаветградскій уѣздъ съ юго-запада (карта I). Гроза началась въ Константиновѣ на Бугѣ въ 6 час. вечера и въ Семеновѣ на Бугѣ въ 6½ час. вечера; до начала дождя въ Константиновѣ дулъ чрезвычайно сильный западный вѣтеръ, который постепенно перешелъ въ умѣренный сѣверо-восточный; гроза сопро-

вождалась ливнемъ. Въ Семеновкѣ гроза пришла съ сѣверо-запада и вѣтеръ отъ СЗ (буря), черезъ сѣверъ, перешелъ къ сѣверо-востоку.

Въ 7 час. 45' веч. гроза перемѣстилась въ село Арбузинкѣ; гроза пришла съ сѣверо-запада; она началась при бурномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ и окончилась затишьемъ; градъ (отъ 7 ч. 50' до 8 ч. вечера) былъ величиною нѣ воробьиное яйцо и образовалъ слой въ 2 вершка.

Въ 8 час. 25' веч. Гроза началась въ мѣстечкѣ Братскомъ и продолжалась до ночи; она пришла съ сѣверо-западной стороны и сопровождалась прежде бурнымъ, а затѣмъ умѣреннымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Градъ (отъ 8 ч. 40') былъ отъ величины гороха до голубиного яйца и повредилъ озимый хлѣбъ; онъ возобновлялся нѣсколько разъ вечеромъ и ночью (до 3-хъ час. утра).

Около 9 час. веч. ливень съ градомъ (9 ч. 18' в.) достигъ с. Николаевки; гроза пришла отъ сѣвера и сопровождалась довольно сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ; первый градъ былъ мелокъ какъ крупа, а второй имѣлъ форму польскаго яблока и величину мелкихъ орѣховъ; съ перерывами продолжался до 3 часовъ утра.

Въ 9 час. веч. началась гроза съ ливнемъ и градомъ въ Бобринцѣ и Орошанкѣ. Въ Орошанкѣ гроза пришла отъ юго-запада, а въ Бобринцѣ — отъ запада; градомъ выбило въ Бобринцѣ стекла въ нѣкоторыхъ зданіяхъ; въ нѣкоторыхъ домахъ, какъ пишетъ г. Матвѣевъ, градъ подѣлалъ только въ стеклахъ круглыя отверстія. Вѣтеръ въ Бобринцѣ былъ сѣверо-западный (бурный), а въ Орошанкѣ до грозы — тихо, во время грозы — сильный юго-западный, а послѣ грозы — восточный (слабый). Такимъ образомъ гроза началась:

въ Константиновкѣ	въ 6 ч.	веч.	при СВ вѣтрѣ	(сильномъ).
» Семеновкѣ	» 6 » 30'	»	» С	»
» Арбузинкѣ	» 7 » 45'	»	» СЗ	»
» Братскомъ	» 8 » 25'	»	» СЗ	»
» Николаевкѣ	около 9 »	»	» С	»
» Бобринцѣ	въ 9 »	»	» СЗ	»
» Орошанкѣ	» 9 »	»	» ЮЗ	»

Градъ началъ падать:

въ Арбузинкѣ	въ 7 час. 50'	вечера.
» Братскомѣ	» 8 » 40'	»
» Николаевкѣ	» 9 » 18'	»
» Бобринцѣ	» 9 » 45'	»
» Орошанкѣ	» 9 » 30'	»

Начало дождя:

въ Семеновкѣ	въ 6 ч.	в. (ливень)
» Константиновкѣ	» 8 » 45'	» (сильный)
» Арбузинкѣ	» 8 »	» (ливень)
» Братскомѣ	» 8 » 40'	» (ливень)
» Николаевкѣ	» 9 » 13'	» (ливень)
» Бобринцѣ	» 9 » 30'	» (сильный)
» Орошанкѣ	» 9 » 30'	» (ливень)

Судя по направленію вѣтра на различныхъ станціяхъ, можно предполагать, что грозовой вихрь прошелъ по пути, обозначенному на картѣ I пунктирной красной линіей. Около 9 час. веч. центръ вихря прошелъ между Бобринцемъ и Орошанкой. По всей вѣроятности, вблизи Арбузинки вихрь сегментировался и отдѣлившаяся часть направилась къ селу Ровное, куда гроза достигла въ 9 ч. 45 м. вечера и дальше въ Красновершкѣ разразилась только обильнымъ дождемъ въ 11¹/₂ час. веч. Въ тотъ же день грозы и дожди были наблюдаемы въ сѣверныхъ частяхъ уѣзда, а именно:

гроза въ Новомиргородѣ	около 7 ч. веч.	при западномъ вѣтрѣ
» » Ивановкѣ	между 5—8	» » » восточномъ »
» » Звъревкѣ	» 6—8	» » » сѣв.-западн. »
дождь » с. Лысая Гора	около 8	» » » южномъ »
» » Песчан. Бродѣ	» 7	» » » сѣв.-западн. »
» » Карловкѣ	» 6	» » » сѣверо-вост. »

Въ южной части уѣзда молніа наблюдалась только въ Бѣлоусовкѣ около 9 час. вечера (дождя не было).

Описанный нами грозовой вихрь 27 апрѣля 1885 года образовался въ юго-восточной части циклона, центръ котораго находился надъ Ботническимъ заливомъ. Высота барометра въ 7 час. утра въ Елисаветградѣ равнялась 759,7 мм.

8 мая 1885 года. Центръ циклона находился въ 7 часовъ утра въ Венгрии и въ теченіи дня успѣлъ перемѣститься къ

Пинску. Грозы образовались, слѣдовательно, въ юго-восточномъ квадрантѣ. Высота барометра въ Елисаветградѣ равнялась 759,1 мм. Грозы въ уѣздѣ начались около 1 часу дня. Приближеніе грозового вихря (карта II) обнаружилось въ Ольшанкѣ дождемъ въ 1 ч. дня при умѣренномъ юго-восточномъ вѣтрѣ. Черезъ 30—40 минутъ вихрь почти одновременно достигъ Лысой горы и Братскаго; въ селѣ Лысая гора гроза сопровождалась ливнемъ и бурнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, а въ Братскомъ — бурнымъ юго-восточнымъ; оба поименованные пункты находились, слѣдовательно, въ различныхъ частяхъ грозового вихря. Въ Братскомъ выпалъ градъ (отъ 1 ч. 45' до 2 ч. 10'). Градъ былъ, по словамъ священника Анѣнникова, различной величины и формы, начиная отъ величины грецкаго орѣха, шарообразный, со впадинами, и до величины голубинаго яйца, сплюснутый съ иглами, безцвѣтный, съ бѣлой сердцевинкой; значительно повредилъ озимые хлѣба. Въ селѣ Лысая гора градъ имѣлъ неправильную овальную форму, величиною съ голубиное яйцо, цвѣта бѣловато-снѣжнаго, тяжелый и твердый; на поляхъ побилъ около 350 десятинъ хлѣба. Далѣе гроза въ отдаленіи наблюдалась въ Бандуркѣ, при южномъ вѣтрѣ;

въ Любомиркѣ	въ 3 ч.	пополудни	при юго-зап. вѣтрѣ
» Глиняномъ между 2—3 ¹ / ₄	»	»	»
» Звѣровомъ около 2 ч. 30'	»	»	» южномъ »
» Новоукраинкѣ между 2—4	»	»	» ?
» Ровномъ около 2 ³ / ₄	»	»	» затпшыи
» Камышеватой » 3 ¹ / ₂	»	»	» ?
» Семеновомъ » 4	»	»	» ?
» Карловкѣ » 4	»	»	» ум. сѣв.-вост. »
» Нечаевкѣ » 4	»	»	» сильн. ю.-зап. »
» Плетен. Ташл. » 4 ч. 2'	»	»	» » южн. »
» Марьямполь » 4 » 20'	»	»	» бурн. вост. »

Градъ выпалъ:

въ селѣ Лысая гора	въ 2 ч. 15' вечера
» » Братское	» 1 » 45' »
» » Любомирка ¹⁾	» 4—4 ¹ / ₄ ч. »
» » Глиняное	» 2—3 ¹ / ₄ » »
» » Семеновое	» 4 ч. »

¹⁾ Величиною въ грецкій орѣхъ.

въ селѣ Карловка	въ 8 ч. 40'—8 ч. 45' веч.
» гор. Елисаветградъ	?
» селѣ Березинка 1)	?
» » Звѣровое 2)	» 3 ч. 40'—3 ч. 43' »
» » Новоукраинка	между 2—3 ч. 50' »
» » Плетеный Ташлыкъ	» 3 ¹ / ₂ —4 ч. 10', 5 ч. 40'—5 ч. 55' в.

Очевидно, что грозовой вихрь вступилъ въ Елисаветградскій уѣздъ съ запада и около 1 ч. 30' дня центръ его находился между Лысой горой и Братскимъ; къ 2¹/₂ часамъ онъ подошелъ къ Новоукраинкѣ и Звѣровой и здѣсь сегментировался; одна часть направилась къ востоку и въ 4 часа дня находилась между Карловкой и Нечаевкой; другая двинулась къ сѣверо-востоку и въ 4 ч. 20' дня съ ливнемъ достигла Марьямполья.

Другая грозовая нить коснулась только сѣверныхъ предѣловъ уѣзда. Гроза съ ливнемъ и градомъ была наблюдаема въ Новоархангельскѣ 3) въ 1 ч. 27' пополудни при ЮЮЗ вѣтрѣ гроза въ Калинболотъ » 1 » 40' » ЮВ » гроза и ливень въ Новомиргородѣ въ 3 ч. 40' попол. » Ю »

Грозовыя нити уносились, слѣдовательно, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, т. е. слѣдовали общему теченію, господствовавшему въ юго-восточномъ квадрантѣ главнаго циклона.

Иногда можно прослѣдить цѣлый рядъ грозовыхъ нитей, слѣдующихъ другъ за другомъ, напр. 18 июня 1884 года (карта III). 17 июня существовалъ въ Венгріи минимумъ, который утромъ 18-го переѣстился къ Черному морю; въ Елисаветградѣ давленіе равнялось 759,1 мм.; уѣздъ находился въ сѣверо-восточномъ квадрантѣ циклона.

Первая нить замѣчена была въ Елисаветградѣ отъ юго-востока въ 10 ч. 20' утра;

къ 11 ч. утра гроза передвинулась къ Петровкѣ
» 11 30' » » » » Новомиргороду
въ Петровкѣ гроза пришла отъ ЮВ при безвѣтріи
» Новомиргородѣ » » Ю » »

1) Густой, величиною въ грецкій орѣхъ, изрѣдка въ куриное яйцо.

2) Формы чечевицы, величиною въ крупный горохъ.

3) Градины шаровидныя и чечевицеобразныя, въ простой орѣхъ. Рожь въ полномъ смыслѣ уничтожена, озимая пшеница значительно пострадала.

Другая нить въ Камышеватой (въ 10 $\frac{1}{2}$ ч. утра) пришла съ востока и направилась къ западу; она наблюдалась въ Красновершкѣ въ 11 $\frac{1}{2}$ ч. утра отъ В при сильн. В вѣтрѣ
 » Эрделевкѣ въ 12 ч. 50' попол. » СВ » ВСВ »
 » Скалевомъ¹⁾ » 12 » 30' » » ? » безвѣтріи

Третья нить, выйдя изъ Бобринца въ 12 ч. 48' дня, при В вѣтрѣ, направилась къ Громухамъ;

въ Громухахъ она наблюдалась въ 1 ч. попол. отъ ССВ при СВ вѣт.
 » Песчаномъ Бродѣ²⁾ » » 2 » » » В » В »
 » Ольшанкѣ » » 2 $\frac{1}{4}$ ч. » » В » В »

Вѣтвь, отдѣлившаяся между Громухой и Песчанымъ Бродомъ, достигла около 3-хъ часовъ

Каракезелевки отъ Ю при южномъ вѣтрѣ

Глоссъ (дождь) » ? » юго-вост. »

Калниболота » В » восточн. »

Четвертая нить коснулась юго-западной части уѣзда. Въ 4 часа вечера гроза началась въ селѣ Михайловкѣ; гроза пришла отъ юга и сопровождалась южнымъ вѣтромъ; затѣмъ гроза перешла

къ Вознесенску къ 5 ч. веч. отъ юго-востока при южномъ вѣтрѣ
 » Александровкѣ » 5 » 40' в. » востока » юго-вост. »
 » Константинов. » 8 » » юго-востока » безвѣтріи
 » Лысой горѣ » 8 » 45' » » востока » юго-вост. »
 » Ольшанкѣ » 9 » 30' » » юго-востока » юго-вост. »

Пятая нить замѣчена:

въ Макаровкѣ³⁾ въ 7 ч. 15' веч. отъ юго-востока при сѣв.-вост. вѣт.
 » Орешанкѣ » 9 » 30' » » юго-востока » сѣв.-вост. »⁴⁾
 » Бобринцѣ » 10 » 12' » » сѣверо-вост. » восточн. »

Повидимому, если въ извѣстной части циклона явится стремленіе къ образованію грозовыхъ вихрей, то это стремленіе поддерживается въ теченіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе своего рода метеорологической инерціи; поэтому грозовая дѣятельность въ извѣстной мѣстности не исчерпывается одной грозой, одной грозовой нитью; являются какъ бы конвульсивные

¹⁾ Въ Скалевомъ выпалъ градъ въ воробьиное яйцо.

²⁾ Градъ отъ 3 ч. 35 до 3 ч. 38 м. пополудни.

³⁾ Въ Макаровкѣ выпалъ градъ величиною въ грецкій орѣхъ.

⁴⁾ Вѣтеръ былъ бурный.

чалась на западной границѣ уѣзда, въ Ольшанкѣ, въ 10^{1/2} часовъ утра, съ южной стороны, при южномъ вѣтрѣ; гроза продолжалась почти непрерывно до 2^{1/4} часовъ дня, причемъ направление грозovýchъ тучъ отклонилось къ юго-западу, а вѣтеръ перешелъ въ западный; въ 11^{1/4} час. утра падалъ (одну минуту) градъ, овальной формы, сѣровато-бѣлаго цвѣта; внутри нѣкоторыхъ градинъ замѣчались пустоты. Между 12 ч. и 12 ч. 30' дня гроза охватила почти всю западную границу уѣзда и достигла на сѣверѣ Скалеваго (гдѣ при юго-западномъ вѣтрѣ выпалъ градъ), а на югѣ-Александровки (съ запада, при южномъ вѣтрѣ). Поступательное движеніе грозы продолжается къ востоку въ видѣ трехъ нитей. Первая отъ Скалеваго направилась, черезъ Ивановку и Эрделевку, къ Новомиргороду; гроза пришла въ Ивановку въ 1 ч. дня отъ юга, при бурномъ южномъ вѣтрѣ

» Эрделевку » 1 » 15' » » зап. » » западн. »
 (градъ) » 1 » 35' »
 въ Новомир. » 1 » 25' » » юга » слабымъ южномъ »

Другая нить, выйдя отъ Ольшанки, достигла:

Лысой Горы въ 1 часъ дня отъ С, при безвѣтріи
 (градъ)¹⁾ » 2—2^{1/2} ч. »
 Каракезевки » 1 часъ » » С » »
 Плетенаго Ташлыка » 1 » 25' » » Ю » Ю вѣтрѣ
 Алексѣвки » 2 » » » ЗЮЗ » ЗЮЗ »²⁾
 (градъ) » 2 » 25'—2 ч. 30' д.
 Новомиргорода » 2 » 10' д. отъ СЗ » СЗ »³⁾
 (градъ)⁴⁾ » 2 » 10'—2 ч. 25' д.
 Елисаветграда » 2 » 15' д. отъ ? » Ю »

Въ 2 ч. 50' въ Елисаветградѣ выпалъ градъ; въ 3 верстахъ отъ Треповки, восточнѣе Елисаветграда, прошелъ ураганъ, повалившій деревья въ 3 вершка толщины и посрывавшій крыши; направленіе вѣтра во время урагана — юго-юго-западное.

¹⁾ Величина града около 1 сант.; форма шарообразная, внутри небольшая снѣговая горошина, а сверху—ледяная оболочка.

²⁾ Въ Алексѣвкѣ вѣтеръ до грозы былъ отъ ЗЮЗ (сильный), а къ концу грозы перешелъ въ СВВ (слабый).

³⁾ Въ Новомиргородѣ вѣтеръ до начала грозы былъ сѣверо-западный (сильный), а къ концу грозы перешелъ въ южный (слабый).

⁴⁾ Градъ величиною въ лѣсной орѣхъ, а нѣкоторыя градины—въ голубиное яйцо.

Третья нить отъ юго-западныхъ границъ уѣзда направилась къ сѣверо-востоку и наблюдалась :

въ Бѣлоусовкѣ	въ 1 часъ дня отъ ?	при ЮЗ вѣтрѣ
» Михайловкѣ ¹⁾	» 1 » » »	ЮЗ » ЮЗ »
» Щербани ²⁾	» 1 » » »	ЮЗ » ЮЗ »
» Сербуловкѣ	» 1 » » »	ЮЗ » ЮЗ »
» Ивановкѣ (Сем.)	» 1 ч. 45' » »	ЮЗ » ЮЗ » ³⁾
» Громухѣ ⁴⁾	» 1 » 44' » »	ЮЮЗ » ЮЗ »
» Бобринцѣ ⁵⁾	» 2 ч. » »	ЮЗ » З ;
» Карловкѣ ⁶⁾	» 3 » » »	? » ЮЗ »
» Семеновкѣ ⁷⁾	» 3 1/2 » » »	? » ЮЗ »

Остаточныя грозы имѣли мѣсто:

» Марковкѣ	въ 2 часа дня отъ ?	при ЮЗ вѣтрѣ
» Комаревкѣ	» 2 » » »	ЮЗ » ЮЗ » ⁸⁾

Кромѣ того, изолированная гроза наблюдалась въ селѣ Панчево отъ 1 ч. до 3 ч. дня, сопровождавшаяся градомъ неправильной формы величиною въ фасоль. Въ тотъ же день дождь падалъ послѣ полудня въ слѣдующихъ пунктахъ сѣти:

Вознесенскъ	отъ 1 ч. 30' до 3 ч.	дня при южномъ вѣтрѣ
Глодоссы	» 1 » 10' » 3 » 30' »	» западн. »
Камышеватая	» 2 » 4 » »	» юго-зап. »
Песчан. Бродъ	» 3 » 45' » 4 » 5' »	» западн. »
Шестаковна	» 2 » дня ? » »	» ? »

Такимъ образомъ, разработка грозовой сѣти Елисаветградскаго уѣзда вполне подтверждаетъ прежніе наши выводы: грозы слѣдуетъ разсматривать какъ второстепенные вихри, образующіеся на окраинахъ большихъ циклоновъ; вихри эти уносятся

¹⁾ Градь падалъ величиною въ русскій орѣхъ отъ 2 ч. до 2 ч. 5' дня.

²⁾ Выпалъ градь величиною въ горошину въ незначительномъ количествѣ.

³⁾ Грозѣ предшествовала буря отъ юго-запада.

⁴⁾ Градь въ теченіе 5 минутъ.

⁵⁾ Градь падалъ отъ 2 ч. 30' до 2 ч. 35' дня; вѣтеръ до начала грозы былъ юго-западный (очень сильный), во время грозы—западный (сильный), послѣ грозы сѣверо-западный (слабый); очевидно прохожденіе различныхъ частей вихря.

⁶⁾ Градь отъ 3 ч. до 3 ч. 5' дня.

⁷⁾ Градь въ лѣсной орѣхъ.

⁸⁾ Въ концѣ грозы буря смѣнилась затишьемъ.

общими теченіями, господствующими въ области главнаго минимума. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ грозовымъ характеромъ по преимуществу отличаются циклоны, выходящіе изъ средней Европы, а также минимумы Чернаго моря; приближеніе, поэтому, къ западнымъ или юго-западнымъ границамъ Россіи циклона, относящагося къ одной изъ этихъ двухъ системъ, при благоприятныхъ мѣстныхъ тепловыхъ условіяхъ (т. е. при температурѣ выше нормальной), можно считать вѣроятнымъ признакомъ пробужденія грозовой дѣятельности въ уѣздѣ.

ОБЪЯСНЕНИЕ КАРТЪ.

На приложенныхъ четырехъ картахъ обозначено движеніе второстепенныхъ грозовыхъ вихрей въ слѣдующіе дни: 27 апрѣля 1885 года (карта I), 8 мая 1885 года (карта II), 18 іюня 1884 года (карта III) и 24 мая 1884 года (карта IV). На картахъ направленіе вѣтра выражено стрѣлками, а сила вѣтра обозначена поперечными штрихами, (слабый вѣтеръ одной черточкой, умеренный—двумя, сильный—тремя, буря—четырьмя штрихами). Для обозначенія различныхъ метеорологическихъ элементовъ приняты слѣдующіе условные знаки:

- для дождя сплошной красный кружокъ,
- » ливня кружокъ съ точкой внутри,
- » града красный треугольникъ,
- » грозы изломанная стрѣлка.

Подъ условнымъ знакомъ, который служитъ для обозначенія града, отмѣчено время его паденія. Часы отъ полуночи до полудня обозначены буквой *a*, а часы послѣобѣденные и до полуночи сопровождаются буквой *p*. Путирныя линіи выражаютъ направленіе поступательнаго движенія грозовыхъ вихрей. Сплошныя прямыя линіи, на концахъ которыхъ отмѣчены часы, служатъ для обозначенія поступательнаго распространенія грозы; напр., на картѣ I прямыя, проходящія черезъ станціи 37, 7, 14, 12 и 56, выражаютъ, что гроза началась:

на станціи № 37	въ 6 ч.	вечера
» »	7	» 7 » 45' »
» »	14	» 8 » 25' »
» »	12 и 56	» 9 »

Карта I. Грозовой вихрь, какъ видно изъ направленія пунктирной линіи, прошелъ южнѣе станціи № 37 и сѣвернѣе станціи 7, 14, 49; въ 9 ч. вечера центръ вихря находился между станціями 12 и 56.

Карта II. На этой картѣ можно видѣть три главныхъ грозовыя нити:

1) № 50,	гдѣ гроза	началась	въ 1 ч. 27'	полудн.
30	»	»	» 1 » 40'	»
51	»	»	» 3 » 40'	»
2) № 41	»	»	» 1 » 30'	»
53	»	»	» 2 »	»
61	»	»	» 4 »	»
45	»	»	» 4 » 20'	»
3) № 53	»	»	» 2 »	»
63	»	»	» 2 » 45'	»
36	»	»	» 4 »	»

Грозовой вихрь около 1 ч. 30' прошелъ между №№ 41 и 8 и направился къ сѣверо-востоку; около станціи 53 гроза сегментировалась и побочная ея вѣтвь прошла къ станціямъ 63 и 36.

Карта III. Грозовыя нити направлены къ западу и сѣверо-западу, а именно:

1) станція № 26	гроза	началась	въ 10 ч. 20'	утра
» 60	»	»	» 11 »	»
» 51	»	»	» 11 » 30'	»
2) » 31	»	»	» 10 » 30'	»
» 38	»	»	» 11 » 30'	»
» 67	»	»	» 12 » 30'	дня
3) » 12	»	»	» 12 » 48'	»
» 24	»	»	» 1 » 30'	»
» 59	»	»	» 2 »	»
» 55	»	»	» 2 » 15'	»

Около № 63 отдѣлившаяся вѣтвь направилась къ № 33 и достигла № 30 въ 3 ч. дня.

4) станція № 43	гроза	началась	въ 7 ч. 15'	вечера
» 56	»	»	» 9 » 30'	»
» 12	»	»	» 10 » 12'	»
5) » 46	»	»	» 4 »	»
» 20	»	»	» 5 »	»
» 1	»	»	» 5 » 40'	»

станція	37	гроза	началась	въ	8 ч.	вечера
»	41	»	»	»	8 » 45'	»
»	55	»	»	»	9 » 30'	»

Карта IV. На этой картѣ можно видѣть три нити:

1)	станція	67	начало	грозы	въ	12 ч. 20'	дня
	»	28	»	»	»	1 »	»
	»	81	»	»	»	1 » 15'	»
	»	51	»	»	»	1 » 30'	»
2)	»	55	»	»	»	10 » 30'	утра
	»	41	»	»	»	1 »	дня
	»	61	»	»	»	1 » 25'	»
	»	5	»	»	»	2 »	»
	»	51	»	»	»	2 » 10'	»

Около двухъ часовъ дня гроза прошла между станціями 51 и 5, что видно изъ направленій вѣтра (сѣверо-западный на станція 51 и юго-западный—на станція 5).

3-я нить отъ станція № 1 направилась къ сѣверо-востоку къ пунктамъ 12, 24 (2 ч. дня) и 26 (2 ч. 15' дня).

48°

О ДУШѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ УЧЕНІЯМИ О СИЛѢ.

Ор. профес. Н. Я. Грога.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта статья представляет собою переработку двухъ публичныхъ лекцій «О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ» и «О предѣлахъ знанія», прочитанныхъ авторомъ недавно въ Одессѣ ¹⁾ и имѣвшихъ тѣсную связь между собою. При переработкѣ и слияніи ихъ содержанія пришлось многое переставить, измѣнить, прибавить, такъ что авторъ принужденъ былъ дать имъ и новую форму связной статьи.

Эти публичныя лекціи, какъ и всѣ прочія, читанныя авторомъ въ Одессѣ, преслѣдовали *одну общую цель*—обоснованія новаго этического или нравственнаго міровозрѣнія, которое на почвѣ современныхъ естественно-научныхъ ученій о силѣ, о законѣ сохраненія энергіи, о развитіи природы, возстановило-бы идеальныя и абсолютныя нравственныя идеи — добра и зла, долга, свободы воли и т. д.

Но эта общая задача естественно распалась на три частныя. Рядомъ съ анализомъ спеціально этическихъ понятій, которому были посвящены публичныя лекціи и рефераты — «О прогрессѣ, свободѣ воли, пессимизмѣ и оптимизмѣ, нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости, эгоизмѣ и альтруизмѣ», автору приходилось время отъ времени обосновывать *методы* своего изслѣ-

¹⁾ 12 Января и 6 Марта 1886 года въ залѣ Университета.

дованія, и эту цѣль онъ пытался выполнить въ лекціяхъ «О задачахъ философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно» и «О предѣлахъ знанія и антропоморфизмъ». Съ другой стороны, нравственное міровоззрѣніе человѣчества всегда тѣсно связывалось съ тѣми общими идеями, въ которыхъ оно привыкло суммировать всѣ свои представленія о внутреннихъ основахъ бытія вселенной, — съ идеями личнаго Бога и души. Философскому оправданію первой изъ этихъ идей была посвящена лекція о «Джіордано Бруно и пантеизмъ», а оправданію второй — лекція «О душѣ», воспроизведенію содержанія которой, въ связи съ вопросомъ «О предѣлахъ знанія и о критеріѣ истины», и посвящена эта статья.

Въ настоящее время ¹⁾ авторъ прочелъ еще одну публичную лекцію на тему «Возможно-ли достовѣрное знаніе нравственныхъ законовъ и прочное обоснованіе абсолютныхъ идей добра и зла», въ которой онъ изложилъ общіе результаты всѣхъ предшествующихъ работъ своихъ, посвященныхъ построенію этического міровоззрѣнія, съ точки зрѣнія науки и философіи. Задачи этой лекціи уже намѣчены имъ въ «Заключеніи» настоящей статьи.

Удовлетворительно-ли нравственное и философское міровоззрѣніе автора, подлежащее конечно дальнейшей детальной разработкѣ, покажетъ время. Во всякомъ случаѣ, авторъ постоянно руководился исключительно стремленіемъ найти истину, не соображаясь съ мнѣніями и тенденціями различныхъ общественныхъ партій и группъ.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что опредѣливъ значеніе этой статьи, въ заглавіи, терминомъ «философское построеніе», авторъ поступилъ сознательно, желая выразить этимъ опредѣленіемъ «творческій» характеръ мышленія философа и участіе въ немъ особаго «субъективнаго» метода изученія дѣйствительности. Еще недавно, увлеченные успѣхами опытнаго знанія и отрицательными результатами философіи нашего вѣка, предста-

¹⁾ 3 Апрѣля 1886 г.

вители интеллигенціи презирали, во имя точнаго опытнаго знанія всякую философскую работу мысли. Въ настоящее время предрассудокъ этотъ начинаетъ ослабѣвать. Но и теперь еще существуетъ много людей, особенно среди спеціалистовъ точнаго знанія, которые къ философскому мышленію относятся пренебрежительно, обывая всякую философію «діалектикой», хотя они обыкновенно и не знаютъ, что такое діалектика.

Этимъ лицамъ мы напомнимъ прекрасное мѣсто изъ діалога Платона «Федонъ». Сократъ, послѣ недоумѣній своихъ учениковъ относительно вѣрности представленныхъ имъ доказательствъ въ пользу безсмертія души, предъ началомъ новаго анализа, говоритъ слѣдующее: «Прежде однако остережемся, чтобы съ нами не случилось нѣкотораго несчастія..., а именно, чтобы мы не сдѣлались ненавистниками всякаго разсужденія (*μισόλογοι*), какъ люди, дѣлающіеся мизатропами»... Разъяснивъ затѣмъ, что челоуконенавистничество есть плодъ чисто субъективныхъ разочарованій нашихъ, вслѣдствіе слишкомъ довѣрчиваго отношенія къ людямъ, и сравнивъ съ этимъ условія разочарованія людей въ успѣхъ «разсужденія», онъ продолжаетъ: «Не было-ли бы достойнымъ сожалѣнія происшествіемъ, если-бы кто-нибудь, въ то время какъ существуетъ истинное и достовѣрное разсужденіе, доступное пониманію, встрѣтивъ разсужденія, которыя кажутся то истинными, то ложными, обвинилъ-бы въ этомъ *не самою себя и свое неуменіе разсуждать*, а кончилъ-бы тѣмъ, что съ горя перенесъ-бы вину съ себя на самый процессъ разсужденія и въ остальную жизнь ненавидѣлъ-бы и поносилъ всякія разсужденія, лишивъ себя истины и возможности познанія истинно-сущаго» (глава XXXIX).

Но не случилось-ли именно такое, достойное сожалѣнія, происшествіе со всей европейской интеллигенціей второй половины нашего столѣтія, послѣ отчасти неудачныхъ и фантастическихъ философскихъ построеній начала этого вѣка, и не пора-ли намъ, наконецъ, очнуться отъ «позитивнаго террора», который овладѣлъ обществомъ въ послѣднія десятилѣтія?

На немедленное возстановленіе довѣрія общества къ философскимъ построеніямъ конечно рассчитывать невозможно. Но унывать также не слѣдуетъ. Философскія идеи, какъ капли, медленно точатъ камни общественныхъ предразсудковъ. Философу нужно вооружиться терпѣніемъ, если онъ вѣритъ въ истинность своихъ основоположеній.

Одесса,
5 апрѣля 1886 г.

I.

Важность вопроса и смыслъ философскаго его изслѣдованія.

Среди необозримаго множества вопросовъ знанія, занимающихъ и волнующихъ человѣческіе умы, съ тѣхъ поръ какъ въ нихъ пробудилась высшая любознательность, едва ли можно указать на другой, столь-же важный и крупный вопросъ, какъ тотъ, которымъ мы займемся въ настоящей статьѣ.

Исторія человѣческой мысли и жизни учитъ насъ, что утвержденіе или отрицаніе *существованія души въ человѣкѣ* всегда налагало печать на все міросозерцаніе человѣчества, на весь складъ его идей, чувствъ, стремленій и дѣйствій. И это понятно: признаніе духовнаго начала въ основѣ своего собственнаго бытія давало человѣку возможность логически оправдать существованіе *высшаго* духовнаго начала, т. е. личнаго Божественнаго разума, во вселенной, а съ тѣмъ вмѣстѣ находили себѣ столь-же логическое оправданіе идеи разумности и общей цѣлесообразности всего существующаго и совершающагося въ мірѣ, — убѣжденіе въ дѣйствительномъ значеніи идей добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго. — вѣра въ прекрасное, въ идеалы справедливости и высшаго духовнаго совершенствованія. Но за то, какъ скоро, наоборотъ, вопросъ о существованіи души рѣшался *отрицательно*, то весь міръ идеальныхъ понятій человѣческаго сознанія превращался въ одну сплошную игру воображенія, въ міръ иллюзій и праздныхъ выдумокъ повтоу и философовъ, поощряемыхъ «трусливымъ суевѣріемъ» толпы. Если нѣтъ души въ человѣкѣ, то *откуда* взять душу и разумъ для вселенной, а если во вселенной нѣтъ высшаго разума, то не можетъ быть въ ея существованіи и

развитіи высшихъ разумныхъ цѣлей и внутренняго нравственнаго смысла; если-же нѣтъ цѣлей въ жизни вселенной, если все совершающееся есть игра слѣпой необходимости и продуктъ прихотливаго столкновенія случайностей, то неоткуда приобрести критерія и для нравственной дѣятельности человѣка. Идеи добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго въ сферѣ жизни человѣка оказались-бы такими-же выдумками услужливой фантазіи моралистовъ, какъ идеи Бога и цѣлесообразности во вселенной: не можетъ существовать добра въ жизни человѣка, если нѣтъ его въ жизни вселенной. И если вѣтвали признать, что «лихорадочный» бредъ человѣчества объ идеалахъ и порывы его къ высшему, къ лучшей и болѣе сознательной долѣ, составляютъ своего рода неизбежность и ничѣмъ не отвратимы, то что можетъ дать сознаніе этого основнаго противорѣчія идеальныхъ влеченій человѣческой природы съ грязной и пошлой, по самому существу своему, дѣйствительности, какъ не философію пессимизма, отчаянія—модную философію нашего времени, предлагающую, въ качествѣ исхода для больной мысли во всемъ извѣрившагося человѣчества, погруженіе въ абсолютное Ничто, въ Нирвану.

Таковы логически неизбежныя слѣдствія двоякаго рѣшенія вопроса о существованіи души въ человѣкѣ, и теперь должно быть ясно для всякаго, что это не только вопросъ правднаго ученаго любопытства: это—проблема, затрагивающая самые дорогіе, самые священные и близкіе для человѣческаго сердца «интересы жизни».

Отъ него человѣческая мысль неизбежно восходитъ и къ высшимъ вопросамъ о природѣ и законахъ бытія вселенной, отъ него-же она исходитъ и къ рѣшенію самыхъ мелкихъ, но все-же важныхъ «вопросяковъ» повседневной жизни. Мы смѣло назовемъ его *центральнымъ* вопросомъ знанія, связаннымъ безконечно-разнообразными и часто неуловимыми нитями со всеми остальными вопросами мысли, которымъ онъ и даетъ ту или другую степень жизненности.

Безъ сомнѣнія весьма желательно, чтобы рѣшеніе такого важнаго вопроса было какъ можно шире и какъ можно глубже, чтобы оно отвѣчало—и потребностямъ холодной и невозможной

въ своей логической строгости мысли, — и запросамъ горячаго и неуступчиваго въ своихъ идеальныхъ притязаніяхъ *сердца* *человѣка*. Но такъ-ли рѣшался этотъ вопросъ на самомъ дѣлѣ?

Человѣкъ, въ сожалѣвію, склоненъ къ ошибочному взгляду, что то, что онъ лично знаетъ, совпадаетъ въ существенныхъ и главныхъ чертахъ со всѣмъ тѣмъ, что вообще приобрѣтено знаніемъ. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ значительное большинство людей не имѣетъ понятія объ очень многомъ, что уже добыто въ сѣрѣ мысли великими умами всѣхъ вѣковъ, то не удивительно, что масса человѣческая въ своихъ воззрѣніяхъ на вещи всегда была предрасположена къ односторонностямъ и крайнимъ увлеченіямъ.

Казалось-бы, одно то соображеніе, что всѣ крайнія мнѣнія всегда существовали совмѣстно или быстро смѣняли другъ друга, а послѣ снова возвращались, могло бы заставить насъ предположить, что истина состоитъ въ примиреніи и объединеніи противоположныхъ идей; изъ которыхъ каждая представляетъ сама по себѣ только извѣстную часть ея.

Но на самомъ дѣлѣ опытъ исторіи пропадалъ даромъ для человѣчества и оно продолжаетъ и до сихъ поръ искать истины непремѣнно направо или налѣво. Прямой путь, который повидимому долженъ быть признанъ кратчайшимъ разстояніемъ ко всякой цѣли, казался большинству людей всегда наиболѣе подозрительнымъ и опаснымъ. По этому прямому пути шли несомнѣнно гениальные мыслители древняго и новаго времени, но за ними слѣдовали лишь немногіе изъ обыкновенныхъ смертныхъ — и слѣдъ къ прямой дорогѣ, или открытой, вскорѣ вновь замѣтался неумолимымъ временемъ.

Всѣ эти соображенія особенно приложимы къ занимающему насъ вопросу «о природѣ души».

Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ никѣмъ не ставился съ достаточною широтою и не разрѣшался именно въ духѣ упомянутаго выше примиренія требованій мысли и высшихъ идеальныхъ стремленій человѣческой природы. Напротивъ, во всѣ почти вѣка можно указать на мыслителей (Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ и др.), обсуждавшихъ проблему о душѣ столь разносторонне, что и въ настоящее время ихъ изслѣдованія могли-бы считаться поучительными. Но этихъ мы-

слителей общество не хотѣло слушать и понимать, и вскорѣ ихъ глубокія ученія забывались... Масса человѣческая охотнѣ шла за тѣми второразрядными умами, которые предлагали ей крайнія рѣшенія проблемы (мистическое и матеріалистическое) и мысль человѣческая продолжаетъ увлекаться и понинѣ ученіями наиболѣе поверхностными и наивными.

У насъ въ Россіи, при сравнительно низкомъ уровнѣ умственной и нравственной культуры и при чрезвычайной впечатлительности, свойственной молодому народу, общество особенно склонно бросаться въ крайности и взаимная нетерпимость односторонне мыслящихъ группъ достигаетъ такихъ размѣровъ, какіе едва-ли извѣстны другому европейскому обществу. Въ каждую эпоху, впрочемъ, царить и властвуетъ одно направленіе, пока вновь не одолѣетъ противоположное, — и горе тому, кто пойдетъ противъ господствующаго теченія, даже въ качествѣ митротворца....

Вопросъ о душѣ раздѣлялъ у насъ, конечно, судьбу *всѣхъ* вопросовъ, занимавшихъ общественную мысль. Всѣ мы хорошо помнимъ, какъ въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ значительная часть нашего общества, и въ особенности молодежь, увлекалась крайними матеріалистическими воззрѣніями, которыя проводились *Молешоттомъ* въ его «Круговоротѣ жизни», *Карломъ Фохтомъ* въ «Физиологическихъ письмахъ», *Бюхнеромъ* въ сочиненіи «Сила и матерія», игравшемъ роль своего рода катехизиса новаго направленія, наконецъ *Геккелемъ*, стремившимся въ многочисленныхъ біологическихъ сочиненіяхъ своихъ совершить синтезъ нѣмецкой матеріалистической доктрины съ ученіемъ *Дарвина*. Всѣмъ также еще памятно конечно, въ какой модѣ было у насъ Фохтовское сравненіе мысли, какъ отдѣленія мозга, — съ желчью, какъ отдѣленіемъ печени, и какія разнообразныя приращенія находилъ у насъ матеріализмъ не только въ литературѣ, но и въ жизни, начиная отъ направленія художественной критики въ оцнѣнѣ произведеній гениальныхъ поэтовъ и кончая грубымъ поклоненіемъ толпы золотому тельцу.

Симпатія общества однакоже неустойчивы. Въ послѣднее время матеріализмъ, какъ направленіе теоретической мысли,

значительно ослабѣлъ. Теперь общество начинаетъ все болѣе и болѣе увлекаться совершенно противоположными ученіями и идеями—мистическими идеями Достоевскаго и Толстого, а съ другой стороны — спиритизмомъ, отгадываніемъ мыслей на разстояніи, опытами «матеріализаціи» (!) души и всевозможными другими выдумками завѣзжихъ иностранныхъ гостей...

Конечно, нельзя не радоваться, что прежнее матеріалистическое направленіе умовъ, сопровождавшееся очень часто грубымъ отрицаніемъ высшихъ идеаловъ, всякихъ нравственныхъ принциповъ и эстетическихъ началъ, миновало. Но нельзя однакоже не смотрѣть съ опасеніемъ и на будущее, ибо теперешніи спиритическія увлеченія сулятъ, можетъ быть, впослѣдствіи развитіе новыхъ опасностей, не менѣе серьезныхъ, чѣмъ самый матеріализмъ.

Задача настоящей науки, а еще болѣе задача *философіи* бороться съ такими крайними настроеніями общественнаго сознанія. Въ эпоху развитія у насъ матеріализма общество было безоружно: у насъ не было философіи, которая одна только и могла побороть поверхностную матеріалистическую метафизику, а не было ее потому, что она продолжительное время была въ загонѣ. Оттого матеріализмъ такъ долго (около 20 лѣтъ) у насъ господствовалъ и загубилъ столько хорошихъ силъ. Въ настоящее время философія имѣетъ и у насъ уже достаточно представителей, чтобы вступить въ борьбу съ односторонними умозрѣніями обоихъ порядковъ.

Но что-же въ состояніи философія противопоставить матеріализму и нелѣпымъ спиритическимъ фантазіямъ, представляющимъ намъ совершенно равноправными вырожденіями давно отжившаго и погребеннаго еще Юмомъ и Кантомъ «догматизма», т. е. того направленія знанія, которое строитъ различныя теоріи, не провѣривъ самыхъ основъ познавательной дѣятельности человѣка. Могутъ-ли вырвать насъ изъ объятій этого догматизма новѣйшія философскія построенія запада?

II.

Можно-ли найти надлежащую постановку вопроса въ современныхъ философскихъ системахъ запада?

Три главныхъ мировоззрѣнія, принадлежащія тремъ крупнымъ представителямъ наиболее культурныхъ европейскихъ странъ — Франціи, Германіи и Англіи — системы Ог. Конта, Шопенгауэра и Герб. Спенсера — по очереди господствовали въ послѣднія десятилѣтія, и на западѣ, и у насъ, не стѣсняя впрочемъ нѣсколько параллельнаго владычества надъ умами материализма, съ которыми онѣ имѣли много общаго и который именно въ нихъ находилъ себѣ какъ-будто высшую санкцію и оправданіе. Изъ этихъ системъ самая старая по времени возникновенія (въ 10-хъ годахъ нын. вѣка) — система Шопенгауэра; не случайно, однако, время господства ея настало сравнительно такъ поздно (у насъ только въ 70 годахъ, на западѣ нѣсколько ранѣе), уже послѣ уменьшенія вліянія Ог. Конта. Дѣло въ томъ, что именно сильная материалистическая окраска этой системы дѣлала её слишкомъ несочувственною для идеалистически-настроеннаго европейскаго общества 30-хъ и 40-хъ годовъ¹⁾. Ей нужно было испытать возрожденіе въ системѣ Гартмана, въ эпоху распространенія въ обществѣ позитивизма и материалистическихъ идей, чтобы побѣдить своихъ сравнительно слабыхъ соперницъ — философскія системы Шеллинга и Гегеля. И вотъ почему, вопреки хронологическому порядку, и на западѣ, и у насъ, господствуетъ надъ умами сначала Контъ, затѣмъ Шопенгауэръ, и наконецъ Спенсеръ, философія котораго имѣетъ преемственную связь съ системою Конта.

Спрашивается теперь, могутъ-ли эти три наиболее крупныя философскія мировоззрѣнія запада дать опору противъ вышеупомянутыхъ крайнихъ умозрѣній?

¹⁾ Мы, конечно, говоримъ о внутреннемъ содержаніи и тенденціи философіи Шопенгауэра, а не о ви́шней идеалистической ея оболочкѣ. Объ этомъ подробнѣе ниже.

Но если онъ сами суть ближайшіе родичи одного изъ нихъ и если не прямо его дѣтища, то братья и сестры?

Позитивная философія Конта несомнѣнно есть родная сестра германской матеріалистической метафизики, и общимъ отцомъ этихъ двухъ ученій является французскій матеріализмъ XVIII стол. Разница между ними въ томъ, что Контъ по преимуществу преемникъ сенсуалистовъ XVIII в. (школы Кондиліака), нѣмецкіе же матеріалисты—преемники чистыхъ матеріалистовъ (Ла-Меттри, бар. Гольбаха и др.). Но сенсуализмъ, выводящій все достовѣрное знаніе изъ пяти внѣшнихъ чувствъ, и матеріализмъ, выводящій все духовное изъ вещества, всегда были лишь двумя сторонами одной доктрины. Притомъ Контъ былъ несомнѣнно плохимъ знатокомъ исторіи философіи. Даже о великомъ и ближайшемъ предшественникѣ своемъ Кантѣ онъ зналъ болѣе по наслышкѣ и лишь мелькомъ упоминаетъ объ его ученіяхъ раза два во всемъ своемъ курсѣ. Философъ XIX в., столь поверхностно знакомый съ критическою философіею Канта, конечно въ сущности плохой философъ и кто сталъ-бы искать у Конта чего-либо болѣе—прекраснаго разсужденія «о методѣ точной науки» и изложенія системы «положительныхъ результатовъ», пріобрѣтенныхъ ею до 30-хъ годовъ нашего столѣтія, тотъ жестоко ошибся-бы. Философія не есть точная наука и точная наука не есть философія. Философія во всѣ времена выходила изъ критики и разчлененія познавательныхъ способностей человѣка и обстоятельнаго изслѣдованія вопроса о критеріѣ истины. Контъ-же не думалъ и не могъ думать о разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ, ибо мало понималъ ихъ значеніе и отвергалъ то орудіе, тотъ методъ, при помощи котораго эти вопросы единственно и разрѣшимы—методъ самопознанія, *внутренняго* опыта. Контъ признавалъ лишь методъ *внѣшняго* опыта и наблюденія и даже, какъ извѣстно, самую психологію хотѣлъ разрабатывать безъ содѣйствія метода внутренняго наблюденія. Вслѣдствіе этого, всякая болѣе глубокая постановка вопросовъ знанія, а равно и сомнѣніе въ абсолютной достовѣрности знанія, пріобрѣтаемаго при посредствѣ внѣшняго опыта, были ему чужды. Все, оставшееся такимъ образомъ за предѣлами ограниченнаго горизонта, ему доступнаго, презрительно обзывалось имъ *метафизикою* и причислялось къ продуктамъ второй, уже отжившей эпохи въ развитіи мысли человѣческой. Эта явная односторонность поне-

воля заставляетъ признать, что возрожденіе всеобъединяющей философіи чрезъ систему Конта, чрезъ доктрину позитивизма, есть праздная мечта. Философія Конта въ развитіи настоящей философіи есть явленіе *регрессивное*, что не мѣшаетъ, конечно, оставить за Контомъ его громадныя заслуги предъ наукою, во всѣхъ области которой подъ его вліяніемъ проникъ позитивный методъ изученія «явленій», хотя-бы и помощью отвергнутого имъ внутренняго опыта.

Но можетъ быть отъ одностороннихъ увлеченій крайними догматическими доктринами насъ спасетъ глубокая философія Шопенгауэра? Уже а priori это невѣроятно, ибо можетъ-ли крайній пессимизмъ Шопенгауэра быть признанъ спасительнымъ примиреніемъ противорѣчій дѣйствительности, открывающихся для начинающаго философствовать челоуѣческаго ума? Едва-ли! Но всмотримся ближе въ доктрину этого мыслителя. Легко подмѣтить, что она есть реакція противъ односторонняго рационализма предшествующаго времени. Самъ Шопенгауэръ, впрочемъ, сознается въ этомъ и, видя ошибку прежнихъ мыслителей въ одностороннемъ превознесеніи разума (*ratio*) въ челоуѣкѣ и во вселенной, предлагаетъ поставить на мѣсто его не менѣе одностороннее поклоненіе неразумной, безсознательной *воли*. Истинно глубокіе философы всѣхъ временъ боролись противъ всѣхъ крайнихъ мировоззрѣній своей эпохи одновременно, противопоставляя всѣмъ «односторонностямъ» иѣчто «разностороннее», всеобъемлющее. Такъ боролся и Кантъ противъ крайнихъ увлеченій мыслителей XVIII-го вѣка. Но кто противодѣйствуетъ *одной* крайности, неизбежно впадаетъ въ *другую*, ей противоположную, — и такова была именно судьба Шопенгауэра. Заслуги его еще и тѣмъ умаляются, что, по удачному выраженію одного американскаго писателя Салтуса, «уже Кантъ совершилъ успѣшную операцію снятія бѣльма съ глазъ цѣлой націи»¹⁾ и былъ вслѣдствіе этого родоначальникомъ «пессимизма», на сколько и *она* долженъ входить въ сложеніе при построеніи міросозерцанія *всеобъемлющаго*. Но преемники Канта, усвоивъ не столько глубокія истины открытыя имъ, сколько внѣшнюю брентную оболочку его идей,

¹⁾ Saltus, Edgar Evertson. The philosophy of Disenchantment. Boston, 1885 (см. Revue philos., 1886, № 1, p. 86 и слѣд.).

разошлись снова во всё стороны, рѣзко осуждая и не понимая другъ друга, какъ тѣ библейскіе люди, которые строили Вавилонскую башню. Шопенгауэръ, безъ сомнѣнія самый гениальный изъ послѣдователей Канта, всетаки не избѣгъ общей участи: и онъ вскорѣ сошелъ съ прямой дороги, указанной великимъ учителемъ и уперся въ стѣну. Его «безсознательная и неразумная воля», какъ психическій принципъ бытія вселенной, есть понятіе по существу противорѣчивое. Воля, по самой природѣ своей стремится къ цѣлямъ и воля безъ цѣли—абсурдъ; но цѣлито можетъ ставить только сознание, разумъ той или другой степени развитія, и тамъ, гдѣ нѣтъ сознания, нѣтъ еще и воли. Что же заставило Шопенгауэра создать такой монстръ, какъ эта «неразумная воля», возведенная въ принципъ бытія? Безъ сомнѣнія имъ руководила прежде всего упомянутая уже ненависть къ противоположной доктринѣ «разума», какъ единственного начала вещей, а виѣсть съ тѣмъ онъ уже находился подъ вліяніемъ проникшихъ въ Германію изъ Франціи, въ началѣ XIX в., матеріалистическихъ идей. Воля Шопенгауэра — это предчувствіе матеріи-силы Молешоттовъ и Бюхнеровъ, это начало конца развитія германскаго матеріализма. Шопенгауэръ, придумавъ безсознательную волю, развивающуюся все-таки цѣлесообразно, долженъ былъ повѣсить въ воздухъ, рядомъ съ нею, ни къ чему не прикрѣпленными, идеи или типы Платона, по которымъ и идетъ всетаки цѣлесообразное безсознательное развитіе безсознательной воли, и умъ нѣмецкаго метафизика не смутился нисколько предъ кореннымъ противорѣчіемъ дѣйствительности и призрачности этихъ *идей—безъ ума или сознанія, какъ ихъ носителя*. Но послѣдующіе матеріалисты вычеркнули эту фикцію, и безсознательная воля превратилась у нихъ въ простую матеріальную силу, чѣмъ она въ сущности и стремилась быть съ самаго начала.

Итакъ, и Шопенгауэровская философія есть философія по существу своему матеріалистическая. Если на матеріалистическомъ фонѣ ея своеобразно вырисовывались узоры крайняго нѣмецкаго идеализма, то такое противорѣчіе слѣдуетъ объяснять чрезвычайнымъ глубокомысліемъ нѣмецкаго ума, который имѣлъ всегда склонность къ затѣйливымъ инверстаціямъ.¹⁾

¹⁾ Шопенгауэръ часто на словахъ даже самъ ополчается противъ грубаго матеріализма (см. Vierf. W. Vorrede, W. a. W. I. 31 и слѣд. II, 16,

Можетъ быть, однако, мы найдемъ удовлетворительное примиреніе контрастовъ въ умозрѣніяхъ третьяго корифея современной европейской философіи—англичанина *Герберта Спенсера*? Несомнѣнно, что среди *современныхъ* намъ западно-европейскихъ философскихъ построеній, система Спенсера — наиболѣе широкая и интересная, и что въ исторіи мысли XIX вѣка она займетъ надлежащее мѣсто. Это—философія на новыхъ основахъ Дарвинизма и естественныхъ наукъ. Задача ея обширная и выполнена она въ своемъ родѣ превосходно. Но невѣрныя посылки губятъ обыкновенно самыя лучшія построенія мысли. У Спенсера есть нѣсколько такихъ посылокъ, которыя привели его и къ невѣрнымъ конечнымъ выводамъ. Онъ раздѣляетъ заблужденіе Канта, что наука есть истинная философія, а всякая истинная философія—наука. Онъ раздѣляетъ заблужденіе Дарвина, что видимую цѣлесообразность вещей можно объяснить одною только борьбою за существованіе и естественнымъ подборомъ, закрѣпляющимъ извѣстныя *случайно* образовавшіяся преимущества живыхъ организмовъ¹⁾. Онъ раздѣляетъ также убѣжденіе матеріалистовъ относительно матеріальности силы, и если у него, всетаки, остается въ «системѣ» идея «великаго Непознаваемаго», то иногда кажется, что этотъ «призракъ» придуманъ имъ лишь для удовлетворенія щепетильнаго, въ вопросахъ религіозныхъ, англійскаго общественнаго мнѣнія. Спенсеръ—матеріалистъ бо-

357 и слѣд. Parerga, II, 13 и т. д. Но онъ вѣстѣ съ тѣмъ соглашается принять главный тезисъ матеріализма, что познающее «я» есть продуктъ матеріи (W. a. W. u. V., II, 15), хотя его матерія и отличается отъ Бюхнеровской. Его матерія — это и есть реализованная безсознательная и неразумная воля-сила—воля къ жизни, т. е. воля къ наслажденіямъ чисто матеріальнаго, чувствознаго характера. А такъ какъ воля къ жизни въ этомъ смыслѣ неизбежно ведетъ къ разочарованіямъ, то Шопенгауэръ и долженъ былъ прийти къ пессимитическому воззрѣнію на результаты ея развитія. Ср. его критику противоположности двухъ субстанцій въ W. a. W. I, p. 581—583, критику термина души, ib. II, 399 и т. д.

¹⁾ Раздѣляя въ главномъ и существенномъ теорію развитія, мы отвергаемъ однако-же нѣкоторыя основы этого ученія — чисто философскія, а не научныя—и находимъ критику Дарвиновскаго принципа случайности и слѣпой необходимости въ новой книгѣ *Н. Я. Давилевскаго* «О Дарвинизмѣ», (Са., 1885 г.) вполне основательной. Къ критикѣ Дарвинизма мы въ свое время еще воротимся.

лѣе, чѣмъ прежде упомянутые мыслители, ибо онъ матеріалистъ, вооруженный всѣми данными науки послѣднихъ десятилѣтій, которыми и пользуется съ большимъ умѣніемъ.

Если-же онъ всетаки ведетъ—пусть даже искренно—свою «двойную бухгалтерію души», то это противорѣчіе худшее, чѣмъ Шопенгауэровское. Вся знаменитая этическая система Спенсера подтверждаетъ матеріалистическій складъ его ученія, ибо доктрина альтруизма, выростающаго будто-бы на почвѣ эгоизма, какъ груша на яблонѣ, — чрезъ унаслѣдованіе «полезныхъ для общественнаго строя привычекъ» не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Спенсеръ считаетъ вполне осуществимою попытку выведенія идеальнаго изъ матеріальнаго. Впрочемъ, по настроенію и субъективнымъ влеченіемъ своего сознанія, Спенсеръ можетъ быть и идеалистъ (не даромъ онъ такъ враждебно относится къ грубому утилитаризму школы Бентама); для насъ важно, что по методу и теоретическимъ принципамъ своего изслѣдованія онъ настоящій матеріалистъ. Искать у него основаній для всеобъемлющей и все примиряющей философіи — напрасно. Методъ самопознанія, какъ методъ построенія *нравственныхъ* началъ, ему чуждъ. Даже Шопенгауэръ, какъ философъ, стоитъ несравненно выше Спенсера. Спенсеръ такой-же односторонній «научникъ», какъ и Контъ, но какъ истій англичанинъ онъ осторожнѣе. Онъ скрылъ въ воду концы своего матеріализма и построилъ ширму, за которую и самъ можетъ спрятаться отъ ударовъ противниковъ, и за которую и другимъ предоставляетъ искать всего того, чего у него нѣтъ, а также и спасенія отъ всего того, что у него есть: искусная выдумка практическаго ума британца, традиціонный принципъ всей англійской полптики¹⁾. Но философія — не политика, и истина отъ очень политическаго съ нею обхожденія блевнеть и улетучивается. Спенсеръ собралъ значительный матеріалъ кирпичей и столбовъ для построенія будущей философіи XIX вѣка, но самъ ее не построилъ. Его временный домъ построенъ на пескѣ: «пойдетъ дождь, разольются рѣки, подуютъ вѣтры и налягутъ

¹⁾ Какъ искусно Спенсеръ скрываетъ свой матеріализмъ, подъ личиною повѣданія, видно изъ его главы «О субстанціи духа» (См. Псих. II, ч. II, гл. I, особ. §§ 58, 62, 63—О неудобствѣ перевода душевныхъ явленій на физическія и о *sensorium universale*).

на домъ тотъ, — и онъ упадетъ, и будетъ паденіе его великое».

Такимъ образомъ главнѣйшія, разсмотрѣнныя нами новѣйшія философскія системы запада едва-ли могутъ помочь намъ выполнить задачу философскаго примиренія контрастовъ и устраненія крайностей современнаго умозрѣнія. Всѣ эти системы въ концѣ концовъ имѣютъ однородную *отрицательную* подкладку, причемъ, по склонностямъ національнаго ума и темперамента ихъ основателей, представляютъ на этой общей канвѣ разнообразныя по узору идейныя вышивки. Чистый матеріализмъ не знаетъ этихъ прихотливыхъ вышивокъ; онъ даетъ канву *au naturel* и предлагаетъ каждому вышивать по ней, что ему вздумается, ибо откровенно признаетъ вытекающій изъ матеріалистическаго міровоззрѣнія «законъ относительности». Поэтому чистый матеріализмъ несравненно послѣдовательнѣе всѣхъ этихъ прикрытыхъ фиговымъ листомъ матеріалистическихъ «философій» и искать спасенія отъ матеріализма и другихъ крайностей въ этихъ фарисейскихъ «Господи, Господи! не отъ имени ли Твоего мы пророчествовали» едва-ли намъ, русскимъ, пристало.

Всѣ вышеупомянутыя доктрины отрицаютъ абсолютный разумъ вселенной, т. е. Бога, абсолютную истину, благо и красоту, какъ принципы внутренняго строенія вселенной, и тѣмъ самымъ разрушаютъ смыслъ всѣхъ идеальныхъ влеченій человѣческой природы. Настоящій-же философъ, конечно, не можетъ успокоиться, пока не оправдаетъ законности этихъ вѣчно-живыхъ пружинокъ человѣческой дѣятельности, безъ которыхъ она утратила-бы всякое разумное значеніе. Философъ всегда будетъ стремиться найти *методъ* оправданія упомянутыхъ идей, вывести на свѣтъ *сознанія* тѣ бессознательныя инстинктивные процессы, помощью которыхъ эти идеи вѣчно вновь, съ роковою необходимостью воссоздались идеально-настроеннымъ и нравственно неспорченнымъ умомъ и чувствомъ милліоновъ людей, послѣ того какъ десятки разъ ошибочность и несостоятельность этихъ идей считалась доказанною. Всякая *роковая неизбежность* для глубокаго ума есть признакъ какого-то начала, независимаго отъ прихоти и фантазіи человѣка. Всякій *фактъ* для мыслителя имѣетъ одинаковое значеніе, къ какой-бы области онъ ни относился. Многозначительные факты нравственнаго самосознанія людей оче-

видно составляютъ законъ жизни человѣчества, а законъ жизни человѣческой не можетъ не быть частнымъ проявленіемъ закона жизни вселенной. Обязательно-ли для философа, что Юма и Канта думали, что доказали чисто человѣческую субъективность всѣхъ идей нравственнаго круга? Говорятъ, что этотъ выводъ есть продуктъ критической философіи. Но что такое критическая философія? Разъ навсегда законченный и утвержденный на всѣ будущіе вѣка «символъ вѣры» или вѣчно-живая и развивающаяся область изслѣдованій человѣческой мысли? Для философа одной ссылки на авторитеты, хотя-бы Локка, Юма и Канта, не достаточно. Юмъ и Кантъ были людьми и могли ошибаться, не менѣе Декарта, Лейбница и Вольфа. Философъ долженъ вѣчно провѣрять вновь всѣ выводы развивающейся критической философіи,—на то она и критическая философія. Догматически относиться къ ея выводамъ непростительно и наивно: критическая философія должна прежде всего критически относиться къ самой себѣ. А между тѣмъ именно изъ отрицательныхъ выводовъ Канта въ послѣднее время на западѣ составили катехизисъ и символъ вѣры, по которому отправляютъ свой культъ науки не только всѣ ученые спеціалисты (самп иногда того не вѣдая), но и почти всѣ философы (особенно въ Германіи).

Такимъ образомъ, западная философія уклонилась отъ лучшихъ традицій своего прошлаго, она одряхла и, если позволительно такъ выразиться, ослѣпла на одинъ глазъ. Между тѣмъ философія-то именно и должна быть зрячею.... Мы не хотимъ сказать этимъ конечно, чтобы на западѣ уже исчезла возможность лучшихъ, болѣе широкихъ построеній мысли. Можетъ быть тамъ и явится еще новый Кантъ, который сниметъ катарактъ съ очей уже всѣхъ западно-европейскихъ націй, взятыхъ вмѣстѣ. Въдъ на западѣ-же, и сравнительно недавно еще, появилась такая глубоко-обдуманная и свѣтлая по замыслу книга, какъ «Исторія матеріализма» Ланге, этого столь ученаго и вмѣстѣ столь художественнаго писателя. Можетъ быть даже Ланге, еслибы не умеръ преждевременно (въ 1875 г.), подарилъ-бы насъ уже теперь вполне оригинальнымъ философскимъ твореніемъ. Можетъ быть также другіе—какой-нибудь Виндельбандъ, или Фолькельтъ, или иной кто-либо, въ тиши кабинета дописываетъ нынѣ послѣднія страницы великаго философскаго произведенія!? Мы знаемъ твердо одно, что теперь на западѣ нѣтъ достаточно широкаго

для наших собственных потребностей мыслителя и философскаго міровоззрѣнія и что въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, мы предоставлены вполне своимъ собственнымъ силамъ ¹⁾.

III.

Основанія самостоятельнаго философскаго изслѣдованія вопроса.

Что-же можетъ дать философія, независимо отъ построеній этихъ новѣйшихъ корифеевъ западной мысли и отчасти даже вопреки имъ, — для широкаго и всесторонняго разрѣшенія вопроса о *душѣ*, играющаго, какъ мы видѣли, столь важную роль среди высшихъ вопросовъ знанія, составлявшихъ во все времена, предметъ философскаго творчества?

Мы отвергли вышеупомянутыя философскія системы запада, какъ системы; но несомнѣнно, что отдѣльныя данныя

¹⁾ Впрочемъ, уже а priori надежда на возможность идущаго изъ передовыхъ странъ запада философскаго обновленія едва-ли основательна. Даже изученіе Ланге, не говоря о другихъ современныхъ нѣмецкихъ философахъ, убѣждаетъ, что онъ еще слишкомъ Кантіанецъ, въ смыслѣ усвоенія нѣкоторыхъ коренныхъ заблужденій Канта. Подобно тому, какъ народамъ, имѣющимъ извѣстный религіозный культъ, всегда было трудно отречься отъ него въ пользу лучшаго культа, хотя бы большинство и создавало его недостатки, такъ точно великимъ націямъ, уже имѣющимъ великихъ мыслителей, трудно выйти изъ колеи умозрѣній, по которымъ направлена ихъ мысль національныхъ гениевъ. Народы, имѣющіе такихъ «божговъ» въ области отвлеченной мысли, какъ ихъ имѣютъ нѣмцы — въ Лейбница, Канта и Шопенгауэръ, французы — въ Декарта, энциклопедистахъ и Коэть, англичане — въ Бэкона, Локка и Юма, трудно вступить на совершенно новый путь, характеризующій всякое возрожденіе философіи. Свойства ихъ національнаго ума и темперамента уже выразились во всей силѣ и блескѣ въ тѣхъ контрастахъ системъ, которые опредѣляются именами этихъ гениальныхъ мыслителей. Для нихъ возможенъ поэтому только возвратъ къ тому или другому изъ болѣе раннихъ умозрѣній. Не то же ли было и въ Греціи послѣ Платона и Аристотеля? Мы убѣждены, что Германія еще возвратится къ поклоненію философскимъ идеямъ Лейбница, Франція къ изумленію предъ гениемъ Декарта, Англія къ идеямъ Беркли или Юма. Для полнаго-же возрожденія мысли едва-ли у этихъ народовъ осталось достаточно юныхъ силъ. Теперь, можетъ быть, очередь другихъ народовъ сказать свое слово въ области отвлеченной мысли.

этихъ системъ — отдѣльныя положенія новѣйшихъ философовъ запада должны быть положены въ основаніе всякихъ дальнѣйшихъ философскихъ построеній.

Двѣ идеи, выработанныя западной философіей новаго времени и особенно упроченныя ею въ XIX вѣкѣ, представляются намъ такими обязательными основаніями для всякаго, а слѣдовательно и для нашего философскаго умозрѣнія. — Первая идея, впервые ясно выраженная еще Локкомъ (въ концѣ XVII в.), развитая далѣе Юмомъ и Кантомъ (въ XVIII в.) и упроченная окончательно Кантомъ, сводится къ отрицательному положенію, что ни однимъ изъ признанныхъ нынѣшнею *опытною наукою* методовъ нельзя подойти къ рѣшенію вопроса не только о сущности, но и о самомъ существованіи души въ человѣкѣ и духа во вселенной, какъ особаго, отличнаго отъ матеріи начала, и что вообще всѣ вопросы о природѣ и отношеніи основныхъ началъ или субстратовъ вещей должны быть выключены изъ области спеціальнаго, опытнаго научнаго изслѣдованія. Научный опытъ осуществляется путемъ чувственныхъ орудій познанія и потому не знаетъ ничего, кромѣ внѣшнихъ *явленій* и ихъ *отношеній*. Все лежащее за предѣлами этихъ явленій и отношеній, какъ недоступное чувственному наблюденію, должно быть исключено изъ сферы научнаго опыта, а слѣдовательно и изъ самой науки. Это направленіе науки и выражено Кантомъ прекрасно въ идеѣ *позитивнаго метода* или позитивизма и едва-ли еще какой-либо представитель «науки» въ правѣ нынѣ отречься отъ этого позитивнаго метода, не допуская явнаго анахронизма. Идея *опытной науки* неизбежно и всецѣло совпадаетъ нынѣ съ идеєю науки «позитивной»¹⁾.

Но если идеи о душѣ и другихъ подобныхъ субстратахъ и началахъ должны быть выключены изъ сферы *научнаго* ана-

¹⁾ Мы не выключаемъ изъ области опытной науки и всѣхъ наукъ «гуманитарныхъ», которыя опираются въ своихъ изслѣдованіяхъ на внѣшнія чувства зрѣнія, слуха и осязанія, изучая памятники древности, сказанія, повѣрія, языки дикихъ и культурныхъ народовъ и т. д. Даже психологія «научная» стоитъ на той-же основѣ, ибо все тѣснѣе сближается съ энтологіей и все болѣе стремится стать на экспериментальную почву (психо-энтологія, психоэнтологія, эксперимент. психологія Вундта и проч.).

лиза, то должны-ли онѣ быть изгнаны и изъ области философіи? Конечно это еще не доказано, и если философія въ какомъ-бы то ни было смыслѣ возможна, то она и должна состоять въ изслѣдованіи природы именно *этихъ* идей. Для этого у нея существуетъ особый методъ и этотъ методъ, впервые указанный Сократомъ и разработанный Платономъ, развитой далѣе Декартомъ и его послѣдователями, окончательно упроченъ Кантомъ въ его «Критикѣ практическаго разума» и Шопенгауэромъ въ его главномъ трудѣ. Идея этого особаго философскаго метода и есть та вторая *положительная* идея, которая должна лечь въ основу современныхъ философскихъ построеній. Но что это за методъ?

Это—методъ *самосознанія*, внутренняго *субъективнаго* опыта. Этотъ методъ слагается, конечно, тоже изъ ощущеній, но не изъ тѣхъ внутреннихъ ощущеній, посредствомъ которыхъ мы узнаемъ о переменнахъ въ растительныхъ тканяхъ и процессахъ нашего организма, а изъ тѣхъ, которыми мы ощущаемъ самыя наши ощущенія, чувства, идеи, стремленія. Это тотъ методъ, который популярное сознаніе обыкновенно выражаетъ понятіями *внутреннюю юлоса, непосредственную чувства* и т. п., а ученые и мыслители называли методомъ интуиціи, интроспекціи, методомъ «практическаго разума» и другими сходными именами. Этотъ методъ открываетъ намъ непреложныя *нравственныя* законы нашего существованія. Онъ-же, при надлежащемъ употребленіи, способенъ открыть намъ и основную сущность—какъ нашего, такъ и всякаго иного бытія.

Сократъ выставилъ этотъ методъ (γυνθ: σαυτόν — познай самого себя), какъ орудіе познанія истиннаго бытія (черезъ понятія),—противъ софистовъ, отрицавшихъ познаваемость его и возможность построения абсолютной нравственной доктрины,—и Сократъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, что внутреннее существованіе вещей и внутренніе, субъективные, *нравственныя* законы познаваемы лишь черезъ самосознаніе, открывающее намъ законы нашего собственнаго «внутренняго» бытія. Послѣ Платона эта истина отчасти затерялась, подъ вліяніемъ Аристотеля — эмпирика по преимуществу, постигавшаго вполне только значеніе вѣшняго опыта. Платонъ дошелъ до крайности, ибо отвергъ во имя внутренняго опыта и ихъ объекта, *идей*, значеніе опыта вѣшняго. Реакція была неизбежна и одна крайность вызвала другую.

Платонизмъ и Аристотелизмъ — одностороннія преувеличенія внутренняго и вѣшняго опыта, какъ орудій истиннаго знанія, боролись двадцать вѣковъ — вплоть до XVII столѣтія. Въ этотъ великій вѣкъ совершилось великое возрожденіе перваго, т. е. платонизма, въ философіи Декарта, второго—въ философіи Бэкона и его послѣдователей.

Cogito ergo sum Декарта (я мыслю, т. е. существую) есть возрожденіе формулы «познай самого себя» Сократа. «Познай самого себя и чрезъ себя все сущее—міръ и Бога», говоритъ Декартъ за Сократомъ. «Познай міръ и чрезъ міръ себя» повторяетъ за Аристотелемъ, хотя и безсознательно для самого себя, Бэконъ. И вотъ идутъ на встрѣчу другъ другу два теченія—сѣверное, арктическое теченіе «холодной мысли» трезваго британца и южное, горячее теченіе, «голосъ сердца» чувствительнаго француза. Они встрѣчаются, сталкиваются, но оба сильны, и уклонясь отчасти отъ прямой линіи, проходятъ въ противоположныхъ направленіяхъ другъ возлѣ друга, отстаивая свою самостоятельность и производя подъ часъ своеобразныя сочетанія: югъ иногда согрѣваетъ сѣверъ—Англія рождаетъ идеалистовъ и во главѣ ихъ стоитъ Беркли, сѣверъ охлаждаетъ югъ—Франція рождаетъ такихъ сенсуалистовъ, какъ Кондильякъ. Но есть и явленія болѣе сложныя: въ Локкѣ и Юмѣ бэконизмъ отчасти смягчается картезіанизмомъ, въ Лейбницѣ и Вольфѣ картезіанизмъ смягчается бэконизмомъ, а Спиноза—пантеистъ — пытается примирить враждующія начала и на первый разъ рождаетъ урода — «безличнаго Бога», Бога-матерію.

Во второй половинѣ XVIII в. враждующія одностороннія направленія окончательно расходятся. Бэконизмъ развивается въ крайній сенсуализмъ и матеріализмъ, картезіанизмъ дѣлетъ въ результатъ крайній интеллектуализмъ и интуитивизмъ. Борьба ведется ожесточенная, примиреніе повидимому невозможно, синтезъ немислимъ... Но вотъ является Кантъ въ роли миротворца. Въ «Критикѣ чистаго разума» Кантъ по преимуществу бэконіанецъ, въ «Критикѣ практическаго разума» — картезіанецъ. Остается подвести итоги, — доказать, что примиреніе совершилось... Кантъ пишетъ «Критику силы сужденія», но доказываетъ ею, что примиреніе было искусственно, фантастично. И всетаки онъ впервые постигъ сознательно проблему примиренія, понявъ вѣрно различіе законовъ ума и законовъ чувства. Чрезъ вѣшній ма-

теріальний опытъ — орудіе теоретическаго ума — мы не познаёмъ природы души и Бога, законовъ нравственныхъ и эстетическихъ, — вотъ смыслъ «Критики чистаго разума»; но зато чрезъ внутренній, духовный опытъ — орудіе практическаго мышленія—мы поймемъ отчасти сущность души, Бога, законовъ нравственнаго міра, учитъ Кантъ въ «Критикѣ практическаго разума». Къ сожалѣнію, все духовное оказывается уже у Канта только «сущностью» матеріальнаго, матеріальное—«явленіемъ» духовнаго. Это лишь двѣ стороны одного субстрата и отъ этого еще неяснаго для самого Канта положенія одинъ шагъ до Шопенгауэровскаго сведенія всего міра къ представленію и волѣ: явленіе вѣдь есть только представленіе ума, а гдѣ-же сущность, самое бытіе? Въ представленіи, которое есть синонимъ «явленія», его быть не можетъ. Слѣдовательно, сущность въ чемъ-то противоположномъ пассивному представленію — въ активномъ началѣ, въ волѣ. Шопенгауэръ не отдалъ себѣ отчета только въ одномъ, что воля есть прежде всего тоже представленіе, хотя бы и изъ сферы внутренняго опыта.

Ну, а если разрѣшить затрудненіе такъ: есть представленія вѣшнія и представленія внутреннія, — тѣ и другія по содержанію своему суть явленія опыта, но одни явленія раскрываютъ природу *объекта*, другіе — природу *субъекта*. Объектъ самъ по себѣ и субъектъ самъ по себѣ суть неизвѣстныя величины, иксы, но чрезъ явленія они отчасти доступны познанію. Сличивъ всѣ явленія вѣшняго опыта, мы получаемъ *матерію*,—идею, приближающуюся къ реальному вѣшнему бытію. Сличивъ всѣ явленія внутренняго опыта, мы получаемъ *духъ*—идею, близкую къ реальному *внутреннему* началу, оживляющему мертвую матерію и отъ нея независимому. Остается оправдать положеніе, что явленія могутъ быть отчасти выраженіями природы *сущаго*, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго. Но объ этомъ — ниже. Несомнѣнно поза одно, что внутренній опытъ можетъ дать болѣе, чѣмъ сколько онъ далъ Шопенгауэру.

Шопенгауэръ открылъ во внутреннемъ опытѣ только *явленія воли*, но вѣдь ранѣе его Сократъ, Платонъ, Декартъ, Спиноза и другіе открыли *явленія разума*—путемъ того-же опыта внутренняго. Лейбницъ уже понималъ, что сила ощущенія (*vis sensitiva*) и сила стремленія (*vis appetitiva*)—какъ источники ума и воли—въ одинаковой степени выражаютъ природу всякой ду-

ховной сущности. Кантъ немного запуталъ эти идеи въ своемъ крайне отвлеченномъ понятіи «разума» (теоретическаго и практическаго); но всетаки онъ признавалъ, что духовная сущность есть воля разумная, — разумъ-воля. Поэтому намъ, философамъ конца XIX-го вѣка, изучающимъ исторію философіи и могущимъ обзрѣть все развитіе идей въ предѣлахъ двухъ крайностей, остается открыто признать односторонность Шопенгауэра и воротить разуму его законное значеніе въ ряду признаковъ истиннаго бытія. Мы утверждаемъ, что методъ Сократа, Платона, Декарта, Канта, Шопенгауэра — великій методъ *самопознанія* — можетъ повести насъ за предѣлы «воли» Шопенгауэра въ болѣе широкой идеѣ «духа», какъ гармоніи разума и воли. Но это возможно лишь для того, кто позитивистъ въ наукѣ и реалистъ въ философіи, кто признаетъ особый реальный характеръ опыта *внѣшняго*, опыта *материальнаго* и противоположное ему значеніе опыта *внутренняго*, *духовнаго*. Для него и тотъ и другой ведутъ отъ *явленій*, какъ дѣйствій, къ *сущностямъ*, какъ причинамъ, но не къ схоластическимъ и метафизическимъ сущностямъ — субстанціямъ и ноуменамъ, а къ *живымъ* сущностямъ, какъ основамъ явленій — къ *основамъ-ноуменамъ матеріи и духу* ¹⁾.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что въ современномъ научно-позитивномъ направленіи не только не лежитъ препятствій для новаго, болѣе широкаго разрѣшенія вопроса о *природѣ духовнаго начала*; но напротивъ, именно это направленіе является своего рода мостомъ къ построенію новаго философскаго ученія — за предѣлами точныхъ, спеціальныхъ наукъ, изучающихъ явленія «объективнаго» опыта. Но этого мало: мы увидимъ ниже, что не только въ *методѣ* современной науки можно найти опору для обновленія и психологической переработки стараго *философскаго* метода Сократа и Декарта, но и въ самомъ *содержаніи* новой науки и истинъ, добытыхъ спеціальными научными изслѣдованіями, лежитъ богатый матеріалъ для новаго, болѣе широкаго обоснованія ученія о *духѣ*, существованіе котораго весьма краснорѣчиво, хотя и косвенно, подтверждается именно новѣйшими научными открытіями.

¹⁾ Что мы разумемъ подъ этими идеями, читатель увидитъ ниже (Гл. IX).

Прежде однако, чѣмъ мы постараемся приложить философскій методъ самопознанія къ изслѣдованію вопроса о духовномъ началѣ, въ соотвѣтствіи съ важнѣйшими научными теоріями нашего времени, мы считаемъ необходимымъ изложить, въ немногихъ словахъ, въ высшей степени поучительную судьбу вопроса о *душѣ* въ его прошломъ.

IV.

Историческій очеркъ ученій о душѣ.

Изъ исторіи мысли человѣческой, на сколько она открыта намъ въ исторіи *философій*, сознательно занимавшейся разрѣшеніемъ вопроса о душѣ, мы узнаемъ о существованіи во всѣ времена *четыре* главныхъ воззрѣній на природу духа, въ соотношеніи съ природою другого начала — матеріи, всегда противоположавшагося ему сознательно или инстинктивно.

Согласно одной теоріи, реально существуетъ только *матерія* — духа нѣтъ: это лишь названіе для одного изъ свойствъ развивающейся матеріи. Духъ — это все равно, что цвѣтокъ или плодъ, вырастающій со временемъ на древѣ вещества. Такова доктрина *материализма*.

Согласно другой теоріи, существуетъ только *духа*, а матерія есть только представленіе, одна изъ идей духа: на самомъ дѣлѣ ея не существуетъ. Матерія — это только созданіе творческой мысли духа, имѣющаго потребность облечь въ конкретный образъ мыслимую имъ противоположность своего собственнаго бытія. Такова доктрина чистаго *спиритуализма* (*spiritus*—духъ) или *идеализма*, ибо для этого ученія реально существуютъ только *идеи духа*.

Согласно третьему воззрѣнію, духъ и матерія одинаково реальныя начала, совершенно *противуположныя* другъ другу по своей природѣ и не имѣющія между собою ничего общаго ни въ свойствахъ, ни въ законахъ своего дѣйствія. Такое ученіе названо было *дуализмомъ* (ученіемъ о двойственности всего сущаго), а иногда обозначается и именемъ *спиритуализма*,

ибо для предшествующей доктрины употребительнѣе терминъ идеализма, да и притомъ по причинамъ, которыя мы разсмотримъ ниже, материализму чаще противопоставлялось ученіе о двойственности матеріи и духа, чѣмъ ученіе о реальномъ существованіи одного только духа.

Четвертое ученіе признаетъ также дѣйствительное существованіе матеріи и духа, но не какъ двухъ совершенно противоположныхъ и самостоятельныхъ началъ, а какъ «двухъ сторонъ или противоположныхъ полюсовъ» одного и того-же высшаго бытія—двухъ качествъ или атрибутовъ одной высшей субстанціи. Эта доктрина называла себя часто *монизмомъ*, или, по характеру соотвѣствующаго ученія о вселенной, *пантеизмомъ*, такъ какъ вслѣдствіе признанія конечнаго единства духа терія вся природа представлялась ей наполненною и одушевленною духомъ, Богомъ.

Конечно, каждая изъ этихъ доктринъ имѣла разнообразныя выраженія и претерпѣвала видоизмѣненія, создавшія не мало переходныхъ формъ между указанными контрастами. Особенно значительны были видоизмѣненія пантеизма, который колебался между *материалистическими* отождествленіемъ духа съ слѣпою и, по существу, бессознательною физическою силою (напримѣръ, духъ, какъ бессознательная воля у Шопенгауэра, или какъ бессознательное предъставленіе и воля у Гартмана) и *спиритуалистическими* признаніемъ его главенства въ природѣ и надъ другимъ началомъ—матеріею. Иными словами, то общее начало, изъ котораго выводились матерія и духъ пантеистами, признавалось то болѣе материальнымъ и потому неразумнымъ, то болѣе духовнымъ и разумнымъ. Немногимъ философамъ-пантеистамъ удавалось соблюсти должную *гармонію* въ выведеніи противоположности духовнаго и материальнаго началъ изъ высшей *основной* субстанціи и только эти философы могутъ быть признаны настоящими пантеистами, при чемъ однако и между ними было двѣ *фракціи*: для *однихъ* высшая основная субстанціа превращалась въ мертвый по своей крайней отвлеченности абсолютъ, *другіе* же мыслили это высшее единство матеріи и духа, какъ конкретное высшее единство «живой индивидуальной организціи», аналогичной съ организациею живыхъ существъ на землѣ и въ особенности человѣка.

Во всякомъ случаѣ, такая доктрина, признающая основное единство двойственныхъ началъ или основную двойственность въ единствѣ бытія есть не столько *монистическая*, сколько *монодуалистическая* доктрина ¹⁾.

Настоящимъ *монизмомъ* можно назвать съ одной стороны матеріализмъ, съ другой — прямо противоположный ему идеализмъ. Тогда мы получимъ слѣдующую классификацію четырехъ (основныхъ доктринъ о природѣ духа въ соотношеніи съ матеріею :

- 1) Матеріалистическій монизмъ, или матеріализмъ.
- 2) Спиритуалистическій монизмъ, или идеализмъ.
- 3) Дуализмъ, или ученіе о двойственности бытія.
- 4) Монодуализмъ, или ученіе о высшемъ единствѣ двойственнаго бытія.

Если принять во вниманіе, что ни одно изъ этихъ ученій въ сущности не въ состояніи было окончательно побѣдить двойственности духа и вещества (сознанія и «ореды» его дѣйствій), субъекта и его объекта, то въ концѣ-концевъ все различіе ихъ сводится къ различію взглядовъ философовъ на *причинныя соотношенія* или *генетическую связь* этихъ двухъ противоположностей или полюсовъ извѣстной намъ изъ непосредственнаго нашего опыта «дѣйствительности». Матеріалистическій монизмъ считаетъ основною причиною всего сущаго матерію, духъ-же однимъ изъ дѣйствій или продуктовъ дѣйствія этой причины. Спиритуалистическій монизмъ считаетъ основною причиною всякаго бытія безплотный духъ: матерія есть дѣйствіе или одинъ изъ продуктовъ творчества духа. Чистый дуализмъ считаетъ и матерію, и духъ *независимыми причинами* противоположныхъ дѣйствій или формъ бытія, самихъ-же ихъ не признаетъ дѣйствіями чего-либо, такъ какъ считаетъ ихъ вѣчно-данными, изъ начала существующими. Монодуализмъ или пантеизмъ считаетъ матерію и духъ *различными дѣйствіями* или проявленіями одной общей, хотя-бы неизвѣстной или трудно опредѣлимой для человѣческаго ума причины. Съ этой точки зрѣнія различіе разсматриваемыхъ доктринъ можно опредѣлить слѣдующей наглядной схемой :

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ нашей брошюрѣ: Джордано Бруно и пантеизмъ. Одесса, 1885.

1) Матерія — причина, духъ — дѣйствіе ея (матеріализмъ).

2) Духъ—причина, матерія—дѣйствіе (идеализмъ).

3) Матерія и духъ суть оба — независимыя причины различныхъ явленій бытія, не будучи дѣйствіями ничего иного (чистый дуализмъ).

4) Матерія и духъ суть оба — дѣйствія третьяго высшаго начала или общей причины и сами не суть самостоятельныя и конечныя причины чего-либо реального, ибо чрезъ нихъ дѣйствуетъ всегда общая конечная причина всякаго бытія (монодуализмъ).

Мы не имѣемъ конечно возможности рассмотреть здѣсь подробно всю исторію каждаго изъ изложенныхъ ученій¹⁾, но чтобы убѣдить читателей своихъ, что всѣ они одинаково древни и развивались совмѣстно и преемственно во всѣ вѣна исторической европейской культуры, мы назовемъ важнѣйшихъ представителей каждаго изъ нихъ въ древнее и новое время—въ періоды разцвѣта философіи.

Представителями *матеріализма* въ періодъ древней философіи являются въ VI и V вѣкахъ до Р. X. философы Левкиппъ и Демокритъ — первые атомисты, для которыхъ и душа была совокупностью тончайшихъ матеріальныхъ атомовъ, въ IV в. Гедонисты — та сократическая школа, которая признавала удовольствіе, какъ единственную цѣль жизни (Аристиппъ и его послѣдователи²⁾, съ конца IV в. и въ слѣдующіе — Эпикуръ и эпикурейцы, слившіе во едино и развившіе далѣе объ упомянутыя доктрины. — Представителями чистаго спиритуализма или *идеализма* являются въ древности нѣкоторые Пифагорейцы, вы-

¹⁾ Читатель, интересующійся ихъ подробною судьбою найдетъ исторію почти всѣхъ крупныхъ явленій, сюда относящихся, прямо или косвенно затроутою въ «Исторіи матеріализма» Ламе (2 тома, русскій пер. Страхова, СП. 1881—83). Кромѣ этого капитальнаго руководства, ему можетъ служить въ помощь краткій, но очень обстоятельный обзоръ развитія всѣхъ этихъ ученій въ психологіи Фольмана (Psychologie. Cöthen., 1875, I томъ. § 18—22), который способенъ руководить въ дальнѣйшемъ, болѣе обстоятельномъ изученіи вопроса по исторіямъ философіи и по сочиненіямъ самихъ философовъ.

²⁾ Изъ этой школы вышелъ и первый греческій яссимистъ Гегезій, проповѣдникъ самоубійства (πασώντωνος), учившій въ Александріи въ III в. до Р. X.

водившіе все сущее изъ чиселъ—единицы и двойцы, и нѣкоторые элейцы, напр. Парменидъ въ V в., отрицавшій всякое реальное бытіе кромѣ идейнаго; далѣе Платонъ, отрицавшій реальное бытіе матеріи, въ IV в.; нѣкоторые Платоники и Новоплатоники въ послѣдующіе вѣка ¹⁾.—Представителями *дуализма* въ древности считаются Анаксагоръ и Сократъ въ V в., изъ которыхъ первый впервые противопоставилъ умъ веществу, а второй развилъ это ученіе примѣнительно къ природѣ человѣка, затѣмъ Аристотель въ VI в., противопоставившій бессмертный дѣятельный умъ смертной безформенной матеріи,—позднѣе его послѣдователи, нѣкоторые перипатетики. — *Пантеизмъ* въ полусознательной формѣ возникаетъ еще въ VII и развивается далѣе въ VI вв. въ ученіяхъ іоническихъ физиковъ или гилозостовъ—Θалеса, Анаксимандра, Гераклита и др., учившихъ, что матерія — ὕλη — одушевлена, одарена жизнью — ζωή; далѣе пантеистомъ считается основатель элейской философіи, Ксенофанъ въ VI в., учившій о единомъ Богѣ, какъ реальной сущности всѣхъ вещей,—натурфилософъ Эмпедоклъ въ V в., одушевлявшій свою матерію началами любви и ненависти, а въ IV и въ слѣдующихъ вѣкахъ пантеизмъ находитъ себѣ болѣе сознательное выраженіе въ ученіяхъ стоиковъ (Зенонъ и его послѣдователи).

Впрочемъ несомнѣнно, что въ древности всѣ указаннныя разнознѣнія не проявлялись еще столь рѣзко и отчетливо, какъ въ новое время, когда они окончательно обособились и выработали свои формулы и названія. Этимъ объясняется, почему іоническихъ философовъ и даже Аристотеля иногда причисляютъ къ матеріалистамъ древности, Ксенофана нѣкоторые считаютъ идеалистомъ, Платона—дуалистомъ, Новоплатониковъ пантеистами и т. д. Человѣческій умъ склоненъ къ противорѣчіямъ; провести во всей чистотѣ извѣстную доктрину можно только при большомъ напряженіи вниманія, сознательно стремящагося выдержать ее послѣдовательно во всѣхъ частностяхъ, да и это не всегда удается, ибо контрасты даны въ самой дѣйствительности и въ самой природѣ познающаго ума.

¹⁾ Эта доктрина, впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, рѣдко проводилась совершенно послѣдовательно и легко переходила въ дуализмъ или же пантеизмъ.

Минуя среднія вѣка, перейдемъ къ эпохѣ возрожденія философіи. Въ XV и XVI вѣкахъ явились новые послѣдователи Платоновской, Аристотелевской, стоической и атомистической философіи и съ тѣмъ вмѣстѣ вновь оживилась борьба четырехъ главнѣйшихъ доктринъ, намѣченныхъ древней философіей. Самостоятельное развитіе получилъ только пантеизмъ—въ великой доктринѣ итальянскаго мыслителя-мученика XVI вѣка Дж. Бруно. Въ XVII в. Декартъ положилъ начало строгому философскому *дуализму*, который былъ развиваемъ далѣе его послѣдователями—чистыми картезіанцами, затѣмъ окказіоналистами и въ особенной, очень запутанной формѣ Лейбницемъ (ученіе о предустановленной гармоніи¹⁾). Въ XVIII в. дуализмъ развивался далѣе въ Лейбнице-Вольфганской школѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ еще довольно многочисленныхъ представителей среди картезіанцевъ этого вѣка и среди шотландскихъ психологовъ-эмпириковъ, молчаливо допускавшихъ двойственность матеріи и духа, хотя и отрицавшихъ возможность ея философскаго обоснованія. Въ XIX стол. главныхъ представителей дуалистическаго спиритуализма слѣдуетъ искать среди французскихъ спиритуалистовъ (одинъ изъ послѣднихъ Janet, современный французскій философъ), хотя достаточно было таковыхъ и среди второстепенныхъ мыслителей Великобританіи и Германіи (идеальные реалисты и т. д.).

Материализмъ въ XVII в. возродился въ ученіяхъ послѣдователя эпикуреизма Гассенди и послѣдователя Бэкона, англичанина Гоббеса, утверждавшаго, что въ мірѣ нѣтъ ничего реального, кромѣ тѣлъ естественныхъ и искусственныхъ. Въ XVIII вѣкѣ материализмъ съ особенною силою развивался во Франціи, при чемъ главными представителями его были Ла-Меттри (соч. «Человѣкъ-машина»), нѣкоторые энциклопедисты, Гельвецій и баронъ Гольбахъ («Система природы») и т. д. Впрочемъ, Гоббесъ имѣлъ тоже своихъ преемниковъ въ Англіи (Гертли и Пристли). Въ XIX в. материализмъ имѣлъ главныхъ представителей своихъ въ Германіи (а именно упомянутыхъ выше Бюхнера, Молешотта, Фохта, Цолбе и др.) и уже изъ Германіи,

¹⁾ О плюрализмѣ Лейбница мы не говоримъ, ибо всякій плюрализмъ (ученіе о множествѣ началъ) является въ концѣ концовъ монистическимъ или дуалистическимъ, материалистическимъ или спиритуалистическимъ.

гдѣ обновился подъ вліяніемъ успѣховъ естествознанія, перешелъ въ другія страны Европы.

Идеализмъ или спиритуалистическій монизмъ имѣлъ въ XVII в., представителя, хотя и не совсѣмъ чистаго, въ картезианцѣ — французѣ Малбраншѣ, утверждавшемъ, что мы всѣ вещи познаемъ чрезъ Бога, такъ какъ единственнымъ объектомъ созерцанія нашего духа является Богъ съ его идеями; въ XVIII в. идеализмъ нашелъ себѣ очень послѣдовательную и тонкую обработку въ ученіи англичанина Беркли, признававшего реальное существованіе однѣхъ только душъ съ ихъ состояніями и отвергавшего возможность доказать бытіе матеріи; въ самомъ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. идеализмъ возродился въ Германіи чрезъ философію Канта¹⁾—въ ученіяхъ его преемниковъ Фихте, выведившаго «не-я» или *объектъ* мысли изъ природы «я» или *субъекта*, а затѣмъ Гегеля, отождествлявшаго мышленіе и бытіе.

Пантеизмъ или монодуализмъ въ XVII в. нашелъ себѣ грандіозное выраженіе въ знаменитомъ ученіи Спинозы о единой субстанціи и ея атрибутахъ; въ XVIII в. онъ продолжаетъ жить въ ученіяхъ англійскихъ и французскихъ деистовъ, отрицавшихъ личнаго Бога и обоготворявшихъ одаренную силой матерію, а также въ воззрѣніяхъ нѣмецкихъ поэтовъ, послѣдователей Спинозы (особ. Лессинга); въ XIX вѣкѣ онъ принялъ новыя, весьма сложныя формы выраженія въ ученіяхъ нѣкоторыхъ философовъ Кантавской школы—Шеллинга, Шопенгауэра, Гартмана и др.

Конечно и въ новое время, въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, едва-ли мы найдемъ хоть одного философа, за исключеніемъ развѣ Спинозы, который былъ-бы отъ начала до конца во всѣхъ своихъ трудахъ и ученіяхъ безусловно вѣренъ одной изъ указанныхъ выше четырехъ принципіальныхъ точекъ зрѣнія. Мы уже упомянули, во первыхъ, о препятствіяхъ, которыя встрѣчаетъ абсолютная цѣльность міровоззрѣнія въ организаціи нашего ума и въ свойствахъ безконечно-сложной и противурѣчивой дѣйствительности. А за тѣмъ не должно упускать изъ

¹⁾ Самъ Кантъ не былъ чистымъ идеалистомъ въ вопросѣ о природѣ духа и матеріи, такъ какъ вся его философія по отношенію къ этой проблемѣ имѣла нестакъ характеръ скеитическій. Мы думаемъ, впрочемъ, что въ душѣ своей Кантъ былъ скорѣе всего монодуалистомъ.

виду и самой сложности *задач* философа, который принужденъ подходить къ построению своего цѣльнаго міровоззрѣнія съ различныхъ сторонъ и потому не можетъ, при наличныхъ недостаточныхъ знаніяхъ человѣка, не допускать противурѣчій въ своихъ выводахъ, относящихся къ безконечно разнообразнымъ вопросамъ. Справедливо замѣчаніе Гартмана по поводу Кантовской теоріи познанія, что «брать отсутствіе противурѣчій замѣрку историческаго значенія философа — очень ограниченная точка зрѣнія: чѣмъ шире горизонтъ мыслителя, чѣмъ болѣе оригинальныхъ воззрѣній совмѣщается въ его умѣ, чѣмъ разнообразнѣе онъ истолковываетъ вещи и чѣмъ искуснѣе онъ сплетаетъ въ одно цѣлое многообразные вопросы, тѣмъ по необходимости болѣе трудностей и неразрѣшимыхъ недоумѣній онъ встрѣчаетъ на своемъ пути»...¹⁾.

Для насъ достаточно знать, что всѣ разнообразныя воззрѣнія на природу души—въ древности болѣею частью бессознательно, а въ новое время несравненно болѣе сознательно—устанавливались мыслителями *въ одно и то-же время*, развиваясь въ каждомъ вѣкѣ параллельно и совмѣстно и уступая другъ другу преобладаніе лишь на нѣкоторое время, *въ той или другой* изъ культурныхъ странъ Европы. Ни одна изъ этихъ философскихъ доктринъ не можетъ быть признана *безусловно преобладающею* въ исторіи философской мысли Европы: монизмъ всегда уравновѣшивался дуализмомъ, матеріализмъ—спиритуализмомъ. Уже это одно заставляетъ думать, что истина должна лежать въ примиреніи контрастовъ, въ объединеніи противоположнаго, въ обнаруженіи единства въ двойственномъ и двойственности въ единомъ.

Къ разрѣшенію этой великой и трудной задачи всегда стремились гениальные философы всѣхъ вѣковъ — инстинктивно или сознательно,—и еще древнѣйшіе греческіе философы, Пифагоръ, Анаксимандръ, Гераклитъ, Эмпедоклъ, выводили все сущее изъ противоположностей матеріальныхъ или идеальныхъ²⁾.

¹⁾ Philos. Fragen, L. u. B. 1885, p. 248.

²⁾ Елиное и двойца Пифагора, теплое и холодное Анаксимандра, сгущеніе и разрѣшеніе Анаксимена, *ὄδος ἄνω* и *ὄδος κάτω* Гераклита, любовь и ненависть Эмпедокла и т. д.

Надо сознаться, однако, что пока мы видимъ прогрессъ не столько въ разрѣшеніи, сколько въ способахъ постановки и въ сознаніи важности указанной задачи. Вѣрно также и то, что пока ни одинъ изъ философовъ не придумалъ болѣе простаго и нагляднаго рѣшенія вопроса объ отношеніи единства и двойственности во вселенной, чѣмъ то, которое мы находимъ въ христіанскомъ ученіи о воплощеніи Бога-духа¹⁾. Недаромъ всѣ нѣмецкіе философы, начиная съ Канта, стремятся поставить свои доктрины въ нѣкоторую связь съ этою великою идеею.

Неудачи прежнихъ философовъ не могутъ однако-же удерживать будущихъ отъ дальнѣйшаго исканія разгадки великой тайны бытія. Напрасно нѣкоторые мыслители пытались поставить предъ пытливою мыслью человѣческою болѣе или менѣе непреходимыя преграды, въ родѣ напр. Кантовскаго ученія о непознаваемости «ноуменовъ» (сущностей). Они сами — и это доказалъ лучше всего Кантъ²⁾ — не въ состояніи были долго выдержать искусственно наложеннаго на себя поста мысли. Ланге говоритъ, что причиною неудержимаго стремленія «пробиться за границы познанія и познать абсолютную сущность вещей» служитъ неисчерпаемость софизмовъ, посредствомъ которыхъ это становится всегда возможнымъ, — софизмовъ, которые хитро обходятъ позицію критики и которые часто побѣждаютъ всѣ препятствія въ союзѣ съ «геніальнымъ невѣжествомъ»³⁾. Но тотъ-же Ланге, правовѣрный Кантіанецъ, возмущающійся геніальнымъ невѣжествомъ (?) своего соотечественника Гегеля, признаетъ совершенную законность «поэтически-философскаго полета въ область идеаловъ»⁴⁾.

Пусть-же философія будетъ сродни поэтическому творчеству человѣческаго ума, ищущаго идеаловъ, — пусть она будетъ высшимъ эстетическимъ синтезомъ разчлененной на складки, посредствомъ научнаго анализа, дѣйствительности⁵⁾, — пусть

¹⁾ Которое тоже есть ученіе монодуалистическое, признающее единство источника всего живаго — въ Богѣ, и двойственность созданій его — вещества и духа.

²⁾ «Критикою практическаго разума».

³⁾ Ист. матер., II, стр. 468.

⁴⁾ См. тамже, II Т., IV: Точка зрѣнія идеала, стр. 462 и слѣд.

⁵⁾ «Вселенная, когда мы понимаемъ её только естественно-научно, остроумно замѣчаетъ Ланге, можетъ насъ также много воодушевить, какъ читаемая по складамъ Илиада» (тамъ-же стр. 467).

она будетъ также близка къ искусству, какъ и къ наукѣ, согласно утверженію Шопенгауэра¹⁾. Пусть она будетъ даже «тождественна» поэзіи по отдаленности своей отъ «точности» въ смыслѣ специальныхъ наукъ и даетъ, подобно поэзіи, «торжество единству» въ ущербъ «торжеству точности», какъ остроумно выражается нашъ Бѣлинскій²⁾, — несомнѣнно одно, что философія нужна — «unentbehrlich», какъ говорятъ нѣмцы, что мысль человѣческая по самой природѣ своей склонна перелетать чрезъ всѣ искусственныя загородки, изобрѣтаемыя «критическими» философами и что есть возможность построения даже такой «критической» философіи, которая психологически оправдываетъ способность нашего ума проникать за предѣлы явленій, данныхъ *внѣшнимъ* и *внутреннимъ* опытомъ и изучаемыхъ наукою. Самъ Кантъ намѣтилъ такую новую критическую философію въ своемъ второмъ капитальномъ трудѣ, т. е. въ «Критикѣ практическаго разума»³⁾.

Итакъ, одна изъ вѣчно живыхъ задачъ философіи состоитъ въ примиреніи противоположностей единства и двойственности, въ побѣдѣ надъ антиноміями (противорѣчіями) человѣческаго ума и дѣйствительности. Въ примѣненіи къ специальному вопросу о природѣ души, она должна состоять очевидно въ примиреніи монизма и дуализма во взглядѣ на начала бытія, съ одной стороны, въ устраненіи разнорѣчій матеріализма и спиритуализма—съ другой.

Конечно, эта задача можетъ быть достигнута лишь путемъ такого ученія, которое будетъ стоять выше — и монизма, и дуализма, будетъ доминировать — и матеріализмъ, и спиритуализмъ, уничтожая слую возможность дальнѣйшей борьбы и обособленія противоположныхъ одностороннихъ воззрѣній—путемъ перенесенія вопроса на совершенно новую почву. Возможно-ли такое ученіе? Не есть-ли оно недостижимый теоретическій идеалъ, пустая и праздная мечта философовъ?

¹⁾ Метод., 718—720, ср. W. a. W. u. V., II, p. 461—463.

²⁾ В. Бѣлинскій, Сочиненія Т. IV (1859, стр. 250).

³⁾ Наши собственные взгляды на задачи философіи мы уже много разъ излагали. Въ неизбежномъ для каждой идеи развитіи, она конечно слегка измѣнялась и расширялась; но на родствѣ философіи съ искусствомъ мы всегда настаивали. Ср. статью: Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно, Одесса, 1886.

На это мы можем отвѣтить только одно. Мы лично твердо убѣждены въ возможности философски построить такое ученіе о духѣ на научныхъ основаніяхъ. Сообщить это убѣжденіе читателю и будетъ нашей задачей въ послѣдующихъ главахъ настоящаго очерка, которыя должны составлять собою въ тоже время программу будущей *детальной* разработки вопроса.

V.

Критическая оцѣнка различныхъ ученій о душѣ и постановка вопроса

Отмѣченны выше четыре главные философскія доктрины о соотношеніи матеріи и духа имѣютъ предъ судомъ *критики* конечно далеко не одинаковое значеніе.

Прежде всего та изъ нихъ, которая отрицаетъ всякую иную реальность въ природѣ, кромѣ духовной, т. е. отрицаетъ существованіе вещества и доказываетъ, что всѣ представленія наши о вещественномъ мірѣ суть сплошь иллюзіи и галлюцинаціи, своего рода сонъ или продуктъ фантазіи, — доктрина идеализма — въ сущности до такой степени противорѣчитъ всѣмъ даннымъ нашего опыта, всѣмъ показаніямъ здраваго смысла и научнаго экспериментальнаго знанія, что она всегда представлялась большинству людей и даже философамъ безусловно парадоксальной, нелѣпой. Отстоять еѣ послѣдовательно безъ малѣйшихъ противорѣчій было крайне трудно. Философу приходилось отрицать свою собственную плоть, которая непрестанно даетъ себя знать человѣку, и въ концѣ концовъ приходилось идти на компромиссы. Идеалисты обыкновенно кончали тѣмъ, что всетакъ не абсолютно отрицали вещество, а отвергали только возможность познанія его и обнаруженія его истинныхъ свойствъ и природы. Называя его *несущимъ*, они въ то-же время допускали, что это несущее существуетъ, и Платонъ въ «Тимей» въ формѣ «недостовѣрнаго мнѣнія» сообщаетъ даже цѣлую теорію происхожденія и законовъ существованія вещественнаго міра. Точно такъ поступали и другіе идеалисты, рѣдко отказываясь отъ попытки построенія своеобразной «натурфилософіи» на основахъ идеализма, отрицающаго видимый міръ. Другими словами, идеализмъ почти всегда незамѣтно переходилъ въ дуализмъ, или-же возбуждалъ насмѣшки, въ родѣ передаваемыхъ

Гейне недоумливый публики относительно того, признавал-ли Фихте существование своей собственной супруги, мадамъ Фихте. Чистый, вполне выдержанный идеализмъ дѣйствительно долженъ былъ-бы превратиться въ *солипсизмъ*, т. е. въ признаніе существованія только своего собственнаго духа, своего «я» (*solus, ipse*). Естественно поэтому, что къ чистому идеализму научная критика относилась всегда свысока, признавая его скорѣе *шроу* мысли, чѣмъ серьезнымъ философскимъ построениемъ.

Съ другой стороны, *пантеистическое* ученіе о неразрывномъ единствѣ и слитности духа и вещества представлялось также трудно постигаемымъ. Если вещество и духъ такъ неразрывно слиты и такъ безусловно проникаютъ другъ друга, то чѣмъ объяснить факты борьбы духа и вещества, или плоти, въ человѣкѣ, и такого ихъ соотношенія, что очень сильное развитіе тѣла дурно отражается на развитіи духовныхъ свойствъ человѣка и, наоборотъ, исключительное развитіе духа сопровождается замѣтнымъ ущербомъ для тѣла?

Если-же отрицать эти факты и признавать полный параллелизмъ въ развитіи всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ человѣка, и если признавать, что сознанія въ неорганической природѣ нѣтъ, а есть въ ней только силы физическія, то не послѣдовательнѣе-ли признать, что духъ вообще есть фикція и что это только усовершенствовавшаяся физическая сила, какъ это и допускаютъ матеріалисты?

Естественно, что выходъ изъ этой дилеммы найти трудно. Отвергнуть независимость духа и вещества—и въ то-же время отстоять ихъ противоположность и разнородность едва-ли можно, не впадая въ противорѣчія. И дѣйствительно *пантеизмъ* легко переходилъ или въ матеріализмъ, т. е. отождествлялъ духъ съ «силою вещества», или въ дуализмъ, если отстаивалъ всетаки положеніе о разнородности духа и матеріи. Конечно, возможна еще такая точка зрѣнія, что духъ и матерія въ настоящемъ своемъ видѣ противоположны, отчасти независимы другъ отъ друга и разнородны — и всетаки происходятъ *изъ одною источника*. Но вѣдь это не всегда отрицалъ и философскій дуализмъ, выводившій часто противоположныя субстанціи вещества и духа изъ общаго начала, которое выражалъ въ идеѣ Бога. Очевидно различіе настоящаго монодуалистическаго пантеизма отъ дуализма касается менѣе существеннаго, въ вопросѣ

о природѣ духа, пункта, а именно *способа происхожденія* духа и вещества изъ упомянутого общаго начала, при чемъ пантеизмъ склонялся къ убѣжденію въ *естественности* процесса этого происхожденія—черезъ необходимое *саморазвитіе* (дифференціацію) общаго начала, а дуализмъ болѣе сочувствовалъ гипотезѣ возникновенія духа и вещества черезъ особый творческій актъ (*substantiæ creatæ* Декарта).

Въ вопросѣ о соотношеніи матеріи и духа, какъ дѣйствительно данныхъ фактовъ, очевидно это различіе взглядовъ не играетъ существенной роли. Пантеизмъ, искренно признававшій разнородность этихъ фактовъ, всегда былъ и будетъ *дуализмомъ*, оставаясь монизмомъ лишь на почвѣ вопроса о конечномъ происхожденіи и о сущности законовъ взаимодействія матеріи и духа. Признавая единство законовъ этого взаимодействия, онъ едва-ли расходится съ показаніями опыта и науки и едва-ли удобопріемлемѣе философскаго дуализма *Декарта*, приведшаго къ всевозможнымъ страннымъ гипотезамъ о параллелизмѣ дѣйствій духа и вещества, не могущихъ быть ни въ какомъ непосредственномъ взаимодействіи и общеніи (саизае occasionales Гейлинкса, предустановленная гармонія Лейбница и т. д.). Но съ другой стороны, чистый дуализмъ имѣетъ всѣ преимущества предъ пантеизмомъ при объясненіи разумности и цѣлесообразности всего существующаго. Очевидно должна существовать потребность въ иномъ *высшемъ* построеніи, которому удалось бы лучше примирить монизмъ и дуализмъ, чѣмъ это удавалось до сихъ поръ. Во всякомъ случаѣ разногласіи чистаго дуализма и настоящаго монодуалистическаго пантеизма не существенны до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ только о *данной* *оцѣнкѣ действительности противоположности* матеріи и духа, которую обѣ доктрины одинаково признають.

Въ результатъ, слѣдовательно, мы приобретаемъ тотъ выводъ, что материалистическій монизмъ и спиритуалистическій дуализмъ суть тѣ два понятія, которыя лучше всего выражаютъ сущность *разномыслий философовъ* по вопросу о соотношеніи природы духа и вещества. Идеализмъ всегда былъ на повѣрку скрытымъ дуализмомъ, пантеизмъ—скрытымъ материализмомъ или-же особою формою дуализма.

Другими словами, весь вопросъ въ томъ, *существуетъ-ли духъ*, какъ независимое отъ матеріи начало, или не существуетъ,

т. е. составляет только свойство матеріи, второстепенный придатокъ ея развитія. При противоположномъ рѣшеніи этой дилеммы большую роль играло всегда *понятіе силы*, какъ терминъ *посредствующій* между понятіями матеріи и духа.

Матеріалисты утверждаютъ, что *духъ* есть особая форма силы, а сила — качество матеріи или даже *основа* и настоящая сущность ея.

Спиритуалисты, какъ мы отнынѣ будемъ называть для браткости всѣхъ искреннихъ дуалистовъ, безъ различія отъинокъ въ ихъ воззрѣніяхъ, утверждаютъ также, что *духъ* есть сила, но совершенно особаго рода сила, не имѣющая ничего общаго съ *физическою* или *матеріальною* силою, которую и они соглашаются признать свойствомъ или даже основою матеріи.

Отсюда ясно, что главное разногласіе вертится около вопроса *о природѣ силы*. Что такое сила? Есть-ли она только свойство матеріи, или нѣчто болѣе,—есть-ли *два* рода силъ или только *одна*, и если два, то *какіе*?

Что именно такова сущность вопроса, мы легко убѣдимся изъ анализа тѣхъ традиціонныхъ доводовъ, которые выставляли спиритуалисты и матеріалисты въ пользу своихъ ученій. Эти доводы систематически сгруппированы у двухъ современныхъ психологовъ, Бэна и Горвица, и мы приведемъ ихъ цѣликомъ, а затѣмъ дадимъ ихъ разборъ.

Сводъ аргументовъ защитниковъ *спиритуализма* даетъ Бэнъ въ своемъ сочиненіи «*Душа и тѣло*» (Пер. съ VI изд. Кіевъ. 1880, стр. 168 и слѣд.). Вотъ они:

- 1) Душа должна быть причастна природѣ и сущности Божества.
- 2) Душа не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ тѣлѣ.
- 3) Разумъ и мышленіе, способность познаванія всеобщаго, не совмѣстны съ матеріей (Θ. Аквинатъ).
- 4) Достоинство духа требуетъ сущности высшей, сравнительно съ матеріей.
- 5) Матерія дѣлима, духъ недѣлимъ.
- 6) Матерія измѣняется и искажается, — духъ есть чистая субстанція.

7) Духъ активенъ; обладаетъ силою,—матерія пассивна, инертна.

8) Душа есть первоначальный источникъ, или начало жизни.

9) Духъ имѣетъ личную тождественность, частицы тѣла постоянно измѣняются.

Въ параллель этому, приведемъ важнѣйшіе аргументы *материалистовъ*, сгруппированные Горвицемъ въ его «Психологическихъ анализахъ»¹⁾.

1) Высшій основной принципъ слѣдующій: нѣтъ силы безъ вещества и вещества безъ силы; не существуетъ ни силы, которая была-бы нематеріальна, ни матеріи, которая не обладала-бы силой;

2) Законъ сохраненія матеріи и силы требуетъ однакоже безконечности ихъ бытія во времени и безпредѣльности въ пространствѣ; изъ обоихъ принциповъ слѣдуетъ:

3) Всеобщность, необходимость и неизмѣнность законовъ природы;

4) Невозможность личнаго акта творенія: возникновеніе и разрушеніе всего есть продуктъ самодвиженія и саморазвитія вещества,

5) И органическій живой міръ возникъ исключительно вслѣдствіе самодѣятельности вещества....

6) Нѣтъ конечныхъ причинъ, т. е. дѣлесообразныхъ явленій въ природѣ;

7) Душа имѣетъ мѣстомъ пребыванія мозгъ;

8) Соотношеніе мозга и души по существу равно соотношенію вещества и силы;

9) Нѣтъ прирожденныхъ идей: все мышленіе возникаетъ изъ чувственнаго воспріятія.

10) Нѣтъ безсмертія души.

11) Нѣтъ свободы воли.

Уже при бѣгломъ обзорѣ этихъ тезисовъ спиритуалистовъ и материалистовъ, легко замѣтить, что одни изъ нихъ, притомъ не менѣе половины, составляютъ только развитіе или примѣненіе немногихъ другихъ *основныхъ*, которые только и могутъ быть признаны *достодами* или главными положеніями обѣихъ

¹⁾ Psychol. Analysen auf physiolog. Grundlage, I Th., Halle. 1872, p. 25.

школь. Такъ, напр., утверженіе *спиритуалистовъ* о причастности души природѣ Божества и о достоинствѣ духа уже суть слѣдствія допущенія, что душа и божество существуютъ независимо отъ вещества и ему противоположны; утверженіе, что душа не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ тѣлѣ, и другое — о несовмѣстности способности познанія съ свойствами вещества суть также не столько доводы, сколько выводы изъ признаннаго положенія о разнородности духа и вещества.

Настоящія основанія *спиритуалистовъ* для утверженія о самостоятельности духа, заключающіяся въ остальныхъ положеніяхъ, сводятся къ слѣдующему:

1) Матерія дѣлима, духъ недѣлимъ.

2) Матерія измѣняется—она пассивна, инертна и мертва, духъ—неизмѣненъ, обладаетъ силою, активенъ, является единственнымъ возможнымъ источникомъ жизни.

Этимъ аргументамъ матеріалисты противопоставляютъ слѣдующіе два главные:

1) Законы природы всеобщы, однообразны и необходимы —и матерія и силы вѣчны и безпредѣльны, слѣдовательно духъ не можетъ быть чѣмъ-то отличнымъ отъ силы, присущей матеріи, и есть ни что иное какъ эта сила, локализованная въ мозгу.

2) Нѣтъ силы безъ вещества и вещества безъ силы, слѣдовательно сила есть свойство матеріи, и всѣ свойства духа объяснимы изъ самодвиженія и саморазвитія матеріи-силы.

Остальныя положенія матеріалистовъ тоже представляютъ лишь развитіе этихъ основныхъ тезисовъ. Такъ четвертое, о невозможности происхожденія міра чрезъ актъ творенія, и пятое, о способѣ происхожденія органическаго міра, суть выводы изъ положенія о всеобщности законовъ природы; отрицаніе конечныхъ цѣлей, безсмертія души, прирожденныхъ идей и свободы воли суть слѣдствія отрицанія существованія духа, какъ самостоятельнаго начала, и признанія силы за простое свойство матеріи.

Очевидно далѣе, изъ разбора приведенныхъ основныхъ положеній матеріалистовъ и спиритуалистовъ, что главныя мысли, которыя въ нихъ содержатся, слѣдующія.

По мнѣнію спиритуалистовъ: 1) законы матеріи и духа различны (матерія дѣлима—духъ недѣлимъ, матерія измѣнчива—духъ неизмѣненъ), 2) матерія сама по себѣ инертна, безсилна безжизненна, —способность дѣйствія, силу, жизнь даетъ ей духъ,

одушевляющей ее и ей противоположной. По мнению материалистов наоборот: 1) законы материи и духа тождественны, необходимы, 2) материя не отдѣлима отъ силы и сила отъ материи—и жизнь и духъ суть продукты развитія этой матеріальной силы.

Сведя такимъ образомъ къ простѣйшимъ формуламъ основныя положенія спиритуалистовъ и материалистовъ, мы уже легко можемъ видѣть, что главный пунктъ разногласій между ними есть ученіе объ отношеніи вещества и силы. И тѣ и другіе признають, что духъ есть сила, но вторые считаютъ силу неразрывною принадлежностью или даже самою основою вещества, первые признають ее чѣмъ-то противоположнымъ матеріи и совершенно разнороднымъ съ нею. Самое утверженіе однородности или разнородности законовъ вещества и силы есть собственно только слѣдствіе того или другого воззрѣнія на отношенія силы и вещества и является весьма условнымъ разномѣніемъ, такъ какъ можно предположить, что и при разнородности этихъ началъ всего существующаго, законы природы, будучи ничѣмъ инымъ какъ *законами взаимодѣйствія* этихъ разнородныхъ началъ, по существу своему однородны, однообразны и неизмѣнны для всей природы, — что же касается до «необходимости» ихъ, то съ одной стороны такая необходимость можетъ быть продуктомъ свободной воли Творца, съ другой — относительная свобода духа нашего можетъ быть тоже есть лишь продуктъ дѣйствія этихъ необходимыхъ законовъ, свободно измышленныхъ Высшимъ свободнымъ духомъ, т. е. есть сама — одна изъ формъ необходимости ¹⁾).

Слѣдовательно, коренной вопросъ во всемъ спорѣ есть вопросъ о *соотношеніи силы и вещества*. А этотъ вопросъ сводится къ вопросу о томъ, *что такое сила?*

¹⁾ Что такое примиреніе свободы и необходимости возможно — это мы не разъ доказывали въ статьяхъ «О свободѣ воли», а также «О Дж. Бруно и пантеизмѣ». Если наша точка зрѣнія правильна, то она приведетъ къ выводу, что однородные въ концѣ концовъ законы природы дифференцируются на два класса законовъ—необходимаго дѣйствія вещества на силу и свободного дѣйствія силы на вещество *въ процессѣ ихъ взаимодѣйствія*, при чемъ необходимое дѣйствіе вещества и свободное дѣйствіе духа суть частныя формы высшей «свободной необходимости».

Въ возможности выразить идею духа терминомъ силы, никто не сомнѣвается; но многіе признаютъ въ то же время возможнымъ выразить идею матеріи терминомъ силы. Если бы однако и то и другое оказалось возможнымъ, то и тогда споръ спиритуалистовъ и матеріалистовъ еще не былъ бы рѣшенъ, такъ какъ можетъ быть есть *два рода силъ*: сила-духъ и сила-вещество, или сила духовная и сила матеріальная. Если есть такіе два рода силъ, то спиритуалистическій дуализмъ оказался бы совершенно правымъ въ признаніи двойственности началъ. Если же есть только одинъ родъ силъ, то оказался бы правымъ матеріализмъ, ибо силу матеріальную, какъ болѣе конкретную и непосредственно данную для человѣка, труднѣе отвергнуть, чѣмъ силу духовную—невидимую, недоступную чувствамъ.

Но, чтобы рѣшить вопросъ, существуетъ ли два рода силъ или одинъ, необходимо всетаки прежде всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, *что такое сила* и познаваема ли для науки ея сущность? Этимъ вопросомъ мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

VI.

Познаваема ли для науки сущность силы?

Мы не имѣемъ конечно возможности въ этой статьѣ изложить со всею необходимою подробностью и обстоятельностью всѣ ученія о силѣ, какія существуютъ въ настоящее время въ наукѣ, и подвергнуть ихъ надлежащему разчлененію и обсужденію по всѣмъ правиламъ научной критики, такъ какъ это завело бы насъ въ такія частности и потребовало бы такого обширнаго мѣста, какія не соотвѣтствуютъ принятому нами съ самаго начала масштабу анализа. Эту детальную работу, какъ уже было замѣчено нами, мы выполнимъ въ другомъ, болѣе обширномъ трудѣ. Здѣсь же мы постараемся выдѣлить и выявить лишь самыя существенныя пункты современныхъ научныхъ ученій о силѣ, пользуясь между прочимъ систематическимъ очеркомъ этихъ ученій въ «Исторіи матеріализма» Ланге¹⁾.

¹⁾ II т., отд. II, глава II. Сила и вещество.

Въ современныхъ научныхъ ученiяхъ о силѣ есть *три идеи*, которыя имѣютъ для нашего послѣдующаго анализа особенную важность. Эти три идеи могутъ быть выражены кратко тремя терминами: *превращенiе силъ, единство силъ въ природѣ, законъ сохраненiя силы или энергiи.*

Двѣ первыя идеи имѣютъ еще, въ настоящее время, характеръ болѣе или менѣе *выролтыныхъ гипотезъ*. Возможность превращенiя однихъ силъ въ другiя сама по себѣ не подлежитъ сомнѣнiю, но превратимость *всѣхъ* силъ—нисшихъ въ высшiя—научно не доказана, а есть лишь теоретическое обобщенiе нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, представляющее однако-же значительную степень вѣроятности. Въ такой-же мѣрѣ можетъ быть признана доказанною и параллельная гипотеза «единства» *всѣхъ* силъ природы. Законъ сохраненiя энергiи, напротивъ, какъ показываетъ самый терминъ «законъ», вполне доказанъ относительно *всѣхъ* силъ, подвергавшихся до сихъ поръ строгому научному изслѣдованiю, т. е. по крайней мѣрѣ относительно *всѣхъ* такъ называемыхъ «механическихъ силъ».

Но всѣ эти три идеи, относящiяся къ области науки о силѣ, еще *ни малѣйшимъ образомъ* не предрѣшаютъ вопроса о *сущности* силы, такъ какъ онѣ касаются только *взаимнаго отношенiя* «силъ», а отнюдь не *природы* «силы». Можно сказать даже, что именно эти гипотезы и законы затрудняютъ рѣшенiе послѣдняго вопроса и затемняютъ идею силы, какъ *общей основы* *всѣхъ* частныхъ силъ, превратимыхъ другъ въ друга и по существу единыхъ и неуничтожимыхъ. Очевидно, что именно гипотеза превращенiя силъ заставляетъ признавать несущественными для характеристики основной природы «силы» тѣ признаки отдѣльныхъ силъ, напр. силъ свѣта, теплоты, магнетизма, электричества, которые, въ случаѣ признанiя «многихъ» независимыхъ другъ отъ друга силъ, могли бы быть разсматриваемы какъ существенные показатели ихъ сущности. Вообще: *что-же такое* измѣняется, превращается и все таки сохраняется во *всѣхъ* частныхъ формахъ или проявленiяхъ *единой силы*? На это упомянутыя обобщенiя вовсе не даютъ отвѣта.

Однако, можетъ быть, современное естествознанiе какими нибудь другими способами даетъ намъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, *что такое сила въ ея отношенiи къ веществамъ*? Для этого

надо обратиться къ существующимъ въ наукѣ прямымъ опредѣленіямъ силы.

Къ сожалѣнію, одного общаго и всѣми признаннаго опредѣленія мы въ наукѣ не найдемъ. Одна школа естествоиспытателей—по преимуществу состоящая изъ спеціалистовъ-біологовъ—опредѣляетъ силу, какъ *свойство вещества*. Во главѣ этой школы стоятъ именно нѣмецкіе матеріалисты. Молешоттъ говорить, что «то свойство вещества, которое дѣлаетъ возможнымъ его движеніе, мы называемъ силой». Бюхнеръ заявляетъ, что «еслибы не было частицъ матеріи, которыя могутъ быть приведены въ электрическое состояніе, то не было-бы электричества», и на основаніи этого и другихъ подобныхъ соображеній заключаетъ, что «сила есть простое качество вещества».

Другая школа, состоящая по преимуществу изъ физиковъ и имѣющая во главѣ Ампера и Коши, предшественникомъ которыхъ является ученый іезуитъ прошлаго вѣка Босковичъ, въ сущности вовсе не даетъ никакого опредѣленія силы, такъ какъ самую матерію считаетъ возможнымъ разложить на силы, свести къ элементамъ силъ—своего рода «непротяженнымъ атомамъ» или «центрамъ силъ» (динамидамъ). Эта школа, все болѣе и болѣе усиливающаяся въ своемъ составѣ и вплиніи и считающая лишь вопросомъ времени—сведеніе всей протяженной матеріи къ непротяженнымъ и недоступнымъ никакому конкретному описанію элементарнымъ силамъ, конечно уже а ргіогі должна отказаться отъ попытки опредѣленія «силы» путемъ конкретныхъ терминовъ чувственного или матеріальнаго опыта (ея «элементы силъ» вѣдь недоступны никакимъ чувствамъ).

Третья школа, состоящая частью изъ физиковъ, частью изъ біологовъ съ болѣе широкимъ философскимъ кругозоромъ, откровенно признаетъ и матерію, и силу неизбѣжными понятіями или отвлеченіями человѣческаго ума, реальныя объекты которыхъ, существующіе независимо отъ мысли человѣческой, какъ своего рода субстраты или сущности, для науки съ ея опытными методами едва-ли опредѣлимы. Въ числѣ этихъ ученыхъ-натурефилософовъ назовемъ Гельмгольца, Дюбуа-Реймона, Фехнера. Гельмгольцъ говоритъ съ одной изъ своихъ рѣчей о сохраненіи энергіи: «наука разсматриваетъ предметы внѣшняго міра по *двумъ отвлеченіямъ*. Во первыхъ, просто по ихъ *существованію*, *помимо ихъ дѣйствій* на другіе предметы или на наши органы

чувствъ,—какъ таковыя мы называемъ ихъ *матерію*. . . Существованіе матеріи самой по себѣ для насъ—спокойное, *бездѣйственное*: мы отличаемъ въ ней пространственное распредѣленіе и количество (масса), котороѣ полагается вѣчнымъ, неизмѣннымъ. *Качественныя* же различія мы не можемъ приписать матеріи самой въ себѣ, ибо если мы говоримъ о различныхъ (по качеству) матеріяхъ, то мы полагаемъ ихъ различіе только въ различіи ихъ дѣйствій, т. е. въ *силахъ*.... Это и заставляетъ насъ, по мнѣнію Гельмгольца, придти къ второму отвлеченію, а именно къ понятію *силы*. Далѣе Гельмголецъ разсуждаетъ о невозможности полнаго раздѣленія другъ отъ друга понятій матеріи и силы и невозможности признанія «недѣйствительности» которой - либо изъ нихъ въ ущербъ другой: «и матерія, и сила, говоритъ онъ, суть отвлеченія отъ дѣйствительности, составленныя *совершенно одинаковымъ образомъ*» (Ланге, II, 196).

Еще болѣе *скептическимъ* оказывается мнѣніе Дюбуа-Реймонда. Уже въ своемъ изслѣдованіи «О животномъ электричествѣ» онъ говоритъ, что въ «спонятіяхъ о силѣ и веществѣ мы видимъ возвращеніе того-же дуализма, какой обнаруживается въ представленіяхъ о Богѣ и мірѣ, о душѣ и тѣлѣ...». «Что мы выигрываемъ, когда говоримъ, что вслѣдствіе взаимной силы притяженія сближаются между собою двѣ вещественныя частички? Ни тѣни виновненія въ сущность процесса». Въ другомъ мѣстѣ, обнаруживъ относительность понятій силы и матеріи *въ наукѣ*, Д. Р. замѣчаетъ: «если мы спросимъ, что же остается, если ни сила, ни матерія не имѣютъ дѣйствительности, то тѣ, которые становятся со мною на одну точку зрѣнія, отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: *человѣческому уму не дано въ этихъ вещахъ выйти изъ послѣдняго противорѣчія*... (Ланге, II, 185—188).

Сходныя мысли высказывалъ и знаменитый физикъ Фехнеръ въ своемъ «Ученіи объ атомахъ»: «Сила для физики, говоритъ онъ, есть ничто иное, какъ *вспомогательное выраженіе* для изложенія законовъ равновѣсія и движенія, и всякое ясное пониманіе физической силы приводитъ насъ къ этому. Мы говоримъ *о законахъ силы*; но если взглянемъ ближе, то это только *законы равновѣсія и движенія*, которые имѣютъ значеніе только по отношенію къ матеріи» (Ланге, II, 199).

Эти слова можно сопоставить съ слѣдующими словами другого знаменитаго англійскаго физика Максвелла: «Все что мы

знаемъ о матеріи сводится къ ряду явленій, въ которыхъ энергія переносится отъ одной части матеріи къ другой, пока въ какой-нибудь части этого ряда не подѣйствуетъ на наше тѣло, и тогда мы сознаемъ въ себѣ опущенія» (Матерія и движеніе, пер. Антоновича, Сп. 1885, стр. 113).

Вслѣдствіе всѣхъ подобныхъ соображеній, новѣйшіе физики, отъ которыхъ мы только и могли бы ожидать *научнаго опредѣленія силы*, въ ея соотношеніи съ матеріей, обыкновенно совершенно отказываются отъ опредѣленія природы силы и замѣняютъ часто терминъ силы терминомъ *энергии*, опредѣляя энергію какъ «способность производить работу», а работу, какъ «произведеніе измѣненія въ конфигураціи системы съ противодѣйствіемъ силы, которая сопротивляется этому измѣненію» и т. п. Очевидно, не будучи въ состояніи дать реальное опредѣленіе силы, они замѣняютъ его рядомъ условныхъ выраженій или символовъ, не имѣющихъ никакого осязательнаго и конкретнаго значенія для не-спеціалистовъ.

Мы конечно могли бы еще умножить всѣ эти указанія многочисленными ссылками на другихъ физиковъ, напр. Тиндала, Секки, Бальфура Стюарта, Клаузіуса, Гирна и др., а также химиковъ (опредѣленія вещества) и другихъ натуралистовъ; но полагаемъ, что для ближайшихъ нашихъ цѣлей и приведенныхъ мѣстъ достаточно для того, чтобы читатель убѣдился, что *научнаго опредѣленія силы* въ соотношеніи съ матеріей не существуетъ и что оно даже *невозможно*, такъ какъ наука имѣетъ дѣло только съ внѣшними проявленіями или «явленіями» (выражаясь философскимъ языкомъ) какъ силы, такъ и вещества, а эти явленія въ свою очередь суть только выраженія *отношеній* непосредственно - неизвѣстныхъ въ своей природѣ объектовъ нашего опыта. Если и возможно для человѣческаго ума перейти отъ этихъ явленій къ опредѣленію или уясненію природы ихъ носителей, то лишь путемъ весьма сложнаго процесса анализа соотношенія между *нашими представленіями и дѣйствительностью*, т. е. чрезъ посредство «психологической теоріи знанія», которая одна только и въ состояніи рѣшить проблему этого соотношенія. Поэтому и Ланге въ заключительной части своей главы о естественно-научныхъ теоріяхъ силы и вещества приходитъ къ слѣдующему выводу: «вся задача силы и вещества (т. е. задача опредѣленія ихъ природы) сводится на задачу теоріи поз-

нанія; для естественныхъ наукъ можно найти твердую почву только въ *отношеніяхъ*, при чемъ всегда *гипотетически* вводятся *носители этихъ отношеній*, напр. атомы; предполагается конечно, что изъ этихъ реальностей не дѣлаютъ никакой догмы, что неразрѣшенные задачи умозрѣнія оставляются на своемъ мѣстѣ и принимаются за то, что они есть, т. е. за задачи *теоріи познанія*» (II, 200).

Самъ Ланге не разрѣшаетъ этихъ задачъ теоріи познанія, да и къ самой разрѣшимости ихъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше разсужденій его «о тщетности попытокъ пробиться за границы познанія», относится скептически.

Мы не раздѣляемъ этого скептицизма и попытаемся доказать, что если для опытной науки, какъ таковой, по самому свойству методовъ ея и матеріала, надъ которымъ она оперируетъ, совершенно недоступно уясненіе природы вещества и силы, какъ основъ *явленій* чувственного опыта, то философъ можетъ, опираясь на психологическій анализъ природы и содержанія представленій или, другими словами, на особую теорію познанія, установленную на основаніяхъ совершенно научныхъ, построить мость отъ своихъ представленій къ объективной дѣйствительности, отъ «явленій» къ ихъ «сущностямъ» или «основамъ» и при этомъ можетъ найти косвенное подтвержденіе своимъ выводамъ даже въ тѣхъ-же положеніяхъ точной науки, т. е. въ гипотезахъ превращенія и единства силъ, въ законѣ сохраненія энергій, въ біологической теоріи развитія и другихъ современныхъ научныхъ идеяхъ.

Именно только въ союзъ со всѣми этими *научными* идеями философъ и можетъ въ сущности построить прочное мировоззрѣніе. Во всѣ времена переработка содержанія *философіи* и ея возрожденіе въ томъ и состояли, чтобы при помощи новыхъ научныхъ открытій расширять и утверждать на болѣе и болѣе вѣркихъ основахъ ея идеальныя построенія. Но при этомъ у нея всегда была и своя область — истинная *положительная* основа ея построеній — психологическая теорія познанія, вѣчно перерабатываемая и все болѣе и болѣе углубляемая на основаніи выводовъ развивающейся, въ союзъ съ другими естественными науками, спеціальной науки психологіи или «физиологической психологіи», какъ можно назвать эту науку нынѣ, если хотѣтъ выразить особенности ея современныхъ приемовъ.

На почвѣ этой физиологической психологіи еще никѣмъ въ наше время не была переработана съ достаточною широтою и полнотою *теорія познанія*. Если совершить эту переработку, то не должна ли она дать намъ и новую космологію, т. е. новую философію вселенной? Въ слѣдующихъ главахъ мы попытаемся намѣтить рѣшеніе этого вопроса, начавъ прежде всего съ разсмотрѣнія *метода*, при помощи котораго можно подойти къ *философской постановкѣ* вопроса о природѣ силы въ соотношеніи съ обѣими идеями—матеріи и духа, съ которыми обыкновенно связывается такъ или иначе это понятіе. Теорія этого метода и будетъ представлять собою конечно краткое начертаніе нашей собственной теоріи познанія¹⁾.

VII.

Выясненіе настоящаго значенія проблемы знанія.

Проблема знанія занимала мыслителей съ древнѣйшаго времени. Еще въ краткихъ изрѣченіяхъ Гераклита, Ксенофана и другихъ греческихъ философовъ VI вѣка до Р. Хр. — о недостаточности ощущеній глаза, уха и другихъ органовъ чувствъ, какъ источниковъ знанія, и о возможности постигнуть природу всего существующаго только одною мыслью, умомъ, мы видимъ первые зачатки теоріи познанія въ европейской философіи. Многообразныя переработки теоріи знанія составляютъ затѣмъ главную основу, источникъ оригинальности и прочности всѣхъ великихъ философскихъ системъ древняго и новаго времени — системъ Платона, Декарта, Лейбница, Канта, Шопенгауэра, и всѣхъ тѣхъ философскихъ ученій, которые имѣли рѣшающее вліяніе на судьбу науки, вызывая переработку ея методовъ (ученія Бэкона, Локка, Юма, Ог. Конта и т. д.). И въ настоящее время

¹⁾ Въ своемъ трудѣ «Къ вопросу о рееріи логики» мы отрицаемъ самостоятельное значеніе теоріи познанія, какъ науки, и все содержаніе ея включали въ эмпирическую науку о познаніи—логику. Мы и теперь отказываемся признавать теорію познанія отдѣльной «наукой», ибо она вовсе не наука, а часть системы чистыхъ философскихъ «построеній», но мы не думаемъ имѣть богѣе, чтобы ея задачи совпадали съ задачами логики, такъ какъ при соизданіи теоріи познанія приходится часто прибѣгать къ широкому философскому синтезу.

каждый самостоятельный мыслитель, начиная мыслить и намѣреваясь перестроить какіе-либо выводы знанія, прежде всего принужденъ разобрать основы всякой мысли и всякаго знанія. Теорія знанія есть единственный возможный «каменный» фундаментъ для построения прочныхъ «домовъ» мысли, которыя могли-бы устоять противъ вѣтровъ и бурь нравственной стихіи, — противъ страстей и скоропреходящихъ увлеченій человеческого сердца.

Въ чемъ-же состоитъ проблема знанія, столько вѣковъ занимающая мысль человѣка?

«Человѣкъ можетъ непосредственно знать только свои собственные состоянія» — вотъ тотъ выводъ, который, вѣчно видоизмѣняясь въ способахъ своего выраженія, составляетъ истинный узелъ всей проблемы знанія. Онъ былъ высказанъ впервые довольно отчетливо греческими софистами въ V вѣкѣ до Р. Хр., и софисты, расширивъ его до догматическаго утвержденія, что «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», отвергли вмѣстѣ съ тѣмъ возможность всякаго истиннаго *объективнаго* знанія. Такимъ образомъ было положено начало той отрицательной доктринѣ знанія, которая называется *скептицизмомъ* и которая, въ столь разнообразныхъ, болѣе общихъ и абсолютныхъ, или болѣе частныхъ и ограниченныхъ формахъ, постоянно вновь нарождалась и вела вѣчную, непримиримую борьбу съ знаніемъ. Она на многіе вѣка обуславливала паденіе наукъ, преобладаніе однихъ наукъ надъ другими, паденіе и возрожденіе религіозныхъ ученій, сиѣну различныхъ нравственныхъ доктринъ.

Мы не станемъ слѣдить подробно за судьбами скептицизма, то побѣждаемаго другими ученіями о знаніи, то вновь возстающаго изъ праха въ совершенно новыхъ и неожиданныхъ формахъ, въ которыхъ даже опытный глазъ не всегда узнавалъ стараго знакомаго. Скажемъ только, что скептицизмъ и теперь отнюдь не исчезъ: онъ принялъ только новую форму выраженія въ современномъ позитивизмѣ и эмпиризмѣ, обративъ всѣ силы своего *трицизія* на сферу «внутренняго опыта», какъ источникъ достовѣрнаго знанія высшихъ нравственныхъ началъ, внутренней природы или сущности вещей.

Скептицизмъ есть крайность. Но если мы можемъ знать непосредственно «только свои собственные состоянія» и если въ ряду этихъ состояній мы встрѣчаемся съ иллюзіями или обма-

нами органовъ чувствъ, съ галлюцинаціями или обманами мозга, наконецъ съ созданіями и выдумками своего воображенія, то понятно, что такою-же крайностью является и обратное воззрѣніе, что намъ доступно безусловное истинное знаніе *всего существующаго* — воззрѣніе, именуемое *догматизмомъ*. Догматизмъ еще древнѣе скептицизма, такъ какъ представлялъ собою не столько сознательную доктрину знанія ¹⁾, сколько выраженіе инстинктивнаго, природнаго довѣрія человека къ своимъ ощущеніямъ и понятіямъ, какъ показателямъ и опредѣленіямъ природы вещей. Онъ точно также вѣчно возрождался въ новыхъ формахъ, какъ только человечество, занятое спеціальными вопросами знанія или интересами жизни, забывало упомянутую великую истину, что «мы знаемъ только свои собственные состоянія». Поэтому позитивизмъ и эмпиризмъ, по странному противорѣчію съ своими скептическими послылками, и въ настоящее время легко увлекаютъ спеціалистовъ естествознанія въ односторонній *догматизмъ* — чрезмѣрное довѣріе къ «внѣшнему» опыту, какъ орудію знанія всеобъемлющаго. Этимъ и объясняется возникновеніе на почвѣ естествознанія грубо-догматической доктрины материалистовъ. Но другіе естествоиспытатели и люди жизни, подъ влияніемъ того-же догматизма, побужденіями чувства своего, столь же легко склоняются къ противоположной совершенно не-критической доктринѣ «спиритизма». Передъ глазами русскаго общества такихъ примѣровъ достаточно.

Въ чемъ-же дѣло? Соответствуютъ-ли единственно извѣстныя намъ «собственные наши состоянія» — объективной дѣйствительности, т. е. внѣшнимъ и внутреннимъ свойствамъ вещей, или же нѣтъ?

Догматизмъ съ плеча и безъ всякой критики признаетъ такое соответствіе. Если это соответствіе касается сферы внѣшняго опыта, то догматизмъ называется *наивнымъ реализмомъ*, потому что «наивно» признаетъ «реальность» объектовъ нашихъ ощущеній, если-же означенное соответствіе нашихъ состояній дѣйствительности касается сферы внутренняго опыта, то догматизмъ называется *мистицизмомъ*, такъ какъ признаетъ возможность проникновенія во всѣ тайны бытія путемъ внутренняго чувства (μύσθ — закрываю, μυστικός — тайный, закрытый).

¹⁾ Какъ «доктрина» знанія всеобъемлющаго, *догматизмъ* обыкновенно назывался *раціонализмомъ*.

Скептицизмъ, на оборотъ, *безусловно отрицаетъ* упомянутое соотвѣтствіе нашихъ состояній свойствамъ объективной дѣйствительности. Если онъ обращенъ только на *внѣшній* опытъ, то называется *идеализмомъ*,—если же только на *внутренній*, то называется одностороннимъ *эмпиризмомъ* или *позитивизмомъ*.

Послѣдовательно-проведенный и полный догматизмъ, признавая всѣ наши ощущенія и мнѣнія истинными, разрушилъ-бы знаніе, ибо въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ-бы человѣка со всеми индивидуальными его состояніями «мѣрою знанія»; послѣдовательно-проведенный скептицизмъ въ такой-же степени разрушилъ-бы всякую возможность знанія, провозглашая всѣ наши ощущенія и мнѣнія субъективными, ошибочными.

Les extrémités se touchent. Формулы: «все истинно» и «все ложно» сходятся въ признаніи человѣка за мѣру всѣхъ вещей, хотя и съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, а слѣдовательно сходятся и въ разрушеніи возможности достовѣрнаго, общаго (не индивидуальнаго) знанія.

Но вѣра въ знаніе въ человѣкѣ сильна, ибо если ее разрушить вполнѣ, то разрушится и возможность *всякаго взаимодѣйствія* съ природою и другими существами, которая однакоже ежечасно подтверждается фактами жизни. Поэтому человѣкъ никогда серьезно не сомнѣвался, ни въ возможности истиннаго знанія (вѣдь самый скептицизмъ есть доктрина знанія), ни въ различіи истинныхъ знаній отъ ложныхъ (вѣдь и скептики думали, что они знаютъ, въ противоположность другимъ людямъ, нѣчто болѣе истинное, а именно что знаніе невозможно).

Поэтому-то также и скептицизмъ и догматизмъ гораздо чаще встрѣчались въ относительной и условной формѣ — съ одной стороны, идеализма и эмпиризма, съ другой—наивнаго реализма и мистицизма, чѣмъ въ формѣ абсолютной, которая не могла безъ противорѣчій отстоять свои положенія. Другими словами, человечество инстинктивно или сознательно допускало, что знаніе *возможно*, но что *не всякое знаніе истинно*, и стремилось именно опредѣлять *въ какой мѣрѣ и степени наши собственные состоянія соотвѣтствуютъ и не соотвѣтствуютъ истинной природѣ вещей*. Исслѣдованіе этой мѣры соотвѣтствія есть въ то-же время исслѣдованіе *предѣловъ истиннаго знанія*.

Такимъ образомъ, проблема знанія состоитъ въ установленіи предѣловъ или мѣры соотвѣтствія нашихъ собственныхъ

состояній—той дѣйствительности, которая, какъ мы предполагаемъ, вызываетъ и порождаетъ ихъ.

Перенесеніе нашихъ собственныхъ состояній на другія вещи и предметы дѣйствительности—допущеніе, что эти состоянія суть въ то-же время выраженія природы того, что существуетъ внѣ насъ и независимо отъ насъ, называется *антропоморфизмомъ*, т. е. *очеловѣчиваніемъ* дѣйствительности.

Къ антропоморфизму, во всѣхъ возможныхъ его формахъ, человѣческой умъ всегда былъ склоненъ.

Всѣмъ напр. извѣстно, что многіе древніе языческіе народы представляли себѣ боговъ своихъ, какъ людей высшаго разряда, и приписывали имъ не только всѣ достоинства, но и всѣ недостатки, слабости, пороки людскіе. Ихъ боги ѣли и пили, любили и множились, ссорились и даже бранились, дѣлали великія и малыя, хорошія и подлыя дѣла. Всякій, кто читалъ *Илліаду* и *Одиссею*, имѣетъ конечно понятіе о томъ, какъ благодушно жилось, по мнѣнію Грековъ, этой семьѣ или, вѣрнѣе, этому племени боговъ на ихъ сказочномъ Олимпѣ. Хотя, конечно, эти боги были выдумкою игривой фантазіи южнаго народа, тѣмъ не менѣе онъ принималъ эти выдумки за дѣйствительность—и сомнѣніе въ ея достовѣрномъ существованіи обошлось дорого многимъ греческимъ философамъ (изгнаніе Анаксагора, смерть Сократа).

Чѣмъ же погрѣшали греки, принимая свои фантазіи за нѣчто реальное? Очевидно тѣмъ, что они кроили боговъ по людской мѣркѣ, приписывали богамъ *свой образъ и видъ, свои чувства и мысли*. Этотъ-то ошибочный приѣмъ мышленія и названъ былъ впоследствии *антропоморфизмомъ*. Хотя это слово возникло гораздо поздиѣе, тѣмъ не менѣе фактически противъ греческаго антропоморфизма боролись уже древнѣйшіе греческіе философы. Такъ, еще въ VI в. до Р. Хр., философъ *Ксенофанъ* слѣдующимъ образомъ иронизировалъ надъ антропоморфизмомъ: «Смертные думаютъ, что боги рождаются, что они имѣютъ ощущенія, рѣчь и тѣлесныя формы людей. Но если бы быки и львы имѣли руки и могли писать и дѣлать тѣ-же дѣла, что и люди, то быки изобразили-бы своихъ боговъ какъ быковъ, лошади въ видѣ лошадей и, вообще, всѣ живо ныя придали-бы имъ

тѣла и формы, какія сами имѣютъ». Впослѣдствіи понятіе антропоморфизма все болѣе и болѣе разширилось, и подъ нимъ стали разумѣть вообще всякія неправильныя представленія человѣка о природѣ, которой онъ приписывалъ свою жизнь, свои чувства и мысли. Слово «антропоморфизмъ» получило постепенно значеніе эпитета, которымъ, безъ всякой дальнѣйшей критики, набрасывалась тѣнь на ту или другую доктрину.

Но противники антропоморфизма объ одномъ не подумали, а именно, что если мы знаемъ только свои собственные состоянія и такимъ образомъ изъ предѣловъ своего субъекта никакимъ образомъ выйти не можемъ, то всякое знаніе, въ той степени въ какой оно возможно, будетъ знаніемъ *антропоморфическимъ*. Если мы и познаемъ міръ и вообще «объекты», то *только чрезъ себя*. Свойства вещей могутъ быть намъ извѣстны только въ формѣ нашихъ ощущеній, внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя суть прежде всего ощущенія перемѣнъ въ *нашихъ* тканяхъ и органахъ. Въ каждомъ процессѣ познаванія мы переносимъ на вещи частицу своего «я», своей природы, своихъ состояній. Иное знаніе для насъ невозможно.

И что всего любопытнѣе—съ прогрессомъ наукъ, изслѣдующихъ организмъ, т. е. анатоміи и физиологіи, истинные объекты нашего знанія отодвигаются все болѣе и болѣе въ глубь нашего собственнаго существа. Древніе греческіе философы думали, что отъ предметовъ отдѣляются и проходятъ чрезъ поры органовъ чувствъ въ чувствилище особыя «истеченія» или легкіе эфирные «образы» (εἶδωλα) предметовъ, которые и впечатлѣваются въ сознаніи. Такимъ образомъ они допускали прямое общеніе познающаго субъекта съ объектомъ. Эта теорія жила до Декарта, хотя и была отчасти поколеблена еще Аристотелемъ. Съ Декарта и до новѣйшаго времени стало допускаться всѣми тѣми философами, которые придавали какое-либо реальное значеніе ощущеніямъ, что мы ощущаемъ собственно не предметы, а движенія въ органахъ чувствъ,—въ глазу, ухѣ и т. д., т. е. состоянія своей периферіи, находящейся подъ воздействиемъ предметовъ или движеній среды, ими вызываемыхъ. Теперь уже признано, на основаніи изученія строенія и дѣятельности мозга, опытовъ съ перерѣзываніемъ глазныхъ и другихъ нервовъ и изслѣдованія психофизиками и психофизиологами явленій галлюцинаціи, иллюзіи и т. п., что мы непосредственно ощущаемъ

даже не состоянія глаза, уха и т. д., а соответствующія имъ вибраціи клѣточекъ мозга, да и то еще вѣроятно не тѣхъ, которыя непосредственно возбуждаются нервами (клѣтки спинного, продолговатаго, «средняго» мозга и пр.), а другихъ, *вторичныхъ*, возбуждаемыхъ вибраціями этихъ первичныхъ клѣточекъ и составляющихъ сѣрое вещество большого мозга. Значить, мы непосредственно ощущаемъ отраженныя вибраціи клѣточекъ, отдѣленныхъ отъ среды нѣсколькими посредствующими инстанціями и далеко запрятанныхъ въ одномъ уголку мозга. И если идеалисты говорили, что мы непосредственно ощущаемъ только *состоянія своей души*, то они очевидно всего ближе были къ истинѣ, такъ какъ мы конечно въ дѣйствительности ощущаемъ не самыя клѣточки, а ихъ *возбужденія*, т. е. дѣйствія той силы, которая имъ даетъ жизнь и природа которой намъ еще совершенно неизвѣстна.

Не воплилъ ли законно послѣ этого признать всякое наше знаніе *антропоморфическимъ*, т. е. знаніемъ чрезъ призму нашего «человѣческаго» субъекта, и не воплилъ ли естественно также превратить вопросъ о предѣлахъ истиннаго знанія, т. е. соответвія нашихъ состояній свойствамъ вещей, въ болѣе конкретный вопросъ — *о законныхъ предѣлахъ антропоморфизма въ знаніи*? При такой постановкѣ проблемы знанія мы не забудемъ никогда, изъ какихъ элементовъ оно непосредственно складывается

Съ того времени, когда человѣкъ впервые созналъ, что онъ непосредственно ощущаетъ міръ чрезъ себя, чрезъ свои состоянія, его не покидало раздуміе о томъ, какъ оправдать возможность истиннаго отраженія дѣйствительности — ея свойствъ и ея законовъ — въ состояніяхъ его сознанія. Это заставило еще древнихъ философовъ искать *поруки* или такъ называемаго *критерія* истины, т. е. такого непосредственно достовѣрнаго принципа, который бы ручался за то, что ощущенія наши *въ извѣстной мѣрѣ* истинны. Къ опредѣленію этого критерія истины мы теперь и перейдемъ.

VIII.

Въ чемъ заключается критерій истиннаго знанія.

Древніе эпикурейцы думали, что критерій или порука истинности нашихъ ощущеній лежитъ въ самихъ этихъ ощущеніяхъ, т. е. въ возможности ихъ взаимной повѣрки, сличенія и исправленія. Того-же мнѣнія держались и держатся всѣ новѣйшіе *сенсуалисты* и ихъ современные преемники — *позитивисты*. Нѣкоторые другіе древніе и новые философы думали, что критерій истины лежитъ въ представленіяхъ или представляющей способности ума, синтезирующей и исправляющей по извѣстнымъ законамъ ощущенія. Такъ думалъ еще Аристотель, а затѣмъ ясно установили этотъ критерій Стоики. Въ новое-же время его болѣе или менѣе сознательно принимали Бэконъ, Локкъ, Юмъ (истина есть согласіе всѣхъ представленій между собою). Затѣмъ, въ древности Сократъ и Платонъ, въ новое время Декартъ, Спиноза и многіе другіе рационалисты признавали критеріемъ истиннаго знанія *ясныя* и *раздѣльныя* понятія ума, или идеи, т. е. въ сущности очевидность, имъ присущую.

Но всѣ эти критеріи имѣютъ одну общую слабую сторону. Всѣ они представляютъ своего рода *petitio principii* или предварительное допущеніе того, что требуется доказать. Нужно доказать возможность истинности ощущеній, представленій, идей, — между тѣмъ она доказывается тѣмъ, что прямо признается ихъ истинность, если не въ отдѣльности взятыхъ, то въ общей суммѣ. Притомъ различія упомянутыхъ критеріевъ другъ отъ друга болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя. Если мы только отвергнемъ *прирожденныя идеи*, въ смыслѣ вложенныхъ извнѣ готовыхъ выраженій истинной природы или сущности вещей, а въ этомъ смыслѣ *прирожденныя идеи* давно отвергнуты, то станетъ ясно, что всѣ элементы мысли, имѣя одинъ общій источникъ — опытъ, внѣшній и внутренній, могутъ быть одинаково истинны или ложны. Признаемъ-ли мы за критерій истиннаго знанія очевидность вполне согласныхъ между собою ощущеній, представленій или понятій — дѣло мало измѣнится. Сущность вопроса въ томъ, ручается-ли взаимное согласіе всѣхъ образованій нашей мысли за ихъ истинность, т. е. можно-ли искать критерія ихъ истинности *изъ нихъ самихъ*? А если, какъ

это предполагалъ еще Декартъ, вся наша жизнь есть подобіе сна, организованная и сплошная галлюцинація, организованный обманъ?

Сознавая такую возможность, Декартъ и искалъ такого дополнительнаго принципа, который заставилъ бы насъ отвергнуть подобную гипотезу обмана. Такой принципъ онъ и нашелъ въ понятіи всесовершеннаго и реальнаго (въ силу этого самаго совершенства) Бога, благодѣя котораго не допускаетъ предположенія такого вѣчнаго обмана для существъ, его-же благодѣя сотворенныхъ. Но такъ какъ мы знаемъ о существованіи всесовершеннаго Бога только изъ ясной идеи о такомъ «всесовершенномъ существѣ», которую находимъ въ своемъ сознаніи (онтологическое доказательство бытія Божія), то очевидно, что Декартовская мысль вертѣлась въ своего рода колесѣ: благодѣя Бога — порува истинности ясныхъ и раздѣльныхъ идей, ясная и раздѣльная идея — порува существованія благого и всесовершеннаго Бога, и т. д. (очевидный кругъ въ доказательствѣ).

Стоило новѣйшей отрицательной философіи провозгласить, что Бога нѣтъ, что Бога выдумало воображеніе человѣка, и гипотеза организованнаго обмана и непрерывной иллюзіи превратилась въ доктринѣ пессимизма въ несомнѣнную истину. «Все обманъ, обманъ и обманъ», смѣло провозглашаютъ пессимисты, — различныя степени обмана, «стадіи иллюзіи», какъ выражается Гартманъ, ибо всеблагаго Бога нѣтъ и все въ мірѣ есть зло и обманъ. Я, человѣкъ, нахожусь въ вѣчномъ бреду, въ состояніи непрерывной галлюцинаціи — міръ есть въ сущности Ничто и я — Ничто, вышелъ изъ ничего и иду въ ничто, въ Нирвану.

Положимъ, что это объективированіе «Ничто», той нравственной пустоты, которую новѣйшіе мыслители обрѣтаютъ въ нѣдрахъ своего собственнаго «я», это перенесеніе на міръ своихъ субъективныхъ страданій, своей скуки и разочарованій, есть нисколько не болѣе законный антропоморфизмъ, чѣмъ Декартовское объективированіе идеи всесовершеннаго Бога, т. е. идеи «всего». Положимъ и для такого ученія, какъ скоро оно признаетъ себя истиннымъ, пустьъ тоже критерій истинны, который-бы удостовѣрилъ, что и это объективированіе «иллюзіи и обмана» не есть своего рода *высшая стадія* иллюзіи и самообмана, такъ какъ не все-ли равно, вынесетъ-ли человѣкъ изъ себя въ мірѣ *все*

или ничто? Методъ тотъ-же въ обоихъ случаяхъ: вѣдь ничто внѣ меня есть ничто во мнѣ! Тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ Декартовскій окончательный критерій истины—благодѣтель Божія—есть критерій, который не въ состояніи устоять противъ глубокой философской критики.

Но если такъ, то гдѣ-же искать этого критерія? Мы стоимъ предъ какою-то очевидно трудно-разрѣшимой дилеммой: искать критерія истины *въ самихъ нашихъ состояніяхъ*, соотвѣтствіе которыхъ съ дѣйствительностью и надо доказать, повидному не представляется возможнымъ, а искать его *вне этихъ состояній* тѣмъ болѣе невозможно, ибо во первыхъ мы признали, что ничѣмъ инымъ, кромѣ нихъ, мы непосредственно и не располагаемъ, а во вторыхъ несомнѣнно, что всякая наша идея о существующемъ внѣ насъ есть въ концѣ концовъ вынесенная наружу наша идея, идея чего-то, что находится въ насъ самихъ. Не остается-ли одинъ исходъ — *вѣра въ знаніе*, но тогда гдѣ предѣлы этой вѣры и не будетъ ли вѣра въ Магометовъ рай также законна, какъ и всякая вѣра въ наши представленія?

Читатель, надѣмся, понялъ изъ вышеизложеннаго всю трудность предстоящаго къ разрѣшенію вопроса.

Мы видимъ изъ указанной только-что дилеммы лишь одинъ возможный выходъ. Надо намъ найти *въ насъ самихъ*, т. е. въ содержаніи нашей мысли, такой принципъ, который-бы имѣлъ въ то-же время значеніе *объективное, независимое отъ насъ*. Такимъ принципомъ не можетъ быть, какъ мы видѣли, простое согласіе нашихъ ощущеній, представленій и понятій между собою, ибо это согласіе можетъ быть имѣть только субъективную цѣну. Не можетъ быть имъ и ясность, раздѣльность, очевидность этихъ ощущеній и идей, ибо и эта очевидность, можетъ быть, совершенно субъективна и внѣ насъ не имѣетъ никакого значенія. Сослаться на истиннѣсть или здравый смыслъ могутъ только люди, никогда не мыслившіе серьезно, философски. Какъ-же получить изъ нашихъ собственныхъ состояній принципъ, имѣющій силу *вне насъ, за предѣлами насъ*?

Начнемъ съ анализа самосознанія ребенка. Пусть каждый представитъ себя ребенкомъ и сознательно вычеркнетъ изъ сво-

его ума все то, что приобретено имъ посредствомъ опыта жизни, образования и размышленія. Пусть останется *tabula rasa*, неописанная доска.

Ребенокъ только что родился, онъ еще едва открылъ глаза и вообще только-что сдѣлался способнымъ къ ощущенію. И вотъ начинаются ощущенія. Онъ ощущаетъ сначала холодъ, потомъ его завертываютъ и онъ ощущаетъ тепло, потомъ онъ ощущаетъ голодъ, его несутъ къ матери или кормилицѣ и начинаются вкусовые ощущенія, далѣе зрительныя, слуховыя, осязательныя—онъ еще не знаетъ предметовъ, но что-то видитъ и, постепенно приучаясь фиксировать глазныя оси, видитъ всевозможныя разнообразныя цвѣта, формы, очертанія, — онъ еще не знаетъ о существованіи звуковъ и однако что-то слышитъ — разнообразные звуки, шумы, — далѣе осязаетъ прикосновеніе бѣлья, подушки, тюфяка, рукъ и губъ людей, и т. д. Онъ ощущаетъ, словомъ сказать, многообразныя свои состоянія, вызванныя средою или въ немъ самомъ возникшія, но еще не противопоставляетъ ихъ другъ другу, не различаетъ «себя» отъ «не-себя».

Но среди многообразія его ощущеній все чаще и чаще повторяются тождественныя и подобныя,—сумма его ощущеній всетаки ограничена. Повтореніе закрѣпляетъ слѣды прежнихъ ощущеній — сознательность ихъ растетъ. Наконецъ является память, а съ тѣмъ вмѣстѣ возникаетъ возможность сравненія, сличенія, сопоставленія ощущеній, т. е. способность соображенія. Ощущеніе превращается въ познание.

Прежде всего въ повторяющихся ощущеніяхъ наступаетъ дифференціація, разграниченіе слѣдующаго рода. Ребенокъ начинаетъ смутно сознавать, что одни состоянія возникаютъ въ немъ самомъ — онъ ощутилъ голодъ, потомъ сжиманіе гортани отъ крика и движеніе членовъ своихъ—тутъ есть прямая связь. Но есть и другія состоянія, которыя не имѣютъ такой связи. Онъ лежитъ спокойно въ люлькѣ и видитъ переливы свѣта и тѣней, сочетанія цвѣтовъ и очертаній на потолкѣ или стѣнѣ и вдругъ на его полѣ зрѣнія неожиданно появляется нѣчто новое — новая комбинація цвѣтовъ и очертаній (лицо няньки, какъ онъ узнаетъ значительно позже). Вслѣдъ затѣмъ также неожиданно это явленіе растетъ (нянька приближается къ малюткѣ и нагибается) и онъ ощущаетъ прикосновеніе чего-то теплаго

на спинѣ и неожиданное сотрясеніе всего тѣла (его взяли на руки). Вдругъ глаза его закрылись отъ внезапнаго рѣзкаго впечатлѣнія (на глаза его попалъ лучъ свѣта) и онъ вздрогнулъ, а когда открылъ глаза, то все измѣнилось — новыя цвѣта, очертанія, фигуры.

При первыхъ впечатлѣніяхъ свѣта, не замѣтивъ какъ открылись глаза его послѣ сна, онъ могъ еще включить свои свѣтовые и цвѣтовые ощущенія въ цѣпь своихъ собственныхъ преемственныхъ состояній, но при всѣхъ этихъ внезапныхъ и неожиданныхъ переѣнахъ онъ принужденъ инстинктивно искать причины не въ себѣ, а въ чемъ-то другомъ. Такъ возникаетъ въ немъ первая идея среды, міра, «не я».

Но вѣдь онъ уже отмѣтилъ инстинктивно постоянство, извѣстнае однообразіе, тождественность или повторяемость и сходство своихъ ощущеній. Приходится теперь прослѣдить это явленіе въ двухъ направленіяхъ — въ состояніяхъ, возникающихъ преемственно и въ тѣсной связи въ немъ самомъ, и въ состояніяхъ, прерывисто возникающихъ независимо отъ него. И опытъ инстинктивно убѣждаетъ его, что и тамъ и тутъ есть извѣстная правильность, постоянство, которыя кажутся сначала независимыми другъ отъ друга. Внутри извѣстное закономѣрное повтореніе ощущеній голода, жажды, сырости, тепла, холода, сонливости, бодрости и т. д., — извѣтъ столь же закономѣрное повтореніе ощущеній прибывающаго и убывающаго свѣта и тьмы, однородныхъ цвѣтовъ, очертаній, звуковъ, шумовъ, кожныхъ ощущеній, вкусовыхъ и т. д.

Потомъ все болѣе и болѣе выясняется связь виѣшней и внутренней закономѣрности — возможность взаимодѣйствія со средою, подобіе ея дѣйствій на меня и моихъ на нее. Дифференцированная или раздвоившаяся идея закономѣрности моего существованія вновь объединяется (интегрируется) въ идею всеобщей закономѣрности и однообразія, и убѣжденіе въ ея необходимости и является инстинктивнымъ критеріемъ возможности истиннаго знанія, ибо если я часть *всего*, ему подобная, то *въ силу этого подобія* мои состоянія и могутъ соответствовать свойствамъ вещей, выражать ихъ природу, и въ силу его я могу чрезъ себя — *отраженіе всего, выраженіе законовъ всего* — познать *все*.

Такъ *инстинктивно* разсуждаетъ и мыслить человѣкъ превращаясь изъ ребенка въ человѣка взрослого, увѣреннаго въ бытіи міра и считающаго возможнымъ познать его.

Но какъ, въ такомъ случаѣ, разсуждать философу? Не слѣдуетъ-ли ему повторить вполнѣ *сознательно* и *методически* тотъ процессъ мысли, который безсознательно совершается въ умѣ ребенка?

«Человѣкъ познаетъ подобное подобнымъ—землю землею, воду водою, воздухомъ божественный воздухъ, огнемъ вѣчный огонь, любовью любовь и ненавистью ненависть», сказалъ еще древній греческій философъ Эмпедоклъ (V в. до Р. Хр.) и въ этой наивной формулѣ его скрывается глубокомысленное выраженіе единственно возможнаго и въ нашъ вѣкъ критерія истины — *законы однообразія природы*, выведеннаго всецѣло изъ анализа содержанія нашего опыта, нашихъ собственныхъ душевныхъ состояній.

Если философъ, подобно Декарту, усомнится сначала во всемъ существующемъ, то однообразіе и единство его опытовъ прежде всего выразится *въ выводѣ объ однообразіи и законмѣрности его собственной существованія* (*cogito ergo sum*). Но далѣе тѣмъ же процессомъ этотъ выводъ дифференцируется. Дѣло въ томъ, что именно сознаніе упомянутой «законмѣрности» нашего бытія есть уже твердое сознаніе неразрывной связи *причины и дѣйствій*, а такъ какъ эта связь иногда объяснима лишь при предположеніи существованія «не я», т. е. среды, въ которой лежатъ причины извѣстныхъ нашихъ состояній (такъ какъ мы въ себѣ *ихъ не находимъ*), то изъ того же обобщенія логически вытекаетъ идея внѣшняго міра, какъ своего рода *реальности*, какова бы она ни была. Съ тѣмъ вмѣстѣ выводъ о законмѣрности и извѣстномъ однообразіи или единствѣ моего существованія дифференцируется неизбежно на *два вывода* — объ одинаковой законмѣрности существованія моего и среды, хотя бы и независимыхъ другъ отъ друга. Пусть эта среда есть извѣстное X, но если она во мнѣ вызываетъ однородныя, однообразныя и законмѣрныя состоянія и измѣненія, то стало быть и она въ своемъ, независимомъ отъ меня, существованіи подчинена *той же законмѣрности, тому же закону единства и однообразія*. Значитъ и въ ней имѣетъ силу *законъ причинности*. Еще далѣе тѣмъ же процессомъ мысли сознательно дифференциро-

ванное сознательно интегрируется. Не только среда дѣйствуетъ на меня, но и я на нее. Эти дѣйствія, судя по результатамъ, т. е. все тѣмъ же ощущеніямъ моимъ, подобны, сходны, однородны. Я хочу ощущать свѣтъ, когда вокругъ тьма,—я зажигаю свѣтъ и ощущаю его. Я хочу двинуть предметъ—и двигаю, но я самъ ощущаю движеніе его и свое, и т. д. Вотъ эта-то возможность взаимодѣйствія, съ результатами, *тождественными тѣмъ*, которыя я *предугадываю*, и есть основаніе для интеграціи законовъ специальной закономерности моего существованія и существованія *всего*, что не я самъ, въ одинъ общій законъ закономерности или однообразія природы, провозглашенный въ древности Эмпедокломъ, а въ новое время вполне сознательно Ньютономъ.

Такимъ образомъ, достаточно изъ содержанія и сличенія нашихъ собственныхъ состояній вывести заключеніе о закономерности, т. е. извѣстномъ однообразіи и постоянствѣ нашего собственного существованія или—что то-же—идею причинной зависимости всѣхъ элементовъ нашего существованія, чтобы изъ этой одной идеи выросъ съ неизбежностью и *весь внѣшній міръ съ своей закономерностью* и убѣжденіе въ *общемъ однообразіи законовъ*, какъ этого внѣшняго міра, такъ и моего собственного существованія. Къ формулѣ «я мыслю, т. е. существую» Декарта можно прибавить слѣдующую формулу: «мое существованіе подчинено законамъ причины и дѣйствія, слѣдовательно существуетъ міръ», а къ этой формулѣ третью: «въ силу того-же закона причины и дѣйствія «я» и міръ однородны». Дѣйствительно, если каждое мое состояніе должно имѣть свою *причину* и если я безпрестанно натываюсь на такія состоянія, причинъ которыхъ не могу найти *въ себѣ*, въ своихъ-же состояніяхъ, не смотря на всевозможныя усилія и старанія, то ясно, что должны быть реальныя причины моихъ состояній, лежащія *опп сфери этихъ состояній*, т. е. внѣ меня. Объединеніе всѣхъ этихъ сначала неизвѣстныхъ причинъ *въ одно цѣлое* и даетъ первую, еще смутную идею *міра, какъ необходимо дополненія моего я*, если только это «я» подчинено закону причины и дѣйствія. Затѣмъ очевидно, что для того, чтобы этотъ міръ не нарушалъ закономерности моего собственного существованія — а я знаю изъ опыта своихъ состояній, что онъ ее не нарушаетъ—онъ и самъ также долженъ быть подчиненъ тому-же закону причины и дѣй-

ствія, той-же законѣрности. Далѣе, наблюдая извѣстную *однородность причинъ и дѣйствій* въ предѣлахъ своихъ собственныхъ, связанныхъ причинною связью, состояній, и наблюдая, что не только *въ мірѣ* лежатъ причины многихъ другихъ *моихъ состояній*, но и *во мнѣ* лежатъ *причины многихъ состояній міра*, какъ результатовъ моего дѣйствія, я принужденъ, чтобы быть совершенно послѣдовательнымъ, распространить *законъ конечной однородности причинъ и дѣйствій* на соотношеніе моихъ состояній и состояній среды, *какъ причинъ и дѣйствій другъ друга*; этотъ выводъ и есть выводъ *о законѣ однообразія всей природы*.

Для наглядности весь рядъ этихъ построеній можно изобразить еще слѣдующею схемою послѣдовательныхъ выводовъ:

- 1) «Я мыслю», т. е. «существую»¹⁾.
- 2) «Я существую» значить «я существую законѣрно»²⁾.
- 3) «Я существую законѣрно» значить: «всѣ мои состоянія подчинены закону причины и дѣйствія».
- 4) Если же всѣ мои состоянія подчинены закону причины и дѣйствія, то существуетъ міръ, какъ совокупность причинъ многихъ моихъ состояній, которыя иначе были бы безпричинны.
- 5) Если существуетъ міръ, то для законѣрнаго дѣйствія его на меня, онъ долженъ также имѣть существованіе законѣрное, подчиненное закону причины и дѣйствія.
- 6) Связь причины и дѣйствія можетъ быть только отношеніемъ *однороднаю*, слѣдовательно взаимная связь меня и міра, какъ центровъ причинъ и дѣйствій обоюдныхъ, возможна лишь при нашей *однородности*, т. е. *однообразіи законовъ всей природы*.

Такимъ путемъ, рожденная въ вѣдрахъ моего субъекта идея законѣрности и конечной однородности моихъ собственныхъ состояній постепенно перерастаетъ меня, создаетъ изъ себя идею объекта и въ концѣ концовъ идею однообразія законовъ объекта и субъекта, какъ элементовъ одного цѣлаго. Дальнѣйшее само собою понятно: если законы природы однообразны, если я — *частица всею*, по природѣ *со мною тождественнаю*, а этотъ выводъ, помимо всѣхъ нашихъ логическихъ

¹⁾ Повторяя Декартовское «я мыслю», мы разумѣемъ это выраженіе въ широкомъ значеніи—въ смыслѣ «я сознаю».

²⁾ Ибо идея «я» уже выражаетъ идею единства, однообразія, однородности, законѣрности моихъ состояній, изъ которыхъ это «я» складывается.

построеній, ежечасно все болѣе и болѣе *косвенно* подтверждается наукою, въ ея различныхъ отрасляхъ — химією, физикою, біологією, психологією и т. д., то тогда понятно, почему я могу познать *черезъ себя міръ*. Въ своихъ собственныхъ состояніяхъ я нахожу *отраженіе состояній міра, вселенной* — я *микрокосмъ*, въ которомъ въ *маломъ* видѣ отражается *все*, вселенная во всемъ своемъ многообразіи, точно также какъ и вселенная, въ свою очередь, есть *макркосмъ*, воспроизводящій въ безконечно большемъ, болѣе совершенномъ и полномъ видѣ мепя самого....

Этотъ законъ однообразія природы, выведенный *единолично изъ анализа содержанія моихъ собственныхъ состояній*, и есть тотъ *единственный принципъ*, который мы *изъ себя* можемъ вынести *внѣ себя*, — въ міръ, во вселенную, въ качествѣ *критерія истиннаго знанія*.

Но если я *черезъ себя могу познать все внѣ себя*, ибо я — *отраженіе всею*, то въ какой *мѣрѣ* это познаніе мнѣ доступно, гдѣ же предѣлы *законаго моего антропоморфизма* и какъ отличить его отъ *незаконнаго, ошибочнаго*? Вѣдь я всетаки — не сама вселенная, а только ея *малое подобіе*, ея неопредѣлимо малая частица, ея безконечно крошечный миниатюръ, въ которомъ неизбѣжно *все* можетъ быть воспроизведено лишь въ болѣе грубомъ, неясномъ и неотчетливомъ видѣ. Сравнимъ органическую клѣтку съ человекомъ: и она питается, размножается, живетъ, дышетъ, можетъ быть чувствуетъ кое-что, движется. Но какъ это все грубо, непосредственно, несовершенно, слабо, нераздѣльно, сравнительно съ тѣми-же процессами во мнѣ. И устройство ея также не дифференцировано и грубо, сравнительно съ моею сложной структурой. А между тѣми организациіи животной клѣтки, хотя бы кровяного шарика, къ моей организациіи въ милліоны разъ ближе, чѣмъ моя организациіа къ организациіи «безконечно-сложной» вселенной. Я гораздо меньше, чѣмъ кровяной шарикъ вселенной, я — атомъ этого кровяного шарика. Самъ по себѣ взятый я — *все*, но въ безконечно великомъ цѣломъ вселенной я — *ничто*. Если мы иголкой соскоблимъ пылинку мрамора съ великой громады стѣны грандіознаго мраморнаго храма, то эта пылинка, если бы могла разсуждать, должна была бы

на вопросъ «кто ты?» отвѣтитъ «я—мраморъ»—и все таки она не была бы мраморомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ таковымъ громаду стѣнъ мраморнаго храма. Въ такомъ же смыслѣ, но *не болѣе*, конечно и человѣкъ въ правѣ сказать «я—вселенная», но вѣдь точно также, хотя бы и въ еще болѣе ограниченномъ смыслѣ, могли бы сказать «я—вселенная»—слонъ, левъ, червякъ, муравей, любой цвѣтокъ, любая травка и даже любая пылинка мрамора, любая песчинка, капля воды и т. д. Конечно ни слонъ и червякъ, ни цвѣтокъ и травка, ни песчинка и капля воды не имѣютъ человѣческихъ способностей *самосознанія и познанія себя и міра*. Но если допустить, какъ это дѣлаетъ нынѣ наука, что самосознаніе и способность познанія человѣка суть лишь высшія на землѣ ступени развитія нисшей чувствительности и силы движенія червяка, бессознательной воспримчивости и элементарной силы движенія цвѣтка, поворачивающаго лепестки свои къ свѣту и закрывающаго ихъ предъ заходомъ солнца, то не въ правѣ ли мы отъ сравнительно высокой силы самосознанія человѣка дойти въ другомъ направленіи до идеи абсолютной силы самосознанія и познанія вселенной. Только эта цѣлая вселенная, какъ своего рода высшій индивидуумъ, будучи одновременно субъектомъ (какъ личный разумъ—Богъ) и объектомъ, какъ живой организмъ этого Бога, можетъ быть способна къ абсолютному, адекватному (тождественному) и совершенному знанію вселенной, т. е. себя самой—чрезъ себя.

Нашъ-же организмъ и его умъ могутъ отражать собою вселенную и познавать чрезъ себя вселенную лишь относительно полно и точно, а въ сущности очень неполно и неточно.

Эта-та ограниченность нашего познанія вселенной чрезъ себя и заставляла всегда философовъ искать *предѣловъ* знанія и допускать для человѣка возможность лишь знанія *относительнаю, условнаю, мало достовѣрнаю*. Но тутъ то и легко впасть въ преувеличеніе и провести границы знанія совсѣмъ не тамъ, гдѣ онѣ лежать. Несомнѣнно, что наше знаніе ограничено, что эта ограниченность и служитъ источникомъ всѣхъ нашихъ заблужденій, иллюзій, ошибокъ, предрассудковъ, суевѣрій, но также несомнѣнно и то, что самая наша способность къ самосознанію, прогрессирующему познанію міра и самихъ себя, которая насъ отличаетъ отъ животныхъ, и способность параллельнаго, искусственнаго, весьма тонкаго воздѣйствія на міръ, съ цѣлью его

приспособленія къ нашимъ потребностямъ, служатъ ручательствомъ того, что ограниченность нашего знанія, во первыхъ, относительна, а во вторыхъ, не есть величина постоянная, неизмѣнная. Мы можемъ отчасти произвольно расширять границы нашего знанія и въ смыслѣ точности и въ смыслѣ полноты. Можетъ быть этотъ прогрессъ не имѣетъ границъ, а если и имѣетъ, то онѣ лежатъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ полагають?

Болѣе подробному анализу этихъ границъ или предѣловъ, т. е. *сферы компетентности* нашего знанія, мы и посвятимъ слѣдующую главу.

IX.

Предѣлы истиннаго знанія и законнаго антропоморфизма въ знаніи.

Изъ того критерія истиннаго знанія, который мы установили, можно вывести три важныя положенія: Во 1-хъ, что воспроизводя собю болѣе или менѣе отчетливо и ясно, дѣятельно или потенциально, *есть существенныя качества или стороны бытія вселенной*, какъ частица ея, человекъ долженъ быть въ состояніи познать *болѣе или мѣнѣе* отчетливо и точно всѣ другія частицы или элементы ея, а чрезъ сложеніе этихъ знаній и самую вселенную, какъ цѣлое.

Во 2-хъ, что *каждое наше состояніе* должно быть отраженіемъ какого-нибудь *реальной свойства бытія вселенной*, что вся задача знанія — опредѣлять, *какое именно свойство или сторону бытія* отражаетъ данное состояніе, и что иллюзіи, заблужденія, ошибки наши могутъ состоять лишь въ *неправильномъ истолкованіи* нашихъ состояній, въ ихъ соотношеніи съ объективными фактами и законами, которые въ нихъ отражаются.

Во 3-хъ, что *всякій нашъ опытъ* — столько-же *внѣшній*, сколько и *внутренній*, столько-же *объективный*, сколько и *субъективный*, — можетъ быть *источникомъ знанія*, т. е., что безусловно всѣ наши состоянія не только являются показателями того, что въ насъ самихъ происходитъ, но и источниками познанія свойствъ и законовъ бытія другихъ предметовъ и цѣлой вселенной (хотя и въ различномъ смыслѣ).

Всѣ эти выводы вытекають изъ закона однообразія природы, который означаетъ именно, что для того, чтобы могло

существовать какое-нибудь обособленное или индивидуализированное цѣлое, подобное цѣлому вселенной, (а такимъ обособленнымъ и замкнутымъ въ себѣ цѣлымъ и является индивидуальный организмъ человѣка), необходимо, чтобы въ его бытіи совмѣщались и комбинировались всѣ основные законы и факторы бытія вселенной: иначе индивидуализація, которая совпадаетъ съ идеєю законченности, цѣлостности, была-бы явленіемъ непостижимымъ. Но точно также изъ этого закона однообразія природы слѣдуетъ, что въ индивидуумѣ — въ его опытѣ, въ его жизни — не можетъ быть дано ни одного явленія, которое не было-бы отраженіемъ *всеобщихъ законовъ бытія вселенной*, ибо вѣдь каждое явленіе, въ предѣлахъ индивидуума, имѣетъ *причину*, т. е. основано на *законѣ*: этотъ законъ непосредственно есть конечно *законъ жизни индивидуума*, но въ виду однообразія природы онъ есть въ то же время *законъ жизни вселенной*.

Такимъ образомъ, *вся задача знанія* сводится къ правильному истолкованію нашихъ состояній или явленій нашего внѣшняго и внутренняго опыта, какъ выраженій *законовъ бытія вселенной*.

Изъ нашего внѣшняго и внутренняго опыта мы выводимъ различіе *измѣняющихся* фактовъ, *явленій* или феноменовъ, и чего-то *неизмѣннаго*, постояннаго, лежащаго въ основѣ *измѣняющихся* явленій. Это неизмѣнное, постоянное мы выражаемъ понятіями *сущностей, основъ, началъ* вещей, *законовъ* ихъ бытія. Еще древнѣйшіе философы отмѣтили это коренное различіе *измѣняющагося*, *возникающаго* и *уничтожающагося*, отъ того *что измѣняется и въ силу чего измѣняется это неизмѣнное* x, остающееся, не смотря на всѣ измѣненія, всетаки въ концѣ концовъ тождественнымъ себѣ и въ какомъ-то смыслѣ неизмѣннымъ. Въ VI вѣкѣ до Р. Х. основатель вейской философіи Ксенофанъ выразилъ эту идею *неизмѣнной основы вещей* въ понятіи «единаго сущаго». Почти одновременно, другой греческій философъ Гераклитъ выразилъ фактъ *непрерывности измѣненій* всего существующаго въ формулѣ: «все течетъ». Платонъ уже ясно воплотилъ контрастъ *измѣняющагося* и *неизмѣннаго* въ понятіяхъ «феномена» и «ноумена», т. е. кажущагося и мыслимаго. Это противуположеніе, переживая вѣна, никогда не исчезало, хотя выражалось многообразными терминами и истолковывалось многообразно. Дожившее до нашего времени проти-

вположеніе *явленій* и *сущностей* есть, конечно, повтореніе того-же контраста; но, вслѣдствіе многовѣковыхъ злоупотребленій метафизиковъ, произвольно и неосторожно обращавшихся съ способностью человѣка принимать въ область неизмѣнныхъ, вѣчныхъ законовъ бытія вселенной, понятіе «сущностей» обратилось въ символъ, съ которымъ мы стали связывать идею о произвольныхъ и фантастическихъ измышленіяхъ ума человѣка, не подчиненнаго строгой научной дисциплинѣ. Отсюда, какъ протестъ противъ крайнихъ увлеченій прошлаго, явилась доктрина критической философіи «о непознаваемо ти сущностей вещей». Но въ этой доктринѣ прежде всего поражаетъ то, что говорится о «непознаваемости» того, что признается «существующимъ»: если-бы сущности были совершенно непознаваемы, то мы не могли-бы говорить и объ ихъ непознаваемости; для насъ существуетъ только то, что мы познаемъ—непознаваемое вовсе не существуетъ. Очевидно, такимъ образомъ, что въ понятіи сущностей выражается идея какой-то несомнѣнно реально-существующей для насъ и, слѣдовательно, познаваемой сторонѣ бытія. Выводъ о «непознаваемости» сущностей можетъ имѣть смыслъ, только какъ утвержденіе непознаваемости этой стороны бытія *тѣми способами, приемами, методами*, которые употреблялись прежними метафизиками, или—что одяо и то-же—о несуществованіи сущностей *въ томъ смыслѣ*, въ какомъ онѣ иными метафизиками понимались; но привелъ-ли такой выводъ къ совершенному отрицанію познаваемости *неизмѣнной основы внутренней природы вещей*? Самъ Кантъ, а за нимъ Шопенгауэръ, корифеи новѣйшей критической философіи, признали возможнымъ подойти къ выясненію неизмѣнныхъ общихъ началъ и внутренней природы своего существованія при помощи *самосознанія*, внутреннего опыта, открывающаго намъ сущность нашего собственного бытія, а чрезъ нее и сущность общихъ началъ бытія вселенной. Съ другой стороны *наука*, изучая міръ при посредствѣ внѣшняго опыта, ищетъ и находитъ выраженія неизмѣнныхъ, основныхъ началъ бытія вселенной въ *законахъ*, которые открываетъ и которые отличаетъ отъ измѣчивыхъ явленій, ими порождаемыхъ. Но этого мало: въ цѣломъ рядѣ научныхъ отвлеченныхъ идей, въ родѣ идей—числа, величины, атома, движенія, кѣтки, организма, силы, матеріи, она пытается выразить *однородныя и неизмѣнныя стороны и основы бытія* при-

роды, независимо отъ «законовъ» проявленія и измѣненія ихъ. Правда, эти понятія безпрестанно рушатся, оказываются то слишкомъ широкими, то слишкомъ узкими, и потому отвергаются; однако, удовлетворяя необходимой потребности мысли человѣка, наука замѣняетъ ихъ все новыми и новыми понятіями того-же общаго значенія (такъ, наприм., понятіе силы современной физика замѣнила отчасти понятіемъ энергіи).

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что контрастъ измѣняющагося и неизмѣннаго, *явленій* и ихъ *основъ*, данъ въ самомъ опытѣ человѣка, въ самыхъ условіяхъ его познанія и, выражая собою *законъ познанія*, т. е. законъ нашего индивидуальнаго бытія, имѣетъ ео ipso реальное значеніе и внѣ насъ, какъ выраженіе природы бытія вселенной. Въ насъ вѣдь не можетъ быть ничего такого, чего-бы не было во вселенной, если мы однородны съ нею. Другими словами, не только въ *нашемъ* сознаніи, въ *нашемъ субъектѣ* существуетъ различіе измѣняющихся явленій и ихъ основъ — сущностей и законовъ, — это различіе реально существуетъ и въ природѣ: «явленія или измѣненія столь-же реальны *вне насъ*, какъ «основы и законы» этихъ измѣненій.

Явленія природы или измѣненія основъ ея бытія — *модификаціи сущаго* — мы познаемъ чрезъ *ощущенія*, внѣшнія и внутреннія. Общія основы явленій мы познаемъ чрезъ *переработку ощущеній нашею мыслию*, чрезъ устраненіе изъ нихъ всего конкретнаго, индивидуальнаго, подверженнаго измѣненію, и чрезъ обобщеніе ихъ въ *понятія* и *идеи*, какъ выраженія сущностей и законовъ бытія вселенной въ насъ и внѣ насъ. Конечно, ощущенія суть *отраженія* явленій, а не самыя явленія дѣйствительности, — идеи суть *отраженія въ субъектѣ* сущностей и законовъ бытія, а не самыя сущности и законы. Противуположности *субъекта* и *объекта* мы не въ состояніи уничтожить, различіе «существованія» и «сознанія», какъ «ощущенія» существующаго, всегда останется въ силѣ. Однако-же, если мы подумаемъ, что-мы сами — вселенная въ маломъ видѣ, то наши состоянія — ощущенія, чувства, идеи — неизбежно окажутся всетаки столь близкими къ формамъ реального бытія вселенной фактами, что утвержденіе современныхъ психологовъ, будто красный цвѣтъ есть *только наше ощущеніе*, а не свойство предмета, который мы называемъ краснымъ, окажется весьма от-

носпительнымъ и двусмысленнымъ. Съ точки зрѣнія закона однообразія природы, способность моя ощущать красный цвѣтъ есть въ то-же время потенциальная или дѣятельная способность всей вселенной ощущать красный цвѣтъ. Но тогда красный цвѣтъ не только существуетъ во мнѣ, но и внѣ меня, во вселенной, какъ одна изъ модификацій ея бытія. Упомянутое утверженіе психологовъ законно лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно выражаетъ мысль, что красный цвѣтъ есть *поверхностное явленіе*, а отнюдь не элементъ основной сущности упомянутого бытія, и еще, что красный цвѣтъ есть *субъективная сторона* этого явленія, а не объективная, т. е. только форма ощущенія этого *сплошь реальнаго* явленія.

Изъ этихъ соображеній слѣдуетъ, между прочимъ, что отрицаніе познаваемости сущностей или основъ бытія имѣло-бы ту-же цѣну, какъ и отрицаніе познаваемости явленій. *Въ той-же мѣрѣ*, въ какой ощущенія наши отражаютъ реальную природу «явленій», идеи наши должны отражать реальную природу «сущностей» или основъ бытія? Отрицаніе познаваемости сущностей было-бы равносильно отрицанію *реальной связи идей съ ощущеніями*, какъ отраженія реальной-же связи сущностей съ ихъ проявленіями. Волѣдствіе этого, отрицаніе познаваемости сущностей представляется намъ ничемъ инымъ, какъ остаткомъ или послѣдствіемъ существовавшего когда-то своеобразнаго *реализма*, противопоставившаго сущности явленіямъ, какъ факты совершенно независимые другъ отъ друга, и признававшего орудіемъ познанія этихъ сущностей особыя прирожденные идеи. Если мы нынѣ признаемъ, съ одной стороны, что всѣ явленія должны быть модификаціями тѣхъ основныхъ началъ вещей, которыя называемъ сущностями, хотя-бы и не считали ихъ познаваемыми, а съ другой стороны, что идеи суть продукты переработки внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній, то мы, не противорѣча себѣ, не можемъ не признать, что *по тому-же мосту*, по которому мы отъ ощущеній восходимъ къ идеямъ, мы *одновременно* восходимъ и отъ познанія явленій къ познанію сущностей, *насколько и тѣ и другія для насъ познаваемы*. Это отношеніе можно наглядно выразить слѣдующей пропорціей:

Явленія относятся къ сущностямъ, какъ наши ощущенія (внѣшнія и внутреннія) къ идеямъ, возникшимъ изъ ихъ переработки.

Изъ понятія «сущности», при такомъ пониманіи его значенія, надо устранить только идею «бытія самого въ себѣ», которое конечно не можетъ входить въ содержаніе *идеи* этого бытія, т. е. параллельнаго бытію акта познанія. Я отлично понимаю, напр., и *исполнѣ ясно сознаю* состояніе другого человѣка, плачущаго по поводу потери близкаго родственника,—я «переживаю» съ нимъ это состояніе, но переживать чье-либо состояніе не значитъ жить въ другомъ человѣкѣ, т. е. реально испытывать самому «за него и въ немъ» это состояніе. Познаніе, хотя бы и полное, не есть еще «бытіе въ познаваемомъ»,—реально и фактически отождествиться съ познаваемымъ объектомъ, стать *имъ самимъ*, познающій субъектъ конечно не можетъ, но этого вовсе и не нужно, ибо познаніе не есть само бытіе, а есть *сознаніе бытія*, сознаніе-же бытія можетъ быть полное *внѣ ея самою*. Такъ, если при помощи своей памяти я воспроизвожу свои собственныя прежнія состоянія, т. е. вновь переживаю ихъ, то это переживаніе мыслью моего прежняго «я» всетаки не тождественно съ самою жизнью этого прежняго «я», которое не можетъ повториться, какъ реальный фактъ. Слѣдовательно уже во мнѣ, *въ моемъ собственномъ субъектѣ* или въ его *самосознаніи* дано это различіе субъекта и объекта, познанія и познаваемого бытія. А между тѣмъ никто не отрицаетъ возможности *полнаго познанія* субъекта своего прежняго бытія, путемъ процесса припоминанія. Мало того, даже въ сознаніи мною *современнаго* акта моего бытія строгій психологическій анализъ можетъ раскрыть противоположность субъекта и объекта. Декартовская формула «я мыслю, т. е. существую» уже заключаетъ въ себѣ это противоположеніе, ибо «я—мыслящее», какъ субъектъ, противопоставляется «я—существующему», какъ объекту.

Если мы вполнѣ поймемъ это несомнѣнное различіе бытія и познанія, объекта и субъекта, то мы поймемъ и то, что было ложнаго и фальшиваго въ схоластической идеѣ сущности, какъ объекта познанія, и еще ранѣе—въ Платоновскомъ отождествленіи *идеи*, какъ акта познанія, съ *идеею*, какъ актомъ бытія или какъ выраженіемъ его неизмѣнной, независимой отъ познанія основы. Конечно полное отождествленіе *идеи* этого двоякаго порядка, а именно — *идеи*, какъ состоянія субъекта, съ *идеею*, какъ сущностью объекта, могло бы быть мыслимо только въ такомъ *абсолюте*, въ которомъ самого различія

субъекта и объекта не существуетъ, ибо онъ является еще не дифференцированнымъ. Въ такомъ абсолютѣ познаніе и бытіе могутъ совпадать и идею такого абсолюта мы отчасти въ правѣ построить, какъ логическій *постулатъ*, соответствующій идеѣ того высшаго единства, изъ котораго путемъ дифференціаціи выработалась вселенная, какъ фактъ настоящей дѣйствительности. Этотъ абсолютъ и совпадалъ бы съ идеею *Бога*, какъ первоосновы вселенной. О исполнѣ законномъ правѣ нашемъ построить идею такого абсолюта, подъ условіемъ осторожнаго обращенія съ нею, какъ выраженіемъ природы дѣйствительной первоосновы всего существующаго, и признанія въ ней только несовершеннаго символа этой непостигаемой во всей полнотѣ первоосновы, мы поговоримъ въ другой разъ. Пока для насъ достаточно признать, что вселенная, какъ она дѣйствительно существуетъ и проявляется въ насъ самихъ, уже представляетъ готовую дифференціацію субъекта и объекта, познающаго и познаемаго— даже въ предѣлахъ нашего самосознанія, и что конкретное отождествленіе актовъ познанія и бытія для насъ по самой природѣ нашей невозможно. И поэтому только эту идею «бытія въ самомъ себѣ *enъ познанія*» и должно устранить изъ понятія сущности, какъ реального объекта познанія, отражающагося въ идеяхъ нашего ума.

Установивъ это необходимое ограниченіе, мы и должны уяснить для себя теперь, въ *какой мѣрѣ* и *степени* всѣ наши состоянія, дѣйствительныя и возможныя (въслѣдствіе дальнѣйшаго развитія нашей природы), могутъ дать намъ ключъ къ познанію всѣхъ реально-возможныхъ и данныхъ «явленій» или «модификацій», и «сущностей» или «неизмѣняемыхъ основъ» бытія.

Естествоиспытатели утверждаютъ что мы не обладаемъ нѣкоторыми вышшими чувствами или органами ощущенія (а можетъ быть и внутренними чувствами?), которыми обладаютъ другія живыя существа. Это очень возможно и вѣроятно¹⁾. По

¹⁾ Изъ этого и дѣлается обыкновенно выводъ о крайней ограниченности нашихъ знаній. «Существующее представляется намъ только такъ, какъ его способны отражать наши *являть чувства* (??), т. е. въ самомъ несовершенномъ, непостоянномъ, а иногда и извращенномъ видѣ, гдѣ говоритъ незнакомый авторъ, подъ псевдонимомъ Маркиза О'Квеча, въ своей книжкѣ «Немного Философій» (СП. 1886) и затѣмъ рисуетъ слѣдующую красивую, но печальную

крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что нѣкоторыми способностями воспріятія виѣшнихъ впечатлѣній мы обладаемъ въ меньшей

картину ограниченности нашихъ знаній. «Представимъ себѣ такую картину. Среди открытаго поля стоитъ огромный размѣровъ акваріумъ. Устройство акваріума извѣстно. Закрытый со всѣхъ сторонъ стеклянный ящикъ представляетъ собою въ мнѣшатурѣ морское дно съ его разнообразною растительностью и населеніемъ. Передъ нами — десятое и двадцатое поколѣніе рыбъ, черепахъ, раковъ и пр. Стариковъ давно уже нѣтъ. Рыбы рѣвятся, поднимаются на поверхность, исчезаютъ въ растительности, въ изгибахъ возвышенностей, искусственныхъ пещеркахъ и пр. Вотъ плаваетъ радій экземпляръ золотой рыбки, особенно приковывающій къ себѣ наше вниманіе. Она гордо пересѣкаетъ хрустальную воду, то всплываетъ на поверхность, то опускается на самое дно, то притягивается головою къ стеклу и какъ-бы разсматриваетъ предметы, окружающіе акваріумъ. Помѣстите на минуту нашъ мозговой аппаратъ въ голову золотой рыбки. Что должна думать эта рыбка объ окружающемъ ее мірѣ, и внутри, и внѣ этого акваріума? Для чего существуетъ этотъ акваріумъ? Кто посадилъ ее туда? *Какая цѣль ея существованія?* Чтобы добиться рѣшенія этихъ вопросовъ, рыбка погружается въ песокъ, заглядываетъ въ каждое углубленіе, кружится среди выющихся растеній, останавливается передъ уродливымъ ракомъ, передъ замысловатой олгурою черепахи, — отвѣта нѣтъ. Вотъ слѣды старой, полусгнившей чешуи; вотъ остатки какой-то давно объѣденной рыбы, и таковой, которой уже давно не было въ акваріумѣ, — все это *исторія* акваріума. Рыбка изучаетъ ихъ тщательно, догадывается, что въ акваріумѣ когда-то жили рыбы такихъ породъ, какихъ она теперь не видитъ, что и прежде рыбы поѣдали другъ друга, — отвѣта все нѣтъ. Приткнувшись головою къ стеклу акваріума, она видитъ внѣ его безконечное безводное пространство, небо, растительность, массу разнообразныхъ существъ, производящихъ какія-то движенія, и, конечно, только недоумѣваетъ. Она какъ-бы спрашиваетъ весь этотъ живой міръ; зачѣмъ вы — тамъ? Зачѣмъ и — здѣсь? и откуда всѣ мы? А отвѣта нѣтъ... Такова притча нашей жизни. Человѣкъ — та-же рыбка, незнающая, кто и для чего посадилъ ее въ акваріумъ, незнающая, для чего существуетъ самый акваріумъ. Мы-то знаемъ, что акваріумъ существуетъ для нашей пользы, но рыбка это никогда и ее голоду придти не можетъ» (стр. 17). Смыслъ этой мрачной картины конечно исчезнетъ для того, кто приметъ наложенную нами здѣсь теорію познанія и указанный нами выше критерій истинности нашихъ знаній. Да-едва ли въ ея значеніе вѣрить и самъ уважаемый авторъ, если на стр. 166 предлагаетъ философамъ «возстановить и водворить въ сознаніи новаго человечества старое представленіе о принципахъ абсолютной, божественной добродѣтели, о неизбѣжныхъ началахъ правды и справедливости». Человѣкъ-рыбка не могъ бы этого сдѣлать!

степени, чѣмъ иныя хорошо намъ извѣстныя животныя (напр. обоняніемъ, сравнительно съ собакою). Въ другихъ случаяхъ какія-то стороны извѣстной способности воспріятія у насъ менѣе развиты, чѣмъ у другихъ животныхъ (напр. мы не видимъ въ темнотѣ такъ хорошо, какъ филинъ). Мы согласны даже допустить, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ естествознанія, человечество теоретически придетъ къ необходимости сдѣлать выводъ о существованіи *множества* такихъ родовъ воспримчивости, внѣшней и внутренней, какіе намъ самимъ недоступны, и еще большаго количества *спеціальныхъ модификацій* извѣстныхъ намъ родовъ воспримчивости, которыя также точно намъ непосредственно недоступны. Но что изъ всего этого слѣдуетъ?

Изъ упомянутыхъ фактовъ слѣдуетъ, что доступное намъ знаніе явленій, т. е. измѣненій, которымъ подвержены основы и начала всего существующаго, ограничено, что пути наши къ истинному знанію законовъ бытія вселенной не безконечно разнообразны, что количество фактовъ, изъ которыхъ мы выводимъ знаніе упомянутыхъ основъ, началъ, законовъ не безпредѣльно. Но, если мы примемъ во вниманіе, что знаніе вовсе не есть знаніе всего разнообразія феноменовъ и единичныхъ фактовъ, а только знаніе законовъ и началъ—знаніе *общее*, то указанная ограниченность нашихъ воспріятій въ смыслѣ полноты и разнообразія, насъ едва-ли испугаетъ. Сколько фактовъ, даже теоретически доступныхъ нашему воспріятію, ускользаетъ отъ нашего вниманія. Развѣ знаніе исторіи равносильно знанію малѣйшихъ деталей жизни и дѣятельности всѣхъ прежде жившихъ людей, развѣ знаніе природы равносильно знанію всѣхъ фактовъ, когда-либо происшедшихъ въ развитіи хотя-бы нашей планеты? Да ежесекундно происходитъ однихъ *доступныхъ нашему знанію и воспріятію явленій* на одной только земной поверхности болѣе, чѣмъ сколько могъ бы изучать самой добросовѣстный ученый въ теченіе цѣлой жизни.

Для знанія законовъ природы нуженъ извѣстный минимумъ фактовъ, ничтожный сравнительно съ общимъ числомъ явленій, изъ которыхъ составляется жизнь природы. Вотъ напр. Дарвинъ построилъ новую теорію законовъ развитія органической природы на основаніи фактовъ и эмпирическихъ наблюденій, своихъ и чужихъ. Но если выводы его опираются на нѣсколько тысячъ фактовъ, перечисленныхъ въ его сочиненіяхъ, то они обнимаютъ

несомнѣнно миллиарды миллиардовъ фактовъ, никогда имъ не видѣнныхъ и не наблюденныхъ. Онъ не видалъ, да и никто не видалъ, десятковъ и сотенъ тысячъ переходныхъ формъ организмовъ, на предположеніи прошлаго существованія которыхъ основана ея теорія превращенія видовъ. И все таки ему вѣрятъ сотни ученыхъ.

Очевидно знаніе законовъ зависитъ вовсе не отъ количества и разнообразія наблюдавшихся явленій, а отъ правильнаго ихъ истолкованія и сопоставленія, и если Дарвинъ сдѣлалъ какія-либо ошибки, то никто не вѣситъ ему въ вину «недостаточность» его наблюденій, а разитъ неправильность истолкованія этихъ наблюденій.

Конечно, факты и явленія— *естественный путь къ общимъ выводамъ о началахъ и законахъ*, но дѣло не въ количествѣ и разнообразіи ихъ, а въ способѣ ихъ изученія. Если есть крупные пробѣлы въ нашей воспримчивости, то это не значитъ, что должны быть столь-же крупные пробѣлы въ нашихъ идеяхъ. Во первыхъ, благодаря той-же способности мыслить и перерабатывать ощущенія, мы одарены способностью ихъ совершенствовать и умножать, помощью изобрѣтаемыхъ нашими умомъ телескоповъ, микроскоповъ и другихъ приборовъ, и нашему прогрессу въ этомъ отношеніи не видно предѣла, если мы уже и теперь сумѣли открыть новый, невидимый для насъ непосредственно міръ носихъ организмовъ, новые, невидимые для глаза міры-въ небесныхъ сферахъ, новые и то же невидимые элементы и силы. Во вторыхъ, если бы даже въ этомъ постоянномъ усовершенствованіи нашей воспримчивости мы встрѣтили когда-нибудь преграду, то и тогда мы имѣемъ и еще будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи, въ опытѣ внѣшнемъ и внутреннемъ, гораздо больше доступныхъ фактовъ и явленій, чѣмъ сколько нужно на потребу нашего знанія, такъ какъ наше знаніе есть знаніе *общихъ законовъ*, которые всѣ такъ или иначе отражаются въ нашемъ собственномъ, столь совершенномъ, сравнительно съ окружающею насъ природою, бытіи. Познать *все земное* въ его законахъ мы несомнѣнно уже потому въ состояніи, что на землѣ мы—самый совершенный организмъ, одаренный самою самою сложною жизнью. А если мы познаемъ природу всего земного, то будемъ знать о вселенной конечно не менѣе, чѣмъ сколько для насъ нужно, такъ какъ жизнь другихъ небесныхъ тѣлъ

и міровъ несомнѣнно аналогична нашей, если вѣреть законъ однообразія природы.

Поэтому предѣлы знанія совершенно относительно. Во первыхъ, мы ихъ постоянно расширяемъ, а во вторыхъ, касаясь области явленій, измѣненій, фактовъ, они отнюдь не могутъ касаться области общихъ законовъ и началъ. Предѣлы знанія касаются подробностей, частныхъ, т. е. фактической полноты нашихъ знаній, а отнюдь не ихъ глубины и полноты внутренней, идейной.

Точно также и предѣлы законнаго антропоморфизма нашего совершенно относительно. Уже химикъ, приписывающій тѣламъ наши ощущенія въ качествѣ ихъ свойствъ, анатомъ, переносящій наши ощущенія при наблюденіи тканей на самыя ткани, какъ объекты наблюденія, и говорящій о бактеріяхъ «запятыхъ и палочкахъ», когда и запятые и палочки суть ощущенія вибрацій клісточекъ нашего мозга,—очевидно обладаютъ только знаніями антропоморфическими. Но ихъ антропоморфизмъ насколько не высшаго качества, чѣмъ антропоморфизмъ богослова, приписывающаго свой разумъ въ безконечно болѣе совершенной потенціи — вселенной.

Вся суть лишь въ томъ, чтобы правильно истолковывать наши состоянія, какъ показатели свойствъ вещей. Мы должны при этомъ постоянно пользоваться приѣмомъ *аналогіи* — увеличивая и уменьшая пропорціи своихъ ощущеній, когда переносимъ ихъ на вещи. При этомъ различныя ощущенія служатъ способомъ взаимной провѣрки другъ друга. Если мы приписываемъ ту или другую степень чувствительности и развитія мысли животнаго, то переносимъ на него—по аналогіи—свои чувства и мысли, въ пропорціи величины и совершенства строения его мозга и нервной системы, изученныхъ нами при помощи зрѣнія. Если мы, на оборотъ, предположимъ сложную структуру мозга у великаго мыслителя, котораго еще не анатомировали, то мысленно дифференцируемъ свои зрительныя воспріятія, полученные при изученіи строения мозга обыкновеннаго человѣка, по аналогіи и на основаніи субъективнаго наблюденія его глубинныхъ и обширныхъ знаній. Самые же законы останутся при этомъ неизмѣнными и антропоморфное перенесеніе на природу

и вселенную законовъ и началъ, познанныхъ нами чрезъ анализъ нашихъ собственныхъ состояній, какъ внѣшняго такъ и внутренняго опыта, безусловно законно, ибо иначе познать законы и начала природы, какъ *чрезъ себя, чрезъ призму своихъ состояній*, мы не можемъ.

Уничтоживъ такимъ образомъ тѣ искусственныя перегородки, которыя поставила предъ пытливою мыслию человѣка опиравшаяся на недостаточно глубокой и всесторонней психологической анализъ элементовъ и процессовъ знанія, критическая философія прошлаго, воротимся теперь къ занимающему насъ основному вопросу *о природѣ души*, въ связи съ природою *матеріи и силы*.

Мы пришли ранѣе къ тому выводу, что наука не въ состояніи сказать ничего опредѣленнаго о природѣ *силы*, а слѣдовательно и о природѣ *матеріи и духа*, опредѣленія которыхъ тѣсно связаны, какъ мы видѣли, съ опредѣленіемъ понятія *силы*. Мы согласились далѣе съ выводомъ Ланге, что задача опредѣленія природы *силы* есть задача теоріи познанія, т. е. философіи, исходящей изъ правильной теоріи познанія.

Установивъ главные начала нашей теоріи познанія на почвѣ выводовъ новѣйшаго психологическаго анализа, мы теперь попытаемся указать путь къ *философскому рѣшенію вопросовъ о природѣ силы, матеріи и духа*, въ связи съ современными ученіями естествознанія о силѣ. Исчерпать эту проблему въ настоящей статьѣ мы конечно не надѣемся, какъ далеко не исчерпали и всѣхъ прочихъ вопросовъ, нами поставленныхъ, но правильно намѣтить путь будущаго анализа намъ можетъ быть и удастся.

Х.

Двоякій путь знанія и природа силы.

Мы постоянно говорили до сихъ поръ о двоякихъ источникахъ знанія — *внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ*. Мы считаемъ, что достаточно обосновали это различіе, помощью научнаго

психологическаго анализа, въ другихъ трудахъ своихъ ¹⁾). Впрочемъ оно составляетъ уже твердо добытый результатъ научной психологіи всѣхъ странъ и весь вопросъ лишь въ *познавательной цѣль внутренней опыта*, какъ орудія общаго знанія законовъ и началъ жизни вселенной, такъ какъ познавательная цѣль *внѣшняго опыта*, послѣ богатыхъ открытій науки прошлыхъ трехъ вѣковъ и особенно XIX в., никѣмъ уже не подвергается сомнѣнію.

Въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ ²⁾ мы старались доказать, что внутренній опытъ, т. е. ощущенія нашихъ субъективныхъ состояній, могутъ служить основаніемъ для столь-же точной индукціи относительно внутреннихъ субъективныхъ состояній другихъ существъ и организмовъ, начиная отъ простѣйшихъ органическихъ клѣтокъ и кончая организмомъ вселенной, какъ и внѣшній опытъ. Мы назвали эту индукцію «черезъ внутренній опытъ» *субъективной индукціей*, въ отличіе отъ *объективной, научной индукціи*, и признали ее основою художественнаго творчества, художественнаго воспроизведенія дѣйствительности. Истинность этой субъективной индукціи называется «правдой» и въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о «художественной правдѣ», какъ о «внутренней истинѣ», въ отличіе отъ внѣшней, научной, — какъ объ истинности приращенія челоѣкомъ, чрезъ посредство его внутренняго опыта, въ область внутренняго существованія и жизни вещей и другихъ существъ, природы и вселенной.

Но если всякій признаетъ инстинктивно существованіе этой художественной и вообще субъективной правды, то о внутренней или *субъективной индукціи*, какъ *методъ познанія законовъ внутренняго бытія вещей*, не было до сихъ поръ рѣчи. Правда, уже Кантъ подъ способностью познанія природы вещей чрезъ «практическій разумъ» подразумѣвалъ именно эту субъективную индукцію. Ею-же пользовался и Шопенгауэръ, открывая во всѣхъ вещахъ и во вселенной свою *волю*, а гораздо ранѣе Канта и Шопенгауэра, Платонъ въ *бессмертномъ*

¹⁾ См. Психологія чувствованій, СП. 1880, Къ вопросу о реорганики логики, Лейпцигъ. 1882 и т. д.

²⁾ Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно. Одесса, 1885.

своемъ «Федонъ» отчасти пользовался методомъ этой субъективной индукціи при обоснованіи своего ученія о безсмертной природѣ души. Вообще этимъ методомъ пользовались часто безсознательно не только художники, но и философы всѣхъ вѣковъ. Но нуженъ былъ критерій достовѣрности или истинности этого метода субъективной индукціи. Этимъ критеріемъ и можетъ служить только законъ однообразія природы. Если мы — отраженіе природы и законовъ вселенной, то въ своемъ внутреннемъ опытѣ мы находимъ дѣйствительно отраженіе внутреннего бытія, сущности жизни вселенной. Тогда наша субъективная индукція, т. е. индукція отъ состояній нашего самосознанія къ сущности жизни природы вполне законна. Оттого то мы и употребили столько усилій для обоснованія упомянутого критерія. Если читатель согласился съ нашими доводами въ пользу этого критерія истиннаго знанія, то все остальное вѣроятно будетъ для него убѣдительно, ибо составляетъ лишь развитіе означенной главной идеи.

Если у насъ есть два достоверныхъ источника знанія — внѣшній и внутренний, объективный и субъективный опытъ, то мы можемъ предположить уже а priori, что дѣйствительность должна открываться намъ съ двухъ сторонъ — *внѣшней* и *внутренней*. Что это на самомъ дѣлѣ такъ, мы можемъ заключать уже изъ вѣчнаго контраста двухъ понятій — матеріи и духа, тѣла и души, вещества и силы, между которыми распредѣляли всю доступную нашему опыту дѣйствительность всѣ люди, неученые и ученые, нефилософы и философы, *спиритуалисты* и даже *материалисты*, которые тоже не въ состояніи были побѣдить непосредственно очевидной противоположности *пассивнаго* и *активнаго*, которую и облекали въ понятія «вещества» и «силы».

Сами не зная того, они вкладывали въ понятіе силы, какъ активнаго начала, то, что находили въ своемъ внутреннемъ опытѣ, въ опытѣ своей собственной активности, ибо *внѣшній* опытъ *никакого* понятія о силѣ, какъ источникѣ движеній, какъ *активному* началу не даетъ. Внѣшній опытъ — глаза

уха и т. д. даетъ только понятіе о различныхъ *дѣйствіяхъ* силы *въ матерію* и *на матерію*. Вышній опытъ знаетъ только матерію и ея перемѣны, какъ результаты дѣйствія силы. Физикъ, наприм., посредствомъ глаза узнаетъ объ электричествѣ изъ явленій свѣта (искры), а свѣтъ есть колебаніе или измѣненіе какой-то вещественной субстанціи. О теплотѣ онъ узнаетъ по увеличенію объема тѣла и формы тѣла, и по осязанію, которое опять воспроизводитъ извѣстныя движенія, колебанія, вибраціи молекулъ вещества, и т. д. Поэтому и всѣ попытки опредѣленія *сущности активной силы*, какъ источника или причины движеній, наукою — чрезъ вышній опытъ — были безуспѣшны и наука почти изгнала самое понятіе силы, замѣнивъ его терминомъ *энергіи*, обнимающимъ только *внѣшнія явленія силы*, т. е. *совокупность дѣйствій силъ* въ матерію и на матерію.

Все, что мы знаемъ о природѣ активной силы, мы беремъ изъ внутренняго опыта. Мы сами — активная сила, источникъ движеній, и чрезъ самосознаніе мы узнаемъ непосредственно сущность этой активной силы, какъ источника движенія, теплоты, жизни, сознанія.

Отсюда слѣдуетъ, что если эта активная сила *едина*, если движеніе, свѣтъ, теплота, электричество, магнетизмъ, жизнь, сознаніе — *только модификаціи* развивающейся активной силы, какъ это думаютъ современные естествоиспытатели-эволюционисты, то мы въ правѣ *въ опредѣленіе ея природы или сущности внести все то, что находимъ въ своемъ самосознаніи, въ качествахъ проявленій этой активной силы*.

Вотъ тутъ-то намъ и важны современныя ученія естествознанія о законахъ отношенія, видоизмѣненія или превращенія и развитія силъ, какъ *неизвѣстныхъ причинъ* видимыхъ явленій силы или «энергій» ея.

Если всѣ активныя силы природы суть модификаціи одной силы, если органическія силы суть модификаціи неорганическихъ, если жизнь есть, такимъ образомъ, модификація той же силы, которая порождаетъ электричество и магнетизмъ, если сознаніе есть болѣе высокая ступень развитія силы жизни, а самосознаніе — вышій продуктъ развитія сознанія, то ясно, что всякая активная сила есть нѣчто духовное. Чтобы сила

могла развиться до сознанія и самосознанія, она должна уже заключать въ себѣ съ самого начала сѣмена сознанія, способность *стать сознаниемъ*. А между тѣмъ вся теорія превращенія и единства активныхъ силъ въ физикѣ, вся теорія развитія органическаго міра въ биологій основаны на безмолвномъ допущеніи, что сила есть *источникъ* жизни, слѣдовательно и сознанія — *сама жизнь* на различныхъ ступеняхъ развитія.

Не даромъ ни одинъ художникъ, философъ и даже ученый не въ состояніи отдѣлаться отъ того естественнаго и вполне законнаго представленія, что вся природа въ известномъ смыслѣ *живетъ*. Не даромъ мы встрѣчаемъ такое оригинальное совпаденіе, что древній греческій философъ VII в. до Р. X. — родоначальникъ греческой философіи, Фалесъ, говорилъ, что магнитъ имѣетъ душу, и философъ XIX ст., самый послѣдній глубокой философъ нашего времени, Шопенгауэръ, утверждалъ столь-же серьезно, что магнитъ имѣетъ волю.

Физикъ можетъ быть назоветъ Шопенгауэра фантастомъ, но что мыслить самъ физикъ въ понятіи *притяженія*? Знаменитый физикъ прошлаго столѣтія *Воэригъ*, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ своего вѣка, какъ о немъ выражается Ланге, почти возвратился къ тому опредѣленію силы притяженія, которое мы встрѣчаемъ еще въ V в. до Р. Xр. въ ученіи Эмпедокла въ понятіи *любви*, какъ причины соединенія вещей, почему и опредѣлялъ притяженіе, какъ *стремленіе къ соединенію* элементовъ въ природѣ. И психологъ можетъ утверждать съ полною увѣренностью, что и всякій современный физикъ въ понятіе о притяженіи тѣмъ вкладываетъ, хотя бы и безсознательно, свое субъективное, внутреннее ощущеніе *влеченія* къ вещамъ. И если онъ вычтетъ эту субъективную индукцію изъ своего понятія о притяженіи, то не останется ничего, кромѣ непонятнаго явленія движеній предметовъ по направленію другъ къ другу.

Поэтому, повторяемъ еще разъ, сущность силы намъ можетъ быть известна только *изнутри*, а не извнѣ — прежде всего въ опытахъ *мышьнаго чувства напряженія*, какъ источника нашихъ движеній, далѣе въ сознаніи *явленій жизни*, наконецъ въ сознаніи *явленій мысли, воли, чувства*. И если мы хоть разъ въ жизни испытали высшіе порывы вдохновенія и творчества въ процессѣ исканія истины, энтузіазмъ самоотверженнаго стремленія къ добру, высшіе эстетическіе порывы къ

прекрасному и безконечному, то мы поймемъ, какъ высока природа силы, какъ источника этихъ явленій мысли, воли и чувства.

Вопросъ только въ томъ, гдѣ находятся всѣ эти способности силы въ нисшихъ проявленіяхъ ея въ природѣ, когда она оказывается причиною повидимому *только* однихъ явленій движенія, теплоты, электричества?

Физики и физиологи думали, что они говорятъ очень много, если говорятъ, что сила, вслѣдствіе развитія, даетъ явленія жизни и сознанія. Матеріалисты думали, что говорятъ очень много, утверждая, что душа, какъ источникъ сознанія и самосознанія, есть особый фазисъ существованія физической силы, т. е. что душа есть сила въ ихъ матеріалистическомъ смыслѣ. Они воображали, что они гораздо лучше знаютъ силу, чѣмъ душу. А такъ какъ формулы знанія обыкновенно получаютъ чрезъ опредѣленіе неизвѣстнаго извѣстнымъ, то опредѣленіе души, какъ трансформация физической силы, казалось глубокимъ откровеніемъ.

Но мы видѣли, что идея активной «физической» силы есть *фикція*, что наукѣ извѣстны только «физическія проявленія» силы или дѣйствія силы на вещество. Самая-же сила познается изнутри, а такъ какъ то, что познается человѣкомъ изнутри, при высшемъ развитіи сознанія, есть *совокупность чисто духовныхъ явленій*, то не въ правѣ-ли мы, въ противоположность матеріалистамъ, сказать: не духъ есть сила, а *сила есть духъ* и прежде всего для насъ сила есть *наша собственная душа* со всѣми ея духовными состояніями. Отъ этой души путемъ субъективной индукціи мы восходимъ до идеи «духа», какъ выраженія, опредѣляющаго силу природы, силу вселенной. *Извѣстнымъ*, подъ угломъ зрѣнія нашей теоріи познанія, оказывается не сила, а духъ, *неизвѣстнымъ-же*, искомъ—сила. Такъ будемъ-же опредѣлять *неизвѣстное посредствомъ извѣстнаго* ¹⁾.

¹⁾ Намъ весьма пріятно отнѣтитъ здѣсь истати тотъ фактъ, что и сами натуралисты, а именно физиологи, начинаютъ сознать ту роль, какую можетъ имѣть внутреннее наблюденіе въ опредѣленія сущности силъ. Уже послѣ написанія всего этого рассужденія, намъ была доставлена только-что вышедшая въ Лейпцигѣ брошюра базельскаго профессора «физиологій Бунге «Витализмъ и Механизмъ», въ которой, на основаніи наблюденій надъ

Но если сила есть духъ, то гдѣ-же — повторимъ свой вопросъ — находится этотъ духъ, эта совокупность духовныхъ свойствъ активной силы, въ низшихъ формахъ существованія силы?

На этотъ вопросъ намъ отвѣтять законъ сохранения энергій, теорія *напряженныхъ и свободныхъ силъ*.

Если душа есть модификація другихъ активныхъ силъ природы — мы опять становимся на точку зрѣнія эволюціонистовъ — то, подобно всѣмъ активнымъ силамъ природы, она должна быть способна *находиться въ состояннн напряженномъ, скрытомъ, латентномъ*.

Можетъ-ли психическая сила находиться въ такомъ скрытомъ, напряженномъ состояннн?

А ежедневное и всѣмъ знакомое *явленіе сна*? Гдѣ, во снѣ, находится сила сознанія, если она не продолжаетъ существовать въ скрытомъ, напряженномъ состояннн?

А явленіе духовнаго развитія или развитія духовныхъ силъ каждаго человѣка, а въ особенности *таланта и гения*? Гдѣ были духовныя силы Ньютона, Гёте, Канта, когда имъ было нѣсколько дней, недѣль, мѣсяцевъ отъ роду? Если мы не предположимъ такую нелѣпость, что эти силы вопли въ нихъ послѣ, извнѣ, то должны предположить, что онѣ въ годовой «силѣ жизни» Ньютона или Гёте находились въ напряженномъ, латентномъ состояннн.

живнню различныхъ низшихъ организмовъ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «*In der Activität — da steckt das Räthsel des Lebens drin. Den Begriff der Activität aber haben wir nicht aus der Sinneswahrnehmung geschöpft, sondern aus der Selbstbeobachtung (12); In der kleinsten Zelle da stecken schon alle Räthsel des Lebens drin (17); Dass die physiologische Forschung mit dem complicirtesten Organismus, dem menschlichen beginnt, rechtfertigt sich aus dem Grunde, dass der menschliche Organismus der einzige ist, bei dessen Erforschung wir nicht bloss auf unsere (äusseren) Sinne angewiesen sind, — in dessen innerstes Wesen wir gleichzeitig noch von einer anderen Seite her eindringen — durch die Selbstbeobachtung, den inneren Sinn, um der von aussen vordringenden Physik die Hand zu reichen (18)* и т. к. Вотъ эту то задачу «поданія руки помощи» эвѣнкѣ, на основаннн двѣныхъ самонаблюденія, мы и пытались здѣсь выполнить въ своемъ ученнн о силѣ-духѣ. Соответствующее ему нарождающееся направленнн естествознаннн получило уже особое названнн «невитализма».

А явленіе развитія видовъ? Если такое развитіе было, то гдѣ находилась сила сознанія и самосознанія человѣка, когда онъ еще не былъ человѣкомъ?

Такимъ образомъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что сила сознанія, духовная сила вообще, *можетъ находиться въ латентномъ, напряженномъ состояніи*. Инстинктъ есть ничто иное, какъ сила интеллекта «въ напряженномъ состояніи», если предположить, что инстинктъ есть ступень къ интеллекту.

Но если сила сознанія, мысли, воли, вообще духовная сила можетъ находиться въ напряженномъ состояніи, то очевидно, что она можетъ находиться въ напряженномъ состояніи и въ той силѣ, которая производитъ электричество, теплоту, магнетизмъ, т. е. что всякая *активная сила* должна быть *духомъ*, въ болѣе или менѣе напряженномъ или «свободномъ» состояніи.

Между тѣмъ гипотеза различныхъ ступеней свободы силы равносильна гипотезѣ различныхъ ступеней «стѣсненія, связыванія, подчиненія». Чему-же подчиняется, чѣмъ можетъ быть стѣсняема въ своемъ развитіи, отъ чего должна освободиться сила — духъ, чтобы становиться все болѣе и болѣе свободной?

Нѣтъ свободы безъ рабства, нѣтъ рабства безъ господина, нѣтъ освобожденія безъ гнета. Гдѣ-же господинъ, что связываетъ и гнететъ силу-духъ, держитъ ее въ оковахъ, заставляетъ ее бороться изъ за освобожденія?

Инстинктъ отвѣтитъ всякому: господинъ этотъ есть никто иной, какъ матерія — та самая матерія, въ которую вѣчно вѣрило человѣчество и которую признавали *сущимъ*, т. е. существующимъ фактомъ, даже тѣ философы, которые считали ее «не-сущимъ» (μὴ ὄν Πλάтона).

Эта матерія есть *объектъ нашего вѣдѣнія по опыту*. Отвергнуть матерію значитъ отвергнуть вѣдѣніе — ощущенія зрительныя, слуховыя, осязательныя, вкусовыя, обонятельныя¹⁾. Но кто-же теперь на это рѣшится? Матерія есть, — это

¹⁾ Имъ ощущаются, конечно, не самыя живыя силы природы, а какъ имъ видѣли проявленія этихъ силъ въ «чемъ-то», измѣненія подъ вліяніемъ ихъ «чего-то».

несомнѣнно, но во 1) можетъ быть мы не можемъ знать, что она такое есть на самомъ дѣлѣ, во 2) можетъ быть правы физики, считающіе возможнымъ разложить матерію на силы, въ 3) можетъ быть матерія есть только обратная сторона силы-духа, а не самостоятельное начало ?

Утвердительное рѣшеніе *перваго* вопроса исключается нашимъ критеріемъ истиннаго знанія, ибо утвержденіе о непознаваемости матеріи есть лишь частный выводъ изъ теоріи «непознаваемости сущностей или началъ вещей», которую мы отвергли. Если идея сущности получается чрезъ синтезъ и обобщеніе представленій о явленіяхъ, то допустить непознаваемость матеріи можно было-бы лишь одновременно съ допущеніемъ непознаваемости силы-духа и иллюзорности всѣхъ нашихъ идей, какъ выразительницъ законовъ и началъ истиннаго бытія вещей, а это невозможно съ точки зрѣнія установленнаго нами критерія истины (ст. Гл. IX).

Поэтому для насъ болѣе опасными представляются только два другія предположенія, а именно, что возможно сведеніе всей матеріи на активныя силы и что матерія можетъ оказаться лишь обратной стороны силы-духа, такъ какъ тогда оказалось-бы въ основѣ всѣхъ вещей лишь одно начало — матерія-сила-духъ или, что то-же, матерія-духъ или матерія-сила, какъ утверждаютъ пантеисты матеріалистическаго толка или пантеисты-монисты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что эти два предположенія такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что признаніе или опроверженіе одного было-бы одновременно признаніемъ или опроверженіемъ другого. Если есть только одна сила и матерія есть та-же сила, что и сила-духъ, то тогда конечно это двѣ стороны одной силы, находящіяся въ прямой зависимости другъ отъ друга. Но если есть въ природѣ двѣ противоположныя силы, которыя находятся въ вѣчной борьбѣ и антагонизмѣ, то второе предположеніе уже не имѣло-бы смысла. Другими словами, намъ нужно доказать фактъ противоположности и антагонизма двухъ силъ въ природѣ и тогда дуализмъ матеріи и духа во вселенной будетъ доказанъ.

Эту задачу мы и попытаемся выполнить въ слѣдующей главѣ.

XI.

Двойственная основа вещей и отношеніе двухъ началъ.

Ланге въ своей «Исторіи матеріализма» говоритъ слѣдующее, по поводу попытокъ физиковъ свести матерію къ силамъ:

«Прогрессъ наукъ привелъ насъ къ тому, чтобы все болѣе и болѣе ставить силы на мѣсто веществъ и что возрастающая точность изученія все болѣе и болѣе разрѣшаетъ вещество въ силы. Оба эти понятія повтому не стоятъ просто рядомъ какъ отвлеченія, но одно посредствомъ отвлеченія и изслѣдованія разрѣшается въ другое, — такъ однако, что *всегда остается еще остатокъ*. Если мы отвлечемъ мысленно отъ *метеорита камя* его движеніе, то для нашего разсматриванія остается то тѣло, которое двигалось. Я могу отнять у него форму превращеніемъ силы сдѣянія его частей: тогда я имѣю еще вещество. Я могу разложить это вещество на элементы, дѣйствуя силою противъ силы. Наконецъ, я могу и элементарныя вещества разложить мысленно на атомы; тогда эти атомы суть вещество, а все другое есть сила. Если мы теперь съ Амперомъ и разрѣшимъ атомъ въ одну *точку* безъ протяженія и въ силы, которыя группируются вокругъ нея, то веществомъ должна быть эта точка—«ничто». Если я въ отвлеченіи не захожу такъ далеко, то для меня извѣстное цѣлое все еще есть вещество, тогда какъ въ другомъ отношеніи оно представляется мнѣ соединеніемъ вещественныхъ частей посредствомъ безчисленныхъ силъ. Однимъ словомъ: *непонятый или непонятный остатокъ нашего анализа есть вещество, какъ бы далеко мы ни ушли впередъ . . .*» (II, стр. 186).

«Какъ бы далеко мы ни ушли впередъ». Да! объяснить концентраціей силъ, существованіе которыхъ дано *только во времени*, вещество, которое дано *въ пространство*, т. е. *протяженно*, дѣйствительно трудно. Если физика выведетъ явленіе протяженности изъ явленія продолжительности, идею пространства изъ идеи времени, то тогда мы согласимся отождествить природу матеріи и активной силы-духа.

Еще Кантъ призналъ *пространство* — формою чувственного воспріятія въ области *внѣшняго* опыта, *время* — формою

чувственнаго воспріятія въ области *внутреннюю* опыта. Съ точки зрѣнія нашего критерія истины, пространство и время суть не только *формы нашей* воспріятія, но и *формы существованія вещей* во вселенной, если только замѣнить субъективную идею познаванія объективной идеей бытія (см. глава IX).

Какъ бы то ни было, еще никому никогда не удавалось вывести идею протяженности, безъ остатка, изъ идеи послѣдовательности.

Мы ничего не имѣемъ противъ сведенія матеріи къ силѣ, но сила - матерія будетъ чѣмъ-то *совершенно отличнымъ* отъ силы-духа.

Мы не даромъ говорили выше о силѣ-духѣ, какъ объ *активной* силѣ. Есть еще другія силы въ природѣ — силы *пассивныя*, *силы сопротивленія*. Если какой-либо физикъ попытается вывести всѣ качества матеріи, начиная съ основнаго ея качества — протяженности, изъ идеи силы сопротивленія, то мы ничего противъ этого не будемъ имѣть. Дѣло въ томъ, что уже въ своемъ субъективномъ опытѣ мы находимъ отрицательную идею сопротивленія, препятствія, отталкиванія.

На пути развитія нашей духовной силы стоятъ безпрестанно препятствія и мы отрицательно сознаемъ ихъ, какъ таковыя. Наше тѣло, наша плоть, нашъ организмъ, какъ среда дѣйствія нашей активной силы-духа, для воѣхъ философовъ, моралистовъ, богослововъ съ той или другой точки зрѣнія, въ той или другой степени и смыслѣ, представлялась всегда, совершенно справедливо, препятствіемъ развитію силы духа и воплощеніемъ силъ сопротивленія природы, — отчего тѣло и признавалось многочисленными философами «темницей души» (въ древности Пифагорейцами, Сократомъ, Платономъ и др.). Человѣкъ, не испытывавшій стѣсненій для развитія и дѣйствія своей мысли въ истощеніи и слабости, въ несовершенствѣ и неприспособленности, вообще въ той или другой формѣ *сопротивленія* организма, вѣроятно никогда серьезно не мыслилъ и сознательно не развивался. Материалистическое положеніе, что сила дѣйствія мысли зависитъ отъ величины и степени развитія мозга, равносильно положенію, что малая величина и малое развитіе или приспособленность мозга — источникъ сопротивленія въ душевной дѣятельности живого суще-

ства. А что такое *малое развитіе* мозга, какъ не высшая степень «матеріальности», т. е. грубой нераздѣльности его элементовъ, что такое *малая величина* мозга, какъ не выраженіе *преобладающей* величины другихъ, болѣе матеріальныхъ, болѣе сильныхъ сопротивленіемъ и менѣе тонкихъ по структурѣ частей организма — мускульныхъ, жировыхъ и костяныхъ тканей.

Среди душевныхъ состояній нашихъ есть не мало такихъ, которыя являются выраженіемъ преобладанія матеріи надъ сознаниемъ — страсти, аффекты, чувственные влеченія, и кто не знаетъ, какъ всѣ эти состоянія — продуктъ сопротивленія матеріи, т. е. нашего тѣла, — препятствуютъ развитію свободныхъ, активныхъ силъ духа, высшему развитію и высшимъ формамъ духовной дѣятельности въ человѣкѣ — мышленію, возвышеннымъ чувствамъ и идеальнымъ стремленіямъ. Даже пословицы и поговорки отиѣтили этотъ антагонизмъ и всякій человѣкъ сознаетъ ихъ правдивость.

Весь вопросъ въ томъ, возможно ли оправдать этотъ контрастъ съ точки зрѣнія физическихъ теорій. Мы думаемъ, что въ ученіяхъ естествознанія можно найти цѣлый рядъ понятій и воззрѣній, безъ которыхъ ни одно физическое объясненіе природы немислимо и которыя отражаютъ различныя стороны означеннаго контраста.

Не станемъ говорить о томъ, что даже сами физики часто признаютъ контрастъ *активныхъ* и *пассивныхъ* силъ и въ понятіяхъ *дѣйствія* и *противодѣйствія* выражаютъ ихъ взаимное отношеніе. Обратимъ вниманіе на болѣе конкретное противоположеніе — *силы притяженія* и *силы отталкиванія*. Свести одну къ другой никому не удалось, да это и невозможно. Конечно такъ-называемыя силы притяженія и отталкиванія суть не самомъ дѣлѣ не силы, а явленія силы. Но уже одни эти противоположныя явленія указываютъ на реальную противоположность двухъ силъ въ природѣ, изъ которыхъ одна является активной, созидающею, другая — пассивною, разрушающею.

Есть еще ученіе, въ области физики, чрезвычайно важное съ нашей точки зрѣнія — это ученіе объ *инерціи*. Законъ инерціи выражается двояко, какъ законъ *непрерывнаго покоя*, если его не нарушитъ сила, вызывающая движеніе, и какъ законъ *непрерывнаго движенія*, если его не остановитъ сопротивленіе.

Если бы мы имѣли одну активную силу во вселенной, то всякое *движеніе* было бы непрерывно, вѣчно. Явленіе покоя не объяснимо при предположеніи существованія одной только активной силы. Оно есть символъ или форма существованія другой силы, которая и является источникомъ сопротивленія силѣ движенія, активной силѣ. Чтобы движеніе перешло въ покой необходимо сопротивленіе, а для этого должно существовать начало или источникъ сопротивленія—другая сила, сила-матерія. Пусть-же матерія будетъ признана силой, но силой *пассивной*, источникомъ покоя. Изъ такой силы можно вывести безъ всякаго остатка идею протяженности и, пожалуй, самую идею пространства. Ея идея оправдываетъ также значеніе понятія *физическихъ силъ* въ природѣ, хотя физическими окажутся вовсе не тѣ силы, которыя наука считала таковыми, а другія, имѣя противоположныя, — тѣ силы, которыя вызываютъ не движеніе, а покой, не явленіе теплоты, а явленіе охлажденія, не явленіе притяженія, а явленіе отталкиванія, не явленіе жизни, а явленіе смерти и разрушенія. А вѣдь эти явленія одинаково реальны!

Но пожалуй намъ скажутъ, что явленія сопротивленія, покоя, и движенія можно вывести изъ идеи двухъ однородныхъ, противоположныхъ и сталкивающихся движеній или изъ идеи коллизіи двухъ элементовъ *одной и той-же активной силы*. Однако это было-бы наивно: во первыхъ, откуда явится *два* такихъ различныхъ элемента въ предѣлахъ *одной* силы, гдѣ источникъ и причина ихъ дифференціаціи, какъ не въ дѣйствіи другой силы? Во вторыхъ, какъ и гдѣ они могутъ встрѣтиться, если мы отвергнемъ пространство, какъ среду дѣйствія силъ? Въ третьихъ, почему *два чистыя* силы, если-бы онѣ и были возможны, встрѣтившись другъ съ другомъ, не могли-бы продолжать далѣе своего движенія *безпрепятственно* и *безостановочно*? Въ силу сопротивленія? Но откуда оно явится? Въ активныхъ силахъ его не можетъ быть, ибо онѣ — источники движенія. Если-же мы предположимъ ихъ матеріальное воплощеніе и ему припишемъ причину сопротивленія, то мы уже выйдемъ за предѣлы понятія активной силы въ область понятія силы пассивной или матеріи-силы. Такимъ образомъ, *только изъ идеи матеріи* можно вывести феноменъ сопротивленія и, какъ результатъ его, феноменъ покоя, остановки дви-

женія. И если матерія разложима на силы, то только на особыя силы — силы сопротивленія.

Вообще, если-бы физика предположила существованіе одной только силы въ природѣ, то она не въ состояніи была-бы объяснить разнообразія явленій и превращеній этой силы. Единное не можетъ дифференцироваться, варіироваться, видоизмѣняться, если что-нибудь другое не дѣйствуетъ на него и не вызываетъ его перемѣнъ. Перемѣна есть дѣйствіе; дѣйствіе предполагаетъ причину, причина должна лежать внѣ того, что испытываетъ дѣйствіе. Поэтому всякое дѣйствіе есть одинъ изъ моментовъ *взаимодѣйствія*, а взаимодѣйствіе предполагаетъ *два* взаимодействующихъ элемента или фактора.

Если-бы мы изъ науки «о явленіяхъ силы» (физики) перешли въ область науки о веществахъ или тѣлахъ — въ область химіи, то другимъ путемъ пришли-бы къ тому-же выводу. Если химія будетъ сводить одни элементы къ другимъ и уменьшать постоянно ихъ число, то всетаки теоретически мыслимъ только одинъ изъ слѣдующихъ результатовъ: или она сведетъ всѣ элементы къ *двумъ* (напр. кислороду и водороду), изъ которыхъ составлены, вслѣдствіе количественныхъ варіацій, всѣ остальные, или, если она сведетъ всѣ элементы къ *одному*, то окажется необходимымъ предположить еще силу, которая его дифференцировала, путемъ сгущенія и разрѣженія его молекулъ. Пусть далѣе этотъ элементъ окажется только совокупностью однородныхъ силъ. Тогда, всетаки, вромѣ этого элемента-силы надо допустить существованіе другой силы, которая его дифференцировала. Вообще, множество нельзя вывести изъ единства, если не предположить въ немъ самомъ двойственности и вообще двойственности и антагонизма въ природѣ.

Для философа все равно, сведеть-ли естествознаніе *путемъ эмпиричнаго опыта* все существующее къ двумъ противоположнымъ силамъ или двумъ противоположнымъ элементамъ или веществамъ, или къ одной силѣ и одному элементу. Во всякомъ случаѣ должно получиться *два начала*, и одно изъ этихъ началъ, содержа въ себѣ возможность стать сознаніемъ, будетъ признано ео ipso духовнымъ началомъ — *силой-духомъ* или *субстанціей души* (въ родѣ Анаксагоровской тончайшей матеріи или тончайшихъ и круглыхъ атомовъ Демокрита или «платой субстанціи» Тертуліана и т. д.), — началомъ активности. Другое

же начало—матерія-сила или матеріальная субстанція, элементъ матеріальности—будеть признано началомъ пассивнымъ, источникомъ покоя и сопротивленія.

Если мы теперь изъ міра механическихъ отношеній и явленій перейдемъ въ міръ явленій и отношеній биологическихъ, то легко откроемъ тотъ-же контрастъ.

Жизнь есть явленіе, аналогичное движенію. Жизнь не могла-бы прекратиться, если-бы движеніе жизни не встрѣчало сопротивленій. Продуктъ этихъ сопротивленій, источникъ которыхъ лежитъ въ матеріи, въ пассивныхъ силахъ природы, есть смерть — своего рода *явленіе покоя*, остановки движенія. Смерть не было-бы возможно объяснить, при предположеніи сводимости всѣхъ силъ къ одной активной силѣ.

Такимъ-же точно образомъ *сонъ* есть явленіе аналогичное покою и объяснимое только изъ того-же антогонизма силъ активныхъ и пассивныхъ, какъ явленіе *временной побѣды* этихъ послѣднихъ. Сонъ тоже есть продуктъ силъ сопротивленія, силъ матеріальныхъ. Не даромъ принято думать, что сонъ есть временная остановка *животной* жизни, для цѣлей *растительной*.

Этотъ контрастъ животной и растительной жизни въ биологіи — контрастъ *обмѣна веществъ* и *обмѣна силъ*, какъ мы когда-то называли эти процессы (Психологія чувствованій. СП. 1880),—есть выраженіе того-же контраста явленій или дѣйствій пассивной и активной силы.

Въ организмѣ есть даже *мускулы* двоякаго порядка, движущіе и задерживающіе движеніе — представители силъ движенія и силъ сопротивленія или покоя.

Наконецъ, биологическій принципъ *борьбы за существованіе* предполагаетъ тотъ-же контрастъ силъ въ природѣ. Дарвинъ ввелъ эту идею борьбы за существованіе въ биологію и этимъ, оказалъ услугу конечно спиритуалистамъ, а вовсе не матеріалистамъ. Впрочемъ, ранѣе Дарвина, эта идея, какъ извѣстно, была введена въ политическую экономію (теорія Мальтуса) откуда Дарвинъ и взялъ ее. Еще ранѣе Гоббесъ основывалъ на ней свою теорію развитія общества и свою мораль (*bellum omnium contra omnes*). А за много вѣковъ ранѣе, въ VI в. до Р. Х., Гераллитъ признавалъ борьбу «отцомъ или началомъ всего» (*πρόλεμος πατήρ πάντων*).

Гераниль былъ правъ, такъ какъ безъ борьбы непонятенъ процессъ развитія міра. Прогрессъ есть борьба съ регрессомъ, свобода—борьба съ рабствомъ, жизнь—борьба со смертью и т. д.

Теперь спрашиваемъ — была ли бы возможна борьба въ природѣ, при существованіи *одного начала*?

Если борются организмы различныхъ видовъ или того-же вида другъ съ другомъ, въ смыслѣ Дарвина, — если одни побѣждаютъ, а другіе бываютъ побѣждаемы, то гдѣ причина этого явленія? Дарвинъ отвѣчаетъ: одни сильнѣе другихъ. Но значить, сила можетъ быть больше или меньше. Какая-же сила? Достаточно самаго поверхностнаго наблюденія надъ явленіемъ борьбы организмовъ, чтобы видѣть, что одни побѣждаютъ *активной* своей силой, другіе *пассивной*, т. е. силой сопротивленія. Одни *одолеваютъ*, другіе *выдерживаютъ*. Всякій знаетъ также, что одолеваютъ существа высшаго духовнаго развитія, выдерживаютъ борьбу существа нисшаго духовнаго развитія, обладающія большою силой матеріальной, силой сопротивленія.

Такимъ образомъ, существованіе двухъ началъ въ природѣ — *силы-духа* и *матеріи-силы*, активной и пассивной силы, едва-ли можетъ быть предметомъ дальнѣйшихъ сомнѣній. Повторимъ опять, что въ великомъ законѣ *сохраненія энергии* и вытекающей изъ него доктринѣ *напряженныхъ* и *свободныхъ* силъ природы лежитъ, помимо всѣхъ прочихъ доказательствъ, основаніе для противуположенія двоякаго рода силъ. Освобожденіе должно быть отъ чего-нибудь, напряженіе тоже должно имѣть свою причину—напряженіе активныхъ силъ есть продуктъ ихъ связыванія пассивными. Въ свою очередь и пассивныя силы существуютъ въ двоякомъ состояніи. Еще Аристотель выразилъ идеи напряженнаго и свободнаго, скрытаго и явнаго состоянія всѣхъ активныхъ силъ природы въ понятіяхъ *δύναμις* и *ἐνέργεια*. Если-же онъ отождествлялъ понятіе матеріи съ понятіемъ *δύναμις*, съ идеєю возможности или напряженности, то это отчасти правильно, ибо пассивныя силы являются причиной напряженнаго, связаннаго состоянія активныхъ силъ. Для активныхъ силъ естественное состояніе есть состояніе дѣйствія, состояніе свободы. Напряженное ихъ состояніе есть продуктъ противодѣйствія пассивныхъ силъ. Для пассивныхъ силъ, наоборотъ, состояніе покоя, напряженности, есть естественное состояніе, отрицательное-же

дѣйствіе ихъ (сопротивленіе или противодѣйствіе) есть продуктъ воздѣйствія активныхъ силъ.

Остается признать, что активныя силы—это формы силы-духа, что мы уже старались выше доказать, а пассивныя — формы матеріи-силы, что само собою вытекаетъ изъ противоположенія силы-духа другой силѣ, ей противодѣйствующей. Познаніе этой силы въ ея природѣ столь-же возможно для насъ, какъ и первой силы, если вѣренъ нашъ критерій истиннаго знанія. Идея матеріи есть естественный и совершенно законный синтезъ и обобщеніе нашихъ вѣдшихъ ощущеній, если мы признаемъ, какъ это было сдѣлано выше, что ощущенія не только субъективны, но и объективны, т. е. суть выраженія объективныхъ явленій.

За всѣмъ тѣмъ остается конечно всетаки вопросъ, не суть-ли двѣ противоположныя и вѣчно-борящіяся силы, реальное существованіе которыхъ въ природѣ мы познали, — матерія-сила и сила-духъ -- въ концѣ концовъ продуктъ *дифференціаціи* или поляризаціи одной *конечной высшей силы* ¹⁾? Такое предположеніе мы должны допустить въ той мѣрѣ, въ какой, по свойствамъ нашего ума *все существующее* должно имѣть *одно общее начало, одну первооснову*.

Но эту первооснову мы конкретно представить себѣ не въ состояніи. Мы сами — *продуктъ дифференціаціи*, мы сами уже одно изъ явленій этой *дифференцированной первоосновы*. Переходя мысленно за предѣлы дифференцированныхъ силъ—матеріи-силы и силы-духа, мы какъ уже сказали, попадаемъ въ область *постулатовъ* и *абсолютовъ*, т. е. въ область чистой метафизики. Теоретически и отвлеченно мы въ состояніи помыслить такую абсолютную первооснову всего существующаго, какъ еще не дифференцированное сочетаніе или единство противоположностей. Богѣ того, если мы отвергнемъ гипотезу такой первоосновы, которая для насъ есть Богъ, какъ начало и источникъ всего существующаго, то весь міровой процессъ представится намъ абсолютно непонятнымъ, ибо по свойствамъ своего ума мы можемъ вывести и объяснить двойственное

¹⁾ Эту идею очень глубоко и талантливо проводить въ своемъ капитальномъ трудѣ «Позитивная философія и сверхчувственное бытіе», СП. 1875, епископъ Никаноръ.

только изъ единства, которое дифференцируется. Но при всемъ томъ конкретно представить себѣ это конечное единство, это сосуществованіе противоположностей, мы не въ состояніи. Это уже выше мѣры нашего ума — тутъ мы вступаемъ фактически въ область *спры* и *мълнія*. Все попытки созданія конкретного представленія о способѣ существованія абсолюта давали въ результатѣ метафизику въ дурномъ смыслѣ этого слова и оказывались неудачными. Въ силу признаннаго нами выше критерія истины, мы можемъ познать конкретно только тождественное намъ, т. е. дифференцированное, и самую интеграцію или объединеніе, только какъ гармонію уже дифференцированнаго, — тогда какъ недифференцированное, т. е. чистое единство, заключающее въ себѣ возможность двойственности и множественности, мы конкретно постигнуть не въ состояніи, ибо сами являемся, какъ индивидуумъ, только воплощеніемъ «интеграціи дифференцированнаго». Вотъ тутъ-то и проявляется настоящая ограниченность нашего ума и нашихъ силъ познанія: мы можемъ постигнуть чрезъ себя природу *живой вселенной*, какъ реального факта, но не можемъ наглядно постигнуть природу ея первоосновы, ея первоисточника. Идея его, хотя и неизбѣжная, останется навсегда теоретической, отвлеченной идеей — *постулатомъ* нашего ума.

Подводя итоги всему сказанному, мы приходимъ къ выводу, что выставленный нами критерій истиннаго знанія даетъ намъ возможность познать *чрезъ себя*, при посредствѣ *двойкаго опыта*, *внѣшняго и внутренняго*, два начала вещей — *силу - духъ* и *материю-силу*, противоположныя другъ другу и постоянно борящіяся другъ съ другомъ. Процессъ развитія силы-духа, т. е. процессъ освобожденія ея, переходъ изъ напряженнаго состоянія въ дѣятельное, есть процессъ порабоженія ей матеріи-силы, которая понуждается служить ей цѣлямъ. И на оборотъ: процессъ торжества и побѣды матеріи-силы или силы сопротивленія есть въ то-же время процессъ порабоженія, или закрѣпленія силы-духа, перехода ея изъ дѣятельнаго состоянія въ напряженное.

Дуализмъ нами восстановленъ — не знаемъ, достаточно ли убѣдительно. Во всякомъ случаѣ убѣдительность — дѣло времени, если только идея вѣрна.

Нашъ дуализмъ есть совершенно новая форма дуализма, какъ показываютъ самыя понятія *матери-силы* и *силы-духа*.

Этот дуализмъ есть въ то-же время *монодуализмъ*, какъ можно заключить изъ *общаго понятія силы*, объединяющаго понятія духа и матеріи. Можетъ быть въ идеѣ *чистой силы*, совмѣщающей начала покоя и движенія, духа и вещества и всѣхъ прочихъ контрастовъ, данныхъ въ дифференцированной дѣйствительности, и кроется разгадка идеи общаго начала, абсолюта Бога. Но своимъ ограниченнымъ умомъ постигнуть эту чистую силу мы не въ состояніи и *сущность реальнаго бытія ея* для насъ—*вѣчная тайна*. Предъ этой тайной, но *только предъ нею*, сознаетъ свое *безсиліе* и *ограниченность* нашъ *сильный умъ*, предъ нею умолкаетъ слово знанія, предъ нею смиряются гордость и самолюбивіе человѣка. Древніе философы-мистики (новоплатоніки) были правы, отказываясь даже *назвать* эту первооснову, ибо наши слова суть символы нашихъ идей, а идеи наши въ данномъ случаѣ чисто *отрицательныя*, составляющія собою именно только отрицаніе самой нашей ограниченности. Вотъ гдѣ истинные предѣлы знанія—только предъ лицомъ абсолюта, предъ тайною непостижимой природы Бога, а отнюдь не предъ законами бытія конкретно-данной, живой вселенной, которая вся есть воплощеніе «ограниченнаго» и подобіе насъ самихъ, вслѣдствіе чего и постиженіе ея законовъ и ея сущности есть только дѣло времени.

Но если такъ, то отчего люди сомнѣваются въ возможности постигнуть нравственные законы—законы «жизни» живой вселенной? Вѣдь нравственные законы суть законы естественныхъ отношеній нашихъ другъ другу и къ міру. Если другія «міровыя» отношенія для насъ постижимы, то очевидно столь-же постижимы и законы нравственныхъ отношеній.

На основахъ ученія о силѣ-духѣ и о самостоятельномъ методѣ познанія его природы чрезъ внутренней опытъ можно основать и новую мораль или, вѣрнѣе, возстановить добрую старую мораль. Это составитъ задачу другого нашего труда. Но указать на общія послѣдствія нашей дуалистической доктрины и на новые вопросы, изъ нея вытекающіе, мы считаемъ себя въ правѣ, и этимъ закончимъ на этотъ разъ нашъ анализъ.

ХІІ.

Заключеніе.

Представимъ себѣ слѣдующую картину. Во вселенной, какъ конкретно-данномъ фактѣ, есть *дѣя* силы—сила духа и матеріа-

сила. Эти двѣ силы борются и стремятся побѣдить другъ друга. Одна есть источникъ активности, жизни, сознанія, самосознанія, идеальности, другая—источникъ пассивности, смерти, безсознательности, матеріальности. Побѣда первой—освобожденіе ея изъ оковъ второй—есть основа свободы, прогресса, счастья, добра. Побѣда другой есть источникъ рабства, регресса, несчастія, зла. Могла ли первая сила быть вѣчно въ оковахъ матеріи? Конечно нѣтъ. Ея *естественное состояніе* есть состояніе *полной свободы*. Она вѣроятно произвольно подчинилась, отдалась, поработилась—для того, чтобы побѣдить другую силу, силу сопротивленія, рабства, покоя, т. е. начало смерти, зла, — ибо, если естественное состояніе ея есть состояніе свободы, то и рабство ея можетъ быть только продуктомъ «свободнаго выбора». Но если она первоначально свободна, то она—высшее воплощеніе сознательности, духовности, идеальности, т. е. высшее воплощеніе разума, добра, красоты. Она сказала себѣ, что она побѣдитъ противоположную силу. И вотъ, отдавши въ полное рабство ей *одну часть свою*, а не всю себя, ибо этого было-бы слишкомъ много, она начинаетъ бороться. Она передѣлываетъ матерію-силу, силу сопротивленія, приспособляетъ ее къ себѣ и въ этомъ процессѣ приспособленія освобождается. Мы опредѣлили когда-то *прогрессъ*, какъ «экономизацію силы и вытекающее отсюда увеличеніе свободныхъ силъ, на счетъ напряженныхъ». Если активная сила есть сила-духа, то смыслъ прогресса понятенъ. Прогрессъ есть порабощеніе и приспособленіе силы матеріи, въ видахъ освобожденія силы-духа. Цѣль прогресса—*полная переработка, полное приспособленіе матеріи къ потребностямъ освобожденной силы-духа. Свобода воли*—это опять усиливающееся освобожденіе силы-духа изъ подъ стѣсненій, налагаемыхъ на нее самой матеріей, это—торжество силы-духа, эмансипація сознанія личности изъ подъ гнета организма и среды.—*Добро*—это результатъ освобожденія силы-духа, торжество его идеальности, подчиненіе и порабощеніе силы-матеріи. *Альтруизмъ*, какъ орудіе достиженія добра, т. е. нравственныхъ цѣлей, есть стремленіе всѣхъ элементовъ силы-духа сплотиться во имя свободы, во имя побѣды надъ зломъ. *Эгоизмъ*—это форма противодействія, сопротивленія освобожденію силы-духа, это—торжество матеріальнаго надъ идеальнымъ, пассивнаго надъ активнымъ. Нашъ нравственный *долгъ* есть содѣйствіе освобожденію силы-духа

вселенной, хотя бы путем пожертвованія его индивидуальнаго проявленія въ насъ самихъ, т. е. самопожертвованія. *Красота* это воплощенная свобода, гармонизированная, въ видахъ свободы силы-духа, матерія, это—*видимое воплощеніе побѣды силы-духа надъ силой матеріи—полнота ея приспособленія въ потребностямъ свободной силы-духа...* И т. д.

Очевидно, что наша доктрина силы-духа могла-бы служить основой для переработки *всѣхъ нравственныхъ*, индивидуальных и социальных *идей и идеаловъ* человечества. Она оправдываетъ между прочимъ *телеологическій* взглядъ на природу и опровергаетъ доктрину пессимизма. Въ полномъ освобожденіи силы-духа, но не внѣ, а *въ самой матеріи*, путемъ ея приспособленія и подчиненія, — *цѣль бытія и развитія вселенной*. Пессимизмъ — только продуктъ временнаго и бессознательнаго разочарованія, вслѣдствіе *медленности и трудности* этого процесса «родовъ свободы силы - духа». Пессимизмъ — это иллюзія, порожденная въ духѣ временно одолевашей силой сопротивленія, матеріей-силой — это сознаніе *индивидуальной слабости* человека въ означенной *общей борьбѣ*, это — форма индивидуальной смерти и эгоизма, это — признаніе индивидуальнымъ духомъ того, что *онъ* побѣжденъ. Но побѣжденъ-ли этимъ духъ вселенной? Конечно также мало, какъ индивидуальной смертью побѣждена жизнь вселенной, — все развивающаяся, возрастающая, дифференцирующаяся. Пессимизмъ есть индивидуальное *настроеніе*, какъ мы когда-то доказывали, и «объективное обоснованіе» пессимизма невозможно въ той-же мѣрѣ, какъ доказательство того, что общая сумма жизни во вселенной не возрастаетъ, а убываетъ.

Итакъ, путемъ *внутренняго опыта*, прозрѣвающего сущность внутренняго начала вещей, *начала жизни и сознанія*, есть возможность оправданія не только идеи силы-духа, но и *всего идеальнаго* — высшихъ началъ нравственности, идеи добра, разумныхъ цѣлей вселенной.

Мы думаемъ также, что и вѣчная загадка человѣческаго бытія — загадка *будущей судьбы человека* можетъ быть вновь подвѣргнута обсужденію, съ точки зрѣнія доктрины силы-духа. Сила-духъ *неутожима* и можетъ только переходить изъ свободнаго состоянія въ напряженное. Но напряженное состояніе для нея можетъ быть только *временнымъ*. Конечное освобожденіе несомнѣнно. Духъ *долженъ быть бессмертенъ* и по всему вѣ-

въроятію именно въ человѣкѣ (на землѣ) онъ можетъ достигать безсмертія, т. е. окончательной побѣды надъ силою сопротивленія, которая его связывала въ остальной природѣ.

Обозрѣніе этихъ выводовъ изъ изложенной доктрины ставить предъ нами, конечно, и множество новыхъ задачъ. Главная задача—переработать на новыхъ началахъ, помощью *методовъ внутренней опыта* или *субъективной индукціи*, теорію нравственности, мораль. Этой задачѣ мы и надѣемся посвятить слѣдующій трудъ свой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	259—262
I. Важность вопроса и смыслъ философскаго его изслѣдованія	263—267
II. Можно-ли найти надлежащую постановку его въ современныхъ философскихъ системахъ Запада?	268—276
III. Основанія самостоятельнаго философскаго изслѣдованія вопроса о душѣ	276—282
IV. Историческій очеркъ ученій о душѣ	282—292
V. Критическая оцѣнка различныхъ ученій о душѣ и постановка вопроса	292—299
VI. Познаваема-ли для науки сущность силы?	299—305
VII. Выясненіе настоящаго значенія проблемы знанія.	305—311
VIII. Въ чемъ заключается критерій истиннаго знанія?	312—322
IX. Предѣлы истиннаго знанія и законнаго антропоморфизма въ знаніи.	322—333
X. Двойкій путь знанія и природа активной силы	333—341
XI. Двойственная основа вещей и отношеніе двухъ началъ.	342—351
XII. Заключеніе.	351—354

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Изданія Н. И. Зуева.

Весьма подробная, на двухъ большихъ листахъ, **КАРТА БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА** Н. И. Зуева (карта славянскихъ земель: *Болгаріи съ Румелией, Сербіи, Румыніи, Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Македоніи, Албаніи*, а также *Греческаго Королевства и Австро-Венріи*). Величина ея 18 вершк. въ длину и 15 вершк. въ ширину. Цѣна 1 р., а съ пересылкою во всѣ города 1 р. 10 к. Она заключаетъ въ себѣ до семи тысячъ надписей.

Вышли также въ свѣтъ *пять*, изящно гравированныхъ на мѣди картъ и отпечатанныхъ на роскошной веленовой бумагѣ, а именно:

1) Большая карта **Европейской Россіи** на огромномъ листѣ. Величина ея 22 вершка въ длину и до 17 вершк. въ ширину. На ней отмѣчены всѣ желѣзныя и др. дороги, а также пароходные рейсы. Между всѣми городами означены разстоянія; кромѣ того, въ особомъ рисункѣ, находятся высоты горъ. Цѣна 1 р. 50 к., а съ пересылкою во всѣ города 1 р. 60 к.

2) Большая карта **Азіятской Россіи**, весьма большого, подходящаго къ первой формата. Цѣна 1 р. 20 к., а съ пересылкою во всѣ города 1 р. 30 к.

3) Подробная карта **Царства Польскаго**. Цѣна 50 к., съ пересылкою 56 к.

4) Карта **Азіятской Россіи** малаго формата. Цѣна 50 к., а съ пересылкою 56 к.

5) Карта **Европейской Россіи** малаго формата. Цѣна 50 к., а съ пересылкою 56 к.

6) Оставшаяся въ небольшомъ количествѣ карта **Авганистана** и оазисовъ *Мервскаго, Ахаль-Текинскаго, Серахскаго* и проч. Цѣна 60 к., а съ пересылкою 66 к.

7) Книжка : Географическо-статистическія таблицы Россійской Имперіи по новѣйшему, т. е. послѣднему, ея раздѣленію. Эта книжка заключаетъ въ себѣ самыя точныя и подробныя указанія положенія мѣстностей при рѣкѣхъ ли, рѣчкѣхъ, озерѣхъ, балкѣхъ, оврагѣхъ, прудѣхъ.

Карты исполнены новымъ способомъ халко-гелиографюры и хромолитографированы разными цвѣтами.

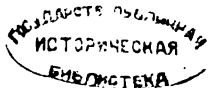
Лица отдаленныхъ отъ С.П.Б. областей и губерній, если пожелають имѣть карты наверхути на палку и зашитыми въ холстъ, благоволятъ прилагать отъ 1-й до 2-хъ картъ на 2 ф. вѣсовыхъ денегъ, а отъ 3 до 5 картъ на 3 ф., сообразно съ почт. вересылочною таксою по верстовымъ разстояніямъ. Карты имѣются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцамъ дѣлается общепринятая уступка.

Карты пяти частей свѣта, имѣющія выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, одинаковыя по формату и по цѣнѣ съ малой картой *Европейской Россіи* и малой картой *Азіатской Россіи*, продаются по 50 к., а съ пересылкой по 56 к.

Къ началу *второй трети 1886 юда* выйдетъ въ свѣтъ **Иллюстрированная географія Россійской Имперіи** *) съ 3 картами и множествомъ рисунковъ (до 200), изображающихъ типы народовъ Россіи, растенія и животныхъ, а также замѣчательныя виды городовъ. Цѣна 1 р. 75 к. съ прибавленіемъ пересылочныхъ денегъ на 2 ф.

Небольшія суммы, для удобства, можно высылать *почтовыми* (но не гербовыми) *марками* въ заказныхъ и даже простыхъ письмахъ. Письма съ требованіями адресуются въ *С.-Петербургъ* на имя *Н. И. Зуева*, по Пушкинской улицѣ, домъ графа Шувалова № 10, кв. 124.

*) Это новое 1886 г. изданіе не имѣетъ ничего общаго, какъ по внѣшности, такъ тѣмъ болѣе по внутреннему содержанію, со старымъ изданіемъ 1873 г. Она написана по послѣднимъ свѣдѣніямъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STAMPED
STUDY
CHARGE

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STAMPED
STUDY
CHARGE

Wiener Librar

3 2044 092 554 419